25
350
Г-72
Г3
Гос. архивы в России в XIX в.

Журналъ

Русская Историческая Библіотека.

№ 7.

2
ЯБ
350
Г72

ГОСУДАРСТВЕННЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ.

Сборникъ

подъ редакціей

Б. Базилевскаго

(В. Богучарскаго).

Томъ третій.

(Процессъ 193-хъ).

Складъ

БИБЛИОТЕКА Г.И.М.
№ 3229
18 II 1930 г.

...но-литография „Энерг

Государств. преступле-
ния в России в XIX в.
Сб. под ред. Базилевско
кн. 3

Предисловіе.

18 октября 1877 года въ Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената съ участіемъ сословныхъ представителей началось разбирательство дѣла о „революціонной пропагандѣ въ Имперіи“, болѣе извѣстнаго подъ именемъ „Большого процесса“ и „Процесса 193-хъ“. Это знаменитое дѣло окончилось лишь 23 января 1878 года, т. е. тянулось свыше четырехъ мѣсяцевъ. Подробнаго отчета о процессѣ 193-хъ не существуетъ, хотя **въ № 231 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1877 годъ** черными буквами на бѣлой бумагѣ напечатаны слѣдующія строки:

„Краткія свѣдѣнія о засѣданіяхъ особаго присутствія Правительствующаго Сената, по дѣлу о преступной пропагандѣ въ Имперіи, будутъ съ настоящаго времени постоянно печататься въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Къ опубликованію обвинительнаго акта будетъ приступлено по прочтеніи его въ засѣданіи особаго присутствія. **Подробный же стенографическій отчетъ объ этомъ обширномъ дѣлѣ, вслѣдствіе невозможности своевременнаго его опубликованія на газетныхъ столбцахъ, будетъ отпечатанъ особо**“.

Это, торжественно данное на страницахъ „Правительственнаго Вѣстника“, обѣщаніе не только никогда не было приведено въ исполненіе, но когда въ 1878 году нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ процессѣ и пригласившихъ на свой счетъ стенографовъ адвокатовъ, отпечатали также на собственный счетъ первую половину стенографическаго отчета о процессѣ, то книга эта была, **по постановленію комитета министровъ, сожжена.** (См. въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза мою статью: „цензурныя взысканія“).

По этой причинѣ о процессѣ 193-хъ намъ приходится дать здѣсь лишь крайне неполныя свѣдѣнія. Мы воспроизводимъ здѣсь полностью только обширный обвинительный актъ и приговоръ. Что касается остальныхъ частей процесса, то мы помѣщаемъ лишь тѣ отчеты о процессѣ, которые были напечатаны въ заграничномъ журналѣ „Община“ и знаменитую рѣчь И. Н. Мышкина. Затѣмъ мы прибавляемъ еще сюда же завѣщаніе осужденныхъ.

Наконецъ, чтобы покончить съ 1877-мъ годомъ, мы перепечатываемъ изъ заграничныхъ изданій тѣ немногія свѣдѣнія, которыя появились о никогда не опубликованныхъ правительствомъ нѣкоторыхъ другихъ политическихъ дѣлахъ того времени.

Редакторъ сборника Б. Базилевскій (В. Богучарскій).

ив. 3229.30
М
Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	III
Засѣданіе Особаго Присутствія 18 октября	1
„ „ „ 20 „	3
„ „ „ 21 и 22 октября (чтеніе обвинительнаго акта)	4
Засѣданіе Особаго Присутствія 24 октября	243
„ „ „ 25 „	245
„ „ „ 26 „	250
„ „ „ 27 „	252
„ „ „ 29 „	254
„ „ „ 2 ноября	258
„ „ „ 3 „	260
„ „ „ 4 „	261
„ „ „ 7 „	265
Рѣчь И. Н. Мышкина	270
Приговоръ	283
Конфирмація	302
Завѣщаніе осужденныхъ	303
Замѣтка о процессахъ Іонова и др.	304

1877 годъ.

Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.

(Процессъ 193-хъ).

Дѣло разбиралось въ Особомъ Присутствіи правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Петерса. Присутствовали сенаторы: Похвиневъ, Реннекампфъ, баронъ Меденъ, Тизенгаузенъ и Хвостовъ. Сословные представители: губернскій предводитель дворянства Черниговской губерніи Неплюевъ, Вышневолоцкій уѣздный Сназинъ-Кормасовъ, Новгородскій городской голова Журавлевъ и Старо-Деревенскій волостной старшина Лукьяновъ. При оберъ-секретарѣ Поповѣ. Въ присутствіи товарища оберъ-прокурора Желеховскаго и прокурора Екатеринбургскаго окружнаго суда Шубина.

Засѣданіе 18-го Октября.

Какъ только вошелъ судъ, присяжный повѣренный Спасовичъ обратился къ присутствію съ заявленіемъ, въ которомъ, указывая на необходимость для суда публичности и гласности, ходатайствовалъ предъ Особымъ Присутствіемъ о переносѣ засѣданій въ другую, болѣе помѣстительную залу, а до пріисканія таковой отсрочить судебныя засѣданія. Кромѣ того, онъ просилъ судъ разрѣшить защитѣ пригласить своего стенографа. „Здѣсь—сказалъ Спасовичъ—мы не видимъ стенографа, но если бы онъ и явился, мы все-таки просили бы Особое Присутствіе о дозволеніи имѣть собственнаго стенографа, такъ какъ полный стенографическій отчетъ, особенно въ такомъ обширномъ дѣлѣ, какъ настоящее, существенно необходимъ для защиты“. Остальные защитники присоединились къ ходатайству Спасовича. Присяжный повѣренный Герардъ счелъ нужнымъ къ ходатайству Спасовича сдѣлать добавленіе, въ которомъ напомнилъ суду Особаго Присутствія, что при введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ, необходимость гласности по отношенію къ суду Особаго Присутствія мотивировалась тѣмъ, что отсутствіе публичности было бы противно достоинству Сената и подрывало бы вѣру въ его справедливость. Въ виду этого законодатель, предполагая первоначально не допускать гласности въ общіе суды, считалъ однако же необходимымъ сдѣлать исключеніе для Особаго Присутствія Сената. Защитникъ подсудимаго Лопатина, присяжный

повѣренный Бардовскій, съ своей стороны, присовокупилъ, что дѣло его кліента (попытка освободить изъ-подъ стражи подсудимаго Волховскаго) не подсудно Особому Присутствію и, такъ какъ въ предполагаемомъ побѣгѣ главную роль по обвиненію играетъ Лопатинъ, а не Волховской, то, по точному смыслу закона, не Лопатинъ подлежитъ суду Особаго Присутствія, а, наоборотъ,—Волховской подсуденъ окружному суду, почему защитникъ и ходатайствуетъ объ изъятіи дѣла его кліента изъ вѣдѣнія Особаго Присутствія и о передачѣ его въ окружной судъ. Первоприсутствующій сенаторъ Петерсъ возразилъ Спасовичу и Герарду, что настоящее разбирательство гласно и публично, ибо въ противномъ случаѣ, онъ, первоприсутствующій, заявилъ бы объ этомъ въ самомъ началѣ засѣданія, что, сверхъ того, публика находится здѣсь и тамъ; (при этомъ Петерсъ указалъ рукою на мѣста позади судейскихъ креселъ). Кромѣ того, по словамъ Петерса, стенографъ правительствующаго сената былъ приглашенъ за засѣданія и не явился по неизвѣстнымъ для первоприсутствующаго причинамъ. Товарищъ оберъ-прокурора Желеховскій сдѣлалъ возраженіе защитнику Лопатина, гдѣ, не приводя особенныхъ доказательствъ, утверждалъ, что дѣло Лопатина подсудно именно Особому Присутствію. Послѣ заявленія прокурора судъ удалился на совѣщаніе и черезъ полчаса вынесъ постановленіе, въ которомъ отказалъ перенести засѣданіе въ другое мѣсто и призналъ Лопатина подсуднымъ суду Особаго Присутствія. Желаніе же защиты имѣть своего стенографа найдено было возможнымъ удовлетворить. Подсудимый Коваликъ изъявилъ желаніе сдѣлать суду заявленіе, но первоприс. прервалъ его съ перваго же слова, объявивъ, что онъ можетъ дѣлать заявленіе въ свое время, теперь же онъ, первоприсут., не желаетъ его слушать. Послѣ этого начался допросъ подсудимыхъ объ ихъ имени, званіи и проч. Подс. Мышкинъ, на вопросъ о званіи, отвѣчаетъ: „Лишенный всѣхъ правъ арестантъ". Первоприсут. Это не званіе. Мышк. Я такъ числюсь по бумагамъ. Первоприс. Кто вашъ отецъ? Мышк. Солдатъ. Первопр. Ваше занятіе? Мышк. Занимался печатаніемъ запрещенныхъ правительствомъ книгъ. Первопр. Ваша религія? Мышк. Крещенъ безъ моего вѣдома, по обрядамъ православной церкви и, имѣя въ виду законъ, угрожающій за отпаденіе уголовнымъ преслѣдованіемъ, официально числился въ этой же церкви. Первопр. Гдѣ было ваше послѣднее мѣстожительство? Мышк. Арестованъ въ сибирской тайгѣ. Подс. Остаткинъ, на вопросъ о занятіяхъ, отвѣчалъ: „Готовился стать въ ряды народа для борьбы съ его вампирами". Подс. Никифоровъ, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: „Былъ народнымъ учителемъ, занимался пропагандой". Подс. Лопатинъ отвѣчалъ: „Такъ какъ заявленіе моего защитника о неподсудности моего дѣла Особому Присутствію не было уважено, и я тѣмъ самымъ лишенъ возможности предстать на судъ общественной совѣсти, а слѣдовательно, лишенъ всѣхъ гарантій справедливаго суда, которыя представляетъ тотъ судъ, и такъ какъ мнѣ не было разрѣшено даже высказаться по этому поводу, то я не считаю для себя возможнымъ принять какое-нибудь участіе въ судѣ Особаго Присутствія". На это заявленіе первоприсутствующій замѣтилъ: „это не касается суда; значитъ—званіе, занятіе и мѣстожительство неизвѣстны". Во все время засѣданія въ залѣ былъ большой шумъ отъ

разговора подсудимыхъ, не обращавшихъ на судъ никакого вниманія. Подъ конецъ засѣданія, при чтеніи списка свидѣтелей, подсудимый Чудновскій обратился къ первоприсутствующему съ замѣчаніемъ, что онъ не слыхалъ, здѣсь ли такой-то свидѣтель? Первоприс. отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты подсудимые, которые все время разговаривали между собою. Отвѣчая на это, подс. Чернявскій заявилъ, что такъ какъ судъ не уважилъ требованій защиты и вслѣдствіе этого остался судомъ закрытымъ, то подсудимые не относятся къ нему, какъ къ суду. Первоприс. прервалъ Чернявскаго, но изъ среды подсудимыхъ раздались крики: „слушайте, когда вамъ говорятъ!“ Первоприс. дослушалъ до конца, но потомъ распорядился о выводѣ Чернявскаго изъ залы. Тогда большинство подсудимыхъ поднялось съ мѣстъ и раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія: „всѣхъ уводите! мы всѣ не признаемъ суда!“ Были даже 2—3 восклицанія: „къ черту судъ!“ Подсудимые массою направились къ выходу, который загородили жандармы. Первоприс. громко закричалъ: „Объявляю засѣданіе закрытымъ! Жандармы, очистите залу!“

19-го Октября засѣданія не было „по причинѣ болѣзни одного изъ сенаторовъ“, какъ гласило объявленіе, вывѣшенное въ судѣ.

Засѣданіе 20-го Октября

открылось рѣчью первоприсутствующаго къ подсудимымъ, сущность которой заключалась въ приглашеніи подсудимыхъ не нарушать шумомъ и демонстраціями порядка засѣданія, такъ какъ для обѣихъ сторонъ, для суда и для подсудимыхъ, необходимо сохранять по возможности тишину и порядокъ. Подс. Мышкинъ (къ первоприс.). Я принадлежу къ числу подсудимыхъ, которые въ концѣ прошлаго засѣданія участвовали въ только что упомянутомъ вами безпорядкѣ. Хотя нашъ шумный, неоформленный протестъ разразился неожиданно для меня, но я не раскаиваюсь, что принялъ въ немъ участіе и не раскаиваюсь по слѣдующей причинѣ: Обвинительный актъ полонъ клеветъ... Первоприс. прерываетъ его, замѣчая, что составленіе обвинительнаго акта не зависитъ отъ Особаго Присутствія и что документы, представляемые суду, имъ не составляются. Подсуд. Мышк. Мы, главнымъ образомъ, настаиваемъ на необходимости публичности и гласности. Правда, вы въ прошломъ засѣданіи изволили объяснить, что судебное разбирательство производится публично, что публика и тамъ и здѣсь (жестъ рукой впередъ и назадъ). Да, дѣйствительно, за судейскими креслами есть нѣсколько мѣстъ, вѣроятно, для лицъ судебнаго вѣдомства; и здѣсь, за двойнымъ рядомъ жандармовъ, примостились 3—4 субъекта. Неужели это та самая хваленая публичность, которая дарована новому суду на основаніи судебныхъ уставовъ? Называть это публичностью значитъ пронизировать, насмѣхаться надъ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства. Первоприс. Публичность гарантируется не присутствіемъ публики, а тѣмъ, что здѣсь есть стенографъ „Прав. Вѣст.“ и обо всемъ, происходящемъ здѣсь, будетъ напечатанъ стенографическій отчетъ. Подс. Мышк. По предыдущимъ примѣрамъ мы хорошо знаемъ, что отчеты „Прав. Вѣст.“ представляютъ собою лишь второй экземпляръ обвинительнаго акта; а мы желаемъ, чтобы намъ была дана

возможность выяснить наше дѣло предъ публикой и объясниться не предъ нѣсколькими чиновниками, а предъ цѣлымъ обществомъ, отъ лица котораго во многихъ органахъ русской печати была выражена на это надежда... Первопр. Подсудимый, довольно! Подс. Мышк. Еще одно замѣчаніе. Мы глубоко убѣждены въ справеливости азбучной истины, что свѣта гласности боятся только люди съ нечистой совѣстью, старающіеся прикрыть свои грязныя, подлыя дѣлишки, совершаемыя келейнымъ образомъ; зная это и искренно вѣря въ чистоту и правоту нашего дѣла, за которое мы уже не мало пострадали и еще довольно будемъ страдать, мы требуемъ полной публичности и гласности. Первопр. Подсудимый, довольно! Мышкинъ садится. Встаетъ Муравскій и заявляетъ: „Я вполнѣ присоединяюсь къ заявленію моего товарища.“ Встаетъ большинство подсудимыхъ со словами: „И мы также!“ Въ этомъ засѣданіи начались опросъ и приведеніе къ присягѣ свидѣтелей. Во время присяги свидѣтелей подс. Мышкинъ заявилъ слѣдующій отводъ: „Въ каждомъ политическомъ процессѣ свидѣтель, который рѣшается дать показанія благопріятныя для подсудимаго и неблагопріятныя для властей, чрезъ одно это рискуетъ попасть въ разрядъ политически-неблагонадежныхъ людей и даже быть сосланнымъ въ какое-нибудь захолустье. „При такомъ сильномъ, гнетущемъ давленіи на свидѣтелей...“ Первоприс. „Вы можете предъявлять только законные поводы отвода, а это не законный.“ Подсуд. Мышк. Я отвожу свидѣтелей отъ присяги на томъ законномъ основаніи, что они состоятъ подъ опекой потерпѣвшаго лица, т. е. правительства. Подс. Чудновскій заявилъ отводъ одного свидѣтеля отъ присяги, такъ какъ этотъ свидѣтель сыщикъ, но, согласно мнѣнію товарища прокурора Желеховскаго, судъ не призналъ такого отвода уважительнымъ. Засѣданіе прекратилось по окончаніи опроса и присяги свидѣтелей около 5 часовъ вечера.

Въ засѣданіяхъ 21 и 22 октября былъ прочтенъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

„Въ половинѣ мая 1874 г. финляндскимъ уроженцемъ Іоганомъ Пельконенъ была открыта въ гор. Саратовѣ, на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной, башмачная мастерская, въ скоромъ времени обратившая на себя вниманіе полиціи страннымъ и подозрительнымъ поведеніемъ проживавшихъ въ ней лицъ, вслѣдствіе чего 31-го мая въ означенной мастерской былъ сдѣланъ обыскъ. Результаты обыска, равно какъ и произведеннаго вслѣдъ за симъ дознанія, привели къ несомнѣнному убѣжденію, что мастерская Пельконенъ служила притономъ для лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, имѣвшему развѣтвленія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи; въ виду чего было признано необходимымъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ повсемѣстное разслѣдованіе преступной дѣятельности обнаруженнаго сообщества, каковое разслѣдованіе, по Высочайшему повелѣнію, и было возложено на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанта Слезкина. Произведенное послѣднимъ подъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жихарева, дознаніе вполнѣ подтвердило дѣйствительное существованіе въ Россіи, въ періодъ времени 1873 — 1874 года, обширнаго преступнаго общества, стремившагося къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка; раскрыло дѣятельность

лицъ, принадлежавшихъ къ этому сообществу, и наглядно возстановило исторію его возникновенія и дальнѣйшаго развитія. Собранныя дознаніемъ данныя, не поколебленныя и предварительнымъ слѣдствіемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступное сообщество, существованіе котораго было обнаружено въ Саратовѣ, возникло въ Петербургѣ въ 1873 г., и что оно находилось въ прямой преемственной связи съ прежними сообществами Долгушина, Натансона и др. Принадлежавшія къ этимъ сообществамъ лица, избѣжавшія преслѣдованія или наказанія и проживавшія большею частью въ Петербургѣ, продолжая, въ теченіе 1872 г., свою преступную дѣятельность, старались сближаться съ рабочими, преимущественно фабричными и, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, возбуждали въ нихъ недовольство существующимъ порядкомъ и распространяли между ними революціонныя идеи, какъ путемъ устной пропаганды, такъ и посредствомъ возмутительнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы и издаваемыхъ русскими эмигрантами. До 1873 года дѣятельность пропагандистовъ имѣла характеръ индивидуальный, въ началѣ же сего года, нѣкто Николай Васильевичъ Чайковскій, окончившій курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и принадлежавшій къ кружку Натансона, задался мыслью сплотить разрозненныя силы агитаторовъ въ одно цѣлое, къ чему и приложилъ всѣ свои старанія, вскорѣ затѣмъ увѣнчавшіяся нѣкоторымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, возникъ первый революціонный кружокъ, носившій, по фамиліи своего основателя, названіе „кружка чайковцевъ“, по примѣру и подъ вліяніемъ котораго, въ теченіе того же года, образовалось нѣсколько другихъ кружковъ. Кружокъ „чайковцевъ“, а также и нѣкоторые другіе, поддерживали постоянную связь съ русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія членовъ кружковъ съ эмигрантами, издаваемыя послѣдними книги, въ значительномъ количествѣ ввозимыя тайными путями въ Россію, и поступленіе въ ряды пропагандистовъ, возвращавшихся изъ-за границы такъ называемыхъ „цюрихскихъ студентовъ“, къ развращенію которыхъ эмигранты прилагали особенное стараніе, — все это, взятое въ совокупности, имѣло рѣшительное вліяніе на направленіе „петербургскихъ кружковъ“. Означенные кружки вполнѣ проникліись ученіями эмигрантовъ, каковыя ученія и легли въ основаніе всей дальнѣйшей дѣятельности кружковъ. Въ 1873 году русская эмиграція, считавшая до того времени „международную ассоціацію рабочихъ“ единственнымъ орудіемъ водворенія всеобщаго счастія на землѣ, стала группироваться около новой формулы обновленія человѣческаго рода — федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ. Такое измѣненіе направленія русской эмиграціи явилось послѣдствіемъ пятаго конгресса международной ассоціаціи рабочихъ, происходившаго, въ 1872 г., въ гор. Гаагѣ. Исключенный постановленіемъ сего конгресса изъ числа членовъ ассоціаціи, за образованіе въ ея средѣ тайнаго общества, эмигрантъ Бакунинъ, усердно проповѣдывавшій идею федерализма въ швейцарскихъ секціяхъ ассоціаціи, образовалъ „Цюрихскую славянскую секцію“, которая и слилась съ секціями Юрской федераціи, не признававшими постановленій гаагскаго конгресса и избравшими своимъ девизомъ „федерализмъ“. По формулѣ федерализма, задача соціально-революціонной партіи состояла въ разрушеніи

всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго строя путемъ вольной федераціи снизу вверхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. Поставивъ своею задачею разрушеніе государства, славянская секція должна была, само собою разумѣется, вступить прежде всего въ борьбу съ тѣми высокими началами, коими обусловливается государственная жизнь народовъ, и дѣйствительно, въ своей программѣ секція объявила, что будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи. Пропагандируя въ своихъ сочиненіяхъ теорію федерализма, извѣстную также подъ именемъ „анархіи", ибо основное положеніе ея заключается въ отрицаніи всякой власти, Бакунинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ мысль о необходимости поголовнаго возстанія русскаго народа противъ Верховной Власти и доказывалъ неизбѣжность таковаго возстанія. Такое мнѣніе Бакунина, раздѣляемое большинствомъ эмигрантовъ, нашло себѣ поддержку и въ появившемся въ половинѣ 1873 г. журналѣ „Впередъ", Лаврова, который разошелся съ партіею Бакунина лишь по вопросу о способѣ веденія революціоннаго дѣла въ Россіи. Приверженцы Бакунина полагали, что пропагандисты должны немедленно „идти въ народъ", организовать его для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью вызвать возстаніе; Лавровъ же признавалъ, что навязывать народу революцію не слѣдуетъ, и что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ народу и составляетъ прямую задачу пропагандиста. Теорія Лаврова, требовавшая отъ агитатора извѣстной научной подготовки, крайне не понравилась русскимъ эмигрантамъ, и Лавровъ остался въ меньшинствѣ; но возникшій между нимъ и его противниками споръ породилъ ученіе, весьма категорически выраженное бѣжавшимъ за границу изъ мѣста ссылки государственнымъ преступникомъ Ткачевымъ въ изданной имъ въ апрѣлѣ 1874 г. брошюрѣ подъ заглавіемъ „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи". Въ означенной брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, Ткачевъ заявилъ, что „революціонная партія ставитъ своею главною первостепенною задачею не подготовленіе революціи вообще, а осуществленіе ея въ возможно ближайшемъ настоящемъ"; что „не слѣдуетъ придавать слишкомъ большого значенія вопросамъ, касающимся устройства наилучшаго порядка вещей въ будущемъ послѣ того, какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію", и что единственная цѣль „партіи дѣйствія" должна заключаться «въ борьбѣ съ правительствомъ, въ борьбѣ съ установившимся порядкомъ вещей,—борьбѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія". Чудовищныя ученія Бакунина и Ткачева, господствовавшія среди эмигрантовъ, нашли себѣ, какъ сказано выше, сочувственный отголосокъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Теорія федерализма составила, такъ сказать, pia desideria пропагандистовъ; практическая же ихъ дѣятельность получила направленіе, вполнѣ согласное съ ученіемъ Ткачева, доказательствомъ чего служитъ, между прочимъ, написанный княземъ Кропоткинымъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ, трактатъ подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?", каковой вопросъ разрѣшался княземъ Кропоткинымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Петербургскіе кружки усвоили себѣ не только догматическую часть ученій, выработанныхъ эмигрантами въ Швей-

царіи, но и въ организаціи своей дѣятельности послѣдовали указаніямъ, преподаннымъ на сей предметъ цюрихскою славянскою секціею, вслѣдствіе чего организація кружковъ выразилась въ формѣ отсутствія какой-либо іерархіи и полной свободы выбора каждымъ агитаторомъ какъ рода, такъ и способа пропаганды, при чемъ однако каждый пропагандистъ пользовался посильною помощью и содѣйствіемъ своихъ единомышленниковъ. Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что петербургскіе революціонные кружки возникли и сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во 1-хъ, оставшихся въ Россіи обломковъ прежнихъ преступныхъ сообществъ Долгушина, Натансона и др., къ которымъ присоединились и нѣкоторыя личности, привлекавшіяся къ дѣлу Нечаева, и во 2-хъ, русской эмиграціи, поселившейся въ Швейцаріи, чѣмъ и обусловливается связь упомянутыхъ кружковъ, съ одной стороны, съ предшествовавшими русскими политическими сообществами, а съ другой—съ западно-европейскою соціально-революціонною партіею, въ составъ которой вошли русскіе эмигранты. Возникшіе въ Петербургѣ кружки, пополнявшіеся приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа студентовъ технологическаго института и медико-хирургической академіи, а также слушательницъ женскихъ курсовъ той же академіи и акушерскихъ курсовъ, раздѣлились на двѣ категоріи, изъ коихъ первая тотчасъ же приступила къ пропагандѣ революціонныхъ идей между фабричными и заводскими рабочими, а другая занялась приготовленіемъ себя къ революціонной дѣятельности. Исходя изъ того положенія, что узнать народъ и пользоваться его довѣріемъ можно лишь въ томъ случаѣ, когда ищущій сближенія съ народомъ будетъ жить жизнью народа, вращаясь въ его средѣ въ качествѣ простаго рабочаго, многіе изъ агитаторовъ занялись изученіемъ какого-либо мастерства или ремесла, чѣмъ и объясняется открытіе агитаторами мастерскихъ, какъ-то, напр., кузнечныхъ въ Петербургѣ и Одессѣ, столярныхъ въ Москвѣ и слесарныхъ въ Тулѣ. Сношенія кружковъ поддерживались какъ личнымъ знакомствомъ членовъ между собою, такъ и путемъ сходокъ, собиравшихся, между прочимъ, въ квартирѣ студента технологическаго института Головина, въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка, на каковыхъ сходкахъ обсуждались вопросы революціонной теоріи и практическаго примѣненія ея къ дѣлу, чѣмъ уже были заняты нѣкоторые изъ пропагандистовъ. Въ концѣ 1873 г. преступная дѣятельность нѣкоторыхъ агитаторовъ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ сдѣлалась извѣстною правительству, вслѣдствіе чего означенныя лица, скрываясь отъ преслѣдованія, уѣхали изъ Петербурга Въ числѣ такихъ лицъ находилось нѣсколько наиболѣе выдающихся членовъ кружка „чайковцевъ“, укрывшихся въ Москвѣ, гдѣ они проживали подъ чужими именами. Подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ сложились московскіе революціонные кружки съ такимъ же направленіемъ, какъ и петербургскіе, имѣвшіе съ послѣдними прямую, непосредственную связь. Около того же времени лицами, близко стоявшими къ петербургскимъ агитаторамъ, былъ основанъ кіевскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ „кіевской коммуны“, а ранней весною 1874 г. глава одного изъ петербургскихъ кружковъ, дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ, организовалъ кружокъ въ г. Харьковѣ. Кружки кіевскій и харьковскій вошли въ сношенія между собою. Кіевскій, личный составъ котораго

къ лѣту 1874 г. увеличился поступленіемъ въ число его членовъ многихъ петербургскихъ пропагандистовъ, кромѣ того вступилъ въ весьма близкую связь съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ; послѣдній же, основанный группою лицъ, проживавшихъ въ Цюрихѣ и усвоившихъ себѣ революціонное направленіе у самаго его источника, естественнымъ путемъ, въ силу своего происхожденія, слился съ петербургскими дѣятелями. Одновременно съ кружкомъ, образовавшимся въ Харьковѣ по иниціативѣ Ковалика, въ этомъ городѣ возникъ другой кружокъ, весьма незначительный, основанный пропагандисткою, прибывшею изъ Москвы; этотъ послѣдній кружокъ, вскорѣ послѣ своего возникновенія, а именно къ лѣту 1874 года, слился съ таганрогскимъ кружкомъ, основаннымъ въ началѣ лѣта однимъ изъ петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей. Весной 1874 г. петербургскіе кружки обнаружили стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію между собою, къ составленію изъ себя одного органическаго цѣлаго; для этой цѣли избранные каждымъ кружкомъ делегаты собирались для совѣщаній, результатомъ которыхъ явилось устройство общей кассы, имѣвшей однако въ своемъ распоряженіи не болѣе 700 руб. Назначеніе кассы было—оказывать вспомоществованія какъ цѣлымъ кружкамъ, такъ и отдѣльнымъ членамъ оныхъ, отправлявшимся въ народъ, причемъ въ кассѣ могли принимать участіе и отдѣльныя, не принадлежавшія къ кружкамъ лица, отъ которыхъ требовалась лишь нѣкоторая общая солидарность въ принципахъ, т. е. признаніе необходимости довести народъ до соціальной революціи. Съ наступленіемъ лѣта члены петербургскихъ кружковъ двинулись въ народъ на пропаганду. Въ этотъ періодъ времени петербургскіе революціонные дѣятели совершенно слились со своими московскими единомышленниками и сообща приступили къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ. Подъ вліяніемъ соединенныхъ элементовъ петербургскихъ и московскихъ пропагандистовъ возникли революціонные кружки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и др. мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, главныя силы революціонной партіи сосредоточились въ восточной полосѣ Россіи, въ приволжскихъ губерніяхъ, что произошло не случайно, а въ силу заранѣе обдуманнаго плана дѣйствій и выработавшагося у большинства пропагандистовъ, на основаніи примѣровъ Стеньки Разина и Пугачева, убѣжденія, что революціонныя идеи найдутъ наиболѣе благопріятную для себя почву на востокѣ, въ приволжскихъ губерніяхъ, представлявшихся для революціонеровъ классическою страною бунтовъ и возмущеній. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ дѣятельности революціоннаго сообщества первенствующую роль занялъ пензенскій мѣщанинъ Порфирій Войноральскій, незаконный сынъ дворянина Ларіонова и княгини Кугушевой. Обладая, сравнительно, значительными денежными средствами и большою энергіею и предпріимчивостью, Войноральскій весьма скоро сталъ во главѣ движенія; онъ устроилъ въ Москвѣ типографію, въ которой печатались революціонныя сочиненія, разсылавшіяся затѣмъ въ разныя мѣстности (въ томъ числѣ въ Саратовъ, въ мастерскую Пельконенъ) для брошюровки и распространенія ихъ въ народѣ, снабжалъ деньгами пропагандистовъ и самъ лично занимался организаціею кружковъ и пропагандою въ народѣ. Такимъ образомъ, революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному; первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ

харьковскаго, кіевскаго, одесскаго и таганрогскаго, съ ихъ развѣтвленіями, а второе въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д. Всѣ названные кружки хотя и раздѣлялись на двѣ нѣсколько обособленныя группы, тѣмъ не менѣе, связанныя между собою единствомъ происхожденія, ученія и преслѣдуемой цѣли, а также личными сношеніями своихъ членовъ, составляли одно цѣлое, одно преступное сообщество, наглядным доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что обыскъ, произведенный въ мастерской Пельконена, далъ возможность раскрыть всю дѣятельность сообщества. Внѣшніе пріемы пропаганды были одни и тѣ же во всѣхъ кружкахъ. Пропаганда—подъ прикрытіемъ разныхъ профессій: доктора, фельдшера, народнаго учителя, простого рабочаго—велась или устно, или посредствомъ чтенія и раздачи революціонныхъ книгъ; содержаніе же пропаганды видоизмѣнялось, смотря по тому, съ кѣмъ пропагандисты имѣли дѣло: съ лицами ли, принадлежащими къ простому народу, или же съ лицами, принадлежащими къ „интеллигенціи“, подъ каковымъ терминомъ революціонные дѣятели подразумѣвали народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ. Въ первомъ случаѣ пропагандистъ обыкновенно указывалъ на недостатокъ земли у крестьянъ, на тяжесть податей и налоговъ, и внушалъ мысль, что если бы всѣ крестьяне или рабочіе соединились и уничтожили правительство, истребивъ при этомъ высшіе классы, то не пришлось бы платить никакихъ податей, а земли было бы у каждаго съ избыткомъ, такъ какъ она вся принадлежала бы крестьянамъ; во второмъ случаѣ пропагандистъ большею частью старался доказать, ссылаясь на разные революціонные авторитеты, что экономическое положеніе народа отчаянное, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка лежитъ помочь народу выйти изъ такого положенія, что представляется возможнымъ только путемъ революціи, и что задача послѣдней должна состоять въ уничтоженіи Верховной Власти, всякаго правительства и государства, такъ какъ коренное измѣненіе къ лучшему положенію народа можетъ быть достигнуто только путемъ замѣны государства вольною федераціею производительныхъ общинъ. Независимо отъ сего, пропаганда, обращенная къ „интеллигенціи“, сопровождалась обыкновенно указаніемъ на то, что наука есть не что иное, какъ средство эксплоатировать народъ, что счастіе народа можетъ быть создано и безъ науки, почему „интеллигентные“ слушатели пропагандиста приглашались бросить ученіе и идти въ народъ, при чемъ объявлялось, что сообщество располагаетъ денежными средствами, которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей. Такое ученіе, основанное на теоріи Бакунина, возводящее невѣжество и лѣность на степень идеала и сулящее, въ видѣ ближайше осуществимаго блага, житье на чужой счетъ, могло, конечно, показаться заманчивымъ только для самой плохой части учащейся молодежи, и дѣйствительно, большинство завербованныхъ пропагандистами въ средѣ этой молодежи единомышленниковъ представляетъ изъ себя людей, занимавшихся чѣмъ угодно, только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Денежныя средства сообщества составлялись: изъ суммъ, отпускаемыхъ болѣе состоятельными вожаками дѣла, какъ, напримѣръ, Войноральскимъ; изъ взносовъ членовъ кружковъ; изъ суммъ, вырученныхъ отъ баловъ и другихъ увесе-

леній, устройствомъ которыхъ, подъ разными благовидными предлогами, занимались нѣкоторые петербургскіе кружки, и т. п. Вообще матеріальныя средства сообщества были незначительны. Между тѣмъ, безпрестанные разъѣзды пропагандистовъ, покупка революціонныхъ книгъ и всякаго рода вспомоществованія требовали большихъ расходовъ. Такимъ положеніемъ вещей достаточно объясняется причина обнаруженной многими пропагандистами готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ. Главный контингентъ своихъ силъ въ количественномъ отношеніи сообщество черпало изъ той учащейся молодежи, о которой уже сказано выше. Преобладаніе такого элемента въ рядахъ пропагандистовъ, служа, съ одной стороны, доказательствомъ того, что какъ болѣе развитая среда, такъ и среда, лишенная образованія, но полная здраваго смысла, оставались для революціонныхъ дѣятелей одинаково недоступными, съ другой—естественнымъ образомъ обрекало сообщество на совершенное безсиліе и ничтожество. Осенью 1874 года большинство пропагандистовъ было задержано и открытый ими весной того же года походъ противъ государства и цивилизаціи могъ считаться оконченнымъ, а сообщество разрушеннымъ, хотя нѣкоторые изъ его членовъ, успѣвшіе скрыться отъ преслѣдованія, и продолжали свою преступную дѣятельность до конца 1874 года и начала 1875 года. За періодъ всего своего существованія сообщество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: совращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространялась дѣятельность всѣхъ силъ сообщества, двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ простого народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія, если не всеобщаго, то ихъ личнаго блага на землѣ. Таковою, въ краткомъ очеркѣ, представляется исторія возникновенія, развитія и дѣятельности преступнаго сообщества, образовавшагося въ Петербургѣ въ 1873 году и окончившаго свое существованіе въ концѣ 1874 года. Освѣщая отдѣльныя проявленія революціонной дѣятельности мѣстныхъ кружковъ, вышеизложенный очеркъ вмѣстѣ съ тѣмъ уяснитъ и значеніе нѣкоторыхъ не вполнѣ рельефно возстановленныхъ обстоятельствъ дѣла.—Исходнымъ пунктомъ революціонной пропаганды въ Россіи, какъ уже сказано выше, былъ С.-Петербургъ, а изъ числа образовавшихся въ этомъ городѣ кружковъ, первымъ по времени возникновенія и главнымъ по вліянію, оказанному на дальнѣйшее развитіе революціоннаго дѣла, былъ кружокъ чайковцевъ, о которомъ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ обвиняемые: Митрофанъ Гриценковъ, Моисей Рабиновичъ, Левъ Городецкій и Александръ Низовкинъ. Послѣдній, весьма близко стоящій къ «чайковцамъ», въ показаніи своемъ подробно изложилъ исторію возникновенія этого кружка и дѣятельности многихъ изъ его членовъ въ Петербургѣ. По словамъ Низовкина, проживавшаго въ 1872 году на Выборгской сторонѣ, по Астраханской улицѣ, въ домѣ № 38, вмѣстѣ съ товарищами своими по Медико-Хирургической Академіи, дворяниномъ Анатоліемъ Сердюковымъ и нѣкіимъ Доводчиковымъ, большою популярностью въ средѣ студенческаго міра пользовался въ то время студентъ Технологическаго Института Лисовскій, посвятившій всю свою жизнь на сближеніе съ

рабочими. съ цѣлью распространенія между ними противоправительственныхъ идей и нашедшій себѣ многихъ подражателей. Сближеніе съ рабочими начиналось обыкновенно съ обученія ихъ грамотѣ, при чемъ такое обученіе играло лишь роль благовидной приманки, подъ прикрытіемъ которой внушались рабочимъ революціонныя идеи, какъ словесно, такъ и посредствомъ раздачи преступнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы въ числѣ прочихъ и самимъ Лисовскимъ. По примѣру Лисовскаго, сблизился съ рабочими и студентъ университета Корнѣевъ, читавшій рабочимъ лекціи по географіи. Посѣтивъ однажды лекцію Корнѣева, Низовкинъ нашелъ таковую крайне неудовлетворительною и предложилъ бывшимъ у Корнѣева рабочимъ собираться въ квартирѣ его, Низовкина, для слушанія лекцій по физіологіи, популярнымъ изложеніемъ которой изъявилъ готовность заниматься Доводчиковъ. Рабочіе согласились и стали посѣщать квартиру Низовкина и лекціи Доводчикова. Присутствовавшіе нѣсколько разъ на этихъ лекціяхъ Лисовскій и Сердюковъ находили ихъ совершенно безполезными для рабочихъ и полагали, что послѣднихъ слѣдуетъ поучать въ духѣ идеи рабочаго сословія, а также давать имъ для чтенія хорошія книги. Въ видахъ предоставленія рабочимъ возможности имѣть всегда подъ руками книги, Сердюковъ предложилъ устроить для нихъ библіотеку, и приведя однажды Низовкина въ неизвѣстную ему квартиру, по Владимірской улицѣ, указалъ ему большую кучу растрепанныхъ книгъ и журналовъ, предоставляя сдѣлать изъ нихъ выборъ по усмотрѣнію Низовкина; послѣдній, при содѣйствіи неокончившаго курса наукъ въ Вологодской гимназіи дворянина Михаила Васильева, разобралъ книги и привезъ ихъ на свою квартиру. Такимъ образомъ возникла библіотека рабочихъ. Тѣмъ временемъ лекціи Доводчикова продолжались, привлекая рабочихъ съ заводовъ и фабрикъ, расположенныхъ на Выборгской сторонѣ, на Васильевскомъ островѣ и за Невской заставой. Въ числѣ рабочихъ, посѣщавшихъ квартиру Низовкина, были рабочіе: Викторъ Обнорскій, Степанъ Васильевъ Митрофановъ, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, Алексѣй Ильинъ Козловъ, Алексѣй Васильевъ Графовъ, Филиппъ Яковлевъ Вангесовъ и Дмитрій Николаевъ Смирновъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединился и Алексѣй Васильевъ Лавровъ. Означенные рабочіе интересовались чтеніями Доводчикова, сопровождавшимися опытами, но исключительно научное направленіе лекцій не нравилось Сердюкову, и онъ въ бесѣдахъ съ рабочими доказывалъ послѣднимъ, что существующій соціально-экономическій строй Россіи не совмѣстимъ съ интересами рабочихъ, что этотъ строй крайне вреденъ для русскаго народа, и что поэтому необходимо, во что бы то ни стало, разрушить его путемъ насилія рабочихъ массъ, въ средѣ которыхъ съ этою цѣлью и должна вестись дѣятельная пропаганда. Указывая рабочимъ на необходимость разрушенія существующаго порядка, Сердюковъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ имъ и тотъ новый строй, который долженъ воздвигнуться на развалинахъ стараго порядка, и при этомъ говорилъ и объ общинномъ владѣніи землей, и о союзѣ промышленныхъ ассоціацій, и касался даже женскаго вопроса, стараясь внушить рабочимъ цѣлое революціонное міровоззрѣніе. Не довольствуясь своею личною пропагандой, Сердюковъ пригласилъ въ квартиру Низовкина дочь почетнаго гражданина Александру Иванову Корпилову, недавно возвратившуюся изъ-за границы,

которая, въ сущности, говорила рабочимъ то же самое, что и Сердюковъ. Разница между пропагандой Сердюкова и Корниловой заключалась лишь въ формѣ изложенія: первый излагалъ предметъ, такъ сказать, въ догматической формѣ, т. е. выставлялъ прежде всего извѣстныя революціонныя положенія и затѣмъ уже поясняль ихъ рабочимъ; Корнилова же излагала свою пропаганду въ формѣ разсказовъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ. Доказывая рабочимъ необходимость соціальной революціи, Корнилова указывала на ихъ западно-европейскихъ товарищей, на революціонные и промышленные союзы послѣднихъ, на ихъ стачки и сходки, при чемъ разсказывала, что сама присутствовала въ Вѣнѣ на нѣсколькихъ сходкахъ, и показывала фотографическія изображенія нѣкоторыхъ ораторовъ изъ рабочихъ. Посѣщенія рабочими квартиры Низовкина въ скоромъ времени обратили на нее вниманіе лицъ, искавшихъ сближенія съ простымъ народомъ, и въ квартирѣ Низовкина появились Чайковскій и отставной артиллерійскій поручикъ Кравчинскій, съ которыми Низовкинъ познакомился черезъ Сердюкова. Кравчинскій сталъ приходить довольно часто и бесѣдовалъ съ рабочими, при чемъ его бесѣды всегда отличались преступнымъ характеромъ. Кромѣ этихъ лицъ, квартиру Низовкина навѣщали: отставной артиллерійскій поручикъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, съ которымъ Низовкинъ былъ знакомъ еще въ то время, когда Рогачевъ воспитывался въ артиллерійскомъ училищѣ, студентъ медико-хирургической академіи Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, нѣкто Шлейснеръ и др. Всѣ вышепоименованныя лица, а также студентъ с.-петербургскаго университета Дмитрій Клеменсъ и бывшій студентъ Александръ Левашевъ, съ которыми Низовкинъ познакомился впослѣдствіи, занимались пропагандою въ средѣ рабочихъ; изъ нихъ Чайковскій велъ свою преступную дѣятельность между мастеровыми патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ, о чемъ Низовкинъ слышалъ отъ рабочихъ; Шлейснеръ агитировалъ за Невскою заставою, гдѣ Низовкинъ встрѣчалъ какъ его, такъ и Клеменса и Левашова, а Гауэнштейнъ занимался переводомъ на русскій языкъ привезенныхъ брошюръ, для распространенія таковыхъ между рабочими. Вышеназванныя личности, пропагандировавшія въ 1872 и въ началѣ 1873 г. въ средѣ петербургскихъ рабочихъ, и составили, по словамъ Низовкина, ядро той партіи, которая сложилась впослѣдствіи, благодаря усиліямъ Чайковскаго. Такое показаніе Низовкина находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ рабочихъ, посѣщавшихъ лекціи Доводчикова—Митрофанова, Виноградова и др. Изъ показанія Митрофанова видно, что, при содѣйствіи Лисовскаго, имъ была въ 1873 году учреждена сапожная артель, которую нерѣдко посѣщалъ Лисовскій, приводившій съ собою и рабочаго Виктора Обнорскаго. Въ началѣ своихъ сношеній съ Митрофановымъ, Лисовскій былъ весьма сдержанъ, но впослѣдствіи, не стѣсняясь, сталъ выражать свое неудовольствіе по поводу образа дѣйствій правительства; Лисовскій ѣздилъ заграницу и въ разные провинціальные города Россіи: заграницу онъ ѣздилъ для пріобрѣтенія революціонныхъ книгъ, а въ провинцію—для пропаганды. Посѣщая въ 1872 г. лекціи студента Корнѣева, Митрофоновъ встрѣтился однажды у послѣдняго съ Низовкинымъ и, по его приглашенію, сталъ ходить на лекціи Доводчикова, гдѣ видѣлъ Сердюкова и Александру Корнилову, разсказывавшую объ интернаціоналѣ. Низовкинъ позна-

комилъ рабочихъ съ Кравчинскимъ, который и сталъ имъ читать лекціи по исторіи, а однажды принесъ съ собою брошюру на иностранномъ языкѣ и разсказывалъ ея содержаніе, а въ послѣдствіи принесъ нѣсколько экземпляровъ этой брошюры на русскомъ языкѣ и роздалъ таковыя рабочимъ; брошюра называлась: „Слово вѣрующаго къ народу“. По словамъ Виноградова, онъ познакомился съ Низовкинымъ черезъ Обнорскаго, поселился впослѣдствіи въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Низовкинъ и слушалъ лекціи Доводчикова и Кравчинскаго, изъ которыхъ послѣдній переводилъ рабочимъ брошюру, отлитографированную затѣмъ на русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Слово вѣрующаго къ народу“, и розданную рабочимъ. Виноградовъ встрѣчалъ у Низовкина—Лисовскаго и Левашева, зналъ Клеменса, Рогачева и видѣлъ однажды Чайковскаго. Какъ Митрофановъ, такъ и Виноградовъ подтвердили существованіе библіотеки и удостовѣрили относительно Гауэнштейна обстоятельства, которыя будутъ изложены ниже, свидѣтельствующія о преступной его дѣятельности, а Виноградовъ, кромѣ того, объяснилъ, что познакомился у сестры Куприянова съ Николаемъ Аполлоновымъ Чарушинымъ, студентомъ технологическаго института, при чемъ присовокупилъ, что Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и Чарушинъ были люди весьма энергичные. Остальные рабочіе—Козловъ, Вангесовъ и Смирновъ—также подтвердили, что Доводчиковъ читалъ имъ лекціи и что существовала библіотека для рабочихъ; нѣкоторые изъ нихъ присутствовали и на лекціяхъ Кравчинскаго, другіе же только слышали о немъ, равно какъ и о нѣкоемъ Синегубѣ, учившемъ рабочихъ явно, не остерегаясь. Алексѣй Лавровъ, обнаружившій во время производства слѣдствія признаки разстройства умственныхъ способностей, тоже бывалъ, какъ это видно изъ его показанія, на лекціяхъ Доводчикова и Кравчинскаго, зналъ Клеменса и слышалъ о Синегубѣ и Чайковскомъ. Въ началѣ 1873 года Чайковскій сплотилъ, по словамъ Низовкина, большинство пропагандировавшихъ между рабочими лицъ въ одну партію и, такимъ образомъ, возникъ первый кружокъ, носившій названіе кружка „чайковцевъ“. Число „чайковцевъ“ было весьма значительно. Въ составъ кружка, по удостовѣренію Низовкина, вошли слѣдующія лица: Лисовскій, Лешаевъ, Сердюковъ, Александра Корнилова, Куприяновъ, Кравчинскій, Рогачевъ, Гауэнштейнъ, Клеменсъ, Чарушинъ, слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи Анна Дмитріева Кувшинская, студентъ технологическаго института Леонидъ Владиміровъ Поповъ, студентъ того же института Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ, отставной артиллерійскій поручикъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, дворянка Софья Львова Перовская и рабочіе: Лавровъ, Обнорскій и Михаилъ Андреевъ Орловъ. Осенью 1873 года къ кружку „чайковцевъ“ присоединился, по показанію Низовкина, послѣ своего возвращенія изъ-за границы, князь Петръ Алексѣевъ Крапоткинъ, а по словамъ обвиняемаго, Моисея Рабиновича, къ тому же кружку принадлежала дочь купца Александра Яковлева Ободовская, нынѣ по мужу Сидорацкая. Сверхъ сего, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, въ теченіе 1873 года къ кружку примкнули: дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, студентъ с.-петербургскаго университета Левъ Александровъ Тихомировъ, дворянинъ Ѳедоръ Михайловъ Либавскій, отставной подпору-

чикъ Александръ Викторовъ Ярцевъ и крестьянинъ Тверской губерніи Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ. Всѣ вышеозначенныя лица, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, были между собою знакомы. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежали къ прежнимъ политическимъ кружкамъ, или же имѣли съ ними близкія сношенія. Такъ, основатель кружка Чайковскій привлекался къ дознанію о кружкѣ Натансона; Ободовская и Перовская, какъ оказывается изъ отобранной у первой переписки, были знакомы съ Натансономъ; Ободовская, кромѣ того, привлекалась къ дѣлу Долгушина и за храненіе у себя запрещенныхъ сочиненій была приговорена къ семидневному аресту, а Волховской привлекался къ дѣлу Нечаева, но былъ по суду оправданъ и проживалъ затѣмъ въ г. Одессѣ. По словамъ Низовкина, организація кружка „чайковцевъ“ гласила, что между ними нѣтъ ни большихъ, ни меньшихъ, ни начальствующихъ, ни подчиненныхъ: всѣ равнозначущи, всѣ дѣйствуютъ независимо другъ отъ друга, но опираясь на соединительныя силы всѣмъ членовъ кружка и находя въ нихъ ту матеріальную поддержку, которая необходима для осуществленія задуманныхъ отдѣльными членами предпріятій. Убѣжденные въ томъ, что одна интеллигенція въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ ничего серьезнаго сдѣлать не можетъ, „чайковцы“ задумали почерпать свои силы изъ нѣдръ самаго народа, для каковой цѣли и стали дѣятельно сближаться съ рабочими или, какъ они выражались, „ходить въ народъ“. Сходясь съ рабочими, „чайковцы“ старались доводить до фанатической ненависти къ существующему порядку недовольство рабочихъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, обусловленнымъ разными экономическими причинами, и создавать такимъ образомъ революціонныхъ дѣятелей изъ среды самаго народа. Когда революціонная партія разовьетъ свои силы и будетъ располагать обширною агентурою, тогда, по плану „чайковцевъ“, должно было вспыхнуть всеобщее возстаніе какъ въ городахъ, такъ и среди сельскаго населенія, при чемъ движеніе массъ должно было начаться непремѣнно разомъ, на томъ основаніи, что, при такомъ образѣ дѣйствій силы правительства будутъ поставлены между многихъ огней. Центрами возстанія должны были служить столицы, гдѣ, для дачи быстраго хода напору массъ, предполагалось образовать авангарды изъ людей смѣлыхъ и хорошо вооруженныхъ на средства партіи, на обязанности которыхъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, лежало бы овладѣніе прежде всего артиллерійскими казармами и крѣпостью. Вообще стратегическіе планы для овладѣнія столицами разработывались весьма тщательно членами кружка, служившими прежде въ военной службѣ, отъ которыхъ, какъ-то отъ Кравчинскаго и Рогачева, Низовкинъ, между прочимъ, слышалъ, что Москва съ ея извилистыми улицами и переулками представляетъ всѣ удобства для борьбы съ войскомъ. Конечная цѣль указанныхъ Низовкинымъ стремленій и плановъ кружка „чайковцевъ“ состояла въ уничтоженіи государства и замѣнѣ нынѣ существующаго строя народной жизни „анархіею“, что видно изъ показанія, даннаго при дознаніи Ярцевымъ, въ которомъ послѣдній, встрѣчавшійся съ Чайковскимъ, Синегубомъ, Шишко, Кравчинскимъ, Клеменсомъ, Чарушинымъ и многими другими „чайковцами“, объяснилъ, что упомянутыя лица признавали теоретически анархію идеаломъ общественнаго устройства. Ближайшею задачею своей революціонной дѣятельности „чайковцы“ при-

авали лишь уничтоженіе существующаго порядка вещей посредствомъ ре-
люціи, отодвигая на второй планъ вопросъ о формѣ новаго строя жизни,
е., иными словами, придерживались ученія Ткачева. Доказательствомъ
кого направленія кружка „чайковцевъ“ служитъ составленная однимъ
ъ его членовъ, княземъ Крапоткинымъ, записка подъ заглавіемъ: „Должны
мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“ — въ коей князь
апоткинъ какъ бы установлялъ программу дѣйствій революціонной партіи
Россіи. Въ означенной запискѣ цѣлымъ рядомъ доводовъ и соображеній
казывается сначала непригодность всѣхъ существующихъ формъ государ-
венной жизни, а разрѣшеніе вопроса объ идеалѣ будущаго строя обще-
ва предоставляется народу. Переходя затѣмъ къ вопросу о томъ, ка-
мъ образомъ народъ можетъ осуществить свой идеалъ, авторъ записки
ходитъ, что единственнымъ для сего путемъ представляется насильствен-
и соціальный переворотъ, который не ограничился бы только ниспро-
женіемъ государственности, но и уничтожилъ бы весь существующій со-
альный и экономическій строй народной жизни; всѣ мирные пути про-
есса отвергаются въ запискѣ и признаются даже вредными. Для подго-
вленія соціальной революціи въ Россіи необходимо, по мнѣнію автора,
разовать революціонную организацію, основными положеніями которой
жны служить: полнѣйшее равенство всѣхъ ея членовъ, отсутствіе вся-
го подчиненія всѣхъ одному или нѣсколькимъ лицамъ, отрицаніе обмана
насилія во взаимныхъ отношеніяхъ для достиженія своихъ цѣлей и въ
же время признаніе обмана и насилія вполнѣ разумными и необходи-
ми средствами въ отношеніяхъ членовъ организаціи къ правитель-
венной власти и представителямъ капитала. Подготовительная дѣя-
льность революціонной организаціи должна быть направлена, глав-
мъ образомъ, на увеличеніе числа ея единомышленниковъ въ средѣ
естьянства и городскихъ рабочихъ, посредствомъ дѣятельной пропаганды
ихъ воззрѣній и усиленія неудовольствія противъ правительства.
астіе въ революціонной организаціи учащейся молодежи отвергается за-
кой. Въ организацію должны быть принимаемы только тѣ представи-
и упомянутой молодежи, которые, бросивъ науку, отправятся въ народъ
пропаганды, отрѣшившись отъ всей своей предыдущей жизни не только
принципѣ, но и во внѣшней ея формѣ, оставивъ всѣ свои привычки и
ставивъ себя вполнѣ въ положеніе рабочаго. Люди изъ народа призна-
ся авторомъ записки наиболѣе надежными и полезными революціонерами.
я подготовленія такихъ дѣятелей агитаторы должны поселиться между
естьянами и вести осѣдлую пропаганду посредствомъ сближенія съ наро-
мъ. Для приведенія въ извѣстность результатовъ пропаганды и выра-
тки дальнѣйшихъ мѣръ въ запискѣ рекомендуется устройство періоди-
ческихъ съѣздовъ агитаторовъ, а затѣмъ авторъ записки обращаетъ особен-
е вниманіе на подготовку революціонныхъ дѣятелей изъ городскихъ ра-
чихъ, которые, возвращаясь на родину, могутъ распространять между
естьянами соціальныя идеи, усвоенныя отъ агитаторовъ. Кромѣ устной
опаганды, признанной наиболѣе цѣлесообразною, авторъ допускаетъ и про-
ганду литературную, въ видахъ которой революціонная организація дол-
на озаботиться изготовленіемъ и распространеніемъ въ народѣ книгъ, въ
цѣ разсказовъ о сильныхъ и выдающихся личностяхъ изъ народа, кар-

тинъ безвыходности современнаго соціальнаго строя, и т. п. Стачки раб
чихъ и устройство артелей не одобряются авторомъ, такъ какъ означе
ныя мѣры въ свою очередь служатъ средствомъ къ скопленію капиталов
и въ результатѣ оказываютъ вредное вліяніе на народъ. Мѣстныя волне
между рабочими и сопротивленіе властямъ признаются имѣющими для наро
„воспитательное" значеніе въ смыслѣ революціонномъ, почему, не совѣту
агитаторамъ возбуждать подобныя явленія, дабы не отвлекать ими наро
отъ стремленія къ достиженію главной цѣли—всеобщаго возстанія во и
кореннаго переворота, — авторъ находитъ тѣмъ не менѣе полезнымъ
препятствовать ихъ развитію, если только они вызываются естественны
путемъ. Въ заключеніе авторъ опредѣляетъ отношенія русской революціо
ной организаціи къ международной ассоціаціи рабочихъ и къ русски
эмигрантамъ, причемъ, заявляя полное сочувствіе къ дѣятельности сек
федералистовъ и преимущественно ея русскихъ представителей, вмѣстѣ
тѣмъ отказывается отъ полной солидарности со всѣми партіями эми
грантовъ, признавая, что русская народная революціонная партія долж
самобытно развиться среди русскаго народа. Согласно указаніямъ кня
Кропоткина, кружокъ „чайковцевъ" занимался распространеніемъ револ
ціонныхъ сочиненій, какъ среди учащейся молодежи, такъ и среди народ
По словамъ Низовкина, упомянутыя сочиненія привозились изъ-за грани
или самими членами кружка, или чрезъ посредство контрабандистовъ, пр
чемъ торговля книгами находилась, главнымъ образомъ, въ рукахъ Ча
ковскаго, сестеръ Корниловыхъ, Сердюкова и др. Такое показаніе Низовки
подкрѣпляется показаніемъ Рабиновича, по удостовѣренію котораго, народн
революціонныя книги, въ родѣ „Сказки о четырехъ братьяхъ" и „Стень
Разина", распространялись преимущественно „чайковцами"; кто имен
изъ членовъ кружка завѣдывалъ спеціально ввозомъ изъ-за границы кни
Рабиновичу не извѣстно, хотя былъ слухъ, что этимъ занимался Куприянов
каковой слухъ, по мнѣнію Рабиновича, находилъ себѣ основаніе въ ч
стыхъ поѣздкахъ Куприянова за границу. Не ограничиваясь ввозомъ
Россію преступнаго содержанія книгъ, кружокъ Чайковскаго занимался
составленіемъ и изданіемъ таковыхъ; такъ, по показанію Низовкина, о
слышалъ отъ Клеменса, что большинство революціонныхъ стихотворен
помѣщенныхъ въ „Пѣсенникахъ", составлено имъ, Клеменсомъ; тѣмъ
Клеменсомъ было передѣлано и приспособлено къ революціоннымъ цѣля
сочиненіе Шатріана „Исторія одного французскаго крестьянина", и на сре
ства „чайковцевъ" же были изданы за границей „Стенька Разинъ"
„Емелька Пугачевъ". Въ этомъ отношеніи показаніе Низовкина подтверж
дается добытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ данными, изъ которыхъ несо
нѣнно вытекаетъ, что князь Кропоткинъ принималъ участіе въ составле
книги „Емелька Пугачевъ". Покупка и изданіе революціонныхъ книгъ,
также другія предпріятія, требовали большихъ расходовъ, вслѣдствіе че
„чайковцы" и устроили кассу, которая, по показанію Низовкина, осн
ванному на разсказахъ рабочаго Орлова, пополнялась, во-1-хъ, вклада
болѣе состоятельныхъ членовъ кружка, въ числѣ коихъ находилась и Але
сандра Корнилова; во-2-хъ, сборами отъ устройства всякаго рода лотер
и деньгами, добывавшимися путемъ разныхъ хитростей, которыя придум
вались для обиранія довѣрчивыхъ и добрыхъ людей, въ чемъ особен

отличались женщины, входившія въ составъ кружка, какъ передавалъ о томъ Низовкину Сердюковъ; и въ-3-хъ, случайными пожертвованіями и барышами отъ продажи революціонныхъ книгъ, торговля которыми велась отнюдь не въ убытокъ. Существованіе кассы кружка „чайковцевъ“ подтверждается также показаніями рабочихъ Якова Иванова и Егора Кудряшева. По словамъ Якова Иванова, Чарушинъ и Шишко показывали однажды рабочимъ 500 р. с., говоря, что эти деньги собраны ими для кассы; а по удостовѣренію Кудряшева, на одной сходкѣ, происходившей послѣ ареста Чарушина, князь Крапоткинъ, отвѣчая на заявленіе о томъ, что Чарушинъ обѣщалъ заплатить за харчи Кудряшева, объявилъ, что, такъ какъ теперь кассой завѣдуетъ онъ, Крапоткинъ, то и деньги будутъ выданы имъ. Независимо отъ сего, доказательствомъ существованія кассы „чайковцевъ“ служатъ отобранныя у Гауэнштейна при обыскѣ деньги, въ количествѣ 1.110 р. 73 к. с. По показанію Гауэнштейна, изъ числа означенныхъ денегъ 1.100 р. принадлежатъ слушательницѣ женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи Вѣрѣ Иваницкой, поручившей ему незадолго до обыска помѣстить эти деньги въ банкъ; между тѣмъ спрошенная вслѣдствіе сего Иваницкая, хотя и показала, что дѣйствительно дала Гауэнштейну въ началѣ 1874 года на сбереженіе деньги безъ всякаго документа, но при этомъ не могла опредѣлить точной суммы переданныхъ Гауэнштейну денегъ. Такое показаніе Иваницкой, въ связи съ другими обнаруженными по отношенію къ Гауэнштейну обстоятельствами дѣла, приводитъ къ убѣжденію, что вышеупомянутыя деньги принадлежали кассѣ кружка „чайковцевъ“. Сохраняя, по удостовѣренію Низовкина, постоянную связь съ эмигрантами, отъ которыхъ и получались революціонныя сочиненія, кружокъ „чайковцевъ“ вмѣстѣ съ тѣмъ вошелъ въ близкія сношенія съ прочими петербургскими кружками, изъ коихъ нѣкоторые, какъ это будетъ изложено ниже, возникли подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, а также и внѣ Петербурга имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ Имперіи сношенія съ лицами, примкнувшими впослѣдствіи къ дѣлу революціонной пропаганды. Такъ, Чарушинъ появлялся въ Москвѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи; онъ же и Гауэнштейнъ имѣли въ Казани сношенія со студентомъ тамошняго университета Овчинниковымъ; Ободовская — въ Москвѣ, со студентомъ университета Саблинымъ; Сердюковъ—съ дворяниномъ Иванчинымъ-Писаревымъ, проживавшимъ въ Ярославской губерніи; Корнилова и Перовская—въ Самарской губерніи, съ сельскою учительницей Сахаровою и т. д. Кромѣ сего въ Одессѣ, какъ будетъ изложено ниже, Волховской, и въ Кіевѣ, по словамъ Рабиновича, студенты университета Аксельроде, Левенталь и Лурье находились также въ сношеніяхъ съ кружкомъ „чайковцевъ“. Далѣе Ободовская, на связь которой съ кружкомъ Натансона было уже указано выше, вела съ сосланнымъ въ Архангельскую губернію Натансономъ переписку, изъ которой, между прочимъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста въ письмѣ, помѣченномъ 31 января: „...Самая ссылка вообще меня нисколько какъ-то не занимаетъ, а все думаю о той подготовкѣ, которую я долженъ себѣ дать въ ссылкѣ, подготовку такую, чтобы, куда бы ни забросила меня судьба, я могъ бы высоко держать знамя народнаго дѣла. Я убѣждаюсь ... что всего страшнѣе, что полной системы или катехизиса совершенно пока еще нѣтъ у народной партіи, что о народѣ

можно пока сказать только—напрасно пророка о тѣни онъ проситъ. Итакъ, задача подготовки выясняется: собрать всѣ отдѣльныя защиты народнаго дѣла, всѣ отрывки и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, въ нѣчто такое, что дало бы партіи отвѣтъ на всѣ вопросы, возникающіе у личности ... Просьба: всѣми силами старайся, чтобы друзья не разбрелись ... Передай отъ меня поклонъ ... и Перовской". Наконецъ, въ концѣ 1873 года Порфирій Войнаральскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми представителями кружка „чайковцевъ", какъ-то: съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ. Тотчасъ послѣ своего возникновенія кружокъ „чайковцевъ" приступилъ къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ и притомъ преимущественно въ Петербургѣ. Къ лѣту 1873 года многіе изъ его членовъ уѣхали изъ столицы, оставшіеся же въ Петербургѣ единомышленники ихъ ревностно запялись дѣломъ революціонной пропаганды. Рогачевъ, какъ видно изъ показанія обвиняемаго крестьянина Григорія Щеглова, поступилъ простымъ рабочимъ на заводъ Путилова; Кравчинскій, продолжавшій вплоть до весны чтеніе своихъ лекцій по исторіи, сводившихся въ сущности, по словамъ Низовкина, къ разсказамъ о бунтахъ Разина и Пугачева, превозносимыхъ имъ до небесъ, поселился въ началѣ лѣта вмѣстѣ съ Клеменсомъ около Киновеи, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ „Клочки", въ квартирѣ рабочаго Орлова, что также удостовѣряется показаніемъ Щеглова, одно время проживавшаго въ одной квартирѣ съ Орловымъ и другимъ рабочимъ, Игнатіемъ Бачинымъ. Проживъ съ недѣлю вмѣстѣ съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, Орловъ переѣхалъ на другую квартиру и поселился за Невскою заставой, а Кравчинскій и Клеменсъ, оставаясь въ Клочкахъ, продолжали свои занятія съ рабочими, приводимыми къ нимъ, уже вполнѣ усвоившими себѣ революціонное направленіе— Обнорскимъ, Орловымъ и др. Пребываніе Кравчинскаго и Клеменса въ Ключкахъ подтверждается: во-1-хъ, показаніемъ Синегуба, изъ котораго видно, что, поселившись лѣтомъ 1873 года въ Клочкахъ, онъ засталъ уже тамъ Кравчинскаго; во-2-хъ, показаніемъ Орлова, признавшаго, что онъ жилъ нѣкоторое время въ Клочкахъ у Клеменса, и въ-3.хъ, показаніями рабочихъ Смирнова и Щеглова. По словамъ Смирнова, онъ былъ однажды въ Клочкахъ съ Обнорскимъ и слушалъ лекцію Кравчинскаго о политической экономіи; изъ показанія же Щеглова оказывается, что онъ отправился въ Клочки вмѣстѣ съ Орловымъ, по приглашенію послѣдняго, который и представилъ его двумъ лицамъ, оказавшимися Кравчинскимъ и Клеменсомъ, о знакомствѣ съ которыми Орловъ совѣтовалъ ему „не очень болтать". Щегловъ посѣщалъ Кравчинскаго и Клеменса нѣсколько разъ и присутствовалъ на ихъ лекціяхъ, на одной изъ которыхъ Клеменсъ доказывалъ, что монахи дармоѣды и что Господь Богъ не можетъ обучить рабочихъ французскому языку, а онъ, Клеменсъ, можетъ. Какъ Клеменсъ, такъ и Кравчинскій, посѣщали, по словамъ Щеглова, общую его съ Орловымъ квартиру и приносили послѣднему книги; ту же квартиру, по удостовѣренію рабочаго Бачина, посѣщали Обнорскій и Виноградовъ, и чрезъ Орлова онъ, Бачинъ, познакомился съ Клеменсомъ, который въ свою очередь познакомилъ его съ Синегубомъ, у послѣдняго же онъ встрѣчался съ Рогачевымъ и Кравчинскимъ. Усвоивъ себѣ ученіе Кравчинскаго и Клеменса, Орловъ, по показанію Щеглова, отказался отъ мѣ-

ста на заводѣ, на которомъ до того времени работалъ, и, предавшись окончательно дѣлу революціонной пропаганды, сталъ жить, по словамъ Низовкина, на средства кружка „чайковцевъ“. Послѣдніе, по удостовѣренію того же Низовкина, возлагали большія надежды на Орлова и считали его будущимъ сельскимъ учителемъ— революціонеромъ; вслѣдствіе чего Кравчинскій и Клеменсъ возили его даже, какъ о томъ передавалъ Низовкину самъ Орловъ, въ Финляндію, къ Флеровскому (Берви). Вообще отношенія Орлова къ главнымъ дѣятелямъ кружка „чайковцевъ“ были настолько близки, что онъ даже былъ на „ты“ съ Кропоткинымъ, какъ это удостовѣрилъ въ своемъ показаніи рабочій Митрофановъ. Желая оправдать довѣріе своихъ патроновъ, Орловъ знакомилъ ихъ съ рабочими, какъ-то Щегловымъ, Бачинымъ и др. и для болѣе успѣшнаго распространенія революціонныхъ идей между своими товарищами принялъ на себя завѣдываніе библіотекой рабочихъ. По собственному показанію Орлова, у него находились на хранеціи книги рабочихъ, которыя онъ и раздавалъ для чтенія. Нахожденіе библіотеки въ завѣдываніи Орлова подтверждается и показаніемъ Щеглова, по словамъ котораго Орловъ больше занимался раздачей книгъ, добывая ихъ у своихъ знакомыхъ и имѣя у себя складъ книгъ, въ числѣ коихъ Щегловъ видѣлъ два экземпляра „Гражданской войны во Франціи“, „Отщепенцевъ“, „Стеньку Разина“ и нѣсколько экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“. Хотя Щегловъ впослѣдствіи эту часть своего показанія измѣнилъ, объяснивъ, что у Орлова онъ запрещенныхъ книгъ не видѣлъ, но достовѣрность первоначальнаго его показанія подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у рабочаго Василія Тимоѳеева, которому Орловъ, по собственному его показанію, передалъ впослѣдствіи книги, была найдена записная книжка, въ которой въ числѣ другихъ книгъ записаны „Гражданская война во Франціи“ и „Отщепенцы“, передача Орловымъ книгъ Тимоѳееву подтверждается и показаніемъ Щеглова. Независимо отъ сего, изъ показанія самого Орлова оказывается, что у него былъ второй томъ сочиненій Лассаля, который, по его же словамъ, былъ имъ переданъ для переписки нѣкоему Августину Блюммеру, а по удостовѣренію Виноградова, переписанный Блюммеромъ 2-й томъ Лассаля былъ при немъ, Виноградовѣ, переданъ Митрофанову, передавшему его въ свою очередь Гауэнштейну. Такое показаніе Виноградова вполнѣ подтверждается Митрофановымъ, по объясненію котораго Блюммеръ, придя однажды къ Низовкину, объявилъ, въ присутствіи его, Митрофанова, что 2-й томъ Лассаля имъ переписанъ, но что онъ не знаетъ, съ кого получить деньги; вслѣдствіе чего Митрофановъ, слышавшій отъ Виноградова, что Лассаль былъ данъ для переписки Орловымъ по порученію „чайковцевъ“, отнесъ рукопись къ Гауэнштейну, а полученныя отъ него деньги передалъ Блюммеру. Несмотря на всѣ нижеизложенныя собранныя противъ него улики, Орловъ виновнымъ себя не призналъ. Въ началѣ лѣта 1873 года кружокъ „чайковцевъ“ увеличился поступленіемъ въ число членовъ дворянина Ѳедора Любавскаго, при чемъ обнаружились и сношенія съ «чайковцами» проживавшаго въ Одессѣ Волховскаго. Любавскій, не окончившій курса наукъ въ гимназіи, при дознаніи показалъ, что въ мартѣ 1873 года онъ отправился изъ Москвы на Кавказъ черезъ Одессу. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ зашелъ къ своей старой зна-

комой Антоновой, вышедшей замужъ за Волховскаго, съ которымъ и познакомился, и который въ разговорѣ сталъ доказывать, что мирный прогрессъ представляется слишкомъ медленнымъ и что, по его мнѣнію, слѣдуетъ заняться изданіемъ книгъ, которыя бы разъяснили причину дурнаго положенія народа, а также и способы улучшить такое положеніе, при чемъ сообщилъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ образовались уже кружки лицъ, занявшихся, съ цѣлью поднятія уровня народнаго развитія, распространеніемъ издаваемыхъ за границей книгъ соціальнаго направленія. Волховской совѣтовалъ и ему, Любавскому, примкнуть къ ихъ кружку, поселиться въ деревнѣ и распространять книги, и при этомъ вручилъ Любавскому программу журнала „Впередъ“. Получивъ отъ Любавскаго согласіе содѣйствовать денежными средствами изданію книгъ, Волховской снабдилъ его письмомъ къ нѣкоему Грибоѣдову (студенту Медико-Хирургической Академіи) въ Петербургѣ, черезъ котораго онъ могъ бы познакомиться съ книгами, въ изданіи которыхъ предполагалъ принять участіе. Прибывъ въ апрѣлѣ въ Петербургъ, Любавскій, по его словамъ, отыскалъ Грибоѣдова и черезъ него познакомился съ Бѣляевымъ, оказавшимся Чайковскимъ, у котораго встрѣтилъ и Чарушина. Чайковскій передалъ Любавскому нѣсколько экземпляровъ „Стеньки Разина“ и „Пѣсенникъ“, а также „Программу рабочихъ“ Лассаля, при чемъ разговоръ зашелъ о кружкѣ; но Чайковскій былъ весьма сдержанъ съ Любавскимъ, „какъ съ новичкомъ“. Получивъ отъ Чайковскаго два письма: одно въ Москву, къ студенту Московскаго университета (по медицинскому факультету) Льву Александрову Тихомірову, а другое въ Самару, къ Сердюкову, Любавскій уѣхалъ въ Москву и познакомился съ Тихоміровымъ, который однажды, въ присутствіи знакомаго Любавскаго, студента университета Богданова, прочелъ имъ стихотвореніе „Аркадскій Принцъ“ и списалъ даже съ него копію для Богданова. Отъ Тихомірова Любавскій получилъ и шифръ для переписки по слѣдующему поводу: въ письмѣ Волховскаго къ Грибоѣдову были шифрованныя мѣста; упомянувъ въ разговорѣ объ означенномъ письмѣ и шифрѣ, Любавскій обратился къ Тихомірову съ просьбой—показать употребляемый имъ шифръ, что Тихоміровъ и исполнилъ. Пробывъ нѣкоторое время въ Москвѣ, Любавскій поѣхалъ въ Самару и по дорогѣ заѣхалъ въ Саратовъ къ своему знакомому Мосолову, который, выслушавъ его разсказъ о распространеніи книгъ, сталъ отговаривать его отъ участія въ этомъ дѣлѣ, при чемъ высказалъ, что онъ когда-то самъ увлекался подобными вещами, но что впослѣдствіи убѣдился, что стоящія во главѣ кружковъ лица часто дѣйствуютъ изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей. Въ Самарѣ Любавскій отыскалъ Сердюкова и передалъ ему какъ письмо Чайковскаго, такъ и около 10 экземпляровъ „Стеньки Разина“, полученныхъ въ С.-Петербургѣ, при чемъ изъ разговора съ Сердюковымъ убѣдился, что послѣдній посвященъ въ дѣло изданія книгъ. Проживъ нѣкоторое время въ Самарской губерніи, Любавскій вернулся въ Москву, гдѣ пробылъ до конца іюня; въ этотъ періодъ времени онъ видѣлся нѣсколько разъ съ Тихоміровымъ, которому сообщилъ, что деньги на изданіе книгъ еще не готовы, и однажды встрѣтился у Тихомірова съ Чайковскимъ и Чарушинымъ. Въ концѣ іюня Любавскій отправился въ Петербургъ, явился къ Чайковскому, но не засталъ его дома и поручилъ какой-то барынѣ, проживавшей у Чайковскаго, не-

редать послѣднему, что деньги имъ, Любавскимъ, еще не собраны. Къ вышеизложенному показанію Любавскій присовокупилъ, что имѣлъ намѣреніе пожертвовать на изданіе книгъ нѣсколько тысячъ рублей, расчитывая выручить деньги черезъ залогъ своего имѣнія, что полученный отъ Чайковскаго „Пѣсенникъ“ былъ имъ переданъ Богданову, и что Волховской, насколько онъ, Любавскій, могъ заключить изъ его словъ, не былъ вполнѣ согласенъ съ безусловною необходимостью революціи, а желалъ, главнымъ образомъ, поднять умственный уровень народа, дабы онъ могъ ясно сознавать свои права. Любавскій былъ задержанъ въ Москвѣ, въ концѣ сентября, при чемъ у него было найдено, между прочимъ нѣсколько народныхъ книгъ и шифръ; по обыску у Тихомірова, произведенному въ началѣ октября, былъ отобранъ литографированный экземпляръ „Отщепенцевъ“, самъ же Тихоміровъ оказался выбывшимъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ впослѣдствіи въ квартирѣ Синегуба. При слѣдствіи Любавскій, подтверждая свое знакомство съ Волховскимъ, Чайковскимъ, Чарушинымъ, Сердюковымъ и Тихоміровымъ, а также полученіе отъ Чайковскаго «Стеньки Разина» и «Пѣсенника», во всемъ остальномъ отвергъ свое показаніе, данное при дознаніи, и объяснилъ, что „Пѣсенникъ“ былъ у него взятъ самимъ Богдановымъ, и что онъ обѣщалъ Чайковскому деньги за изданіе народныхъ книгъ въ родѣ „Двухъ Генераловъ“ Щедрина и разсказовъ Наумова. Любавскій виновнымъ себя не призналъ. Между тѣмъ, первоначальное показаніе Любавскаго находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніи студента Ивана Александрова Богданова. По словамъ послѣдняго, Любавскій передалъ ему программу журнала „Впередъ“ и объяснилъ, что существуетъ Общество Распространенія Книгъ съ цѣлью подготовленія мирнаго соціальнаго переворота, органомъ таковаго Общества и служитъ журналъ „Впередъ“, при чемъ предложилъ Богданову быть корреспондентомъ означеннаго журнала; далѣе Любавскій сообщилъ, что въ Петербургѣ только отдѣленіе вышеупомянутаго Общества, что руководители его находятся въ Женевѣ; что проживающій въ Одессѣ, привлекавшійся къ дѣлу Нечаева, Волховской состоитъ членомъ Общества; что онъ, Любавскій, ведетъ переписку съ Волховскимъ; что распространители книгъ должны составить по всей Россіи кружки, такъ чтобы кто-нибудь одинъ, получая книги прямо отъ Общества, раздавалъ ихъ другимъ членамъ Общества для распространенія; что Тихоміровъ состоитъ чѣмъ-то въ родѣ коммиссіонера по распространенію запрещенныхъ изданій, и что онъ, Любавскій, хочетъ заложить свое имѣніе и часть полученныхъ денегъ передать кому-то на предметъ изданія книгъ. Кромѣ сего изъ показанія Богданова видно, что онъ познакомился черезъ Любавскаго съ Тихоміровымъ, видѣлъ на квартирѣ у послѣдняго нѣсколько экземпляровъ „Пѣсенника“ и „Стеньки Разина“, а также народныя книги, что Тихоміровъ передалъ ему и Любавскому рукописное стихотвореніе „Аркадскій Принцъ“, и что отъ Любавскаго онъ получилъ „Стеньку Разина“ и „Пѣсенникъ“. Тихоміровъ, признавая свое знакомство съ Любавскимъ и Богдановымъ, а также возможность передачи Любавскому „Аркадскаго Принца“, во всемъ остальномъ отвергъ показанія Богданова и Любавскаго, равно какъ и свое знакомство съ Чайковскимъ и Чарушинымъ. Волховской, оставшійся неразысканнымъ во время производства дознанія по дѣлу Любавскаго и задержанный впослѣдствіи по по-

воду навшихъ на него новыхъ обвиненій, отказался при слѣдствіи дат
какія бы то ни было объясненія. Дѣло Любавскаго, по которому дознані
производилось отдѣльно отъ настоящаго дѣла, прекращено въ отношеніі
Тихомірова, и относящіяся до послѣдняго обстоятельства приведены лиш
въ виду ихъ тѣсной связи съ преступною дѣятельностью Любавскаго. Лѣ
томъ того же 1873 года произошло и сближеніе Ярцева съ кружком
„чайковцевъ“. Ярцевъ, проживая въ своемъ имѣніи, селѣ Андрюшинѣ
Новоторжскаго уѣзда, познакомился въ Торжкѣ съ неокончившимъ курс
наукъ въ Технологическомъ Институтѣ оберъ-офицерскимъ сыномъ Леони
домъ Владиміровымъ Поповымъ, что подтверждается какъ показаніемъ По
пова, такъ и показаніемъ Ярцева. Поводомъ къ такому знакомству послу
жило то обстоятельство, что Леонидъ Поповъ, занимавшій съ начал
1873 года должность учителя въ Новоторжской городской народной школѣ
вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ библіотекаремъ въ частной библіотекѣ Львовой
въ числѣ абонентовъ которой находился и Ярцевъ. Въ концѣ мая, как
видно изъ показанія Попова, даннаго при дознаніи, поступилъ въ библіо
теку, въ качествѣ помощника библіотекаря, крестьянинъ Леонидъ Давы
довъ Румянцевъ, который, послѣ отъѣзда Попова въ началѣ іюня в
Петербургъ, занялъ мѣсто библіотекаря и также познакомился съ Ярцевымъ
Посѣщая довольно часто Петербургъ, гдѣ проживала его мать, Ярцевъ, по ег
собственному показанію, въ одно изъ такихъ посѣщеній, лѣтомъ 1873 года
встрѣтился съ Поповымъ, которому, между прочимъ, въ разговорѣ высказал
желаніе имѣть помощникомъ по хозяйству кого-либо изъ образованныхъ людей
вслѣдствіе чего въ іюлѣ явился къ нему въ Андрюшино Кравчинскій, а затѣм
и Чайковскій. Доказательствомъ того, что Кравчинскій былъ присланъ к
Ярцеву Леонидомъ Поповымъ, служитъ показаніе Румянцева. изъ коег
оказывается, что Кравчинскій, явившись къ нему въ Торжкѣ, объявилъ
что онъ знакомъ съ Поповымъ, который, не зная точнаго адреса Ярцева
предложилъ ему обратиться за таковымъ къ Румянцеву. По словамъ Яр
цева, у него бывали съ Кравчинскимъ бесѣды о необходимости распростра
ненія образованія въ народѣ, въ видахъ содѣйствія чему было даже пред
ложено устроить въ селѣ Андрюшинѣ типографію, которая должна был
помѣщаться въ подвалѣ, гдѣ складывался картофель. При дознаніи Яр
цевъ объяснилъ, что для вышеуказанной цѣли онъ и Кравчинскій вырыл
собственноручно въ подвалѣ яму. При слѣдствіи же Ярцевъ измѣнил
свое показаніе, утверждая, что яма существовала съ давняго времен
существованіе означенной ямы подтверждается и актомъ осмотра. Окол
того же времени Ярцевъ познакомился и съ Ободовскою, прибывшею в
Торжокъ на учительскій съѣздъ, на который однако она не была допу
щена, и поселившеюся, по показанію Румянцева, въ одномъ съ нимъ домѣ
вслѣдствіе чего между ними также завязалось знакомство. По словам
Ярцева, Ободовская тоже проживала нѣкоторое время въ Андрюшинѣ, чт
подтверждается и показаніемъ одного андрюшинскаго крестьянина, объя
снившаго, что Ободовская пробыла у Ярцева лишь нѣсколько дней. В
августѣ Ярцевъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, какъ онъ показалъ при доз
наніи, разыскалъ Ободовскую, отъ которой узналъ адресъ Попова, а затѣм
чрезъ Попова познакомился съ Леонидомъ Шишко, а чрезъ Кравчинскаг
съ Синегубомъ. При слѣдствіи Ярцевъ измѣнилъ свое показаніе и объяс

нилъ, что онъ познакомился съ Шишко чрезъ Кравчинскаго, а съ Синегубомъ чрезъ Шишко. Посѣщая Синегуба, Ярцевъ, по его словамъ, читалъ у него журналъ „Впередъ“ и завелъ новыя знакомства, а именно съ Тихомировымъ и Стаховскимъ. Относительно дальнѣйшей своей дѣятельности въ Петербургѣ и всего того, что происходило въ кружкѣ его новыхъ знакомыхъ, Ярцевъ далъ при слѣдствіи показаніе, вполнѣ противорѣчащее тому, что онъ показалъ при дознаніи. Такъ, при слѣдствіи Ярцевъ объяснилъ, что о существованіи общества, имѣющаго цѣлью распространеніе противуправительственныхъ идей, онъ у Синегуба ничего не слышалъ, и что былъ только разговоръ о распространеніи въ народѣ книгъ съ цѣлью образованія народа; между тѣмъ при дознаніи Ярцевъ удостовѣрилъ, что, посѣщая Синегуба и Шишко, онъ встрѣчалъ у нихъ Чайковскаго, Клеменса, Чарушина, Лешаева, Корнилову, Кувшинскаго, Купріянова, Перовскую, Рогачева, Богомолова, Орлова, Лаврова и др., которыхъ онъ назвалъ „членами петербургскаго кружка“. Изъ знакомства съ означенными лицами онъ, Ярцевъ, вынесъ то убѣжденіе, что всѣ они держались одного направленія и стремились къ одной цѣли, а именно, къ пересозданію существующихъ нынѣ экономическаго и государственнаго порядковъ и замѣнѣ таковыхъ „анархіей“. Каждому члену кружка вмѣнялось въ обязанность развивать въ рабочихъ критическое отношеніе къ существующимъ порядкамъ съ тѣмъ, чтобы рабочіе впослѣдствіи сами могли обучать другихъ въ томъ же направленіи. Кромѣ тенденціозныхъ книгъ Ярцевъ видѣлъ въ квартирѣ Шишко прокламацію „Къ русскимъ революціонерамъ“, у Синегуба же читалъ журналъ „Впередъ“ и „Слово вѣрующаго къ народу“. Далѣе, при слѣдствіи Ярцевъ показалъ, что однажды, придя къ Синегубу, онъ въ разговорѣ высказалъ, что у него есть знакомая артель каменщиковъ, въ которой работаютъ многіе изъ андрюшинскихъ крестьянъ, и что ему нужно передать нѣкоторымъ изъ нихъ письма, полученныя на ихъ имя съ родины, вслѣдствіе чего Синегубъ и Стаховскій отправились вмѣстѣ съ нимъ къ каменщикамъ, но что ему неизвѣстно, говорилъ ли съ послѣдними Синегубъ; изъ объясненій же, данныхъ Ярцевымъ при дознаніи, оказывается, что его преступныя дѣйствія были совершены подъ вліяніемъ кружка лицъ, съ которыми онъ въ послѣднее время сошелся, и что подъ впечатлѣніемъ ихъ ученій онъ познакомилъ Синегуба и Стаховскаго съ каменщиками; наконецъ, при слѣдствіи Ярцевъ утверждалъ, что никакихъ запрещенныхъ сочиненій Румянцеву не передавалъ, и что ему неизвѣстно, какимъ образомъ оказалось у послѣдняго писанное рукой его, Ярцева, стихотвореніе „Барка“, которое онъ написалъ подъ чью-то диктовку, между тѣмъ какъ при дознаніи онъ показалъ, что стихотвореніе „Барка“, а также списокъ народныхъ книгъ съ объясненіемъ каждой изъ нихъ, были имъ написаны въ квартирѣ Шишко, при участіи Чарушина, Попова и Тихомірова. Первопачальныя показанія Ярцева находятъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла: По словамъ обвиняемаго Михаила Орлова, послѣдній познакомился съ Ярцевымъ въ квартирѣ Синегуба и встрѣчалъ у Ярцева Чарушина. Изъ показанія обвиняемаго Стаховскаго оказывается, во-1-хъ, что въ квартирѣ Синегуба кромѣ Ярцева бывали Рогачевъ, Кравчинскій, Перовская, Тихоміровъ и другія лица, и во-2-хъ, что Синегубъ, въ присутствіи Ярцева, Рогачева, Тихомірова, Перов-

ской и еще какихъ-то женщинъ, читалъ журналъ „Впередъ“, послѣ чего происходили разговоры, разумѣется, противозаконнаго свойства, какъ выразился Стаховскій, потому что и самъ журналъ былъ революціонный. Въ показаніяхъ, данныхъ при дознаніи, Левъ Тихоміровъ объяснилъ, что однажды въ квартирѣ Синегуба, послѣ чтенія журнала „Впередъ“, былъ разговоръ объ „анархіи“. По признанію самого Синегуба, онъ былъ знакомъ съ Шишко и Чайковскимъ, съ послѣднимъ съ 1871 г. Показаніями нѣсколькихъ крестьянъ, бывшихъ въ артели каменщиковъ, удостовѣрено, что Ярцевъ съ двумя неизвѣстными товарищами два раза приходилъ въ артель, причемъ какъ Ярцевъ, такъ и его товарищи читали рабочимъ какія-то сказки, въ томъ числѣ и про Илью Муромца. При представленіи Ярцеву, во время производства дознанія, рабочаго Алексѣя Васильева Лаврова, Ярцевъ объяснилъ, что Лавровъ есть то самое лицо, о которомъ онъ говорилъ въ своемъ показаніи. Кромѣ сего, подтвержденіемъ показаній, данныхъ Ярцевымъ при дознаніи, служитъ записка Леонида Попова къ сестрамъ Корниловымъ, содержаніе какой записки будетъ приведено ниже. Въ октябрѣ Ярцевъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Андрюшино, съ цѣлью продать свою землю крестьянамъ. Во время пребыванія Ярцева въ Петребургѣ, Синегубъ проживалъ за Невскою заставой, въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 33, куда онъ переселился въ сентябрѣ 1872 года; въ томъ мѣсяцѣ у него поселился товарищъ его по гимназіи и Технологическому Институту—Стаховскій, который въ октябрѣ нанялъ себѣ отдѣльную квартиру недалеко отъ Синегуба, въ домѣ, помѣщавшемся противъ трактира „Рожокъ“; въ сентябрѣ же пріѣхалъ изъ Москвы Левъ Тихоміровъ, который сталъ часто посѣщать Синегуба и, по его собственнымъ словамъ, около мѣсяца жилъ даже въ квартирѣ послѣдняго; наконецъ, въ октябрѣ, какъ видно изъ показаній Стаховскаго и Синегуба, Софья Перовская вмѣстѣ съ Рогачевымъ поселились рядомъ съ Синегубомъ, гдѣ и прожили около недѣли, что признано и самою Перовскою. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ за Невскою заставой проживало нѣсколько лицъ, принадлежавшихъ къ кружку „чайковцевъ“; появленіе означенныхъ лицъ въ такой отдаленной, но преимущественно населенной рабочими мѣстности, имѣло, очевидно, характеръ не случайный, а находилось въ связи съ преступными цѣлями, преслѣдуемыми кружкомъ, и дѣйствительно, всѣ вышеназванныя лица, какъ было обнаружено впослѣдствіи, поселились за Невской заставой единственно въ видахъ болѣе удобнаго сближенія съ рабочими. Квартиры Синегуба и Стаховскаго сдѣлались центрами революціонной пропаганды. Собирая у себя рабочихъ, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, какъ Синегубъ такъ и Стаховскій читали рабочимъ возмутительнаго содержанія книги и комментируя прочитанное, старались внушать своимъ слушателямъ революціонныя идеи. Такая дѣятельность Синегуба и Стаховскаго сдѣлалась извѣстною правительству въ началѣ ноября 1873 года, и 11-го числа того же мѣсяца были произведены обыски какъ у поименованныхъ лицъ, такъ и у рабочихъ, посѣщавшихъ ихъ лекціи. По обыску у рабочаго Степана Зарубаева, проживавшаго въ Смоленской слободѣ, въ домѣ № 80, вмѣстѣ съ другими рабочими, посѣщавшими Синегуба, было найдено, между прочимъ, 9 экземпляровъ „Степныхъ очерковъ“ и рукописное стихотвореніе „Илья

Муромецъ". Въ квартирѣ другихъ рабочихъ, жившихъ въ домѣ № 82 и также обучавшихся у Синегуба, были найдены книги и тетради не преступнаго содержанія, а у одного рабочаго—Ивана Гришина, въ карманѣ оказались возмутительнаго содержанія стихотворенія: „Барка", „Народъ и Царь" и „Дума Ткача". При обыскѣ у Синегуба найдено: рукописное воззваніе „Гей, работники, несите топоры, ножи съ собою", „Къ рабочему народу", „Стенька Разинъ" и несомнѣнно писанный кѣмъ-либо изъ рабочихъ призывъ „Къ избіенію проклятаго племени чиновниковъ и собственниковъ, чтобы добыть свободу и подѣлить землю". Во время производства обыска у Синегуба въ квартирѣ послѣдняго находились и были задержаны: рабочій Филиппъ Заозерскій и Левъ Тихоміровъ, назвавшійся Тигровичемъ. По обыску у Стаховскаго отобрана записная книжка, съ выписками изъ сочиненій Миртова (Лаврова), Лассаля и Флеровскаго. Отобранныя у Синегуба рукописныя воззванія и стихотвореніе оказались писанными рукой Синегуба, равно какъ и стихотворенія, найденныя у Гришина; а стихотвореніе „Илья Муромецъ", взятое у Зарубаева—рукой Стаховскаго. По показанію Зарубаева, найденныя у него книги были принесены къ нему наканунѣ обыска отъ Синегуба однимъ изъ рабочихъ, а по удостовѣренію Заозерскаго, стихотворенія „Барка" и др. были даны ему для прочтенія Синегубомъ, а имъ, Заозерскимъ, переданы Гришину. Характеръ занятій Синегуба съ рабочими вполнѣ выясненъ рядомъ показаній обучавшихся у него лицъ. По словамъ послѣднихъ, Синегубъ читалъ имъ „Дѣдушку Егора", „Митюху" и другія народныя книги, а также „Илью Муромца" и „Стеньку Разина", при чемъ называлъ Илью и Разина героями и освободителями народа отъ баръ, которые, по его мнѣнію, притѣсняютъ бѣдныхъ и живутъ на счетъ народа, обремененнаго податями и рекрутчиной; доказывалъ необходимость отнятія земли у баръ и раздѣла ея между всѣми поровну, и пѣлъ преступнаго содержанія пѣсни, какъ-то „Барку" и др. Кромѣ того, изъ показаній тѣхъ же рабочихъ видно, что Синегубъ давалъ имъ деньги для найма квартиры и подарилъ имъ мебель, которую, какъ оказывается изъ показанія Синегуба, оставили ему Перовская и Рогачевъ. Давая рабочимъ деньги, Синегубъ, по удостовѣренію одного свидѣтеля, говорилъ, что у него деньги тоже крестьянскія, такъ какъ онъ получаетъ ихъ отъ своего отца, такого же „міроѣда„ какъ и другіе, почему и считаетъ нужнымъ тратить ихъ на пользу крестьянъ. Вышеизложенныя показанія рабочихъ находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи крестьянина Михаила Кошкарева, проживавшаго рядомъ съ квартирой нѣкоторыхъ рабочихъ, обучавшихся у Синегуба. По словамъ Кошкарева, онъ видѣлъ Синегуба, приходившаго нанимать квартиру для рабочихъ, вскорѣ послѣ переѣзда которыхъ слышалъ разговоръ ихъ съ Синегубомъ, доказывавшимъ, что до Рождества Христова не было податей, которыхъ и теперь платить не слѣдуетъ; кромѣ сего Кошкаревъ слышалъ однажды въ квартирѣ рабочихъ пѣніе: пѣли—„Барку" и „Волюшку". Помощникомъ Синегуба въ его занятіяхъ съ рабочими былъ Левъ Тихоміровъ, что признано и самимъ Тихоміровымъ, который отвергъ лишь преступный характеръ своихъ сношеній съ рабочими. Между тѣмъ изъ показаній Синегуба видно, что онъ считалъ Тихомірова за человѣка, могущаго стать въ его, Синегуба, ряды: по удостовѣренію Стаховскаго, Тихоміровъ принадлежалъ къ числу лицъ

недовольныхъ существующимъ порядкомъ. Независимо отъ сего, изъ пок
занія одного рабочаго оказывается, что Тихоміровъ присутствовалъ
квартирѣ Синегуба при пѣніи пѣсни „Барка“, а по словамъ проживавша
вмѣстѣ со Стаховскимъ студента Медико-Хирургической Академіи Конста
тина Борисевича, Тихоміровъ въ занятіяхъ своихъ съ рабочими преслѣд
валъ ту же цѣль, что и Синегубъ и Стаховскій. Стаховскій былъ сове
шенно солидаренъ съ Синегубомъ и, собирая въ своей квартирѣ рабочих
внушалъ имъ тѣ же революціонныя идеи, которыя составляли суть учен
Синегуба. Изъ показаній обучавшихся у Стаховскаго рабочихъ видно, ч
Стаховскій читалъ имъ „Стеньку Разина“, называлъ его освобод
телемъ и защитникомъ крестьянъ, которые работаютъ много, а живу
бѣдно, платя оброкъ на господъ и чиновниковъ; указывалъ на Ам
рику, гдѣ народъ живетъ безъ царя, говорилъ о чрезмѣрныхъ,
его мнѣнію, расходахъ на Императорскій дворъ и на правительств
внушалъ, что всѣ должны быть равны, что добиться всеобщаго раве
ства одному человѣку нельзя, но что достигнуть этого можно, ес
соберется много людей, и т. д. Показанія рабочихъ подтверждаются п
казаніемъ Борисевича, по удостовѣренію котораго Стаховскій, равно ка
и Синегубъ и Тихоміровъ, имѣли цѣлью уяснить рабочимъ недостатки ны
существующаго порядка вещей и указать имъ на лучшій порядокъ, п
которомъ народъ управлялъ бы самъ собою, улучшилъ бы свое экономич
ское положеніе и достигъ бы того, что не было бы ни богатыхъ, ни бѣ
ныхъ, а всѣ были бы равны. По словамъ Борисевича, Стаховскій чита
рабочимъ книги и, поясняя прочитанное, указывалъ на то, что капита
есть ни что иное какъ удержанная плата, слѣдуемая рабочимъ, доказ
валъ непроизводительное расходованіе государственныхъ доходовъ и разск
зывалъ, что въ древности русскій народъ управлялся самъ собою, выб
ралъ князей и назначалъ надъ ними судъ. При дознаніи Борисевич
описывая подробнѣе характеръ занятій Стаховскаго съ рабочими, поясни
что Стаховскій доказывалъ необходимость измѣненія существующаго порядк
совѣтовалъ рабочимъ заявлять о своихъ требованіяхъ сообща и дѣйств
вать противъ хозяевъ и вообще старался развить въ рабочихъ недовол
ство существующимъ порядкомъ и заставить ихъ стремиться къ измѣнен
таковаго. Изъ числа учениковъ Синегуба одинъ рабочій, а именно Степа
Петровъ Зарубаевъ, усвоилъ себѣ революціонное направленіе и въ сво
очередь занялся пропагандой. Преступная дѣятельность Зарубаева бы
обнаружена на родинѣ его, въ Тверскомъ уѣздѣ, куда онъ отправился п
слѣ освобожденія его изъ-подъ стражи, въ концѣ 1874 г. По прибыт
на родину, Зарубаевъ, какъ это удостовѣрено свидѣтельскими показаніям
роздалъ нѣсколькимъ лицамъ слѣдующія книги: „Исторію одного францу
скаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „
мученикѣ Николаѣ“ и прокламацію „Чтой-то братцы“, причемъ разсказы
валъ, что у него въ Петербургѣ хорошее знакомство, что хотя онъ и ма
работалъ, но имѣлъ достаточно денегъ, что онъ пріѣхалъ изъ Петербур
по чьему-то порученію, получивъ на расходы 78 р. и что онъ за подо
ныя книги уже содержался въ Литовскомъ замкѣ. Кромѣ сего изъ дѣ
видно, что Зарубаевъ, еще до отъѣзда своего изъ Петербурга, въ ноябр
1874 года, передалъ одному знакомому крестьянину „Сказку о четыре

тьяхъ“ и «Стеньку Разина». При обыскѣ у Зарубаева найдено: 2 эк-
пляра «Сказки о четырехъ братьяхъ», 2 экземпляра «О мученикѣ Ни-
аѣ», 3 экземпляра «Чтой-то братцы», «Степьки Разина» и «Пѣсен-
а», рукопись подъ заглавіемъ: «Съ чего слѣдуетъ начинать» (первое
ьмо къ рабочимъ) и нѣсколько тенденціозныхъ книгъ. Изъ показанія,
наго Зарубаевымъ при слѣдствіи, видно, что онъ познакомился съ Си-
убомъ еще въ то время, когда послѣдній жилъ въ Клочкахъ. Синегубъ,
словамъ Зарубаева, читалъ рабочимъ «Исторію одного французскаго
стьянина» и «Стеньку Разина», а также пѣлъ «Барку», а Тихоміровъ
орилъ рабочимъ объ имѣвшей появиться «Сказкѣ о четырехъ братьяхъ»;
адолго до своего ареста Синегубъ передалъ ему, Зарубаеву, для чтенія
раздачи въ народѣ, около 40 книгъ, часть которыхъ была отобрана при
искѣ, а остальныя, хранившіяся въ деревянномъ сараѣ, не были найдены,
онъ эти книги впослѣдствіи привезъ на родину. Признавая себя за-
мъ виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, Зарубаевъ
бстѣ съ тѣмъ пояснилъ, что распространялъ ихъ не въ народѣ, а ме-
у своими знакомыми и безъ противозаконной цѣли. Синегубъ, отрицав-
й на первыхъ допросахъ свою виновность, при предъявленіи ему слѣд-
ія заявилъ, что признаетъ себя виновнымъ въ покушеніи на составленіе
средѣ рабочихъ сообщества, съ цѣлью измѣненія существующаго эконо-
ческаго строя, а также въ составленіи найденныхъ у него при обыскѣ
хотвореній, писанныхъ карандашемъ, присовокупляя, что въ квартирѣ
происходили чтенія журнала «Впередъ» въ присутствіи другихъ лицъ,
кого именно, не помнитъ. Впослѣдствіи, при предъявленіи Синегубу
дственнаго производства о Зарубаевѣ, онъ отказался отъ первыхъ
ухъ пунктовъ сдѣланнаго имъ сознанія. Стаховскій призналъ себя ви-
нымъ въ покушеніи на составленіе въ средѣ рабочихъ сообщества съ
лью измѣненія существующаго экономическаго порядка, а Левъ Тихомі-
въ виновнымъ себя не призналъ. Между тѣмъ Ярцевъ, по пріѣздѣ своемъ
Андрюшино, запродалъ крестьянамъ за 5.000 р. землю, купленную имъ у
тери и братьевъ за 8.000 р., которые не были имъ еще уплачены, и
къ видно изъ его показанія, имѣлъ намѣреніе сдѣлаться «офеней», т. е.
няться продажей народныхъ книгъ, почему и обратился къ волостному
ршинѣ съ просьбой о выдачѣ ему крестьянскаго паспорта. Въ это время
цевъ, усвоивъ себѣ ученіе «чайковцевъ», былъ уже вполнѣ съ ними
нидаренъ, доказательствомъ чего служатъ какъ вышеприведенные его по-
упки, такъ и дальнѣйшій, удостовѣренный свидѣтельскими показаніями,
разъ его дѣйствій. Состоя попечителемъ Дмитровской земской школы, въ
торой учительницей была мѣщанка Ольга Шевырева, Ярцевъ, въ ноябрѣ
73 года, посѣтилъ означенную школу и остался ночевать у сельскаго
аросты; въ разговорѣ съ послѣднимъ Ярцевъ высказывалъ, что крестья-
мъ жить трудно, что правительство тратитъ деньги на пустяки, и что
ло бы лучше, еслибы въ Россіи была республика, какъ во Франціи и
другихъ земляхъ; увидѣвъ же духовное содержаніе книги, сказалъ, что
се это вздоръ», а въ дальнѣйшемъ разговорѣ доказывалъ, что бѣднымъ
ѣдуетъ подняться и перебить богатыхъ, чтобы сравняться имуществомъ.
разговорахъ съ крестьянами Ярцевъ, какъ видно изъ показаній нѣко-
ыхъ свидѣтелей, говорилъ, что за границей порядки лучше, потому что

тамъ нѣтъ государя, и что онъ, Ярцевъ, терпѣть не можетъ баръ—и всѣхъ бы ихъ перебилъ; кромѣ сего Ярцевъ давалъ нѣкоторымъ крестьянамъ читать книги и въ присутствіи крестьянъ напѣвалъ „Барку“. Въ этотъ періодъ времени проживалъ у Ярцева, въ Андрюшинѣ, Румянцевъ, оставившій мѣсто библіотекаря въ Торжкѣ и желавшій занять должность сельскаго учителя, съ каковою цѣлью онъ, по его собственнымъ словамъ, ѣздилъ во Владимірскую губернію. Въ ноябрѣ Ярцевъ вмѣстѣ съ Румянцевымъ отправился въ Петербургъ, при чемъ, какъ видно изъ показанія крестьянина Емельяна Аверьянова, предъ отъѣздомъ зашли къ Аверьянову и пили у него чай, послѣ чего Ярцевъ сказалъ Румянцеву: „пиши, я продиктую имъ стихи“, и сталъ диктовать Румянцеву стихотвореніе: „Друзья, пріятели свободы“. Означенные стихи были впослѣдствіи представлены Аверьяновымъ жандармскому офицеру. Ярцевъ и Румянцевъ подтвердили показаніе Аверьянова. Послѣ отъѣзда Ярцева въ Андрюшино явились Кравчинскій и Рогачевъ и, несмотря на отсутствіе Ярцева, остались въ той мѣстности и нанялись въ пильщики къ одному лѣсопромышленнику. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ ноября, по распоряженію волостного старшины, которому поведеніе ихъ казалось подозрительнымъ, Кравчинскій и Рогачевъ были задержаны и отправлены къ становому приставу, но дорогой успѣли бѣжать и появились затѣмъ: Кравчинскій въ Москвѣ, а Рогачевъ—въ Пензѣ, гдѣ и продолжали свою преступную дѣятельность. Поѣздка Кравчинскаго и Рогачева въ Андрюшино была извѣстна оставшимся въ Петербургѣ членамъ кружка Чайковскаго, доказательствомъ чего служитъ письмо Рогачева или Кравчинскаго къ двоюродному брату Рогачева, дворянину Виктору Лехницкому. Означенное письмо, написанное, какъ можно заключить изъ его содержанія, послѣ ареста Кравчинскаго и Рогачева, было передано ими, послѣ побѣга, крестьянину Ивану Клементьеву для опущенія въ почтовый ящикъ, при чемъ Клементьеву были даны и деньги на покупку почтовой марки. Клементьевъ опустилъ въ ящикъ письмо, забывъ приклеить къ нему марку, вслѣдствіе чего письмо не было отправлено и могло быть впослѣдствіи пріобщено къ дѣлу. Вышеупомянутое письмо, написанное на французскомъ языкѣ и притомъ крайне безграмотно, оказалось слѣдующаго содержанія: „мы не можемъ идти дальше вслѣдствіе внезапной болѣзни. Скажите, что Вы потеряли банковый билетъ Дмитрія, а не послали его нѣкоему Ф. Покажите это письмо какъ можно скорѣе нашимъ друзьямъ. Скажите имъ, что надо послать Ф. или кого-нибудь изъ его друзей за всѣмъ, что онъ послалъ Ф.“ Лехницкій, разспрошенный по содержанію адресованнаго на его имя письма, объяснилъ, что по просьбѣ Рогачева имъ была послана въ Торжокъ, на имя Фонтузогло, посылка съ бѣльемъ, а также указъ объ отставкѣ Рогачева. Вслѣдствіе такого показанія Лехницкаго, изъ Новоторжской почтовой конторы была вытребована къ дѣлу посылка на имя Фонтузогло, по вскрытіи которой въ ней было найдены: двѣ красныя рубашки изъ кумача, двѣ пары нижняго бѣлья, записка на имя Дмитрія Александровича и указъ объ отставкѣ Рогачева. По прибытіи въ Петербургъ, Ярцевъ и Румянцевъ поселились на одной квартирѣ съ рабочимъ Михаиломъ Орловымъ и вскорѣ затѣмъ, 5-го декабря 1873 года, были арестованы вслѣдствіе разнесшагося въ Новоторжскомъ уѣздѣ и дошедшаго до свѣдѣнія подлежащихъ

астей слуха, ни на чемъ, впрочемъ, не основаннаго, о томъ, что Ярцевъ правился въ Петербургъ съ цѣлью совершить ужасное злодѣяніе. При ыскѣ въ квартирѣ Ярцева, Румянцева и Орлова было найдено: у пер-го—упомянутый уже выше списокъ книгъ съ объясненіемъ ихъ содер-шія, у второго—писанное рукой Ярцева стихотвореніе „Барка“, прокла-ція „Чтой-то братцы“ и записная книжка съ адресами Шишко, Ярцева Александры Корниловой, а у послѣдняго—третій томъ сочиненій Чер-шевскаго; кромѣ сего, въ чемоданѣ, оставленномъ Румянцевымъ во Вла-мірѣ, у мѣщанина Зубова, найдено письмо Ободовской къ Румянцеву, которомъ Ободовская, между прочимъ, сообщала о своемъ намѣреніи сти пропаганду среди раскольниковъ. При дознаніи Ярцевъ, сознаваясь своихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, далъ чистосердечное показаніе, сущ-сть котораго приведена уже выше, при чемъ возстановилъ даже текстъ ставленнаго имъ воззванія къ народу, въ коемъ говорится о раздѣлѣ или, о выборныхъ, которые будутъ управлять крестьянами, и о Стенькѣ винѣ и Пугачевѣ; при слѣдствіи же, измѣнивъ свое показаніе, Ярцевъ ьстѣ съ тѣмъ отвергъ и свою виновность. Румянцевъ не призналъ себя новнымъ и, объяснивъ сначала, что прокламація „Чтой-то братцы“ ла имъ получена отъ „чайковца“ Мокіевскаго-Зубова, впослѣдствіи , такого показанія отказался. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Яр-ва былъ задержанъ и Леонидъ Поповъ, при обыскѣ у котораго была йдена книга Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne, а же значительное количество народныхъ книгъ и сочиненій по рабочему просу. Поповъ, дававшій при дознаніи крайне неопредѣленныя и уклон-выя показанія. содержась въ новоторжскомъ тюремномъ замкѣ, напи-ъ двѣ записки, которыя, по доставленіи его въ Петербургъ, вручилъ ровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру Бабичу съ просьбою редать таковыя Александрѣ Корниловой или ея сестрѣ Любови (нынѣ дюковой). Представленныя Бабичемъ въ жандармское управленіе иска Леонида Попова оказались слѣдующаго содержанія: 1) „Меня ртельно мучитъ провалъ съ Гал—ко. Когда мнѣ объявили, что пове-ъ въ Торжокъ, я былъ въ сильномъ волненіи, опасаясь Я—ва и за дьбу Ж—ва. Эта ошибка лежитъ на моей совѣсти, я себѣ не могу го простить. И этотъ поступокъ, и позоръ кружка страшно мучитъ я. Яр—въ разсказалъ все до мельчайшихъ подробностей, привирая, ъ напримѣръ, приписывая мнѣ Барку. Онъ указалъ на Ш—ко, Б—ву, —ву, Ч—го, Ж—ва и, безъ сомнѣнія, прочихъ. Онъ и солилъ и мнѣ, Тигру, и С—гу. Показалъ онъ и на Оба—у. У него найдено письмо къ Линду съ фамиліями Об—и Любимовой. Взяли у меня адресную ижку. Отъ адреса Н. Ив. Кр—вой не могъ отказаться. Есть адресъ о—го. Ярц. показалъ и на Ор. и на Бог—а. Показалъ о travaill и енщ. Моя пѣсенка спѣта, остается вамъ рѣшить хорошо ли. Если ажетесь отъ меня, то дайте gift (у), (яд). Прощайте, пишу острога. Теперь, безъ сомнѣнія, везутъ въ Питеръ. Итакъ, бесѣ-о съ вами послѣдній разъ. У меня былъ адресъ О. А. Маш—ой. ашно тяжело. Пою пѣсни и привожу въ умиленіе жандармовъ. нимался математикой, но все-таки невыносимъ наши дорог. Прощайте е, дорогіе мои. Настрочите кабатчика и выдайте 5 р. Филогр. Кромѣ

Ж—ва, (знакомъ съ нимъ) я отказался отъ всего. Ради Бога Sauve peut.“ 2-я) „Что-то показали либералы? Вашъ судъ тяготѣетъ мною. Все бы вынесъ, но не нравственную каторгу. Какъ бы я же слышать Вашъ приговоръ обо мнѣ (безпр...). Это было бы единстве поддержкой мнѣ. Въ темнотѣ, утромъ я призналъ другого за Ч-ка по лосу и росту. Какъ, право, это гадко. Здѣсь прокуроръ все стара польстить моей образованности“. Леонидъ Поповъ, по предъявленіи вышеприведенныхъ записокъ, призналъ, что таковыя писаны имъ и по жали передачѣ одной изъ сестеръ Корниловыхъ. Изъ объясненій Попо сопоставленія содержанія записокъ съ обстоятельствами дѣла оказыва что въ запискахъ упоминаются фамиліи обвиняемыхъ: Шишко, Чай скаго, Корниловой, Синегуба, Тихомірова, Ободовской, а также фак студента Медико-Хирургической Академіи Богомолова и дворянки Ба ковой (нынѣ уже осужденной по другому дѣлу). Леонидъ Поповъ, т рищъ Синегуба и Чарушина по Технологическому Институту, не приз себя виновнымъ. По обыску, произведенному 5 января въ квартирѣ стеръ Корниловыхъ, проживавшихъ вмѣстѣ съ Софіею Перовскою, най слѣдующее: „Лексиконъ“ Рейфа, на первой страницѣ котораго напи фамилія Синегуба, „Прокотолъ перваго конгресса союза швейцарскихъ бочихъ“ на нѣмецкомъ языкѣ, юрихскаго изданія, „Mémoire prés par la Fédération jurassienne“, шифрованное письмо, принадлежа по заявленію Александры Корниловой, сей послѣдней, и документы Се Синегуба. Во время производства обыска, въ квартиру Корниловыхъ были Анатолій Сердюковъ, слушательница женскихъ курсовъ Медико рургической Академіи Анна Дмитріева Кувшинская, Степанъ Мокіев Зубокъ, вольнослушатель Технологическаго Института, и Александра довская. Александра Корнилова, изучавшая, по ея словамъ, въ 1872 акушерство въ Вѣнѣ, объяснила, что интересовалась ходомъ рабочаго проса за границею, почему въ разговорѣ со своими знакомыми и сообщ можетъ быть, нѣкоторыя по сему предмету свѣдѣнія; разъяснить содер ніе найденнаго у нея шифрованнаго письма Корнилова не пожелала также отказалась дать какія-либо объясненія о своихъ знакомствахъ; носительно же записокъ Леонида Попова заявила, что содержаніе тако для нея непонятно. Низовкинъ, по предъявленіи ему Александры Ко ловой, призналъ въ ней ту личность, о которой онъ говорилъ въ св показаніи. Александра Корнилова не признала себя виновною. Въ то вр когда Синегубъ, Стаховскій и прочія поименованныя выше сего лица тировали за Невскою заставой, другіе члены кружка „чайковцевъ“ дѣятельную пропаганду среди рабочихъ, проживавшихъ на Выборгской онѣ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ означенной мѣстности былъ рушинъ, еще въ 1872 году появившійся, какъ видно изъ показанія ноградова, въ домѣ № 38 по Астраханской улицѣ, гдѣ жили Низовк Сердюковъ, Виноградовъ и сестра Купріянова. Лѣтомъ того же 1872 Чарушинъ въ гор. Вяткѣ передалъ своему бывшему товарищу по Вят гимназіи, студенту Казанскаго университета Евгенію Овчинникову, нѣско народныхъ книгъ, а также, по удостовѣренію Овчинникова, имѣлъ съ слѣднимъ разговоръ о томъ, что слѣдовало бы заняться распространен между рабочими свѣдѣній о различныхъ артельныхъ товариществахъ.

ъ въ 1873 году Чарушинъ, какъ уже сказано выше, появлялся съ
ковскимъ въ Москвѣ у Льва Тихомірова, у котораго встрѣтился съ
авскимъ, а осенью того же года приступилъ вмѣстѣ съ другими „чай-
цами“ къ веденію пропаганды, вполнѣ схожей какъ по содержанію,
ъ и по пріемамъ съ пропагандою Синегуба, Стаховскаго и др. Вмѣстѣ
Чарушинымъ на Выборгской сторонѣ занимались пропагандой: Анна
шинская, жившая, по ея собственному показанію, на одной квартирѣ
Чарушинымъ, Клеменсъ, Шишко, Купріяновъ, Гауэнштейнъ, Перовская
возвратившійся изъ-за границы князь Крапоткинъ. Послѣдній былъ из-
венъ подъ фамиліей Бородина, а Кувшинская подъ именемъ Марьи Ан-
вны. На Выборгской сторонѣ, подобно тому какъ и за Невскою заста-
сближеніе съ рабочими происходило подъ предлогомъ обученія послѣд-
грамотѣ; знакомясь съ рабочими, пропагандисты старались прежде
о пріобрѣсти ихъ довѣріе и затѣмъ постепенно развивали предъ ними
ученіе Изъ цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній видно, что Чару-
ъ заводилъ знакомство съ рабочими преимущественно въ трактирахъ и
мъ предлагалъ обучать ихъ грамотѣ; заручившись согласіемъ рабочихъ,
шинъ являлся къ нимъ, приводя съ собою Клеменса и Шишко, а за-
предлагалъ рабочимъ приходить на уроки въ указываемыя имъ мѣ-
Первоначально рабочіе собирались въ Казарменномъ переулкѣ, въ
тирѣ, въ которой жили Шишко и Перовская, предъ переселеніемъ по-
ней вмѣстѣ съ Рогачевымъ за Невскую заставу, что подтверждается и
заніями Шишко и Перовской; въ этой квартирѣ рабочіе впервые по-
омились съ Перовскою и Купріяновымъ. Затѣмъ рабочіе были пригла-
являться въ Крашивный переулокъ, въ квартиру студента С.-Петер-
скаго Университета Хохрякова, гдѣ появились Анна Кувшинская и
ъ Крапоткинъ, и наконецъ, по предложенію Кувшинской и при со-
твіи Крапоткина и Клеменса, было нанято особое помѣщеніе для
нихъ на дачѣ Бабонина, въ Головинскомъ переулкѣ, гдѣ рабочихъ по-
ли Крапоткинъ, Клеменсъ, Кувшинская, Купріяновъ и Гауэнштейнъ.
бзаведеніе поселившимся на дачѣ Бабонина, рабочимъ были даны деньги.
ную часть которыхъ внесъ Клеменсъ, а когда означенныя деньги
лись пропитыми, то Крапоткинъ сильно бранилъ за это рабо-
и собралъ сходку для обсужденія поступка послѣднихъ. На этой
ѣ,—на которой присутствовали нѣсколько рабочихъ, а изъ числа
телей“ Крапоткинъ, Клеменсъ, Купріяновъ и Кувшинская,—было
но оставить на дачѣ Бабонина пропившихъ деньги рабочихъ изъ
нія, чтобъ они не заявили о сношеніяхъ своихъ съ пропаганди-
. Желая пріобрѣсти довѣріе и расположеніе рабочихъ, агитаторы,
ущественно Чарушинъ и Шишко, приглашали ихъ въ трактиры, гдѣ
оощали на свой счетъ, а впослѣдствіи, въ видахъ окончательнаго
зиленія связи рабочихъ съ дѣломъ пропаганды, предложили рабочимъ
ить кассу для покупки книгъ и оказанія помощи товарищамъ, при-
Чарушинъ и Шишко показывали 500 руб., говоря, что эти деньги
ны ими для кассы. Бесѣдуя съ рабочими въ трактирахъ, Чарушинъ
ишко проводили ту мысль, что народъ терпитъ притѣсненія потому
о, что не понимаетъ своего положенія, при чемъ Чарушинъ и Шишко
рисутствіи рабочихъ пѣли пѣсни: „Долго насъ помѣщики душили“,

„Доля паша долюшка“ и „Барку“; впослѣдствіи же, познакомивш
поближе со своими слушателями, Чарушинъ сталъ имъ доказывать,
правительство, богачей, купцовъ и чиновниковъ надо уничтожить, для ч
необходимо произвести бунтъ. Въ бесѣдахъ съ рабочими на собранія
происходившихъ въ Казармен[illegible]мъ переулкѣ, Чарушинъ, Клеменсъ, Купр
повъ и Шишко высказывали, что рабочимъ слѣдуетъ избавиться отъ п
тѣсненій правительства, и что для этого необходимо уничтожить путе
возстанія верховную власть и правительство, послѣ чего земля будетъ
распоряженіи крестьянъ, а фабрики въ рукахъ рабочихъ. Присутствовави
на этихъ сходкахъ Перовская, какъ видно изъ показаній рабочихъ, д
тельнаго участія въ нихъ не принимала. На собраніяхъ въ Кравивс
переулкѣ Чарушинъ, Клеменсъ, Шишко, Куприяновъ, а также Кувшинс
и Крапоткинъ, тоже убѣждали рабочихъ въ необходимости произвести бу
для уничтоженія правительства. Бунтъ долженъ былъ начаться въ да
нихъ губерніяхъ на Волгѣ, какъ училъ Чарушинъ, при чемъ рабочимъ в
шалось, что, получивъ достаточную подготовку, они должны будутъ ра
ѣхаться по губерніямъ и пропагандировать въ деревняхъ и на фабрика
необходимость возстанія. Одному изъ рабочихъ, родомъ изъ Кинешемск
уѣзда, Чарушинъ прямо предложилъ отправиться на родину съ нимъ
съ другимъ лицомъ, для возбужденія народа къ бунту, при чемъ, ка
узналъ впослѣдствіи рабочій, предполагалось отправить съ нимъ Шиш
На дачѣ Бабонина, Крапоткинъ, Клеменсъ, Куприяновъ и Кувшинская р
вивали предъ рабочими тѣ же самыя ученія, и при этомъ Клеменсъ го
рилъ, что если „вырвать дубъ, то надо вырывать и всѣ корни“, а К
поткинъ высказывалъ, что недостаточно истребить дворянство и выс
классы общества, а что слѣдуетъ уничтожить и Верховную Власть, пот
что въ противномъ случаѣ высшіе классы вновь образуются. Гауэнштей
приходившій на дачу Бабонина вмѣстѣ съ Куприяновымъ, говорилъ то
что и другіе. Независимо отъ сего, Чарушинъ и Крапоткинъ говорили
которымъ рабочимъ, что мощей нѣтъ, и вообще старались подорвать
своихъ слушателяхъ религіозное чувство. Послѣ ареста Чарушина, пос
довавшаго въ началѣ января 1874 года, Шишко уговаривалъ ра
чихъ не робѣть, а дѣйствовать такъ, какъ училъ Чарушинъ, и
вѣтовалъ, въ случаѣ ареста, отзываться о всемъ незнаніемъ; такого
рода совѣты давала рабочимъ и Кувшинская. Параллельно съ та
устною пропагандой шла и книжная. Такъ, по удостовѣренію рабочи
Чарушинъ, Крапоткинъ, Клеменсъ, Шишко, Куприяновъ и Кувшинская
тали имъ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Стеньку Разин
и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, а также давали имъ означенныя кн
для чтенія на руки; Гауэнштейнъ читалъ рабочимъ „Пѣсенникъ“
„Исторію одного французскаго крестьянина“ или „Сказку о четырехъ бра
яхъ“; а Крапоткинъ кромѣ сего, „Пугачевщину“ въ рукописи: впосл
ствіи же Крапоткинъ принесъ печатную книжку о Пугачевѣ и разсказа
рабочимъ, что Пугачевщина была написана имъ, Крапоткинымъ, и что
посылалъ рукопись за границу, гдѣ она и была напечатана. Въ п
твержденіе своихъ показаній, нѣкоторыми рабочими были представле
къ дѣлу полученныя ими отъ пропагандистовъ книги, въ числѣ
торыхъ находятся: „Пѣсенникъ“ и „Исторія одного французскаго к

нина". Въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами, пропагандировавшими Выборгской сторонѣ, находились Богомоловъ и Мокіевскій-Зубокъ. Боловъ, какъ будетъ изложено ниже, устроилъ кузницу, въ которой рали, подготовляя себя къ революціонной дѣятельности, члены такъ наемаго кружка артиллеристовъ, а также Чарушинъ, который и былъ ржанъ въ квартирѣ Богомолова. Относительно Мокіевскаго-Зубка слѣдмъ выяснено слѣдующее: по показаніямъ двухъ рабочихъ, Крапоткинъ, въ однажды, что на дачѣ Бабонина ночевали рабочіе, занимавшіеся где у студентовъ, сказалъ, что ихъ надо свести къ Зубку, вслѣдствіе вышеупомянутые двое рабочихъ, получивъ отъ Крапоткина записку, которой были написаны лишь слова: „Вашъ пріятель Бородинъ", отились къ Зубку по адресу, также указанному Крапоткинымъ. Мокіевскійкъ пригласилъ рабочихъ въ трактиръ, а узнавъ отъ нихъ желаніе поткина, выразилъ готовность заниматься съ рабочими, для чего и хо- нанять особую квартиру, при чемъ объяснилъ, что, ожидая постоянно ка, онъ у себя никого не принимаетъ, также не держитъ у себя ъ, которыя, впрочемъ, скоро у него будутъ. Во время производства варительнаго слѣдствія Мокіевскій-Зубокъ, находившійся подъ надзо- полиціи, скрылся изъ Петербурга и былъ впослѣдствіи задержанъ Москвѣ, въ то время когда онъ покушался войти въ сношеніе съ сокавшеюся въ полицейскомъ домѣ Яузской части дочерью штабсъ-капи- Лидіею Фигнеръ, обвинявшеюся въ государственномъ преступленіи и ѣ уже осужденною. Преступная дѣятельность всѣхъ вышепоименнованныхъ сдѣлалась извѣстною правительству въ началѣ 1874 г., и всѣ были задержаны, за исключеніемъ Шишко и Клеменса, успѣвшихъ иться отъ преслѣдованія и отправившихся въ Москву, гдѣ они вмѣ- съ Кравчинскимъ занялись организаціей московскихъ кружковъ. ушинъ былъ задержанъ въ квартирѣ Богомолова, при чемъ нася купеческимъ сыномъ Петромъ Шуравинымъ. При обыскѣ у Чаруа были найдены: записная книжка, два письма, писанныя, очено, крестьяниномъ, одно изъ нихъ съ вырѣзанными фамиліями. Въ ь письмѣ сообщается, между прочимъ, что „насъ восемь человѣкъ недѣльныхъ, которые имѣютъ понятія"; записка, подписанная буквами II.—„Податель сего, Чарушинъ, общій другъ мой, Іогана и Чайково"; рукописное воззваніе „къ земледѣльческому населенію" и книги: ла солому ломитъ", „Послѣдняя революція" Гамбона, „Государствень и Анархія" и „Историческое развитіе интернаціонала". По обыску нязя Крапоткина найдено: нѣсколько сочиненій о международной ассоіи рабочихъ, пакетъ съ надписью „въ Москву" съ 3-мя вытравлени паспортными бланками и шифрованною запиской, другое шифрованписьмо и заклеенное въ конвертъ письмо изъ Москвы на имя „Нико- Алексѣевича", подписанное буквою „К.", въ каковомъ письмѣ говоя о путешествіи двухъ лицъ по Тульской и Рязанской губерніямъ, съ ью революціонной пропаганды. По разборѣ писанныхъ шифромъ запии письма оказалось, что въ запискѣ указывался способъ вытравленія та паспортовъ и что письмо было получено изъ Москвы, отъ лица, мнѣнно принадлежавшаго къ революціонному сообществу; въ означенъ письмѣ, служащемъ нагляднымъ доказательствомъ вполнѣ установив-

шихся къ веснѣ 1874 г. сношеній петербургскихъ агитаторовъ съ моско
скими, упоминается, между прочимъ, объ Обнорскомъ, Сердюковѣ и Фр
ленко, изъ коихъ послѣдній принадлежалъ къ московскому кружку студе
товъ Петровской академіи. У Ивана Гауэнштейна были найдены день
въ количествѣ 1110 руб. 73 коп., о которыхъ упомянуто уже выше,
также писанныя рукою кн. Крапоткина сочиненія: „Пугачевщина“
„Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя“,
поправками, сдѣланными рукою Гауэнштейна; часть 2 т. сочиненій Ла
саля; нѣсколько переписанныхъ изъ означенной книги статей и писы
Натансона, въ которомъ послѣдній рекомендуетъ Александру Христофор
вичу своего друга и товарища по мысли и дѣлу. У Анны Кувшинск
найденъ IV т. сочиненій Черпышевскаго, женевскаго изданія, а у Мокіе
скаго-Зубка: 15 экз. „Дѣдушки Егора“, „Впередъ“, „Сила солому л
митъ“, „Стенька Разинъ“. „Емелька Пугачевъ“, „Гражданская война
Франціи“—Маркса и книга, на первой страницѣ которой написаны дв
фамиліи—Франжоли и Лукашевичъ. У Софьи Перовской были найдены дв
тетради, озаглавленныя „Кассовая“ и „Главная“, а также тетрадь съ названіям
стихотвореній: „Доля“, „Барка“, „Кузнецъ“, „Свобода“, „Дума“, и т.
Купріяновъ былъ задержанъ въ дачѣ Бабонина, при чемъ у него бы
отобрана записная книжка, исписанная шифромъ; на дачѣ Бабонина оказ
лось значительное количество тенденціозныхъ книгъ. Купріяновъ призна
себя виновнымъ въ томъ, что велъ пропаганду съ цѣлью измѣненія сущ
ствующаго порядка, для чего знакомился съ рабочими и читалъ им
книги: „Сказку о 4 братьяхъ“, „Пѣсенникъ“, „Стеньку Разина“, а такж
передалъ рабочимъ „Стеньку Разина“ и „Исторію одного французска
крестьянина“. Гауэнштейнъ призналъ свое знакомство съ Низовкинымъ
Кравчинскимъ и Чайковскимъ, а также—что читалъ рабочимъ „Сказку
4 братьяхъ“ и стихотворенія „Барку“ и „Аркадскій принцъ“, но пр
этомъ не пожелалъ объяснить цѣли такого чтенія. Шишко, признавая, чт
жилъ въ одномъ домѣ съ Перовскою, въ Казарменномъ переулкѣ, на в
просъ о виновности, отвѣчать отказался. Перовская, не отвергая своег
знакомства съ Чайковскимъ, Рогачевымъ, Синегубомъ и Ободовскою,
также и то, что Шишко жилъ въ ея квартирѣ, въ Казарменномъ переулк
виновною себя не признала, равно какъ и Чарушинъ, Мокіевскій-Зубок
Крапоткинъ и Кувшинская, изъ показанія которой, между прочимъ, видн
что она была знакома съ Чайковскимъ, Синегубомъ, Гауэнштейномъ
Перовскою. Крапоткинъ во время производства слѣдствія бѣжалъ изъ-под
стражи. Изъ числа прочихъ лицъ, принадлежащихъ къ кружку „чайко
цевъ“, Богомоловъ умеръ, Чайковскій, Левашевъ, Лисовскій, Грибоѣдовъ
Обнорскій не были разысканы, а Сердюковъ и Хохряковъ обнаружили пр
знаки разстройства умственныхъ способностей. Александра Ободовская, нын
Сидорацкая, бывшая сельская учительница въ Тверской губерніи, был
знакома, какъ оказывается изъ ея собственнаго показанія, съ Флеров
скимъ (Берви), Натансономъ, Левашевымъ, Корниловою, Перовскою, Ку
шинскою, Синегубомъ, Кравчинскимъ, Ярцевымъ, Румянцевымъ, Сердюко
вымъ и московскимъ пропагандистомъ Саблинымъ. Кромѣ сего, какъ бу
детъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія обстоятельствъ дѣла, Ободовска
была знакома почти со всѣми членами петербургскихъ кружковъ, а такж

имѣла сношенія съ провинціальными агитаторами, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ революціонной пропаганды, въ которой и сама желала принять дѣятельное участіе. Отобранное у Румянцева письмо Ободовской, уже упомянутое, не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія и находитъ себѣ подкрѣпленіе въ оказавшемся у Ободовской письмѣ основателя сыроваренныхъ артелей въ Тверской губерніи Верещагина, въ которомъ послѣдній извѣщаетъ, что, согласно желанію Ободовской, онъ пріискалъ ей мѣсто среди раскольниковъ. Вмѣстѣ съ другими „чайковцами“ Ободовская имѣла непосредственное вліяніе на образованіе такъ называемаго кружка артиллеристовъ и, какъ видно изъ показанія Рабиновича, явилась даже представительницею сего кружка на происходившихъ весною 1874 года собраніяхъ депутатовъ всѣхъ почти петербургскихъ кружокъ „чайковцевъ“. При двукратномъ обыскѣ у Ободовской была найдена обширная переписка, при чемъ Ободовская выбросила за окно записку Саблина: „Былъ у васъ, не засталъ дома, если увидите Д., скажите ему, что онъ найдетъ меня въ редакціи „Знанія“, Лит., д. 62, кв. 12, пусть спроситъ прямо Н. А. С.—а“. Сидорацкая не признала себя виновною. Дальнѣйшее участіе Сидорацкой въ дѣлахъ сообщества будетъ указано ниже, при изложеніи преступной дѣятельности кружковъ и лицъ, съ которыми она находилась въ сношеніяхъ. Къ кружку „чайковцевъ“, безъ сомнѣнія, принадлежалъ первоначально и Низовкинъ, столь близко знакомый съ большинствомъ членовъ кружка и со всею его дѣятельностью, но въ концѣ 1873 или началѣ 1874 года между Низовкинымъ и „чайковцами“ произошелъ полный разрывъ, и Низовкинъ сталъ уговаривать рабочихъ не сходиться съ „чайковцами“. Рабочій Виноградовъ въ показаніи своемъ объяснилъ, что Низовкинъ относился враждебно къ кружку „чайковцевъ“, потому что послѣдніе дѣйствовали слишкомъ радикально; по мнѣнію же Митрофанова, Низовкинъ вооружилъ рабочихъ противъ „чайковцевъ“ изъ самолюбія. Какъ бы то ни было, въ началѣ 1874 года Низовкинъ несомнѣнно обнаружилъ стремленіе создать свой собственный кружокъ изъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онъ вошелъ въ сношенія еще въ 1872 году и для которыхъ, при содѣйствіи Сердюкова, имъ была устроена библіотека. Вся преступная дѣятельность Низовкина тѣсно связана съ этою библіотекой. Изъ показанія Виноградова видно, что пожертвованія на покупку книгъ сосредоточивались первоначально въ рукахъ Низовкина, передавшаго затѣмъ, по словамъ Митрофанова, на время своего отсутствія изъ Петербурга лѣтомъ 1873 года, завѣдываніе библіотекой Обморскому и Виноградову. 31 декабря того же года, по удостовѣренію нѣсколькихъ рабочихъ, Низовкинымъ была собрана въ квартирѣ рабочаго Смирнова сходка, на которой было постановлено, чтобы каждый рабочій платилъ извѣстный процентъ съ своего заработка на увеличеніе средствъ библіотеки, а также была учреждена касса для оказыванія помощи рабочимъ, арестуемымъ по политическимъ дѣламъ. По показаніямъ другихъ, кассиромъ кассы былъ избранъ Лавровъ, кассиромъ библіотечной кассы рабочій Волковъ, а библіотекаремъ Смирновъ, при чемъ, для большого удобства, библіотека была раздѣлена на три части: Василеостровскую, Выборгскую и Невскую (за Невскою заставой). Послѣ ареста Лаврова завѣдываніе кассою перешло къ Виноградову, а 3 марта 1874 года

Низовкинъ вновь собралъ сходку въ Измайловскомъ полку, на которой та
говорилось о дѣлахъ библіотеки, при чемъ Низовкинъ убѣждалъ рабоч
прервать сношенія съ „чайковцами“. Между тѣмъ уже въ концѣ 1873 г
Виноградовъ, по его собственному показанію, пріобрѣлъ на библіотеч
деньги 4 экз. „Гражданской войны во Франціи“, а въ началѣ 1874 г
поручилъ Митрофанову, по удостовѣренію послѣдняго, купить у Гауэнште
„Государственность и Анархію“ и „Историческое развитіе интерна
нала“—что Митрофановъ и исполнилъ. Кромѣ сего, по словамъ Вино
дова, имъ былъ полученъ отъ кого-то журналъ „Впередъ“ и нѣскол
экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и „Стеньки
зина“ отъ Низовкина; послѣднее обстоятельство подтверждается, вопервы
показаніями Митрофанова, изъ которыхъ оказывается, что для библіот
было пріобрѣтено 15 экз. „Исторіи французскаго крестьянина“ и 10
„Стеньки Разина“, и вовторыхъ, показаніемъ Низовкина, удостовѣривш
что имъ было пріобрѣтено 15 экз. „Исторіи крестьянина“ и 10
„Гражданской войны во Франціи“, которые и были затѣмъ переданы
бочимъ. Всѣ выше поименованныя книги поступили, по показанію Вино
дова, въ библіотеку рабочихъ и самъ Виноградовъ давалъ ихъ чит
своимъ товарищамъ. Изъ показаній нѣсколькихъ рабочихъ видно, что
ноградовъ передалъ имъ для чтенія „Исторію одного французскаго к
стьянина“, „Стеньки Разина“ и „Слово вѣрующаго къ народу“, и по с
вамъ самого Виноградова, онъ давалъ для чтенія и журналъ „Вперед
По обыску у Виноградова найдены:—журналъ „Впередъ“ и „Государств
ность и Анархія“. Послѣ освобожденія изъ-подъ ареста Виноградовъ в
стѣ съ рабочимъ Карломъ Иванайненъ, какъ видно изъ ихъ показа
отправились за границу безъ паспортовъ, были въ Швейцаріи, вид
Лисовскаго и разыскивали Обнорскаго, котораго однако не нашли, и
тѣмъ, при возвращеніи въ Россію, были задержаны на границѣ. Вино
довъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному со
ществу. Низовкинъ, не отвергая передачи рабочимъ „Исторіи одного фр
цузскаго крестьянина“ и „Гражданской войны во Франціи“, тѣмъ не
нѣе не призналъ себѣ виновнымъ ни въ чемъ и объяснилъ, что сбли
ніе его съ рабочими было вызвано лишь желаніемъ содѣйствовать ихъ об
зованію. Такое объясненіе Низовкина, противорѣча всѣмъ обстоятельства
дѣла, находитъ себѣ опроверженіе и въ показаніяхъ двухъ рабочихъ,
словамъ которыхъ Низовкинъ говорилъ, что необходимо уничтожить д
рянъ, купцовъ и правительство и сдѣлать такъ, чтобы не было Царя
чтобы всѣ были равны. Въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ „чайковцам
находился кружокъ, основанный въ концѣ 1873 г. народнымъ учителе
Ееофаномъ Никандровымъ Лермонтовымъ и носившій по фамиліи сво
основателя названіе „кружка Лермонтова“, подъ каковымъ названіемъ
и былъ извѣстенъ между петербургскими революціонерами, что видно
показанія мѣщанина Моисея Рабиновича и дворянина Льва Городецка
Лермонтовъ, какъ слѣдуетъ заключить изъ показанія, даннаго при дозна
Любавскимъ, принадлежалъ первоначально къ кружку Чайковскаго,
которымъ разошелся въ началѣ 1873 г., потому что желалъ играть гл
ную роль въ кружкѣ. Такое показаніе Любавскаго представляется вес
правдоподобнымъ въ виду того, что Лермонтовъ, подобно Чайковско

ѣлъ сношенія съ Натансономъ, что доказывается отобранною у Ободов-
ой перепискою, а также и потому, что еще въ 1872 г. Лермонтовъ, по
остовѣренію Рабиновича, вращался въ средѣ „чайковцевъ“, у одного изъ
торыхъ, а именно у Левашева, произошло первое знакомство Рабиновича
Лермонтовымъ. Кромѣ Левашева, Лермонтовъ изъ кружка „чайковцевъ“
алъ и Александру Ободовскую, которая въ письмахъ своихъ къ нему,
зывала его „дорогимъ другомъ“ и обращалась къ нему, употребляя мѣ-
именіе „ты“. Относительно своего знакомства съ Ободовскою, Лермон-
въ объяснилъ, что сближенію ихъ содѣйствовало то обстоятельство, что
а они интересовались народнымъ образованіемъ, при чемъ Ободовская не
ла практически знакома съ народною школою, тогда какъ онъ, Лер-
нтовъ, былъ близко знакомъ съ дѣломъ народнаго образованія, вслѣдствіе
го, какъ выразился Лермонтовъ, они и должны были „сойтись, объединиться въ
момъ существѣ вопроса“. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что не одинъ вопросъ
народномъ образованіи занималъ Лермонтова и Ободовскую. По обыску
послѣдней были отобраны, между прочимъ, два письма: одно изъ Опочки,
ь 4 мая, безъ обозначенія года, подписанное буквами „Ф. Н. Л.“, а дру-
е, отъ 12 августа 1873 г. изъ Петербурга подписанное „Прокоповичъ»,
носительно которыхъ Ободовская первоначально показала, что письмо изъ
очки относится къ 1871 году и написано Лермонтовымъ, а что письмо
подписью „Прокоповичъ“ писано не къ ней; но впослѣдствіи признала,
о и это послѣднее письмо получено ею отъ Лермонтова, по возвращеніи
изъ села Едимнова, Корчевскаго уѣзда, гдѣ она была нѣкоторое время
ительницею въ школѣ при сыроваренномъ заводѣ Верещагина. Въ письмѣ
ь 4 мая Лермонтовъ извѣщалъ, между прочимъ, Ободовскую, что въ Пе-
бургѣ онъ, вѣроятно, будетъ бочаромъ или кузнецомъ, а въ письмѣ отъ
августа сообщалъ свой адресъ: „5-я рота Измайловскаго полка, д.
20, Якову Сыченкову — на внутреннемъ конвертѣ Ф. Н.“. Такой спо-
ъ переписки, а также желаніе Лермонтова сдѣлаться бочаромъ или
знецомъ, становятся вполнѣ понятными въ виду удостовѣреннаго Рабі-
вичемъ обязательства, что Лермонтовъ уже въ 1872 году доказывалъ
у, Рабиновичу, что единственный выходъ изъ существующаго порядка
щей заключается въ кровавой революціи. Лѣтомъ 1873 г. Лермонтовъ,
словамъ Рабиновича, ѣздилъ за границу, гдѣ и познакомился съ дво-
нкою Евгеніею Константиновною Судзиловскою, которая, по возвращеніи
Петербургъ, поселилась вмѣстѣ съ цюрихскою студенткою Варварою
ановною Ваховскою, въ домѣ № 8, по Троицкому переулку, и стала по-
щать акушерскіе курсы. Въ это время Рабиновичъ, приготавливаясь къ
ступленію въ Медико-Хирургическую Академію, жилъ въ квартирѣ дво-
нина Сергѣя Ковалика, куда его помѣстилъ одинъ изъ его знакомыхъ,
которымъ онъ встрѣчался у Левашева: въ этой же квартирѣ поселился
нью 1873 г. и Лермонтовъ, подъ фамиліею Варуздина, введенный къ
валику, насколько помнитъ Рабиновичъ, Судзиловскою. Проживая на
ой квартирѣ, Рабиновичъ и Лермонтовъ вошли въ болѣе близкія сно-
нія, и, по показанію Рабиновича, Лермонтовъ сталъ ему разсказывать о
кунинѣ, съ которымъ былъ знакомъ лично, объ эмигрантѣ Сажинѣ, на-
вавшемъ себя Россомъ, и о цюрихской жизни, развивалъ предъ нимъ
рхическую теорію и, наконецъ, предложилъ Рабиновичу поѣхать за

границу, войти въ сношенія съ Сажинымъ и заняться ввозомъ въ Росс
революціонныхъ сочиненій. Рабиновичъ принялъ предложеніе Лермонтов
вслѣдствіе чего они и ѣздили за границу, но возвращеніи откуда Рабин
вичъ, вернувшійся ранѣе Лермонтова, поселился на квартирѣ Судзиловско
Вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ Лермонтовъ, а также появились въ кварти
Судзиловской старые друзья Лермонтова — дочь генералъ-майора Соф
Александровна Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и мѣщанинъ Куріакъ Родіоно
Милоглазкинъ, изъ коихъ послѣдній былъ знакомъ съ Лермонтовымъ
Технологическому Институту, въ которомъ оба они слушали лекціи, а Л
шернъ, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ Лермонтовымъ
1871 году, въ одномъ изъ засѣданій педагогическаго общества.
1873 году Лешернъ не была уже новичкомъ въ дѣлѣ революціонной пр
паганды. Вскорѣ послѣ своего знакомства съ Лермонтовымъ, въ 1871
она отправилась въ имѣніе своей матери, село. Меглецы, Боровичска
уѣзда, гдѣ, по ея собственнымъ словамъ, завѣдывала дѣлами ссудо-сбер
гательнаго товарищества, а въ 1872 году открыла школу, учителемъ
которой былъ Гамовъ, нынѣ осужденный по дѣлу Долгушина и др. Дѣ
тельность Гамова и Лешернъ имѣла послѣдствіемъ закрытіе школы и во
прещеніе Лешернъ быть гдѣ-либо учительницей, а вслѣдъ затѣмъ ей бы
запрещено заниматься и дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества.
взирая на запрещеніе быть учительницей, Лешернъ продолжала учить кр
стьянскихъ дѣтей, внушая имъ при этомъ революціонныя идеи, доказ
тельствомъ чего служитъ показаніе крестьянскаго мальчика Ивана Павло
Бондарева, по словамъ котораго, послѣ удаленія Гамова, стала учить Л
шернъ. Занятія происходили по вечерамъ, въ помѣщеніи школы, при чем
дверь затворялась съ внутренней стороны желѣзнымъ крюкомъ, а окна з
навѣшивались занавѣсками. Лешернъ читала ученикамъ „Дѣдушку Егора
„Стеньку Разина“ и др. книги, названій которыхъ Бондаревъ не помнит
и говорила, что надо сдѣлать бунтъ, перебить господъ, какъ Стенька Р
зинъ перебилъ бояръ, и что всѣ должны быть равны, при чемъ о чтеніях
приказывала не болтать. Хотя показаніе Бондарева, указавшаго лицъ, кром
него присутствовавшихъ на чтеніяхъ, сими послѣдними не было подтве
ждено, тѣмъ не менѣе справедливость объясненія Бондарева удостовѣряет
слѣдующимъ показаніемъ становаго пристава Малиновскаго: по словам
послѣдняго, получивъ отъ исправника приказаніе слѣдить затѣмъ, чтоб
Лешернъ не учила въ школѣ, онъ однажды, осенью 1873 г., поздно в
черомъ, подъѣхалъ къ школѣ съ завязаннымъ колокольчикомъ и убѣдилс
что въ школѣ занимаются: окна были закрыты изнутри, а дверь заперт
На стукъ—Лешернъ спросила: „кто стучитъ“ и долго не отворяла двере
когда же, наконецъ, таковыя были отперты, то онъ не останавливаясь ра
говаривать съ вышедшею къ нему Лешернъ, прошелъ прямо въ школ
гдѣ и засталъ двухъ или трехъ мальчиковъ, которые на его вопросъ, гд
остальные, отвѣтили, что тѣ ушли изъ школы по черной лѣстницѣ. Выше
названныя лица, т. е. Судзиловская. Лешернъ, Рабиновичъ и Милоглазкин
составили подъ руководствомъ Лермонтова кружокъ, что подтверждаетс
показаніемъ самого Рабиновича. Ваховская, проживавшая въ одной квар
тирѣ съ Рабиновичемъ и Судзиловскою, очевидно, тоже примкнула к
кружку. Кружокъ Лермонтова придерживался теоріи Бакунина, что не

сомнѣнно вытекаетъ какъ изъ приведеннаго уже разговора Лермонтова съ Рабиновичемъ, въ которомъ первый развивалъ ученіе объ анархіи, такъ и изъ того обстоятельства, что Судзиловская и Ваховская усвоили себѣ революціонное направленіе за границей, подъ непосредственнымъ вліяніемъ русскихъ эмигрантовъ, сближеніе съ которыми повліяло также и на окончательное посвященіе себя Лермонтовымъ дѣлу революціонной пропаганды. Программа практической дѣятельности кружка вполнѣ выяснилась на сходкахъ, происходившихъ въ квартирахъ студентовъ Технологическаго Института, Головина и Чернышева. На означенныхъ сходкахъ, въ которыхъ принимали участіе лица, принадлежавшія къ разнымъ петербургскимъ кружкамъ, обсуждались, какъ видно изъ показанія Рабиновича, слѣдующіе вопросы: а) какимъ образомъ довести народъ до революціи; б) въ какомъ положеніи всего удобнѣе дѣйствовать среди народа: въ положеніи рабочаго, или же въ положеніи болѣе или менѣе привелигированномъ— въ качествѣ учителя, фельдшера, медика, земскаго дѣятеля; в) нужна ли для народнаго дѣятеля научная подготовка; г) какимъ образомъ дѣйствовать въ народѣ: пропагандируя ли соціально-революціонныя истины, просвѣщая, такъ сказать, теоретически рабочую массу насчетъ ея положенія и уничтоженія властей, или же, опираясь на существующее въ народѣ недовольство, прямо, безъ предварительной подготовки, возбуждать народныя страсти, и д) если дѣйствовать послѣднимъ путемъ, то какимъ образомъ расположить свои дѣйствія: захватывать ли обширныя мѣстности, стараясь связать между собою разрозненные центры недовольства, или же ограничиваясь одною мѣстностью—селомъ, деревней и т. д., пользоваться подходящимъ случаемъ и вызывать бунтъ, вспышку? Вопросъ же о необходимости соціальной революціи считался предрѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ. При обсужденіи вышеприведенныхъ вопросовъ, кружокъ Лермонтова, какъ оказывается изъ показанія Рабиновича, высказался въ томъ смыслѣ, что пропагандировать въ народѣ слѣдуетъ въ положеніи рабочаго, возбуждая революціонныя страсти и распространяя свою дѣятельность на обширныя мѣстности, при чемъ научная подготовка признавалась для пропагандиста излишнею. Нѣкоторые изъ членовъ кружка употребляли въ перепискѣ шифръ, такъ напримѣръ: Лермонтовъ, Рабиновичъ и Лешернъ, при чемъ двое послѣднихъ, по словамъ Рабиновича, приняли шифръ, изобрѣтенный Коваликомъ и состоявшій изъ неприличныхъ словъ. Въ этомъ отношеніи показаніе Рабиновича подтверждается записками Лешернъ, писанными ею впослѣдствіи, во время содержанія ея подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ. Особой кассы у кружка не было и вообще денежныя средства его были ограниченны: расходы по перевозкѣ изъ-за границы книгъ покрывались частными средствами отдѣльныхъ лицъ, какъ-то, напримѣръ: сыномъ генералъ-майора Михаиломъ Шрейдеромъ (скрывшимся) и Войнаральскимъ, отъ котораго Рабиновичъ получилъ 300 р., а Лермонтовъ, какъ видно изъ дѣла, очень нуждался въ деньгахъ. Кружокъ Лермонтова имѣлъ сношенія со всѣми прочими петербургскими кружками. Изъ „чайковцевъ“ посѣщали квартиру Судзиловской, по удостовѣренію Рабиновича, Ободовская, Чарушинъ, Богомоловъ и др., фамилій которыхъ онъ не помнитъ. Рабиновичъ, кромѣ сего, былъ знакомъ съ Купріяновымъ, Кравчинскимъ и др. Съ кружкомъ Ковалика въ близкихъ сношеніяхъ на-

ходились, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Лермонтовъ, Рабиновичъ
Судзиловская, а также Ваховская, что доказывается запиской, отбранн
впослѣдствіи у Ковалика. Рабиновичъ, по его собственному показани
работавшій нѣкоторое время въ устроенной агитаторами кузницѣ въ
ровой улицѣ, встрѣчался тамъ съ членами такъ называемыхъ кружко
артиллеристовъ и оренбуржцевъ, а Лешернъ была знакома съ нѣкоторы
членами кружка самарцевъ, доказательствомъ чего служатъ, во-1-ыхъ,
казаніе Лешернъ, изъ котораго видно, что она знала Надежду Юргенсо
во 2-хъ, письма, отобранныя впослѣдствіи у Лешернъ при ея задерж
ніи. Весною 1874 г. кружокъ Лермонтова принялъ участіе въ обще
стремленіи кружковъ къ болѣе тѣсному сближенію между собою. Рабин
вичъ, по его собственному показанію, явился представителемъ кружка Ле
монтова въ собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ, послѣдствіе
каковыхъ собраній было, какъ уже сказано выше, учрежденіе общей касс
По словамъ Рабиновича, онъ и Ободовская находились нѣкоторое время
числѣ лицъ, коимъ было поручено завѣдываніе кассою, основной капита
которой составился изъ 300 р. с., внесенныхъ членомъ кружка Черн
шева—Каблицомъ, и изъ суммъ, собранныхъ со студенческихъ вечеро
Касса, по удостовѣренію Рабиновича, снабдила деньгами члена кіевска
кружка Дробышъ-Дробышевскаго, уѣзжавшаго въ Кіевъ, а также пете
бургскихъ агитаторовъ Воронцова и Цвиневу, бѣжавшихъ за грани
Кромѣ сношеній съ петербургскими кружками, кружокъ Лермонтова имѣ
связи и съ революціонными дѣятелями другихъ мѣстностей. Лермонто
имѣлъ сношенія съ Волховскимъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйш
изложенія обстоятельствъ дѣла, а въ Кіевѣ; по показанію Рабиновича,
членами мѣстнаго кружка Дебагоріо-Мокріевичемъ и Николаемъ Судзило
скимъ, братомъ Евгеніи Судзиловской. По словамъ Рабиновича, Лермонто
въ концѣ 1873 г., послалъ его въ Кіевъ для устройства книжной аге
туры, при чемъ далъ ему письмо къ Судзиловскому и поручилъ узнать о
Дебагоріо-Мокріевича, имѣвшаго непосредственныя сношенія съ эмигра
томъ Сажинымъ, что сталось съ книгами, высланными послѣднимъ
южную границу. Судзиловская, Лешернъ и Рабиновичъ имѣли сношенія
Войноральскимъ, познакомившимся съ Судзиловскою черезъ Анну Туш
скую, съ которою Судзиловская, какъ видно изъ ея показанія, встрѣчала
въ повивальномъ институтѣ. Милоглазкинъ находился въ близкихъ сно
ніяхъ съ нижегородскимъ кружкомъ; Рабиновичъ—съ харьковскимъ и кіе
скимъ и былъ знакомъ, по его собственнымъ словамъ, со многими моск
скими революціонными дѣятелями: съ Саблинымъ, Алексѣевою, братья
Аркадакскими и т. д.; Ваховская имѣла сношенія съ кіевскимъ кружко
что видно изъ приложенной къ дѣлу копіи письма Дебагоріо-Мокріеви
а также и съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ, доказательствомъ че
служитъ показаніе, данное при дознаніи дворяниномъ Георгіемъ Трудни
кимъ, принадлежавшимъ одно время къ одесскому кружку. По слова
Трудницкаго, онъ видѣлся съ Ваховскою въ концѣ 1873 г. и старал
склонить ее на путь мирнаго прогресса, но всѣ старанія его остали
тщетными. Независимо отъ сего, Лермонтовъ поддерживалъ постоянн
сношенія съ русскими эмигрантами, преимущественно съ Сажинымъ, п
содѣйствіи котораго и съ помощію Рабиновича организовалъ ввозъ

Россію, черезъ прусскую границу, книгъ революціоннаго содержанія. Сношеніе съ Сажинымъ, а также операція ввоза книгъ, подробно описаны Рабиновичемъ въ его показаніи. Изъявивъ, какъ уже было сказано выше, согласіе участвовать въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, Рабиновичъ условился съ Лермонтовымъ насчетъ плана дѣйствій, при чемъ было рѣшено, что Лермонтовъ отправится за границу черезъ южныя губерніи, а Рабиновичъ черезъ сѣверныя, и что оба они съѣдутся въ Берлинѣ, гдѣ и встрѣтятся съ Сажинымъ. Лермонтовъ далъ Рабиновичу шифрованную записку къ Сажину и указалъ, какимъ образомъ разыскать въ Берлинѣ какъ его, такъ и Сажина, а именно, по пріѣздѣ въ Берлинъ Рабиновичъ долженъ былъ спросить на почтѣ письмо на имя Ухтомскаго, въ каковомъ письмѣ и долженъ былъ находиться адресъ Сажина, самому же Рабиновичу надлежало оставить на почтѣ свой адресъ въ письмѣ на имя Дзигоева. Пятаго или шестаго ноября 1874 г. Рабиновичъ, разставшись съ Лермонтовымъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ и разыскалъ Сажина, а нѣсколько дней спустя пріѣхалъ Лермонтовъ. Всѣ названныя лица провели вмѣстѣ дня два, совѣщаясь насчетъ перевозки и распространенія книгъ, послѣ чего Рабиновичъ съ Сажинымъ поѣхали въ пограничный прусскій городъ Шервиндъ, а Лермонтовъ остался въ Берлинѣ, ожидая возвращенія Сажина. Въ Шервиндѣ Рабиновичъ и Сажинъ отыскали контрабандиста, кельмейскаго мѣщанина Мовшу Вульфова Эдельштейна, которому назвались вымышленными именами: Рабиновичъ—именемъ „Котья“, а Сажинъ—именемъ „Будо“, и условились съ Эдельштейномъ, что послѣдній будетъ доставлять книги изъ Шервинда въ какой-нибудь городъ, находящійся за таможенною линіей, напр., въ Кейданы или Ковно, съ платою по 30 руб. съ пуда. Тотчасъ послѣ заключенія такого условія съ Эдельштейномъ, Сажинъ уѣхалъ въ Берлинъ, а оттуда вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ Прагу, а Рабиновичъ остался въ Шервиндѣ, дожидаясь присылки книгъ. Черезъ недѣлю книги были доставлены въ Шервиндъ. Эдельштейнъ, при помощи Рабиновича, перепаковалъ книги на чердакѣ дома контрабандиста Эрнста Братца и затѣмъ увезъ ихъ, сказавъ Рабиновичу, чтобъ онъ явился за полученіемъ таковыхъ въ Кейданы, къ еврею Вульфу Розенблату, адресъ котораго и передалъ Рабиновичу. Не имѣя денегъ для уплаты слѣдующей Эдельштейну за перевозку книгъ суммы, Рабиновичъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ, какъ уже сказано выше, и поселился въ квартирѣ Судзиловской. Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія Рабиновича, за книгами отправился упомянутый уже выше Шрейдеръ (скрывшійся), который, заплативъ изъ своихъ средствъ слѣдующія Эдельштейну деньги, получилъ отъ него квитанцію Варшавской желѣзной дороги, по которой Рабиновичъ впослѣдствіи и получилъ тюки съ книгами. Доставленныя такимъ образомъ книги „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, были розданы петербургскимъ революціоннымъ дѣятелямъ, въ томъ числѣ и посѣщавшимъ квартиру Судзиловской — Чарушину, Ободовской, Богомолову, Каблицу, Ивану Чернышеву и др. Предъ отъѣздомъ изъ Шервинда Рабиновичъ оставилъ Эдельштейну, для переписки съ нимъ, адресъ жены технолога, Александры Ивановой Агарковой. По этому адресу было получено въ мартѣ 1874 г. извѣщеніе о прибытіи второго транспорта книгъ, за полученіемъ котораго также ѣздилъ Шрейдеръ, на этотъ

разъ въ Ковно, а въ іюнѣ самъ Рабиновичъ, получившій въ то время 300 руб. отъ Войноральскаго, отправился въ Кейданы за третьимъ транспортомъ, который и былъ имъ доставленъ въ Петербургъ, причемъ Рабиновичъ для дальнѣйшей съ нимъ переписки сообщилъ Эдельштейну новый адресъ почетнаго гражданина Ѳеодора Ѳеодорова Орлова. По этому послѣднему адресу, равно какъ и по адресу Агарковой, Рабиновичъ получилъ нѣсколько писемъ, что подтверждается показаніями Агарковой и Орлова, изъ которыхъ послѣдній зналъ Рабиновича подъ именемъ Лемени. Вышеизложенное показаніе Рабиновича подтверждается вполнѣ показаніемъ Мовши Эдельштейна, умалчивающаго лишь о второмъ транспортѣ книгъ, переданныхъ Шрейдеру въ Ковнѣ, а также и показаніемъ Вульфа Розенблата, удостовѣрившаго сношенія Рабиновича съ Эдельштейномъ. Кромѣ сего, изъ показанія Розенблата оказывается, что Эдельштейнъ въ началѣ августа 1874 г. отправилъ куда-то по желѣзной дорогѣ тюкъ, задѣланный въ деревянный ящикъ. Этотъ послѣдній тюкъ былъ найденъ 9-го августа 1875 г. въ пакгаузѣ Московской товарной станціи Николаевской желѣзной дороги, при разборкѣ непринятыхъ въ теченіе года кладей. Въ упомянутомъ тюкѣ, доставленномъ изъ Кейданъ, оказалось: 300 экземпляровъ сочиненія: „Русской соціально-революціонной молодежи“ по поводу брошюры „Задачи революціонной партіи въ Россіи“ — редактора журнала „Впередъ“; одинъ экземпляръ книги: Kapital und Arbeit“. ein populärer Auszug aus „Das Kapital, von Karl Marx“ 8 экземпляровъ 2 тома журнала „Впередъ“; 16 экземпляровъ „Письма безъ адреса“; „Неизданная статья Н. Г. Чернышевскаго“ и 46 №№ газеты „Der Volksstaat“ за 1874 г. Не отвергая своего участія въ дѣлѣ ввоза въ Россію книгъ, Эдельштейнъ виновнымъ себя не призналъ. Въ апрѣлѣ 1876 г. былъ задержанъ въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ бывшій студентъ Технологическаго Института Михаилъ Петровъ Сажинъ, высланный въ 1868 г. административнымъ порядкомъ въ городъ Вологду за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и бѣжавшій впослѣдствіи за границу. Не признавая себѣ виновнымъ, Сажинъ объяснилъ, что ни Лермонтова, ни Рабиновича, ни Эдельштейна не знаетъ, и что цѣлью его пріѣзда въ Россію была вербовка волонтеровъ въ Герцеговину. Между тѣмъ, по предъявленіи Сажина Рабиновичу, послѣдній призналъ въ немъ то самое лицо, съ которымъ видѣлся въ Берлинѣ и ѣздилъ въ Шервиндъ, при этомъ, до предъявленія ему Сажина, Рабиновичъ не только назвалъ его имя и отечество и описалъ совершенно вѣрно его примѣты, но даже указалъ на то, что Сажинъ пишетъ четко и старательно, что вполнѣ подтверждается показаніемъ Сажина, собственноручно имъ записаннымъ. Эдельштейнъ, которому Сажинъ также былъ предъявленъ, отозвался, что не можетъ съ увѣренностью сказать, былъ ли у него Сажинъ подъ именемъ Будо, такъ какъ послѣдняго онъ видѣлъ въ Шервиндѣ одинъ только разъ. Независимо отъ вышеизложеннаго, Сажинъ имѣлъ еще непосредственныя сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи, Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ таганрогскаго кружка, которому тоже доставлялъ изъ-за границы книги революціоннаго содержанія, въ чемъ принималъ участіе и Эдельштейнъ. Участіе Сажина и Эдельштейна въ преступной дѣятельности Павловскаго будетъ изложено ниже. Ѳеофанъ Лермонтовъ, подъ

енемъ слушателя Технологическаго Института Василія Матвѣева Иванова, ъ задержанъ 4-го января 1874 года въ квартирѣ Судзиловской, про-вавшей въ то время вмѣстѣ съ Ваховскою въ 8-й ротѣ Измайловскаго ка, въ домѣ № 9. У Судзиловской были найдены книги: „Mémoire ésenté par la Fédération Jurassienne“ и „Азбука соціальныхъ на-“; у Лермонтова—замѣтки революціоннаго направленія и письмо вос-ганника Нижегородской духовной семинаріи Михаила Духовскаго на имя ріака Милоглазкина, а у находившейся во время обыска въ квартирѣ диловской дочери полковника Клеопатры Блавдзевичъ были отобраны— надцать бумагъ, принадлежащихъ Сергѣю Ковалику и два свидѣтельства ы Павловой Рогачевой, жены Дмитрія Рогачева. Лермонтовъ, отвергая е появленіе въ квартирѣ Ковалика подъ именемъ Варуздина, поѣздку границу съ Рабиновичемъ и участіе свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію ре-юціонныхъ книгъ, объяснилъ, что съ августа по декабрь 1873 г. живалъ въ Одессѣ и, слѣдовательно, не могъ совершить того, что при-ываетъ ему Рабиновичъ, а также, что не онъ совратилъ Рабиновича, а ротивъ того, послѣдній старался склонить его, Лермонтова, къ револю-нной дѣятельности и преслѣдовалъ его насмѣшками за нежеланіе уча-овать въ пропагандѣ. Помимо явной невѣроятности послѣдняго объяс-нія Лермонтова, которому въ 1873 г. было 25 лѣтъ, тогда какъ Раби-ичу въ то время едва минуло 17 лѣтъ, показаніе Лермонтова опровер-тся слѣдующими обстоятельствами дѣла: проживающій на одной квар-рѣ съ Коваликомъ дворянинъ Иванъ Павловъ Бландзевичъ, какъ видно его показанія, видѣлъ на означенной квартирѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, овременно съ Рабиновичемъ, нѣкоего Варуздина, котораго затѣмъ встрѣ-ъ въ квартирѣ Судзиловской и Ваховской, въ 9-й ротѣ Измайловскаго ка. Сестра Ивана Блавдзевича, Клеопатра, также слышала фамилію уздина. Содержась подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, монтовъ написалъ двѣ шифрованныя записки и передалъ таковыя для равки арестанту Фролову, убиравшему помѣщенія арестантовъ привиле-ованныхъ сословій, у котораго онѣ и были отобраны. Означенныя за-ки, разобранныя посредствомъ шифра, указаннаго самимъ Лермонтовымъ, зались слѣдующаго содержанія: „Старый Вашъ ... прошу васъ неме-нно вотъ что сдѣлать. Написать мнѣ, кто цѣлъ и гдѣ находится, писать но только на булочныхъ кошеляхъ лимономъ; чтобы прочесть, надо ѣть на огнѣ; всѣ бумаги отъ меня. по виду бѣлыя, такъ читать. Вмѣ-философіи вотъ бы этому научиться; какъ я ни ухищрялся, нѣтъ, не илъ. Ради Бога вотъ что сдѣлайте: 1) сказать Монастыреву, чтобы непре-но онъ измѣнилъ показаніе; я въ августѣ былъ, но бумагъ не остав-ъ, а потому онѣ не иначе къ нему ... прихватилъ съ книгами Жукова, у Милоглазкина, или у другаго кого, а у этого я не ночевалъ и за-ъ, и все это было въ послѣднихъ числахъ декабря, не иначе: 2) Фа-и „Жиду“ и „Милому“, что они видѣли мои документы разъ, когда декабрѣ, около 15, я былъ у перваго, сидѣли вмѣстѣ, я снялъ сюр-ъ, они выпали, подняли тогда и разсматривали. А какіе документы, сами знаютъ, видѣли, пусть припомнятъ, хоть не всѣ. Надо доказать, они были при мнѣ до конца декабря. Въ этомъ вся сила, ибо съ ав-а по 18 декабря я жилъ въ О.: 3) въ августѣ, бывъ (около 12) у

Монастырева, я у него денегъ не просилъ на обѣдъ, это бывало ранѣе, тогда я имѣлъ, ибо ѣхалъ въ Одессу. Видите, какъ онъ навралъ. На суд онъ долженъ все такъ измѣнить. Это можно. Вотъ она, гдѣ бы нужн ранѣе философія; 4) Лешнеръ напомнить, что я въ апрѣлѣ взялъ у не 200 руб. въ долгъ, а лучше бы за переводъ чрезъ нее, но тогда мнѣ на пишите книгу. Если не она (но прошу дать ей знать), то вы ее замѣ нить должны въ этомъ, лучше переводъ; 5) дайте знать Волховскому Зотову (чрезъ Васюкова) и ему самому, Ходько чрезъ Женю Са .... жилъ въ Одессѣ съ начала августа до начала декабря. Съ ними видѣлся искалъ мѣста. Они на моей квартирѣ не были и не знали ее. Познакоми ся я съ 1 въ Питерѣ, со 2 въ Одессѣ, въ библіотекѣ, съ 3 въ Питерѣ видѣлся онъ проѣздомъ, 4 какъ 2; какъ твое здоровье милая Саша, в успѣешь поручи ... До свиданія, жму... Здѣсь улажено сношеніе по все тюрьмѣ къ Чарушину, а Попову чрезъ меня. Молчать строго ... Посл васъ пусть другой кто ходитъ ко мнѣ, чтобы вести переписку. Прошу ко го-нибудь принести въ тюрьму три рубля на имя крестьянина Ярославско губ., Васильевской волости, деревни Фролова, Василія Фролова, Пусть му щина и въ конторѣ скажетъ отъ родныхъ, такъ надо". Къ этимъ шиф рованнымъ запискамъ были приложены двѣ записки такого содержанія: 1 „На площадь Михаила Архангела, противъ церкви, домъ Ободовскаго—Алек сандрѣ Яковлевнѣ Ободовской—Коломна"—и 2) „Просятъ, Ради Бога, всѣ эт четыре листа бѣлыхъ бумагъ снести по такому адресу: Коломна, на площад Михаила Архангела, противъ церкви, въ домѣ Ободовскаго, Александрѣ Яковле нѣ Ободовской, или, если ея нѣтъ, по такому: около театра Берга, картографи ческое заведеніе Ильина, домъ его же, управляющему заведеніемъ, Александр Меркулову Эндаурову, а Васъ просятъ, Эндауровъ, всѣ эти бумаги перс дать Ободовской или Купріяновой скорѣе. Подателю заплатите по просьбѣ Ради дружбы". Кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ дѣла, наглядн доказывающихъ лживость показаній Лермонтова, весьма существ венною уликой противъ послѣдняго является найденное у него при обыскѣ письмо Духовскаго, служащее также къ изобличенію Милоглазкина въ рас пространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Въ этомъ письмѣ, отъ 29-г декабря 1873 г., Духовской, между прочимъ, писалъ: „Очень радъ Ваше му предложенію, г. Милоглазкинъ. Книги будутъ, я полагаю, полезны, в особенности въ настоящее время: теперь у насъ время совершенно свобод ное и читать ихъ найдутся многіе, которые всегда не прочь узнать, чт бы то ни было новое ... въ вольномъ духѣ (позвольте такъ выразиться). Передать экземпляръ въ компанію, о которой вы говорите, нѣтъ никакой затрудненія. Адресовать можете на г-на Биткина, который обитаетъ в Суетинской улицѣ, подъ № 6 (близъ Преподобнаго Сергія). Чѣмъ скорѣ Вы это исполните, тѣмъ больше я буду Вамъ благодаренъ—да и не один я". Вслѣдствіе сего письма, Духовской, какъ будетъ изложено ниже, полу чилъ отъ Милоглакина нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находилась „Государственность и Анархія", „Историческое развитіе интернаціонала" „Отщепенцы" и др., что подтверждается и показаніемъ сына священник Владиміра Серебровскаго. По словамъ Духовскаго, вышеприведенное письм къ Милоглазкину было отвѣтомъ на предложеніе послѣдняго снабдить его Духовскаго, „книгами хорошими и дѣльными, разрѣшающими массу вопро

овъ, не рѣшевныхъ многими"; затѣмъ книги были присланы Милоглазки-
нымъ, какъ видно изъ показанія Духовскаго, при слѣдующей запискѣ:
„Бояться нечего, вотъ что на всякій случай запомните: если Васъ спро-
сятъ, что такое получаете—говорите астролябію". Милоглазкинъ, не от-
вергая посылки книгъ Духовскому, объяснилъ, что сдѣлалъ это подъ влія-
ніемъ увлеченія, безъ всякой преступной цѣли. Въ виду вышеизложен-
наго, нахожденіе въ рукахъ Лермонтова письма Духовскаго къ Милоглаз-
кину, въ связи съ показаніемъ Рабиновича, не оставляетъ никакого сом-
нѣнія въ томъ, что книги посланы Милоглазкинымъ въ Нижній-Новгородъ
съ вѣдома и при участіи Лермонтова. Задержанная одновременно съ Лер-
монтовымъ Варвара Ваховская, была затѣмъ освобождена изъ-подъ стра-
жи и уѣхала къ отцу, въ Подольскую губернію, гдѣ, однако, оставалась
недолго и по возвращеніи въ Петербургъ, въ концѣ 1874 года, занялась
революціонною пропагандой. Въ отношеніи преступной дѣятельности Ваховской слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее. Въ августѣ 1874 года, студентъ Технологическаго Института Эндауровъ явился въ мастерскую портнаго Чу-
гуръ и предложилъ находившимся въ обученіи у послѣдняго крестьянскимъ мальчикамъ Михаилу Платонову и Ларіону Алексѣеву обучаться
у него, Эндаурова, грамотѣ, и вслѣдствіе изъявленнаго Платоновымъ и Алексѣевымъ согласія, сталъ посѣщать ихъ почти ежедневно. Сначала Эндауровъ училъ Платонова и Алексѣева читать и писать, и читалъ имъ священныя книги, а впослѣдствіи, когда ученики къ нему привыкли, приносилъ имъ книги: „О землѣ и небѣ", „Сказку о 4-хъ братьяхъ", „Исторію одного французскаго крестьянина" и „Хитрую механику". Читая поименованныя книги, Эндауровъ вмѣстѣ съ тѣмъ объяснялъ прочитанное, при чемъ внушалъ своимъ ученикамъ, что рабочимъ тяжело жить, что трудомъ рабочихъ пользуются богатые, что рабочихъ и крестьянъ притѣсняютъ чиновники и правительство, и что для того, чтобы лучше жить, необходимо уничтожить правительство и чиновниковъ, послѣ чего всѣ будутъ равны; вышеназванныя книги Эндауровъ давалъ Платонову и Алексѣеву и на руки, совѣтуя читать эти книги и давать таковыя для чтенія другимъ. Около Рождества, вмѣсто Эндаурова явился новый учитель—неизвѣстная личность, назвавшаяся Николаемъ, который внушалъ Платонову и Алексѣеву то же, что и Эндауровъ, а предъ самымъ Рождествомъ новый учитель объявилъ, что вмѣсто него будетъ ходить и продолжать ученіе барышня, Варвара Ивановна Ваховская, которая дѣйствительно вскорѣ затѣмъ и явилась. Посѣщая Платонова и Алексѣева только по праздничнымъ днямъ, Ваховская читала имъ „Исторію одного французскаго крестьянина", „Сказку о 4-хъ братьяхъ" и „Хитрую механику", употребляя при этомъ иногда остававшіяся послѣ Эндаурова книги, а иногда приносила свои. Комментируя прочитанное, Ваховская, подобно своимъ предшественникамъ, внушала Платонову и Алексѣеву, что правительство и чиновниковъ слѣдуетъ уничтожить. Все вышеизложенное вполнѣ подтвержденно при слѣдствіи показаніемъ Платонова; Алексѣевъ же, показывая въ общихъ чертахъ согласно съ Платоновымъ, отозвался, что содержанія читанныхъ учителями книгъ и ихъ толкованій не помнитъ, при чемъ однако удостовѣрилъ, что Ваховская говорила что-то о рабочихъ. Достовѣрность показаній Платонова и Алексѣева подтверждается, во-1-хъ, показаніемъ родственника Платонова—

крестьянина Ильи Егорова, объяснившаго, что Платоновъ принесъ е
предъ Рождествомъ книги: „Сила солому ломитъ“, „Исторію одного фра
цузскаго крестьянина“ и „Хитрую механику“ и во-2-хъ найденною п
обыскѣ въ квартирѣ Чукуръ книгой „Стенька Разинъ“ въ стихахъ. Энд
уровъ и учитель Николай остались неразысканными, а Ваховская, не отво
гая своихъ занятій съ Платоновымъ и Алексѣевымъ, виновною себя
признала. Ваховская, какъ видно изъ ея показанія, была знакома съ Д
багоріо-Мокріевичемъ, членомъ кіевскаго кружка, и видѣлась съ нимъ
Цюрихѣ. Лермонтовъ и Ваховская были арестованы въ январѣ 1874 го
въ то время, когда Рабиновичъ, по порученію Лермонтова, ѣздилъ
Кіевъ и Харьковъ. По возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Рабиновичъ з
сталъ Судзиловскую уже на новой квартирѣ, въ 12-й ротѣ, въ домѣ № 1
куда вскорѣ затѣмъ явилась и уѣзжавшая въ Новгородскую губернію Лешер
фонъ-Герцфельдъ. Послѣдняя привезла съ собою по словамъ Рабиновича, пя
годовыхъ паспортныхъ бланковъ, а Милоглазкинъ вырѣзалъ двѣ печати в
лостныхъ правленій, Ярославской и Смоленской губерній, послѣ чего,
ставивъ для себя фальшивый видъ на жительство, Милоглазкинъ уше
въ народъ. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ подтвержденіе
показаніи Лешернъ, признавшей, что ею было пріобрѣтено нѣсколько
спортныхъ бланковъ, и отчасти въ показаніи Милоглазкина, объяснившаг
что въ первой половинѣ апрѣля онъ отправился въ Рыбинскъ и затѣ
черезъ Нижній въ Сызрань, гдѣ пробылъ до августа, занимаясь поденн
работой, а въ началѣ августа уѣхалъ въ Нижній. Въ Нижнемъ-Новгоро
Милоглазкинъ примкнулъ къ мѣстному революціонному кружку. Дальнѣ
шая его дѣятельность будетъ изложена ниже. Судзиловская, въ кон
марта или началѣ апрѣля, тоже уѣхала изъ Петербурга и отправила
по приглашенію Войноральскаго, въ село Степановку, Пензенской губерн
гдѣ послѣдующая ея дѣятельность представляется тѣсно связанною съ д
ятельностью пензенскаго революціоннаго кружка. Оставшіеся въ Петербу
Лешернъ и Рабиновичъ поселились, по ихъ собственнымъ показаніямъ,
новой квартирѣ, а именно: въ 3-й ротѣ Измайловскаго полка, въ до
№ 12, кв. № 4. Въ этой квартирѣ, по показанію Рабиновича, навѣща
его Лешернъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Дмитрій Андре
Бородулинъ, что подтверждается и показаніемъ сего послѣдняго, изъ
тораго видно, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга въ Рыбин
на каникулы, онъ сообщилъ свой адресъ Лешернъ, имѣвшей намѣреніе
бывать лѣтомъ въ Рыбинскѣ. Хотя, по словамъ Бородулина, цѣль пр
полагавшейся поѣздки Лешернъ не была ему извѣстна, но въ виду у
стовѣренія Рабиновича о томъ, что Бородулинъ обѣщалъ найти для
шернъ работу въ Рыбинскѣ и дальнѣйшей дѣятельности Бородулина, е
полное основаніе заключить, что послѣдній примкнулъ къ кружку и бы
посвященъ въ его замыслы. Кромѣ Бородулина, въ квартирѣ Рабинов
и Лешернъ появлялись, по показанію Лешернъ, студентъ С.-Петербургск
университета Павелъ Семеновъ Троицкій и слушательница женскихъ курс
при Медико-Хирургической Академіи, Надежда Александрова Юргенсо
изъ нихъ Троицкій отправился впослѣдствіи на пропаганду въ Рыбинс
гдѣ встрѣтился съ Лешернъ, а Юргенсонъ, получивъ отъ Лешернъ адр
Судзиловской, уѣхала въ Пензу. Въ началѣ мая Рабиновичъ, по поруче

овалика, отправился въ Харьковъ и Кіевъ. Дорогой онъ остановился въ оскве, гдѣ и познакомился съ многими мѣстными пропагандистами, а на братномъ пути изъ Кіева получилъ отъ Войнаральскаго упомянутыя уже ыше деньги на расходы по перевозкѣ книгъ и около половины мая вер-улся въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ его пріѣзда ушла въ народъ Лешернъ, апасшись фальшивымъ паспортомъ, изготовленнымъ для нея Рабинови-емъ, съ каковымъ паспортомъ она и была впослѣдствіи задержана; абиновичъ же въ іюлѣ, какъ уже сказано, ѣздилъ въ Кейданы за треть-мъ транспортомъ книгъ, а въ августѣ отправился въ Саратовъ. Дальнѣй-ая дѣятельность Рабиновича и Лешернъ, а также дѣятельность Рабино-ича въ Харьковѣ и Кіевѣ будутъ изложены ниже. Такимъ образомъ, за ключеніемъ арестованнаго Лермонтова и уѣхавшей къ роднымъ Ваховской, всѣ прочіе члены кружка къ лѣту 1874 г. уѣхали изъ Петербурга а пропаганду. Дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ, о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, былъ основателемъ третьяго изъ петербургскихъ кружковъ, извѣстнаго подъ названіемъ «кружка Ковалика». Означенный кружокъ возникъ слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. Сергѣй Коваликъ былъ выбранъ на должность мироваго судьи въ Мглинскомъ уѣздѣ, ерниговской губерніи, нѣкоторое время былъ даже предсѣдателемъ Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, но выборы не были утверждены Правительствующимъ Сенатомъ, и Коваликъ уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣлся со своими старыми знакомыми—студентомъ Института Путей Сообщенія, дворяниномъ Иваномъ Павловымъ Блавдзевичемъ и сестрой его Клеопатрою, проживавшими осенью 1873 г. вмѣстѣ со студентомъ Технологическаго Института, Константиномъ Фростомъ, у Семеновскаго моста, въ д. 88. Коваликъ тоже поселился въ квартирѣ Блавдзевичъ, гдѣ и познакомился съ Рабиновичемъ и другими членами кружка Лермонтова. Кромѣ лавдзевичъ, Коваликъ нашелъ въ Петербургѣ, изъ числа своихъ знакомыхъ, бывшаго секретаря Мглинскаго съѣзда мировыхъ судей, Іосифа Каблица, посѣщавшаго, по удостовѣренію Рабиновича, квартиру Блавдзевичъ, да также приходили студенты Технологическаго Института Иванъ Яковевъ Чернышевъ и Павелъ Александровъ Лемени-Македонъ. Въ концѣ 873 г. Коваликъ уѣхалъ за границу, Клеопатра Блавдзевичъ, по ея собственному показанію, поселилась съ Вѣрой Павловой Рогачевой, а Иванъ лавдзевичъ съ Лемени-Македономъ, поступившимъ на заводъ Лаврова, въ ачествѣ простого рабочаго, чему, по словамъ Рабиновича, не мало содѣйствовали увѣщанія Ковалика. Въ началѣ 1874 года Иванъ Блавдзевичъ переѣхалъ на новую квартиру у Чернышева моста, въ домъ № 68, дѣ вмѣстѣ съ нимъ поселился студентъ С.-Петербургскаго университета итрофанъ Александровъ Гриценковъ. Означенную квартиру, какъ видно ъ показаній Гриценкова и Рабиновича, сталъ часто посѣщать Коваликъ слѣ своего возвращенія изъ-за границы, при чемъ Гриценковъ изъ проходившихъ разговоровъ узналъ, что Коваликъ послѣ своего пріѣзда обрался ко всѣмъ своимъ знакомымъ съ просьбой называть его Лукашевимъ въ виду того, что его ищетъ полиція. Всѣ вышеназванныя лица, е. Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Лемени-Македонъ, Фростъ, Каблицъ, ернышевъ и Гриценковъ, составили подъ руководствомъ Ковалика кружокъ, къ которому, по удостовѣренію Рабиновича, примкнули студенты:

Медико-Хирургической Академіи, Николай Ивановъ Паевскій и С.-Петербургскаго университета, Александръ Константиновъ Артамоновъ. Чернышевъ и Каблицъ вскорѣ отдѣлились отъ кружка Ковалика и составили свой собственный кружокъ. Такое раздѣленіе кружка Ковалика произошло по всей вѣроятности, какъ можно заключить изъ показанія Гриценкова, почти одновременно съ возвращеніемъ Ковалика изъ заграничной поѣздки, т. е. въ концѣ февраля или началѣ марта 1873 года. Кружокъ Ковалика придерживался теорій Бакунина, доказательствомъ чего служитъ, во-1-хъ, вся дальнѣйшая дѣятельность Ковалика и, во-2-хъ, изобрѣтенный послѣднимъ шифръ, составленный изъ неблагопристойныхъ словъ. Означенный шифръ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, долженъ былъ по предложеніямъ Ковалика сдѣлаться современемъ общимъ для всѣхъ анархическихъ кружковъ съ тѣмъ, чтобы въ перепискѣ каждый кружокъ обозначался буквою «а», съ присовокупленіемъ № кружка, такъ напримѣръ „$а^1$“ — должно было означать: первый анархическій кружокъ, „$а^2$“—второй анархическій кружокъ и т. д. Такое показаніе Рабиновича находитъ себѣ полное подтвержденіе въ обстоятельствахъ дѣла. При осуществленіи на практикѣ своихъ преступныхъ замысловъ кружокъ Ковалика имѣлъ намѣреніе, по удостовѣренію Рабиновича, дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: проникать подъ видомъ рабочихъ въ народную среду, соединять между собою отдѣльныя недовольныя личности изъ народа и при удобномъ случаѣ вызвать возмущеніе. Кружокъ Ковалика находился въ сношеніяхъ со всѣми прочими петербургскими кружками; его отношенія къ кружку Лермонтова изложены уже выше, а изъ «чайковцевъ» съ нимъ имѣли сношенія — Ободовская, Кравчинскій, Клеменсъ, Рогачевъ и, вѣроятно, Чарушинъ и Богомоловъ. Коваликъ былъ знакомъ съ Ободовскою, что подтверждается отобраннок въ Москвѣ у Ковалика запиской, и видѣлся въ Москвѣ, по словамъ Рабиновича, съ Кравчинскимъ и Клеменсомъ, а съ Рогачевымъ, какъ будетъ изложено ниже, пропагандировалъ на Волгѣ, въ Саратовѣ; Иванъ Блавдзевичъ, посѣщая квартиру Судзиловской, встрѣчался у нея, по всей вѣроятности, съ Чарушинымъ, Ободовскою и Богомоловымъ и, по его собственнымъ словамъ, былъ знакомъ съ Рогачевымъ, котораго знала и Клеопарта Блавдзевичъ, что видно изъ ея показанія, а также Гриценковъ, удостовѣрившій, что встрѣчался у Лехницкаго съ своими старыми знакомыми Рогачевымъ и дворяниномъ Анатоліемъ Ивановымъ Фаресовымъ. Сношенія кружка Ковалика съ прочими петербургскими кружками подтверждаются показаніями Рабиновича и Гриценкова, изъ которыхъ первый объяснилъ, что въ квартирѣ Блавдзевича, у Чернышева моста, устроилось нѣчто въ родѣ безпрерывнаго собранія членовъ разныхъ кружковъ, а послѣдній удостовѣрилъ посѣщенія означенной квартиры слѣдующими лицами: Аитовымъ, Тепловымъ, Усачевымъ и Нефедоровымъ—изъ кружка артиллеристовъ, Голоушевымъ, изъ кружка оренбуржцевъ и Городецкимъ—изъ кружка самарцевъ. Внѣ Петербурга Коваликъ имѣлъ сношенія: а) съ московскими революціонными дѣятелями, какъ-то: съ Олимпіадою Алексѣевою и Войноральскимъ, съ которымъ въ Петербургѣ познакомился черезъ Судзиловскую и Клеопатру Блавдзевичъ, что признано ею самою; б) съ кіевскимъ революціоннымъ кружкомъ и в) съ таковымъ же харьковскимъ, основаннымъ самимъ Коваликомъ. Изъ дѣла не видно, чтобы кружокъ Ковалика имѣлъ

сношенія съ эмигрантами, хотя есть основаніе полагать, что во время своей заграничной поѣздки Ковалик̀ъ видѣлся съ представителями эмиграціи. Своей спеціальной кассы кружокъ Ковалика не имѣлъ, и нѣкоторые изъ его членовъ вообще нуждались въ деньгахъ, что видно изъ показанія Ивана Главдзевича, признавшаго, что самъ онъ и его сестра, Лемени-Македонъ, Паевская и Гриценковъ пользовались денежными средствами Ковалика. Представителемъ кружка на собраніяхъ депутатовъ петербургскихъ кружковъ явился, по удостовѣренію Рабиновича, Паевскій, такъ какъ самого Ковалика въ то время въ Петербургѣ не было. Впослѣдствіи Паевскій, уѣзжая на Волгу, въ свою очередь передалъ свои полномочія Артамонову, который, по словамъ Рабиновича, вмѣстѣ съ нимъ и Ободовскою завѣдывалъ общей кассой, въ которую, насколько помнитъ Рабиновичъ, внесъ 300 р. с., добытые имъ изъ университетской кассы. Собранія, происходившія въ квартирѣ Главдзевича и Гриценкова, имѣли такой же характеръ, какъ и собранія въ квартирѣ Головина. Еще въ то время, когда Главдзевичъ проживалъ у Семеновскаго моста, въ квартирѣ его была собрана, по его собственнымъ словамъ, сходка по поводу статьи „Знаніе и революція“ изъ журнала «Впередъ»; въ квартирѣ же у Чернышева моста, какъ видно изъ показанія Гриценкова, разсужденія вращались преимущественно около слѣдующей темы: положеніе народа бѣдственное, исправится оно только тогда, когда самъ народъ пойметъ свое положеніе; интеллигентной молодежи слѣдуетъ помочь въ этомъ народу, для чего молодежи надлежитъ побывать въ средѣ народа, вынести на себѣ всѣ тяжести, которыя выноситъ народъ, и говорить съ народомъ какъ съ братомъ. По словамъ Гриценкова, это были основныя положенія всѣхъ разсужденій, во время которыхъ высказывалась и мысль, что насильственный переворотъ—единственный путь улучшенія народной жизни. Кромѣ сего, на означенныхъ собраніяхъ, какъ видно изъ показанія Рабиновича, много говорили объ устроенной Чернышевымъ и кружкомъ артиллеристовъ въ Боровой улицѣ кузнечной мастерской и о томъ, какъ добыть для этой мастерской денегъ; въ упомянутой мастерской работалъ нѣкоторое время и Рабиновичъ, что подтверждается его собственнымъ показаніемъ. Цѣль устройства мастерской, по словамъ Гриценкова, состояла въ томъ, чтобъ имѣвшія намѣреніе отправиться въ народъ лица могли изучить нужное для нихъ ремесло. Около Пасхи 1874 года всѣ лица, собиравшіяся въ квартирѣ Главдзевича и Гриценкова, порѣшивъ идти въ народъ, вышли изъ учебныхъ заведеній; это послѣднее обстоятельство подтверждается показаніемъ Гриценкова. Въ маѣ весь кружокъ Ковалика, за исключеніемъ Артамонова, уѣхалъ на пропаганду; Артамоновъ же остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя кружка. Изъ членовъ кружка Ковалика пропагандой среди рабочаго населенія Петербурга занимались только Паевскій и Артамоновъ. Артамоновъ былъ знакомъ съ Низовкинымъ, что видно изъ показанія рабочаго Митрофанова, удостовѣрившаго также, что въ квартирѣ Артамонова была однажды собрана сходка, на которой было рѣшено оказать вспомоществованіе семействамъ арестованныхъ рабочихъ—Лаврова и Зарубаева. Такимъ образомъ, Артамоновъ несомнѣнно вращался въ средѣ рабочихъ, имѣвшихъ сношенія съ „чайковцами“, что подтверждается и обнаруженными слѣдствіемъ сношеніями его съ рабочими Щегло-

вымъ и Павломъ Григорьевымъ Бѣлиловымъ. Щегловъ, проживавшій нѣкоторое время на одной квартирѣ съ рабочими Орловымъ и Бачинымъ,—что удостовѣрено показаніемъ послѣдняго,—и посѣщавшій, какъ уже сказано выше, лекціи Кравчинскаго и Клеменса въ Клочкахъ, сообщилъ Бачину предъ отъѣздомъ въ деревню, весной 1874 г., свое сожалѣніе о томъ, что въ деревнѣ придется оставаться безъ книгъ, на что Бачинъ, по словамъ Щеглова, отвѣтилъ, что книги можно получить отъ сапожника Александра Константинова, адресъ котораго извѣстенъ рабочему Пирогову. Вслѣдствіе такого указанія Бачина, Щегловъ, узнавъ отъ Пирогова адресъ Александра Константинова, отправился къ послѣднему, отъ котораго и получилъ слѣдующія книги: 1 экз. „Исторіи одного французскаго крестьянина“, 1 экз. „Отщепенцевъ“, 1 экз. „Стеньки Разина“, 3 экз. „Сила солому ломитъ“. 1 экз. „Сказка о 4 братьяхъ“, 2 экз. „Пѣсенника“ и 1 экз. „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“. Такое показаніе Щеглова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Пирогова и Бачина, изъ которыхъ видно, что Пироговъ получилъ отъ сапожника Николая Иванова (т. е. Паевскаго) письмо съ приглашеніемъ придти въ квартиру сапожника Александра Константинова, въ Мастерской улицѣ, въ домѣ № 5, каковое письмо было передано Пироговымъ Щеглову, и что Бачинъ былъ знакомъ какъ съ Николаемъ Ивановымъ, такъ и съ Александромъ Константиновымъ. При предъявленіи Щеглову и Бачину Александра Константинова Артамонова, первый призналъ въ немъ то самое лицо, отъ котораго имъ были получены вышепоименованныя книги, а второй удостовѣрилъ, что видѣлъ Артамонова съ сапожникомъ Николаемъ Ивановымъ. Адресъ: Большая-Мастерская, домъ № 5, Нина Иванова Сергѣева—оказался записаннымъ въ шифрованныхъ запискахъ, отобранныхъ впослѣдствіи у Войноральскаго при его задержаніи. Нина Иванова Сергѣева была знакома съ Артамоновымъ, который, по его собственному показанію, проживалъ одно время въ ея квартирѣ и передалъ ея адресъ Паевскому, когда послѣдній уѣзжалъ изъ Петербурга. Признавая свое знакомство съ Бачинымъ, Пироговымъ и Щегловымъ, Артамоновъ объяснилъ, что дѣйствительно давалъ Щеглову какія-то книги, но какія именно—не помнитъ, присовокупляя, что не имѣлъ намѣренія дать Щеглову книги преступнаго содержанія, хотя у него и были таковыя, оставленныя Паевскимъ. Получивъ отъ Артамонова книги, Щегловъ отправился на родину въ деревню Чуфариху, Кологривскаго уѣзда, гдѣ передалъ мѣстнымъ крестьянамъ книги: „Отщепенцы“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и „Сказку о 4 братьяхъ“, совѣтуя читать эти книги со вниманіемъ. Кромѣ сего, какъ удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, Щегловъ 24-го іюля говорилъ нѣсколькимъ крестьянамъ слѣдующее: „дурачье вы, мужики, землю у васъ отняли, а налоги всякіе платите; почитали бы вы тѣ книжки, что я изъ Петербурга привезъ, тамъ узнали бы, какъ васъ правительство надуваетъ; я такихъ книжекъ съ полпуда привезъ, кому угодно, даромъ дамъ почитать, только читайте со вниманіемъ. Намъ, братцы, надо соединиться въ одно слово, въ одну душу и вооружиться противъ Царя и начальниковъ, тогда сила будетъ на нашей сторонѣ: земля будетъ наша, налоговъ платить не станемъ и будемъ жить господами“. Когда затѣмъ крестьяне, расходясь, стали креститься на образа,

то Щегловъ вновь обозвалъ ихъ дураками и богохульствовалъ; по удостовѣренію свидѣтелей, Щегловъ былъ навеселѣ, но на ногахъ стоялъ твердо и говорилъ съ сердцемъ, горячо. Не отвергая передачу крестьянамъ революціоннаго содержанія книгъ, Щегловъ ни въ чемъ виновнымъ себя не призналъ. По обыску, произведенному въ домѣ Щеглова, у него были найдены книги: „Пѣсенникъ“ и „Стенька Разинъ“. Во время своего пребыванія въ деревнѣ Чуфарихѣ, Щегловъ написалъ Пирогову письмо, въ которомъ извѣщалъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Петербургъ и поручалъ попросить для него на дорогу денегъ у сапожника Александра Константинова. Вслѣдствіе такого письма Пироговъ отправился къ Константинову, который отозвался, что никакого Щеглова не знаетъ, но вскорѣ затѣмъ явился къ Пирогову и попросилъ показать ему письмо Щеглова, послѣ чего обѣщалъ доставить 10 р. с. Павелъ Григорьевъ Бѣлиловъ, съ которымъ Артамоновъ и Паевскій также имѣли сношенія, работалъ на заводѣ, бывшемъ Семянникова, и былъ знакомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Щегловымъ и Бачинымъ, изъ которыхъ послѣдній разсказывалъ ему, что посѣщалъ лекціи студентовъ, смѣялся надъ княземъ Кропоткинымъ и говорилъ, что отъ студентовъ слѣдуетъ брать книги, а если они будутъ учить вздору, то ихъ за это надо бить. Узнавъ отъ Бѣлилова, уѣзжавшаго въ началѣ лѣта 1874 г. въ деревню, что ему хотѣлось бы взять съ собою книгъ, Бачинъ при встрѣчѣ съ Николаемъ Ивановымъ (т. е. Паевскимъ) сообщилъ послѣднему о желаніи Бѣлилова имѣть книги, и вслѣдствіе просьбы Паевскаго познакомилъ его въ трактирѣ съ Бѣлиловымъ. Паевскій обѣщалъ доставить книги и, спросивъ его адресъ, ушелъ, а черезъ нѣсколько дней явился въ квартиру Бѣлилова вмѣстѣ съ Александромъ Константиновымъ и принесъ нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также два экземпляра „Стеньки Разина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, при чемъ, какъ Паевскій, такъ и Константиновъ совѣтовали читать эти книги и давать ихъ для чтенія другимъ. Въ разговорѣ съ Паевскимъ и Константиновымъ, т. е. Артамоновымъ, Бѣлиловъ высказалъ, что хочетъ устроить въ деревнѣ кузницу, и что ему необходимо имѣть работника, вслѣдствіе чего Паевскій и Артамоновъ стали убѣждать Бѣлилова непремѣнно устроить кузницу, обѣщая оказать ему помощь и прислать безплатнаго работника. Вскорѣ послѣ прибытія Бѣлилова на родину, въ деревню Глинкино, Старицкаго уѣзда, пріѣхалъ къ нему Паевскій и сталъ разсказывать о притѣсненіи фабрикантами рабочихъ, при чемъ говорилъ, что работать должны всѣ и при этомъ упоминалъ о Рогачевѣ, который былъ бариномъ и сдѣлался работникомъ, и о Бакунинѣ. Пробывъ нѣсколько дней въ Глинкинѣ, Паевскій уѣхалъ, попросивъ Бѣлилова пріискать для одного изъ его знакомыхъ мѣсто волостного писаря или сельскаго учителя и, вручивъ Бѣлилову два адреса, одинъ свой, а другой Нины Ивановой Сергѣевой, для переписки съ Артамоновымъ на случай нужды въ деньгахъ. Около Петрова дня Бѣлиловъ получилъ изъ Саратова письмо отъ Паевскаго, въ которомъ послѣдній, сообщая объ арестахъ въ Саратовѣ, упоминалъ о Рогачевѣ, справлялся о кузницѣ и совѣтовалъ дѣйствовать энергичнѣе, а въ первыхъ числахъ іюля прибылъ неизвѣстный Бѣлилову молодой человѣкъ съ письмомъ отъ Александра Константинова и 15 р. с., присланными имъ же. Прибывшій человѣкъ, назвавшійся кре-

стьянином Островскаго уѣзда Иваномъ Алексѣевымъ Гвоздевымъ и пред-
ставившій въ удостовѣреніе своего званія трехъмѣсячный паспортъ на имя
Гвоздева, объявилъ, что онъ работникъ, присланный Константиновымъ, в
дѣйствительно прожилъ у Бѣлилова въ качествѣ рабочаго до половины
августа. Во время своего пребыванія въ Глинкинѣ назвавшійся Гвозде-
вымъ получалъ и отправлялъ письма, писанныя шифромъ, объяснить ко-
торый, несмотря на просьбу Бѣлилова, отказался. Послѣ отъѣзда Гвоздева
Бѣлиловъ написалъ ему по адресу Нины Сергѣевой письмо съ просьбой о
присылкѣ денегъ на покупку избы, на каковую просьбу Константинов
отвѣтилъ, что Гвоздевъ заболѣлъ, что на его мѣсто прибудетъ другой
работникъ и что просимыя деньги будутъ высланы; несмотря однако на
такое обѣщаніе, къ Бѣлилову никто болѣе не являлся. Проживавшій у
Бѣлилова Гвоздевъ оказался неокончившимъ курса въ Вятской гимназіи
сыномъ священника, Петромъ Ивановымъ Неволинымъ, который объяснилъ,
что въ апрѣлѣ 1874 г. отправился изъ гор. Вятки въ Петербургъ съ
цѣлью поступленія въ Технологическій институтъ, при чемъ запасся реко-
мендательнымъ письмомъ отъ нѣкоего Шуравина къ Артамонову. По доро-
гѣ въ Петербургъ онъ остановился въ Москвѣ у одного знакомаго студен-
та Петровской Академіи и познакомился съ нѣкіимъ Хмѣлевымъ, который
узнавъ о желаніи его, Неволина, подготовить себя къ практической дѣя-
тельности прежде поступленія въ институтъ, снабдилъ его письмомъ к
своему дядѣ, помѣщику Псковской губ., Костюрину. Поработавъ нѣкотор
время у Костюрина въ качествѣ простого рабочаго, онъ написалъ въ Пе
тербургъ своей родственницѣ Софьѣ Синегубъ письмо съ просьбою о вы
сылкѣ ему денегъ, по полученіи которыхъ уѣхалъ въ Петербургъ. гд
познакомился съ Артамоновымъ. Послѣдній, вслѣдствіе его просьбы о до
ставленіи работы, далъ ему письмо къ Бѣлилову, при чемъ въ шутку на
звалъ его Гвоздевымъ. Проживая у Бѣлилова, онъ однажды приложил
къ одному письму шифрованный адресъ по шифру, сообщенному студен
томъ медико-хирургической академіи Александромъ Поповымъ, но сдѣлал
это безъ всякой противозаконной цѣли. Артамоновъ, признавая свое зна
комство съ Неволинымъ, объяснилъ таковое согласно съ показаніемъ по
слѣдняго. Между тѣмъ, изъ показанія Рабиновича оказывается, что Нево
линъ былъ рекомендованъ Ободовской московскими революціонными дѣяте
лями, а по рекомендаціи Ободовской былъ помѣщенъ Артамоновымъ в
кузницу Бѣлилова. Такое объясненіе Рабиновича представляется вполн
заслуживающимъ довѣрія въ виду того, что Рабиновичу, какъ видно из
его показанія, были хорошо извѣстны отношенія Паевскаго и Артамонов
съ рабочими и, между прочимъ, устройство Бѣлиловымъ кузницы при со
дѣйствіи Паевскаго. Неволинъ въ принадлежности къ преступному сооб
ществу не призналъ себя виновнымъ. У Павла Бѣлилова было отобран
между прочимъ, письмо Паевскаго, а также 2 экз. „Сказки о четырех
братьяхъ“, а при обыскѣ у Артамонова были найдены слѣдующія книг
журналъ „Впередъ“ т. I, „Сила солому ломитъ“, „Мысли о соціальной
наукѣ будущаго“, „Біографія и дѣятельность Роберта Овена—основател
соціализма въ Англіи“, 2 экземп. „Анархія по Прудону“, „Задачи револю
ціонной пропаганды въ Россіи“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ
въ чемоданѣ у Артамонова между бѣльемъ былъ найденъ конвертъ с

0 рублями, разложенными отдѣльно съ клочками бумаги, на которыхъ аписаны фамиліи: Дубенскій, Тарановъ и Габель. Во время содержанія ртамонова подъ стражей въ полицейскомъ домѣ Спасской части, у содер-авшагося тамъ же Богомолова были найдены 17 февраля 1875 года ифрованныя записки Артамонова, въ коихъ послѣдній, указывая адресъ ригорія Щеглова, котораго „знаютъ жена Синегуба и Клеменсъ“, просилъ говорить его, а также передать Ободовской слѣдующее: 1) Пусть сту-ентъ Николай (т. е. Паевскій), который участвовалъ во всѣхъ похожде-іяхъ, поскорѣе уѣзжаетъ за границу, ибо фамилію его знаютъ. 2) Пусть знаютъ, если возможно, гдѣ сидитъ Неволинъ. 3) Пусть скажутъ Сер-ѣевой, чтобъ она не говорила, что я шилъ сапоги и уѣзжалъ на лѣто, го у меня бывали Пироговъ и Щегловъ, что она ихъ не видѣла и они нѣ незнакомы, а если она уже сказала, то пусть перемѣнитъ показаніе предварительномъ слѣдствіи. Въ другой шифрованной запискѣ Артамо-овъ писалъ, что „кузнецъ Павелъ Григорьевъ (Бѣлиловъ) совсѣмъ под-ецъ, мы съ нимъ завели кузницу въ деревнѣ и тамъ уже работалъ одинъ изъ ашихъ—Неволинъ“, просилъ разыскать Бачина и уговорить его—„я съ нимъ кое о чемъ говорилъ и въ присутствіи его обѣщалъ дать книги тому подлецу, кузнецу, а также разыскать и вывезти за границу рабо-аго Ивана Медвѣдева, ибо онъ ужасный трусъ, и если его арестуютъ, о онъ все разскажетъ, а знаетъ онъ многое; я ему помогъ бѣжать изъ итера и познакомилъ съ другими, которые теперь считаются вожаками сего, а для меня только еще недоставало, чтобы раскрылись мои связи съ ни-ми“. Артамоновъ объяснилъ, что вышеприведенныя записки написаны не имъ, о противное несомнѣнно вытекаетъ какъ изъ содержанія записокъ, такъ и съ показанія смотрителя полицейскаго дома Спасской части. Подтверждая вы-ѣпзложенныя обстоятельства дѣла о Щегловѣ и Бѣлиловѣ, записки Артамонова мѣстѣ съ тѣмъ указали на сношенія послѣдняго съ рабочимъ Медвѣде-ымъ, разслѣдованіе каковыхъ сношеній въ свою очередь повлекло за со-ою раскрытіе преступной дѣятельности студентовъ Технологическаго Ин-ститута Андрея Андреева Пыпина и Анатолія Андреева Чарыкова. Иванъ льинъ Медвѣдевъ, работавшій на заводѣ, бывшемъ Семянникова, былъ акомъ, какъ видно изъ его показанія, съ Бачинымъ, Пироговымъ, Вино-радовымъ, Бѣлиловымъ, Орловымъ, Чернышевымъ, Низовкинымъ и Кле-енсомъ; посѣщалъ, по удостовѣренію Бѣлилова, лекціи студентовъ, о чемъ имъ разсказывалъ Бѣлилову; присутствовалъ, по словамъ Виноградова, сходкѣ, устроенной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что признано и мимъ Медвѣдевымъ и, наконецъ, какъ оказывается изъ показанія Бѣли-ова, передалъ послѣднему для чтенія „Исторію одного французскаго кре-ьянина“ и книгу про Бакунина. 18 марта 1874 г. у Медвѣдева былъ роизведенъ обыскъ, при чемъ у него были отобраны книги: „Исторія дного французскаго крестьянина“, „Стенька Разинъ“, „Вольный атаманъ тепанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“ и „Пролетаріатъ во Франціи“. Обязанный одпиской о неотлучкѣ изъ мѣста жительства, Медвѣдевъ тѣмъ не менѣе тчасъ же послѣ обыска скрылся и былъ задержанъ лишь 21-го марта 873 г. въ гор. Бродахъ съ паспортомъ на имя купца Бертольда. От-ргая свое знакомство съ Артамоновымъ, Медвѣдевъ объяснилъ, что былъ акомъ съ Чарыковымъ и Пыпинымъ, въ квартирахъ которыхъ и скры-

вался, опасаясь послѣдствій обыска. Нѣкоторое время Медвѣдевъ прожи-
валъ, какъ видно изъ его показанія, въ окрестностяхъ Петербурга, затѣмъ
опять то у Пыпина, то у Чарыкова и, наконецъ въ мартѣ 1875 года
уѣхалъ за границу, при чемъ предъ отъѣздомъ видѣлся съ Чарыковымъ, а
самый отъѣздъ его былъ рѣшенъ въ квартирѣ Пыпина, въ присутствіи
послѣдняго. Чарыковъ и Пыпинъ, работавшіе, какъ видно изъ ихъ пока-
заній, на бывшемъ заводѣ Семянникова, признали свое знакомство съ
Медвѣдевымъ и проживаніе послѣдняго въ квартирахъ каждаго изъ нихъ,
но при этомъ каждый объяснилъ, что ему неизвѣстно, бывалъ ли Медвѣ-
девъ у другого, и сверхъ сего оба отозвались незнаніемъ о намѣреніи
Медвѣдева уѣхать за границу. Между тѣмъ въ отношеніи Чарыкова и Пы-
пина слѣдствіемъ обнаружены слѣдующія данныя: Чарыковъ былъ знакомъ
съ Синегубомъ и, по словамъ послѣдняго, познакомилъ его съ Медвѣде-
вымъ. Пыпинъ присутствовалъ, по удостовѣренію Виноградова, на сходкѣ,
собранной Низовкинымъ 3-го марта 1874 г., что подтверждено Медвѣде-
вымъ, изъ показанія котораго видно, что онъ пришелъ на означенную
сходку вмѣстѣ съ Пыпинымъ. Изъ показанія дворянина Льва Городецкаго
оказывается, что онъ былъ знакомъ съ Пыпинымъ, а чрезъ него познако-
мился съ Чарыковымъ, который и посѣщалъ сходки, происходившія въ
квартирѣ членовъ самарскаго кружка. Пыпинъ и Чарыковъ, по словамъ
Городецкаго, стояли за стачки фабричныхъ рабочихъ и обращали особое
вниманіе, по выраженію Городецкаго, на умственное развитіе калинкин-
скихъ акушерокъ. Показаніе Городецкаго находитъ себѣ подтвержденіе въ
показаніи Медвѣдева, изъ котораго видно, что Низовкинъ, Пыпинъ и Ча-
рыковъ отзывались дурно о хозяевахъ и совѣтовали устраивать ассоціаціи.
По словамъ того же Медвѣдева, Чарыковъ познакомилъ его съ Черныше-
вымъ, отъ котораго онъ получилъ найденныя у него при обыскѣ книги;
самъ же Чарыковъ давалъ ему для чтенія „Пролетаріатъ во Франціи“,
„Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ и т. п. книги. Изъ вышеизложен-
наго нельзя не придти къ заключенію, что Пыпинъ и Чарыковъ, имѣвшіе
сношенія съ революціонными дѣятелями разныхъ кружковъ и вращавшіеся
въ средѣ рабочихъ, преслѣдовали тѣ же цѣли, къ которымъ стремились и
прочіе пропагандисты. Сопоставляя такой, вытекающій изъ обстоятельствъ
дѣла выводъ съ проживаніемъ укрывавшагося отъ преслѣдованія Медвѣ-
дева въ квартирахъ Пыпина и Чарыкова, и съ бѣгствомъ Медвѣдева за
границу, слѣдуетъ признать, что Пыпинъ и Чарыковъ, подобно Артамо-
нову, были заинтересованы въ исчезновеніи Медвѣдева. Медвѣдевъ, Пы-
пинъ и Чарыковъ виновными себя не признали. Каблицъ и Чернышевъ,
отдѣлившись отъ Ковалика, образовали новый кружокъ, въ составъ кото-
раго вошли, по показанію Рабиновича, студентъ Технологическаго Инсти-
тута Николай Яковлевъ Стронскій, Вѣра Рогачева и, какъ надо полагать,
Фростъ. Кружокъ Каблица и Чернышева носилъ названіе „кружка вспыш-
копускателей“ на томъ основаніи, что члены кружка, въ противность
большинству пропагандистовъ, стояли за мѣстныя возстанія, вспышки.
Такое происхожденіе названія кружка подтверждается показаніями Рабі-
новича и Гриценкова, изъ которыхъ, впрочемъ, послѣдній отъ этой части
своего показанія отказался. На собраніяхъ делегатовъ всѣхъ кружковъ
представителемъ „кружка вспышкопускателей“ явился, по удостовѣренію

Рабиновича, Каблицъ, внесшій въ общую кассу 300 руб. сер. изъ взятаго имъ за женою приданнаго. Члены кружка, чрезъ Каблица и Рогачеву, познакомились съ проживавшею въ то время въ Петербургѣ хорошею знакомою Ковалика, дворянкою Екатериною Константиновною Брешковскою, одною изъ основательницъ кіевскаго кружка. Послѣдствіемъ такого знакомства было переселеніе весною 1874 года всего кружка въ Кіевъ и совершенное сліяніе его съ мѣстнымъ кружкомъ. Подъ вліяніемъ вышепоказанныхъ четырехъ кружковъ: Чайковскаго, Лермонтова, Ковалика и вспышкопускателей, сложились и организовались кружки: артиллеристовъ, оренбуржцевъ и самарцевъ. „Кружокъ артиллеристовъ“ возникъ въ 1873 г. слѣдующимъ образомъ: въ 1872 г. воспитанники Михайловскаго артиллерійскаго училища Давыдъ Аитовъ, Тепловъ, Усачевъ и Нефедовъ, товарищи по классу, стали посѣщать квартиру отставного поручика Егора Егоровича Емельянова, начальника снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода, гдѣ встрѣчались съ Кравчинскимъ и Шишко, а по показанію Усачева и Антона, и съ Рогачевымъ. Кравчинскій, Шишко и Рогачевъ, по показанію Теплова, читали на собраніяхъ у Емельянова программы журнала „Впередъ“ и „Интернаціональнаго общества“, а также доказывали необходимость революціи, какъ единственнаго средства разорвать тотъ заколдованный кругъ, въ которомъ, по ихъ словамъ, находилось общество; такого рода ученіе произвело на Теплова, по его собственному показанію, сильное впечатлѣніе, которому поддались, очевидно, и его товарищи, рѣшившіе вмѣстѣ съ Тепловымъ оставить Артиллерійское училище. Въ февралѣ 1873 г. Тепловъ вышелъ изъ училища, вслѣдъ за нимъ въ мартѣ Аитовъ и Нефедовъ, а лѣтомъ и Усачевъ. Тепловъ поселился съ Аитовымъ и Нефедовымъ на одной квартирѣ, въ которой кромѣ того жилъ тоже оставившій Артиллерійское училище дворянинъ Сидорацкій (женившійся впослѣдствіи на Ободовской) и въ которой впослѣдствіи поселились знакомые Аитова, пріѣхавшіе лѣтомъ изъ Оренбурга и Уфы—дворянинъ Сергѣй Голоушевъ, дворянинъ Леонидъ Щиголевъ и мѣщанинъ Соломонъ Аранзонъ, а также Усачевъ и воспитанникъ Артиллерійскаго училища, оставившій таковое по примѣру своихъ товарищей, сынъ статскаго совѣтника, Ѳедоръ Ѳоминъ. Нефедовъ поступилъ въ Технологическій Институтъ; Ѳоминъ ѣздилъ въ Дерптъ съ цѣлью поступленія въ тамошній университетъ, но дерптскіе порядки ему не понравились и онъ вернулся въ Петербургъ, а Сидорацкій былъ арестованъ въ ноябрѣ 1873 г. по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Квартиру, въ которой жили всѣ эти лица, посѣщали: Шишко—по удостовѣренію Теплова, Усачева и Аитова; студентъ Технологическаго Института, австрійскій подданный, Александръ Осиповъ Лукашевичъ и Куприяновъ—по показаніямъ Теплова и Ѳомина, а также съ недѣлю жилъ въ ней, по словамъ того же Теплова, Дробышевскій, товарищъ Усачева по Нижегородской гимназіи. Оставаясь, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ Шишко, артиллеристы, съ другой стороны, подпали вліянію кружка Ковалика; такъ, изъ показанія Митрофана Гриценкова видно, что въ началѣ января онъ встрѣчалъ въ квартирѣ Ивана Блавдзевича—Аитова, Теплова, Усачева, Нефедова и Голоушева, а по удостовѣренію Усачева, онъ съ Нефедовымъ былъ на сходкѣ у Чернышева, на которой Каблицъ говорилъ о „стачкахъ и мѣстныхъ возстаніяхъ, какъ средствахъ воспитать

въ народѣ чувства, нужныя для того, чтобъ онъ могъ произвести революцію". Вліяніе такого знакомства выразилось въ явно революціонномъ направленіи, которое усвоилъ себѣ кружокъ артиллеристовъ, что доказывается слѣдующимъ: По показанію Теплова, онъ считалъ нѣкоторое время „революцію исторической необходимостью, могущею произвести переворотъ въ строѣ государства", почему и записывалъ въ тетрадь, отобранную у него при обыскѣ, тексты изъ Священнаго писанія, подтверждающіе, по его мнѣнію, такое положеніе. По показанію Ѳомина, у него послѣ прочтенія нѣсколькихъ запрещенныхъ книгъ, а также «Капитала»—Маркса и „Положеніе рабочаго класса въ Россіи"—Флеровскаго, явилось убѣжденіе о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса; не будучи въ состояніи разрѣшить собственными силами вопросъ о томъ, какимъ способомъ такое измѣненіе можетъ быть достигнуто, онъ обратился за разъясненіемъ къ Теплову и Антову, которые и указали ему на революцію. Въ одномъ изъ заявленій Антова, написанныхъ послѣ задержанія его въ гор. Калугѣ, встрѣчаются слова: „прежде я былъ такого образа мыслей, что народъ можетъ достигнуть благосостоянія путемъ кровавыхъ революцій—теперь я этого не думаю". По показанію Усачева, въ квартирѣ артиллеристовъ появились прокламаціи: „Къ интеллигенціи" и „Къ русскому народу", и однажды вечеромъ читались статьи Бакунина объ образованіи, послѣ чего между Тепловымъ и Голоушевымъ произошелъ по поводу прочитаннаго споръ, въ которомъ Голоушевъ доказывалъ необходимость дальнѣйшаго образованія, а Тепловъ отстаивалъ ту мысль, что можно вести пропаганду и съ тѣми знаніями, которыми обладали уже въ то время артиллеристы. Такое показаніе Усачева находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Щиголева, удостовѣрившаго, что въ квартирѣ артиллеристовъ появились книги «Впередъ» и «Анархія». Изъ переписки, отобранной у матери Голоушева, видно, что во второй половинѣ 1872 г. Голоушевъ писалъ своей матери, между прочимъ, слѣдующее... „я писалъ вамъ, что разъ, ставъ на какой-нибудь путь, вѣдь не сворачивать же съ него ни съ того ни съ сего. А путь нашъ, всѣмъ теперь извѣстное дѣло, не особенно покойный и безопасный. Надо не только сближаться съ народомъ, надо просто идти въ него и слиться съ нимъ"... „Вы говорите противъ насильственныхъ переворотовъ; что вы называете насильственнымъ?... если я укажу возможность выйти изъ тяжелаго положенія человѣку, изъ котораго тянутъ сокъ... тутъ простое стремленіе выбиться изъ-подъ гнета, и я не думаю, чтобы вы употребили слово насиліе въ этомъ смыслѣ. Хорошо было бы, если бы возможенъ былъ мирный путь, но вспомните слова Іисуса Христа: не миръ пришелъ я принесть на землю, а мечъ". Артиллеристы, а также Голоушевъ, въ показаніяхъ своихъ стараются доказать, что направленіе кружка не было революціоннымъ, и что они, убѣжденные въ бѣдственномъ положеніи народа, обсуждали лишь вопросъ: какъ помочь народу выйти изъ этого положенія, при чемъ рѣшили отправиться на „рекогносцировку", т. е. пойти въ народъ, отнюдь не съ цѣлью пропагандировать революцію, а исключительно съ намѣреніемъ узнать настоящее положеніе народа, а также его нужды и стремленія. Такое объясненіе, не согласуясь однако съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, достаточно характеризующими направленіе кружка, находитъ себѣ полное опроверженіе въ дѣя-

тельности членовъ послѣдняго. По показанію Теплова, еще въ то время, когда онъ жилъ лишь съ Нефедовымъ и Сидорацкимъ, къ нимъ въ квартиру для сбереженія былъ отданъ кѣмъ-то ручной типографскій станокъ и шрифтъ для печатанія. Когда они переѣхали на другую квартиру, въ которой вмѣстѣ съ ними жили Усачевъ и др., станокъ этотъ хранился въ верхнемъ помѣщеніи квартиры, гдѣ раза два Шишко съ неизвѣстною личностью провели нѣсколько часовъ, заперевъ дверь на ключъ. Тепловъ пробовалъ печатать на этомъ станкѣ программу собиранія свѣдѣній о народномъ бытѣ, что видѣлъ и Усачевъ, какъ удостовѣрилъ сей послѣдній, но попытка Теплова, по его словамъ, не увѣнчалась успѣхомъ. Послѣ ареста Сидорацкаго и бывшаго воспитанника Артиллерійскаго училища Циммерберга, Тепловъ и товарищи его, опасаясь обыска, рѣшили отправить типографскій станокъ къ Емельянову, что и было исполнено. Желая однако продолжать начатые опыты печатанія, Тепловъ, по его собственнымъ словамъ, обратился къ Емельянову съ предложеніемъ нанять гдѣ-либо квартиру и перевезти туда станокъ, при чемъ, въ виду изъявленнаго Емельяновымъ согласія, просилъ его рекомендовать ему, Теплову, кого-нибудь, кто могъ бы быть его помощникомъ въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Емельяновъ рекомендовалъ Теплову воспитанника Техническаго Училища Гвоздева, съ которымъ Тепловъ нашелъ гдѣ-то за арсеналомъ квартиру, за которую платилъ Емельяновъ, давшій и мебель для этой квартиры и вмѣстѣ съ Тепловымъ перевезшій въ нее типографскій станокъ съ той квартиры, гдѣ онъ хранился. Несмотря однако на содѣйствіе Гвоздева, опыты печатанія остались, по словамъ Теплова, безуспѣшными, и онъ, уѣзжая изъ Петербурга, посовѣтовалъ Гвоздеву продолжать работу съ Аранзономъ. Какъ Емельяновъ, такъ окончившій курсъ въ Технической школѣ мастеръ 2-го разряда, Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ, отвергли показанія Теплова, при чемъ Емельяновъ объяснилъ, что зналъ Гвоздева, а сей послѣдній отозвался, что Тепловъ ему совершенно неизвѣстенъ, несмотря на признаніе его Тепловымъ за то самое лицо, о которомъ онъ упоминалъ въ своемъ показаніи. Несмотря на такія объясненія Емельянова и Гвоздева, показаніе Теплова представляется вполнѣ правдоподобнымъ въ виду доказаннаго распространенія Гвоздевымъ революціонныхъ книгъ, что удостовѣрено кронштадскимъ мѣщаниномъ Александромъ Разумовскимъ. По словамъ сего послѣдняго, онъ въ мастерской арсенала купилъ за 15 коп. у Гвоздева, по его предложенію, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и прокламацію „Чтой-то-братцы“, при чемъ Гвоздевъ совѣтовалъ ему давать эти книги для чтенія и другимъ, пояснивъ, что онѣ „на то и печатаются“. Такое показаніе Разумовскаго подтвердилъ и Гвоздевъ, объясняя, что означенныя книги онъ купилъ на толкучемъ рынкѣ и, прочитавъ таковыя, продалъ ихъ Разумовскому, не зная, что онѣ запрещенныя. Тепловъ, работавшій нѣкоторое время послѣ выхода изъ Артиллерійскаго училища въ снаряжательной мастерской патроннаго завода, познакомился съ рабочимъ той же мастерской, крестьяниномъ Гдовскаго уѣзда, Михаиломъ Никифоровымъ (нынѣ умершимъ), который затѣмъ, по болѣзни, уѣхалъ на родину, гдѣ и завелъ школу. Въ устройствѣ этой школы принимали дѣятельное участіе Тепловъ и Аитовъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, а также Щиголевъ и Голоушевъ. По обыску у Никифорова найдено довольно значительное количество народ-

ныхъ и тенденціозныхъ книгъ, въ томъ числѣ: „Дѣдушка Егоръ“, съ при-
ложеннымъ къ нему рукописнымъ листомъ, заключающимъ въ себѣ прямое
воззваніе къ бунту, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ
пѣсенъ и стиховъ“, „Программа работниковъ“, брошюра „Какъ должно
жить по закону природы и правды“, прокламація „Къ русскому народу“,
а также три письма, изъ коихъ два отъ Щиголева, а третье отъ Теплова.
Тепловъ въ своемъ письмѣ совѣтуетъ Никифорову просвѣщать темныхъ
людей и обѣщаетъ прислать книгъ вродѣ „Дѣдушки Егоръ“. Щиголевъ
въ одномъ письмѣ сообщаетъ Никифорову, что знаетъ его по раз-
сказамъ общаго ихъ друга Теплова, что письмо Никифорова къ Антову
не застало послѣдняго въ Петербургѣ, что Голоушевъ, получивши
письмо предъ своимъ отъѣздомъ, просилъ Щиголева взять переписку съ
Никифоровымъ на себя и обѣщаетъ прислать денегъ; въ другомъ же
письмѣ Щиголевъ извѣщаетъ о посылкѣ денегъ, о скорой присылкѣ
книгъ, и проситъ Никифорова писать подробнѣе о своихъ дѣлахъ,
такъ какъ они интересуютъ не одного Щиголева, а и всѣхъ товарищей его,
при чемъ прилагаетъ адресъ на имя Софьи Смиттенъ. Заботы Теплова и то-
варищей его о школѣ, какъ это видно изъ писемъ Никифорова, отобран-
ныхъ у Щиголева, не пропали даромъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Ни-
кифоровъ извѣщалъ, что дѣла у него въ деревнѣ идутъ на столько хо-
рошо, что могутъ радовать такихъ мыслящихъ людей, какъ Щиголевъ и
его товарищи. Онъ, какъ Шовель, старается разъяснить человѣческія права
народу, который начинаетъ уже цѣнить въ себѣ человѣческое достоинство
и не раболѣпствуетъ предъ помѣщикомъ, какъ прежде. Въ другомъ письмѣ
Никифоровъ благодаритъ за присылку „Пѣсенника“ и другихъ книгъ, и
проситъ денегъ „для общей нашей пользы“. Михаилъ Никифоровъ, нынѣ
умершій, объяснилъ при дознаніи, что деньги и книги для устроенной
имъ въ селѣ Подоспѣ школы, онъ получалъ отъ Теплова и Щиголева,
что народные разсказы, „Программа работниковъ“ и брошюры: „Къ рус-
скому народу“ и „Какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды“
были привезены къ нему, Никифорову, въ село Подоспье, 24 декабря
1873 г., Тепловымъ и Антовымъ, и что „Пѣсенникъ“ и „Сказку о че-
тырехъ братьяхъ“ прислалъ въ іюлѣ 1874 г. Щиголевъ, котораго о по-
лученіи этихъ книгъ онъ и увѣдомилъ письмомъ, писаннымъ солянымъ ра-
створомъ, каковой способъ переписки былъ рекомендованъ Тепловымъ. Те-
пловъ и Антовъ признали, что дѣйствительно на Рождествѣ 1873 г. ѣз-
дили къ Никифорову въ село Подоспье и привезли ему народныя книги
а также брошюры: „Къ русскому народу“ и „Какъ слѣдуетъ жить по за-
кону природы и правды“, при чемъ объяснили: Тепловъ—что брошюры эти
были получены отъ Шишко, а Антовъ—что брошюры были имъ взяты
съ собою, вѣроятно, потому, что онѣ не запрещенныя. Щиголевъ, не
отрицая посылки Никифорову книгъ, пояснилъ, что дѣйствовалъ въ
этомъ случаѣ по порученію студента Воронцова и не зналъ содер-
жанія книгъ, которыя были ему переданы для отсылки Никифоро-
ву завернутыми въ бумагу и запечатанными. Между тѣмъ, по обыску
у самого Щиголева были найдены: „Сказка о четырехъ братьяхъ“,
„Стенька Разинъ“, извлеченіе изъ устава интернаціональнаго общества и
стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Къ русскому народу“. Усвоивъ себѣ

революціонное направленіе и посвятивъ себя агитаторской дѣятельности, кружокъ „артиллеристовъ“, прежде чѣмъ идти въ народъ, счелъ необходимымъ, подобно большинству пропагандистовъ, изучить какое-либо ремесло. Затрудненія, которыя, по словамъ Аитова, встрѣчались по сему предмету, были, какъ это видно изъ показаній Теплова, Аитова и Нефедова, устранены Шишко. Явившись однажды, вскорѣ послѣ ареста Сидорацкаго, на квартиру артиллеристовъ, Шишко сообщилъ Аитову и Теплову, что нѣсколько студентовъ рѣшили устроить слесарную мастерскую, и предложилъ имъ принять участіе въ томъ дѣлѣ, на что Аитовъ и Теплювъ изъявили согласіе, при чемъ, въ виду предупрежденія Шишко о томъ, что много народу набирать не слѣдуетъ, порѣшили сообщить о вышеизложенномъ только Нефедову, который, подобно своимъ товарищамъ, охотно согласился на предложеніе Шишко. На другой день явился къ нимъ, по словамъ Теплова и Аитова, студентъ Медико-Хирургической Академіи Богомоловъ (нынѣ умершій) съ запиской отъ Шишко и, сообщивъ свой адресъ, сказалъ, что къ нему можно придти хоть въ тотъ же день. Тепловъ, Аитовъ и Нефедовъ послѣдовали приглашенію Богомолова, который и показалъ имъ, гдѣ-то на набережной Малой Невки квартиру, въ коей должна была помѣщаться мастерская, и гдѣ они встрѣтили австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича. Работая въ означенной мастерской, артиллеристы, къ которымъ вскорѣ присоединился и Усачевъ, встрѣчались въ ней, по показанію Теплова, со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевымъ (нынѣ умершимъ) и съ другимъ Чернышевымъ-технологомъ, членомъ кружка Каблица (скрывшимся отъ преслѣдованія), а по показанію Аитова, сверхъ того и съ Влавдзевичемъ, Гриценковымъ и Шуравинымъ (Чарушинымъ). Вскорѣ затѣмъ было рѣшено заняться изученіемъ кузнечнаго мастерства. Богомоловъ и Лукашевичъ отыскали кузнеца по Боровой улицѣ, гдѣ кромѣ нихъ стали работать Аитовъ. Тепловъ, Нефедовъ и Усачевъ, къ которымъ присоединились Голоушевъ и Ѳоминъ, а по удостовѣренію Усачева и Аитова, технологъ Чернышевъ и Шуравинъ (Чарушинъ). Въ началѣ 1874 г. артиллеристы, а вмѣстѣ съ ними и Александръ Осиповъ Лукашевичъ признали себя достаточно подготовленными и рѣшили идти въ народъ, для чего пріобрѣли крестьянское платье и запаслись видами на жительство. Послѣдніе, по словамъ Теплова, были добыты слѣдующимъ образомъ: Тепловъ отправился къ Емельянову, сообщилъ ему о своихъ намѣреніяхъ и просилъ его дать нѣсколько адресовъ лицъ, у которыхъ онъ во время своего хожденія въ народъ, могъ бы найти пристанище для отдыха, а также семинарское свидѣтельство. Емельяновъ далъ Теплову и то и другое, а Тепловъ отправился на квартиру Щиголева и Аранзона, гдѣ и передалъ Аитову полученное отъ Емельянова свидѣтельство. Аитовъ, по словамъ Теплова, ушелъ куда-то съ упомянутымъ свидѣтельствомъ и вскорѣ вернулся, принеся съ собой нѣсколько экземпляровъ свидѣтельствъ, составленныхъ по образцу принесеннаго Тепловымъ; имъ была приложена печать, нацарапанная Тепловымъ, по его выраженію, на свинцовой плиткѣ, и затѣмъ каждый изъ артиллеристовъ, т. е. Тепловъ, Аитовъ, Усачевъ, Нефедовъ и Ѳоминъ получили по свидѣтельству. Такое показаніе Теплова находитъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Нефедова и Усачева, по словамъ которыхъ

Тепловъ принесъ три или четыре семинарскія свидѣтельства, изъ которыхъ Нефедовъ и Усачевъ взяли себѣ по одному. Для переписки между собою и Петербургомъ уходившіе въ народъ запаслись, по показанію Теплова и Усачева, шифромъ, предложеннымъ Лукашевичемъ, ключъ къ которому состоялъ изъ слѣдующихъ словъ: „горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной, богата жизнь царскихъ лакеевъ, въ будущемъ флюдъ“, при чемъ по удостовѣренію тѣхъ же, Теплова и Усачева, письма въ Петербургъ должны были адресоваться на имя Софіи Измайловой, жившей на Литейной улицѣ, но получать эти письма должна была знакомая Александра Осипова Лукашевича—Ободовская, которую Тепловъ, по его словамъ, нѣсколько разъ видѣлъ съ Лукашевичемъ. Какъ Ободовская, такъ и Лукашевичъ противъ вышеизложеннаго показанія возразили, что они между собою незнакомы, при чемъ Лукашевичъ показалъ, что шифра артиллеристамъ не передавалъ, а Ободовская объяснила, что артиллеристовъ вовсе не знаетъ и никому не давала разрѣшенія писать ей по адресу Измайловой. Между тѣмъ: а) изъ показанія самой Сидорацкой (Ободовской) оказывается, что она знала нѣкую Софью Измайлову, служившую въ качествѣ гувернантки у присяжнаго повѣреннаго Богаевскаго, а также Емельянова, у котораго проживалъ ея мужъ; б) въ отобранной въ Москвѣ у Ковалика запискѣ, въ которой послѣдній указывалъ на липъ, могущихъ быть полезными для его побѣга, встрѣчается слѣдующая фраза: „Ободовская, сказать ей, что она давала мнѣ записку въ Нижній къ артиллеристамъ, подписалася „Флютцъ“, и в) какъ видно изъ отобраннаго у Щиголева письма Голоушева, послѣдній, сообщая о появленіи въ Орлѣ новой секты, основанной Маликовымъ, послѣдователями котораго сдѣлались Тепловъ и Антовъ, просилъ сообщить объ этомъ „къ Архангелу“. (Сидорацкая жила близъ церкви св. Михаила Архангела, въ домѣ своего отца). Предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга Тепловъ зашелъ къ Лукашевичу за картой Нижегородской губерніи и встрѣтилъ въ квартирѣ Лукашевича Куприянова, который предложилъ ему рекомендательную записку въ Нижній и, вслѣдствіе изъявленнаго Тепловымъ согласія, далъ ему адресъ: „Магазинъ Холтурина—Ливанову“ и записку, въ которой было сказано, что подателямъ таковой можно довѣриться. Наконецъ, 2-го марта Тепловъ, Усачевъ, Нефедовъ и Ѳоминъ выѣхали изъ Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ, а чрезъ нѣсколько дней по тому же пути отправились Антовъ и Лукашевичъ. Голоушевъ, Щиголевъ и Аранзонъ, оставаясь въ Петербургѣ, не прервали своихъ сношеній съ артиллеристами и кромѣ того съ присоединившимися къ нимъ лицами составили особенный кружокъ, носившій названіе „кружка оренбуржцевъ“ и „кружка Голоушева“. Въ составъ означеннаго кружка, кромѣ Голоушева, Щиголева и Аранзона, вошли: студентъ С.-Петербургскаго Университета, Дмитрій Ѳедоровичъ, студенты Медико-Хирургической Академіи, Леонидъ Траубенбергъ и Петръ Воскресенскій, дочь надворнаго совѣтника Марія Веревочкина и слушательница женскихъ курсовъ при Медико-Хирургической Академіи, Клеопатра Лукашевичъ. Голоушевскій кружокъ, какъ видно изъ показанія, даннаго Веревочкиною при дознаніи, возникъ слѣдующимъ образомъ: во второй половинѣ 1873 года Веревочкина проживала у нѣкоей Карповой, у которой жилъ также студентъ Медико-Хирургической Академіи Вейнбаумъ; квартиру Кар-

овой посѣщали Голоушевъ, Щиголевъ, Аранзонъ, Оедоровичъ и Клеопатра Лукашевичъ, которые вмѣстѣ съ Карповою, Веревочкиною и Вейнбаумомъ составили кружокъ, распавшійся впослѣдствіи на два, причиною чего было несогласіе во взглядахъ между Вейнбаумомъ и Карповою съ одной, и прочими лицами—съ другой стороны. Послѣ отпаденія Вейнбаума и Карповой, члены кружка продолжали собираться у Оедоровича и Голоушева, при чемъ на ихъ собраніяхъ появлялись и новыя личности—Траубенбергъ и Воскресенскій. На собраніяхъ читали запрещенныя книги, разсуждали о бѣдственномъ положеніи народа и его невѣжествѣ, о стачкахъ рабочихъ и объ артеляхъ, объ интернаціоналѣ, признававшемся „силою, которой принадлежитъ будущее“, и наконецъ, рѣшили бросить ученіе и „помочь народу отъ притѣсненій, эксплуатаціи и его собственнаго невѣжества“. Такое показаніе Веревочкиной находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ объясненіяхъ нѣкоторыхъ членовъ кружка, такъ и въ дальнѣйшей ихъ дѣятельности. По словамъ Голоушева, онъ находилъ несовершеннымъ существующій въ Россіи государственный и соціальный порядокъ и желалъ измѣненія означеннаго порядка, вслѣдствіе чего, съ цѣлью помочь скорѣйшему достиженію такого измѣненія, Голоушевъ вышелъ изъ Академіи и рѣшилъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, какъ это видно изъ отобранныхъ у него писемъ матери, въ которыхъ послѣдняя писала ему, что выходомъ изъ Академіи для поступленія въ сельскіе учители онъ вступилъ на путь далеко не безопасный и совершенно безцѣльный, и уговаривала его продолжать образованіе. Оедоровичъ, какъ оказывается изъ его показанія, вышелъ изъ университета съ тѣмъ, чтобы жить въ деревнѣ, изучить народъ и опредѣлить способъ, какимъ было бы возможно достигнуть улучшенія экономическаго положенія народа и его нравственности. Веревочкина, по удостовѣренію Щиголева, сходилась во мнѣніяхъ съ Голоушевымъ. Лукашевичъ думала занять мѣсто сельской учительницы, а Воскресенскій считалъ необходимымъ изучить народъ прежде, чѣмъ избрать какую-либо дѣятельность. Всѣ означенныя лица, равно какъ и Аранзонъ, были, по словамъ Щиголева, недовольны существующимъ государственнымъ и соціальнымъ строемъ. Такое недовольство раздѣлялъ и самъ Щиголевъ, что видно какъ изъ его показанія о томъ, что онъ пересталъ думать о своемъ поступленіи въ Технологическій Институтъ и также желалъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, такъ и изъ переписки Щиголева съ его родителями. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу Щиголевъ писалъ, что хотя высказываемыя имъ мысли и вычитаны изъ сочиненій Бакунина, но они вошли въ его плоть и кровь и, слѣдовательно, сдѣлались его собственными, и что коммунизмъ, проповѣдуемый Бакунинымъ, не выдуманъ, а есть идеи Іисуса Христа. Мать Щиголева, въ письмѣ отъ 24-го іюня 1874 г., писала сыну, что желаніемъ своимъ занять постъ сельскаго учителя онъ прямо идетъ по скользкому и опасному пути Голоушева. Хотя члены кружка „оренбуржцевъ“ въ показаніяхъ своихъ и стараются провести мысль, что они исключительно путемъ образованія, искорененія предразсудковъ и т. п. средствами желали содѣйствовать улучшенію матеріальнаго и нравственнаго положенія народа, тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что и кружокъ Голоушева усвоилъ себѣ явно революціонное направленіе, доказательствами чего служатъ показанія Щиголева и Веревочкиной, данныя при дознаніи, изъ которыхъ видно, что на собраніяхъ членовъ

кружка читали книгу „Анархія“ и журналъ „Впередъ“, произведшіе сильн
впечатлѣніе на Щиголева, а также говорили о возможности переворота въ поль
народа путемъ прямого возстановленія послѣдняго противъ эксплуатац
капиталистовъ и противъ власти и рѣзко отзывались о существующе
государственномъ строѣ, для преобразованія котораго предлагались „рад
кальнѣйшія мѣры“. Революціонное направленіе кружка обусловливалось
сношеніями его съ прочими петербургскими кружками: такъ—Голоушев
Щиголевъ и Аранзонъ сохранили прежнія свои связи: кромѣ сего, Голо
шевъ, а также и Воскресенскій, какъ видно изъ показаній Льва Городе
каго, имѣли близкія отношенія къ кружку самарцевъ, къ которымъ пр
соединилась и Клеопатра Лукашевичъ; наконецъ, кружокъ оренбуржцев
слился съ прочими революціонными кружками, что вытекаетъ изъ удостов
реннаго Рабиновичемъ присутствія Траубенберга на происходившихъ весн
1874 г. собраніяхъ представителей петербугскихъ кружковъ. Изъ показа
нія того же Рабиновича, кромѣ сего видно, что кружокъ, къ которо
принадлежитъ Траубенбергъ, часто устраивалъ балы и вечера, при чем
вырученныя отъ такихъ вечеровъ деньги предназначались на веденіе пр
паганды, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Веревочкино
удостовѣрившей, что ей извѣстно о двухъ вечерахъ, устроенныхъ первы
на Загородномъ проспектѣ, а второй—на Петербургской сторонѣ, оба с
платой за входъ по 1 руб. сер. Слившись съ прочими револ
ціонными кружками и усвоивъ себѣ ихъ направленіе, „голоушевцы“, по
добно другимъ революціоннымъ дѣятелямъ, уѣхали весной 1874 г. из
Петербурга съ цѣлью вести пропаганду въ народѣ. Въ Петербургѣ оста
лись Щиголевъ и Траубенбергъ, которыхъ товарищи поставляли въ извѣс
ность какъ о своей личной дѣятельности, такъ о дѣятельности другихъ пропага
дистовъ, при чемъ въ сношеніяхъ соблюдалась осторожность; письма или вовсе
подписывались, или же подписывались лишь начальными буквами фамил
писавшаго и весьма часто пропагандисты назывались въ письмахъ не их
фамиліями, а прозвищами, ключъ къ которымъ дали въ своихъ показаніях
Щеголевъ и Голоушевъ. По словамъ перваго, у членовъ кружка и близкихъ к
нимъ лицъ были слѣдующія прозвища: Голоушева называли—„Львомъ“, Клео
патру Лукашевичъ—„Воробьемъ“, Ѳомина—„Емелькой“, Усачева„—„ Кур
гузкой“, а Клеменса—„Бяхою“; по удостовѣренію же Голоушева, его на
зывали и „Казенною вещью“, Траубенберга—„Верзилой“, а Воскресенскаго—
„Малостью Петровичемъ“. Раньше другихъ уѣхалъ Голоушевъ, который
по пріѣздѣ въ Оренбургъ, какъ видно изъ показанія дворянина Евгені
Малышевича, разсказывалъ о студентахъ, отправившихся въ народъ в
пропаганду, и совѣтовалъ Малышевичу послѣдовать ихъ примѣру и такж
идти въ народъ подъ видомъ иконописца или сельскаго учителя. По сло
вамъ того же Малышевича, Голоушевъ привезъ съ собою нѣсколько экзем
пляровъ „Исторіи французскаго крестьянина“, „Отщепенцевъ“ и брошюр
„Что дѣлается на родинѣ“, изъ каковыхъ книгъ онъ, Малышевичъ, в
квартирѣ Голоушева, по предложенію гимназиста Павла Орлова, взял
нѣсколько экземпляровъ, которые затѣмъ возвратилъ Голоушеву, оставив
у себя лишь „Исторію французскаго крестьянина“. Изъ Оренбурга Голо
ушевъ написалъ Веревочкиной письмо, въ которомъ извѣщалъ, что „на
чалъ уже заниматься слесарнымъ ремесломъ и знакомиться съ рабочим

людомъ", выражалъ свою досаду на Таранина (Антова), не привозящаго ему книгъ, на которыя большой запросъ; спрашивалъ Веревочкину, знаетъ ли она что-нибудь отъ Тр. (Траубенберга). и присовокуплялъ, что „вообще наши съ нимъ дѣла здѣсь идутъ недурно . . ." Въ другомъ письмѣ, на имя Щиголева, Голоушевъ сообщалъ о новой сектѣ Маликова въ Орлѣ, послѣдователями которой сдѣлались Тепловъ и Антовъ, и просилъ передать объ этомъ и другихъ новостяхъ къ Архангелу (Александрѣ Ободовской), а также просилъ прислать „народныя книги" и „остальныя". Веревочкина въ маѣ уѣхала въ Уфу; по ея словамъ, цѣль таковой поѣздки заключалась въ томъ, чтобы видѣться съ Голоушевымъ, съ которымъ она имѣла намѣреніе вступить въ бракъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такая цѣль дѣйствительно была у Веревочкиной, какъ это видно изъ ея переписки съ Голоушевымъ, которому она, между прочимъ, писала, что въ іюлѣ она должна обвѣнчаться, что если онъ не получитъ согласія своихъ родителей на вступленіе съ нею въ бракъ и не захочетъ обвѣнчаться безъ такового согласія, то чтобы прямо написалъ ей объ этомъ, въ каковомъ случаѣ она найдетъ кого-либо другого. Но помимо вышеуказанной цѣли, у Веревочкиной была несомнѣнно и другая—идти въ народъ въ качествѣ члена революціоннаго кружка, доказательствомъ чего служитъ переписка Веревочкиной. Въ этомъ же письмѣ, въ которомъ она побуждала Голоушева къ скорѣйшему вступленію съ нею въ бракъ, Веревочкина писала: „Ты долженъ, ты обязанъ думать обо мнѣ, какъ о своемъ товарищѣ „по дѣлу", и мое счастье и спокойствіе ты долженъ цѣнить, какъ счастіе каждаго изъ нашихъ. Теперь позволь тебѣ предложить одинъ вопросъ: можешь ли ты обвѣнчаться со мной? Это надо мнѣ потому, что иначе я не могу ничего дѣлать, я связана. Это надо для меня потому, что если я не обвѣнчаюсь, меня найдутъ и другихъ въ покоѣ не оставятъ. Я говорю теперь не какъ „твоя Маша", а говорю просто, какъ одинъ изъ насъ. Имѣю ли я право напоминать тебѣ, какъ Голоушеву, что, съ одной стороны, стоитъ помощь „собрату", прямая выгода для всѣхъ . . . а съ другой, безпокойство твоего отца и только . . . О Сибири не стоитъ говорить, я рѣшительно не поѣду туда. Здѣсь больше надобности въ насъ, а тамъ? „А тамъ мы еще будемъ!" Щиголевъ въ письмахъ своихъ къ Веревкиной, убѣждая ее сдѣлаться сельскою учительницей, подкрѣплялъ свои доводы тѣмъ соображеніемъ, что избранная Веревочкиною дѣятельность будетъ ей не подъ силу. Такъ въ письмѣ отъ 24-го мая Щиголевъ писалъ . . . „я долго раздумывалъ о Вашей будущей жизни, и она представляется до того плохою, до того невыгодною для Васъ, а потому и для дѣла и людей, уважающихъ Васъ, что я рѣшился просить Васъ еще разъ хорошенько обдумать Ваше намѣреніе. Вамъ придется переходить изъ деревни въ деревню по жарѣ и холоду, но долго ли выдержитъ эти переходы Ваше не крѣпкое здоровье? Потомъ далѣе, для Васъ нуженъ чистый воздухъ, а Вамъ придется дышать такимъ, какого и здоровый человѣкъ съ непривычки не выноситъ. Марья Ивановна, Вы себя губите и изъ чего? Будетъ ли на только плодотворна Ваша дѣятельность? Окупится ли принесенною Вами пользой Ваша личность? Конечно, нѣтъ. Знаете ли Вы, сколько Вамъ придется вынести борьбы противъ предразсудковъ? Но я, положимъ, увѣренъ, что Вы побѣдите, что Васъ будутъ слушать, за Вами пойдутъ, но

не много оттого, что Вы сами не долго будете идти впередъ. Васъ скор
сломитъ физически непосильная жизнь. Не ходите, дорогая Марья Иванов
на, лучше подождите мѣсяцъ, другой мѣста учительницы . . .“ Въ дру
гомъ письмѣ отъ 31-го мая Щиголевъ писалъ . . . „я не знаю еще, сог
ласитесь ли Вы со мною насчетъ дѣятельности учительницы или нѣтъ
но на всякій случай теперь подыскиваю мѣста, два уже намѣчены: одно
въ деревнѣ какой-то княгини-либералки, которая гонитъ старую учитель
ницу за то, что та мало обращала вниманія „на пропаганду“, жаловані
тамъ 600 р. с. въ годъ, второе есть, но гдѣ хорошенько не знаю . .
о княгинѣ я навожу справки. Нѣкоторые говорятъ, что она будетъ помо
гать дѣлу, т. е. прикрывать учительницу, другіе же, что будетъ мѣшат
ей. Опредѣленнаго ничего не могъ еще узнать“. Наконецъ, въ письмѣ от
25-го іюля Щиголевъ, извѣщая, „что хлопочетъ о мѣстѣ учительницы
княгини-либералки“, увѣдомляетъ Веревочкину о смерти Луки (Лукашевичъ
и присовокупляетъ: „Вы берегите Ваше здоровье, вѣдь Вы по письму к
ней (т. е. къ Лукашевичъ) тоже склонны къ этой болѣзни, она свирѣп
ствуетъ въ Самарѣ, Саратовѣ и Москвѣ“. Веревочкина въ письмахъ к
Щиголеву писала, между прочимъ, слѣдующее: въ письмѣ отъ 17-го мая . .
„Вы вѣдь одинъ изъ запоздавшихъ, изъ нашихъ вѣдь почти никого н
осталось (т. е. въ Петербургѣ). Напрасно вы говорите объ опасности смерти
дѣло главное-то въ томъ, что невозможно развернуться тамъ и сила угро
жающая ляжетъ тяжело не на личность, а на дѣло . . .“; въ письмѣ от
12-го іюля изъ Уфы . . . „я справлялась здѣсь, можно ли держать экза
менъ на учительницу, отвѣтъ получила неудовлетворительный, т. е. чт
экзамены начнутся съ 1-го сентября. Вы видите, что Ваши совѣты н
остались безъ вниманія, да и всѣ остальные порицаютъ избранную мно
форму; я соглашаюсь, что она несостоятельна, какъ постоянная форма (
то для меня, такъ какъ здоровье не вынесетъ зимнихъ путешествій), в
такъ какъ все равно теперь невозможно найти мѣста учительницы и д
сентября, слѣдовательно, я свободна, то избираю эту неудобную по Вашем
форму, какъ временную, именно потому, что другого ничего не предста
ляется, а сидѣть даромъ до осени не имѣю малѣйшаго желанія . . . Тепер
еще одно слово объ учительствѣ моемъ; княгиня, о которой Вы пишет
кажется мнѣ идеальной, или можетъ одинъ изъ пророковъ убѣдилъ ее
Въ другомъ письмѣ Веревочкина сообщала Щиголеву, „что ѣздила въ де
ревню, въ верстахъ 20 отъ Уфы, гдѣ была очень хорошо принята кр
стьянами, но должна была отказаться отъ мысли поселиться въ этой де
ревнѣ потому, что впослѣдствіи ее сочли за колдунью“. Въ слѣдующем
письмѣ Веревочкина извѣщала, что „весь городъ заинтересовался узнат
что за таинственная особа, а тутъ еще одинъ изъ бывшихъ въ компан
Вейнбаума взялся объяснить желающему узнать обо мнѣ. Разсказывает
даже подробности, что очень плохо, конечно“; въ томъ же письмѣ Вер
вочкина писала: „Вы уже знаете о моей неудачѣ въ деревнѣ, теперь
надѣюсь, что результатъ получится иной. Я уйду съ парохода въ первом
селѣ, если не удастся устроиться, то отправляюсь далѣе, гдѣ-нибудь д
будетъ же удача . . . Думаю, что не захвораю, потому что просто н
узнать меня. Я явлюсь преобразившись, да и совсѣмъ уже не подъ тѣм
предлогомъ, съ которымъ было прослыла совсѣмъ за колдунью. Что в

пишете Вы ничего о Петровичѣ? Зачѣмъ Трау уѣзжаетъ въ Финляндію? Здѣсь есть двѣ личности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, они ѣдутъ въ Питеръ осенью . . . одинъ юный купецъ, могущій сильно пригодиться капиталомъ, а другой гимназистъ, хорошій парень". Извѣстивъ затѣмъ Щиголева телеграммой, чтобъ онъ въ письмахъ въ Уфу не писалъ ей о подробностяхъ, Веревочкина уже изъ села Пьянаго - Бора сообщила Щиголеву о своихъ разговорахъ съ крестьянами и просила адресовать ей письма въ Чистополь, куда она намѣрена была отправиться послѣ посѣщенія еще нѣсколькихъ деревень. Наконецъ, въ послѣднихъ письмахъ изъ Казани Веревочкина сообщала, что отправится въ одно село, „какъ бы за ягодами", что она въ восторгѣ отъ совершенныхъ ею двухъ походовъ и присовокупляла: „книгъ мнѣ не надо, что касается ихъ чтенія, то онѣ расходятся крайне медленно; нѣтъ, здѣсь не книги нужны! людей-то больно мало, а то могло бы быть важное дѣло. Эхъ кабы народу побольше?" Письма Веревочкиной къ Щиголеву, какъ оказывается изъ письма сего послѣдняго, полученнаго Веревочкиной въ Казани, читались съ большимъ удовольствіемъ: „ими и Вами довольны, какъ нельзя болѣе", писалъ Щиголевъ, при чемъ сожалѣлъ, что Веревочкина выбрала своимъ мѣстопребываніемъ Казань, гдѣ „около города скверный воздухъ и легко можно умереть"; въ этомъ же письмѣ Щиголевъ извѣщалъ, что Малость Петровичъ занялся работой, но ничего не сообщаетъ о результатахъ, и спрашивалъ Веревочкину—зачѣмъ она желала заѣхать въ одно богатое село, поясняя, что онъ проѣхалъ бы мимо такового потому, что „сытое брюхо къ ученью глухо". Изъ писемъ Веревочкиной къ Щиголеву кромѣ сего видно, что Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Уфу почти одновременно съ нею. О пріѣздѣ своемъ Ѳедоровичъ извѣстилъ Веревочкину письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ . . . „пріѣду въ Уфу; необходимо тамъ быть вотъ почему: къ тому времени туда пріѣдутъ много студентовъ изъ Казани. Отъ этого я жду большого толку. Предположить, что дѣло можетъ обойтись безъ меня, не могу, не по самолюбію, а вотъ почему: изъ нашихъ тамъ будете только Вы и Ст., остальные только полунаши. Изъ нашихъ Вы вначалѣ лицо незнакомое; Ст., мнѣ кажется, дѣло поведетъ не хорошо, просто, не справится,—я помогу. Я придумалъ для себя очень удобную форму и надѣюсь получить успѣхъ". Еще въ февралѣ Ѳедоровичъ, въ письмѣ къ своимъ роднымъ, проживавшимъ въ Уфимской губерніи, писалъ . . . „далѣе у меня къ Вамъ есть еще просьба, передать которую въ двухъ словахъ нельзя и о которой мы подробнѣе потолкуемъ, когда увидимся, теперь же я сестеръ попрошу встать въ самыя дружественныя отношенія къ крестьянамъ всѣхъ тѣхъ деревень, которыя сосѣдни нашей усадьбѣ. Переспросите ихъ, чѣмъ они болѣе всего недовольны, въ какихъ размѣрахъ желали бы получить лучшее, кого винятъ въ своемъ положеніи и желаютъ ли сами принять участіе въ улучшеніи этого положенія и какими путями, на кого надѣятся, укажите, на кого они въ этомъ случаѣ могутъ надѣяться и пр.; скажите имъ, между прочимъ, что ихъ счастіемъ интересуются очень многіе, словомъ, бесѣдуйте съ ними почаще объ этихъ вещахъ, если это Вамъ возможно, и записывайте ихъ слова. Вы спросите, для чего мнѣ это нужно? я отвѣчу: не „мнѣ", а Вамъ это очень нужно. Когда увидимся, то я Вамъ въ подробностяхъ все объясню, а теперь по-

куда можно и не говорить. Не довольствуясь возложеніемъ на своихъ сестеръ такого порученія, Ѳедоровичъ по пріѣздѣ въ Уфу передалъ сестрамъ, какъ это видно изъ письма одной изъ нихъ, прокламацію и книги, очевидно, революціоннаго направленія, такъ какъ сестра Ѳедоровича боялась переслать таковыя изъ деревни въ Уфу иначе, какъ съ знакомымъ лицомъ, о чемъ и писала брату, прося припять и ее въ общество честныхъ людей. Означенное общество, т. е. кружокъ Голоушева, нуждался въ деньгахъ, и Ѳедоровичъ въ другомъ письмѣ къ сестрамъ просилъ ихъ похлопотать у своихъ знакомыхъ, чтобъ они пожертвовали что-нибудь въ „нашу кассу“, при чемъ присовокуплялъ, я вамъ уже говорилъ объ „обществѣ“. Чтеніе сестрами Ѳедоровича книгъ и прокламацій, полученныхъ отъ брата, вредно отразилось на нихъ, о чемъ Ѳедоровичъ поспѣшилъ увѣдомить Веревочкину. Въ письмѣ къ послѣдней онъ писалъ . . . „Ну вотъ, я у своихъ въ деревнѣ, пріѣхалъ я, знаете, и удивился не мало. Такую нашелъ перемѣну, что страсть! И какъ бы Вы думали, отчего она произошла? Я Вамъ не разсказывалъ, что сестры, бывъ еще въ городѣ, устроили чтеніе моихъ книгъ; потомъ онѣ взяли ихъ въ деревню, здѣсь еще разъ читали даже матери и, какъ оказывается, чтеніе это произвело на нихъ такое впечатлѣніе, что они совершенно переродились. Посылаю Вамъ письмо, которое было ими написано въ Уфу и послано въ тотъ день, когда я выѣхалъ изъ нея. Подивитесь, я, по правдѣ-то сказать, малость удивился. Мнѣ обѣщаютъ помогать во всемъ! Каково!..“ Приложенная къ приведенному письму записка сестры Ѳедоровича была та самая, о которой упомянуто уже выше и въ которой говорится о чтеніи сестрами Ѳедоровича прокламацій, полученныхъ отъ брата. Проживая въ Уфимской губерніи, Ѳедоровичъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ по деревнямъ, помогалъ крестьянамъ въ полевыхъ работахъ, при чемъ бесѣдовалъ съ ними объ ихъ нуждахъ и столкновеніяхъ съ властями; характеръ таковыхъ бесѣдъ Ѳедоровича съ крестьянами опредѣляется самъ собою изъ всего вышеизложеннаго, а также изъ письма Ѳедоровича къ Щиголеву, въ которомъ онъ, между прочимъ, просилъ прислать ему „Сказку“. Во время своего пребыванія въ Уфѣ Веревочкина видѣлась съ Голоушевымъ, пріѣхавшимъ изъ Оренбурга, гдѣ было его постоянное мѣстопребываніе. Въ Оренбургѣ Голоушевъ встрѣтился съ двумя лицами, съ которыми былъ знакомъ еще до своего отъѣзда въ Петербургъ, а именно: съ упомянутымъ уже выше гимназистомъ Павломъ Орловымъ и лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія Митрофаномъ Муравскимъ. Означенныя лица были извѣстны и прочимъ членамъ кружка, что видно какъ изъ переписки Орлова, такъ и изъ показанія Щиголева о томъ, что прозвище Орлова было „Павелъ“, а Муравскаго „отецъ Митрофанъ“. Орловъ былъ вполнѣ посвященъ въ дѣятельность Голоушева, доказательствомъ чего служитъ какъ изложенная уже выше передача Малышевичу книгъ, привезенныхъ изъ Петербурга Голоушевымъ, такъ и письмо Орлова къ Голоушеву, въ которомъ онъ совѣтуетъ послѣднему быть осторожнѣе и даже пріостановить временно свою дѣятельность, которую впослѣдствіи, по мнѣнію Орлова, можно продолжать, но только не въ формѣ учительства. Муравскій былъ, по всей вѣроятности, тотъ господинъ „уже бывалый“, который звалъ Голоушева въ Сибирь, разсказывая про нее много хорошаго, о чемъ Голоушевъ и писалъ Веревочкиной, не согла-

сившейся однако ѣхать въ Сибирь, какъ это уже изложено выше. Орловъ и Муравскій примкнули къ кружку „оренбуржцевъ“, въ чемъ убѣждаетъ показаніе учителя оренбургскаго духовнаго училища Петра Марсова, по словамъ котораго въ іюнѣ 1874 г. Орловъ и Муравскій, въ селѣ Куроѣдовѣ, убѣждали его, Марсова, присоединиться къ революціонному кружку, организовавшемуся въ Оренбургѣ и другихъ городахъ; тому же Марсову Муравскій доказывалъ необходимость возбудить народъ къ возстанію съ цѣлью, какъ онъ говорилъ, возстановленія правъ человѣка, и для подкрѣпленія своихъ доводовъ давалъ Марсову читать журналъ „Впередъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Что дѣлается на родинѣ“ и „Лѣтопись рабочаго движенія“. Послѣ пребыванія въ селѣ Куроѣдовѣ, Муравскій отправился странствовать по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, во время какового путешествія написалъ письмо, найденное при обыскѣ у Орлова, въ которомъ, между прочимъ, сообщалъ, что „предполагаемыя затрудненія, страхи и затѣмъ фіаско оказываются слишкомъ преувеличенными; въ дѣйствительности далеко не такъ, словомъ—я доволенъ“. Странствуя по деревнямъ, Муравскій занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ; такъ, уряднику Магнитской станицы Матвѣю Невзорову онъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“; крестьянину Гаврилѣ Молчанову—книгу о томъ, какъ мировые посредники тиранили мужиковъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости; крестьянину Ивану Эрастову — „Сказку о четырехъ братьяхъ“; крестьянину Ивану Цыганову — ту же сказку. Независимо отъ сего Муравскій передалъ Цыганову „Исторію французскаго крестьянина“, Матвѣю Веденѣеву—„Сказку о четырехъ братьяхъ“, а Семену Давыдову продалъ за 55 коп. три книги, въ числѣ которыхъ была „Исторія французскаго крестьянина“. При задержаніи Муравскаго въ городѣ Челябѣ у него были отобраны книги: „Пѣсенникъ“, „Исторія французскаго крестьянина“, „Лѣтопись рабочаго движенія“ и „Что дѣлается на родинѣ“, а также рукописная программа журнала „Впередъ“, „программа собиранія свѣдѣній о народѣ“, писанная рукой Орлова, и стихи революціоннаго содержанія. Муравскій призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣніи запрещенныхъ книгъ. Изъ имѣющейся при дѣлѣ справки видно, что Муравскій за произнесеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора и приготовленіе къ возбужденію бунта—по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ; въ 1870 году Муравскому было разрѣшено проживать въ Оренбургской губерніи подъ надзоромъ полиціи. Разставшись съ Муравскимъ, Орловъ возвратился въ Оренбургъ, гдѣ впослѣдствіи и былъ задержанъ, при чемъ у него, между прочимъ, были отобраны: а) черновое письмо, писанное его рукой къ неизвѣстному лицу, въ каковомъ письмѣ упоминается объ Аранзонѣ, Голоушевѣ, Клеопатрѣ Лукашевичъ, Воскресенскомъ и Траубенбергѣ, а также сообщается, что „вторую серію карточекъ Анны Ивановны не придется увидать: надули Жиды“; б) тетрадь съ слѣдующимъ заглавіемъ: „замѣтка и выписки, матеріалы для плана работъ, необходимыхъ при всеобщей реорганизаціи общества“, и в) книга: „Объ общинномъ владѣніи землей“, Чернышевскаго. По объясненію Орлова, „карточки Анны Ивановны“ означали журналъ „Впередъ“.

Орловъ призналъ себя виновнымъ лишь въ имѣніи сочиненій Лассаля, Герцена и Чернышевскаго. Голоушевъ, побывавъ, какъ видно изъ его переписки, въ Пермской губерніи, отправился въ Яранскъ съ цѣлью занять тамъ мѣсто сельскаго учителя и 20 августа 1874 года былъ задержанъ, при чемъ изъ отобранной у него переписки оказалось, что онъ въ 1873 году передалъ проживавшимъ въ Оренбургѣ дѣвицамъ Маріи и Юліи Решко какія-то книги и программу. Спрошенная по сему предмету Юлія Решко объяснила, что дѣйствительно въ 1873 году получила отъ Голоушева и Давыда Аитова «Исторію интернаціонала», программу журнала «Впередъ» и нѣсколько прокламацій на французскомъ языкѣ. Еще ранѣе Голоушева, а именно 13 августа, была задержана въ Казани Марія Веревочкина, у которой при обыскѣ было, между прочимъ, отобрано 10 экз. «Дѣдушка Егора», два экз. „На міру", «Сказка о четырехъ братьяхъ», «Стенька Разинъ», „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ", „Исторія французскаго крестьянина", „Азбука соціальныхъ наукъ" и „Объ общинномъ владѣніи землей" Чернышевскаго. Относительно найденныхъ у нея книгъ Веревочкина объяснила, что народные разсказы передалъ ей Щиголевъ, а революціонныя книги она получила отъ Голоушева для сохраненія таковыхъ, что подтвердилъ и Голоушевъ. Веревочкина и Голоушевъ, а также Ѳедоровичъ, задержанный 17 августа въ Уфимской губерніи, въ имѣніи его родителей, виновными себя ни въ чемъ не признали, при чемъ Веревочкина подтвердила сначала показаніе, данное ею при дознаніи, за исключеніемъ той его части, въ которой разсказывала исторію раздѣленія кружковъ Вейнбаума и Голоушева, а впослѣдствіи отвергла какъ объясненія, данныя ею при дознаніи, такъ и показаніе свое, данное при слѣдствіи. Аранзонъ, уѣзжая изъ Петербурга, получилъ отъ Воронцова чрезъ посредство Траубенберга, какъ видно изъ показанія послѣдняго, два тюка съ книгами, для доставленія таковыхъ въ Самару—Льву Городецкому. Такое показаніе Траубенберга Аранзонъ подтвердилъ при дознаніи, при слѣдствіи же объяснилъ, что книги были имъ получены отъ неизвѣстной личности и оставлены въ Самарѣ на пароходѣ изъ опасенія нажить изъ-за нихъ бѣду. Пріѣздъ Аранзона въ Самару съ книгами подтвердилъ и Городецкій, по словамъ котораго, книги были запрещенныя и были оставлены Аранзономъ на пароходѣ, потому что «испугался преслѣдованія жандармовъ», какъ разсказываетъ объ этомъ Филодельфовъ, чрезъ котораго Аранзонъ разыскивалъ его, Городецкаго. По пріѣздѣ въ Оренбургъ Аранзонъ написалъ три письма: Щиголеву, Веревочкиной и Голоушеву. Первому онъ писалъ... «путешествіе мое было съ приключеніями, которыя неудобно писать. На пароходѣ я встрѣтился съ Бяхою (Клеменсомъ), онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ и торопилъ меня сюда. Воробей (Клеопатра Лукашевичъ) женился, очень славный малый. Оренбургскаго Льва (Голоушевъ) здѣсь нѣту, онъ въ Уфѣ. Павелъ (Орловъ) тоже тамъ. Отецъ Митрофанъ (Муравскій) уходитъ отсюда. Емельюшка (Ѳоминъ) здѣсь, у своего patra, который держитъ его въ ежовыхъ; Кургузка (Усачевъ) тоже былъ здѣсь, я его не засталъ, онъ уѣхалъ домой на погибельный Кавказъ... Левъ велъ себя здѣсь таинственно и странно, даже между „своими", 18 іюня былъ я у твоихъ. Письмо твое я уничтожилъ дорогой, потому что нужно было. Я, не зная содержанія его, счелъ нужнымъ уни-

чтожить его, потому что я чуть-чуть не влопался изъ-за того, что далъ мнѣ Верзила (Траубенбергъ)... скажи Верзилѣ, что онъ сглупилъ, давъ мнѣ одинъ адресъ для передачи посылки, я имѣлъ много непріятностей изъ-за этого, а посылка, не знаю хорошенько, будетъ ли цѣла, можетъ быть, пропадетъ, что очень жаль... Напиши, что тетѣ извѣстно о молодомъ Халатѣ (Давыдѣ Антовѣ), говорятъ, что его ар... но я думая враки... Твой Николаевъ». Щиголевъ, признавъ, что вышеизложенное письмо получено имъ отъ Аранзона, объяснилъ, что ему неизвѣстно, почему Аранзонъ подписался фамиліей Николаева. Въ письмѣ своемъ къ Веревочкиной Аранзонъ сообщалъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія о своемъ путешествіи... «я встрѣтился на этомъ пароходѣ, писалъ Аранзонъ, съ однимъ мужикомъ, котораго я зналъ еще въ Питерѣ. Фамилію его не пишу. У насъ на квартирѣ всѣ его звали Бяха или Яй Богу..; мы очень обрадовались другъ другу. Я былъ очень радъ встрѣтить человѣка умнаго, который уже давно шляется, онъ же—встрѣтить интеллигентнаго знакомаго изъ Питера. Я ему разсказалъ о Питерѣ, онъ мнѣ вотъ что: въ Москвѣ дѣла очень хороши, лучше, чѣмъ въ Питерѣ. Вездѣ слушаютъ съ удовольствіемъ, но одно плохо, что слышанное не распространяется слушателями. Насчетъ работы говорилъ онъ, что очень трудно достать какую бы то ни было. Безъ денегъ пуститься въ дорогу не совѣтовалъ. Торопилъ меня ѣхать поскорѣе сюда, такъ какъ сюда должны были прійти два господина, одного изъ которыхъ я и нѣкоторые изъ нашихъ знаютъ лично, а о другомъ слышалъ. Разставшись съ нимъ на одной пристани, куда онъ направилъ свои стопы, я поѣхалъ дальше. Пріѣхавъ въ С. (Самару), я остановился на постояломъ дворѣ и тотчасъ же пошелъ отыскивать нѣкую синьору. Когда я вошелъ въ тотъ домъ, я былъ озадаченъ тѣмъ страннымъ пріемомъ, который мнѣ тамъ сдѣлали... отвѣтомъ было, что адреса онъ не оставилъ... Сказавъ это, они чуть-чуть меня не вытолкали изъ дому. Пославъ ихъ ко всѣмъ чертямъ, я отправился къ А. (Лукашевичъ) и спросилъ дома ли А.“. Далѣе Аранзонъ сообщалъ, что Лукашевичъ вышла замужъ безъ согласія родителей, и присовокуплялъ. „...въ другой разъ я вамъ напишу, какъ меня чуть-чуть не захлопали въ С. и дальнѣйшія путевыя приключенія“. Въ письмѣ къ Голоушеву Аранзонъ писалъ: „Я пріѣхалъ сюда за деньгами, но кромѣ 25 р. ничего больше не заработалъ и не пріобрѣлъ... Путешествіе мое было съ приключеніями, о которыхъ я написалъ М. И. (Веревочкиной)... Позволь мнѣ, любезный другъ, что ты дѣлаешь? Ну, для чего ты поступаешь на это мѣсто? Или ты не чувствуешь, что тебя скоро прогонятъ?... Мой совѣтъ и моя просьба не поступать на мѣсто. Я увѣренъ, что вышеупомянутые доводы убѣдятъ тебя не брать это мѣсто. А то пропадешь безвременно и безполезно. Дѣйствовать въ извѣстной тебѣ формѣ я совѣтую отложить пока. Да и самая форма не приноситъ хорошихъ результатовъ, почти никакихъ. Ты самъ, какъ видно изъ твоего письма къ П. А. (Орлову), жалуешься на неплодотворность твоей дѣятельности. Я могу тебѣ сказать, что всѣ жалуются на это. Бяка или Яй Богу (знаешь?), съ которымъ я видѣлся на пароходѣ и съ которымъ долго бесѣдовалъ, тоже жалуется на это самое. Онъ говорилъ, что слушаютъ-то, слушаютъ, но сами слышанное не распространяютъ, разговоры остаются разговорами.

Глубоко въ грудь они не западаютъ, въ одно ухо вошло, а въ другое вышло. Главная причина неплодотворности нашего дѣла заключается въ отсутствіи развитія со стороны угнетенныхъ и въ нашемъ собственномъ шалопайствѣ. Для того, чтобы дѣятельность наша была плодотворна, нужно развивать отдѣльныхъ личностей и бросить шалопайство. Этого достигнемъ помощью извѣстнаго тебѣ плана поселиться въ деревнѣ и устроить крѣпкую организацію. Этотъ планъ обѣщаетъ намъ, что не сгинемъ даромъ и безполезно, личную безопасность и возможность почти во всю нашу жизнь дѣйствовать (конечно, если не торопиться и не вести дѣло сбухту барахту, а разумно). Но ты скажешь, да для этого нуженъ „пропиталъ“, а гдѣ ты его возьмешь? Я самъ это знаю и намѣренъ его достать, хотя не скоро... Чтобы достать этотъ „пропиталъ“, я ѣду въ академію кончать курсъ, потомъ поступить на мѣсто, скопить 3.000 р. и тогда за дѣло... Но ты можетъ быть, подумаешь, что я охладѣлъ, струсилъ или что-нибудь другое... Нисколько... Повторяю еще разъ, хотя и долго ждать, но за то ужъ вѣрно и сдѣлаемъ кое-что, и это кое-что не пройдетъ безслѣдно... Если ты не одобришь мой планъ... то я буду просить тебя объ одномъ... за ними, конечно, слѣдятъ, повремени малость, оставь на время дѣятельность. Иначе ты погибнешь такъ же скоро и безполезно, какъ Даудъ et tutti quanti, не сдѣлавъ ничего важнаго». Совѣтуя Голоушеву оставить на время „дѣятельность“ въ формѣ учительства, какъ слишкомъ явную и опасную, самъ Аранзонъ продолжалъ вести пропаганду въ болѣе простой формѣ. Такъ, слѣдствіемъ выяснено, что Аранзонъ далъ двѣнадцатилѣтнему крестьянину Павлу Царегородцеву „Сказку о четырехъ братьяхъ“, сказавъ ему при этомъ: „на, прочитай“, и что въ квартирѣ Орлова Аранзонъ доказывалъ Малышевичу, что надо идти въ народъ на пропаганду. Во второй половинѣ августа Аранзонъ уѣхалъ изъ Оренбурга и 13 августа явился въ гор. Казани на квартиру арестованной уже въ то время Веревочкиной. Не зная еще объ арестѣ Веревочкиной, Аранзонъ оставилъ ей слѣдующую записку: „Марья Ивановна! Сегодня, 23 августа, проѣздомъ въ Питеръ, я хотѣлъ было съ вами видѣться, но, къ сожалѣнію, мое желаніе не могло осуществиться, благодаря вашей глупости. Я еще долженъ заѣхать въ Яранскъ, гдѣ увижу Сергѣя, впрочемъ, буду ждать васъ въ конторѣ пароходства Дубровина до 7 часовъ вечера. Сообщу вамъ новость. Ѳ. (Ѳедоровичъ) умеръ въ Уфѣ, и тѣло его привезено сюда для погребенія. Причина смерти неизвѣстна. Извѣстный вамъ Аранзонъ“. Вслѣдствіе этой записки Аранзонъ былъ задержанъ того же 23-го августа на пароходной пристани, гдѣ оказался и Павелъ Царегородцевъ, ѣхавшій къ родителямъ въ Яранскъ и объяснившій, что вмѣстѣ съ нимъ и Аранзономъ ѣхалъ Ѳоминъ, который 22-го августа отправился въ Нижній-Новгородъ. При задержаніи Ѳомина у него былъ найденъ ковровый мѣшокъ съ вещами, принадлежавшими, по объясненію Ѳомина, Аранзону и переданными ему послѣднимъ для доставленія въ Петербургъ; въ числѣ означенныхъ вещей оказалось нѣсколько крестьянскихъ рубахъ и сборникъ стихотвореній Митрофана М. Аранзонъ не призналъ себя виновнымъ. Воскресенскій, какъ видно изъ показанія Щиголева, отправился съ цѣлью изученія народа на астраханскіе рыбные промыслы. При слѣдствіи Воскресенскій не только не призналъ себя виновнымъ и отвергъ свое пребываніе въ Астра-

ханской губерніи, но даже заявилъ, что Щиголева, Голоушева, Аранзона и проч. членовъ кружка не знаетъ и никогда не видалъ. Между тѣмъ при обыскѣ у Воскресенскаго были найдены замѣтки объ астраханскихъ рыбныхъ ловляхъ, а у Щиголева отобраны два письма Воскресенскаго, въ которыхъ заключается просьба о доставленіи послѣднему вновь вышедшихъ книгъ и паспорта, безъ котораго онъ ничего не можетъ сдѣлать, и упоминаются фамиліи Ушева и Траубенберга. По объясненію Щиголева, Воскресенскій написалъ ему вышеприведенныя письма изъ Курской губерніи, куда Воскресенскій первоначально отправился. Подъ фамиліей Ушева, по словамъ Щиголева, слѣдуетъ понимать Голоушева. Независимо отъ сего, 22 февраля 1875 г., въ гор. Казани было получено письмо на имя Ивана Николаева Гранильщикова слѣдующаго содержанія: „Здравствуйте пріятель! Давно уже собирался я писать тебѣ, да писать-то, признаться, нечего, путнаго ничего нѣтъ. Изъ Астраханской губерніи я долженъ былъ уѣхать, такъ какъ получилъ письмо изъ Курской, гдѣ мнѣ сказали, что дядюшка нашъ послѣ моего отъѣзда изъ Курской губерніи справлялся обо мнѣ, что я дѣлалъ, бывъ тамъ, гдѣ былъ, что обо мнѣ онъ все знаетъ и знаетъ даже, что я въ Астраханской губерніи. Тогда я поѣхалъ въ Тулу на родину. Не успѣлъ я пріѣхать, какъ обо мнѣ дядюшка сталъ справляться, и черезъ одного генерала отецъ мой узналъ, что этотъ дядюшка думаетъ навѣстить меня самъ затѣмъ, чтобы перерыть всю мою корреспонденцію. Конечно, я не желалъ скандала и поспѣшилъ въ Питеръ. Здѣсь, на другой день пріѣзда, явился къ здѣшнему моему дядюшкѣ, и онъ меня сталъ подробно разспрашивать, гдѣ былъ я, что дѣлалъ, кто мои знакомые и гдѣ они находятся, и наконецъ, объявилъ мнѣ, что не пуститъ меня изъ Питера, такъ какъ я ему понадоблюсь... Я было говорилъ ему, что мнѣ нечѣмъ жить, что я долженъ поэтому уѣхать отсюда, но онъ мнѣ объяснилъ, что, пожалуй, можетъ меня послать жить на глаза къ отцу и подъ присмотръ тамошняго дядюшки.. Собственно, дядюшка обо мнѣ, какъ оказывается, точныхъ свѣдѣній никакихъ не имѣлъ, и потому я ему ничего интереснаго для него не сказалъ, отъ знакомствъ всякихъ отперся... Знакомыхъ моихъ многихъ и очень многихъ я не засталъ въ Питерѣ, но несмотря на это, много другихъ знакомыхъ продолжаетъ уѣзжать отсюда, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ весной. Если можешь, передай, другъ, письмо это другимъ моимъ пріятелямъ, скажи имъ, что я живъ и здоровъ и что очень сожалѣю о постигшей ихъ неудачѣ въ осуществленіи ихъ плановъ... ты получилъ, вѣроятно, денегъ еще разъ или два... въ этомъ случаѣ я хлопоталъ о посылкѣ ихъ тебѣ... Петровъ“. Воскресенскій призналъ, что вышеизложенное письмо написано имъ, но дать объясненіе по существу его отказался, между тѣмъ слѣдствіемъ обнаружено, что Гранильщиковъ, по просьбѣ содержавшагося въ казанскомъ тюремномъ замкѣ безсрочно-отпускного рядового Бауэра, передавалъ послѣднему адресованныя на имя его, Гранильщикова, письма, которыя Бауэръ, чрезъ другого арестанта, нѣкоего Садовскаго, доставлялъ Федорову, содержавшемуся въ то время подъ стражею въ г. Казани. Траубенбергъ, принимавшій участіе въ собраніяхъ представителей петербургскихъ кружковъ и пославшій чрезъ Аранзона въ Самару два тюка революціонныхъ книгъ, остался въ Петербургѣ въ качествѣ представителя

кружка, на что указываетъ письмо Щиголева, въ которомъ онъ писалъ, что до отъѣзда изъ Петербурга онъ занимаетъ такую же должность, какъ и Траубенбергъ, только въ другомъ департаментѣ. Послѣ ареста Щиголева Траубенбергъ послалъ Орлову телеграмму, въ которой извѣщалъ о смерти Леонида и просилъ сообщить такое извѣстіе Голоушеву и Ѳедоровичу; вскорѣ затѣмъ Траубенбергъ самъ былъ задержанъ, при чемъ у него были найдены: документы Антова, Теплова и Усачева, „Программа работниковъ"—Лассаля и „Азбука соціальныхъ наукъ". Траубенбергъ не призналъ себя виновнымъ. Щиголевъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, имѣлъ намѣреніе отправиться въ Курскую губернію и ходить по ней подъ видомъ коробейника, но, какъ слѣдуетъ заключить изъ одного письма Щиголева, недостатокъ въ деньгахъ помѣшалъ ему уѣхать изъ Петербурга. Проживая въ послѣднемъ городѣ, Щиголевъ, какъ оказывается изъ всего вышеизложеннаго, принималъ живое участіе въ дѣлахъ своихъ единомышленниковъ, съ которыми и велъ дѣятельную переписку, прибѣгая иногда къ шифру, какъ это видно изъ письма, отобраннаго у Веревочкиной, въ которомъ Щиголевъ, между прочимъ, сообщилъ, что „отъ Голоушева получено письмо, но еще не все разобрано...", а также изъ показаній Голоушева и самого Щиголева, признавшихъ, что у нихъ былъ шифръ. Поддерживая весьма усердно сношенія съ членами своего кружка, Щиголевъ вмѣстѣ съ тѣмъ велъ и обширную переписку съ родными, предъ которыми развивалъ свои такъ называемыя „убѣжденія", почерпнутыя изъ сочиненій Бакунина. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Щиголева служатъ письма его отца, который 20-го іюня 1874 г. писалъ, между прочимъ, сыну: „... съ воззрѣніемъ твоимъ на уродливыя натуры я ни подъ какимъ предлогомъ не согласенъ; твои доводы на эту тему фальшивые, дерущіе своимъ дребезжаніемъ уши и, какъ я вижу, это любимая твоя тема для преній, т. е. твой конекъ... Мнѣніе твое, нѣтъ, оно не твое, а всецѣло почерпнуто изъ ученія Бакунина, навязывающаго всей Европѣ непримѣнимый къ дѣлу коммунизмъ...". Мать Щиголева въ другомъ письмѣ отъ 25 іюня 1874 г. писала: „Послѣ отправленія отцомъ 20-го числа къ тебѣ письма по сію пору я и отецъ проводимъ ночи безъ сна, все черныя думы тѣснятся въ нашихъ головахъ въ отношеніи твоего ложнаго направленія, развитаго у тебя, какъ мы только теперь догадываемся, еще въ Оренбургѣ г-жею Г. Эта барыня съ перваго взгляда, пожалуй, покажется замѣчательнаго ума, но на дѣлѣ она не болѣе, какъ фразерка; это можетъ подмѣтить здравый и опытный умъ, а слѣпо вѣрующему и немыслящему фразерство можно доказать наглядными фактами, каковые и привожу: Сережа ея, окончивъ курсъ гимназіи съ золотою медалью, проводитъ въ академіи годъ осломъ, въ 19 лѣтъ женится; подогрѣтый чужою, ложною, возмутительною по принципу, идеей, готовится или поступаетъ въ сельскіе учители, запасается для пропаганды тамъ преглупыми и возмутительными книжонками. Все перечисленное доказываетъ, что малый безъ ума, не имѣлъ и не имѣетъ ничего собственнаго, городитъ чушь по чужой идеѣ, а самъ не замѣчаетъ того, что онъ стучится въ двери тюрьмы. А что же мать, высоко тобою чтимая, какъ смотритъ она на заблужденія сына, воспитаннаго ею по собственной своей идеѣ? Она все знаетъ и одобряетъ подвиги Сережи. Послѣднее воззрѣніе богини

само собою доказываетъ то, что у нея трезваго ума никогда не было, а есть у нея безспорно умъ, фальшиво направленный и пересыпанный трескучими фразами, плѣняющій фантазіи мало мыслящихъ юношей. Сообразивъ твои воззрѣнія вообще на вещи, намъ кажется, что и у тебя понятія походятъ на воззрѣнія Г. Въ особенности учительскій постъ поразителенъ для насъ. Намъ здѣсь уже видятся тюрьма, цѣпи и пр. и то, что ты цѣлый годъ ничему не учился и возжался съ Г. Леонидъ! время не ушло, прерви всѣ отношенія съ Г., забудь все то дурное и фальшивое, что могло быть между вами, займись своимъ дѣломъ по указанію отца...“ Несмотря на такіе разумные родительскіе совѣты, Щиголевъ не перемѣнилъ не только своего направленія, но и, подобно Ѳедоровичу, старался совратить свою сестру Анну. Изъ чернового письма Щиголева къ сестрѣ видно, что онъ совѣтовалъ ей быть „производительнымъ членомъ общества“, „вырваться изъ обыкновенной мѣщанской дорожки женщины и выйти на дорогу человѣка“, а также убѣждалъ ее учиться при содѣйствіи Орлова и Малышевича съ тѣмъ, чтобы поступить на женскіе курсы Медико-Хирургической Академіи. Въ чемъ именно должно было заключаться «ученіе», къ которому побуждалъ Щиголевъ свою сестру, о томъ не трудно составить себѣ понятіе изъ писемъ Орлова и содержанія тѣхъ книгъ, чтеніе которыхъ Щиголевъ рекомендовалъ сестрѣ. Такъ, Орловъ, къ которому Щиголевъ обращался съ просьбою заниматься съ его сестрою, писалъ Щиголеву: „По смыслу твоего письма, Леонидъ, видно, что ты навязываешь мнѣ «развиваніе». Ну, братъ, относительно этого извини. Я готовъ ее «обучать наукамъ», но развивать нѣтъ, ибо понялъ тщету сего занятія. Вы Юл. Клав. развивали втроемъ, а между тѣмъ не развили до того, чтобы понять, на сколько она пошла своимъ «немѣняніемъ мнѣній»... Изъ писемъ же Анны Щиголевой оказывается, что братъ совѣтовалъ ей читать нѣкоторыя книги, и что она читала: „Что дѣлается на родинѣ“ и другія, писать о которыхъ опасно. Въ числѣ таковыхъ книгъ была „Исторія французскаго крестьянина“, что удостовѣрилъ свидѣтель Малышевичъ; по словамъ послѣдняго, Щиголевъ письмомъ просилъ его взять у Голоушева книги, которыя имъ будутъ привезены изъ Петербурга и давать читать таковыя Аннѣ Щиголевой. Вслѣдствіе сего, получивъ отъ Голоушева чрезъ Орлова „Исторію французскаго крестьянина“, онъ, Малышевичъ, и передалъ означенную книгу Аннѣ Щиголевой. Такое показаніе Малышевича находитъ себѣ подтвержденіе въ одномъ письмѣ отца Щиголева, который писалъ сыну: „Книжонку, о которой ты сказалъ Анютѣ, читала ли она ее, я видѣлъ; она глупа, какъ пробка; читать ее можно, а мыслить по своему, а у кого мышленія своего нѣтъ, тому чтеніе всякой дряни вредно. Книжонка эта и пошленькіе стишки выпущены и распространяются для опутыванія людей несмыслящихъ; безмозглая же толпа не вредна, разумъ возьметъ перевѣсъ, а злоумышленники Б. останутся въ дуракахъ, — это вѣрно, какъ дважды два четыре“. По обыску у Щиголева были, между прочимъ, отобраны: стихотвореніе революціоннаго содержанія, замѣтки объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ, писанный рукою Щиголева разсказъ—„Дѣдушка Егоръ“, заключающій въ себѣ прямое воззваніе къ бунту, и книги: „Анархія по Прудону“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Содержась подъ стражею въ Казанскомъ тюремномъ замкѣ, Щиголевъ составилъ

стихотвореніе возмутительнаго содержанія, которое и было у него отобрано при обыскѣ, произведенномъ въ его камерѣ. Щиголевъ призналъ себя виновнымъ въ имѣніи запрещенныхъ сочиненій и составленіи отобраннаго у него въ тюрьмѣ стихотворенія, а также призналъ, что найденный у него разсказъ „Дѣдушка Егоръ“ составленъ имъ. Клеопатра Лукашевичъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, уѣхала въ Самару, гдѣ и вошла въ составъ мѣстнаго революціоннаго кружка. Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ съ кружкомъ „оренбуржцевъ“, по словамъ Льва Городецкаго, имѣла близкія сношенія дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ, присоединившаяся впослѣдствіи къ самарскому кружку. „Кружокъ Самарцевъ“, или Городецкаго, былъ основанъ въ 1878 г. пріѣхавшими изъ Самарской губерніи Львомъ Городецкимъ и Павломъ Чернышевымъ, принадлежавшими къ кружку самообразованія, существовавшему еще въ 1872 г. въ средѣ воспитанниковъ Самарской гимназіи. По словамъ Городецкаго, нашедшимъ себѣ подтвержденіе въ показаніяхъ Владиміра Осипова и Василья Филадельфова, онъ, Городецкій, Осиповъ и Филадельфовъ, а также товарищи ихъ по гимназіи Викторъ Осташкинъ и Павелъ Чернышевъ, въ 1872 г. составили кружокъ, имѣвшій цѣлью пополнить пробѣлы гимназическаго образованія путемъ чтенія и разсужденія о прочитанномъ. Въ 1873 г. кружокъ выработалъ даже уставъ, въ коемъ опредѣлялось какъ его цѣль, такъ и условія его существованія. По уставу, цѣль кружка заключалась въ „саморазвитіи“, котораго предполагалось достигнуть посредствомъ чтеній и составленія рефератовъ; собранія кружка должны были происходить на квартирахъ его членовъ, для которыхъ посѣщеніе собраній было обязательнымъ; былъ выбранъ даже завѣдующій дѣлами кружка, каковая обязанность была возложена на Городецкаго, а также былъ опредѣленъ порядокъ пріема новыхъ членовъ. По удостовѣренію Городецкаго, каждое лицо, изъявившее желаніе быть членомъ кружка, должно было первоначально считаться гостемъ и получало званіе члена лишь тогда, когда, по мнѣнію кружка, „запасъ его развитія“, какъ выразился Городецкій, достаточно увеличивался. Первыми гостями были — Минъ Никитинъ Милоглазкинъ и рекомендованный Городецкимъ лакей г. Малышева, крестьянинъ Никифоръ Ивановъ Емельяновъ. Къ веснѣ 1873 г., по удостовѣренію Городецкаго, кружокъ началъ усваивать себѣ противуправительственное направленіе, которое замѣчалось кромѣ него, Городецкаго, и у Осташкина, Осипова и Филадельфова. Городецкій мечталъ даже объ изданіи газеты съ цѣлью проведенія своихъ взглядовъ въ кружкѣ, для чего и пріобрѣлъ литографскій камень; но желаніе Городецкаго не осуществилось, и до конца 1873 года противоправительственное направленіе нѣкоторыхъ изъ членовъ кружка въ осязательной формѣ не проявлялось. Въ концѣ лѣта Городецкій и Чернышевъ прибыли въ Петербургъ, гдѣ Чернышевъ и поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію; Городецкій же, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ, и какъ видно изъ его собственнаго показанія, уже вполнѣ усвоивъ себѣ мысль о необходимости измѣнить положеніе рабочаго класса въ Россіи, сталъ искать сближенія съ людьми одинаковаго съ нимъ образа мыслей. По словамъ Городецкаго, онъ съ означенною цѣлью нѣсколько разъ посѣщалъ трактиръ, такъ называемую „Казанку“, гдѣ преимущественно сходились студенты, но всѣ его поиски

долгое время оставались тщетными; наконецъ, ему удалось познакомиться съ нѣсколькими революціонными дѣятелями, въ томъ числѣ и съ Мокіевскимъ-Зубкомъ, о которомъ ему сказали, что это одна изъ тѣхъ личностей, которыхъ онъ ищетъ и притомъ еще изъ лучшихъ,—но и на этотъ разъ сближеніе не состоялось. Поиски Городецкаго продолжались до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не доставилъ ему возможности побывать на сходкахъ, происходившихъ въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка, въ квартирѣ Головина. На первой сходкѣ, на которой былъ Городецкій, присутствовало человѣкъ до 50; шуму было много, разсуждали о недостаткахъ существующаго государственнаго строя, но вообще выяснить себѣ предметъ разсужденій было трудно; на этой же сходкѣ Городецкій узналъ о полученіи изъ за границы сочиненій Бакунина. Черезъ недѣлю сходка у Головина повторилась, на которую народу собралось еще больше, чѣмъ на первую. За этой сходкой, какъ слышалъ Городецкій, слѣдовали и другія, продолжавшіяся до февраля 1874 г., но Городецкій на нихъ уже не присутствовалъ. Подъ вліяніемъ означенныхъ сходокъ Городецкій окончательно усвоилъ себѣ революціонное направленіе, и когда однажды къ нему пришли Чернышевъ и студентъ Медико-Хирургической Академіи Бухъ, бывшій воспитанникъ Самарской гимназіи, то Городецкій, какъ видно изъ его показанія, сталъ доказывать имъ, что занятіе науками безплодно, что слѣдуетъ обратить вниманіе на бѣдствіе народа и стараться заинтересовать этимъ вопросомъ возможно большее количество лицъ. Краснорѣчіе Городецкаго, по его собственному предположенію, подѣйствовало на Чернышева и Буха, которые чрезъ нѣсколько дней устроили въ своей квартирѣ сходку. На этой сходкѣ Городецкій встрѣтился со студентами Медико-Хирургической Академіи, Никитинымъ и Курдюмовымъ, принимавшими участіе и въ послѣдующихъ сходкахъ, на которыхъ также бывали студенты Медико-Хирургической Академіи, Николай Поповъ и Воронцовъ, и крестьянинъ Комовъ. На этихъ сходкахъ, по удостовѣренію Городецкаго, обсуждались вопросы о томъ: въ чемъ заключается счастіе, какимъ образомъ возможно избѣжать дуализма въ личности, и т. п.; затѣмъ стали разсматривать вопросы объ ассоціаціяхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, а послѣ пріобрѣтенія Городецкимъ сочиненія Бакунина—таковыя сдѣлались единственною темой разговоровъ на сходкахъ. Сочиненія Бакунина, по словамъ Городецкаго, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; подъ ихъ вліяніемъ, собиравшіяся на сходкахъ лица признали, что стремленія народа вполнѣ выяснены, и пришли къ заключенію о необходимости вести въ народѣ пропаганду. Придя къ такому выводу, посѣтители сходокъ, какъ видно изъ показанія Городецкаго, въ январѣ 1874 г. составили свой особый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Городецкій, Чернышевъ, Бухъ, Никитинъ, Курдюмовъ, Поповъ, Комовъ и слушательница акушерскихъ курсовъ, мѣщанка Марѳа Герасимовна Жукова, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Никитина. Основанный подъ вліяніемъ теоріи Бакунина кружокъ самарцевъ, подобно прочимъ петербургскимъ кружкамъ, усвоилъ себѣ анархическое направленіе. По удостовѣренію Городецкаго, члены кружка были того мнѣнія, что революція въ Россіи должна произойти сама собою, въ силу историческаго хода вещей, вслѣдствіе чего считали своею задачей содѣйствовать, посредствомъ устной и книжной

пропаганды, сознанію народомъ идеала своего будущаго устройства. Для осуществленія такой задачи члены кружка рѣшили идти въ народъ подъ видомъ простыхъ рабочихъ, разыскать недовольныхъ настоящимъ положеніемъ вещей и дѣйствовать на нихъ слѣдующимъ образомъ: развивая и выясняя устно или чтеніемъ, существующее уже недовольство, указывать на возможность выхода изъ настоящаго тяжелаго положенія лишь при условіи единодушнаго образа дѣйствій со стороны народа, въ доказательство чего ссылаться на бунты Стеньки Разина и Пугачева; затѣмъ изъяснять, что, дѣйствуя совокупными силами всего народа, слѣдуетъ добиваться общиннаго землевладѣнія, свободнаго перехода изъ одной общины въ другую и самоуправленія, а потому и уничтоженія правительства и администраціи; вопросъ о существованіи Верховной власти предполагали не затрогивать, такъ какъ само собою подразумѣвалось, что таковая будетъ уничтожена, въ виду ея несомнѣннаго сопротивленія требованіямъ народа. Каковою предполагалась устная пропаганда, таковою же должна была быть и книжная; самою пригодною для послѣдней книгой признавалась „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также считалось полезнымъ распространять въ народѣ разсказы вродѣ „Митюхи“, „Дѣдушки Егора“ и др., какъ указывающіе на вредное вліяніе эксплуатаціи на народъ; книги же „Стенька Разинъ“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ были признаны годными исключительно для лицъ болѣе или менѣе развитыхъ, какъ-то: народныхъ учителей, семинаристовъ и гимназистовъ. Для пріобрѣтенія подлежавшихъ распространенію въ народѣ книгъ, а также для оказанія помощи нуждающимся членамъ кружка, была устроена, по словамъ Городецкаго, касса. Для означенной кассы имѣлось сначала въ виду добывать деньги путемъ изданія народныхъ книгъ, но такое предположеніе не осуществилось, а потому касса стала пополняться взносами, дѣлаемыми каждымъ изъ членовъ кружка; завѣдываніе же кассой было поручено Чернышеву. Изъ кассы было оказано вспомоществованіе Никитину, а Городецкій на счетъ кассы взялъ себѣ нѣсколько книгъ изъ числа пріобрѣтенныхъ Чернышевымъ, а именно: „Объ общинномъ владѣніи землей“. Чернышевскаго, 2 экз. „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и 5 экз. разсказовъ „Сила солому ломитъ“. Чернышевъ, Поповъ, Никитинъ и Курдюмовъ въ показаніяхъ своихъ отвергаютъ существованіе кружка, но правдивость показанія Городецкаго доказывается: а) Показаніемъ Комова, удостовѣрившаго существованіе кружка и объяснившаго, что цѣль такового состояла „въ воздѣйствіи на развитіе народа въ смыслѣ сознанія имъ своего экономическаго положенія и возможности выхода изъ него“. б) Показаніемъ Рабиновича, по словамъ котораго въ числѣ петербургскихъ кружковъ былъ и кружокъ Городецкаго, членами котораго состояли извѣстные Рабиновичу—Городецкій, Бухъ, Курдюмовъ, Поповъ, Никитинъ и Комовъ. в) Показаніями Чернышева и Попова, признавшихъ какъ знакомство между собою всѣхъ лицъ, составлявшихъ, по словамъ Городецкаго, кружокъ, такъ и обсужденіе этими лицами читанныхъ ими статей по рабочему вопросу, и желаніе помочь народу легальнымъ путемъ выйти изъ сего тяжелаго положенія. г) Полнѣйшею дѣятельностью членовъ кружка. Кружокъ „самарцевъ“ имѣлъ сношеніе со всѣми петербургскими кружками; такъ, по словамъ Городец-

каго, на сходкахъ кружка бывали: Голоушевъ и Воскресенскій — изъ кружка „оренбуржцевъ“, Милоглазкинъ—изъ кружка Лермонтова и Сердюковъ—изъ кружка „чайковцевъ“, а также Воронцовъ и Чарыковъ; на этихъ же сходкахъ бывалъ Рабиновичъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, а по удостовѣренію Гриценкова, въ квартирѣ Блавдзевичъ бывали Городецкій и Никитинъ, что и подтвердилъ Городецкій: наконецъ, черезъ Голоушева Самарскій кружокъ имѣлъ сношенія и съ кружкомъ артиллеристовъ, вмѣстѣ съ которыми въ мастерской Богомолова, какъ уже сказано выше, работалъ и Павелъ Чернышевъ, встрѣчаясь тамъ съ Чернышевымъ „вспышко-пускателемъ“, Иваномъ Блавдзевичемъ, Александромъ Лукашевичемъ и Чарушинымъ, подъ фамиліей Шуравина. Весной 1874 г. кружокъ „самарцевъ“ окончательно слился съ прочими кружками, что видно изъ показанія Рабиновича, удостовѣрившаго, что на собраніяхъ представителей кружковъ делегатомъ отъ кружка „самарцевъ“ явился Курдюмовъ. Кромѣ всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ, къ самарскому кружку примкнула еще впослѣдствіи, по словамъ Городецкаго, Надежда Юргенсонъ, имѣвшая близкія отношенія къ „оренбуржцамъ“. Весной 1874 г. самарцы двинулись въ народъ и, за исключеніемъ Попова и Комова, отправились въ Самарскую губернію. Комовъ, по его собственному показанію, послѣ отъѣзда изъ Петербурга работалъ на фабрикѣ у Морозова, въ Твери, затѣмъ былъ въ Богородскѣ и работалъ въ красильномъ заведеніи Морозова, въ Орѣховѣ, послѣ чего отправился на родину въ село Тейково, Владимірской губерніи, гдѣ и былъ арестованъ. Комовъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей; помимо такого сознанія и всего вышеизложеннаго, виновность Комова подтверждается: а) Свидѣтельскими показаніями лицъ, удостовѣрившихъ, что Комовъ въ перепискѣ съ ними, сообщая, что нашелъ цѣль для своей жизни, высказывалъ, между прочимъ, такого рода мысли, что „если буржуазія воруетъ у рабочаго часть его трудовъ, то и рабочій имѣетъ такое же право воровать у буржуазіи, потому что, воруя, онъ беретъ свою собственность“, и что „не мѣшало бы агитировать по поводу крайняго обремененія народа поборами“. б) Показаніемъ Комова, даннымъ при дознаніи, въ которомъ онъ гораздо подробнѣе и откровеннѣе, чѣмъ при слѣдствіи, описывалъ направленіе кружка Самарцевъ и программу его дѣятельности. Въ означенномъ показаніи Комовъ объяснилъ, что, обсуждая экономическое положеніе народа, кружокъ пришелъ къ тому выводу, что выходъ изъ такого положенія представляется возможнымъ лишь при помощи соціально-экономическаго переворота, способствовать которому кружокъ и рѣшился путемъ пропаганды въ народѣ. Для опредѣленія цѣли этой пропаганды была назначена сходка, на которой, сознавъ необходимость вести соціально-революціонную пропаганду въ народѣ, члены кружка рѣшили направлять существующее въ народѣ недовольство къ соединенной борьбѣ съ общими причинами, обусловливающими непригодность общественной жизни. Пропаганда соціальной революціи, по словамъ Комова, не отдѣлялась отъ политической, которая силой обстоятельствъ должна быть послѣдствіемъ первой, такъ какъ при распаденіи всѣхъ формъ настоящаго общественнаго устройства существованіе политической власти, обусловливающей эти формы,

было бы немыслимо. в) Письмомъ Комова къ Городецкому. г) Найденными при обыскѣ у Комова книгами, какъ-то: сочиненія Лассаля и „Крестьянскіе выборы“. д) Показаніемъ Городецкаго о томъ, что Комовъ, подобно другимъ членамъ кружка, имѣлъ прозвище, а именно, былъ извѣстенъ подъ именемъ Лохматова, каковое показаніе Городецкаго подтверждается найденнымъ у него адресомъ—Лохматову въ гор. Тверь, гдѣ, какъ сказано выше, Комовъ нѣкоторое время работалъ на фабрикѣ. Николай Поповъ, оставаясь въ Петербургѣ, поддерживалъ сношенія какъ съ уѣхавшими въ Самару товарищами, такъ и съ членами другихъ кружковъ, и когда Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ уѣзжала изъ Петербурга на пропаганду въ приволжскія губерніи, то Поповъ, по просьбѣ Рабиновича, далъ ей въ Самару рекомендательное письмо, приложивъ къ таковому записку Паевскаго къ Ковалику, съ которою любой изъ самарскихъ революціонныхъ дѣятелей могъ явиться въ Николаевскъ; означенныя письма Попова и записка Паевскаго были впослѣдствіи отобраны у Лешернъ при задержаніи ея въ гор. Саратовѣ. Николай Поповъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что письмо для Лешернъ написано имъ по просьбѣ Буха и почти подъ его диктовку; между тѣмъ Рабиновичъ удостовѣрилъ, что упомянутое письмо было написано Поповымъ по просьбѣ его, Рабиновича, и что онъ обратился съ такою просьбой къ Попову, потому что Поповъ, какъ ему было извѣстно, принадлежалъ къ кружку „самарцевъ“. Остальные члены кружка, какъ уже сказано, отправились въ Самару, гдѣ и слились съ мѣстнымъ революціоннымъ кружкомъ, дѣятельность котораго будетъ изложена ниже. Кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ кружковъ въ Петербургѣ существовали еще слѣдующіе кружки: „Кружокъ Воронцова“, студента Медико-Хирургической Академіи, имѣвшаго, какъ видно изъ дѣла, весьма близкія сношенія съ кружкомъ Ковалика, а по удостовѣренію Рабиновича—съ кружкомъ Городецкаго и со штабсъ-капитаномъ Емельяновымъ и Ободовскою. Изъ членовъ сего кружка подлежалъ преслѣдованію одинъ Воронцовъ, успѣвшій, однако, какъ сказано выше, бѣжать за границу. „Кружокъ Троицкаго“, студента С.-Петербургскаго университета, державшійся, по словамъ Рабиновича, нѣсколько въ сторонѣ отъ прочихъ Петербургскихъ кружковъ. Преступная дѣятельность сего кружка обнаружена лишь въ отношеніи двухъ его членовъ: Троицкаго и дворянки Маріи Эдуардовой Гейшторъ. Гейшторъ имѣла сношенія со студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ, основателемъ Таганрогскаго кружка, что будетъ изложено ниже: а Троицкій былъ знакомъ съ Рабиновичемъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, у котораго онъ бралъ книги. Въ маѣ 1874 г. Троицкій и Гейшторъ отправились на пропаганду въ Рыбинскій уѣздъ. „Кружокъ Павловскаго“, къ которому принадлежали Исаакъ и его братъ Ааронъ Павловскій, слушательница акушерскихъ курсовъ Эйделя Пумпянская и студенты Медико-Хирургической Академіи Зубковъ и Иваницкевичъ. Этотъ кружокъ имѣлъ самостоятельныя сношенія съ Сажинымъ и занимался ввозомъ въ Россію книгъ революціоннаго содержанія, а лѣтомъ 1874 г. Исаакъ Павловскій основалъ кружокъ въ Таганрогѣ. Дѣятельность вышепоименованныхъ лицъ будетъ изложена ниже. Такимъ образомъ, къ лѣту 1874 года большинство петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей двинулось въ народъ съ цѣлью осуществленія своихъ преступныхъ замысловъ.

Еще ранѣе, въ мартѣ или апрѣлѣ, Коваликъ ѣздилъ въ Харьковъ, гдѣ и основалъ революціонный кружокъ, вошедшій въ близкія отношенія съ кіевскимъ кружкомъ, основаннымъ близкими къ Ковалику лицами; послѣдній кружокъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ живое участіе и который онъ посѣтилъ въ февралѣ 1874 г., въ свою очередь тѣсно связалъ свою дѣятельность съ дѣятельностью одесскаго кружка. Почти одновременно съ Коваликомъ появилась въ Харьковѣ пропагандистка изъ Москвы—Анна Андреева, также основавшая въ Харьковѣ небольшой кружокъ, слившійся впослѣдствіи съ таганрогскимъ кружкомъ. Въ концѣ 1873 года дочь губернскаго секретаря, Анна Васильевна Андреева, уѣхала, по собственному ея показанію, изъ Москвы, поселилась въ д. Сковородцева (Харьковской губерніи), у дальней своей родственницы Кусаковой, въ разговорѣ съ которой обнаружила, по показанію коллежскаго регистратора Алексѣя Гаврилова Головачева, крайнее озлобленіе противъ существующаго политическаго строя. Изъ объясненій самой Андреевой видно, что она читала Кусаковой и Головачеву „Историческія письма“ Миртова (Лаврова), а также давала читать крестьянскимъ дѣтямъ привезенныя съ собою народныя книги, какъ-то: „О землѣ и небѣ“ и „Дѣдушка Егоръ“. Проживъ нѣкоторое время въ гор. Курскѣ, на урокахъ, Андреева весною 1874 г. пріѣхала въ Харьковъ, гдѣ и поселилась у своей матери. Въ Харьковѣ она познакомилась съ проживавшимъ у отставного надворнаго совѣтника Василія Емельянова Рашкевскаго ученикомъ техническаго желѣзно-дорожнаго училища, Феликсомъ Іосифовымъ Юркевичемъ, а чрезъ послѣдняго и съ товарищемъ его по училищу Семеномъ Ивановымъ Корабельниковымъ. Изъ показаній Корабельникова и въ особенности Юркевича, гораздо подробнѣе разсказывающаго обстоятельства дѣла, видно, что при посѣщеніяхъ ими Андреевой она разсказывала, что живетъ у своей матери подъ видомъ горничной, скрываясь отъ преслѣдованія, такъ какъ она подозрѣвается въ принадлежности къ революціонному кружку, имѣвшему цѣлью посредствомъ народнаго возстанія достигнуть измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, и что члены этого кружка уже пропагандируютъ въ народѣ въ качествѣ учителей, мастеровыхъ и вообще рабочихъ. Говоря о низшемъ классѣ народа, Андреева высказывала мысль, что онъ находится въ угнетенномъ, бѣдственномъ положеніи по винѣ правительства, и что если дать народу образованіе, то онъ пойметъ это и самъ посредствомъ возстанія выйдетъ изъ своего тяжелаго положенія: вслѣдствіе чего, по мнѣнію Андреевой, прежде всего необходимо озаботиться пріобрѣтеніемъ сторонниковъ пропаганды въ образованномъ классѣ съ тѣмъ, чтобы таковые сначала обучали народъ, а потомъ дѣйствовали въ революціонномъ духѣ. По словамъ Юркевича, Андреева, излагая предъ ними все вышеизложенное, старалась вызвать въ нихъ участіе къ себѣ, но съ прямымъ предложеніемъ — сдѣлаться дѣятельными членами общества къ нимъ не обращалась; по объясненію же Корабельникова, Андреева предлагала ему возбуждать между рабочими, посредствомъ разговоровъ съ ними, неудовольствіе къ правительству. На собраніяхъ Андреевой читались книги, какъ напримѣръ, „Историческіе этюды“ Шашкова и сказки „Кота Мурлыки“, при чемъ Андреева поясняла прочитанное. Такъ, по удостовѣренію Юркевича, Андреева по поводу сказки „Кота Мурлыки“ говорила,

что она написана съ цѣлью показать тяжелое положеніе рабочихъ, возбудить въ нихъ неудовольствіе къ правительству и, такимъ образомъ, вызвать возмущеніе. Книги давались имъ для чтенія и на домъ; Юркевичъ получилъ „Кота Мурлыку“, а Корабельниковъ „Дѣдушку Егора“. По словамъ Корабельникова, Андреева совѣтовала имъ уѣхать лѣтомъ на практическія занятія въ Таганрогъ или Новочеркаскъ, гдѣ они будутъ имѣть возможность познакомиться съ членами общества, о которомъ она имъ разсказывала, и читать революціонныя книги. Предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ Андреева предложила имъ списокъ книгъ, которыя, по ея мнѣнію, имъ слѣдовало читать, и сверхъ того, по показанію Юркевича, снабдила ихъ рекомендательными записками къ своей знакомой Шумковой, въ Новочеркаскѣ, въ которыхъ просила Шумкову познакомить ихъ съ какимъ-то Иваномъ Яковлевичемъ. Независимо отъ сего, Юркевичу была дана записка на имя нѣкоего Дилевскаго (найденная у Юркевича при обыскѣ), содержащая въ себѣ просьбу давать подателю оной книги для чтенія и помѣщеніе, удобное для сходокъ съ товарищами. Анна Андреева, не отвергая существа показаній Юркевича и Корабельникова, пояснила, что о принадлежности своей къ какому-либо революціонному кружку она имъ не говорила, а высказала лишь, что ее въ этомъ подозрѣваютъ. Она принадлежала къ московскому кружку, когда онъ преслѣдовалъ не преступныя цѣли, имѣла въ виду только поднятіе уровня народнаго образованія; но когда кружокъ измѣнилъ свое направленіе, то она совершенно отъ него отдѣлилась. Присоединиться къ какому-либо тайному обществу она Юркевичу и Корабельникову не предлагала, а говорила лишь, что было бы хорошо, еслибъ они, запасшись знаніями, пошли въ народные учители; Юркевичъ и Корабельниковъ не поняли нѣкоторыхъ ея объясненій и вывели изъ нихъ свои неосновательныя заключенія. На лѣто 1874 г. Юркевичъ былъ командированъ для практическихъ занятій въ Таганрогъ. Андреева тоже проживала лѣтомъ въ Таганрогѣ, гдѣ и познакомилась съ пріѣхавшимъ изъ Петербурга къ своимъ роднымъ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Исаакомъ Павловскимъ и братомъ его, не окончившимъ курса наукъ въ Таганрогской гимназіи, Ааропомъ, которыхъ, въ свою очередь, познакомила съ Юркевичемъ. Въ теченіе лѣта Корабельниковъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ въ Таганрогъ и бывалъ у Андреевой, которая обѣщала, по его словамъ, достать для него журналъ „Впередъ“ и хотѣла познакомить съ какимъ-то Павловскимъ, но ни того, ни другого не сдѣлала. По показанію Андреевой, Павловскіе при первомъ же знакомствѣ съ нею предложили ей принять участіе въ составленіи библіотеки для постепеннаго развитія гимназистовъ, на что она и согласилась, но впослѣдствіи пришла къ убѣжденію, что цѣль библіотеки была совершенно иная. Направленіе и дѣятельность Павловскихъ были тѣ же, что и московскаго кружка; у нихъ она видѣла: „Исторію интернаціонала“, „Государственность и Анархію“, „Пѣсенникъ“ и журналъ „Впередъ“, а предъ отъѣздомъ своимъ Исаакъ Павловскій получилъ второй томъ журнала „Впередъ“, „Послѣднюю революцію“ Гамбона и др. книги. „Пѣсенникъ“ давали читать и ей, а одинъ экземпляръ такового Исаакъ Павловскій продалъ Юркевичу. Книги хранились у бывшаго воспитанника таганрогской гимназіи, мѣщанина гор. Ралковъ, Евгенія Фридрихова Іоган-

сона, которому она, послѣ отъѣзда Исаака Павловскаго въ Петербургъ, объявила, что прерываетъ всякія съ ними сношенія и беретъ назадъ изъ библіотеки свои книги. Ааронъ Павловскій самъ разсказывалъ ей о своей пропагандѣ въ какой-то деревнѣ, а Исаакъ Павловскій съ Іогансономъ, какъ ей извѣстно, также ходили на пропаганду. Такое показаніе Андреевой нашло себѣ подтвержденіе въ показаніи Юркевича, по удостовѣренію котораго, въ квартирѣ Павловскихъ, гдѣ проживалъ и Іогансонъ, происходили собранія, посѣщавшіяся и гимназистами. На этихъ собраніяхъ читалась „Исторія интернаціонала“ Бакунина, а другія запрещенныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и „Пѣсенникъ“, давались ему для чтенія на домъ, какъ Павловскимъ, такъ и Андреевою; кромѣ сего, одинъ экземпляръ „Пѣсенника“ былъ проданъ ему Исаакомъ Павловскимъ за 1 р. с.; хотя при передачѣ этихъ книгъ ему и не говорилось, чтобъ онъ давалъ ихъ читать другимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его просили завлекать въ члены кружка какъ можно больше знакомыхъ ему лицъ. Вслѣдствіе сего онъ предлагаетъ своимъ знакомымъ Иванову и Кузьменко познакомить ихъ съ кружкомъ. Исаакъ Павловскій и Андреева, будучи самыми дѣятельными членами кружка, ѣздили, по словамъ Юркевича, куда-то по желѣзной дорогѣ; въ особенности Андреева часто отправлялась на заводъ Юза, какъ онъ думаетъ, съ цѣлью пропаганды, такъ какъ иначе ей туда не зачѣмъ было ѣздить, и притомъ раза два или три она увезла съ собою какъ бы узлы съ книгами. Цѣль кружка, насколько могъ понять Юркевичъ, состояла въ привлеченіи къ нему лицъ изъ образованнаго класса съ тѣмъ, чтобъ они путемъ пропаганды противоправительственныхъ идей въ народѣ возбудили его къ возстанію, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе сословій и равномѣрное распредѣленіе земли и капиталовъ между всѣми гражданами. Евгеній Іогансонъ, подтверждая, что „Пѣсенникъ“ былъ переданъ Исаакомъ Павловскимъ Юркевичу, объяснилъ, что, бывая у Павловскихъ раза два въ недѣлю, онъ заставалъ у нихъ Андрееву и Юркевича, при чемъ раза три ему случилось заставать Исаака Павловскаго читающимъ этимъ лицамъ какія-то книги. Исаакъ и Ааронъ Павловскіе, не отвергая того обстоятельства, что у нихъ въ домѣ были запрещенныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Пѣсенникъ“, въ 2, 3 экземплярахъ, и „Исторія одного французскаго крестьянина“, объяснили, что эти книги были привезены изъ Петербурга Исаакомъ Павловскимъ, который взялъ ихъ у своего товарища по Академіи, Иванишевича, единственно изъ желанія познакомиться съ литературою революціоннаго направленія. По словамъ Исаака Павловскаго, онъ прочелъ журналъ „Впередъ“; „Исторію французскаго крестьянина“, вслѣдствіе болѣзни глазъ, читалъ ему Іогансонъ. Одинъ экземпляръ „Пѣсенника“ онъ сжегъ, а остальныя книги велѣлъ брату и Іогансону уничтожить; по показанію же Аарона Павловскаго, Андреева брала книги безъ вѣдома брата, и экземпляръ „Пѣсенника“, который братъ просилъ сжечь, передала, кажется, Юркевичу; у нея же самой онъ, Ааронъ Павловскій, видѣлъ „Государственность и Анархію“ и „Исторію интернаціонала“. Никто изъ нихъ къ революціонному кружку не принадлежалъ, и онъ на пропаганду не ходилъ, а читалъ лишь два раза у помѣщика Чикалева совершенно открыто, не видя въ этомъ ничего дурного, приказчику, садовнику и пастуху—

„Дѣдушку Егора“. Въ устройствѣ библіотеки, состоящей изъ цензурных книгъ, принимала, по словамъ Аарона Павловскаго, большое участ Андреева, относительно которой Ааронъ Павловскій объяснилъ, что он разсказывала ему о раздачѣ ею какихъ-то прокламацій и о своемъ намѣ реніи пропагандировать революціонныя идеи въ будущемъ; а Исаакъ Пав ловскій показалъ, что Андреева, съ которою онъ познакомился случайн въ вагонѣ, постоянно заводила съ нимъ серіозные разговоры, желая пока зать, что она не изъ послѣднихъ, но при этомъ всегда обнаруживал такое невѣжество, что онъ сталъ надъ нею смѣяться; какъ-то разъ он привела къ нему Юркевича, изъ разговора съ которымъ онъ убѣдился что это „чистый воръ“. . . Павловскіе, Андреева, Іогансонъ и Корабель никовъ виновными себя не признали, Юркевичъ же призналъ себя винов нымъ въ томъ. что вступилъ въ кружокъ Андреевой, зная о противоза конныхъ цѣляхъ его, заключавшихся въ стремленіи къ измѣненію незако нымъ путемъ существующаго въ Россіи правительства и общественнаг строя, но при этомъ объяснилъ, что не имѣлъ намѣренія быть дѣятель нымъ членомъ кружка и что вступилъ въ таковой лишь съ цѣлью раз вить себя посредствомъ чтенія книгъ, имѣвшихся въ этомъ кружкѣ. Неза висимо отъ такого сознанія Юркевича, къ изобличенію его, а равно остальныхъ несознавшихся обвиняемыхъ, слѣдствіемъ собраны слѣдующі данныя: изъ показанія Ракшевскаго, у котораго проживалъ Юркевичъ, котораго родные Юркевича просили имѣть за симъ послѣднимъ, „разсуж дающимъ такъ, что уши вянутъ слушать“, отцовское наблюденіе—видно что, по возвращеніи Юркевича изъ Таганрога, свидѣтель отобралъ у нег книгу „Азбуку соціальныхъ наукъ“ и сжегъ ее, и что Юркевичъ взял однажды безъ спроса у него, Ракшевскаго, 1 т. журнала „Полярна звѣзда“. Этотъ журналъ былъ переданъ Юркевичемъ, по показанію воспи танника Харьковскаго техническаго училища Петра Ерастова Иванова, Ко рабельникову и воспитаннику Дзюбину, а затѣмъ былъ отобранъ у Юрке вича смотрителемъ училища Иваномъ Дмитріевымъ Туникомъ, который между прочимъ, удостовѣрилъ, что однажды Корабельниковъ, вмѣст заданнаго ему изложенія своими словами чего-то прочитаннаго изъ „Дѣт скаго Чтенія“, написалъ разсужденіе о рабочемъ классѣ, при чем ссылался на Флеровскаго и „Азбуку соціальныхъ наукъ“. По по казанію того же Петра Иванова, Юркевичъ весною 1874 г. сооб щилъ ему о своемъ знакомствѣ съ Андреевою, скрывавшеюся от преслѣдованія правительства и проживавшею у своей матери подъ ви домъ горничной, и разскасывалъ, что Андреева принадлежала къ кружку задача котораго состояла въ поднятіи уровня народнаго образованія с цѣлью учрежденія въ Россіи республики, и что члены кружка занимаютс этимъ подъ видомъ рабочихъ. Юркевичъ предлагалъ Иванову познакомиться съ Андреевою, а когда онъ отъ этого отказался, то просилъ не разсказы вать никому о его знакомствѣ съ Андреевою; у Юркевича Ивановъ видѣл сказки „Кота мурлыки“ и данную ему Андреевою записку къ Аннѣ Фе доровнѣ. Лѣтомъ, когда Ивановъ былъ въ Таганрогѣ на практическим занятіяхъ, Юркевичъ вновь предлагалъ ему познакомиться съ Андреевою съ каковымъ предложеніемъ обращался и къ студенту Института инжене ровъ Путей Сообщенія, Василію Михайлову Кузьменко. Посѣщая Андреев

въ Таганрогѣ, Юркевичъ приносилъ отъ нея книги: „Сила солому ломитъ“, „Пѣсенникъ“, Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и др., которыя и давалъ читать разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Кузьменко. Кромѣ сего Юркевичъ въ Таганрогѣ и Харьковѣ на работѣ, на улицѣ и въ квартирѣ, въ присутствіи другихъ, пѣлъ революціонныя пѣсни. О Павловскомъ Юркевичъ отзывался въ разговорахъ съ Ивановымъ какъ о умнѣйшемъ членѣ и представителѣ кружка. Изъ показаній ученика техническаго училища Александра Васильева Быстровскаго оказывается, что Юркевичъ говорилъ ему объ Андреевой, но отказался познакомить его съ нею, говоря, что у него, Быстровскаго, „длинный языкъ“, у Юркевича онъ видѣлъ книги „Азбука соціальныхъ наукъ“ и „Сборникъ пѣсенъ“, которыя онъ давалъ читать своимъ товарищамъ, и нѣкоторыя пѣсни, какъ-то: „Когда я былъ Царемъ Россійскимъ“ и „Дубинушка“ (Барка), онъ пѣлъ публично, и, наконецъ, Юркевичъ позволялъ себѣ дерзко отзываться объ Особѣ Государя Императора. Воспитанникъ того же училища Андрей Ивановъ Михелисъ показалъ, что Юркевичъ при другихъ лицахъ пѣлъ пародію на Аркадскаго принца, что подтвердилъ и служащій въ конторѣ начальника дистанціи въ Таганрогѣ бахмутскій мѣщанинъ Николай Николаевъ Петровъ. Кромѣ сего Михелисъ добавилъ, что онъ видѣлъ у Юркевича „Пѣсенникъ“, „Сила солому ломитъ“ и „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, каковыя книги Юркевичъ читалъ студентамъ Кузьменко и Ковалеву. Студенты Института Инженеровъ Путей Сообщенія Кузьменко и Александръ Николаевъ Ковалевъ, подтвердивъ сдѣланную на нихъ Ивановымъ и Михелисомъ ссылку, объяснили, что эти книги они сами брали у Юркевича безъ его на то предложенія; но такое объясненіе противорѣчитъ показанію самого Юркевича, который, будучи спрошенъ объ этомъ обстоятельствѣ, показалъ, что если и давалъ Кузьменко и Ковалеву читать вышеуказанныя книги, то дѣлалъ это лишь вслѣдствіе о томъ просьбы. Воспитанникъ техническаго училища Сергѣй Ивановъ Скворцовъ показалъ, что лѣтомъ 1874 года, во время практическихъ занятій на станціи Ставроково Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги, Корабельниковъ не разъ заводилъ съ нимъ разговоръ о бѣдственномъ положеніи низшаго класса народа и намекалъ на то, что землю слѣдуетъ отобрать отъ помѣщиковъ и раздѣлить ее поровну между крестьянами. На дознаніи Скворцовъ объяснилъ, что причину бѣдственнаго положенія народа Корабельниковъ видѣлъ въ монархическомъ образѣ правленія. Однажды при крестьянинѣ Портняго, у котораго Скворцовъ и Карабельниковъ квартировали, Корабельниковъ завелъ разговоръ о томъ, что правительство назначаетъ такихъ сельскихъ учителей, которые не умѣютъ говорить съ народомъ, и при этомъ указывалъ на одного своего богатаго знакомаго въ Таганрогѣ, говоря, что онъ пойдетъ въ учителя безвозмездно, изъ одной любви къ народу. Крестьянинъ Изюмскаго уѣзда, села Знаменскаго, Демьянъ Моисеевъ Портняго не подтвердилъ при слѣдствіи показанія Скворцова, хотя при дознаніи удостовѣрялъ, что Корабельниковъ читалъ въ разное время книги: „Митюху“, „О четырехъ братьяхъ“, про Разина и и др., названій которыхъ не упомнитъ; крестьянинъ же Александръ Семеновъ Соенко показалъ, что Корабельниковъ говорилъ рабочимъ, что попы обманули народъ, что имъ досталось земли больше, чѣмъ народу, и что другіе народы живутъ хорошо потому, что у нихъ никакого царя нѣтъ; кромѣ сего,

при дознаніи Соенко удостовѣрилъ, что Корабельниковъ читалъ книжку „трудно живется“ („Чтой-то братцы“). Во время производства по настоящему дѣлу дознанія содержавшійся одновременно съ Андреевою и Іогансономъ въ таганрогскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Девойно Соллогубъ (неразысканный при слѣдствіи) представилъ къ дѣлу полученныя отъ Андреевой и Іогансона записки, содержаніе которыхъ, подкрѣпляя собранныя уже доказательства существованія таганрогскаго кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ привело къ обнаруженію сношеній этого кружка съ русскими эмигрантами и полученія кружкомъ непосредственно изъ-за границы книгъ преступнаго содержанія. Изъ этихъ записокъ, о которыхъ Андреева и Іогансонъ показали, что таковыя дѣйствительно писаны ими, имѣютъ значеніе: 1) двѣ записки Андреевой, въ которыхъ она, между прочимъ, писала: „отговариваться непониманіемъ я не могу, такъ какъ всѣ мои знакомые дали показанія, что я очень умна... имъ извѣстно о полученіи Павловскимъ предъ отъѣздомъ 2 тома „Впередъ“, Гамбона и пр. Напишите, что васъ спрашивали обо мнѣ, какъ вы характеризовали меня, мои отношенія къ Павловскимъ и кружку“, по показанію Андреевой, записка, въ которой помѣщена послѣдняя фраза, предназначалась Іогансону, и 2) слѣдующія записки Іогансона: подъ № 5 — „Съ Андреевою было мало общаго, она участвовала въ составленіи библіотеки и только. Не знаю, въ чемъ ей можно помочь . . . Я спрашивалъ, нельзя ли сознаться въ томъ, что кажется извѣстнымъ“... подъ № 7: „Я твердъ и два мѣсяца отрицаю буквально все; уликъ много и въ сообществѣ, и въ томъ, что мной было взято много на себя“... подъ № 8: были нѣсколько разъ чтенія запрещенныхъ книгъ, журнала „Впередъ“ и Бакунина. Это извѣстно. Извѣстно, что у насъ были запрещенныя книги: „Впередъ“, „Что дѣлать“, Бакунина 2 т., были еще другія, про нихъ, кажется, неизвѣстно. Извѣстно, что запрещенныя книги хранились у меня. Отъ меня вѣроятно, потребуютъ сознанія во всѣхъ дѣйствіяхъ студента, такъ какъ я съ нимъ вмѣстѣ жилъ отъ пріѣзда его въ Таганрогъ съ іюня до августа“... подъ № 9: „Нельзя ли притвориться сумасшедшимъ. Я за три дня предъ моимъ арестомъ писалъ письмо въ Питеръ, письмо это, кажется, въ рукахъ правительства. Если это такъ,—дѣло плохо. Тамъ встрѣчаются выраженія: наше дѣло и наши ряды“... подъ № 12: „У насъ здѣсь съ іюня 1874 г. составился кружокъ подъ руководствомъ студента. Составлена библіотека изъ цензурныхъ книгъ. Библіотека эта существовала подъ моею фирмою, но извѣстно, что она не моя. Изъ вопросовъ, предлагаемыхъ мнѣ, я вижу, что многое извѣстно. Нельзя ли мнѣ теперь сознаться въ томъ, что я полагаю извѣстнымъ уже“... и, наконецъ, подъ № 15, „Скверно вотъ что. Въ Сувалкской губ. получены книги: не задолго до ареста того, кто долженъ былъ ѣхать за ними, было получено письмо, какъ можно скорѣе прислать 175 р. с. и получить книги. Книги тамъ были самыя новыя, какихъ въ Россіи еще нѣтъ... жаль, если онѣ попадутъ въ руки правительства; это главный и безопасный путь, черезъ который можно было бы всегда получать книги. Мы здѣсь получили книги багажомъ, не знаю, открыто ли это, кажется, нѣтъ“. Относительно этой послѣдней записки Іогансонъ при слѣдствіи объяснилъ, что о книгахъ, полученныхъ въ Сувалкской губ., онъ слышалъ отъ Исаака Павловскаго; о томъ же, кто долженъ былъ ѣхать

за книгами, отозвался незнаніемъ, а полученіе книгъ подъ видомъ багажа назвалъ пустою фразою. При дознаніи же Іогансонъ удостовѣрилъ, что за книгами долженъ былъ ѣхать Исаакъ Павловскій, что изъ Петербурга на имя Павловскаго были получены багажомъ запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были двѣ книги Бакунина и журналъ „Впередъ“, и что, кромѣ того, нѣсколько запрещенныхъ книгъ было привезено изъ Новочеркаска Арономъ Павловскимъ. Спрошенный по поводу записки Іогансона подъ № 15 Исаакъ Павловскій показалъ слѣдующее: студентъ Медико-Хирургической Академіи Иванишевичъ (неразысканный), уѣзжая въ Парижъ, обѣщалъ выслать оттуда должную имъ студенту Зубкову сумму денегъ, но такъ какъ Зубковъ не могъ дать полнаго своего адреса, то и было рѣшено, что Иванишевичъ вышлетъ деньги Павловскому въ Таганрогъ, на имя родственника Павловскаго Шмаева, съ передачею квартировавшей въ домѣ Павловскихъ Смирновой, прямого же своего адреса онъ не далъ потому, что дома имѣли обыкновеніе читать его письма. Затѣмъ въ августѣ 1874 года онъ получилъ отъ Иванишевича, изъ Ковна, письмо, въ которомъ Иванишевичъ извѣщалъ, что въ мѣстечкѣ Кейданахъ находятся высланные имъ тюки революціонныхъ книгъ, и въ виду того, что личность, которая должна была за ними пріѣхать, арестована, просилъ его, какъ честнаго человѣка, взять эти книги и заплатить за нихъ 175 р. Дня черезъ два послѣ сего онъ получилъ письмо, писанное, видимо, евреемъ, съ требованіемъ 175 р. за перевозку книгъ: съ деньгами этими онъ долженъ былъ или самъ поѣхать, или выслать ихъ на имя Эдельштейна, который и пришлетъ книги. Не желая, съ одной стороны, принимать высланныя книги, а съ другой, опасаясь поссориться съ Иванишевичемъ, онъ поручилъ Іогансону написать Эдельштейну письмо о томъ, что онъ не зналъ, что потребуется такая сумма денегъ, что проситъ подождать недѣлю, въ теченіе которой надѣется собрать деньги, и чтобъ Эдельштейнъ писалъ ему въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія. Личность Смирнова, по словамъ Павловскаго, была вымышленная. Іогансонъ не призналъ того, чтобы по порученію Павловскаго онъ писалъ письмо Эдельштейну, но у послѣдняго было найдено письмо такого же содержанія, какъ письмо, написанное, по словамъ Павловскаго, Іогансономъ, и по сличенію почерка, коимъ писано это письмо, съ несомнѣннымъ почеркомъ Іогансона, оказалось, что письмо это писано дѣйствительно симъ послѣднимъ. 5 февраля 1875 года въ мѣстечкѣ Кейданахъ, Ковенской губ., былъ произведенъ обыскъ у занимавшагося контрабандой, еврея Вульфа Розенблата, и по обыску на чердакѣ дома, въ которомъ жилъ Розенблатъ было найдено два холщевыхъ тюка, прикрытыхъ плетенкою отъ телѣги. По вскрытіи этихъ тюковъ въ нихъ оказались книги преступнаго содержанія: 206 экз. „Анархіи по Прудону“, 48 экз. „Государственность и Анархія“, 48 экз. «Историческое развитіе интернаціонала», 31 экз. „Задачи революціонной партіи въ Россіи“. Относительно найденныхъ у него тюковъ Розенблатъ показалъ, что они были присланы къ нему изъ м. Шаки проживающимъ тамъ евреемъ Мовшею Эдельштейномъ, уже болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, съ запискою, въ которой онъ просилъ хранить эти тюки до пріѣзда его самого или того, кого онъ пришлетъ. По произведенному вслѣдъ за симъ въ м. Шаки

у еврея Мовши Эдельштейна обыску, были найдены: 1) письмо слѣдующаго содержанія: „Посылаю вамъ чрезъ Ernst Bratz, Эдельштейнъ, три тюка книгъ (два изъ Цюриха и одинъ изъ Лондона) и прошу васъ перевезти ихъ. Когда перевезете, то пошлите письмо вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, которое я посылаю вамъ съ этимъ письмомъ къ вамъ, запечатайте конвертъ и пошлите, за вещами пріѣдутъ. Вы должны только написать свой адресъ и сказать, сколько нужно денегъ за перевозку... Прощайте, вашъ Будо“; 2) записка, о которой показывалъ Павловскій, начинающаяся словами: „я совершенно не зналъ, что потребуется такая большая сумма...“ и кончающаяся словами: „отвѣчайте какъ можно скорѣе въ Курскъ, на имя Ивана Смирнова, до востребованія И. См...“ и 3) два конверта безъ почтовыхъ штемпелей съ написанными на нихъ адресами,— на одномъ: „С.-Петербургъ, 3 рота Измайловскаго полка, домъ № 12, кв. № 4, Ѳедору Ѳедоровичу Орлову“, а на другомъ:—„Таганрогъ, кассиру на вокзалѣ Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, Якову Шмаеву, для передачи Еленѣ Васильевнѣ Смирновой“. Изъ объясненій Эдельштейна оказывается: а) что письмо Будо онъ послалъ къ Орлову и Шмаеву въ новыхъ штемпельныхъ конвертахъ, а конверты, присланные Будо, остались у него, и что съ Будо онъ познакомился въ концѣ 1873 г. и тогда же началъ перевозить черезъ границу присылаемые Будо тюки книгъ и б) что третій тюкъ, о которомъ упоминается въ письмѣ Будо, былъ отбитъ пограничною стражею. Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилось: 29 іюля 1874 г., на Владиславской таможенной линіи дѣйствительно былъ задержанъ перевозимый контрабандистами тюкъ, по вскрытіи котораго въ немъ оказались книги: 533 экз. „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 9 экз. „Сказки о четырехъ братьевъ“, 1 экз. „Государственность и Анархія“, 39 экз „Анархія по Прудону“ и 18 экз. брошюры „О мученикѣ Николаѣ“. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Медико-Хирургическою Академіей, видно, что Иванишевичъ отправился за границу лишь въ іюнѣ 1874 г., а изъ показанія обвиняемаго Моисея Рабиновича оказывается, что Будо, съ которымъ онъ былъ у Эдельштейна въ концѣ 1873 г., не Иванишевичъ, а Сажинъ, рукою котораго писано письмо за подписью Будо и адресы на имя Шмаева и Орлова. Такимъ образомъ, объясненіе Павловскаго о томъ, что книги были доставлены Эдельштейну Иванишевичемъ, и что онъ, Павловскій, совершенно случайно оказался замѣшаннымъ въ дѣло о ввозѣ книгъ, вслѣдствіе полученнаго имъ письма отъ Иванишевича, представляется вымышленнымъ и опровергается сверхъ того нижеслѣдующимъ: 13 февраля 1875 г. во время обыска у виленской мѣщанки Эйдели Пумпянской, къ ней явился студентъ Медико-Хирургической Академіи Моисей Нестеровскій, у котораго было отобрано письмо, помѣченное 12 февраля 1875 г., слѣдующаго содержанія: „Пишу вамъ, дорогой мой другъ, послѣдній разъ, прошу васъ сильно, глубоко не указывать на меня на допросахъ . . . Итакъ, еще разъ и послѣдній не показывать на меня. Это необходимо для дѣла перевозки книгъ на будущее время, дѣло, которое теперь въ довольно печальномъ положеніи и которое станетъ абсолютно невозможнымъ, если вы укажите на меня, и необходимо для спасенія отъ гибели, для Россіи, по крайней мѣрѣ, восьми minimum человѣкъ . . . сваливайте на Судзиловскаго все... можете ли вы бѣжать? Какой вашъ планъ вашего побѣга? Ваши друзья

готовы употребить силу, если это совершенно необходимо . . . Я взялъ одну вашу медицинскую книгу Карпинскаго о малыхъ операціяхъ (часть письма, относящаяся до побѣга, на французскомъ языкѣ). Любящій васъ „Одиннадцатый“. Нестеровскій объяснилъ, что это письмо (незапечатанное) было ему дано студентомъ Медико-Хирургической Академіи, Зубковымъ, его товарищемъ по семинаріи, для передачи Пумпянской, которую онъ передъ тѣмъ раза два видѣлъ у сестры Исаака Павловскаго. Пумпянская, не признавая себя виновною въ принадлежности къ преступному сообществу, показала, какъ на дознаніи, такъ и при слѣдствіи, что отобранная у Нестеровскаго записка была прислана къ ней Зубковымъ для передачи Исааку Павловскому, и что объ этомъ просилъ ее лично самъ Зубковъ, отъ котораго она уже разъ, по дружбѣ къ Маріи Павловской, сестрѣ Исаака, передала сему послѣднему записку. При предъявленіи же Пумпянской слѣдственнаго производства, она измѣнила свое показаніе и объяснила, что записку, подписанную „Одиннадцатый“, Зубковъ просилъ передать нѣкоей Цвиневой, которая была въ то время въ отъѣздѣ и скоро должна была вернуться. По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ Цвинева была допрошена при дознаніи въ первый разъ 29 апрѣля 1875 года и не только не содержалась подъ стражею, но противъ нея не было даже принято никакой мѣры для пресѣченія ей способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Кромѣ сего, изъ показанія Цвиневой видно, что она, по окончаніи курса наукъ въ Псковской женской гимназіи, занималась преподаваніемъ въ частныхъ домахъ и медицинскихъ наукъ не изучала; между тѣмъ, по увѣдомленію Медико-Хирургической Академіи, оказывается, что книга Карпинскаго „О малыхъ операціяхъ“ употребляется какъ руководство на третьемъ курсѣ Академіи. По предъявленіи Исааку Павловскому письма за подписью „Одиннадцатый“, онъ объяснилъ, что таковое, судя по почерку, дѣйствительно писано Зубковымъ, но къ нему, Павловскому, не относится. Павловскій отказался также отъ двухъ записокъ, отобранныхъ у Чарушина и адресованныхъ къ Маріи Гейшторъ, въ которыхъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія выраженія: „вѣрю глубоко въ наше святое дѣло . . . пусть свирѣпствуетъ опричнина, она сама себя сжираетъ въ своемъ неистовствѣ... нельзя ли узнать объ Андреевой, т. е. объ ея образѣ жизни? Мнѣ говорилъ братъ, что она дѣлаетъ доносы на подругъ, что стучатъ. Эта стерва— второй экземпляръ Рабиновича“. По сличеніи почерка, которымъ писаны эти записки, съ несомнѣннымъ почеркомъ Исаака Павловскаго, оказалось, что записки писаны рукою сего послѣдняго. По обыскамъ, произведеннымъ въ квартирахъ Павловскихъ въ Таганрогѣ и Петербургѣ, найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, тетрадь „Слово вѣрующаго къ народу“, нѣсколько стихотвореній преступнаго содержанія, записная книга библіотеки, тетрадь Аарона Павловскаго, въ которой на оборотѣ стр. 38 усмотрѣнъ шифръ и опытъ писанія имъ, и пачка писемъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ на себя вниманіе письмо безъ подписи, начинающееся словами: „Tu quoque Brute . . .“, въ коемъ, между прочимъ, говорится о томъ, что „мы теперь по современнымъ способамъ мчимся съ дикой быстротой назадъ въ Николаевскія времена“, и что автору письма передавали, что Флеровскаго схватили и отправляютъ въ Сибирь, по поводу чего авторъ письма восклицаетъ: „Дожили жъ до такого положенія! А долго этого быть не можетъ, не могу

и не хочу вѣрить, чтобъ это долго такъ было". Изъ числа этихъ вещественныхъ доказательствъ—„Слово вѣрующаго къ народу" и преступныя стихотворенія, по словамъ Исаака и Аарона Павловскихъ, имъ не принадлежатъ, и какъ таковыя попали къ нимъ въ квартиру, имъ неизвѣстно; шифрованная азбука и опытъ писанія шифромъ писаны, по словамъ Аарона Павловскаго, имъ, но зачѣмъ и откуда онъ выписалъ эту азбуку — онъ не помнитъ; письмо же, начинающееся словами: Tu quoque, Brute, писано, по объясненію обоихъ братьевъ, Исаакомъ къ Аарону. Кружокъ лицъ, къ которому принадлежали, какъ видно изъ вышеизложеннаго, Исаакъ Павловскій и Зубковъ, чрезъ посредство одного изъ членовъ — студента Технологическаго Института Николая Абрамова Литошенко, снабжалъ книгами преступнаго содержанія гор. Харьковъ. Такъ, изъ показаній исключеннаго изъ Харьковской Семинаріи Михаила Ѳеоктистова Спѣсивцева, не окончившаго курса гимназіи Юрія Николаева Говорухи и жены дворянина Екатерины Дмитріевой Барковой, видно, что студентъ Харьковскаго Университета Ананьевъ (неразысканный) въ началѣ 1874 г. занимался продажею экземпляровъ журнала „Впередъ", получаемаго имъ отъ Литошенко; солидарность же сего послѣдняго съ Павловскимъ, Зубковымъ и Ананьевымъ устанавливается отобранною у инженера Шмакова шифрованною запискою, присланною къ нему Литошенко для передачи неизвѣстной личности, означенной буквою „И". Въ этой запискѣ Литошенко, между прочимъ, спрашиваетъ, не поздно ли онъ пріѣдетъ въ Харьковъ въ іюлѣ 1874 г. для посылки изъ Бессарабіи, гдѣ, т. е. въ Бессарабіи, какъ видно изъ письма, отобраннаго у Нестеровскаго, Зубковъ былъ лѣтомъ 1874 г. вмѣстѣ съ другими членами сего кружка. Что посылка изъ Бессарабіи должна была состоять изъ запрещенныхъ книгъ, въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія дальнѣйшее содержаніе шифрованной записки Литошенко, который, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „во всякомъ случаѣ напишите пожалуйста, что у васъ тамъ дѣлается, и получился ли второй томъ и благополучно ли, сколько? Послали ли въ Харьковъ? Если нѣтъ, найдите случай и пришлите штукъ шесть, и если перешлете чрезъ харьковскаго жителя, то пусть подержитъ у себя до моего пріѣзда, если же нѣтъ, то пусть запечатаетъ и отнесетъ по слѣдующему адресу: Морская улица, домъ № 5, и попроситъ хозяевъ этого дома (Ананьевыхъ) поберечь до моего пріѣзда. Далѣе Литошенко высказываетъ мысль, что „шататься совсѣмъ неподходящая вещь, ужасное недовѣріе и тѣмъ большее, чѣмъ больше радикальничать, впрочемъ, можетъ быть, такъ со мною случилось оттого, что я былъ въ барской одеждѣ. Отослали ли печатать Голодовку? Если бы скорѣе! Сопоставленіе такихъ фактовъ производитъ отличное впечатлѣніе . . ." Вмѣстѣ съ шифрованною запискою было отобрано у Шмакова другое письмо Литошенко, въ которомъ сей послѣдній разсказываетъ, что лѣтомъ 1874 г., во время проѣзда со станціи Воронежской дороги Давыдово въ имѣніе своихъ родителей, онъ читалъ крестьянамъ „Сказку о четырехъ братьяхъ" и старался возбудить въ своихъ слушателяхъ негодованіе къ сословіямъ, а также къ Особѣ Государя Императора. Далѣе, описывая жизнь свою въ деревнѣ у родителей, Литошенко присовокупляетъ, что онъ не можетъ чувствовать себя счастливымъ, такъ какъ видитъ вездѣ кругомъ ужасную эксплуатацію про-

стого народа и, наконецъ, сообщаетъ о встрѣчѣ своей съ одною знакомою госпожей, въ которой онъ книгою Наумова пробудилъ совѣсть. Николай Литошенко, признавая, что вышеизложенное письмо и шифрованная записка писаны имъ, и что разборъ шифра вѣренъ, объяснилъ, что письмо и записка написаны имъ изъ желанія узнать, вскрываются ли на почтѣ письма, и что содержанія писемъ есть только плодъ его фантазіи. Такое крайне неправдоподобное само по себѣ объясненіе находитъ себѣ опроверженіе и въ обнаруженныхъ слѣдствіемъ преступныхъ дѣйствіяхъ Литошенко, вполнѣ соотвѣтствующихъ содержанію его письма. Такъ, изъ показаній столяра Родіоновскаго и отставного рядового Данилы Иванова оказывается, что Литошенко, на хуторѣ Маріенталь, у своихъ родителей, лѣтомъ 1873 г., давалъ Родіоновскому для чтенія разныя книги, названій которыхъ Родіоновскій не помнитъ, а уѣзжая осенью, сказалъ, что съ почты получатся книги, которыя мать Литошенко передастъ ему, Родіоновскому. Дѣйствительно, около Покрова г-жа Литошенко передала Родіоновскому 8 или 9 книжекъ, въ числѣ которыхъ были: „Дѣдушка Егоръ“, разказы „О землѣ и небѣ“ и какіе-то „очерки“. Затѣмъ весной 1874 г. Литошенко передалъ Родіоновскому „Сказку о четырехъ братьяхъ“, сказавъ при этомъ: „на тебѣ для просвѣщенія“. Сказку эту Родіоновскій началъ читать Данилѣ Иванову, но убѣдившись, что она богопротивная, порѣшилъ ее уничтожить и сталъ изводить на сигарки. Литошенко, несмотря на собранныя противъ него улики, виновнымъ себя не призналъ. Почти одновременно съ кружкомъ Андреевой возникъ, весною 1874 г., въ Харьковѣ другой кружокъ, основателемъ котораго явился Сергѣй Коваликъ. Кружокъ этотъ образовался слѣдующимъ образомъ: въ февралѣ 1874 г. пріѣхали въ Харьковъ, проѣздомъ изъ Петербурга на Кавказъ, Григорій Лебедевъ и бывшій студетъ Земледѣльческаго Института Викторъ Даниловъ и остановились въ квартирѣ родственника Данилова, дворянина Антонина Гродецкаго. Встрѣчаясь здѣсь съ студентами Харьковскаго университета, Николаемъ Крутиковымъ, Николаемъ Михайловымъ Барковымъ, женою Баркова Екатериною Дмитріевою и неокончившимъ курса гимназіи дворяниномъ Юріемъ Николаевымъ Говорухою-Отрокомъ,—Лебедевъ и Даниловъ сообщили имъ, по словамъ Говорухи-Отрока, что въ Петербургѣ появился журналъ „Впередъ“, при чемъ Лебедевъ, по ихъ просьбѣ, обѣщалъ написать въ Петербургъ письмо о доставленіи имъ этого журнала. Не дождавшись присылки журнала, Крутиковъ, Гродецкій и Барковъ съ женою, на шестой недѣлѣ Великаго поста, узнали, что журналъ можетъ быть пріобрѣтенъ у студента Ананьева, сложились и купили его за 7 р. сер. Между тѣмъ, на Ѳоминой недѣлѣ, въ квартирѣ Крутикова при Говорухѣ-Отрокѣ явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся Лукашевичемъ и оказавшійся впослѣдствіи Коваликомъ. Коваликъ привезъ съ собою отъ Лебедева на имя Гродецкаго письмо, въ которомъ говорилось о присылкѣ обѣщанныхъ Лебедевымъ книгъ, при чемъ Коваликъ тутъ же передалъ Говорухѣ и Крутикову книги: два экз. „Государственности и Анархіи“, нѣсколько экземпляровъ „Исторіи французскаго крестьянина“, „Отщепенцы“ и одинъ экз. драмы „Стенька Разинъ“. По приглашенію Говорухи и Крутикова, Коваликъ поселился на квартирѣ Крутикова и весь вечеръ разсказывалъ имъ о Петербургскихъ кружкахъ, поставившихъ своею задачей пропагандиро-

вать въ народѣ идеи ниспроверженія существующаго государственнаго строя, каковые разсказы окончилъ прямымъ предложеніемъ, обращеннымъ къ Говорухѣ-Отроку и Крутикову, принять участіе въ революціонной пропагандѣ. Какъ Говоруха-Отрокъ, такъ и Крутиковъ изъявили на это свое согласіе, и тутъ же было рѣшено привлечь къ дѣлу постороннихъ лицъ и образовать, такимъ образомъ, революціонный кружокъ. Съ этою цѣлью въ этотъ же вечеръ Говоруха-Отрокъ отнесъ одинъ экземпляръ „Государственности и Анархіи“ къ Баркову, а на другой день вмѣстѣ съ Крутиковымъ отправился въ семинарію и пригласилъ семинаристовъ на сходку въ квартиру Крутикова. Изъ показаній семинаристовъ Николая Иванова Моисеева, Дмитрія Васильева Дикарева и др. оказывается, что съ этого времени начался цѣлый рядъ сходокъ, изъ которыхъ первая, четвертая и пятая происходили на квартирѣ Крутикова, а вторая и третья на квартирѣ студента университета Кулашко, послѣ чего сходки продолжались въ квартирахъ Баркова и студентовъ Ветеринарнаго института Емельянова и Лишафаева, въ Карповскомъ саду и на Основѣ. На первой сходкѣ было нѣсколько человѣкъ семинаристовъ, а именно: Моисеевъ, Дикаревъ, Бѣляевъ, Даниловъ, Александръ Поповъ и др., Крутиковъ, Говоруха-Отрокъ и студентъ Кацъ. На этой сходкѣ главную роль игралъ Говоруха. Онъ говорилъ о ненормальности существующаго политическаго и экономическаго строя, который долженъ быть уничтоженъ посредствомъ революціи, о необходимости уничтоженія частной собственности и раздѣленія имущества поровну между всѣми гражданами и доказывалъ, что научныя занятія совершенно излишни и что единственнымъ честнымъ трудомъ представляется трудъ физическій. Въ доказательство правильности своихъ разсужденій Говоруха ссылался на книги „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, которыя тутъ же и передалъ семинаристамъ съ просьбой прочесть таковыя, при чемъ особенное вниманіе семинаристовъ Говоруха обращалъ на прибавленіе отдѣльное отъ «Государственности и Анархіи», которое онъ прочелъ и просилъ семинаристовъ списать, что нѣкоторые и сдѣлали. Говоря затѣмъ о существующихъ во многихъ мѣстностяхъ кружкахъ, стремящихся къ измѣненію посредствомъ революціи существующихъ въ государствѣ порядковъ, Говоруха убѣждалъ семинаристовъ, какъ честныхъ людей, присоединиться къ этимъ кружкамъ и подъ видомъ рабочихъ идти въ народъ, возбуждая его къ возстанію. Въ заключеніе Говоруха пригласилъ семинаристовъ придти на слѣдующій день. Послѣ ухода семинаристовъ, какъ это видно изъ показанія Говорухи, пришли Барковъ и студентъ Колюжный, которые изъявили согласіе принять участіе въ кружкѣ и идти въ народъ. По предложенію Баркова на слѣдующій день сходка была устроена въ квартирѣ студента Кулашко, у котораго затѣмъ состоялась и третья сходка. На этихъ сходкахъ присутствовали: Крутиковъ, Колюжный, Барковъ, Кацъ, Говоруха-Отрокъ, Кулашко и жившій на одной съ Кулашко квартирѣ студентъ университета Петръ Денисовъ Арсеньевъ; изъ семинаристовъ, приведенныхъ Капемъ, были: Моисеевъ, Дикаревъ, Даниловъ, Бѣляевъ, Александръ Поповъ, Петръ Ѳоминъ, Перцовъ, Титовъ, Ѳедовскій, Клементьевъ, Веселовскій и Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ. На эти двѣ сходки явился и Коваликъ, который началъ свою бесѣду съ семинаристами съ того, что спросилъ ихъ,

прочли ли они данныя имъ книги и не желаетъ ли кто сдѣлать какія-нибудь возраженія. Когда возраженій не послѣдовало, то Коваликъ сталъ говорить семинаристамъ, что въ виду бѣдственнаго положенія народа,—вслѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія между гражданами имуществъ и эксплуатаціи его привилегированными классами и правительствомъ,—имъ слѣдуетъ оставить ученіе и идти въ народъ, возбуждать его къ низверженію правительства и уничтоженію непроизводительныхъ классовъ общества: дворянства, духовенства, купечества и вообще всѣхъ тѣхъ, кто не зарабатываетъ себѣ кусокъ хлѣба трудомъ физическимъ. Совѣтуя семинаристамъ бросить ученіе, Коваликъ доказывалъ имъ, что наука, какъ дающая возможность эксплуатировать народъ, должна быть изгнана. Далѣе Коваликъ внушалъ семинаристамъ, что задача каждаго изъ нихъ должна состоять лишь въ разрѣшеніи существующихъ въ государствѣ порядковъ, такъ какъ впослѣдствіи народъ уже самъ создастъ новый порядокъ и, по всей вѣроятности, введетъ общинное устройство такъ, что Россія будетъ представлять изъ себя множество мелкихъ общинъ, ни отъ кого не зависящихъ и никѣмъ не управляемыхъ. Уговаривая семинаристовъ идти въ народъ, Коваликъ разсказывалъ имъ, что за границей и въ Петербургѣ образовалось революціонное общество, обязался высылать по первому требованію деньги тѣмъ, которые согласятся идти въ народъ, и совѣтовалъ прежде всего отправиться на фермы въ Пензенскую и др. губерніи, для изученія какого-нибудь ремесла съ тѣмъ, чтобы потомъ, подъ видомъ рабочаго, съ фальшивымъ паспортомъ, ближе сойтись съ народомъ, успѣшнѣе вести дѣло революціонной пропаганды. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Коваликъ ссылался на „Государственность и Анархію“ и на „Исторію интернаціонала“; книги же „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Стеньку Разина“ совѣтовалъ распространять въ народѣ. Говоруха, Барковъ и Кацъ поддерживали Ковалика, при чемъ Говоруха предлагалъ внести на надобности кружка 200 р. сер. и говорилъ объ устройствѣ спектакля, а Кулашко указывалъ на какого-то помѣщика, у котораго можно достать 1000 р. сер. Изъ присутствовавшихъ на сходкахъ семинаристовъ одинъ Спѣсивцевъ изъявилъ полную готовность идти въ народъ и примкнулъ къ кружку, членами котораго, по словамъ Говорухи-Отрока, были: онъ, Говоруха, Крутиковъ, Барковъ, Колюжный, Кацъ и Кулашко. Послѣ послѣдней сходки, второй на квартирѣ Кулашко, Коваликъ уѣхалъ, оставивъ, по удостовѣренію Говорухи, для переписки съ нимъ шифръ, что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, присовокупивъ, что шифръ этотъ состоялъ изъ неприличныхъ словъ. Послѣ отъѣзда Ковалика, Говоруха, Барковъ и Спѣсивцевъ ходили въ село Пересѣчное къ сельскому учителю Климентову съ цѣлью уговорить сего послѣдняго принять участіе въ пропагандѣ; но не застали Климентова дома и вернулись ни съ чѣмъ. Между тѣмъ сходки продолжались; студенты и семинаристы собирались въ квартирѣ Крутикова два раза, при чемъ на этихъ сходкахъ Говоруха продолжалъ въ разговорѣ съ семинаристомъ Раздольскимъ доказывать необходимость истребленія правительства и привилегированныхъ классовъ, и при этомъ, на заданный кѣмъ-то вопросъ: „какъ же ихъ уничтожить?“ отвѣтилъ: „да я самъ сейчасъ зарѣжу прокурора“! Послѣ этихъ сходокъ Говоруха и Крутиковъ отдѣлились отъ кружка и болѣе въ

дѣлахъ его участія не принимали. Главой кружка сдѣлался Барковъ. Занявъ на двухъ послѣднихъ вышеуказанныхъ сходкахъ, въ квартирѣ Крутикова, первенствующую роль, Барковъ сохранилъ ее и на всѣхъ послѣдующихъ сходкахъ, происходившихъ у него, у ветеринаровъ Емельянова и Лишафаева и въ Карповскомъ саду. На этихъ сходкахъ, собиравшихся по указаніямъ Баркова, онъ совѣтовалъ отправляться на фермы, изучать какое-либо ремесло и затѣмъ идти въ народъ и распространять въ немъ запрещенныя книги, а также уговаривалъ семинариста Лонгинова вступить въ кружокъ, а Клементьева идти въ народъ подъ видомъ рабочаго; говоря затѣмъ о сохраненіи единодушія между революціонными кружками и о сношеніяхъ ихъ между собою, Барковъ доказывалъ необходимость изданія газеты, устройства кассы для оказанія помощи недостаточнымъ пропагандистамъ, библіотеки изъ революціонныхъ книгъ и кузницы, а также учрежденія агентовъ, которые представляли бы собою мѣстные кружки. На одной изъ сходокъ у ветеринаровъ Барковъ читалъ и разъяснялъ программу революціонной пропаганды Бакунина, при чемъ по вопросу объ уничтоженіи правительства говорилъ, что личность Царя сама по себѣ не виновата, что слѣдуетъ дѣйствовать не противъ личностей, а противъ строя, что поэтому «Члены Царствующаго Дома должны быть устранены, т. е. должны, потерявъ власть, поступить въ разрядъ всѣхъ другихъ гражданъ». Кромѣ сего, по показанію Спѣсивцева, Барковъ два раза ходилъ съ нимъ, Спѣсивцевымъ, и ветеринаромъ Емельяновымъ въ село Алексѣевку, гдѣ преимущественно Барковъ разъяснялъ рабочимъ причины ихъ бѣдственнаго положенія, при чемъ всѣ они предлагали рабочимъ революціонныя книги, отъ принятія которыхъ рабочіе отказались. Это послѣднее обстоятельство призналъ и Барковъ, пояснивъ, что предлагалъ рабочимъ книгу «Исторію одного французскаго крестьянина». Предложеніе Баркова объ устройствѣ кассы и библіотеки осуществилось; по словамъ Спѣсивцева, касса кружка находилась въ рукахъ Баркова, и въ ней, какъ говорилъ сей послѣдній, было около 175 р. с.; сумма эта составилась чрезъ розыгрышъ въ лотерею незапрещенныхъ книгъ и продажу на сто руб. сер. книгъ революціоннаго содержанія. Существованіе кассы Барковъ призналъ какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи, при чемъ не отвергъ и того обстоятельства, что касса находилась въ его завѣдываніи и что часть находившихся въ ней денегъ была выручена путемъ розыгрыша въ лотерею незапрещенныхъ книгъ. Библіотека, состоявшая приблизительно изъ 50 книгъ, въ числѣ которыхъ были: «Государственность и Анархія», «Историческое развитіе интернаціонала», «Сказка о 4-хъ братьяхъ», «Исторія одного французскаго крестьянина» и др., находилась также въ завѣдываніи Баркова. Однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ кружка былъ Колюжный, который и ввелъ въ кружокъ ветеринаровъ студента Медико-Хирургической Академіи Павла Дмитріева Максимова, находившагося въ Харьковѣ проѣздомъ въ Полтаву, гдѣ онъ хотѣлъ поступить въ какую-то сапожную мастерскую и разсказывавшаго о петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ; Спѣсивцевъ также радѣлъ объ интересахъ кружка и, какъ видно изъ его показанія, познакомилъ Баркова съ семинаристами Лонгиновымъ и Николаемъ Поповымъ, изъ коихъ послѣднему послѣ отъѣзда Баркова были переданы на храненіе, въ маѣ 1874 г., запрещенныя книги съ тѣмъ, чтобъ онъ

ихъ давалъ читать только тѣмъ изъ семинаристовъ, которые изъявятъ желаніе идти въ народъ. Коваликъ и послѣ отъѣзда изъ Харькова не прекратилъ своихъ сношеній съ образованнымъ имъ кружкомъ; по показанію Спѣсивцева, онъ нѣсколько разъ писалъ Баркову, извѣщая его о тѣхъ фермахъ, на которыхъ пропагандисты могли бы приготовлять себя къ будущей своей дѣятельности, и въ концѣ апрѣля прислалъ Рабиновича, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго, съ запрещенными книгами и деньгами для кружка. По словамъ Рабиновича, онъ передалъ Баркову 256 р. сер. для кружка, нѣсколько бланковъ для фальшивыхъ паспортовъ и запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ, по показаніямъ Спѣсивцева и Дюкова и объясненіямъ Баркова, даннымъ при дознаніи, было нѣсколько экземпляровъ «Государственности и Анархіи», «Историческаго развитія интернаціонала» и «Сказки о 4-хъ братьяхъ». Кромѣ сего Рабиновичъ передалъ ветеринару Емельянову 120 р. сер. для опредѣленія его въ казачій полкъ съ цѣлью облегченія перевозки изъ-за границы книгъ и бѣгства за границу революціонеровъ, а также 30 р. с. Спѣсивцеву. По показанію Баркова, данному при дознаніи, Рабиновичъ привезъ ему и письмо отъ Ковалика, въ которомъ сей послѣдній убѣждалъ кружокъ дѣйствовать энергичнѣе, обѣщая дальнѣйшую помощь деньгами и книгами. По случаю пріѣзда Рабиновича были устроены двѣ сходки — одна въ Карповскомъ саду, а другая на квартирѣ ветеринаровъ, на каковыхъ сходкахъ Рабиновичъ говорилъ о дѣятельности петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, совѣтовалъ устроить что-то въ видѣ клуба, гдѣ бы можно было собираться для обмѣна мыслей по дѣлу пропаганды, читалъ приложеніе къ „Государственности и Анархіи“ и сообщилъ семинаристамъ адресы: а) Головина — въ Калужской губ., у котораго, по соглашенію Головина съ Коваликомъ, семинаристы могли обучаться какому-либо ремеслу, и б) мастерской, устроенной Войноральскимъ въ Пензѣ. Уѣзжая изъ Харькова, Рабиновичъ взялъ у Баркова адресъ семинариста Дюкова для того, чтобы вести чрезъ него переписку, такъ какъ лѣтомъ члены кружка должны были разъѣхаться, что дѣйствительно и случилось. Въ отсутствіе уѣхавшихъ членовъ кружка сходки продолжались въ Карповскомъ саду, и на нихъ появились новыя личности, введенныя ветеринарами, а именно: студенты Позинъ и Долинскій, изъ которыхъ послѣдній, по показанію Баркова, былъ никто иной, какъ Лебедевъ, уѣхавшій весной на Кавказъ вмѣстѣ съ Даниловымъ. Въ августѣ появился въ Харьковѣ и Каблицъ, показавшій Дюкову фальшивый паспортъ на имя какого-то солдата, по которому онъ жилъ, пропагандируя въ Астрахани, на Волгѣ и на Дону. На лѣто, какъ сказано выше, большинство членовъ кружка уѣхало изъ Харькова. Барковъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію, гдѣ, какъ онъ разсказывалъ впослѣдствіи Дюкову, ходилъ по деревнямъ и кромѣ того съ Емельяновымъ былъ на Дону въ средѣ старообрядцевъ, которые, по его словамъ, такъ сильно возбуждены противъ правительства, что года черезъ два-три взбунтуются; возвратившись въ концѣ іюня въ Харьковъ, Барковъ взялъ у Дюкова „Исторію одного французскаго крестьянина“ и уѣхалъ въ Харьковъ. Спѣсивцевъ поѣхалъ на средства кружка въ Пензу, куда Барковъ высылалъ ему деньги на имя Каменскаго; по возвращеніи изъ Пензы, Спѣсивцевъ, какъ видно изъ его показанія, не засталъ въ Харьковѣ Баркова и напи-

салъ ему въ Курскъ письмо съ просьбой о присылкѣ денегъ, на что получилъ отъ Баркова отвѣтъ, что семинаристы—дураки, которымъ помогать не слѣдуетъ, такъ какъ они не способны быть революціонерами. Кацъ уѣхалъ въ Екатеринославскую губернію съ цѣлью изучить кузнечное мастерство и добыть денегъ для кружка, а Колюжный и Кулашко отправились въ Полтавскую губернію, на хуторъ вдовы надворнаго совѣтника Надежды Колесниковой, гдѣ проживалъ и Максимовъ, и куда пріѣзжали—студентъ Технологическаго Институтa Николай Стронскій и дворянинъ Иванъ Чернышевъ. Во время пребыванія означенныхъ лицъ на хуторѣ Колесниковой, т. е. лѣтомъ 1874 года, между крестьянами Кобелякскаго уѣзда распространилась молва о предстоящемъ будто бы вскорѣ раздѣлѣ земли поровну между помѣщиками и крестьянами, при чемъ, какъ на источникъ этого слуха, молва указывала на студентовъ, проживавшихъ въ хуторѣ Колесниковой. Спрошенная по поводу вышеизложеннаго Надежда Ѳоминична Колесникова объявила, что въ Полтавѣ у нея была дѣйствительно сапожная мастерская, въ которую Максимовъ и Колюжный приходили иногда по личнымъ своимъ надобностямъ, какъ-то, напр., съ цѣлью заказать сапоги; Максимова, Колюжнаго и Стронскаго она знала съ давняго времени; Максимовъ былъ приглашенъ ею на лѣто 1874 г. въ Полтаву для полученія мѣста репетитора; пріѣхавъ весной и заболѣвъ, прожилъ нѣкоторое время у нея, а потомъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ ней на хуторъ, гдѣ жилъ и ея знакомый Олеховскій, пригласившій къ себѣ Колюжнаго, Чернышева и Стронскаго. Пріѣхавъ весной 1874 года въ Полтаву, Максимовъ въ разговорѣ съ нею сталъ ей доказывать необходимость подпятія физическаго труда и образованія себя лишь на средства, добытыя такимъ трудомъ, присовокупляя, что не велика бѣда, если его выгонятъ изъ Академіи. По словамъ Максимова, его убѣжденія раздѣлялись въ Петербургѣ весьма многими лицами, и, какъ онъ говорилъ, Колесникова тоже согласилась бы съ нимъ, если бы прочла привезенныя имъ изъ Петербурга книги „Государственность и Анархія“ и журналъ „Впередъ“, которыхъ однако ей не далъ, объяснивъ, что всѣ книги имъ уже розданы. Лѣтомъ она раза четыре пріѣзжала на хуторъ и при этомъ не замѣчала, чтобы Максимовъ и Колюжный занимались распространеніемъ между крестьянами революціонныхъ идей, а слышала только отъ крестьянъ, что панычи работали иногда съ ними, о чемъ и разсказывала студенту Университета Св. Владиміра—Дымскому. Она получала нѣсколько разъ изъ Петербурга письма для передачи Максимову, который, распечатавъ однажды при ней письмо, нашелъ въ конвертѣ чистый листъ бумаги и сказалъ, что его надо смочить какимъ-то растворомъ и что тогда можно будетъ читать письмо. При дознаніи Колесникова пояснила, что Максимовъ доказывалъ ей необходимость уничтоженія правительства, высшаго образованія, сословій и введеніе имущественнаго равенства, а также, что Колюжный весной 1874 года просилъ у нея позволенія помѣстить въ сапожную мастерскую какихъ-то трехъ рабочихъ. Студентъ Левъ Дымскій удостовѣрилъ, что на Рождествѣ 1873 г. и около Пасхи 1874 г. онъ встрѣчался съ Максимовымъ въ квартирѣ Колесниковой и получилъ отъ него для чтенія «Государственность и Анархію» и журналъ «Впередъ», при чемъ Максимовъ объяснялъ ему, что въ Петербургѣ есть много людей, которые раздѣляютъ

ндеи, изложенныя въ этихъ книгахъ, и что многіе изъ нихъ идутъ въ народъ съ цѣлью пропагандированія революціи. Возвращаясь однажды изъ хутора въ Полтаву съ Колесниковою, онъ узналъ отъ послѣдней, что проживающіе въ хуторѣ студенты увлекаются журналомъ „Впередъ“ и другими подобными книгами, и что крестьяне совѣтовали ей не оставлять ея сына въ обществѣ этихъ лицъ. Дѣйствительно, какъ это видно изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей мѣстныхъ жителей, общество „панычей“, проживавшихъ на хуторѣ Колесниковой, могло принести только вредъ сыну сей послѣдней, такъ какъ панычи проводили все свое время съ крестьянами, которымъ читали разныя книги, въ томъ числѣ, по показанію Колюжнаго, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, при чемъ внушали крестьянамъ необходимость вырѣзать пановъ и жидовъ, а также, какъ показывалъ одинъ свидѣтель при дознаніи, лишить власти Царя, послѣ чего земля будетъ общею. По обыску, произведенному въ Петербургѣ, въ квартирѣ Стронскаго, у проживающаго вмѣстѣ съ нимъ студента С.-Петербургскаго Университета Константина Ничипоренко было отобрано полученное имъ отъ Максимова письмо, написанное особыми чернилами, выходящими на бумагѣ лишь при смачиваніи ихъ растворомъ азотной кислоты. Въ этомъ письмѣ, подписанномъ „П. Перепез...“, сообщается, между прочимъ, объ обыскахъ, бывшихъ въ Полтавѣ, и объ арестѣ одного рабочаго, который въ пьяномъ видѣ проповѣдывалъ соціальную революцію и называлъ Максимова и др. лицъ ангелами, почему письмо слѣдуетъ адресовать не на имя „Н. О.“ въ Полтаву, а на имя Кащенко (помѣщика, у котораго Максимовъ жилъ въ качествѣ учителя его дѣтей) съ надписью о передачѣ на второмъ, внутреннемъ пакетѣ. Изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ харьковскому кружку, Колюжный, во время производства по сему дѣлу слѣдствія, обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей, остальные же частью скрылись, частью были задержаны, какъ-то: Коваликъ, Рабиновичъ, Говоруха-Отрокъ, Барковъ, Спѣсивцевъ и Максимовъ. Изъ нихъ Максимовъ не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ революціонному сообществу, ни въ распространеніи книгъ возмутительнаго содержанія, прочіе же признали себя виновными: Коваликъ—въ революціонной пропагандѣ съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію, въ учрежденіи харьковскаго революціоннаго кружка и въ распространеніи книгъ: „Государственность и Анархія“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и др.; Рабиновичъ—въ такой же пропагандѣ и такомъ же распространеніи книгъ; Говоруха-Отрокъ—въ принадлежности къ революціонному кружку и раздачѣ книгъ „Государственность и Анархія“; Барковъ—въ принадлежности къ революціонному кружку, стремившемуся въ далекомъ будущемъ къ измѣненію посредствомъ революціи современнаго государственнаго и общественнаго строя и, наконецъ, Спѣсивцевъ—въ принадлежности къ кружку, цѣль котораго состояла въ возбужденіи народа къ измѣненію посредствомъ революціи существующаго политическаго и экономическаго строя общества. Студенты Лебедевъ и Даниловъ, пріѣздъ которыхъ въ гор. Харьковъ повлекъ за собою пріѣздъ Ковалика и образованіе харьковскаго революціоннаго кружка, послѣ отъѣзда своего на Кавказъ не прервали своихъ сношеній съ гор. Харьковымъ: Лебедевъ не долго пробылъ въ Кавказѣ; лѣтомъ 1874 г. онъ возвратился въ Харьковъ, гдѣ

подъ именемъ Долинскаго и принималъ участіе въ сходкахъ мѣстнаго кружка, какъ это изложено выше, и сверхъ сего — занялся распространеніемъ революціонныхъ книгъ. Эта послѣдняя его дѣятельность была обнаружена слѣдующимъ образомъ: 2-го сентября 1874 г, у учителя Острогожскаго уѣзднаго училища Ѳеодосія Цебенко былъ произведенъ обыскъ, по которому, между прочимъ, найдено письмо отъ 29-го іюня, подписанное „М. Серебряковъ“, вслѣдъ затѣмъ было задержано въ гор. Острогожскѣ письмо изъ Харькова, на имя того же Ѳеодосія Цебенко, содержавшагося въ то время подъ стражей. По вскрытіи письма, оно оказалось писаннымъ 30-го августа, безъ подписи и слѣдующаго содержанія: „Любезный дядюшка Цебенко. Должно быть, уже сильно надоѣло ждать отъ меня письма... Я было подумывалъ кинуть ветеринарное, потому что совершенно потерялъ къ нему вкусъ, ну, да необходимость спеціальности для дѣла, которое я поставилъ себѣ цѣлью осуществить, удержала меня тамъ. Объ этомъ, впрочемъ, въ будущемъ, а въ настоящемъ я тебѣ скажу, что могу прислать книгъ очень хорошихъ, но только по случаю, потому что всѣ онѣ запрещенныя. Вотъ заглавія нѣкоторыхъ изъ нихъ: „Государственность и Анархія“, „Исторія интернаціонала“, „Анархія по Прудону“, „Отщепенцы“, „Задачи революціонной пропаганды“ — Ткачева, „Исторія крестьянина“, переложенная на русскій ладъ, „Стенька Разинъ“ и т. п. Въ Харьковѣ духъ нашей братіи и вообще всѣхъ измѣнился къ лучшему; всѣ интересуются крайне подпольною литературой. Дѣло Долгушина не сходитъ съ языка, всѣ трактуютъ, возмущаются, приходятъ въ препирательства и просто зачитываются цюрихскими изданіями. Но все это пахнетъ чѣмъ-то навѣяннымъ извнѣ, временною экзальтаціей, а не продуманными убѣжденіями“. Письмо это оказалось писаннымъ тою же рукой, что и письмо отъ 28-го іюня, подписанное „М. Серебряковъ“, вслѣдствіе чего въ гор. Харьковѣ, у воспитанника Харьковскаго Ветеринарнаго Института Михаила Михайлова Серебрякова былъ произведенъ обыскъ, при которомъ, между прочимъ, найдено: а) записная книжка Серебрякова, съ написаннымъ чернилами каталогомъ тенденціозныхъ книгъ и со слѣдующими отмѣтками карандашомъ на 21 и 22-мъ листахъ: на 21-мъ: „Государ. и Анарх.“— 1 руб. 50 коп., „Анархія по Пр.“—1 руб., „Истор. интер.“ — 1 руб. 50 коп., „Отщепенцы“—1 руб., „Задачи Ткачева“ — 25 коп., „Исторія крестьянина“—25 коп., „Стенька Разинъ“—10 коп., „Пѣсенникъ“—3 к., „Револ. молод.“ — 25 коп., „Послѣд. Революція“ (Гамбона) — 25 коп., „Париж. Коммун.“ — 1 р. 25 к., „Наука и револ.“ — 25 к., „Народн. дѣло“—25 к., „Впередъ II“—5 р., „Общин. земл.“—Черныш. „Полярная звѣзда“—1 р. 25 к., „Съ того берега“ — 10 коп., „О мучен. Никол.“—20 к., „Офицеръ рус. ар.“ — 10 к., „Русск. пѣсня“ — 15 к., „Степанъ Раз.“—10 к., „Четыре братья“—5 к. пѣсен.; на 22-мъ: „Развитіе интернаціон.“—5 р., „Государств. и Анарх.“ — 5 р., „Анарх. по Прудон.“—5 р., „Отщепенцы“—3 р., „Задачи. Ткачева“—4 р, „Истор. крест.“—2 р., „Степанъ Разинъ“—р., „Пѣсни“—5 р., „Впередъ“—1 р., „Коммуна“ — 1 р., „Народное дѣло“ — 1 р., „Мучен. Никол.“ — 1 р., „Проклама—р., „4 брата“—2 р. и б) зарытыя въ землю и отысканныя по указанію самого Серебрякова „Задачи революціонной партіи въ Россіи“ Ткачева и „Отщепенцы“. Прочія, оставшіяся у него книги, Серебряковъ

передалъ, какъ видно изъ его показанія, даннаго при дознаніи, лицу, назвать которое не пожелалъ, съ тѣмъ, чтобы таковыя были уничтожены, если у него, Серебрякова, будетъ сдѣланъ обыскъ. Серебряковъ, признавая себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ между своими знакомыми съ цѣлью пропаганды революціонныхъ идей, объяснилъ, что письмо къ Цебенко, отъ 30-го августа, писано имъ, что подтвердила и экспертиза, и что книги были ему даны студентомъ Лебедевымъ, съ которымъ онъ познакомился случайно въ библіотекѣ воспитанниковъ Ветеринарнаго Института и который своими разсужденіями заставилъ его увѣровать въ необходимость улучшенія народнаго быта посредствомъ революціи. Лицъ, между которыми онъ распространялъ книги, Серебряковъ назвать не пожелалъ, кромѣ нѣкоего Курицына, оставшагося при слѣдствіи неразысканнымъ, несмотря на всѣ принятыя къ разысканію его мѣры. Лебедевъ застрѣлился во время производства дознанія по настоящему дѣлу. Викторъ Александровъ Даниловъ, разсказывающій о себѣ, какъ видно изъ показанія Екатерины Барковой, что онъ придерживается Бакунинскихъ убѣжденій, за которыя и не былъ принятъ на службу въ типографію Лаврова (Миртовъ), уѣхалъ на Кавказъ на деньги, собранныя членами харьковскаго кружка, которые затѣмъ посылали ему деньги и въ Тифлисъ. Поселившись въ селѣ Воронцовкѣ, среди молоканъ, Даниловъ встрѣтился тамъ, по собственному его показанію, съ давнишнею своей знакомой Маріею Александровою Шавердовой. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ нанялся у крестьянина Козьмы Бучнева косить сѣно и, проводя въ работѣ будничные дни, по праздникамъ ходилъ къ Шавердовой, съ которою и занимался чтеніемъ книгъ, между прочимъ, „Стеньки Разина“ и „Сказки о четырехъ братьяхъ“; означенныя книги онъ читалъ и молоканамъ, по просьбѣ сихъ послѣднихъ. Пробывъ въ Воронцовкѣ около мѣсяца, Даниловъ отправился къ духоборцамъ, въ село Спасское, гдѣ и опредѣлился на должность сельскаго писаря. Признавъ, такимъ образомъ, что онъ читалъ молоканамъ въ селѣ Воронцовкѣ „Стеньку Разина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“, Даниловъ тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ сочиненій съ цѣлью возбужденія къ бунту, а также не призналъ и того, чтобъ у него были какія-либо отношенія съ харьковскимъ революціоннымъ кружкомъ. Между тѣмъ, по обыску, произведенному у Данилова въ с. Спаскомъ, были найдены, между прочимъ: а) отрывокъ письма, писаннаго Даниловымъ, по его словамъ, къ бывшей студенткѣ Цюрихскаго университета Павловой, въ каковомъ письмѣ, описывая бытъ духоборцевъ, Даниловъ говорилъ: „и если бы не ихъ достатокъ, вышли бы изъ нихъ народ. революціей сильно“ и б) полулистъ почтовой бумаги съ написанными на немъ славянскими буквами, противъ которыхъ поставлены цифры отъ 1 до 10, сверхъ сего на томъ полулистѣ написаны слова „Императоръ“ и „вольнодумъ“, при чемъ подъ каждою буквой этихъ словъ поставлены цифры. Во время же препровожденія Данилова къ жандармскому офицеру для допроса, Даниловъ бросилъ письмо, которое было подпято шедшимъ сзади него мальчикомъ и передано Данилову, послѣ чего сей послѣдній, изорвавъ письмо въ клочки, бросилъ его вновь; означенные клочки были собраны сопровождавшимъ Данилова жандармскимъ унтеръ-офицеромъ и пріобщены къ дѣлу. Въ этомъ письмѣ,

адресованномъ „коли въ Питеръ, то въ Земледѣльческій институтъ (онъ же Лѣсной) студенту Глушкову; коли въ Харьковъ, то студенту Крутикову или Гродецкому (послѣдняго можно найти въ аптекѣ Тутаева за Нетечью)“, Даниловъ описываетъ свое путешествіе до села молоканъ (Воронцовки) и, между прочимъ, говоритъ: „я думалъ купно съ однимъ малымъ, наслѣдникомъ тысячи десятинъ и тысячъ четырнадцати денегъ, устроить нѣчто подобное фермѣ, а можетъ многимъ удалось бы и заняться какъ соціальною пропагандой, также и другимъ какимъ либеральнымъ дѣломъ . . . отправился я на Кавказъ вдвоемъ только, хотя въ Х. осталось нѣсколько людей прекрасныхъ . . . въ Тифлисѣ, гдѣ я имѣлъ счастіе познакомиться съ либеральною партіей мира и свободы и тутъ же разстался съ Лебедевымъ, онъ направился въ Россію . . . и я, наконецъ, пріѣхалъ въ деревню (молоканъ). Въ этой же деревнѣ проживала барынька, революціонерка изрядная, я назвалъ ее еще въ Тифлисѣ . . . Ну, разумѣется, когда я пріѣхалъ, то первоначально разыскалъ барыньку, барынька моя довольна и въ восхищеніи отъ молоканъ. Народъ дѣйствительно порядочный, совершенно критически относится къ Царю и правительству, а самое главное, что безъ вида безъ всякаго, только зарекомендовавъ себя въ ихъ пользу или вѣрнѣе въ пользу вообще русскаго народа, можешь и прожить и пропагандировать, что твоей душѣ угодно . . . Такимъ манеромъ работалъ я по цѣлымъ недѣлямъ и въ воскресеніе устраивалъ чтеніе революціонныхъ запрещенныхъ разсказовъ, хотя нужно отдать справедливость русской соціально-революціонной партіи, книгъ подходящаго содержанія очень мало; мы (т. е. я и барынька) достали всего двѣ книги, одна „Четыре брата“ и Стенька Разинъ“. Народу собиралось душъ до 15—10, послѣ каждаго и во время чтенія поднимались разные разговоры, которые почти всегда поднималъ одинъ рыжій малый, лѣтъ 40, фразою: „ну, какъ же мы все это устроимъ?“ Подъ этимъ „все“ подразумѣвалось раздѣленіе земли и изгнаніе поповъ съ чинами и Царемъ; а оканчивались подобные разговоры фразою кого-нибудь изъ ребятъ: „это все такъ, да какъ его начинать, пусть, молъ, въ Россіи начнутъ, а мы ужъ поддержимъ“. Сюжетами для разговора были разные вопросы по самоуправленію и о землѣ преимущественно; были и такіе, которые не находили возможнымъ безъ Царя, и поднимались споры . . . если возбудитъ кто-либо вопросъ о необходимости Царя, правительства, Свѣтило (изъ молоканъ) читаетъ какого-то пророка, который говоритъ, что Цари даны за наказаніе, и потомъ о томъ, какъ придетъ время, когда Цари и всѣ сильные міра сего будутъ рабами низшаго класса. Такимъ манеромъ, работая по цѣлымъ недѣлямъ и по воскресеніямъ и праздникамъ, читая и ходя на чтеніе къ барынькѣ, я прожилъ мѣсяцъ . . .“ По поводу этого письма Даниловъ объяснилъ, что въ немъ онъ описывалъ только то, чего былъ свидѣтелемъ на молоканскихъ религіозныхъ сходкахъ, что фамилій „барыньки-революціонерки и рыжаго малаго“ не знаетъ, и что барынька эта—молоканка, приносившая ему молоканскія религіозныя книги. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что „барынька-революціонерка“ была не молоканка, а проживавшая въ с. Воронцовкѣ бывшая учительница женскаго института въ Тифлисѣ, Марія Александрова Никитина, нынѣ Шавердова, по обыску у которой найдено, между прочимъ, писанное Шавердовою чер-

новое письмо къ какому-то Аполлону Петровичу. изъ какового письма видно, что Шавердова имѣла сношенія съ Дебагоріо-Макріевичемъ, и что она имѣла въ виду переселиться съ другими лицами въ Америку, гдѣ предполагалось устроить коммуну. Шавердова, не отвергая, что жила въ с. Воронцовкѣ, гдѣ по праздникамъ бывалъ у нея Даниловъ, съ которымъ она познакомилась въ 1868—1869 гг. въ Петербургѣ, не признала себя виновною и объяснила, что никакого чтенія революціонныхъ книгъ молоканамъ не происходило, и что Даниловъ, говоря объ этомъ въ своемъ письмѣ, просто желалъ порисоваться передъ своими товарищами. Начальница института, въ которомъ Шавердова была учительницей, г-жа Колюбакина, удостовѣрила, что Шавердова пользовалась самою дурною репутаціей въ нравственномъ отношеніи и распространяла между воспитанницами самыя превратныя понятія о бракѣ, религіи и повиновеніи начальству, а также, что по внушенію и иниціативѣ Шавердовой нѣсколько воспитанницъ уѣхало въ Цюрихъ. По вступленіи въ должность начальницы, г-жа Колюбакина, узнавъ о поведеніи Шавердовой, предложила ей удалиться изъ института. Въ мартѣ 1875 г. вновь было обнаружено распространеніе среди народа, въ гор. Харьковѣ, книгъ революціоннаго содержанія, поводомъ къ чему послужили: а) отобранное у кочегара на шерстомоечномъ заведеніи купца Алексѣева, мѣщанина Дрожникова и крестьянки Дубиновой книгъ: „Сила солому ломитъ“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и прокламаціи „Чтой-то братцы“ и б) заявленіе мастера вагонной мастерской Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дороги Роберта Фазеля о томъ, что въ печкѣ одного изъ отдѣлывающихся вагоновъ имъ найдена „Исторія одного французскаго крестьянина“. По объясненію Василія Дрожникова, отобранныя у него книги были имъ получены отъ какого-то Ѳедора, работавшаго въ слесарной шерстомоечнаго заведенія; этотъ Ѳедоръ отошелъ отъ мѣста, по показанію одного свидѣтеля, безъ всякого повода, будто бы для обмѣна паспорта, который однако не былъ просроченъ; уходя, Ѳедоръ набилъ сакъ-вояжъ какими-то брошюрами, какъ бы газетными листами, и положилъ туда еще толстую книгу. Вслѣдствіе сего и въ виду оказавшихся у другого рабочаго, Ивана Бѣлаго, книгъ, какъ-то: „На міру“, „Въ память столѣтія пугачевщины“, изданія журнала „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, хозяинъ шерстомоечнаго заведенія, купецъ Алексѣевъ, поручилъ всѣмъ своимъ рабочимъ, въ случаѣ встрѣчи кѣмъ-либо изъ нихъ рабочаго Ѳедора, представить послѣдняго въ жандармское управленіе. 24-го марта рабочіе Иванъ Хлопотовъ и Яковъ Столяренко встрѣтили Ѳедора на Рыбной улицѣ, предъ слесарнымъ заведеніемъ, куда Ѳедоръ, по его словамъ, хотѣлъ поступить, и задержали его. Хлопотовъ отправился за городовымъ, а въ его отсутствіе Ѳедоръ сталъ просить Столяренко отпустить его, предлагая за это деньги и говоря, что ему уже и въ полвѣка не выйти, а затѣмъ, войдя въ послѣдній дворъ, засунулъ въ щель, въ стѣнѣ дома, какую-то бумагу, похожую на газету. Бумага эта была вынута изъ щели посредствомъ клещей слесаремъ Закржевскимъ и оказалась прокламаціей „Чтой-то братцы“. Задержанное Хлопотовымъ и Столяренко лицо оказалось крестьяниномъ Старицкаго уѣзда, села Кознакова, Ѳедоромъ Семеновымъ, который, не признавая себя виновнымъ въ распространеніи революціонныхъ книгъ, показалъ слѣдующее: по-

знакомившись случайно зимою 1874 г. въ гор. Петербургѣ съ личностью, называвшею себя Чукчаевымъ, онъ, по совѣту сего послѣдняго, отправился вмѣстѣ съ нимъ на югъ искать работы; еще до отъѣзда Чукчаевъ давалъ ему читать „Чтой-то братцы“ и „Исторію крестьянина“, но онъ, не читавъ этихъ книгъ, возвратилъ ихъ Чукчаеву; за Москвою къ нимъ присоединился, повидимому, знакомый Чукчаеву человѣкъ, назвавшій себя Павломъ Александровымъ, съ которымъ онъ и остался въ Харьковѣ, а Чукчаевъ поѣхалъ далѣе. Проживъ нѣкоторое время безъ работы, при чемъ за квартиру и харчи платилъ Павелъ Александровъ, они поступили на мѣста, а вскорѣ затѣмъ Павелъ Александровъ отправился въ Курскъ и, уѣзжая, оставилъ ему, Семенову, сакъ-вояжъ съ книгами, при чемъ совѣтывалъ читать ихъ, а отходя отъ мѣста, передать таковыя для той же цѣли кому-нибудь изъ рабочихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ его, что если онъ попадется съ этими книгами, то ему будетъ плохо. Полученныя отъ Александрова книги, за исключеніемъ „Чтой-то братцы“, онъ оставилъ Бѣлову, которому при этомъ не говорилъ, чтобъ онъ читалъ ихъ и передавалъ другимъ, а прокламацію „Чтой-то братцы“ взялъ съ собою изъ любопытства. Кромѣ Бѣлова, онъ никому никакихъ книгъ не давалъ. Такое во многихъ частяхъ неправдоподобное и противорѣчащее обстоятельствамъ дѣла показаніе Семеновъ измѣнилъ впослѣдствіи, заявивъ, что Павелъ Александровъ, передавая ему книги, не совѣтывалъ ему читать таковыя или раздавать ихъ другимъ, а велѣлъ ихъ спрятать и никому не показывать; въ показаніи же, данномъ при дознаніи, Семеновъ объяснилъ, что Чукчаевъ велѣлъ ему остановиться съ Павломъ Александровымъ въ гор. Харьковѣ, получить отъ Александрова книги, пристроиться гдѣ-нибудь на заводѣ и тамъ ихъ раздавать. Иванъ Бѣловъ, оставшійся неразысканнымъ при слѣдствіи, при дознаніи объяснилъ, что Семеновъ оставилъ ему книги для чтенія, говоря, что это хорошія книги, и что онъ за ними придетъ. Харьковскій цеховой Леонидъ Ефимовъ Романицкій удостовѣрилъ, что Павелъ Александровъ и Ѳедоръ Семеновъ жили у него съ недѣлю, а затѣмъ первый изъ нихъ поступилъ въ вагонную мастерскую при желѣзной дорогѣ, а послѣдній въ шерстомоечное заведеніе купца Алексѣева. Проживая у него, эти лица читали разныя книги и приглашали его, Романицкаго, слушать чтеніе книжекъ „О французскомъ крестьянинѣ мужичкѣ“ и „О Гришкѣ безоброчномъ“. О богатыхъ Александровъ отзывался нехорошо; такъ, напримѣръ, встрѣчая кого-либо на улицѣ въ хорошемъ пальто, говорилъ: онъ пальто укралъ, потому что не заработалъ его, укралъ у того, кто работаетъ“. Поступленіемъ Павла Александрова въ качествѣ рабочаго въ вагонную мастерскую желѣзной дороги достаточно объясняется и появленіе между рабочими этой мастерской книгъ революціоннаго содержанія. Показаніями нѣсколькихъ человѣкъ рабочихъ положительно удостовѣрено, что Александровъ раздавалъ для чтенія прокламацію: „Чтой-то братцы“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Пѣсенникъ“ и „Емельку Пугачева“, при чемъ совѣтывалъ быть осторожнѣе съ этими книгами, такъ какъ онѣ запрещенныя. По отзывамъ нѣсколькихъ лицъ, Александровъ не похожъ былъ на рабочаго, говорилъ хорошо и въ разговорахъ своихъ указывалъ рабочимъ на тяжелое ихъ положеніе и на скорое наступленіе для нихъ лучшей поры. Паспортъ, по которому Павелъ Александровъ

проживалъ, работая въ вагонной мастерской, выданный изъ Романо-Борисоглѣбскаго волостного правленія Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, 10 августа 1874 года, за № 1775, срокомъ на одинъ годъ, оказался фальшивымъ. Съ такимъ же подложнымъ видомъ Александровъ, какъ видно изъ дѣла, проживалъ и въ сентябрѣ 1875 года въ гор. Кіевѣ, въ столярной мастерской купца Кирилова, подъ именемъ крестьянина Николая Егорова, послѣ чего онъ ѣздилъ въ Одессу и, наконецъ, подъ именемъ Николая Петрова и Дмитрія Звѣрева проживалъ въ гор. Полтавѣ, гдѣ и былъ задержанъ, и гдѣ о немъ производится другое дѣло, по обвиненію его тоже въ революціонной пропагандѣ. Павелъ Александровъ, онъ же Николай Петровъ, объяснивъ, что онъ происхожденія своего не помнитъ, не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ какому-либо революціонному кружку, ни въ распространеніи революціонныхъ книгъ. По его словамъ, онъ пріѣхалъ въ Харьковъ, въ январѣ 1875 г., для пріисканія себѣ работы, купилъ себѣ у кого-то на постояломъ дворѣ за два рубля паспортъ, случайно встрѣтился съ Семеновымъ, съ которымъ и жилъ нѣкоторое время, послѣ чего поступилъ въ вагонную мастерскую и, найдя на дорогѣ двѣ книжки, изъ которыхъ одна была подъ заглавіемъ: „Откуда и куда идутъ деньги“, передалъ таковыя рабочимъ; изъ Харькова же онъ уѣхалъ потому, что нашелъ на полотнѣ дороги 1500 р. сер., на которыя и путешествовалъ по разнымъ городамъ. Изъ дѣла видно, что въ этомъ путешествіи спутницей его была дѣвица Ксенія Елисѣева, бывшая слушательница акушерскихъ курсовъ при Кіевскомъ Университетѣ. Званіе личности, именующей себя Павломъ Александровымъ и Николаемъ Петровымъ, осталось необнаруженнымъ. Харьковскій кружокъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, имѣлъ чрезъ Каблица, Чернышева и Стронскаго сношенія съ кіевскимъ кружкомъ, въ дѣлахъ котораго Коваликъ принималъ также близкое участіе. Исполняя, какъ надо полагать, порученіе Ковалика, Рабиновичъ, уѣхавъ изъ Харькова, направился въ Кіевъ, при чемъ взялъ предъ своимъ отъѣздомъ адресъ Дюкова и оставилъ въ Харьковѣ, для переписки съ нимъ, адресъ дворянина Бенецкаго, въ Кіевѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Рабиновичъ видѣлся, по его собственному показанію, съ дворянкою Екатериною Константиновною Брешковской, дворяниномъ Василіемъ Александровымъ Бенецкимъ, студентами Кіевскаго Университета Левенталями, мѣщанкою Маріею Колѣнкиною, дочерью коллежскаго регистратора Идальсью Осиповою Польгеймъ и другими лицами, фамиліи которыхъ забылъ. Въ Кіевѣ же онъ узналъ, что студентъ Университета Николай Судзиловскій уѣхалъ въ гор. Николаевскъ. Самарской губерніи. Всѣ вышеозначенныя лица принадлежали къ кіевскому революціонному кружку, носившему названіе „коммуны“ и возникшему въ сентябрѣ 1873 года слѣдующимъ образомъ: Въ январѣ 1872 года, дворянинъ Мекленбургъ-Шверинскаго Великаго Герцогства, бывшій студентъ Медико-Хирургической Академіи, а въ то время студентъ Кіевскаго Университета, Василій Ѳедоровъ Фишеръ познакомился въ студенческой столовой съ дворянкою Екатериною Брешковскою, урожденною Вериго, хорошо знакомою съ Коваликомъ, съ которымъ и онъ, Фишеръ, въ свою очередь познакомился лѣтомъ 1872 г., проживая въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, вмѣстѣ съ Брешковской, у родителей сей по-

слѣдней. Затѣмъ, встрѣтившись съ Брешковской въ Кіевѣ, въ сентябрѣ 1871 г., Фишеръ поселился съ нею, ея сестрою Ольгою Ивановой (нынѣ умершею), дворяниномъ Бенецкимъ и студентомъ Николаемъ Судзиловскимъ въ одной общей квартирѣ въ домѣ Горлова. Проживаніе означенныхъ лицъ въ домѣ Горлова подтверждается показаніемъ Фишера и выпискою изъ домовой книги. По показанію Фишера, вышедшаго въ это время изъ Университета, не окончивъ въ немъ курса наукъ, жители дома Горлова держались того убѣжденія, что, живя жизнію интеллигентныхъ людей, они живутъ въ сущности на счетъ народа, а потому и мечтали объ устройствѣ жизни такимъ образомъ, чтобы жить собственнымъ трудомъ; Брешковская же въ особенности мечтала объ устройствѣ фермы, которая могла бы служить образцомъ для другихъ и мѣстомъ, гдѣ желающіе могли бы выучиться раціональному хозяйству. Случай осуществить такія мечты, по мнѣнію коммуны, вскорѣ представился: двоюродная сестра Брешковской, Александра Ильина Филиппъ, получившая въ наслѣдство отъ дяди имѣніе Горяны, Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, и не утвержденная еще въ правахъ наслѣдства, написала въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1873 г. Брешковской письмо, въ которомъ жаловалась на свою безпомощность при приведеніи имѣнія въ порядокъ, вслѣдствіе чего Брешковская и Фишеръ рѣшили тотчасъ ѣхать въ Горяны для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ имѣнія и для устройства въ немъ, если это окажется возможнымъ, образцовой фермы. Такая первоначальная цѣль поѣздки въ Горяны, по объясненію Фишера, данному при дознаніи, вскорѣ измѣнилась и уступила мѣсто желанію воспользоваться для народнаго дѣла или доходами съ имѣнія, или капиталомъ, вырученнымъ отъ продажи Горянъ, для чего онъ, Фишеръ, и сталъ совѣтовать Брешковской взять у Филиппъ довѣренность, продать имѣніе и купить взамѣнъ его для Филиппъ другое, меньшее, воспользоваться остальными деньгами для устройства артели. Исполнить свой планъ Фишеръ однако не рѣшился и, проживъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ Горянахъ и съѣздивъ на счетъ Филиппъ въ Кіевъ и Петербургъ, въ мартѣ 1874 г. вернулся въ Кіевъ. Характеризуя свой образъ дѣйствій въ отношеніи Филиппъ, Фишеръ, при дознаніи, называлъ таковой „грязными продѣлками“ и признавалъ, что хотѣлъ „надуть Филиппъ“. По показанію Фишера, еще въ январѣ 1874 г. пріѣхалъ въ Горяны слесарь Иванъ Петровъ (Кукушкинъ, нынѣ умершій) съ письмомъ отъ Судзиловскаго и, проживъ нѣкоторое время въ Горянахъ, былъ затѣмъ помѣщенъ Фишеромъ къ помѣщику Курской губерніи Сергѣю Дмитріевичу Арцыбушеву; Брешковская же въ половинѣ января уѣхала въ Петербургъ, гдѣ и вошла въ сношенія съ мѣстными агитаторами, изъ числа которыхъ Коваликъ въ февралѣ поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, гдѣ и прожилъ нѣсколько дней въ коммунѣ, переселившейся въ то время въ домъ Леминскаго. Въ Петербургѣ Брешковская познакомилась съ женою поручика Вѣрою Павловою Рогачевою, проживавшею, по ея собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Ковалика. Рогачева же въ свою очередь познакомилась у Брешковской съ студентомъ Медико-Хирургической Академіи Лейзеромъ Абовымъ Тетельманомъ, который, какъ видно изъ его показанія, былъ знакомъ съ Брешковскою еще въ началѣ 1873 г., а съ лѣта того же года находился съ нею въ интимныхъ отношеніяхъ, и въ квар-

тирѣ котораго Брешковская жила въ С.-Петербургѣ. Въ мартѣ Брешковская отправилась обратно въ Горяны, куда вмѣстѣ съ нею поѣхалъ и бывшій студентъ Кіевскаго Университета Іосифъ Каблицъ, принадлежавшій, по показанію Рабиновича, равно какъ и Рогачева, къ кружку Чернышева, или „вспышко-пускателей“. Вслѣдъ за Брешковской и Каблицомъ пріѣхали въ Горяны Рогачева и нѣкая Цвинева, а въ іюлѣ и Тетельманъ. Проживая въ Горянахъ, всѣ эти лица находились между собою, по показанію одного свидѣтеля, въ самыхъ безцеремонныхъ отношеніяхъ; такъ, Фишеръ въ присутствіи женщинъ не стѣснялся ходить въ одномъ бѣльѣ, а Каблицъ спалъ въ одной комнатѣ съ Брешковской и Цвиневой. Цѣлью пребыванія означенныхъ лицъ у г-жи Филиппъ было, очевидно, желаніе воспользоваться ея деньгами, что несомнѣнно вытекаетъ изъ словъ, сказанныхъ впослѣдствіи Фишеромъ г-жѣ Филиппъ, а именно, что „не она была ему нужна, а ея средства, и что у нихъ была лишь цѣль получить отъ нея тысячи двѣ или три денегъ“ Рогачева не долго жила у Филиппъ и отправилась въ Кіевъ, гдѣ и поселилась въ коммунѣ, въ домѣ Леминскаго. Каблицъ и Тетельманъ тоже впослѣдствіи пріѣхали въ Кіевъ, равно какъ Брешковская и Фишеръ. Въ это время, т. е. весною 1874 г., коммуна окончательно получила характеръ революціоннаго кружка, число членовъ котораго увеличилось поступленіемъ въ него многихъ мѣстныхъ жителей, а также пріѣхавшихъ изъ Петербурга агитаторовъ. Въ числѣ послѣднихъ были: Рогачева, Каблицъ, Тетельманъ, Чернышевъ, бывшій студентъ Технологическаго института Николай Яковлевъ Стронскій съ женою Татьяною, сестрою жены Каблица, дворянинъ Алексѣй Дробышъ-Дробышевскій, бывшій студентъ Технологическаго института Константинъ Фростъ; изъ мѣстныхъ жителей членами коммуны были: студенты Кіевскаго Университета Дебагоріо-Мокріевичъ, Левенталь, Аксельроде, Лурье, дочери врача Каминеръ, слушательница акушерскихъ курсовъ мѣщанка Марія Колѣнкина, дворяне: Василій Ильясевичъ и Александръ Волькенштейнъ, сынъ священника Яковъ Стефановичъ, почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, поступившій въ члены кружка чрезъ посредство Фишера и Дебагоріо-Мокріевича, почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Горяновичъ, введенный въ кружокъ Ларіоновымъ, дочь коллежскаго регистратора Идалія Осипова Польгеймъ, введенная Аксельроде, и сельскій учитель Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, Брешковская, Фишеръ, Бенецкій и Судзиловскій, какъ сказано выше, принадлежали къ кружку съ момента его возникновенія; Коваликъ и Рабиновичъ, если не состояли членами кружка, то принимали въ дѣлахъ его весьма близкое участіе, а студентъ Кіевскаго Университета Гавріилъ Георгіевъ Божко-Божинскій имѣлъ сношенія съ кружкомъ, по всей вѣроятности, чрезъ Левенталя и Аксельроде. Коммуна, помѣщавшаяся въ домѣ Леминскаго и перешедшая впослѣдствіи въ домъ Манкутевича, затѣмъ на Соломенку, въ домъ Сорокопуда, играла роль штабъ-квартиры кружка. Нѣкоторые изъ членовъ послѣдняго имѣли постоянное мѣстожительство въ коммунѣ, прочіе же приходили въ нее, какъ въ сборный пунктъ, въ которомъ кромѣ того всегда могли найти пристанище. Въ домѣ Леминскаго, по показаніямъ Ларіонова, Идаліи Польгеймъ и Стронскаго, жили постоянно: Брешковская, Ларіоновъ, Польгеймъ, Фростъ, Стронскій, Рогачева и Колѣнкина;

въ домѣ Манкутевича, по показанію Гориновича и Ларіонова, постоянно пребывали: Ларіоновъ, Гориновичъ, Идалія Польгеймъ и Дробышъ-Дробышевскій; на Соломенкѣ, по удостовѣренію Гориновича, жили: онъ, Гориновичъ, и Дробышевскій, а въ домѣ Сорокопуда — Дробышевскій, Фростъ и Стронскій; Ларіоновъ же и Польгеймъ, когда коммуна перешла на Соломенку, поселились отдѣльно въ домѣ Бирюкова. Въ домѣ Леминскаго проживали еще временно родственницы Брешковской—Вѣра Вериго и Александръ Филиппъ и нѣкто Ильницкій. Что кіевскій кружокъ вообще и квартиры въ домахъ Леминскаго, Манкутевича и др. въ особенности, дѣйствительно носили названіе „коммуны", это подтверждается показаніями Ларіонова, Гориновича, Идаліи Польгеймъ, Бенецкаго и другихъ лицъ, а также имѣющимися при дѣлѣ письмами Вѣры Вериго. По показанію Ларіонова, кіевскій кружокъ держался идей Бакунина, изложенныхъ въ книгѣ „Государственность и Анархія", т. е. отрицанія „всякой" формы государственнаго управленія, всякаго авторитета, собственности и семейнаго союза; по словамъ же Гориновича —кружокъ имѣлъ цѣлью, посредствомъ соціально-революціонной пропаганды въ народѣ, возбудить таковой къ возстанію, ниспровергнуть путемъ революціи Верховную Власть и водворить анархію. Такія показанія Ларіонова и Гориновича находятъ себѣ подтвержденіе въ показаніи Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей, что изъ разговоровъ лицъ, проживавшихъ въ д. Леминскаго, а также лицъ, туда приходившихъ, она поняла, что лица эти составляютъ общество, задавшееся цѣлью устроить переворотъ въ политическомъ и соціальномъ строѣ Россіи, что должно было сопровождаться перерѣзаніемъ всѣхъ чиновниковъ и зажиточныхъ людей. Какъ выше сказано, средствомъ для осуществленія своего идеала анархіи кружокъ признавалъ пропаганду въ народѣ революціонныхъ идей. Для успѣшнаго веденія пропаганды кружкомъ были пріобрѣтены: а) крестьянскіе костюмы, хранившіеся у Ларіонова, какъ это видно изъ собственнаго показанія; б) географическія карты юго-западныхъ губерній—Кіевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Харьковской и Екатеринославской, съ которыми нѣкоторые изъ членовъ коммуны были впослѣдствіи задержаны и которыя Идалія Польгеймъ наклеивала, по ея собственнымъ словамъ, на коленкоръ, по приказанію Ларіонова; в) книги революціоннаго содержанія, доставлявшіяся, по показанію Гориновича, изъ-за границы контрабандистами, что подтверждается найденною при обыскѣ у Ильясевича запиской, въ которой, какъ оказалось по собраннымъ свѣдѣніямъ, упоминаются фамиліи контрабандистовъ, занимающихся перевозкою черезъ границы книгъ революціоннаго содержанія и означенъ путь, которымъ можно перейти границу близъ м. Радзивилова; часть этихъ книгъ, по показанію Идаліи Польгеймъ, хранилась у нея; фальшивые паспорты для хожденія въ народъ дѣлались самими членами коммуны: Ларіоновымъ, Стефановичемъ, Гориновичемъ и Фишеромъ, въ чемъ они сознались, печати же волостныхъ правленій, прикладывавшіяся къ паспортамъ, были вырѣзаны Фишеромъ, чего послѣдній также не отрицаетъ. Печати хранились у Бенецкаго въ имѣніи, а затѣмъ, какъ видно изъ показанія Бенецкаго, были имъ переданы Дебагоріо-Мокріевичу. Для письменныхъ сношеній между собою члены кружка употребляли шифръ; такихъ шифровъ было нѣсколько: такъ, Бенецкому, какъ онъ показалъ при дознаніи, были

извѣстны два шифра: одинъ по русско-французскому лексикону Рейфа, и другой, состоящій изъ циническихъ словъ, т. е. шифръ Ковалика, а Польгеймъ и Ларіоновъ употребляли шифръ по Евангелію, какъ это видно изъ показанія Польгеймъ и письма, написаннаго ею къ своему отцу, а также изъ показанія Ларіонова. Кромѣ сего, члены кружка употребляли шифръ, ключомъ къ которому служила, по показанію Рабиновича, одна изъ молитвъ—„Отче нашъ“ или „Богородица“, каковымъ шифромъ было писано письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ Ковалику или доктору Кадьяну, по адресу Штемпелина, при письмѣ его, Рабиновича, подписанномъ „Мими“. Послѣдній шифръ, а также шифръ по Евангелію, были извѣстны и Гориновичу. Денежныя средства коммуны были довольно ограничены. На удовлетвореніе потребностей ежедневной жизни обитателей домовъ Леминскаго, Манкутевича и друг. деньги собирались, по показанію Ларіонова, съ лицъ, жившихъ въ коммунѣ, при чемъ каждый вносилъ сколько могъ; отправлявшихся въ народъ снабжали деньгами, по показанію Гориновича, въ небольшомъ количествѣ Дебагоріо-Мокріевичъ и Стронскій. Бенецкій, одинъ изъ состоятельныхъ членовъ кружка, поддерживалъ таковой денежными пособіями, какъ это видно изъ одного письма Вѣры Вериго, въ которомъ она пишетъ изъ Кіева, во время проживанія своего въ домѣ Леминскаго: „Вася Бенецкій вчера пріѣхалъ изъ деревни, привезъ намъ провизіи и денегъ“. По словамъ Гориновича Ильясевичъ также давалъ деньги на содержаніе кружка. Независимо отъ сего, какъ видно изъ показанія Ларіонова, даннаго при дознаніи, кружокъ получалъ деньги изъ Петербурга, о чемъ разсказывалъ Ларіонову, между прочимъ, Дебагоріо-Мокріевичъ, и какъ Ларіоновъ слышалъ, деньги были присланы въ количествѣ 500 р. Такое показаніе Ларіонова находитъ себѣ подтвержденіе, во 1-хъ, въ письмѣ Каблица къ Вѣрѣ Вериго, отъ 2 января, въ которомъ Каблицъ, между прочимъ, пишетъ: „Вы знаете, что я весною прошлаго года одолжилъ Катѣ (т. е. Екатеринѣ Брешковской) 500 р., вы, вѣроятно, слышали отъ нея, что эти деньги не суть личная собственность, а назначены на „общественныя нужды“ . . . я считалъ себя въ правѣ дать взаймы 500 р. с., потому что думалъ, что деньги пойдутъ „на общественныя нужды“, и во 2-хъ, въ показаніи Рабиновича, удостовѣряющаго, что онъ оставилъ въ Кіевѣ „немного денегъ“. Несмотря, однако, на такія субсидіи, кружокъ вообще и члены его въ отдѣльности, почти постоянно нуждались въ деньгахъ. Такъ, Вѣра Вериго въ одномъ изъ своихъ писемъ писала: „пришли денегъ съ первою почтой, а то у меня нѣтъ ни гроша и у коммуны тоже, а позавчера нужно было платить за квартиру“, а Ларіоновъ, въ письмѣ къ студенту Блюменфельду, прося одолжить отъ 35 до 50 р. „не на бонбошки, а на дѣло“, присовокуплялъ, что „или лично я, или кто другой тебѣ эти деньги во всякомъ случаѣ возвратитъ“. Въ виду такой нужды въ деньгахъ, члены кружка были постоянно заняты изыскапіемъ средствъ къ улучшенію какъ своихъ финансовъ, такъ и финансовъ коммуны. Для этой цѣли старались, какъ изложено выше, добыть тѣмъ или другимъ путемъ, двѣ-три тысячи рублей отъ г-жи Филиппъ; для той же цѣли, какъ показала Польгеймъ при дознаніи, „сильно обирали“ нѣкоего Осмоловскаго. Не довольствуясь и этимъ, члены кружка шли дальше; по показанію Гориновича, Ларіоновъ предлагалъ ему

поступить въ почтальоны на тотъ конецъ, чтобы въ случаѣ перевозки большой суммы денегъ увѣдомить его объ этомъ, а онъ съ товарищами ограбитъ почту; по словамъ Идаліи Польгеймъ, Ларіоновъ, а какъ она показывала при дознаніи, вмѣстѣ съ нимъ Фростъ и Стронскій, предлагали ей сдѣлаться любовницею какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобъ обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка. Фишеръ, по показанію Рогачевой, находящему себѣ подтвержденіе въ показаніи Филиппъ, въ Горянахъ сломалъ замокъ у сундука Филиппъ, взялъ оттуда шубы и заложилъ таковыя, говоря, что это ничего не значитъ, такъ какъ шубы будутъ потомъ возвращены, а изъ показаній Ильясевича и Идаліи Польгеймъ, данныхъ при дознаніи, оказывается, что въ отсутствіе Ильясевича изъ квартиры его были унесены всѣ его вещи, и что это было сдѣлано Аксельроде, который послѣ того къ Ильясевичу болѣе не приходилъ. У многихъ изъ членовъ кружка были особыя прозвища или клички, часто встрѣчающіяся въ приложенной къ дѣлу перепискѣ агитаторовъ. Такъ, по показанію Ларіонова, Стронскаго, Дробышъ-Дробышевскаго, Идаліи Польгеймъ и отчасти Гориновича, носили прозвища: Рогачева — Дуньки, Стронская—Таньки, Стефановичъ—Степана и сына Брешковской, Брешковская — Кати, Стронскій и Гориновичъ — Николки, Колѣнкина — Маши, Дебагоріо-Мокріевичъ—Мокриды и Владиміра, Каблицъ—Дѣдушки и Бенецкій—Васьки; Тетельманъ, какъ можно заключить изъ его показанія о томъ, что онъ далъ свой адресъ Колѣнкиной въ Одессу на имя „Коли“, носилъ это послѣднее прозвище. По словамъ Стронскаго, вышеозначенныя прозвища были „ласкательными именами“, употреблявшимися въ видѣ протеста противъ всего привилегированнаго и свойственныхъ послѣднему приличій. Несмотря, однако, на такое употребленіе членами коммуны между собою „ласкательныхъ именъ“, миръ и согласіе не всегда царствовали между ними. Изъ показанія Идаліи Польгеймъ оказывается, что сходки членовъ коммуны оканчивались въ большинствѣ случаевъ ссорами и драками, что подтвердилъ при дознаніи и Бенецкій, слышавшій о дракѣ на вилкахъ между Каблицомъ и Фишеромъ и удостовѣрявшій, что члены коммуны не довѣряли другъ другу и дѣйствовали безъ единодушія, а часто даже и не совсѣмъ честно; впрочемъ, по словамъ Идаліи Польгеймъ, эти ссоры и драки оканчивались довольно благополучно—онѣ разрѣшались общею попойкой. Послѣ этихъ попоекъ, какъ надо полагать, и происходили тѣ сцены, свидѣтелями которыхъ были Бенецкій и Ильясевичъ, какъ видно изъ ихъ показаній, данныхъ при дознаніи, и о которыхъ со словъ Фишера показывалъ при слѣдствіи свидѣтель Юрьевъ. По словамъ Бенецкаго, въ домѣ Леминскаго случалось, что спали въ повалку двѣ-три пары мужчинъ и женщинъ, между которыми были дѣвицы Каминеръ, Левенталь и Аксельроде; Ильясевичъ, придя однажды, по приглашенію Аксельроде, въ коммуну часовъ въ 10 утра, засталъ спящими въ повалку паръ пять-шесть женщинъ и мужчинъ въ грязной и вонючей комнатѣ, среди разбросанныхъ кусковъ кожи и инструментовъ сапожнаго ремесла, свидѣтелю же Юрьеву Фишеръ разсказывалъ, что онъ жилъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими студентами и женщинами, что мужчины спали въ перемежку съ женщинами и что отношенія ихъ между собой были совершенно свободныя, на что Юрьевъ отвѣтилъ Фишеру, что это у нихъ былъ вертепъ

разврата. Къ осени 1874 года, когда началось преслѣдованіе членовъ кружка и нѣкоторые изъ нихъ были арестованы, въ коммунѣ проявилось весьма сильное возбужденіе и, какъ видно изъ показаній Ларіонова, Гориновича и Идаліи Польгеймъ, было рѣшено противопоставить мѣрамъ правительства собственныя мѣры устрашенія, терроризировать, такъ сказать, правительство, пустивъ въ ходъ пожары, синильную кислоту, нитроглицеринъ и револьверы. Съ этою цѣлью Стронскій пріобрѣлъ, по удостовѣренію Ларіонова, значительное количество морфія и хлороформа, каковыя вещества и оказались у нѣкоторыхъ членовъ коммуны при ихъ задержаніи, и пробовалъ гнать синильную кислоту; Ларіоновъ же запасся свѣдѣніями о способѣ приготовленія нитроглицерина, каковыя свѣдѣнія и занесъ въ свою записную книжку; Рогачева пріобрѣла револьверъ и, какъ показывалъ о томъ на дознаніи Гориновичъ, собираясь ѣхать въ Петербургъ, говорила, что совершитъ что-то ужасное, а именно, какъ разсказывали Ларіонову, о чемъ онъ показывалъ при дознаніи, она хотѣла явиться къ шефу жандармовъ и выстрѣлить въ него. Вышеописанные преступные замыслы не были, однако, приведены въ исполненіе, но дальнѣйшій образъ дѣйствій успѣвшихъ скрыться отъ преслѣдованія агитаторовъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не раскаяніе остановило членовъ коммуны. 11-го іюня 1876 года коммунистами было совершено преступленіе, доказавшее, на какія страшныя злодѣянія они способны. Означеннаго числа, въ гор. Одессѣ, на Конной площади, вблизи вокзала желѣзной дороги, былъ найденъ лежащимъ съ пробитою головой Николай Елисѣевъ Гориновичъ, облитый сверхъ того сѣрною кислотой, а около него оказалась записка со слѣдующими словами: „такова участь шпіона“. Приведенный въ сознаніе Гориновичъ объяснилъ, что покушеніе на его жизнь сдѣлано агитаторами, въ числѣ которыхъ былъ Яковъ Стефановичъ (носившій въ коммунѣ прозвище Степана и сына Брешковской), давшій сигналъ къ убійству. Гориновичъ, у котораго вытекли глаза и отвалились сожженные сѣрною кислотой носъ и одно ухо, остался живъ вопреки всякимъ ожиданіямъ. Покушеніе на убійство Гориновича заслужило полнѣйшее одобреніе лицъ, именующихъ себя „русскими революціонерами“. Издаваемый за границей органъ послѣднихъ „Набатъ“ (№ 10, сентября 1876 года), сообщивъ о преступленіи 11-го іюня, воскликнулъ: „По дѣломъ ему! почаще такія расправы. Надѣвайте шпіонамъ такія маски, какъ теперь на Гориновичѣ!“ Такова основанная на показаніяхъ самихъ обвиняемыхъ общая характеристика кіевской коммуны, ея цѣлей, нравовъ, дѣятельности и принциповъ, ее одушевлявшихъ; въ отношеніи же каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности дознаніемъ и слѣдствіемъ обнаружены нижеслѣдующія данныя: Стронскій принадлежалъ въ Петербургѣ, по показанію Рабиновича, къ кружку Чернышева, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Гриценкова, удостовѣряющаго, что Стронскій былъ хорошо знакомъ съ Чернышевымъ, съ которымъ и приходилъ въ квартиру Блавдзевичъ, гдѣ бывалъ и Фростъ. Въ началѣ лѣта 1874 года Стронскій со своею женой отправился въ Кіевъ съ цѣлью, какъ онъ объяснилъ при слѣдствіи, побывать въ народѣ, чтобы убѣдиться, насколько вѣрны положенія книги „Государственность и Анархія“ о томъ, что русскій народъ стремится къ безвластію и недоволенъ существующими порядками. По рекомендаціи Чернышева, Стронскій

помѣстился, по его собственнымъ словамъ, въ домѣ Леминскаго, гдѣ прожилъ недѣли три, а затѣмъ, оставивъ жену въ Кіевѣ, уѣхалъ съ Чернышевымъ въ Лубенскій уѣздъ, къ отцу въ имѣніе, при чемъ отъ станціи Ржищево до памятника Шевченко онъ и Чернышевъ шли пѣшкомъ въ полупростонародныхъ костюмахъ. Лѣтомъ того же 1874 года Стронскій ѣздилъ съ Чернышевымъ въ хуторъ Колесниковой, гдѣ проживали, какъ изложено выше, члены харьковскаго кружка Максимовъ и Колюжный, при чемъ, на основаніи уже изложенныхъ данныхъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что сойдясь въ хуторѣ Колесниковой съ харьковскими агитаторами, Стронскій и Чернышевъ вмѣстѣ съ ними занимались пропагандою. Изъ показанія самого Стронскаго оказывается, что во время пребыванія его въ Полтавской губерніи у него были революціонныя книги, такъ какъ онъ призналъ, что передалъ въ гор. Полтавѣ своему товарищу по Технологическому Институту Кочанову „Государственность и Анархія“ и „Что дѣлается на родинѣ“ съ цѣлью, какъ онъ выразился, поддержать Кочанова въ нравственномъ отношеніи, ибо замѣтилъ въ немъ задатки будущаго кулака. Возвратившись въ Кіевъ, Стронскій засталъ коммуну уже переселившеюся въ домъ Сорокопуда, гдѣ проживали, по показанію Гориновича, Дробышъ - Дробышевскій, Фростъ и братъ жены Стронскаго, Щукинъ, и куда приходили Гориновичъ, Ларіоновъ, Дебагоріо-Мокріевичъ, Стефановичъ, Фишеръ, Татьяна Стронская и Вѣра Рогачева. По возвращеніи своемъ въ Кіевъ, узнавъ отъ Стефановича объ арестѣ Лурье, у котораго были найдены адресы Колѣнкиной и Брешковской, Стронскій рѣшилъ, какъ видно изъ его показанія, освободить Брешковскую и Колѣнкину, если таковыя арестованы, для чего и пріобрѣлъ хлороформъ и морфій съ цѣлью усыпить посредствомъ этихъ веществъ охраняющій арестантокъ конвой; вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ Стронскаго, имъ были пріобрѣтены, единственно съ цѣлью испытать свои способности по химіи, вещества, изъ которыхъ можно добывать что-то вродѣ синильной кислоты; но такое объясненіе Стронскаго опровергается изложенными выше показаніями нѣсколькихъ лицъ, удостовѣряющихъ, что коммуна хотѣла терроризировать правительство поджогами и убійствами, и что для этой цѣли Стронскій гналъ синильную кислоту и были пріобрѣтены морфій, хлороформъ и рецепты для добыванія взрывчатыхъ веществъ, какъ, напримѣръ нитроглицерина. Въ это же время, какъ видно изъ показанія Гориновича, Стронскій снабдилъ его деньгами, какъ лицо, уходившее въ народъ съ Ларіоновымъ, при чемъ, какъ удостовѣрилъ Гориновичъ, Стронскій далъ ему деньги послѣ того, какъ онъ сказалъ ему, что идетъ въ народъ съ цѣлью пропаганды. Вскорѣ затѣмъ Стронскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ арестованъ. Несмотря на все вышеизложенное, Стронскій не призналъ себя виновнымъ. Рогачева, по ея собственному показанію, будучи еще въ III классѣ Орловской гимназіи, поставила себѣ цѣлью быть полезною народу и трудиться вмѣстѣ съ нимъ; изъ гимназіи она вышла, не окончивъ курса, по случаю выхода замужъ за отставного поручика Дмитрія Рогачева и стала заниматься собственнымъ своимъ развитіемъ, читая книги и вращаясь въ средѣ молодежи, разсужденія которой о равенствѣ и любви къ ближнимъ, а также о поднятіи умственно-нравственнаго уровня народа и необходимости революціи произвели на нее сильное впечатлѣніе.

Въ концѣ 1873 г. Рогачева была арестована по дѣлу о революціонной дѣятельности ея мужа, при чемъ у нея была отобрана книга „Исторія развитія интернаціонала“. Освобожденная въ февралѣ 1874 г. Рогачева поступила подъ именемъ Авдотьи Даниловой въ работницы на прядильную фабрику Ламздорфа, на Охтѣ, гдѣ, какъ оказывается по показанію одного свидѣтеля и по справкѣ, наведенной въ табеляхъ мастеровъ фабрики, проработала около недѣли, а затѣмъ скрылась, не получивъ расчета. Въ это же время Рогачева, принадлежа, по показаніямъ Рабиновича и Гриценкова, къ кружку Чернышева и Каблица, бывала съ Тетельманомъ въ квартирѣ Блавдзевичъ, познакомилась, по ея собственному показанію, съ Брешковскою, пріѣхавшею изъ Витебской губерніи, и вскорѣ отправившись въ Горяны, гдѣ, какъ изложено выше, и проживала до отъѣзда въ Кіевъ и поселенія въ коммунѣ въ домѣ Леминскаго. Въ Кіевѣ Рогачева разказывала, по удостовѣренію Гориновича, о своей успѣшной дѣятельности въ Горянахъ, благодаря которой она довела одну крестьянскую дѣвушку до сознанія необходимости истребленія „пановъ“; проживая же въ Кіевѣ, Рогачева ходила работать, по ея собственнымъ словамъ, съ Татьяною Стронскою на монастырскіе огороды, а съ Софьею Каминеръ въ д. Хатово, гдѣ ее навѣщалъ Аксельроде; отправляясь на эти работы, Рогачева брала съ собою, по показанію Гориновича, „Сказку о 4-хъ братьяхъ“ и „Стеньку Разина“. Пріобрѣтеніе револьвера Рогачева признала, объяснивъ, что таковой былъ ею купленъ съ цѣлью огражденія себя отъ опасностей во время путешествій по селеніямъ, въ которыхъ она работала. Осенью 1874 года Рогачева уѣхала изъ Кіева и была задержана въ Петербургѣ, гдѣ, по обыску, произведенному въ ея квартирѣ, были найдены: III томъ (заграничнаго изданія) Чернышевскаго, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, „Лѣтописи рабочаго движенія“ изъ I и II тома журнала „Впередъ“, „Отщепенцы“, статья „Знаніе и революція“ изъ I тома журнала „Впередъ“ и двѣ рукописи: одна подъ заглавіемъ „Введеніе“, а другая „Предисловіе къ первому изданію“. Рогачева признала себя виновною лишь въ имѣніи революціонныхъ книгъ. Гориновичъ, сознавшійся въ принадлежности къ тайному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, объяснилъ, что онъ ходилъ въ народъ два раза: въ первый разъ—съ Дробышъ-Дробышевскимъ съ цѣлью пропаганды, а второй—съ Ларіоновымъ съ цѣлью скрыться и избѣгнуть ареста. Отправляясь въ народъ съ Добрышевскимъ, они запаслись подложными видами на жительство и взяли съ собою книги, а именно: четыре экземпляра „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Стеньку Разина“ въ прозѣ и стихахъ, „Отщепенцевъ“ и „Пѣсенникъ“; деньги на дорогу, десять рублей с., далъ Дебагоріо-Мокріевичъ. Пропаганда должна была состоять, по словамъ Гориновича, въ томъ, чтобы передать крестьянамъ содержаніе означенныхъ выше книгъ и тѣмъ возбудить ихъ къ возстанію противъ верховной власти и раздѣленію земли поровну. Дойдя до мѣстечка Шпалы, они работали тамъ на сахарномъ заводѣ, но весьма непродолжительное время, и должны были уйти, не успѣвъ сблизиться ни съ кѣмъ изъ рабочихъ. Отправляясь въ народъ съ Ларіоновымъ, онъ, Гориновичъ, получилъ деньги на дорогу отъ Стронскаго; въ этотъ разъ онъ книгъ не бралъ, а таковыя были у Ларіонова, взявшаго съ собою: „Исторію одного французскаго крестьяни-

на", „Пѣсенникъ", „Сказку о 4-хъ братьяхъ", „Отщепенцевъ" и др.; кромѣ сего Ларіоновъ запасся англійскими пилками, хлороформомъ и морфіемъ. Черезъ мѣстечко Ружинъ они направились на станцію желѣзной дороги Казатинъ, работали тамъ весьма недолго, а затѣмъ пошли назадъ въ Кіевъ, черезъ Ружинъ, гдѣ и были задержаны. При задержаніи Гориновичъ назвался крестьяниномъ Михалюкомъ и предъявилъ подложный паспортъ на имя Михалюка, но при немъ было найдено свидѣтельство Кіевской гимназіи на имя Гориновича, и онъ долженъ былъ открыть свое настоящее званіе. Дробышъ-Дробышевскій, не отвергая того, что ходилъ съ Гориновичемъ въ мѣстечко Шпалы и работалъ тамъ на заводѣ, пояснилъ, что сначала онъ дѣйствительно хотѣлъ пропагандировать на заводѣ, но отъ этого намѣренія вскорѣ отказался. Затѣмъ, отвергая существованіе революціоннаго кружка въ гор. Кіевѣ, Дробышевскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ. Такое показаніе Дробышевскаго опровергается, однако, какъ вышеизложеннымъ показаніемъ Гориновича, такъ и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла: по объясненію Гориновича, Дробышевскій находился въ сношеніяхъ съ петербургскими агитаторами Артамоновымъ и Сидорацкимъ, что представляется вполнѣ правдоподобнымъ, такъ какъ Дробышевскій жилъ въ Петербургѣ, по его собственнымъ словамъ, на одной квартирѣ съ Фростомъ, а по показанію Теплова проживалъ нѣкоторое время въ общей квартирѣ Давыда Аитова, Теплова, Усачева, Нефедова, Сидорацкаго, Голоушева и др. Независимо отъ сего, есть основаніе полагать, что и шифрованное письмо, полученное Рабиновичемъ изъ Кіева и пересланное имъ въ Николаевскъ по адресу Штемпелина, писано Дробышевскимъ; основаніями къ этому представляются, во-1-хъ, заявленіе Рабиновича о томъ, что письмо это писано, по его мнѣнію, Дробышевскимъ; во-2-хъ, заключеніе экспертовъ о томъ, что почеркъ, коимъ писано это письмо, имѣетъ нѣкоторое сходство съ безспорнымъ почеркомъ Дробышевскаго и, въ-3-хъ, совпаденіе времени пребыванія Дробышевскаго, по его собственному показанію, въ Жмеринкѣ со временемъ, когда и авторъ письма былъ въ этой мѣстности, а именно: письмо помѣчено 4-мъ іюля и изъ него видно, что лицо, писавшее его, пробыло въ Жмеринкѣ двѣ недѣли и недавно вернулось въ Кіевъ; Дробышевскій же, какъ видно изъ его показаній, пріѣхалъ въ Кіевъ 12-го іюня, затѣмъ чрезъ нѣсколько дней поѣхалъ въ Жмеринку съ цѣлью заработать себѣ средства къ жизни физическимъ трудомъ и, вернувшись въ Кіевъ, поселился въ домѣ Манкутевича, пробывъ въ Жмеринкѣ лишь нѣсколько дней. Такимъ образомъ, оказывается, что и Дробышевскій и авторъ письма были въ Жмеринкѣ во второй половинѣ іюня. Окончаніе означеннаго письма слѣдующее: „ . . меня можно найти . . . въ домѣ Манкутевича, спросить Ларіонова, если меня не будетъ, то у него можно узнать, гдѣ я". Въ половинѣ августа Дробышевскій ѣздилъ въ с. Плиски, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у мѣстнаго сельскаго учителя, т. е. у Трезвинскаго, отъ котораго возвратился въ Кіевъ вмѣстѣ съ сельскимъ учителемъ Ходько; выйдя въ Кіевѣ изъ вагона, Дробышевскій бросился бѣжать въ противоположную отъ пассажирской платформы сторону, но былъ задержанъ жандармомъ. Содержась подъ стражею въ полицейскомъ домѣ 1 части гор. Нѣжина, Дробышевскій, по показанію мѣщанина посада Климова, Черниговской гу-

берніи. Смирнова, арестованнаго за неимѣніе письменнаго вида и содержавшагося въ одной камерѣ съ Дробышевскимъ и Трезвинскимъ, объяснилъ ему, Смирнову, что онъ государственный преступникъ, принадлежащій къ обществу, стремящемуся сдѣлать всѣхъ равными; что членовъ этого общества много въ Петербургѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Херсонѣ и Николаевѣ; что они дѣйствуютъ на народъ, ходя по деревнямъ; что теперь уже весь чернорабочій народъ Кіевской губерніи и многіе въ Петербургѣ согласны съ ними; что около Петербурга уже строятся погреба для склада оружія; что, хотя у нихъ теперь денегъ немного, но они намѣрены ограбить почту, которая ходитъ изъ Кіева, и что 4-го октября будетъ въ Петербургѣ собраніе ихъ единомышленниковъ, на которомъ будетъ много лицъ, пріѣзжихъ изъ-за границы. По словамъ того же Смирнова, Дробышевскій разговаривалъ съ Трезвинскимъ о какомъ-то ихъ единомышленникѣ „Васѣ“, живущемъ въ своемъ имѣніи около Бобрина; у этого „Васи“, какъ говорили Дробышевскій и Трезвинскій, хранилось много книгъ, которыя членами общества распространяются въ народѣ, и у него же, т. е. у „Васи“, каждый изъ нихъ можетъ найти безопасный пріютъ. Наконецъ, Дробышевскій предложилъ Смирнову вступить въ ихъ общество, и когда Смирновъ согласился, то Дробышевскій обѣщалъ достать ему фальшивый паспортъ, дать денегъ и снабдилъ его четырьмя записками, съ которыми Смирновъ и долженъ былъ обратиться къ разнымъ лицамъ, а именно: отыскать сперва въ Кіевѣ, по указанному въ одной запискѣ адресу, Чернышева, который указалъ бы ему своего брата Ивана, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, помогъ бы Смирнову отыскать лицъ, о которыхъ говорится въ запискахъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Смирновъ представилъ четыре записки, писанныя карандашомъ, слѣдующаго содержанія: а) Николай Ѳедоровичъ Чернышевъ, въ Лебедской части, собст . . .“ „Николай Ѳедоровичъ, покорнѣйше прошу васъ указать этому человѣку, гдѣ живетъ Владиміръ, Николка, Таня, Л—въ или вообще кто-нибудь изъ нашихъ, чтобъ онъ могъ тамъ остановиться. Имѣйте къ нему полное довѣріе. А. Д. Маруська Л—ва непремѣнно въ Кіевѣ; если вы знаете, гдѣ она живетъ, укажите ея квартиру. Если вы знаете, гдѣ живетъ Ильясевичъ, то спросите у него, гдѣ живутъ наши. можетъ быть, онъ знаетъ. Можетъ быть, въ Кіевѣ Катя. Во всякомъ случаѣ постарайтесь кого-нибудъ отыскать. Можетъ быть, Иванъ въ Кіевѣ, укажите его. А. Д.“ б) „Спросить Николая Ѳедоровича, а у Николая Ѳедоровича спроситъ про Ивана, Владиміру, Степану или кому-либо изъ тому подобныхъ. Прошу васъ достать, во что бы то ни стало, паспортъ этому человѣку и, если нужно будетъ, сколько можете денегъ. А. Д.“ в) „Степану, Владиміру, Танѣ, Николкѣ или кому-либо изъ тому подобныхъ. Имѣйте съ этому человѣку полное довѣріе и постарайтесь поближе познакомить его къ нашимъ дѣломъ. Это человѣкъ изъ рѣдкихъ. А. Д.“ г) „Василій Александровичъ Бенецкій, имѣйте полное довѣріе къ этому человѣку и укажите ему какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ. А. Д.“ По поводу этихъ записокъ Дробышевскій объяснилъ сначала, что таковыя дѣйствительно писаны имъ и были имъ же переданы Смирнову, впослѣдствіи же отъ такого показанія отказался, давъ тѣмъ не менѣе подробныя разъясненія по поводу этихъ записокъ. Такъ, по словамъ

Дробышевскаго, записки писаны „нѣсколько безтолково, потому что онъ былъ нездоровъ, когда писалъ таковыя". Смирновъ принималъ въ немъ большое участіе, и онъ, желая получить отъ своихъ знакомыхъ помощь, хотѣлъ доставить имъ свѣдѣнія о себѣ чрезъ Смирнова, которому и далъ адресъ Чернышева, потому что полагалъ, что его знакомые не жили уже въ то время въ домѣ Манкутевича. По показанію Дробышевскаго: Владиміръ—это Дебагоріо-Мокріевичъ, Николай—Гориновичъ, Татьяна—Татьяна Стронская, Л—въ—Ларіоновъ, Маруська Ларіонова—Идалія Польгеймъ-Катя — Брешковская, Степанъ — Стефановичъ; слова „познакомить его съ нашимъ дѣломъ" слѣдуетъ по объясненію Дробышевскаго, читать такъ: „познакомиться отъ него съ моимъ дѣломъ», а выраженіе „познакомить его съ нашими людьми" слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Смирнова слѣдовало познакомить съ лицами, съ которыми онъ, Дробышевскій, жилъ и которымъ Смирновъ могъ бы доставить о немъ свѣдѣнія; что же касается показанія Смирнова о всемъ слышанномъ имъ отъ Дробышевскаго, то сей послѣдній призналъ таковое несправедливымъ, при чемъ пояснилъ, что просьба, обращенная къ его знакомымъ о снабженіи Смирнова деньгами, была вызвана желаніемъ доставить Смирнову, въ видѣ вознагражденія за оказанную услугу, возможность выправить себѣ видъ на жительство. Несмотря на такое объясненіе Дробышевскаго, показаніе Смирнова, не допрошеннаго при слѣдствіи за неразысканіемъ его, представляется вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ, во-1-хъ, написаніе Дробышевскимъ представленныхъ Смирновымъ записокъ подтверждается письмомъ отца Идаліи Польгеймъ къ Екатеринѣ Брешковской, писаннымъ во время содержанія ихъ обѣихъ подъ стражею въ гор. Нѣжинѣ, въ каковомъ письмѣ Польгеймъ спрашиваетъ Брешковскую, извѣстно ли ей содержаніе перехваченнаго письма Дробышевскаго; во-2-хъ, потому что нѣкоторыя изъ указанныхъ Смирновымъ обстоятельствъ находятъ себѣ подтвержденіе въ дѣлѣ и могли сдѣлаться ему извѣстными лишь отъ лица, принадлежавшаго къ коммунѣ. Такъ, изъ показаній Идаліи Польгеймъ, Гориновича и др. лицъ видно, что въ коммунѣ дѣйствительно говорили объ имѣющемъ быть въ Петербургѣ, 4 го октября 1874 г., съѣздѣ русскихъ агитаторовъ и эмигрантовъ, о чемъ Гориновичъ слышалъ отъ Мокріевича; на этотъ съѣздъ, по словамъ Гориновича, предполагалъ ѣхать Дробышевскій; разговоры объ ограбленіи почты, какъ изложено выше, тоже происходили въ коммунѣ, а имѣніе Бенецкаго, носившаго кличку Васьки, какъ видно изъ показанія, даннаго при его дознаніи, дѣйствительно находится въ разстояніи всего 12 верстъ отъ станціи Бобрики; сверхъ сего, дополнительное показаніе Смирнова, въ которомъ онъ удостовѣряетъ, что Дробышевскій, по словамъ сего послѣдняго, при задержаніи его объяснилъ, что онъ до этого времени жилъ въ Петербургѣ, вполнѣ подтверждается протоколомъ, въ которомъ изложены объясненія Дробышевскаго, данныя имъ тотчасъ послѣ его задержанія. Кромѣ всего нижеизложеннаго, изъ показанія Гориновича оказывается, что Дробышевскій, какъ онъ самъ о томъ ему разсказывалъ, проживая въ Петербургѣ, занимался доставкою въ Артиллерійское училище запрещенныхъ книгъ. Ларіоновъ ввелъ Гориновича, по словамъ сего послѣдняго, въ коммуну, убѣждалъ его въ необходимости улучшенія нынѣ существующаго государственнаго строя пу-

темъ революціи, т. е. путемъ поголовнаго возстанія противъ верховной власти, вызваннаго посредствомъ распространенія въ народѣ возмутительныхъ книгъ и идей, въ доказательство чего давалъ ему читать книги: „Отщепенцы“, „Государственность и Анархія“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, а также другія мелкія книги и журналъ „Впередъ“. Какъ видно изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ дѣла, Ларіоновъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ коммуны, онъ составлялъ подложные виды на жительство, вырѣзывалъ фальшивыя печати, заботился о пріобрѣтеніи денежныхъ средствъ для кружка, для чего составлялъ предположенія объ ограбленіи почты, отравленіи одного курскаго помѣщика и т. д., хранилъ у себя крестьянскіе костюмы, въ которыхъ агитаторы отправлялись на пропаганду, ходилъ въ народъ и, какъ видно изъ письма, отобраннаго у студента Блуменфельда, занимался вербовкою новыхъ членовъ кружка. Въ этомъ письмѣ Ларіоновъ, между прочимъ, пишетъ: „...Мнѣ одному изъ смертныхъ пришлось дѣйствительно обрѣсти микроскопическій уголокъ этого рая, это полное „дивнаго огня“ правды и честности дѣло (понимай сію аллегорію)... Будучи въ Кременчугѣ, я хотѣлъ было ѣхать въ Одессу, гдѣ и начать работать своими мускулами... извѣстные тебѣ „новые люди“ оказались, конечно, людьми такими же, какъ и всякій смертный, хотя, впрочемъ, между ними есть „бойцы“, которымъ я съ удовольствіемъ всегда пожму руку. Весело кажется будущее, хотя я не ручаюсь за особенно радостный исходъ его, по крайней мѣрѣ, для насъ... Я не могу самъ теперь ничего написать про извѣстное, въ настоящую минуту слившееся съ моимъ существованіемъ „дѣло“, для этого нужно перечитать тебѣ все посѣянное представителями русской заграничной вольной прессы... Въ будущемъ я не откажусь помазать тебя муромъ посвященія, конечно, если получу убѣжденіе, что ты съ теплою вѣрой послушаешь моего глагола, а не яко Іуда или разбойникъ, а какъ другъ, братъ, а главное человѣкъ... сути письма не моги сообщить никому“. Письмо это писано въ іюнѣ 1874 года и признано Ларіоновымъ за писанное имъ. Въ другомъ письмѣ, отобранномъ по обыску у отца Идаліи Польгеймъ и помѣченномъ 12-мъ іюня, Ларіоновъ писалъ: «прошу Васъ не скорбѣть относительно того, что Вашъ сынъ есть оппозиторъ начала собственности... Мы далеко не реформаторы, а только должны быть работниками, до того золотого періода намъ не дожить, а слѣдовательно, попусту спорить съ Вами было бы нелѣпо; скажу прямо: цѣль моя — общее благо, доктрина—отрицательное начало (отрицать все зло и стремиться къ уничтоженію его), а убѣжденія—всегда, вездѣ и во всемъ быть честнымъ... О мѣстѣ волостного писаря пожалуйста употребите всѣ усилія какъ можно скорѣе...“ Послѣдняя фраза этого письма объясняется показаніемъ Гориновича, изъ котораго видно, что Ларіоновъ желалъ быть волостнымъ писаремъ съ цѣлью завладѣть бланками паспортовъ и деньгами, вообще же, по словамъ Гориновича, Ларіоновъ придерживался того правила, что цѣль оправдываетъ средства. Насколько коммуна высоко цѣнила дѣятельность Ларіонова, видно изъ показанія Идаліи Польгеймъ, удостовѣряющей, что, когда Ларіоновъ объявилъ свое намѣреніе оставить коммуну, если она, Польгеймъ, не согласится жить съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ, то члены

кружка стали упрашивать ее принести себя къ жертву обществу, вслѣдствіе чего она и была вынуждена отдаться Ларіонову, не любя его. По показанію Гориновича, Ларіоновъ, уходя съ нимъ въ народъ, прямо высказалъ, что идетъ на пропаганду, для чего и взялъ съ собою означенныя выше сего книги съ цѣлью читать ихъ въ народѣ, хлороформъ же и морфій, по словамъ Гориновича, были взяты Ларіоновымъ, какъ онъ самъ говорилъ, съ цѣлью усыпить какого-нибудь содержателя корчмы для ограбленія его. Въ Ружинѣ Ларіоновъ, какъ извѣстно Гориновичу, передалъ отцу Идаліи Польгеймъ нѣсколько книгъ, которыя затѣмъ, по показанію нѣсколькихъ свидѣтелей, Польгеймъ сталъ читать крестьянамъ. По обыску у Іосифа Польгейма были отобраны книги: „Государственность и Анархія“ и „Отшепенцы“, полученныя имъ, какъ видно изъ его показанія, даннаго при дознаніи, отъ Ларіонова, который, передавая ему книги, просилъ вдуматься въ ихъ содержаніе и дать не позже 25-го сентября окончательный отвѣтъ, согласенъ ли онъ дѣйствовать съ нимъ заодно; при слѣдствіи же Іосифъ Польгеймъ остался неспрошеннымъ, такъ какъ пожелалъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему 705 ст. Уст. Уг. Суд. У Ларіонова, назвавшагося при задержаніи его въ м. Ружинѣ крестьяниномъ Петромъ Ивановымъ. Федоровымъ, было отобрано: пять картъ Курской, Черниговской, Подольской, Волынской и Кіевской губерній, два экземпляра „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Пѣсенникъ“, „Евангеліе“, десять англійскихъ пилокъ для распиливанія желѣза, порошокъ и пузырекъ съ жидкостью—по химическому изслѣдованію хлороформъ и морфій, клочки бумаги съ знаками шифровой азбуки, и замѣтки о дѣйствіи синильной кислоты и о способѣ ея добыванія, а также о способѣ добыванія нитроглицерина. Ларіоновъ показалъ при слѣдствіи, что Дебагоріо-Мокріевичъ и Фишеръ (сей послѣдній подъ фамиліей Бондаренко) въ селѣ Верхнягѣ, гдѣ онъ, Ларіоновъ, проживалъ, предложили ему принять участіе въ ихъ дѣлѣ, т. е. „въ сообществѣ, составившемся для борьбы за народное дѣло путемъ пропаганды въ народѣ соціально-революціонныхъ идей“; такое предложеніе, подкрѣпленное увѣреніемъ, что сообщество располагаетъ матеріальными средствами для веденія борьбы, было принято Ларіоновымъ, который затѣмъ вскорѣ и отправился въ Кіевъ, въ домъ Лемпинскаго, адресъ котораго былъ данъ ему Дебагоріо и Фишеромъ. Объяснивъ, такимъ образомъ, свое поступленіе къ коммуну и не отвергая того, что онъ поддѣлывалъ паспорты, хранилъ у себя крестьянское платье, ходилъ въ народъ, далъ Польгейму революціонныя книги и имѣлъ при себѣ рецепты ядовитыхъ и взрывчатыхъ веществъ, а также хлороформъ и морфій, Ларіоновъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ преступному сообществу, имѣвшему цѣлью ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго строя. Независимо отъ настоящаго дѣла, о Ларіоновѣ производятся еще два другія: одно—по обвиненію его въ кражѣ лошади, совершенной въ Вологодской губерніи, а второе—по обвиненію въ присвоеніи денегъ, полученныхъ имъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности крестьянъ Городецкой волости, Корчевскаго уѣзда. Идалія Польгеймъ, по ея собственному показанію, убѣжала отъ матери, дурно съ нею обращавшейся и желавшею отдать ее въ монастырь, и была привезена изъ Каменецъ-Подольска Аксельроде, ко-

торый дорогою разспрашивалъ ее о томъ, довольна ли она правительствомъ и условіями общественной и частной жизни и при этомъ сообщилъ ей, что въ Кіевѣ составился кружокъ молодежи, поставившій себѣ цѣлью произвести въ Россіи переворотъ и улучшить положеніе низшаго класса населенія. Въ принадлежности къ этому кружку Польгеймъ себя, однако, виновною не признала, хотя, по ея словамъ, существованіе и цѣли кіевскаго тайнаго общества и были ей извѣстны. Такое объясненіе Идаліи Польгеймъ представляется не согласнымъ съ обстоятельствами дѣла и опровергается нижеслѣдующимъ: Идалія Польгеймъ, по ея же показанію, принимала участіе въ поддѣлкѣ видовъ на жительство, шила для Маріи Колѣпкиной и другихъ крестьянскія рубашки, наклеивала на коленкоръ карты юго-западныхъ губерній и хранила у себя запрещенныя книги и инструменты для дѣланія печатей, которыя во время сдѣланнаго у нея обыска спрятала, а потомъ сожгла (кромѣ трехъ рѣзцовъ или шилъ, представленныхъ ею къ дѣлу). Участіе Польгеймъ въ дѣлахъ коммуны не ограничивалось, однако, вышеизложеннымъ: она кромѣ сего предупреждала членовъ коммуны о грозящихъ имъ опасностяхъ и доставляла средства укрыться отъ преслѣдованія. Такъ: а) въ одномъ письмѣ къ отцу Польгеймъ писала; „...потомъ начали арестовывать, ловить, нужно было всѣмъ писать, предупреждать всѣхъ чертей и, я говорю, это было настоящее несчастіе...“; б) по просьбѣ Тетельмана, Польгеймъ, какъ она сама это удостовѣрила, ходила къ совершенно неизвѣстной ей личности, вдовѣ губернскаго секретаря Екатеринѣ Жміевской, съ цѣлью вывѣдать отъ сей послѣдней, не была ли ею получена телеграмма, отъ чего, какъ ей говорилъ Тетельманъ, зависѣла жизнь двухъ лицъ; при посѣщеніи Жміевской Польгеймъ назвалась Петровскою и, видимо, интересовалась содержаніемъ телеграммы, подписанной „Екатерина Коренная“, каковую телеграмму, какъ будетъ изложено ниже, Брешковская послала въ Кіевъ послѣ ея задержанія, и в) при дознаніи Польгеймъ показала, что Дебагоріо Мокріевичъ, скрываясь отъ преслѣдованія, прибѣжалъ къ ней, а она позвала цирюльника, который обрилъ Дебагоріо бороду, купила ему пальто и продержала его у себя на квартирѣ три дня, послѣ чего онъ уѣхалъ за границу, повидавшись предъ тѣмъ съ Фростомъ и Стронскимъ, которыхъ она же пригласила къ нему: разсказывая о вышеизложенномъ, Польгеймъ положительно удостовѣрила, что она знала, что Дебагоріо скрывался и думалъ бѣжать за границу, что она помогала ему исполнить свое намѣреніе. Кромѣ сего, какъ это видно изъ упомянутаго уже выше письма Польгеймъ къ отцу, она вела съ Ларіоновымъ, во время отсутствія послѣдняго изъ Кіева, шифрованную переписку и въ этомъ же письмѣ просила отца сообщить Ларіонову, что онъ долженъ показывать въ случаѣ допроса его. Наконецъ, по показанію Гориновича, Польгеймъ ходила за деньгами къ Ильясевичу, которыя сей послѣдній отпускалъ на содержаніе коммуны, а по удостовѣренію Ларіонова, Польгеймъ переписывалась съ Ваховскою, которая, по показанію Бенецкаго, данному при дознаніи, на пути изъ Петербурга въ Подольскую губернію останавливалась въ домѣ Леминскаго. Вышеизложенный образъ дѣйствій Польгеймъ, въ виду признанія ея, что цѣли, къ которымъ стремилась коммуна, были ей извѣстны, не оставляетъ никакого сомнѣнія о

томъ, что Польгеймъ вполнѣ сознательно принадлежала къ кіевскому р
волюціонному кружку и была даже однимъ изъ довольно дѣятельны
членовъ онаго. Тетельманъ, вращавшійся какъ изложено выше, въ сред
петербургскихъ агитаторовъ и находившійся, въ самыхъ близкихъ отноше
ніяхъ съ Брешковскою, ѣздилъ, очевидно, въ Горяну съ тою же цѣль
какъ и остальные, бывшіе у г-жи Филипиъ члены кіевской коммун
осенью же 1874 года, когда начались аресты, Тетельманъ принялъ сам
дѣятельное участіе въ доставленіи агитаторамъ средствъ укрыться отъ пр
слѣдованія. Какъ изложено выше, Тетельманъ посылалъ Идалію Польгейм
вывѣдать у Жміевской, какая была получена сею послѣднею телеграмм
по показанію самого Тетельмана, объ этомъ просилъ его Стефановичъ, жи
шій въ то время на его квартирѣ и сообщившій ему, что Брешковска
въ Тульчинѣ и, можетъ быть, арестована. По удостовѣренію Идаліи Пол
геймъ, Тетельманъ далъ ей денегъ на покупку мужскаго платья, предна
значавшагося для Стефановича, при чемъ, какъ Польгеймъ объяснила пр
дознаніи, деньги были ей переданы послѣ того, какъ она сообщила Тетел
ману о результатѣ своего визита къ Жміевской. Послѣдовавшее вслѣд
за симъ исчезновеніе изъ Кіева Якова Стефановича, который до сихъ пор
остался неразысканнымъ, вполнѣ объясняетъ вышеизложенный образъ дѣй
ствій Тетельмана. Давъ, такимъ образомъ, Стефановичу возможность скрыть
ся, Тетельманъ хотѣлъ оказать ту же услугу и Брешковской и, по ея
собственнымъ словамъ, отправился въ Тульчинъ съ цѣлью повидаться с
Брешковской и вызвать ее въ Кіевъ, но поѣхалъ слишкомъ поздно, так
какъ Брешковская была уже арестована. Марія Колѣнкина, ходившая в
народъ съ Брешковскою, была тоже предметомъ заботъ Тетельмана, как
это видно изъ его письма, отобраннаго у Вѣры Вериго, у которой посл
ареста Брешковской проживала Колѣнкина. Въ этомъ письмѣ, адресован
номъ, по собственному показанію Тетельмана, къ Колѣнкиной, Тетельман
писалъ: „Душенька, ты здѣсь будешь сидѣть не дальше 10-го января
Скоро мы приготовимъ тебѣ все, встрѣтимся въ одномъ мѣстѣ и уѣдем
въ Москву. Прощай. Степанъ (т. е. Стефановичъ) въ Одессѣ. Адресъ: в
Одессу, Palais Royal Comptoir, № 17, Юлію Александровичу Тетельману
Въ двухъ конвертахъ, на внутреннемъ конвертѣ напишите „Колѣ“ и боль
ше ничего. Напишите сейчасъ же мнѣ въ Одессу“. Въ отношеніи Колѣн
киной заботы Тетельмана увѣнчались успѣхомъ: Колѣнкина скрылась и д
настоящаго времени не разыскана. Не ограничиваясь доставленіемъ средств
агитаторамъ скрываться отъ преслѣдованія, Тетельманъ заботился и об
арестованныхъ своихъ единомышленникахъ; такъ, онъ устроилъ, как
видно изъ его показанія, вечеръ въ пользу политическихъ арестантовъ,
чемъ производилась переписка въ Кіевской полиціи. По поводу этого ве
чера Тетельманъ, по его собственному показанію, въ декабрѣ 1874 года
писалъ Вѣрѣ Вериго: „Вѣра, все это кончилось не такъ страшно, как
думали. Все насчетъ вечера. Васька (т. е. Бенецкій) заболѣлъ (т. е. аре
стованъ). Жалко. Пишутъ ли изъ Мглина. Вчера я туда писалъ, чтоб
деньги выслали. Когда мое дѣло кончится, тогда напишу. Затѣмъ прощай“
Письмо это написано на одномъ листѣ бумаги съ вышеприведеннымъ пись
момъ къ Маріи Колѣнкиной. Въ Мглинѣ Тетельманъ былъ, по его словам
въ первой половинѣ декабря съ цѣлью добыть для Брешковской денег

отъ родственниковъ его, Верига. Хотя дѣло о вечерѣ кончилось, по выраженію Тетельмана, „не такъ страшно, какъ думали“, тѣмъ не менѣе онъ счелъ нужнымъ скрыться изъ Кіева, а послѣ арестованія написалъ отобранную у него записку въ Москву Маріи Пассоверъ, обѣщавшей ему, какъ видно изъ содержанія записки, „устроить передачу письма для Кати въ замокъ“. Марія Пассоверъ, по словамъ Тетельмана, была ему указана Стефановичемъ. Независимо отъ сего, Тетельманъ былъ въ гор. Москвѣ у Олимпіады Алексѣевой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней, а также въ Саратовской и Самарской губерніяхъ для свиданія съ мѣстными агитаторами, какъ это оказывается изъ отобраннаго у Евгеніи Судзиловской письма, несомнѣнно писаннаго Тетельманомъ въ концѣ августа 1874 г. Въ этомъ письмѣ Тетельманъ извѣщаетъ, „что онъ совершенно напрасно заѣхалъ къ дядѣ Николаю (Судзиловскій), потому что онъ уже давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться“, что „Даша (Надежда Юргенсонъ) тоже больна, подозрѣваютъ въ ней чахотку“, и что „адресъ, по которому писали до сихъ поръ въ Саратовъ, оказался невѣрнымъ“. Несмотря на всѣ вышеизложенныя собранныя противъ него улики, Тетельманъ виновнымъ себя не призналъ. Фишеръ и Брешковская были первыми основателями коммуны и, какъ указано выше, старались добыть отъ г-жи Филиппъ деньги для осуществленія замысловъ кружка. Преслѣдуя цѣли этого кружка, для которыхъ необходимы были люди, знакомые съ какимъ-либо физическимъ трудомъ, подъ предлогомъ занятія которымъ они могли бы идти въ народъ для пропаганды, какъ Фишеръ, такъ и Брешковская старались пріискать лицъ, которыя согласились бы принять къ себѣ подъ видомъ рабочихъ ихъ единомышленниковъ, для доставленія таковымъ возможности изучить какое-либо ремесло или работу. Такъ, Фишеръ, помѣстившій уже, какъ сказано выше, подъ видомъ слесаря нѣкоего Кукушкина къ помѣщику Арцыбушеву, обратился къ сему послѣднему съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Сергѣй Дмитріевичъ. Есть до Васъ просьба, состоящая въ слѣдующемъ: во-1-хъ, скажите, что съ Иваномъ Петровичемъ (т. е. Кукушкинымъ). Во-2-хъ, можно ли къ Вамъ пріѣхать мнѣ съ кѣмъ-нибудь или вмѣсто меня прислать пару людей, желающихъ изучить сельско-хозяйственныя работы на практикѣ, т. е. самимъ поработать. Для этого они просятъ принять ихъ какъ рабочихъ, жалованья никакого, разумѣется, только снисхожденіе къ ихъ работѣ, т. е. не очень взыскивать, если не такъ сдѣлаютъ по неумѣнію. Напишите пожалуйста поскорѣе по слѣдующему адресу: Въ гор. Кіевъ, въ Университетъ Св. Владиміра, студенту Василію Ивановичу Костенко (нынѣ умершій),—просто, безъ передачи, оно и такъ дойдетъ прямо до меня . . . Вашъ Василій Фишеръ“. Въ свою очередь, Брешковская обратилась словесно съ такою же просьбой къ женѣ помѣщика Занаидѣ Юрьевой, при чемъ въ подкрѣпленіе своей просьбы ссылалась на то, что Арцыбушевъ уже согласился на такую просьбу. Юрьева, однако, не согласилась исполнить просьбу Брешковской, а написала Арцыбушеву письмо, въ которомъ, между прочимъ, писала: „ . . . у меня была К. К. (т. е. Катерина Константиновна Брешковская) и предлагала взять къ себѣ студентовъ и какихъ-то барынь и помѣстить ихъ въ рабочіе, я ей отказала. При томъ она мнѣ говорила, что вы говорили ей, чтобъ она прислала къ вамъ, а

вы ихъ помѣстите на мѣсто, но я ей плохо вѣрю. Мнѣ кажется, что она вретъ. Если же это правда, то не берите ихъ къ себѣ . . . можетъ, она вамъ не говорила ихъ предположенія; она хочетъ, чтобъ эти рабочіе видались съ простымъ людомъ и втолковывали имъ ихъ глупую идею. Потомъ Фишера ищетъ полиція . . .“ Подъ „глупыми идеями“ Юрьева подразумѣвала тѣ теоріи, которыя Фишеръ и Брешковская неоднократно излагали предъ нею. По словамъ Юрьевой, Фишеръ и Брешковская не разъ внушали ей, что настоящее соціальное положеніе русскаго народа должно подлежать измѣненію, состоящему въ томъ, чтобы земли были раздѣлены между всѣми поровну, чтобы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, чтобы всѣ были равны и чтобы власть одного лица была уничтожена. Какъ Брешковская, такъ и Фишеръ разсказывали Юрьевой, что надъ достиженіемъ такой цѣли работаетъ цѣлое общество, члены котораго проводятъ вышеуказанныя убѣжденія въ народѣ, сближаясь съ нимъ подъ видомъ рабочихъ, при чемъ Фишеръ увѣрялъ, что если его сошлютъ въ каторгу, то онъ вернется изъ нея и приведетъ съ собою каторжниковъ; а Брешковская присовокупляла, что если помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то ихъ перерѣжутъ, и совѣтовала Юрьевой откладывать деньги и присылать ей таковыя, поясняя, что деньги нужны, между прочимъ, для пріобрѣтенія въ разныхъ губерніяхъ участковъ земли съ цѣлью устройства пунктовъ свиданій для членовъ ихъ общества. По удостовѣренію Ипполита Юрьева, Фишеръ развивалъ и предъ нимъ тѣ же теоріи, при чемъ высказывалъ, что если Государь и помѣщики не согласятся на раздѣлъ земли, то Государя заставятъ согласиться, а помѣщиковъ перерѣжутъ. Дальнѣйшее участіе Фишера въ дѣлахъ коммуны выразилось, по собственному его показанію, въ поддѣлкѣ печатей для подложныхъ паспортовъ и въ хожденіи въ народъ вмѣстѣ съ Дебагоріо-Мокріевичемъ и Стефановичемъ съ цѣлью обучиться крестьянскимъ работамъ и, такимъ образомъ, подготовить себя къ пропагандѣ. Отправляясь въ народъ, Фишеръ запасся, по его же показанію, фальшивымъ паспортомъ на имя Бондаренко; они работали сначала на станціи Жмеринкѣ, а затѣмъ были въ Браиловѣ и Немировѣ; у Стефановича разболѣлась нога, и онъ остался въ одномъ мѣстечкѣ около села Верхняги, куда Фишеръ отправился съ Дебагоріо, чтобы переговорить съ Ларіоновымъ, о чемъ изложено выше. Изъ села Верхняги Фишеръ и Дебагоріо вернулись къ Стефановичу, вмѣстѣ съ которымъ и направились обратно въ Кіевъ; въ Корсунѣ Фишеръ оставался нѣкоторое время вслѣдствіе болѣзни, а Стефановичъ пошелъ далѣе въ Кіевъ, вернувшись откуда передалъ Фишеру, какъ сей послѣдній показывалъ при дознаніи, приказаніе, а по показанію, данному при слѣдствіи, просьбу остаться въ Корсунѣ въ виду того, что въ Кіевѣ нашли нужнымъ, чтобы кто-нибудь жилъ въ этой мѣстности; Фишеръ на это не согласился, и они возвратились въ Кіевъ черезъ Каневъ. Брешковская, какъ видно изъ ея писемъ, а также писемъ Вѣры Вериго къ мужу послѣдней, ѣздила въ Курскую губернію „по общему дѣлу“ и входила въ сношенія съ такимъ количествомъ людей, являвшихся со всѣхъ концовъ отечества, что у нея „голова кругомъ пошла“; лѣтомъ же 1874 года Брешковская, какъ видно изъ ея показанія, даннаго при дознаніи, и показанія Ларіонова, ходила съ Маріею Колѣнкиною въ м. Бѣлозерье и Смѣлу, гдѣ онѣ

и занимались крестьянскими работами. Изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей видно, между прочимъ, что съ Брешковской и Колѣнкиной былъ еще молодой человѣкъ, котораго Брешковская называла своимъ племянникомъ Степаномъ; Брешковская отказалась назвать своего спутника, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это былъ Стефановичъ, носившій въ коммунѣ прозвище Степана. Такое пребываніе Брешковской со Стефановичемъ въ м. Бѣлозерьѣ было извѣстно члену коммуны Лурье, по обыску у котораго найденъ видъ, по которому Брешковская проживала до своего замужества, и замѣтки о томъ, какимъ путемъ можно доѣхать до Бѣлозерья и какимъ образомъ разыскать тамъ русскую красильщицу и отставного солдата. Нахожденіе адреса Брешковской у Лурье было извѣстно и остальнымъ членамъ коммуны, вслѣдствіе чего послѣ ареста Лурье, какъ изложено выше, Стронскій, опасаясь ареста Брешковской и Колѣнкиной, заготовилъ морфій и хлороформъ, которые намѣренъ былъ употребить въ дѣло для освобожденія Брешковской, еслибъ она была арестована. Осенью Брешковская вновь отправилась въ народъ и 24-го сентября 1874 года была задержана около гор. Тульчина, при чемъ по обыску у нея оказались: карты Кіевской и Херсонской губерній, порошокъ морфія, четыре рукописныя прокламаціи—одна черновая, а остальныя за №№ 101, 112 и 103, оканчивающіяся воззваніемъ къ бунту, и фальшивый паспортъ на имя крестьянки Ѳеклы Косовой, именемъ которой Брешковская и назвала себя при дознаніи. И въ этотъ разъ Брешковская ходила въ народъ не одна, что положительно доказывается показаніями нѣсколькихъ лицъ, удостовѣряющихъ, что съ Брешковскою былъ молодой человѣкъ, котораго она называла своимъ сыномъ, Яковомъ, и который, оставивъ Брешковскую въ Тульчинѣ, куда-то ушелъ. Заключенная подъ стражу въ тульчинскомъ этапномъ домѣ, Брешковская обратилась къ одному изъ карауливщихъ ее лицъ съ просьбой отправить телеграмму, которую ему и передала вмѣстѣ съ двумя рублями; означенная теллеграмма, пріобщенная къ дѣлу, слѣдующаго содержанія: „Кіевъ. Фундуклеевская. Домъ Харламова. Жміевской. Сынъ, заболѣла, не пріѣзжай. Катерина Коренная“. Брешковская, признавая, что отобранныя у нея прокламаціи были ею взяты съ цѣлью раздачи ихъ въ народѣ, отказалась объяснить, кого хотѣла предупредить депешею, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ этотъ разъ спутникомъ Брешковской былъ Стефановичъ, носившій также прозвище „сына“ Брешковской, который затѣмъ, узнавъ, какъ сказано выше, чрезъ Тетельмана и Идалію Польгеймъ о полученіи Жміевскою депеши изъ Тульчина, немедленно скрылся изъ Кіева. Находясь подъ арестомъ, Брешковская продолжала свою пропагаторскую дѣятельность. Показаніями двухъ свидѣтелей, карауливщихъ Брешковскую въ Тульчинѣ, удостовѣрено, что Брешковская, которую они знали подъ именемъ Ѳеклы Косовой, говорила имъ, что она посажена подъ арестъ за народъ, для котораго разносила грамоты, желая его избавить отъ преслѣдованій начальства; что народу не слѣдовало бы бояться и слушаться начальства; что ему бы слѣдовало возстать съ оружіемъ въ рукахъ; что легко было бы справиться съ солдатами, которыхъ сравнительно съ народомъ ничтожное количество; что въ Тульчинѣ можно всѣхъ перерѣзать въ одинъ день, и что было такое вре-

мя, „гайдамачина“, когда народъ грабилъ и жилъ лучше, чѣмъ теперь
Брешковская признала себя виновною въ революціонной пропагандѣ с
цѣлью возбужденія народа къ возстанію для ниспроверженія существую
щаго государственнаго строя; Фишеръ же призналъ себя виновным
лишь въ поддѣлкѣ печатей разныхъ волостныхъ правленій. Бенецкій
вступилъ въ коммуну съ момента ея возникновенія, когда она помѣща
лась еще въ домѣ Горлова, поддерживалъ таковую денежными средствами
какъ это изложено выше, и хранилъ у себя печати, прикладывавшіяся
къ фальшивымъ паспортамъ, съ которыми члены коммуны отправлялись в
народъ. Признавая при слѣдствіи это послѣднее обстоятельство, Бенецкій
объяснилъ, что онъ не подозрѣвалъ, чтобы печати имѣли какое-либо
отношеніе къ революціонной пропагандѣ, и что у лицъ, проживавшихъ в
коммунѣ,—хотя таковыя и высказали свое неудовольствіе на существую
щій въ государствѣ порядокъ,—онъ никакого стремленія къ революціонной
дѣятельности не замѣчалъ. Такое объясненіе Бенецкаго, противорѣчащее всѣмъ
обстоятельствамъ дѣла, находитъ себѣ опроверженіе въ показаніи, даннома
самимъ Бенецкимъ при дознаніи; въ этомъ показаніи Бенецкій признавалъ
существованіе кіевскаго революціоннаго кружка и объяснилъ, что такое
признаніе онъ дѣлаетъ подъ вліяніемъ того негодованія, которое возбуж
даетъ въ немъ поведеніе его бывшихъ знакомыхъ, „которые занимались
пропагандой и всегда дѣйствовали другъ къ другу безъ единодушія и
даже часто не совсѣмъ честно“. Помимо такого показанія Бенецкаго, изъ
котораго видно, что не только дѣятельность, но и взаимныя отношенія
членовъ коммуны были ему хорошо извѣстны, — принадлежность Бе
нецкаго къ коммунѣ доказывается слѣдующими данными: по пока
занію, данному при дознаніи Александромъ Костюринымъ, онъ былъ по
сланъ членомъ одесскаго революціоннаго кружка Макаревичемъ изъ
Одессы въ с. Фастовцы предупредить народнаго учителя Франжоли о гро
зившемъ сему послѣднему арестѣ, при чемъ деньги на обратный путь
Костюринъ долженъ былъ получить въ Кіевѣ отъ Семена Лурье; пріѣхавъ
въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, Костюринъ отправился въ
Кіевъ, гдѣ его арестовали и вмѣстѣ съ Дробышевскимъ препроводили въ
Нѣжинъ, при чемъ дорогой Дробышевскій сообщилъ ему, что у студента
Кіевскаго Университета Василія Александровича Бенецкаго также можно
было получить деньги и сверхъ того фальшивый паспортъ; Гориновичъ
при слѣдствіи удостовѣрилъ, что ѣздилъ по порученію Дебагоріо-Мокріе
вича въ имѣніе Бенецкаго передать сему послѣднему, чтобы онъ привезъ
въ Кіевъ печати, которыя находились у него, и видѣлъ у Бенецкаго за
прещенныя книги, въ числѣ которыхъ были „Государственность и Анархія“,
каковое показаніе Гориновича въ связи съ показаніемъ Костюрина и при
веденнымъ выше сего разговоромъ, происходившимъ между Дробышев
скимъ и Трезвинскимъ въ присутствіи Смирнова, не оставляетъ никакого
сомнѣнія въ томъ, что у Бенецкаго былъ складъ революціонныхъ книгъ,
принадлежащихъ кружку. Какъ это видно изъ писемъ Брешковской, сія
послѣдняя вела свою корреспонденцію чрезъ Бенецкаго; такъ, въ одномъ
письмѣ она писала: „ . . . мой адресъ слѣдующій: По витебско-Динабург
ской желѣзной дорогѣ, станція Горяны, Василію Александровичу Бенец
кому“, а въ другомъ: „ . . . вся моя корреспонденція пойдетъ чрез

Бенецкаго . . . ѣду изъ К. 15 іюня". Изъ послѣдняго письма оказывается, что Бенецкій доставлялъ Брешковской письма въ то время, когда она была на пропагандѣ въ м. Бѣлозерьѣ со Стефановичемъ и Колѣпкиною, такъ какъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что Брешковская съ сопровождавшими ее лицами прибыла въ Бѣлозерье около Петрова дня, что совпадаетъ съ ея отъѣздомъ изъ Кіева 15-го іюня. Независимо отъ сего, Дробышъ-Дробышевскій въ запискѣ, которую Смирновъ долженъ былъ доставить Бенецкому, просилъ сего послѣдняго указать Смирнову „какой-нибудь адресъ въ Кіевѣ, гдѣ бы онъ могъ остановиться и поближе познакомиться съ нашими людьми и дѣломъ", а изъ показаній Ларіонова и Фишера видно, что адресъ Ларіонова въ селѣ Верхняги былъ указанъ Фишеру и Дебагоріо-Мокріевичу Бенецкимъ, узнавшимъ о Ларіоновѣ отъ своего товарища Монтвита, котораго Ларіоновъ просилъ познакомить его съ людьми, держащимися, какъ и онъ, Ларіоновъ, крайнихъ политическихъ убѣжденій. Наконецъ, указаніе Коваликомъ, въ отобранной у него запискѣ, на Бенецкаго, какъ на лицо, которое можетъ быть полезно для задуманнаго Ковалико̀мъ побѣга, и перехваченная въ кіевскомъ тюремномъ замкѣ переписка между арестантами—исключаетъ всякое сомнѣніе въ виновности Бенецкаго. Означенная переписка велась между Іосифомъ Польгеймомъ, Брешковскою и Бенецкимъ; Польгеймъ, сообщая Брешковской о томъ, что она неосновательно подозрѣваетъ Идалію Польгеймъ въ разоблаченіи дѣлъ кружка, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ ее сообщить для передачи Вас. (Васькѣ) все, что ей извѣстно и въ особенности сущность ея показанія о Бенецкомъ, при чемъ излагаетъ вкратцѣ и первоначальное объясненіе Бенецкаго при дознаніи. Къ этой запискѣ была приложена слѣдующая записка Бенецкаго: „Катя. Отвѣчай Осипу Матвѣевичу Польгейму на его вопросы, я сюда попалъ, но не знаю по чьей милости; что ты обо мнѣ говоришь? Колька малый совершенно здоровъ, видалъ... поѣхала къ роднымъ твоимъ. В. С. и Ф. здоровы. Твой Васька"; нѣсколько словъ въ этой запискѣ нельзя было разобрать. Относительно этой записки Брешковская отозвалась, что, вѣроятно, она сочинена самимъ Польгеймомъ, но Бенецкій призналъ, что таковая писана имъ, при чемъ объяснилъ, что Колька это сынъ Брешковской, что къ роднымъ Брешковской уѣзжала Вѣра Вериго, и что онъ не помнитъ, кого онъ подразумѣвалъ подъ буквами В. С. и Ф. По обыску у Бенецкаго были найдены инструменты сапожнаго мастерства, при чемъ родственники Бенецкаго объяснили, что онъ хотѣлъ заниматься этимъ мастерствомъ. Несмотря на вышеизложенное, Бенецкій виновнымъ себя не призналъ. Волкенштейнъ, бывшій въ 1874 году студентомъ Кіевскаго университета, приходилъ, по показанію Ларіонова, въ домъ Леминскаго вмѣстѣ съ Чернышевымъ и принялъ къ себѣ въ имѣніе подъ видомъ рабочихъ Фроста и какого-то Бахановскаго. Хотя Ларіоновъ этого послѣдняго обстоятельства вполнѣ удостовѣрить не могъ, тѣмъ не менѣе оно представляется весьма вѣроятнымъ въ виду найденной у Волкенштейна на описи его имѣнія записки, начинающейся словами: „Ал. Ал.! Не удастся ли вамъ увидать Бухан." Независимо отъ сего, чрезъ Волкенштейна велась переписка Каблица, какъ это видно изъ письма сего послѣдняго къ Вѣрѣ Вериго, о возвратѣ 500 р. с., въ которомъ Каблицъ писалъ: „...пишите по слѣдующему адресу: Въ Кіевъ, въ университетъ,

студенту Волкенштейну, а внутри конверта для передачи Осипу Ивановичу", и вообще, какъ это видно изъ дѣла, Волкенштейнъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ Каблицомъ, который и успѣлъ скрыться за границу при участіи Волкенштейна, что доказывается нижеслѣдующимъ: По обыску у Волкенштейна былъ найденъ чемоданъ съ вещами и документами Каблица, а также письмо изъ Лондона, подписанное „Ваша Моргенштернъ" съ вырѣзаннымъ клочкомъ бумаги, и находящаяся въ связи съ этимъ письмомъ, по объясненію Волкенштейна, тратта кіевскаго коммерческаго банка на Лондонъ, въ суммѣ 4.517 р. с. Въ означенномъ письмѣ, извѣщающемъ Волкенштейна о прибытіи автора онаго въ Лондонъ, имѣется приписка: „Не забудьте сдѣлать то, что я васъ просилъ и какъ можно скорѣе, т. е. депешей". По объясненію Волкенштейна, Каблицъ, уѣзжая за границу черезъ Одессу, передалъ ему 3.500 р. с., съ просьбою переслать таковыя въ мѣсто, которое онъ укажетъ письмомъ; получивъ недѣли черезъ три послѣ отъѣзда Каблица письмо изъ Лондона, онъ догадался, что оно было писано Каблицомъ, и получивъ затѣмъ телеграмму о посылкѣ денегъ за подписью Alex'a, или Каблица, послалъ оставленныя послѣднимъ деньги по указанному въ письмѣ адресу. Независимо отъ сего, у Волкенштейна былъ найденъ журналъ „Впередъ" и книга съ надписью—„домъ Барсукова, флигель", т. е. съ адресомъ Божко-Божинскаго. Объяснивъ, что журналъ „Впередъ" принадлежитъ Каблицу, что записка о Бухановскомъ адресована не къ нему и что ему не было извѣстно, что Божко-Божинскій жилъ въ домѣ Барсукова, Волкенштейнъ виновнымъ себя не призналъ. Трезвинскій, сельскій учитель въ селѣ Илискахъ, Борзенскаго уѣзда, имѣлъ сношенія съ коммуной чрезъ Дробышъ-Дробышевскаго, арестованнаго на возвратномъ пути отъ него въ Кіевъ, и, какъ надо полагать, чрезъ проживавшаго нѣкоторое время въ коммунѣ Ильницкаго, фамилія котораго значится на одной бумагѣ, отобранной у Трезвинскаго; независимо отъ сего, мѣсто сельскаго учителя было получено Трезвинскимъ, какъ онъ показалъ при дознаніи, чрезъ нѣкую Допецкую, которая, по показанію Идаліи Польгеймъ, была знакома съ Дебагоріо-Мокріевичемъ. Кромѣ кіевской коммуны Трезвинскій имѣлъ сношенія и съ одесскими агитаторами, что доказывается: во 1) показаніемъ Георгія Трудницкаго, удостовѣряющаго, что Владиміръ Жебуневъ разсказывалъ ему объ агитаторской дѣятельности Трезвинскаго въ Черниговской губерніи, и во 2) оказавшеюся на нѣкоторыхъ книгахъ, отобранныхъ по обыску у Андрея Франжоли, фамиліею Трезвинскаго. Собирая постоянно у себя на квартирѣ своихъ учениковъ и мѣстныхъ хлопцевъ (парней), Трезвинскій въ разговорахъ съ ними внушалъ имъ, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, что порядки у насъ дурные, что другіе люди живутъ лучше, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни старшинъ, ни головъ, а само общество распоряжается своими дѣлами, что у насъ бѣдные трудятся, а богатые ничего не дѣлаютъ, и что если бы всѣ селенія сговорились, то, дѣйствуя всѣ вмѣстѣ, могли бы все сдѣлать и завести новые порядки, при чемъ говорилъ, что другой, лучшій порядокъ, когда бѣдные отберутъ землю у богатыхъ, скоро наступитъ, и, показывая на свой большой ножъ, объяснилъ, что таковой ему пригодится рѣзать пановъ и жидовъ. Независимо отъ сего, изъ пред-

ставленной однимъ изъ учениковъ Трезвинскаго тетради оказывается, что Трезвинскій, подъ предлогомъ диктовки, излагалъ ученикамъ разницу между монархіею и республикой, самодержавнымъ и конституціоннымъ образами правленія. По обыску у Трезвинскаго было найдено много тенденціозныхъ книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя онъ давалъ читать своимъ ученикамъ, и большой складной ножъ. Трезвинскій не призналъ себя виновнымъ. Прочіе подлежавшіе преслѣдованію члены кіевской коммуны успѣли скрыться и до настоящаго времени не разысканы, а Ильясевичъ обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей. Студентъ Кіевскаго Университета Божко-Божинскій, адресъ котораго найденъ былъ у Волкенштейна, проживалъ весною и лѣтомъ 1874 года въ г. Черниговѣ; посѣщая, по своимъ занятіямъ репетитора, много домовъ, онъ познакомился, между прочимъ, съ дочерью коллежскаго совѣтника Еленою Харченко и воспитанниками Черниговской семинаріи Егоромъ и Григоріемъ Имшенецкими. Еленѣ Харченко Божинскій далъ совѣтъ развить себя чтеніемъ книгъ, при чемъ рекомендовалъ читать Беккера и Лассаля, а Егору Имшенецкому, при первомъ же съ нимъ знакомствѣ, сталъ разсказывать про Цюрихъ, Лаврова и издаваемый симъ послѣднимъ журналъ „Впередъ“, при чемъ, поясняя, что Лавровъ убѣдился въ возможности улучшенія быта русскаго народа только посредствомъ соціальной революціи, и что многіе студенты, раздѣляя убѣжденія Лаврова, пошли въ народъ подготовлять соціальную революцію, склонялъ и Имшенецкаго задаться тою же цѣлью и при этомъ напиралъ на то, что только глупцы и подлецы не раздѣляютъ мнѣній Лаврова. Желая еще болѣе убѣдить Имшенецкаго въ справедливости своихъ словъ, Божинскій обѣщалъ принести ему журналъ „Впередъ“, и дѣйствительно чрезъ нѣсколько времени явился къ Имшенецкому со сказаннымъ журналомъ. Въ это свое посѣщеніе Божинскій засталъ у Имшенецкаго двоюроднаго его брата Григорія Имшенецкаго и семинариста Василія Тищенко и въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ прочелъ вступленіе „Впередъ“, при чемъ сопровождалъ свое чтеніе комментаріями, сущность которыхъ заключалась въ томъ, что въ Швейцаріи существуетъ революціонное общество, имѣющее цѣлью осчастливить все человѣчество путемъ соціальной революціи, что этому обществу сочувствуютъ во всѣхъ государствахъ, а въ Россіи къ нему принадлежитъ много студентовъ всѣхъ университетовъ, кромѣ Дерптскаго, и что въ самомъ Черниговѣ есть много лицъ, сочувствующихъ этому обществу; поясняя цѣль означеннаго общества, Божинскій разсказалъ, что таковая состоитъ въ ниспроверженіи существующаго государственнаго строя и водворенія анархіи, при чемъ много разсказывалъ о Бакунинѣ и сообщалъ о существованіи въ Кіевѣ революціоннаго кружка. Затѣмъ Божинскій обратился къ Тищенко съ вопросомъ, желаетъ ли онъ добра русскому мужику, и высказалъ, что для блага народа нужно идти пропагандировать въ немъ, съ цѣлью возбудить возстаніе противъ существующаго порядка, послѣ чего прямо предложилъ Тищенко сдѣлаться членомъ упомянутаго выше общества и идти въ народъ съ цѣлью пропаганды. На возраженіе Тищенко, что у него большое семейство, которому онъ долженъ помогать, Божинскій отвѣтилъ, что семейство Тищенко живетъ во всякомъ случаѣ лучше мужика, и что если понадобится какая-либо денежная помощь, то Тищенко получитъ таковую изъ

кассы, которая обыкновенно образуется при возникновеніи общества, а затѣмъ, объявивъ, что ожидаетъ прибытія изъ Кіева одного своего знакомаго, съ которымъ обѣщалъ познакомить семинаристовъ, ушелъ, оставивъ журналъ „Впередъ“ съ просьбой прочесть таковой поскорѣе, такъ какъ въ немъ имѣютъ нужду и другія лица въ гор. Черниговѣ. Дѣйствительно, въ скоромъ времени пріѣхали изъ Кіева сначала Левенталь, а затѣмъ Аксельроде съ одною изъ сестеръ Каминеръ; Левенталь пробылъ въ Черниговѣ весьма недолго, но и въ этотъ краткій промежутокъ времени, познакомленный Божинскимъ съ Еленою Харченко, успѣлъ изложить предъ нею свою теорію о томъ, что рабочему народу можно помочь только путемъ революціи, которая должна имѣть цѣлью уничтоженіе, посредствомъ „рѣзни и убійства“, всѣхъ тѣхъ, кто угнетаетъ народъ, какъ-то: землевладѣльцевъ, фабрикантовъ и т. п.; для достиженія этой цѣли, поучалъ далѣе Левенталь, необходимо идти въ народъ, по словамъ Левенталя, слѣдовало въ качествѣ сельскаго учителя или учительницы, фельдшера или фельдшерицы или же подъ видомъ рабочаго. Вскорѣ послѣ отъѣзда Левенталя пріѣхали Аксельроде и Каминеръ, которые и поселились въ квартирѣ Божинскаго. Послѣдній, во исполненіе даннаго имъ обѣщанія, привелъ Аксельроде въ квартиру Егора Имшенецкаго, гдѣ Аксельроде и остался ночевать вмѣстѣ съ Тищенко. Аксельроде въ разговорѣ съ Тищенко и Имшенецкимъ развивалъ ту же теорію, которую проповѣдывалъ предъ симъ и Божинскій, при чемъ разъяснялъ, что вся задача состоитъ въ уничтоженіи правительства и общественнаго строя путемъ насилія, иными словами—въ водвореніи анархіи, послѣ которой народъ устроитъ свой бытъ по своему усмотрѣнію. Далѣе, разсказавъ о существованіи въ Россіи многихъ революціонныхъ кружковъ, въ томъ числѣ и кіевскаго, Аксельроде совѣтовалъ Имшенецкому и Тищенко бросить семинарію, составить тѣсный кружокъ изъ надежныхъ и сочувствующихъ дѣлу лицъ и затѣмъ идти въ народъ для пропаганды. Егоръ Имшенецкій, Тищенко и Елена Харченко познакомились также и съ Каминеръ, которая разсказывала имъ про Цюрихъ, Бакунина и т. п., и для переписки съ нею и съ Аксельроде дала имъ шифръ: «Богъ завѣщалъ намъ, чтобы мы жили по-братски въ духѣ любви какъ братья. Шафецельевъ.» Усилія Божинскаго, поддержанныя Аксельроде и Каминеръ, основать въ гор. Черниговѣ революціонный кружокъ, увѣнчались успѣхомъ. Кружокъ дѣйствительно составился изъ Егора и Григорія Имшенецкихъ и Тищенко, къ которымъ примкнули: семинаристъ Андрей Карповичъ, Елена Харченко, дочь титулярнаго совѣтника Мароа Соколовская и сынъ священника, не окончившій курса гимназіи, Андрей Петровъ Ласкаронскій; но существованіе кружка было непродолжительное—оно прекратилось въ томъ же году лѣтомъ, когда всѣ члены кружка разъѣхались на каникулы. Во время своего кратковременнаго существованія кружокъ, какъ видно изъ показаній членовъ его, занимался чтеніемъ революціонныхъ книгъ, бесѣдами по поводу прочитаннаго, разсужденіями о пропагандѣ и о томъ, какъ идти въ народъ, при чемъ дѣлались предположенія объ устройствѣ кассы и т. п. Предъ каникулами каждый изъ посѣщавшихъ кружокъ изложилъ, что онъ намѣренъ дѣлать лѣтомъ, при чемъ оказалось, что нѣкоторые хотѣли заниматься простыми работами, а другіе думали поступить въ народные или сель-

скіе учителя и учительницы. Книгами революціоннаго содержанія—„Государственность и Анархія“ и „Исторія развитія интернаціонала“, снабдилъ кружокъ Аксельроде или Божинскій, который, какъ видно изъ показанія Елены Харченко, давалъ ей читать у себя на дому журналъ „Впередъ“ и „Государственность и Анархія“. Божко-Божинскій, у котораго по обыску найдена книга „Азбука соціальныхъ наукъ“—не призналъ себя виновнымъ. Кіевскій кружокъ, какъ было указано выше, имѣлъ чрезъ Ивана Трезвинскаго сношенія съ одесскими агитаторами; при разсмотрѣніи же дѣятельности сихъ послѣднихъ было обнаружено, что и другіе члены коммуны, а именно Стефановичъ и Семенъ Лурье принимали самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ одесскаго революціоннаго кружка, возникновеніе котораго весьма подробно объяснено дворяниномъ Георгіемъ Трудницкимъ. По показаніямъ послѣдняго, даннымъ при дознаніи и при слѣдствіи, онъ, желая поближе ознакомиться съ организаціею и дѣятельностью интернаціональнаго общества рабочихъ, осенью 1872 года отправился въ Цюрихъ, гдѣ вскорѣ сошелся съ пріѣхавшими изъ Россіи дворянами Николаемъ, Владиміромъ и Сергѣемъ Жебуневыми, женою Николая—Зинаидою Ивановою, Маріею Блиновой, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Владиміра Жебунева, дворяниномъ Петромъ Макаревичемъ, Анною Розенштейнъ, вышедшею впослѣдствіи замужъ за Макаревича, дворяниномъ Георгіемъ Кобіевымъ, дворяниномъ Тимоѳеемъ Квятковскимъ и другими. Всѣ эти лица составили кружокъ, желавшій путемъ науки дойти до познанія народнаго блага и, такимъ образомъ, рѣзко отличались отъ русскихъ эмигрантовъ-революціонеровъ, которые въ насмѣшку назвали этотъ кружокъ „сумасшедшимъ орденомъ сенъ-жебунистовъ“. „Сенъ-жебунисты“ находили, что въ Россіи, странѣ земледѣльческой, народное благо осуществимо единственно путемъ развитія сельскихъ общинъ, почему и признали своею задачей содѣйствовать, съ одной стороны, улучшенію сельскаго хозяйства, а съ другой, внося въ народъ соціальныя идеи и поднимая умственный его уровень, приготовлять народъ къ борьбѣ съ буржуазіей. Желая подготовить себя къ исполненію такой задачи, члены кружка Жебуневыхъ, въ февралѣ 1873 года, разъѣхались изъ Цюриха съ цѣлью изученія раціональнаго сельскаго хозяйства, а именно: Макаревичъ и Анна Розенштейнъ отправились въ Россію, а остальные переселились во Францію и всѣ занялись практитескимъ изученіемъ сельскаго хозяйства. Въ іюнѣ 1873 года Трудницкій вернулся въ Россію и поселился въ своемъ имѣніи, куда въ сентябрѣ пріѣхалъ къ нему Николай Жебуневъ и настоялъ на продажѣ имѣнія съ тѣмъ, чтобы купить отдѣльные, небольшіе участки земли и завести на нихъ образцовое хозяйство. Съ цѣлью покупки такихъ участковъ Трудницкій, Николай Жебуневъ и чиновникъ Екатеринославской Контрольной Палаты Константинъ Ивановъ отправились путешествовать по Саратовской и Самарской губерніямъ, но подходящихъ земель имъ найти не удалось, вслѣдствіе чего Николай Жебуневъ поѣхалъ обратно за границу, а Трудницкій поселился въ гор. Воронежѣ. Въ ноябрѣ 1873 г. къ Трудницкому пріѣхали Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ и объявили, что кружокъ радикально измѣнилъ свои убѣжденія и, прійдя къ заключенію, что только посредствомъ революціи можно достигнуть какихъ-либо результатовъ, перешелъ съ пути мирнаго прогресса на путь революціонный.

Сообщивъ такое извѣстіе Трудницкому и предложивъ ему внести его книги въ общую библіотеку кружка (для чего ихъ надлежало отправить въ Харьковъ къ Надеждѣ Леонтьевой, что Трудницкимъ и было исполнено), Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ отправились въ Москву, чтобы повидаться съ нѣкоторыми студентами Петровской Академіи, отличавшимися революціоннымъ направленіемъ, и съ цѣлью войти въ сношенія съ другими революціонными кружками. Въ томъ же ноябрѣ въ г. Кіевѣ состоялся съѣздъ членовъ кружка для совѣщаній относительно предстоящей дѣятельности; на этомъ съѣздѣ присутствовали, кромѣ Трудницкаго: Сергѣй Жебуневъ, Кобіевъ, Владиміръ Жебуневъ съ женою—Маріею Блиновою и сельскіе учителя: австрійскій подданный Андрей Франжоли и мѣщанинъ Михаилъ Кацъ; Николай Жебуневъ, не явившійся лично, прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ свои соображенія объ организаціи тайнаго общества. На этомъ съѣздѣ Сергѣй Жебуневъ и Кобіевъ сообщали, что изъ московскихъ дѣятелей къ нимъ присоединился Фроленко, студентъ Петровской Академіи, агитирующій уже въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, а Владиміръ Жебуневъ передалъ Трудницкому о своемъ намѣреніи предложить на обсужденіе вопросъ: не слѣдуетъ ли обществу войти въ сношеніе съ разбойничьими и воровскими шайками, чтобы съ ихъ помощью добывать матеріальныя средства, нужныя на покупку и печатаніе запрещенныхъ книгъ. Совѣщанія членовъ кружка привели къ рѣшенію произвести революцію, но не регулировать ее, а предоставить народу полную автономію, результатомъ переустройства существующаго политическаго и соціальнаго строя долженъ былъ быть федеральный союзъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга сельскихъ общинъ, не управляемыхъ никакими общими законами или представительными собраніями, т. е. анархія. Лучшимъ способомъ веденія революціонной пропаганды была признана вербовка агитаторовъ изъ среды самого народа, при чемъ была выработана слѣдующая программа дѣйствій: а) группами разселиться по Россіи; б) организація должна быть вполнѣ федеральная; в) не составлять никакого общества подобно „нечаевцамъ“, не писать уставовъ, правилъ, программъ и т. п.; г) войти въ сношенія съ другими кружками революціонеровъ для передачи книгъ, брошюръ, прокламацій и для взаимной поддержки; д) не вести между собою переписки о революціонномъ дѣлѣ; е) не дѣйствовать на массу; ж) если кто будетъ сельскимъ учителемъ, то не дѣйствовать въ школѣ и вообще гдѣ бы то ни было публично на массу, а быть по наружности вполнѣ благонамѣреннымъ: з) въ отношеніи религіи, обрядовъ, приличій и пр. не нарушать существующихъ понятій; и) о Царѣ крестьянамъ ничего худого не говорить; к) дѣйствовать путемъ разговоровъ съ отдѣльными личностями, находить въ селахъ людей протестующихъ и обращать ихъ въ революціонеровъ; л) знакомить и соединять такія личности для того, чтобы въ случаѣ возстанія поднялось разомъ много селъ, и м) въ городахъ дѣйствовать въ артели, пропагандируя возстаніе подъ видомъ обученія грамотѣ. Такимъ образомъ, кружокъ Жебуневыхъ поставилъ себѣ задачей осуществленіе идей, проповѣдуемыхъ Бакунинымъ, при чемъ и въ образѣ своихъ дѣйствій рѣшилъ слѣдовать тѣмъ правиламъ и указаніямъ, которыя преподаются русскимъ революціонерамъ въ книгѣ „Государственность и Анархія“. Послѣ вышеуказаннаго съѣзда члены кружка разъѣхались, по удостовѣренію Трудницкаго, съ цѣлью за-

няться подготовленіемъ революціи. Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Трудницкій и Кацъ поселились въ Конотопскомъ уѣздѣ; Владиміръ Жебуневъ (раньше другихъ) и Кацъ получили чрезъ Якова Стефановича мѣста сельскихъ учителей, первый въ селѣ Дептовкѣ, а второй въ селѣ Кошарахъ; затѣмъ Кацъ перешелъ въ село Великій-Самборъ, его мѣсто въ Кошарахъ занялъ, по рекомендаціи того же Стефановича, Трудницкій, помощникомъ у котораго былъ Сергѣй Жебуневъ; Андрей Франжоли занялъ мѣсто сельскаго учителя въ селѣ Фастовцахъ, Борзенскаго уѣзда, а Николай Жебуневъ и Макаревичъ съ женами, а также Кобіевъ, отправились въ Одессу, гдѣ затѣмъ Николаемъ Жебуневымъ и была устроена кузница. Поселившіеся въ Конотопскомъ уѣздѣ Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Кацъ и Трудницкій, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ показаній, часто посѣщали другъ друга и къ нимъ приходилъ изъ села Фастовца и Франжоли, что удостовѣряется показаніями какъ Владиміра Жебунева, такъ и самого Франжоли, а къ Кацу, въ Великій-Самборъ, пріѣзжала, по показанію квартирнаго хозяина Каца, дня на три какая-то дама, по объясненію Владиміра Жебунева и Трудницкаго, Анна Макаревичъ. Всѣ эти лица, приводя въ исполненіе постановленія кіевскаго съѣзда, занялись пропагандою, дѣйствуя, по показанію Трудницкаго, очень осторожно и стараясь казаться вполнѣ благонадежными, вслѣдствіе чего только въ отношеніи Сергѣя Жебунева и Каца, и то лишь отчасти, могло быть обнаружено, въ чемъ именно состояла ихъ агитаторская дѣятельность. Сергѣй Жебуневъ, уѣзжавшій изъ Кошаръ на время праздниковъ Св. Пасхи въ Одессу, вернулся съ цѣлымъ запасомъ революціонныхъ книгъ, которыя, по словамъ Трудницкаго, и роздалъ брату Владиміру, Кацу и крестьянину Александру Стрѣльцу, что подтвердилъ и сей послѣдній, объяснивъ, что получилъ отъ Сергѣя Жебунева книги: „Исторію одного французскаго крестьянина“, „О мученикѣ Николаѣ“, „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“ и брошюру: „Чтой-то братцы“. Передавая означенныя книги Стрѣльцу, Сергѣй Жебуневъ совѣтовалъ ему списать брошюру «Чтой-то братцы», чтобы лучше ее усвоить и передавать другимъ; по совѣту того же Сергѣя Жебунева, Стрѣлецъ передалъ затѣмъ имѣвшіяся у него книги крестьянину Харитону Панибратцу, который часто посѣщалъ Кошарскихъ учителей. Не ограничиваясь раздачею книгъ, Сергѣй Жебуневъ велъ и словесную пропаганду; такъ, по показанію Стрѣльца, онъ говорилъ ему и другимъ „хлопцамъ“, что всѣ должны быть равны, что надо идти на пановъ, побить ихъ и раздѣлить ихъ земли, послѣ чего можно будетъ обойтись и безъ Царя; по указаніямъ того же Сергѣя Жебунева и отчасти съ его словъ, Стрѣлецъ написалъ найденные у него при обыскѣ: „Разсказъ о бывшихъ въ 1861 и 1868 гг. возмущеніяхъ крестьянъ въ селѣ Кошарахъ“ и два воззванія, изъ которыхъ одно подъ заглавіемъ: „Птицы съ желѣзными носами“, что по разъясненію, данному Сергѣемъ Жебуневымъ Стрѣльцу, должно было означать „пановъ“. Кацъ въ селѣ Великомъ-Самборѣ познакомился съ фельдшеромъ Семеновымъ, который, бывая у Каца довольно часто, встрѣчался у него съ Сергѣемъ Жебуневымъ и Стефановичемъ, а также съ крестьяниномъ Панибратцомъ. У Каца Семеновъ видѣлъ книги: „Впередъ“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „О мученикѣ Николаѣ“, изъ которыхъ послѣднюю Кацъ читалъ Семенову.

Кромѣ означенныхъ книгъ, у Каца была еще книга „Стенька Разинъ“, которую видѣлъ квартирный хозяинъ Каца, передавшій сему послѣднему отъ учителя села Дептовки (Владиміра Жебунева) какую-то записку, написанную непонятными буквами. Посѣщая агитаторовъ, поселившихся въ Конотопскомъ уѣздѣ, Стефановичъ и Франжоли, по удостовѣренію Трудницкаго, побуждали своихъ единомышленниковъ къ болѣе энергическому образу дѣйствій. Стефановичъ доказывалъ необходимость прямо идти въ народъ, запасшись фальшивыми крестьянскими паспортами и изучивъ какое-нибудь ремесло, а Франжоли объяснилъ свою неудачу на поприщѣ пропаганды непригодностью для этого дѣла должности сельскаго учителя, какъ препятствующей отчасти сближенію съ народомъ. Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій, а также опасенія быть выданными Трудницкимъ, который уговаривалъ своихъ товарищей бросить задуманное дѣло, Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Кацъ и Франжоли сожгли бывшія у нихъ революціонныя книги и уличавшую ихъ переписку и разъѣхались въ разныя стороны: Сергѣй Жебуневъ и Франжоли поѣхали въ Одессу, куда прибылъ и Кацъ, побывавъ сначала въ Кіевѣ, гдѣ онъ, подъ именемъ Михайлова, посѣщалъ, по удостовѣренію Ларіонова, коммуну въ домѣ Леминскаго, а Владиміръ Жебуневъ уѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ, по собственному его показанію, поступилъ рабочимъ къ сапожнику Ценцишевскому, имѣя въ виду открыть впослѣдствіи сапожную мастерскую. Владиміръ Жебуневъ былъ задержанъ въ Харьковѣ, при чемъ у него было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также сочиненія Прудона, Лассаля и т. п. Такимъ образомъ, за исключеніемъ Владиміра Жебунева, лѣтомъ 1874 года весь кружокъ оказался въ сборѣ въ городѣ Одессѣ. Какъ было сказано выше, Николай Жебуневъ съ женою, тотчасъ послѣ кіевскаго съѣзда, поселились въ Одессѣ, гдѣ уже съ сентября 1873 года жилъ Петръ Макаревичъ съ женою. Николай Жебуновъ работалъ сначала въ слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, а затѣмъ открылъ свою собственную кузницу, въ которой работали перешедшіе къ нему отъ Рыхлицкаго—рядовой Августъ Шрейдеръ и сынъ дворянина Юрій Крыжановскій, и которая 15-го іюня была перенесена въ село Васильевку, находящееся въ 60 верстахъ отъ Одессы. Макаревичъ обучался сапожному мастерству и жилъ одно время на одной квартирѣ съ бывшимъ студентомъ Самуиломъ Чудновскимъ, съ которымъ и занимался ввозомъ въ Россію изъ-за границы революціонныхъ книгъ, а въ іюнѣ поселился вмѣстѣ съ Франжоли у сапожнаго мастера Свѣчинскаго; у Макаревича проживалъ, кромѣ того, одно время дворянинъ Александръ Костюринъ, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго. Юрій Крыжановскій и Александръ Костюринъ, спрошенные при дознаніи о дѣятельности Николая Жебунева и Петра Макаревича, дали первоначально уклончивыя показанія, но затѣмъ пожелали открыть истину и объяснили слѣдующее: Александръ Костюринъ лѣтомъ 1874 года, чрезъ посредство брата своего, Виктора Костюрина, жившаго съ Андреемъ Франжоли, познакомился съ симъ послѣднимъ, у котораго встрѣчался затѣмъ съ бывшимъ студентомъ Петровской академіи, крестьяниномъ Иваномъ Павловымъ Стенюшкинымъ. По рекомендаціи Стенюшкина, Костюринъ поступилъ ученикомъ въ кузницу Николая Жебунева, у котораго видѣлъ много запрещенныхъ книгъ, какъ-то: „Пѣсенникъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“,

„Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и др., а затѣмъ, когда у него заболѣла нога, перешелъ на жительство въ общую квартиру Франжоли и Макаревича. Въ кузницѣ Жебунева велись разговоры о томъ, какъ идти въ народъ, при чемъ Николай Жебуневъ передавалъ, что двое рабочихъ, Василій и Иванъ, къ которымъ онъ ходилъ, уѣхали на родину въ Курскую губернію, гдѣ и должны были заниматься пропагандой, для чего и были снабжены надлежащими книгами. Этихъ рабочихъ, Василія и Ивана, Костюринъ встрѣчалъ у Франжоли, общую квартиру котораго съ Макаревичемъ посѣщали Феликсъ Волховской, Леонидъ Голиковъ, Николай и Сергѣй Жебуневъ, Иванъ Глушковъ, Кацъ, Леонидъ Дическуло и какой-то Вильгельмъ (Лангансъ), изъ которыхъ двое послѣднихъ лѣтомъ 1874 года уѣхали въ Екатеринославскую губернію и поселились на границѣ ея съ Полтавскою губерніей. Всѣ вышепоименованныя лица, сходясь въ квартирѣ Макаревича и Франжоли, почти всегда разговаривали объ одномъ предметѣ, а именно о мѣрахъ къ скорѣйшему возбужденію возстанія; изъ разговоровъ этихъ же лицъ Костюринъ узналъ, что у многихъ зараждается мысль объ организаціи вооруженнаго сопротивленія жандармамъ во время арестовъ, при чемъ высказывалось, что какъ арестъ Богомолова не мѣшалъ пугачевскому бунту, такъ и теперешніе аресты не помѣшаютъ возстанію. Проживая у Макаревича, Костюринъ видѣлъ, что Макаревичъ употреблялъ въ своей перепискѣ шифръ, основанный на двухъ стихотвореніяхъ: „Птичка Божія не знаетъ“ и „По синимъ волнамъ океана“ впослѣдствіи же, когда Франжоли уѣхалъ обратно въ Фастовцы, Макаревичъ далъ Костюрину порученіе съѣздить къ Франжоли и предупредить его о грозившей ему опасности быть арестованнымъ, при чемъ снабдилъ Костюрина деньгами на проѣздъ на Фастовцы, объяснивъ, что на обратный путь деньги будутъ даны въ Кіевѣ Лурье, къ которому и поручилъ Костюрину заѣхать. Костюринъ пріѣхалъ, однако, въ Фастовцы уже послѣ ареста Франжоли, а затѣмъ былъ и самъ арестованъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Нѣжинъ, при чемъ во время слѣдованія въ этотъ послѣдній городъ имѣлъ съ Дробышевскимъ разговоръ о Бенецкомъ, сущность котораго уже была изложена выше. Юрій Крыжановскій перешелъ въ кузницу Жебунева изъ слесарнаго заведенія Рыхлинскаго не задолго до Пасхи 1874 года по уговору Леонида Дическуло, посѣщавшаго лишь изрѣдка Николая Жебунева, потому, какъ онъ говорилъ, что, состоя подъ надзоромъ полиціи, боялся частыми посѣщеніями навлечь подозрѣніе полиціи на кузницу. При поступленіи Крыжановскаго въ кузницу Жебунева въ ней работали Августъ Шрейдеръ, Иванъ Павловъ (Стенюшкинъ) и какой-то плотникъ Павло, который, впрочемъ, въ скоромъ времени скрылся, укравъ 125 р. с.; кромѣ того, одно время работалъ въ кузницѣ, въ качествѣ ученика, молодой человѣкъ по имени Александръ Костюринъ. Сначала Николай Жебуневъ велъ себя очень осторожно, и лишь впослѣдствіи, когда перестали стѣсняться Крыжановскаго, сей послѣдній понялъ, что Николай Жебуневъ занимался распространеніемъ преступнаго содержанія книгъ и пропагандою въ народѣ революціонныхъ идей. Весною Дическуло отправился на работу въ Евпаторію съ цѣлью пріискать подлежащихъ людей для пропаганды, а по возвращеніи разсказывалъ Николаю Жебуневу; что крымскіе татары—люди

весьма пригодные для революціоннаго дѣла и что ему удалось устроить въ самой Евпаторіи бунтъ между рабочими, возбудивъ ихъ противъ хозяина, который заставлялъ ихъ работать слишкомъ долго. Лѣтомъ 1874 г. Дическуло получилъ отъ кого-то 1.000 р. сер., изъ коихъ часть далъ Николаю Жебуневу, а остальныя оставилъ у себя съ цѣлью завести мастерскую, которая впослѣдствіи и была имъ открыта въ какой-то деревнѣ. Въ серединѣ лѣта Николай Жебуневъ перенесъ свою кузницу въ село Васильевку, гдѣ его посѣщали Сергѣй Жебуневъ и Иванъ Глушковъ, братъ жены Николая Жебунева, проживавшіе нѣкоторое время у Жебунева въ Одессѣ. У Николая Жебунева онъ видѣлъ Макаревича съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ и какую-то одѣвавшуюся въ крестьянское платье дѣвицу Елену, 16 лѣтъ, которая разсказывала, что отъ мужиковъ нельзя ожидать толку, потому что „станешь говорить имъ про дѣло, а они лѣзутъ обниматься“. Николай Жебуневъ и посѣщавшія его лица давали Крыжановскому читать „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Впередъ“, „Пѣсенникъ“, „Стеньку Разина“, „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Сила солому ломитъ“ и другія книги. Эти книги хранились подъ поломъ, а приносилъ ихъ Макаревичъ. Послѣдній, а также жена его, уговаривали Крыжановскаго раздавать книги другимъ, при чемъ Макаревичъ говорилъ, что и самъ распространяетъ книги, но между „болѣе благородными лицами“, такъ какъ простымъ людямъ ему раздавать книги неудобно, потому что онъ хорошо одѣвался. Къ Макаревичу, какъ извѣстно Крыжановскому, ходило много „благородныхъ“; самъ онъ былъ у него только разъ съ Николаемъ и Сергѣемъ Жебуневыми, Кацемъ, Глушковымъ и Стенюшкинымъ и видѣлъ у Макаревича Александра, у котораго болѣла нога. Кромѣ означенныхъ лицъ, у Николая Жебунева по воскресеньямъ бывали простые рабочіе, которымъ онъ читалъ запрещенныя книги и давалъ читать таковыя на домъ; независимо отъ сего, Жебуневъ раздавалъ книги въ артеляхъ, но дѣло это шло неуспѣшно, и онъ роздалъ, такимъ образомъ, не болѣе 20 книгъ. Переѣзжая съ кузницей въ село Васильевку, Николай Жебуневъ взялъ съ собою и революціонныя книги; когда же въ Васильевку пріѣхалъ Сергѣй Жебуневъ и сообщилъ объ арестѣ брата Владиміра, то книги были уложены въ мѣшокъ и отвезены Крыжановскимъ въ Одессу къ Сергѣю Жебуневу, который ихъ взялъ и съ ними куда-то ушелъ. Отъ Сергѣя Жебунева Крыжановскій слышалъ, что онъ былъ учителемъ въ какой-то деревнѣ, гдѣ и подготовилъ одного парня къ ихъ дѣлу; въ это время, когда онъ былъ учителемъ, Сергѣй Жебуневъ, какъ слышалъ Крыжановскій, былъ въ компаніи съ Кацемъ и заодно съ братьями Жебуневыми дѣйствовалъ какой-то Трудницкій. У Александра (Костюрина), работавшаго въ кузницѣ Николая Жебунева, а потомъ, когда у него болѣла нога, жившаго у Макаревича, былъ братъ Викторъ, бывшій студентъ Новороссійскаго Университета, о которомъ рабочій Павло разсказывалъ Крыжановскому, что онъ посѣщалъ артели рабочихъ и обучалъ ихъ тому же дѣлу, что и Жебуневъ, но обученіе его шло плохо. Содержась подъ стражею, Крыжановскому пришлось однажды, по недостатку отдѣльныхъ камеръ, ночевать въ одной камерѣ съ Глушковымъ, который разсказалъ ему, что Николай Жебуневъ уѣхалъ съ женою въ Англію, успѣвъ скрыться

благодаря полученному отъ Ивана Павлова (Стенюшкина) извѣщенію о грозившемъ ему арестѣ. Хотя Крыжановскій при слѣдствіи остался неспрошеннымъ за неразысканіемъ его, а Александръ Костюринъ впослѣдствіи отъ своего показанія отказался, тѣмъ не менѣе правдивость вышеизложенныхъ показаній означенныхъ лицъ не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду подтвержденія, которое эти показанія находятъ въ нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла. По объясненіямъ Трудницкаго, даннымъ при дознаніи и слѣдствіи, въ Одессѣ существовалъ особый революціонный кружокъ, главою котораго былъ Волховской; кружекъ этотъ имѣлъ сношенія съ кружкомъ Жебуневыхъ, и къ нему принадлежалъ также дворянинъ Леонидъ Голиковъ. Волховской и Голиковъ, привлекавшіеся къ дѣлу Нечаева, какъ выяснилось по дѣлу, дѣйствительно проживали въ Одессѣ и были между собою знакомы; Волховской, отказавшійся представить какія-либо объясненія, принадлежалъ также, какъ изложено выше, къ революціонному кружку Чайковскаго, имѣлъ сношенія съ Оеофаномъ Лермонтовымъ и былъ знакомъ, какъ это доказано слѣдствіемъ, съ Викторомъ Костюринымъ; у Голикова же, объяснившаго, что онъ кромѣ Волховскаго вовсе не знаетъ лицъ, принадлежавшихъ къ Одесскому кружку, были найдены фотографическія карточки Виктора Костюрина, Леонида Дическуло и Вильгельма Ланганса, а также неоконченная исповѣдь, въ которой Голиковъ, высказывая свое желаніе быть полезнымъ обществу, такъ какъ онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ народа, вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ встрѣченныя имъ затрудненія при выборѣ дѣятельности, которая дала бы ему возможность принести наибольшую пользу и помощь народу. Сергѣй Жебуневъ, Кацъ и Глушковъ жили вмѣстѣ на одной квартирѣ и занимались, первые двое—бондарнымъ, а послѣдній—столярнымъ ремесломъ. Изъ этихъ лицъ Кацъ призналъ, что у него были книги: „Стенька Разинъ“, а также „Исторія французскаго крестьянина“, „Впередъ“ и „О мученикѣ Николаѣ“, каковыя книги онъ получилъ, по его словамъ, отъ Трудницкаго и сжегъ, не давая ихъ читать никому, а Глушковъ объяснилъ, что пріѣхалъ лѣтомъ 1874 года въ Одессу, чтобы повидаться съ сестрою Зинандою, женою Николая Жебунева. Глушковъ, какъ было указано выше, находился въ сношеніяхъ съ Даниловымъ, который и адресовалъ на имя Глушкова отобранное у него въ Ахалкалакахъ письмо, составляющее какъ бы отчетъ о революціонной дѣятельности Данилова на Кавказѣ, а Михаилъ Кацъ посѣщалъ подъ именемъ Михайлова въ гор. Кіевѣ коммуну въ домѣ Лемнискаго, какъ это видно изъ показанія Ларіонова. Андрей Франжоли, по собственному его показанію, проживалъ съ начала мая по 25-е іюня въ квартирѣ Макаревича, вмѣстѣ съ которымъ, какъ это доказано свидѣтельскими показаніями, и обучался сапожному ремеслу въ мастерской Свѣчинскаго. По обыску, произведенному у Франжоли въ Фастовцахъ, было найдено нѣсколько книгъ съ фамиліями Макаревича и Трезвинскаго, а также три письма, написанныя Франжоли, изъ которыхъ одно на имя Лурье въ Кіевъ, другое на имя Дубинина въ Одессу, а третье безъ конверта и адреса, начинающееся словами „Витька“. Въ означенныхъ письмахъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста: а) въ письмѣ Дубинину: „Петро! Наканунѣ полученія отъ васъ письма я послалъ вамъ письмо на адресъ старой квартиры . . въ

немъ я просилъ объ адресѣ Витьки, о вашемъ и всѣхъ знакомыхъ здоровьи;—ваше молчаніе на Аннины письма смущало меня . . . . ужасно не хорошо, что у васъ много новостей, но не прибавляете худыхъ ли, хорошихъ ли или безразличныхъ . . . пришлите мнѣ отложенныя книги. Пиши, получено ли первое письмо и что второе, меня смущаетъ слово „судебная“ на этомъ адресѣ . . . Пиши о вашемъ здоровьи и о вашихъ новостяхъ, но помни, что я нездоровъ и въ письмѣ будь остороженъ, рѣзкости меня тревожатъ. Виктора адресъ не забудь прислать. Сашкѣ на третій день пріѣзда сюда послалъ письмо въ Умань, чтобъ она или ѣхала сюда, или послала документы съ прошеніемъ въ училищный совѣтъ въ Борзенскую уѣздную управу, и мѣсто ей хорошее выбралъ, да отъ нея ни слуху, ни духу, напиши, что тебѣ извѣстно о ней. О ногѣ Александра напиши . . .“; б) въ письмѣ къ Лурье: „Семенъ! вы, вѣроятно, получили чрезъ долговязаго господина лично или по почтѣ записку о моей болѣзни, мнѣ такъ совѣстно, что я ее писалъ . . . но потомъ, раздумавъ, рѣшилъ не придавать никакого знанія всѣмъ толкамъ о моей болѣзни; я надѣюсь ее вынести безъ всякихъ сильныхъ потрясеній, даже надѣюсь обойтись безъ перемѣны климата и мѣстности, и не глупа ли послѣ этого, скажите, моя записка . . . Если вы увѣдомили Аню и Петро о моей болѣзни, напишите имъ еще разъ, чтобъ они не безпокоились, что это просто плевка не стоитъ . . .“; в) въ письмѣ къ Витькѣ: „Предъ отъѣздомъ видѣлся съ Николаемъ . . . мнѣ кажется, что ты сдѣлаешь и глупость и подлость, если, желая загладить свое бездѣлье, задумаешь добыть результаты; ты ихъ не добудешь, а себя израсходуешь. Мы уже съ тобою говорили о невозможности добыть результаты; ты согласился, что твоя роль будетъ наблюдательная . . . я такъ былъ возбужденъ послѣднимъ положеніемъ дѣлъ, что когда ко всему присоединился отъѣздъ твой и Ани, въ особенности Ани...“ Независимо отъ сего, уже послѣ ареста Франжоли на его имя были получены изъ Одессы два письма слѣдующаго содержанія: первое—„. . . а наша тетушка Евфросинья Петровна такъ опасно заболѣла, что ее вчера отвезли въ Москву, понимаешь ли, чѣмъ это пахнетъ, перенесетъ ли она такое путешествіе; мы же пока, слава Богу, здоровы, хотя погода здѣсь теперь стала что-то не совсѣмъ хорошая, да и не у насъ однихъ; вонъ пишутъ, что и въ Крыму стала тоже плохая погода. Леонидъ и Колька недавно были у меня, они здоровы и у нихъ все хорошо, отправились на мѣсто, а Нѣмецъ теперь у меня сидитъ и тебѣ поклонъ шлетъ. Отъ Витьки очень часто получаю письма. Онъ пока еще на правахъ больного. Вотъ его адресъ: Его высоко. Павлу Андреевичу Илашко, городъ тебѣ извѣстенъ, а внутри конверта передать Виктору. Отъ Сашки ни слова; я не понимаю, что бы это значило. Я ей тоже писалъ. Иванъ Оедоровичъ кланяется тебѣ, онъ здоровъ . . . деньги отъ матери Ани получены . . . посылаю тебѣ адресъ: въ Одессу, въ судебную палату, его высокоблагородію Василію Ивановичу Дубинину, прошу передать Оедору Леонтьевичу. Витька пишетъ (сейчасъ получилъ письмо)“ . . . вещи отправилъ, но только въ Кіевъ, потому что на Плиски не приняли, въ Кіевъ же я послалъ квитанцію къ Семену; и прошу его сейчасъ же отправить вещи на станцію Плиски, а квитанцію тебѣ . . . Кромѣ сообщенныхъ новостей, есть и другія интересныя, которыя сообщу тогда,

когда пришлешь хорошій адресъ, хотя для одного или двухъ писемъ...“ Письмо это отмѣчено 17-мъ августа. Второе—„ . . . извѣщали ли васъ, что Евфросинья Петрова заболѣла и даже очень. Вчера мнѣ говорили, что будто ищутъ Ольгу Р. . . ., но, можетъ быть, это еще невѣрно. Послѣднее извѣстіе отъ нея получилъ изъ Москвы, будетъ уже мѣсяцъ. Теперь же не знаю, гдѣ она. Полагаю, что въ Х . . . . Леонидъ здравствуетъ. Теперь еще не имѣю адреса, чтобы вамъ выслать. Постараюсь приготовить его къ слѣдующему письму, которое ждите недѣли черезъ полторы. Самъ я пробуду въ О . . . мѣсяцъ, два . . . . Вѣроятно, до тѣхъ поръ соберется много новостей“. Франжоли признался, что отобранныя у него при обыскѣ письма писаны имъ, и объяснилъ, что „Петро“—это Макаревичъ, „Аня“—жена Макаревича, „долговязый господинъ“—Трезвинскій, „Семенъ“—Лурье и „Витька“—Викторъ Костюринъ: относительно же писемъ, полученныхъ послѣ его ареста, Франжоли объяснилъ, что письмо отъ 17 августа писано Макаревичемъ, что „Евфросинья Петровна“—одна знакомая его дама, фамилію которой онъ забылъ, и что кѣмъ писано второе письмо—ему неизвѣстно. Между тѣмъ изъ дѣла видно, что именно въ то время, когда было написано къ Франжоли письмо, извѣщавшее его о болѣзни и отправкѣ въ Москву Евфросиньи Петровны, былъ арестованъ въ Одессѣ и отправленъ въ Москву Феликсъ Волховской. Макаревичъ, признавая, что письмо отъ 17-го августа писано имъ, отказался дать по содержанію онаго какія-либо объясненія, а Франжоли пояснилъ, что всѣ вышеизложенныя письма содержатъ лишь простой обмѣнъ его мыслей съ людьми его близкими. По объясненію же Александра Костюрина, данному при дознаніи, тѣ мѣста въ письмѣ отъ 17-го августа, написанномъ Макаревичемъ еще до отъѣзда его, Александра Костюрина, изъ Одессы, гдѣ говорится о болѣзни и здоровьи разныхъ лицъ, а также о погодѣ въ Одессѣ и Крыму, имѣли цѣлью охарактеризовать отношенія упоминаемыхъ въ письмѣ лицъ къ производившемуся уже въ то время дознанію, а также дѣятельность лицъ, производившихъ таковое; упоминаемыя въ письмѣ имена означаютъ: „Леонидъ“—Дическуло, „Колька“ — Маккавѣева, „Нѣмецъ“ — Вильгельма (фамиліи котораго Александръ Костюринъ не зналъ и который оказался Лангансомъ), „Саша“—Александру Охременко, занимавшую должность сельской учительницы въ Черноостровѣ, и „Ольга Р . . .“—дѣвицу Разумовскую. Такое объясненіе Александра Костюрина, вполнѣ согласное съ обстоятельствами дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе въ объясненіи Трудницкаго о томъ, что употреблявшіяся агитаторами въ перепискѣ выраженія: „заболѣлъ“, „дѣла идутъ хорошо“ и т. д. означали аресты, пропаганду и отношенія властей къ пропагандистамъ. Франжоли, принадлежа къ Одесскому революціонному кружку и имѣя сношенія съ кіевской коммуной, находился кромѣ сего въ сношеніяхъ и съ петербургскими агитаторами, что видно изъ шифрованнаго письма Сидорацкой (Ободовской), подписаннаго „Раскольникова“ и адресованнаго, по всей вѣроятности, къ Александру Осипову Лукашевичу; въ этомъ письмѣ Сидороцкая писала: „вотъ адресъ Франжоли: станція Кіево-Курской желѣзной дороги Плиски, Андрею Франжоли. Шифромъ не пишите ему въ Одессу. Оказывается, это лучшая, живая, нравственная сила; для него существуетъ одно насущное

дѣло, и онъ не можетъ вовсе по жизненной натурѣ своей увлекаться ра
четами какого бы то ни было калибра". Независимо отъ сего, сношен
Франжоли съ Лукашевичемъ подтверждаются еще слѣдующею отмѣткой
оказавшеюся въ отобранной у Франжоли записной книжкѣ: „Лук. Екат
рингофскій проспектъ, домъ Яковлева, квар. № 5". Лукашевичъ, как
видно изъ приложенной къ дѣлу справки, проживалъ въ домѣ Яковлев
съ 23 сентября по 25 декабря 1873 года. По показанію Макаревича
Франжоли, нѣкоторое время въ ихъ квартирѣ проживали Александръ
Викторъ Костюрины; кромѣ сего, квартиру Макаревича посѣщало почт
ежедневно, по удостовѣренію проживавшей рядомъ съ Макаревичемъ сва
дѣтельницы Соляниковой, много молодыхъ людей, повидимому, образован
ныхъ, но изъ коихъ нѣкоторые были одѣты мастеровыми и носили с
собою разные инструменты; обыкновенно собиралось человѣкъ пять-шест
а раза три или четыре было такъ, что собралось въ квартирѣ Макаре
вича человѣкъ до пятнадцати; въ числѣ посѣщавшихъ Макаревича лиц
были и женщины, изъ которыхъ одна приходила, какъ замѣтила Соля
никова, утромъ—одѣтая какъ горничная, а вечеромъ—барыней; во врем
такихъ собраній, несмотря на присутствіе многихъ лицъ, въ квартирѣ Ма
каревича бывала всегда такая тишина, точно въ ней никого не было: во
обще поведеніе Макаревича и приходившихъ къ нему лицъ произвело в
Соляникову такое впечатлѣніе, что у нея родилась мысль, не занимаютс
ли всѣ эти лица въ квартирѣ Макаревича „поддѣлкою фальшивыхъ ас
сигнацій". Въ числѣ лицъ, приходившихъ къ Макаревичу, былъ нѣкт
Желябовъ, фамилію котораго Соляникова слышала нѣсколько разъ. От
означеннаго Желябова было получено въ Петербургѣ, въ октябрѣ 187
года, на имя студента Технологическаго Института Рафаила Казбеки ши
фрованное письмо, подлежавшее передачѣ Аннѣ Макаревичъ, какъ эт
удостовѣрилъ самъ Желябовъ. По разборѣ шифра, которымъ было напи
сано упомянутое письмо, оно оказалось слѣдующаго содержанія: „въ до
полненіе ко всему сказанному пріѣхавшими пишу по просьбѣ Петра. В
Цюрихѣ онъ былъ, Жебуневыхъ зналъ мало, бывалъ рѣдко, изъ-за гра
ницы мы возвратились вмѣстѣ. Петръ видѣлъ въ Одессѣ Жебуневых
раза два, Трудницкаго, который васъ видалъ, зналъ мало, Леонида Квят
ковскаго и Кобіева также мало, объ остальныхъ молчитъ. Пишите, что
долженъ онъ сказать о вашей поѣздкѣ въ Конотопъ? На случай вашего
ареста, загодя просите своихъ родителей взять васъ на поруку или внест
залогъ, предстоитъ такое чудесное предпріятіе, что я и этому письму не
хочу довѣрить, но для успѣха нужны деньги. Я уже телеграфировалъ в
Кіевъ, не знаю вышлютъ ли. Если вы богаты, спѣшите сдѣлать перевод
ста руб. на контору Мааса въ Одессѣ. Дѣло спѣшное! Если будете вы
сылать, то пришлите извѣщеніе телеграммой на имя Шестаковскаго, въ
Коммерческое училище, учителю. Бѣда, нашъ прежній адресъ переста
служить. Я уговорилъ одну барыню дать свой адресъ на три недѣли.
пишите: Одесса, Ланжероновскій переулокъ, въ складъ швейныхъ машинъ
Цорна, Евгеніи Петровнѣ. Ищу новаго адреса, найдя, напишу. На внут
реннемъ конвертѣ ничего". Несмотря на показаніе Соляниковой, кре
стьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ, исключенный изъ Новороссійскаго
Университета за участіе въ безпорядкахъ 1872 года, отвергая свое зна

комство съ Петромъ Макаревичемъ и другими лицами, принадлежавшими къ одесскому кружку, объяснилъ, что зналъ лишь одну Анну Розенштейнъ (Макаревичъ), которую встрѣчалъ нѣсколько разъ на улицѣ въ городѣ Одессѣ и которой написалъ изложенное выше письмо по просьбѣ неизвѣстнаго лица, передавшаго ему шифръ и адресъ Анны Макаревичъ; что же касается „смѣлаго предпріятія", о которомъ упоминается въ письмѣ, то таковое должно было состоять, по словамъ Желябова, въ доставленіи Аннѣ Макаревичъ возможности видѣться съ мужемъ во время прогулки сего послѣдняго. Евгенія Петровна, на имя которой Желябовъ просилъ адресовать ему письма въ Одессу, оказалась, по собраннымъ свѣдѣніямъ, вдовою поручика Окуньковою, удостовѣрившею при слѣдствіи, что Желябовъ въ сентябрѣ 1874 года просилъ у нея позволенія пользоваться ея адресомъ для любовной переписки, и получилъ чрезъ ея посредство два письма, изъ которыхъ одно было изъ Кишинева, а откуда было другое— ей неизвѣстно, такъ какъ оно было взято Желябовымъ въ ея отсутствіе. Сынъ поручика Леонидъ Дическуло и прусскій подданный Вильгельмъ Лангансъ, несомнѣнно принадлежавшіе, по удостовѣренію Александра Костюрина, къ одесскому революціонному кружку, были задержаны въ устроенной ими бондарной мастерской, въ селѣ Попельнастомъ, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, на границѣ Екатеринославской и Полтавской губерній. Означенная мастерская была открыта въ первыхъ числахъ іюня 1874 года Лангансомъ, который, назвавшись одесскимъ мѣщаниномъ Мартыномъ Петровымъ, нанялъ бондарнаго мастера крестьянина Ивана Лямина, назначивъ ему жалованье вдвое больше того, что онъ получалъ у стараго хозяина. Лангансъ, какъ это видно изъ показанія Лямина, былъ хозяиномъ мастерской, а Леонидъ (т. е. Дическуло) ученикомъ; кромѣ Дическуло былъ еще другой ученикъ Николай (Маккавѣевъ, о которомъ упоминается въ одномъ изъ вышеприведенныхъ писемъ); по словамъ Лямина никто изъ нихъ бондарнаго ремесла не зналъ, работали они мало и небрежно, отъ чего, при незначительности заказовъ, бондарная приносила убытокъ; Лангансъ и Дическуло, одѣвшіеся попростонародному, держали себя съ крестьянами какъ съ равными и въ разговорахъ съ ними указывали на преимущества жизни въ Америкѣ и на недостатокъ земли у крестьянъ; объясняя послѣднее явленіе избыткомъ земли у „пановъ". По обыску, произведенному въ бондарнѣ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и довольно значительное количество народныхъ разсказовъ, въ томъ числѣ „Дѣдушка Егоръ" въ 22-хъ экземплярахъ, а также карты Екатеринославской, Херсонской, Полтавской и Подольской губерній. Независимо отъ сего, показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что Дическуло, работая на слесарномъ заведеніи Рыхлицкаго, возбуждалъ рабочихъ противъ хозяина, доказывая, что Рыхлицкій заставляетъ ихъ слишкомъ много работать. Леонидомъ Дическуло, по удостовѣренію Рыхлицкаго, былъ приведенъ къ нему въ заведеніе и Николай Жебуневъ, который, проработавъ лишь одинъ день, открылъ свою кузницу и при содѣйствіи Дическуло переманилъ къ себѣ рабочихъ Шрейдера и Крыжановскаго. Все вышеизложенное, въ связи съ показаніями Трудницкаго и объясненіями, данными при дознаніи Юріемъ Крыжановскимъ и Александромъ Костюринымъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что кружокъ Жебуневыхъ, съ

присоединившимися впослѣдствіи къ нему лицами, преслѣдовалъ тѣ же цѣли, что и кіевская коммуна, съ которой онъ имѣлъ весьма близкія сношенія. Такой несомнѣнно вытекающій изъ обстоятельствъ дѣла выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ предсмертномъ объясненіи дворянина Георгія Трудницкаго, окончившаго жизнь самоубійствомъ. Въ упомянутомъ объясненіи Трудницкій, подтверждая безусловно всѣ данныя имъ показанія, между прочимъ, пояснилъ слѣдующее: онъ былъ вполнѣ солидаренъ съ кружкомъ до того времени, пока члены его не рѣшили окончательно вызвать въ народѣ возстаніе; съ того же момента, когда онъ убѣдился, что рѣшеніе кружка неизмѣнно, что „рѣзня“ только и была у всѣхъ на умѣ, онъ, вполнѣ сознавая весь вредъ, который принесла бы народу революція, разошелся съ кружкомъ и счелъ долгомъ своей совѣсти заявить правительству о планахъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ. Его намѣреніе было—дождаться суда, подтвердить и разъяснить на судѣ свои показанія и затѣмъ лишить себя жизни, такъ какъ, исполнивъ то, что онъ считалъ своею обязанностью, онъ тѣмъ не менѣе не могъ перенести мысли, что выдалъ людей, съ которыми дѣйствовалъ сначала заодно; мучимый этою мыслію и тяготясь жизнью, онъ оказался, однако, не въ силахъ дождаться окончанія дѣла. Трудницкій лишилъ себя жизни весной 1876 г. Несмотря на все вышеизложенное, задержанные члены одесскаго революціоннаго кружка: Владиміръ и Сергѣй Жебуневы, Франжоли, Макаревичъ, Кацъ, Волховской, Голиковъ, Глушковъ, Дическуло, Лангансъ, Викторъ Костюринъ и Желябовъ виновными себя ни въ чемъ не признали, прочіе же члены кружка, подлежащіе преслѣдованію, успѣли скрыться. Тимофей Квятковскій, о которомъ упоминаетъ въ своемъ показаніи Трудницкій, также занялся революціонною пропагандою. Проживая въ Петербургѣ съ 1869 года, Квятковскій, какъ видно изъ его показанія, былъ знакомъ съ Кдеменсомъ, слушалъ лекціи въ университетѣ, затѣмъ перешелъ въ Технологическій Институтъ, выйдя изъ котораго въ началѣ 1873 года, поѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ и сошелся съ Жебуневыми, Макаревичемъ, Кобіевымъ и Трудницкимъ. По возвращеніи въ Петербургъ Квятковскій не прервалъ своихъ сношеній съ Жебуневыми; по его собственнымъ словамъ, лѣтомъ того же года онъ ѣздилъ къ нимъ въ деревню, а въ октябрѣ 1873 года Трудницкій, какъ оказывается изъ показанія, даннаго имъ при дознаніи, пріѣзжалъ въ Петербургъ для совѣщаній съ Квятковскимъ, о результатѣ которыхъ и телеграфировалъ Николаю Жебуневу въ Одессу. Лѣтомъ 1874 года Тимоѳей Квятковскій появился въ селѣ Хотушахъ, Тульскаго уѣзда, гдѣ и была обнаружена его преступная дѣятельность. Въ означенномъ селѣ существовала артель слесарей, дѣла которой шли очень плохо; о существованіи этой артели и положеніи ея дѣлъ Тимоѳей Квятковскій узналъ случайно, какъ видно изъ его показанія, отъ какого-то рабочаго на Курской желѣзной дорогѣ въ то время, когда онъ, весной 1874 года, проѣзжалъ изъ Петербурга въ деревню къ Жебуневымъ. Въ виду состоявшагося между нимъ и его братомъ Александромъ соглашенія примѣнить на практикѣ ученія соціалистовъ объ артеляхъ, Тимоѳей Квятковскій написалъ своему брату въ Петербургъ письмо, въ которомъ предлагалъ воспользоваться представившимся случаемъ и ѣхать въ Хотуши поддержать артель. Александръ Квятковскій принялъ предложеніе брата и въ

апрѣлѣ или началѣ мая 1874 г. пріѣхалъ въ Хотуши, гдѣ и открылъ слесарную мастерскую, въ которую поступили: пріѣхавшій изъ Петербурга, вышедшій изъ Медико-Хирургической Академіи, сынъ купца, Иннокентій Павловъ Пьянковъ, помощникъ мѣстнаго сельскаго учителя, сынъ священника Дмитрій Павловъ Соколовъ и нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1874 года въ Хотуши пріѣхалъ Тимоѳей Квятковскій, который и принялъ все дѣло въ свое завѣдываніе, а нѣсколько позже пріѣхалъ нѣкто Александръ Антоновичъ, званіе и фамилія котораго остались необнаруженными. Работа въ мастерской производилась не на артельномъ началѣ, а на основаніяхъ задѣльной платы; всѣ рабочіе и, какъ зовутъ они Квятковскихъ, Пьянкова, Соколова и Александра Антоновича — хозяева жили вмѣстѣ, при чемъ послѣдніе ничѣмъ по образу жизни не отличались отъ рабочихъ и ѣли вмѣстѣ съ ними. Хозяева желали кормить рабочихъ скоромною пищей въ дни постовъ, уговаривали ихъ ѣсть скоромное и доказывали, что поститься не слѣдуетъ, какъ равно не нужно молиться Богу, въ доказательство чего читали и толковали мѣста изъ Евангелія, взявъ таковое у мѣстнаго священника. Въ бесѣдахъ съ рабочими всѣ обвиняемые говорили имъ, что землю надо силой отобрать у помѣщиковъ, что всѣ должны быть равны между собою, что платить податей не слѣдуетъ, и что царя не надо, а слѣдуетъ государя выбирать на три года и смѣнять его, если это окажется нужнымъ. Обвиняемые читали рабочимъ въ подтвержденіе таковыхъ мыслей разныя книги, изъ которыхъ свидѣтели, по заглавію, запомнили только „Сказку о четырехъ братьяхъ“; читали и толковали всѣ хозяева, какъ это видно изъ показаній рабочихъ, объяснившихъ также, что хозяева находились съ кѣмъ-то въ перепискѣ и получали письма, писанныя не обыкновеннымъ образомъ, а цифрами. Первыми уѣхали изъ Хотушъ Александръ Квятковскій и Пьянковъ, затѣмъ уѣхали Соколовъ и Тимоѳей Квятковскій, а хозяиномъ остался Александръ Антоновичъ. Послѣ отъѣзда Тимоѳея Квятковскаго, когда Александръ Антоновичъ остался одинъ съ рабочими, то разъ какъ-то напоивъ всѣхъ рабочихъ пьяными, онъ самъ скрылся изъ Хотушъ. Дѣла мастерской шли плохо, и когда всѣ хозяева скрылись, то имущество мастерской и всѣ инструменты, принадлежавшіе не хозяевамъ, а рабочимъ, были заарестованы мѣстнымъ трактирщикомъ Ѳедюнинымъ за долгъ мастерской по забору харчей, такъ что рабочимъ пришлось выкупать ихъ у Ѳедюнина на свой счетъ. По показанію рабочихъ, участіе ихъ въ мастерской привело ихъ только къ полному разоренію. Какое значеніе имѣла слесарная, устроенная обвиняемыми, видно изъ показанія свидѣтеля Вознесенскаго, которому Пьянковъ самъ говорилъ, что она была устроена для пропаганды среди рабочихъ новыхъ идей. Тимоѳей Квятковскій, не отвергая устройства мастерской, деньги на которую были даны имъ и братомъ, виновнымъ себя не призналъ, равно какъ и Пьянковъ и Соколовъ, изъ которыхъ послѣдній былъ задержанъ въ гор. Вильнѣ подъ именемъ студента Кіевскаго Университета Тарловскаго. Тимоѳей Квятковскій, содержась подъ домашнимъ арестомъ въ гор. Тулѣ, бѣжалъ и былъ задержанъ подъ именемъ и со свидѣтельствомъ солдатскаго сына Полякова въ гор. Ковнѣ въ то время, когда онъ покушался пробраться заграницу. Выше сего было указано, что Макаревичъ вмѣстѣ съ Чудновскимъ занимались ввозомъ въ Россію

изъ-за границы революціонныхъ книгъ. Такая дѣятельность означенныхъ лицъ была обнаружена слѣдующимъ образомъ: Староконстантиновскій еврей Мовша Шмулевичъ Сима, содѣйствуя проскуровскому исправнику въ разысканіи лицъ, занимающихся ввозомъ въ Россію черезъ австрійскую границу запрещенныхъ книгъ, вошелъ въ Подволочискѣ въ сношенія съ евреемъ Іосъ Эллеромъ (онъ же Канторъ), который и предложилъ ему участвовать въ перевозкѣ книгъ. Сима, дѣйствуя по порученію исправника, согласился и условился съ Эллеромъ, чтобы книги были доставляемы ему за пять верстъ отъ границы, при чемъ на образецъ получилъ отъ Эллера книгу „Исторію одного французскаго крестьянина“, которую и представилъ исправнику. Въ условленное время книги были доставлены въ назначенное мѣсто, но исправнику не удалось задержать лицъ, доставившихъ книги, и они, бросивъ таковыя, успѣли скрыться. Отобранныя исправникомъ книги были упакованы въ пяти тюкахъ, при чемъ на двухъ тюкахъ оказались слѣдующія надписи: на тюкѣ № 2 „Culaus Kadajski, Bahnbeamter, Podwoloczyska, Galizien“, а на тюкѣ № 4 „B. 2. Wien. Oesterreish. Josephstadt, Landsgasse No. 11. Th. 42. Hr. Tschoudnoffsky“; по вскрытіи тюковъ въ нихъ было найдено: 523 экземпляра «Исторіи одного французскаго крестьянина», 92 экземпляра журнала „Впередъ“, 490 экземпляровъ „О мученикѣ Николаѣ“, 3 экземпляра „Отщепенцовъ“, три тетради за 1870, 1871 и 1872 годы журнала „Volkswilie“, 85 экземпляровъ „Стеньки Разина“, 390 экземпляровъ „Чтой-то братцы“, 148 экземпляровъ „Пѣсенника“, 155 экземпляровъ „Вольнаго атамана Степана Тимоѳеевича Разина», 2 экземпляра „Программы работниковъ», 9 экземпляровъ „Правды“, 10 экземпляровъ „Правдивыхъ идей“ Шевченко, 12 экземпляровъ „Поэзіи того же Шевченко, „Гражданская Война во Франціи“, „Поэзія Іосифа Федьковича“, „Трудень ли выкупъ земли“, „Reden Bebels“, „Das Leben Jesu», „Herr Bastias-Schultze“ von Delitsch и Perissent, „Dieu et la pretraille», послѣднія книги въ одномъ экземплярѣ. Вышеозначенныя книги, какъ Эллеръ объяснилъ Симѣ, подлежали доставкѣ въ городъ Одессу еврею Зейликовичу для передачи нѣкоему Ивану Ивановичу, который еженедѣльно справлялся у Зейликовича о томъ, доставленъ ли товаръ. Прибывъ въ Одессу, Сима узналъ отъ Зейликовича, что къ сему послѣднему дѣйствительно нѣсколько разъ приходилъ какой-то господинъ справляться, прибылъ ли товаръ или письмо, при чемъ Зейликовичъ разспрашивалъ Симу, какой товаръ долженъ быть доставленъ, такъ какъ онъ замѣтилъ, что справлявшійся о товарѣ господинъ соблюдалъ какую-то таинственность. Черезъ нѣсколько дней, въ виду того, что къ Зейликовичу упомянутый господинъ не появлялся, Сима отправился въ Волочискъ къ Эллеру; между тѣмъ, во время пребыванія Симы въ Одессѣ, на его имя было получено въ Проскуровѣ отъ Эллера письмо на еврейскомъ языкѣ, въ которомъ Эллеръ извѣщалъ о полученіи двухъ интересныхъ для Симы писемъ изъ Одессы и Кишинева и совѣтовалъ Симѣ отправиться самому въ Одессу, въ виду предстоящей получки 230 руб. сер., при чемъ поясняль, что прибыло еще пять мѣшковъ муки и просилъ немедленно отвѣта по телеграфу. Сима отправился самъ, какъ сказано выше, въ Волочискъ, гдѣ Эллеръ сообщилъ ему, что адресъ Ивана Иванова можно узнать у Ка-

дайскаго, кассира на станціи желѣзной дороги въ Подволочискѣ, что фамилія Иванова вымышленная и что скрывающееся подъ этой фамиліей лицо есть Василій Фишеръ, оставившій Эллеру свои документы и проживающій въ настоящее время по другому паспорту на имя Шварценберга, при чемъ и вручилъ Симѣ вышеозначенные документы, безъ которыхъ Фишеръ, не зная совершенно Симу, могъ бы ему и не повѣрить. Означенные документы оказались свидѣтельствами: а) 3-й С.-Петербургской гимназіи о выдержаніи Василіемъ Фишеромъ экзамена изъ предметовъ, преподаваемыхъ въ первыхъ трехъ классахъ сей гимназіи и б) провизора Пеля о занятіяхъ Василія Фишера въ аптекѣ Пеля, въ городѣ С.-Петербургѣ; эти документы, равно какъ и письмо Эллера, были впослѣдствіи представлены Симою къ дѣлу. Кадайскій, къ которому Сима обратился за адресомъ Ивана Иванова, заявилъ сначала, что онъ ничего не знаетъ; но когда Сима объяснилъ ему, что у него имѣются документы Фишера, то Кадайскій далъ Симѣ, во-1-хъ, адресъ, по которому надлежало писать въ Одессу, а именно: „Петру Семенову Ващенко, до востребованія“; во-2-хъ, адресъ нѣкоего Генриха Попича въ Одессѣ, къ которому Сима долженъ былъ обратиться за дальнѣйшими справками, и, въ-3-хъ, записку на имя какого-то Семенова, которую показать Попичу. Означенные документы были также впослѣдствіи представлены Симою къ дѣлу. Пріѣхавъ вторично въ Одессу, Сима отправился къ Попичу и показалъ ему письмо на имя Семенова, на что Попичъ заявилъ, что Семенова не знаетъ, а можетъ быть, узнаетъ о немъ отъ другихъ, при чемъ разспрашивалъ Симу, зачѣмъ ему нуженъ Семеновъ и долго ли онъ, Сима, пробудетъ въ Одессѣ; при второмъ же посѣщеніи его, Симы, объявилъ окончательно сему послѣднему, что Семенова не знаетъ и совѣтовалъ письмо Кадайскаго бросить въ печку. Дня черезъ два послѣ такого отвѣта Попича явился къ Симѣ неизвѣстный человѣкъ съ большою черною бородой и спросилъ, не онъ ли Іосъ Эллеръ? Послѣ довольно продолжительныхъ объясненій между Симой и пришедшимъ къ нему лицомъ было, наконецъ, условлено, что передача книгъ произойдетъ въ квартирѣ еврея, у котораго будто бы хранились привезенныя Симой книги, и что незнакомецъ явится въ 7 часовъ вечера къ Симѣ, съ которымъ и отправится на квартиру означеннаго еврея. Въ назначенное время Сима вышелъ на улицу, гдѣ уже находились переодѣтые жандармы; вскорѣ явился и незнакомецъ, съ которомъ Сима сѣлъ на извозчика и поѣхалъ на Молдаванку; явившіеся съ незнакомцемъ два товарища его, изъ которыхъ одинъ былъ Макаревичъ, поѣхали сзади на другомъ извозчикѣ, но отстали и, какъ видѣли жандармы, отыскивали на Молдаванкѣ указанный имъ Симою домъ, а затѣмъ куда-то уѣхали. Незнакомецъ былъ привезенъ Симою въ квартиру унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Семенова, гдѣ онъ и былъ арестованъ, при чемъ у него оказалась надѣтою фальшивая борода. Арестованное, такимъ образомъ, 27 января 1874 г., лицо, имѣвшее при себѣ деньги въ количествѣ 240 руб. сер., оказалось сыномъ купца 2-й гильдіи Соломономъ Лейзеровымъ Чудновскимъ. Чудновскій, неокончившій курса въ Новороссійскомъ Университетѣ и исключенный изъ Медико-Хирургической Академіи за безпорядки и подстрекательства къ онымъ, объяснилъ, что Сима, который былъ ему совершенно неизвѣстенъ, нѣсколько разъ на улицѣ предлагалъ ему купить

какія-то заграничныя книги, вслѣдствіе чего онъ, наконецъ, и рѣшился отправиться съ Симою посмотрѣть предлагаемыя симъ послѣднимъ книги, при чемъ надѣлъ фальшивую бороду, опасаясь, чтобы неизвѣстные ему люди, съ которыми онъ могъ встрѣтиться при осмотрѣ книгъ, узнавъ его личность, не могли бы его скомпрометировать. Также объясненіе Чудновскаго находитъ себѣ полное опроверженіе какъ въ томъ обстоятельствѣ, что одинъ изъ задержанныхъ около Волочиска тюковъ съ книгами оказался съ приведенною выше надписью: „Wien, Oesterreich, Josephstadt, Landsgasse No. 11 Tschoudnowsky“, такъ и въ дальнѣйшемъ показаніи Чудновскаго, изъ котораго оказывается: а) что Чудновскій въ первой половинѣ 1873 года жилъ въ Вѣнѣ въ Josephstadt, въ улицѣ, названіе которой начинается буквою L (Landsgasse, какъ объяснилъ впослѣдствіи Чудновскій) въ домѣ № 11; б) что съ Попичемъ онъ знакомъ съ гимназической скамьи и в) что заграницу онъ ѣздилъ черезъ Волочискъ и вернулся тѣмъ же путемъ. Независимо отъ сего, объясненіе Чудновскаго о томъ, что онъ Фишера никогда не зналъ и впервые услышалъ его фамилію при слѣдствіи, представляется ложнымъ въ виду показанія Василія Фишера, удостовѣрившаго, что онъ былъ на одномъ курсѣ съ Чудновскимъ и въ 1869 году ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ вагонѣ изъ Петербурга до Орла, куда онъ, Фишеръ, былъ высланъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, за что въ одно съ нимъ время былъ высланъ въ Одессу и Чудновскій. Относительно оказавшихся у Эллера документовъ Фишера сей послѣдній объяснилъ, что бросилъ таковые какъ ненужные, и не знаетъ, какимъ образомъ они попали къ Эллеру, самъ же онъ въ Волочискѣ никогда не былъ. По справкѣ въ книгахъ Волочискаго пограничнаго пункта оказалось, что Чудновскій выѣхалъ за границу 6 января 1873 года, а вернулся 31 іюля того же года. Петръ Макаревичъ, отвергая всякое участіе свое въ дѣлѣ ввоза въ Россію революціонныхъ книгъ, объяснилъ, что онъ въ тотъ вечеръ, когда былъ арестованъ Чудновскій, вовсе изъ дома не выходилъ, и что жандармы, вѣроятно, ошиблись, принявъ за него кого-нибудь другого. Хотя жена и родные Макаревича и подтвердили его объясненіе, но показанія этихъ лицъ, въ особенности жены Макаревича, которая сама принадлежала къ революціонному кружку, не могутъ служить опроверженіемъ показаній трехъ унтеръ-офицеровъ корпуса жандармовъ, удостовѣряющихъ, что именно Макаревичъ былъ однимъ изъ двухъ товарищей Чудновскаго, отправившихся на извозчикѣ на Моллаванку и знавшихъ Макаревича, потому что онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи. Независимо отъ всего вышеизложеннаго, въ виду показанія сельскаго учителя Ивана Козманова, есть полное основаніе полагать, что Макаревичъ еще лѣтомъ 1873 года въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ Стенюшкинымъ занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ. По словамъ Козманова, проживавшаго на одной квартирѣ съ Иваномъ Павловымъ Стенюшкинымъ, сей послѣдній въ началѣ мая 1873 года, предъ отъѣздомъ его, Козманова, изъ Петербурга въ Екатеринбургъ, обратился къ нему съ просьбою—сходить къ нѣкоему Макаревичу, котораго Козмановъ до того времени не зналъ, взять у него книги и отвезти таковые въ Екатеринбургъ крестьянину Короткову; исполняя просьбу Стенюшкина, Козмановъ отправился по данному ему адресу къ Макаревичу, въ одну

изъ ротъ Измайловскаго полка, передалъ Макаревичу записку Стенюшкина и получилъ книги: „Слово вѣрующаго къ народу“, „Пѣсенникъ“ и программу журнала „Впередъ“, при чемъ Макаревичъ, вручая ему означенныя книги, ничего объ нихъ не говорилъ. По предъявленіи Козманову фотографической карточки Макаревича, онъ заявилъ, что не можетъ положительно удостовѣрить, тотъ ли это Макаревичъ, который вручилъ ему вышепоименованныя книги, но что ему кажется, что это тотъ самый. Макаревичъ, отвергая вполнѣ показаніе Козманова. объяснилъ, что въ указанное симъ послѣднимъ время онъ, Макаревичъ, не былъ даже въ Петербургѣ. Несмотря на такое заявленіе Макаревича, нельзя не придти къ заключенію, что Козманову книги были переданы именно Петромъ Макаревичемъ, такъ какъ Козмановъ ходилъ за книгами по просьбѣ Ивана Павлова Стенюшкина, работавшаго впослѣдствіи, какъ было уже указано выше, въ кузницѣ Николая Жебунева и принадлежавшаго вмѣстѣ съ Макаревичемъ къ одесскому революціонному кружку. Петръ Макаревичъ не только распространялъ изданныя уже революціонныя книги, но и самъ занимался составленіемъ сочиненій, пригодныхъ для преступныхъ цѣлей его кружка; такъ, при обыскѣ у дворянки Евгеніи Завадской была отобрана книга „Подлиповцы“ съ слѣдующею надписью, сдѣланною рукой Макаревича: „Завадская, не можете ли вы написать народную книжку „Гайдамаки“ по Мордовцеву. Главное условіе— удобопонятность и простота языка, сжатость и легкость изложенія. Если согласны, то напишите, есть ли у васъ „Гайдамаки“ Мордовцева; если есть, то постарайтесь начать эту работу поскорѣе“. Завадская отозвалась, что не помнитъ, отъ кого получила книгу „Подлиповцы“ и кѣмъ сдѣлана на этой книгѣ надпись, но Петръ Макаревичъ призналъ, что надпись сдѣлана имъ, и что онъ обращался къ Завадской съ изложенною въ этой запискѣ просьбой, потому что считалъ ознакомленіе народа съ историческими явленіями необходимымъ условіемъ поднятія его умственнаго развитія. Упомянутая выше сего Завадская проживала въ 1872 году въ Цюрихѣ и, по словамъ Петра Макаревича, была подругою его жены, въ то время дѣвицы Анна Розенштейнъ; въ то же самое время проживали въ Цюрихѣ и сестры Субботины, къ матери которыхъ, вдовѣ штабсъ-капитана Софьѣ Александровой Субботиной, въ село Бѣломѣстное, Курской губерніи, Завадская пріѣхала лѣтомъ 1874 года съ цѣлью занять мѣсто учительницы въ школѣ, состоявшей подъ попечительствомъ Софьи Субботиной. Въ селѣ Бѣломѣстномъ Завадская прожила, однако, только недѣлю и, узнавъ, что ее разыскиваютъ, уѣхала отъ Субботиной, но была задержана на станціи Прохорово Курско-Харьковской желѣзной дороги, при чемъ у нея была найдена шифрованная азбука и нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились: „Митюха“, „Очерки фабричной жизни“ и сочиненія Карла Маркса и Лассаля, а также адресъ Макаревича. По обыску въ помѣщеніи, которое Завадская занимала у Субботиной, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ. Завадская виновною себя ни въ чемъ не признала, но не подлежитъ сомнѣнію, что она, будучи хорошо знакома съ сестрами Субботиными, преданными уже суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи, вмѣстѣ съ ними принадлежала къ преступному сообществу, преслѣдовавшему революціонныя цѣли, доказательствомъ

чего служатъ какъ найденная у нея шифрованная азбука, такъ и показаніе крестьянина Ивана Чернова. По словамъ этого свидѣтеля, отвозившаго Завадскую изъ села Бѣломѣстнаго на станцію Прохорово, Завадская дорогою разсказывала ему, что жила въ чужихъ краяхъ, гдѣ „мужики собрались да и помѣстили Царей“, при чемъ, указывая на непроизводительную, по ея мнѣнію, трату правительствомъ денегъ, совѣтовала собраться вмѣстѣ и не платить податей. Остановившись для отдыха верстахъ въ 15 отъ станціи Прохорово, у отставного рядового Стрѣльникова, Завадская много говорила съ симъ послѣднимъ и обѣщала прислать ему книги, а также написала записку, которою просила Чернова передать Субботиной; записка эта была представлена Черновымъ къ дѣлу и оказалась слѣдующаго содержанія: „1874 года 1-го сентября. Дорога была прекрасная. Я ею очень довольна. Не знаю, какъ у васъ отразился мой отъѣздъ, но сама я за дорогу много узнала и разсказала. Пришлите дѣду книгъ, да непремѣнно пѣсню про Царя Ивана Васильевича. У меня много было ихъ“. Кромѣ Субботиныхъ и Макаревича, Завадская имѣла сношенія и съ другими лицами, привлеченными въ качествѣ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. Такъ, по объясненію Трудницкаго, Сергѣй Жебуневъ разсказывалъ ему, что Завадская хотѣла читать народу лекціи соціальнаго содержанія и раздѣляла мнѣнія кружка Жебуневыхъ, самъ же Трудницкій, будучи сельскимъ учителемъ въ селѣ Кошарахъ, получилъ отъ Завадской письмо, въ которомъ она просила его о высылкѣ ей книгъ тенденціознаго содержанія и сообщала, что ей удалось пробудить въ одномъ молодомъ человѣкѣ желаніе работать для блага народа. Все вышеизложенное не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ той цѣли, съ которой Завадская желала занять мѣсто сельской учительницы въ школѣ села Бѣломѣстнаго. Попечительница означенной школы Софья Субботина не только потворствовала преступнымъ намѣреніямъ Завадской, но и сама занималась революціонной пропагандой; такъ, по вопросу о преподаваніи въ школѣ Закона Божія Субботина отзывалась, что знать не хочетъ „вашей испорченной религіи“, говорила о деспотизмѣ въ Россіи, о несправедливости въ судахъ и сочувственно относилась къ Нечаеву, называя его невиннымъ мученикомъ: въ разговорахъ съ крестьянами Субботина проводила мысль, что съ нихъ берутъ слишкомъ большія подати, которыя затѣмъ тратятся непроизводительно правительствомъ, говорила крестьянамъ, что „Царь беретъ съ васъ подати и солдатъ, а вы, какъ овцы, и деньги даете, и въ солдаты идете;—скоро всѣ будутъ равны, купцы и господа будутъ мужиками . . .; что обидно платить правительству такія большія деньги, и что она пойдетъ войной на Царя, котораго и свергнетъ съ престола“. Независимо отъ сего, какъ доказано слѣдствіемъ, Субботина осмѣливалась произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора. По обыскамъ, произведеннымъ въ имѣніяхъ Субботиной, Елецкомъ и Ново-Оскольскомъ уѣздахъ, было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, оглавленіе, вырванное изъ книги „Историческое развитіе интернаціонала“, и довольно обширная переписка, характеризующая направленіе Субботиной и лицъ, съ которыми она переписывалась. Изъ этой переписки, между прочимъ, видно: а) что нѣкто Костревскій, потерпѣвшій, по его собственнымъ словамъ, „фіаско“ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ за свои отношенія къ инспектору

народныхъ училищъ, и называющій себя въ видѣ насмѣшки „благонамѣреннымъ народнымъ учителемъ“, обращался къ Субботиной съ предложеніемъ занять мѣсто учителя въ одной изъ школъ, состоявшихъ подъ ея попечительствомъ, при чемъ не хотѣлъ даже входить въ обсужденіе условій денежнаго вознагражденія, потому что, какъ онъ писалъ, „главный-то интересъ—дѣло и честный человѣкъ (т. е. Субботина), и б) что нѣкто Постниковъ, называющій себя въ одномъ письмѣ „пролетаріемъ“ и имѣвшій, по его словамъ, общую цѣль съ Субботиной — „высшую степень счастья для народа“, развивалъ предъ Субботиной свои убѣжденія, состоявшія, главнымъ образомъ, въ томъ, что для „счастія народа“ необходимо отнять землю у имѣющихъ таковую и надѣлить ею поровну всѣхъ людей. Софья Субботина, не признавая себя ни въ чемъ виновной, между прочимъ, объяснила, что найденныя у нея при обыскѣ книги она пріобрѣла для школы. Посвятивъ себя революціонной дѣятельности и доведя своимъ потворствомъ всѣхъ трехъ дочерей своихъ до совершенія преступленій, Софья Субботина не остановилась и на этомъ; она не пощадила и свою воспитанницу дворянку Вѣру Шатилову, которая, руководимая Субботиной, усвоила себѣ ея направленіе и вмѣстѣ съ нею запялась революціонной пропагандой. Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей доказано, что Вѣра Шатилова, посѣщавшая съ Субботиной школу и сельскіе сходы, а также волостной судъ, и побуждавшая крестьянъ завести ссудо-сберегательную кассу, сказала одному крестьянину: „я прошу у вашихъ стариковъ руки подъ каску (кассу); а когда дадутъ, то поверну ихъ воевать на Царя“; а другому читала прокламацію „Чтой-то братцы“. По обыску, произведенному у Шатиловой въ Петербургѣ, была найдена, между прочимъ, книга „Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne“, а у Софьи Субботиной было отобрано письмо Шатиловой, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, писала: „чортъ знаетъ, не знаю, просто, что дѣлать. Мои петербургскіе знакомые боятся конфискаціи имущества, но вѣдь конфискація будетъ въ пользу родственниковъ. Это вѣрно“. При обыскѣ въ квартирѣ Шатиловой присутствовала и пришедшая къ Шатиловой въ гости дочь капитана Лидія Фигнеръ, преданная суду вмѣстѣ съ сестрами Субботиными по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Вѣра Шатилова, не признавая себя ни въ чемъ виновною и отказываясь дать какія-либо объясненія по содержанію вышеприведеннаго письма, показала, что прокламацію „Чтой-то братцы“ дѣйствительно читала одному крестьянину съ цѣлью посмотрѣть, какое она произведетъ на него впечатлѣніе. Такимъ образомъ, обстоятельства дѣла приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что Софья Субботина и Вѣра Шатилова имѣли чрезъ Евгенію Завадскую, сестеръ Субботиныхъ и Лидію Фигнеръ непосредственныя сношенія съ революціонными кружками, съ которыми, какъ по образу мыслей, такъ и по своей дѣятельности, онѣ были вполнѣ солидарны. Весной 1874 года, какъ уже сказано выше, петербургскіе агитаторы двинулись въ народъ, при чемъ многіе изъ нихъ, какъ-то: Коваликъ, Гриценковъ, Лемени-Македонъ, Иванъ и Клеопатра Главдзевичъ, Антовъ и Александръ Осиповичъ Лукашевичъ остановились въ Москвѣ, гдѣ и вошли въ сношенія съ мѣстными революціонными дѣятелями. Еще ранѣе прибыли скрывшіеся отъ преслѣдованія въ Петербургѣ Кравчинскій, Клеменсъ и Шишко,

подъ вліяніемъ которыхъ московская молодежь, собиравшаяся преимущественно въ квартирѣ жены титулярнаго совѣтника Олимпіады Григорьевой Алексѣевой, перешла отъ теоретическихъ разсужденій о необходимости помочь народу выйти изъ его тяжелаго положенія—къ практическому рѣшенію идти въ народъ съ цѣлью возбужденія его къ возстанію и ниспроверженію существующаго государственнаго строя. Въ квартирѣ Алексѣевой, въ концѣ 1873 года, сталъ собираться кружокъ лицъ, принадлежавшихъ большею частью къ студенческой молодежи. По собственному показанію Алексѣевой, у нея бывали студенты университета: Николай Алексѣевъ Саблинъ, Исаакъ Константиновъ Львовъ (нынѣ умершій) и Константинъ Васильевъ Аркадакскій, а также студентъ Петровской Академіи Николай Михайловъ Аносовъ; впослѣдствіи въ кружокъ Алексѣевой, какъ видно изъ ея показанія, вошли: воспитанникъ Московской гимназіи Николай Александровъ Морозовъ и студентъ Университета Иннокентій Александровъ Устюжниновъ, которымъ въ мартѣ 1874 г. были введены: забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ и товарищъ послѣдняго—нижнеудинскій купецъ Дмитрій Николаевъ Сѣрышевъ. Около того же времени у Алексѣевой появились, по ея же словамъ, Кравчинскій и Клеменсъ, подъ фамиліями Ельцинскаго и Михайлова, и Шишко, подъ руководствомъ которыхъ кружокъ Алексѣевой быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе. По словамъ дворянина Дмитрія Дубенскаго, посѣщавшаго собранія у Алексѣевой, Кравчинскій рисовалъ ужасныя картины народныхъ страданій, говорилъ, что долгъ каждаго честнаго человѣка—жертвовать собою для народнаго дѣла, что для этой цѣли необходимо открыть мастерскія, изучить какое-либо ремесло и затѣмъ, надѣвъ рабочій костюмъ, идти въ народъ и вести революціонную пропаганду; такого рода воззрѣнія находили себѣ, по словамъ того же свидѣтеля, полное сочувствіе и поддержку въ Клеменсѣ, Алексѣевой и Саблинѣ. Квартира Алексѣевой вскорѣ превратилась въ сборный пунктъ для дѣятелей пропаганды; въ ней, какъ видно изъ показанія Алексѣевой, стали появляться прибывшіе изъ Петербурга агитаторы Коваликъ, Аитовъ, Блавдзевичъ и Гриценковъ и кромѣ сего студенты Петровской Академіи Александръ Андреевъ Малиновскій и Михаилъ Гавриловъ Соловцовскій, членъ кіевскаго кружка Тетельманъ, бывшій мировой судья Горидищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, Порфирій Ивановъ Войнаральскій и помѣщикъ Ярославской губерніи Александръ Ивапчинъ-Писаревъ, а также, по удостовѣренію Клеопатры Блавдзевичъ, и Рабиновичъ, т. е. лица, всѣ безъ исключенія изобличенныя въ революціонной пропагандѣ. Лица, принадлежавшія къ кружку Алексѣевой, собирались нѣсколько разъ и въ квартирахъ: а) Константина Аркадакскаго, гдѣ съ ними познакомился братъ Константина, окончившій курсъ семинаріи Алексѣй Аркадакскій, б) Дмитрія Дубенскаго и в) въ тайной студенческой библіотекѣ, членомъ которой Дубенскій сдѣлался, по его показанію, чрезъ посредство Алексѣевой. Усвоивъ себѣ революціонное направленіе, кружокъ Алексѣевой рѣшилъ приступить къ устройству мастерской, что видно изъ показанія самой Алексѣевой, удостовѣрившей, что въ квартирѣ Дубенскаго толковали объ устройствѣ мастерской, которая могла бы служить средствомъ сближенія съ рабочимъ людомъ. Въ то самое время, когда въ кружкѣ Алексѣевой шли разсужденія о революціонной пропа-

гандѣ, въ средѣ студентовъ Петровской Академіи образовался революціонный кружокъ, членами котораго были студенты: Михаилъ Ѳедоровъ Фроленко (скрывшійся), Алексѣй Егоровъ Знаменскій, упомянутые уже выше Аносовъ, Соловцовскій и Малиновскій, а также Цвѣтковъ и Дружининъ (умершіе). Еще въ 1873 году, какъ это видно изъ показанія Анны Васильевой Андреевой, у Фроленко и Аносова появились книги: „Стенька Разинъ", „Слово вѣрующаго къ народу" и „Рѣчь Кастеляра", которыя они и порѣшили распространять въ народѣ въ возможно большемъ количествѣ, съ цѣлью подготовленія народа къ разрушенію существующаго государственнаго и общественнаго строя; по словамъ той же Андреевой, въ 1873 году къ Фроленко пріѣзжалъ изъ Петербурга Чарушинъ, сообщившій, что многіе изъ петербургскихъ студентовъ уже отправились на пропаганду, а въ концѣ того же года, въ квартирѣ Аносова и Фроленко, въ домѣ Бѣлоусова, на Дѣвичьемъ полѣ, Аносовъ, въ присутствіи Андревой, читалъ нѣсколькимъ рабочимъ „Исторію одного французскаго крестьянина"—Шатріана. Въ 1874 году лица, принадлежавшія къ означенному кружку, какъ это видно изъ показаній Знаменскаго, Соловцовскаго и Малиновскаго, собирались нѣсколько разъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на дачѣ Ивакина, и рѣшили отправиться лѣтомъ въ народъ, вслѣдствіе чего и признали необходимымъ открыть мастерскія для подготовленія себя къ предстоявшей дѣятельности. Такимъ образомъ, какъ кружокъ Алексѣевой, такъ и кружокъ студентовъ Петровской Академіи приступилъ къ устройству мастерскихъ. Первая мастерская была открыта Фроленко въ квартирѣ его, въ домѣ Бѣлоусова, но просуществовала не долго и въ ней работали почти исключительно самъ Фроленко и Аносовъ; въ февралѣ Фроленко перенесъ свою мастерскую на Прѣсню, гдѣ работали, по ихъ собственнымъ показаніямъ, Знаменскій, Соловцовскій, Малиновскій, а также и Аносовъ, при чемъ, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Андрей Кулябко, были приняты большія предосторожности для воспрепятствованія постороннимъ лицамъ входа въ мастерскую. Въ квартиру Фроленко и Аносова, на Прѣснѣ, явились по данному имъ адресу прибывшіе изъ С.-Петербурга Антовъ и Лукашевичъ, какъ это видно изъ ихъ показанія, такъ какъ, по словамъ Лукашевича, они остановились въ квартирѣ на Прѣснѣ, а по удостовѣренію Антова, въ означенной квартирѣ они познакомились съ Фроленко и Аносовымъ и видѣли въ ней Кравчинскаго и Шишко. Означенная мастерская, какъ видно изъ показаній Знаменскаго и Кулябко, была закрыта въ началѣ марта съ переѣздомъ Фроленко и Аносова въ новую квартиру, въ Большой-Благовѣщенскій переулокъ, въ домъ Петровой, при чемъ, по словамъ Кулябко, Фроленко и Аносовъ, поселившись въ домѣ Петровой, выдали себя за семинаристовъ и, какъ видно изъ дѣла, предъявили для прописки свидѣтельства, выданныя изъ семинаріи студентамъ Петровской Академіи Александру Фадѣеву и Алексѣю Знаменскому. Вмѣстѣ съ Фроленко и Аносовымъ въ домѣ Петровой жилъ крестьянинъ Тверской губерніи Шиловъ (скрывшійся), который, равно какъ и крестьянинъ Григорій Крыловъ (нынѣ умершій), поддавшись ученіямъ агитаторовъ, раздѣляли ихъ преступные замыслы и дѣйствовали съ ними заодно. Участіе Крылова и Шилова въ дѣятельности московскихъ агитаторовъ было обнаружено по слѣдующему

поводу: крестьянинъ села Заборовья, Тверского уѣзда, Арефій Гавриловъ, весной 1873 года, имѣя нужду въ деньгахъ, обратился за таковыми къ Крылову, часто заѣзжавшему въ чайную лавку Гаврилова въ селѣ Заборовьѣ; Крыловъ обѣщалъ Гаврилову добыть ему денегъ и на Пасхѣ привезъ къ нему Шилова, сказавъ, чтобъ онъ, Гавриловъ, ѣхалъ съ Шиловымъ въ Москву, гдѣ и получитъ обѣщанные 400 руб. сер. По пріѣздѣ въ Москву Шиловъ свелъ Гаврилова на какую-то квартиру, гдѣ Гавриловъ встрѣтилъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, изъ которыхъ одинъ, толстый и черный, предложилъ Гаврилову выстроить на Волгѣ, верстахъ въ 35-ти отъ Твери, домъ и открыть въ немъ торговлю, какую онъ только захочетъ, отъ чего Гавриловъ отказался, подозрѣвая, что въ этомъ предложеніи кроется что-то нехорошее. Подозрѣніе Гаврилова было вполнѣ основательно, такъ какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что Аносовъ, Фроленко и ихъ единомышленники имѣли намѣреніе устроить въ домѣ Гаврилова притонъ для агитаторовъ. При дознаніи Гавриловъ указалъ какъ домъ, такъ и квартиру, въ которую его привелъ Шиловъ, при чемъ домъ оказался въ Благовѣщенскомъ переулкѣ, принадлежащимъ Петрову, а квартира тою самою, въ которой жили Фроленко и Аносовъ; по справкѣ же, наведенной въ полицейскихъ домовыхъ книгахъ, оказалось, что по дому Петрова дѣйствительно были прописаны виды Фадѣева и Знаменскаго. Въ означенной квартирѣ Аносова и Фроленко мастерской не было; таковая помѣщалась, по удостовѣренію свидѣтельницы Лизуновой и Кулябки, въ домѣ Нестерова, противъ дома Петрова. Это была мастерская, устроенная Войнаральскимъ, въ которую и былъ перенесенъ верстакъ Аносова и др. Мѣщанинъ Профирій Войнаральскій въ 60-хъ годахъ былъ исключенъ изъ числа студентовъ Московскаго университета за участіе въ университетскихъ безпорядкахъ и высланъ подъ надзоръ полиціи въ Архангельскую губернію. Освобожденный изъ-подъ надзора въ 1873 году, Войнаральскій вскорѣ послѣ того былъ избранъ въ должность мирового судьи въ Городищенскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи. Въ октябрѣ 1873 года Войнаральскій отправился, по его собственному показанію, въ Петербургъ, съ цѣлью познакомиться съ тамошнею молодежью, а въ декабрѣ того же года былъ уже знакомъ съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣятелей революціонной пропаганды, а именно съ Кравчинскимъ и Рогачевымъ, изъ коихъ первому онъ передалъ документы нѣкоего Свиридова, съ которымъ Кравчинскій и проживалъ нѣкоторое время у студента Овсянникова въ Казани, а второй въ это время состоялъ у него письмоводителемъ, подъ именемъ семинариста Василія Петрова Осипова. Побывавъ въ февралѣ 1874 года въ Москвѣ и познакомившись съ кружкомъ Аносова и Фроленко, Войнаральскій рѣшилъ открыть мастерскую, о чемъ, возвратясь въ Городище, и сообщилъ своей женѣ Надеждѣ Павловой, какъ это видно изъ показанія сей послѣдней. Послѣ того, какъ выборъ Войнаральскаго на должность мирового судьи не былъ утвержденъ Правительствующимъ Сенатомъ, Войнаральскій уѣхалъ съ женой въ Москву, оставивъ въ Пензѣ Рогачева; изъ Москвы, оставивъ жену въ Петровскомъ-Разумовскомъ, на дачѣ Ашиткова, въ квартирѣ дворянина Ивана Селиванова, Войнаральскій уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, чрезъ свою знакомую акушерку Анну Тушинскую, познакомился съ дѣвицей Евгеніей Судзиловской, которую и пригласилъ

въ Пензу для веденія пропаганды подъ видомъ продавальщицы въ устроенной имъ лавкѣ. Возвратившись въ Москву, Войнаральскій, просившій предъ своимъ отъѣздомъ Фроленко чрезъ Андрея Кулябко о пріисканіи квартиры для мастерской, нашелъ таковую уже нанятою; однако, квартира, найденная Фроленко, оказалась неудобною, въ особенности потому, что около нея стоялъ городовой, и мастерская была переведена въ домъ Нестерова, а оставленную квартиру заняли Фроленко и Аносовъ. Между квартирой послѣднихъ и мастерскою установилось постоянное сообщеніе, которое по возможности старались скрывать; вслѣдствіе требованія дворникомъ прописки паспортовъ, Войнаральскій недѣли черезъ двѣ оставилъ домъ Нестерова и перенесъ мастерскую на Бутырки, гдѣ кромѣ столярной была заведена еще и башмачная мастерская, въ которой обучалъ подмастерье Іоганъ Пельконенъ, приведенный Селивановымъ. Въ мастерскихъ на Бутыркахъ бывали, по словамъ Кулябко, Знаменскій, Соловцовскій, Фроленко, Аносовъ, Саблинъ, Исаакъ Львовъ, а также лицо, въ которомъ Кулябко нашелъ сходство съ Клеменсомъ; въ этихъ же мастерскихъ работали Аитовъ и Лукашевичъ, отправившіеся изъ квартиры Фроленко въ народъ и приведенные, по словамъ Аитова, по возвращеніи своёмъ въ мастерскую Войнаральскаго, Фроленко, котораго они встрѣтили на улицѣ. По объясненію Аитова, онъ видѣлъ въ мастерской на Бутыркахъ Кравчинскаго и Клеменса. Въ мастерской, по удостовѣренію Кулябко, Войнаральскій повѣсилъ на стѣнѣ сумку, въ которой было 400 или 500 руб. сер., каковыми деньгами каждый изъ посѣщавшихъ мастерскую могъ пользоваться безотчетно. Изъ книгъ Кулябко видѣлъ въ мастерской нѣсколько экземпляровъ «Отщепенцевъ», а по словамъ Знаменскаго, кромѣ того были еще «Впередъ», «Стенька Разинъ» и «Исторія одного французскаго крестьянина». Открывъ мастерскую, самъ Войнаральскій работалъ мало: онъ въ это время былъ большею частью въ разъѣздахъ; по показанію Аитова, ходилъ съ нимъ въ народъ, а также велъ большую переписку, получая письма чрезъ студента Хорькова, въ Петербургѣ. Между тѣмъ, въ апрѣлѣ въ мастерской былъ арестованъ Исаакъ Львовъ, послѣ чего мастерская тотчасъ же была закрыта. Непосредственно за закрытіемъ мастерской на Бутыркахъ кружокъ Алексѣевой открылъ свою башмачную мастерскую на Спиридоновкѣ, въ домѣ Цемшъ, въ квартирѣ одного изъ своихъ членовъ Николая Иванова Глущкова, рѣшившагося, по его собственному показанію, на открытіе мастерской вслѣдствіе доводовъ Устюжанинова о необходимости революціи. По удостовѣренію Дмитрія Дубенскаго, въ мастерской Глушкова бывали: Кравчинскій, Алексѣева, Саблинъ, Морозовъ, Сѣрышевъ, оба Аркадакскіе, а также Аитовъ, что подтвердилъ и сей послѣдній. Просуществовавъ дня три или четыре, мастерская, по показанію Глушкова, была, изъ опасенія полиціи, перенесена на Плющиху, въ домъ Печковскаго, гдѣ работали тѣ же лица, что и въ домѣ Цемшъ, кромѣ Аитова, а руководителемъ работъ былъ Пелькопенъ. Но эта мастерская недѣли двѣ спустя была оставлена, и московскіе агитаторы, считая себя достаточно подготовленными къ практической дѣятельности, стали отправляться на пропаганду. Между тѣмъ изъ Петербурга пріѣхали отправлявшіеся въ народъ агитаторы: Коваликъ, Гриценковъ, Бладзевичъ, Лемени-Македонъ, а также прибылъ Рабиновичъ. Изъ нихъ

Рабиновичъ получилъ, по его словамъ, отъ Войнаральскаго чрезъ Аркадакскаго 300 руб. сер. и нѣсколько паспортныхъ бланковъ, съ которыми и уѣхалъ въ Петербургъ; Блавдзевичъ и Лемени-Македонъ пристали къ Войнаральскому, а Коваликъ съ Гриценковымъ занялись пропагандою между студентами Петровской Академіи. По показанію Гриценкова, Ковалыкъ, имѣвшій отъ кого-то рекомендательное письмо къ одному изъ студентовъ названной Академіи, отправился съ нимъ, Гриценковымъ, въ Петровское-Разумовское, но не заставъ лица, которому письмо было адресовано, оставилъ таковое одному изъ студентовъ для передачи его по принадлежности. Означенное письмо, какъ видно изъ показанія студента Петровской Академіи Бердникова, было адресовано товарищу его Леонтовичу (нынѣ умершему) и писано ихъ общимъ знакомымъ Волховымъ, рекомендовавшимъ Лукашевича. Отправившись на другой день къ Лукашевичу, Бердниковъ и Леонтоновичъ застали въ квартирѣ его неизвѣстное лицо, тоже пріѣхавшее изъ Петербурга,—Гриценкова, признавшаго, что онъ видѣлъ въ квартирѣ Ковалика двухъ студентовъ Петровской Академіи,—которое въ разговорѣ съ ними объяснило о своемъ намѣреніи идти въ народъ и «соединять его въ группы для протеста противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя». Вскорѣ затѣмъ пришелъ и Лукашевичъ, говорившій о томъ же. На слѣдующій день Лукашевичъ съ своимъ товарищемъ Гриценковымъ былъ у Леонтовича, гдѣ Бердниковъ далъ ему, по его просьбѣ, рекомендательное письмо къ студенту Казанскаго университета Овчинникову, и гдѣ Лукашевичъ, въ присутствіи нѣсколькихъ студентовъ, доказывалъ, что „именно теперь надо идти въ народъ и поднимать его противъ существующаго строя“. Вскорѣ затѣмъ Ковалыкъ, видѣвшійся въ Москвѣ, по словамъ Гриценкова, съ Ельцинскимъ и Михайловымъ (Кравчинскимъ и Клеменсомъ), а вмѣстѣ съ нимъ и Гриценковъ, уѣхали въ Ярославль. Почти одновременно съ закрытіемъ мастерской Войнаральскій приступилъ къ новому дѣлу, а именно—къ печатанію запрещенныхъ и революціонныхъ книгъ въ типографіи Мышкина, о чемъ будетъ изложено ниже. Сотрудниками Войнаральскаго на этомъ новомъ поприщѣ его дѣятельности изъ лицъ, принадлежащихъ къ кружкамъ Алексѣевой и студентовъ Петровской Академіи, явились Малиновскій, Соловцовскій и Иванъ Селивановъ, всѣ же прочіе, равно какъ и присоединившіеся къ нимъ, пріѣхавшіе изъ Петербурга революціонные дѣятели, ушли въ народъ. Аносовъ съ Антовымъ отправились въ Нижній-Новгородъ, гдѣ уже находились Тепловъ, Нефедовъ, Усачевъ и Ѳоминъ; Александръ Осиповъ Лукашевичъ тоже пріѣхалъ въ Нижегородскую губернію и поселился въ селѣ Павловѣ. Первыми прибыли въ Нижній не останавливавшіеся почти въ Москвѣ—Тепловъ и Нефедовъ; по прибытіи въ Нижній, означенныя лица немедленно отправились, по ихъ собственнымъ показаніямъ, къ Холтурину и спросили у него адресъ Ливанова, къ которому ихъ и проводилъ бывшій у Холтурина крестьянинъ Николай Ѳедоровъ Биткинъ. Ливановъ, прочитавъ записку Купріянова, поданную ему Тепловымъ и Нефедовымъ, сталъ разспрашивать сихъ послѣднихъ о своихъ петербургскихъ знакомыхъ: дворянинѣ Львѣ Городецкомъ и студентѣ Медико-Хирургической Академіи Чернышевѣ. Тепловъ и Нефедовъ разсказали Ливанову и проживавшимъ

съ нимъ на одной квартирѣ семинаристамъ, въ числѣ которыхъ былъ Граціановъ, о движеніи, проявившемся среди петербургской молодежи, и о появленіи революціонныхъ книгъ, при чемъ, по просьбѣ присутствовавшихъ, Тепловъ, какъ это видно изъ его показанія, написалъ въ Петербургъ письмо о присылкѣ книгъ, адресовавъ таковое на имя Емельянова, не полагая, однако, чтобы сей послѣдній могъ прислать просимыя книги. Изъ разговоровъ Ливанова и проживавшихъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ Тепловъ вынесъ, по его собственнымъ словамъ, убѣжденіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ существуетъ кружокъ, руководимый Ливановымъ, который усвоилъ себѣ революціонное направленіе и стоялъ за пропаганду. Пробывъ одинъ день въ квартирѣ Ливанова, Тепловъ и Нефедовъ, какъ видно изъ ихъ показаній, ходили въ Балахну искать работы, но, не найдя таковой, вернулись въ Нижній, гдѣ поселились на квартирѣ братьевъ Серебровскихъ: Владиміра — семинариста и Павла — воспитанника арзамасскаго духовнаго училища. По словамъ Теплова, квартиру Серебровскихъ часто посѣщали Ливановъ, Биткинъ и другіе семинаристы, но сходокъ никакихъ не было, впослѣдствіи же Ливановъ хотѣлъ устроить таковыя и заявилъ однажды Теплову, что какъ ему, такъ и другимъ хотѣлось бы, чтобы Тепловъ или Нефедовъ прочли какой-нибудь рефератъ, доказывающій необходимость идти въ народъ для пропаганды революціи. Тепловъ, исполняя желаніе Ливанова, написалъ, какъ это видно изъ его показанія, рефератъ, въ которомъ доказывалъ лишь необходимость ознакомленія съ условіями жизни народа, каковой рефератъ не вызывалъ къ себѣ, по словамъ Теплова, никакого сочувствія. Вскорѣ затѣмъ прибыли Усачевъ и Ѳоминъ, пришедшіе, какъ это оказывается изъ ихъ показаній, пѣшкомъ изъ Москвы чрезъ Рыбинскъ, Ярославль, Кострому и Кинешму; по словамъ Усачева, онъ и Ѳоминъ, во время своего путешествія, въ разговорахъ съ крестьянами говорили имъ, что воинская повинность не принесетъ никакой выгоды крестьянамъ, а напротивъ того, окажется для нихъ тяжелѣе прежняго порядка и проводили параллель между нищетой народа и роскошью двора. Ѳоминъ и Усачевъ тоже обратились къ Холтурину за адресомъ Ливанова, застали послѣдняго у Холтурина и были имъ самимъ отведены на его квартиру, гдѣ и проживали нѣкоторое время, а затѣмъ переселились въ квартиру Серебровскихъ, куда переѣхалъ, по словамъ Теплова, и Ливановъ. По объясненію Ѳомина, въ квартирѣ Серебровскихъ говорилось, что надо идти въ народъ и проповѣдывать анархію, каковое мнѣніе подтвердилось и Тепловымъ, а также и пріѣхавшимъ впослѣдствіи Антовымъ; такое показаніе Ѳомина находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіи Нефедова о томъ, что у Серебровскихъ собиралось раза два семинаристы, которымъ Тепловъ читалъ написанную имъ статью о томъ, какимъ долженъ быть пропагандистъ и „въ какой формѣ всего удобнѣе вести пропаганду“. Такимъ образомъ, показаніе Теплова о содержаніи составленнаго имъ реферата и о происходившемъ на сходкахъ въ квартирѣ Серебровскихъ представляется не вполнѣ согласнымъ съ истиною, что подтверждается и дальнѣйшими собранными слѣдствіемъ свѣдѣніями о дѣятельности нижегородскаго революціоннаго кружка, основаннаго Ливановымъ. Сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ былъ нѣкоторое время студентомъ Технологическаго Института, но вышелъ изъ

такового въ началѣ 1873 г., ѣздилъ въ Нижній, а затѣмъ въ Харьковъ съ цѣлью поступленія въ ветеринарный институтъ, но не выдержалъ экзамена и вернулся въ Петербургъ. Въ числѣ знакомыхъ Ливанова были, какъ указано уже выше, Городецкій, студентъ Медико-Хирургической Академіи Чернышевъ, а также, какъ это видно изъ показанія мѣщанки Горностаевой, Сердюковъ, Чарушинъ и Гауэнштейнъ; подъ вліяніемъ означенныхъ лицъ, Ливановъ проникся революціоннымъ направленіемъ и въ концѣ 1873 г. уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и занялся пропагандою. По удостовѣренію свидѣтеля Холтурина, Ливиновъ говорилъ ему, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣнія Бакунина, что имъ изъ Петербурга привезено много хорошихъ книгъ, и что онъ намѣренъ устроить литературные вечера съ цѣлью ознакомленія семинаристовъ съ неизвѣстными имъ явленіями общественной жизни. Впослѣдствіи Холтуринъ слышалъ, что Ливановъ дѣйствительно читалъ запрещенныя сочиненія въ квартирахъ семинариста Граціанова (гдѣ жилъ и Ливановъ) и Серебровскаго; въ мартѣ же 1873 г. въ Нижній къ Ливанову стали появляться студенты Тепловъ, Аносовъ, Антовъ, Лукашевичъ и др., о которыхъ Ливановъ говорилъ Холтурину, что они оставили учебныя заведенія и ушли въ народъ съ цѣлью убѣдиться, дѣйствительно ли положеніе народа таково, какимъ его описываютъ. Ливановъ старался, по словамъ Холтурина, внушать ученіе Бакунина всѣмъ лицамъ, съ которыми ему приходилось сближаться: такъ, Ливановъ повліялъ на семинариста Александровскаго (нынѣ умершаго), который отправился въ село Павлово и занялъ тамъ мѣсто письмоводителя складочной артели, а самому Холтурину Ливановъ передалъ сочиненія Бакунину: „Отщепенцы“, „Слово вѣрующаго къ народу“, „Гражданскую войну во Франціи“,—послѣднюю книгу Ливановъ передалъ Холтурину съ цѣлью оправдать въ его глазахъ членовъ парижской коммуны, оказавшихъ, по словамъ Ливанова, великую услугу человѣчеству. Пропаганда Ливанова повліяла на нѣкоторыхъ лицъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ составила революціонный кружокъ, въ составъ котораго вошли семинаристы: Граціановъ, Александровскій, В. Серебровскій, Духовской и крестьянинъ Николай Биткинъ. Показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей удостовѣрено, что на сходкахъ Ливановъ читалъ сочиненія Бакунина „Стеньку Разина“, Отщепенцы“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и рефератъ, въ которомъ доказывалась необходимость пропаганды. Комментируя прочитанное, Ливановъ указывалъ на бѣдственное положеніе народа и убѣждалъ идти въ народъ—возбуждать его къ возстанію противъ правительства съ цѣлью уничтоженія монархическаго образа правленія. Биткинъ и Серебровскій раздѣляли мнѣнія Ливанова, но самыми горячими приверженцами его были Граціановъ и Духовской, изъ которыхъ послѣдній чрезъ землемѣра Милоглазкина получилъ изъ Петербурга подъ видомъ инструментовъ революціонныя книги. Изъ показаній тѣхъ же свидѣтелей оказывается, что Ѳоминъ и Усачевъ явились въ Нижній въ качествѣ пропагандистовъ, идущихъ въ народъ съ цѣлью возмущенія его, и что Нефедовъ и Тепловъ принимали участіе въ дѣлахъ кружка, при чемъ Нефедовъ говорилъ мало, а Тепловъ много и энергично. По словамъ одного свидѣтеля, Тепловъ на словахъ и въ написанномъ имъ рефератѣ рѣшительно доказывалъ необходимость идти въ

народъ для пропаганды возмущенія противъ Царя и притѣсненій привилегированныхъ классовъ, при чемъ рѣчи Теплова были такъ увлекательны, что дѣйствовали сильно даже на Ливанова, поступленіе котораго въ столярную мастерскую свидѣтель приписывалъ вліянію Теплова. Изъ членовъ кружка Граціановъ не призналъ себя виновнымъ, остальные же—Биткинъ, В. Серебровскій и Духовской не отрицали своей виновности, подтвердили сущность изложенныхъ выше свидѣтельскихъ показаній, при чемъ Биткинъ объяснилъ, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Нижняго передалъ свой видъ на жительство Теплову, который при его участіи, по образцу приложенной къ свидѣтельству печати, вырѣзалъ таковыя изъ мѣла, что подтвердилъ и Тепловъ, а Духовской удостовѣрилъ, что дѣйствительно получилъ отъ Милоглазкина, подъ видомъ инструментовъ, запрещенныя книги, въ числѣ которыхъ были: „Государственность и Анархія“, „Исторія развитія интернаціонала“, „Отщепенцы“ и др., которыя онъ и давалъ читать другимъ лицамъ. По словамъ Теплова, артиллеристы послали въ Петербургъ по адресу Измайловой шифрованное письмо, въ отвѣтъ на которое, вѣроятно, Ободовская обратилась къ нимъ съ просьбою не уѣзжать изъ Нижняго; появившіеся затѣмъ въ Нижнемъ Аитовъ и Аносовъ объяснили Теплову причину такой просьбы, сообщивъ, что въ Москвѣ „было рѣшено направить всѣ силы на Уралъ“. Тотчасъ послѣ прибытія Аитова и Аносова, Тепловъ отправился съ Аносовымъ въ село Павлово, гдѣ, по показанію Теплова, Александровскій ходилъ съ ними по мастерскимъ и, между прочимъ, какъ видно изъ показаній Николая Алексѣева Личадѣева, привелъ ихъ къ сему послѣднему, у котораго, по словамъ Теплова, онъ и Аносовъ купили рублей на 13 замковъ и ножей, при чемъ, какъ объяснилъ Личадѣевъ, одинъ изъ покупателей далъ ему для прочтенія книжку—„Исторію одного французскаго крестьянина“, найденную у Личадѣева при обыскѣ. При предъявленіи Личадѣеву Аносова и Теплова, онъ объяснилъ, что не можетъ сказать, они ли или другія лица были приведены къ нему Александровскимъ; Тепловъ же призналъ, что Личадѣевъ похожъ на лицо, у котораго онъ съ Аносовымъ покупали стальныя издѣлія, но отвергъ передачу Личадѣеву книги. По возвращеніи Аносова и Теплова въ Нижній, Тепловъ съ Аитовымъ поѣхали въ Орелъ къ Меликову, основателю „богочеловѣческой“ религіи; изъ Орла Аитовъ, съ цѣлью познакомиться съ сектою воздыханцевъ, отправился въ Калугу, гдѣ и былъ задержанъ, а Тепловъ, по его показанію, вернулся въ Нижній, гдѣ засталъ только Ливанова и Аносова, вскорѣ затѣмъ отправившихся въ Самару, послѣ чего пошелъ пѣшкомъ въ Орелъ, заходя по дорогѣ къ Биткину въ село Богородское и къ Александровскому въ село Павлово. Въ Муромѣ Тепловъ былъ арестованъ, при чемъ у него были, между прочимъ, отобраны выписки изъ Св. Писанія, служившія, по мнѣнію Теплова, подтвержденіемъ мысли о необходимости революціи. Несмотря на сдѣланное Тепловымъ при арестованіи его заявленія о томъ, что онъ никакихъ властей не признаетъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе отпущенъ и направился въ Орелъ къ Меликову, а оттуда къ сестрѣ, въ Данковскій уѣздъ, гдѣ онъ и былъ вновь задержанъ и куда Емельяновъ, по его просьбѣ, выслалъ ему его документы вмѣстѣ съ документами Аитова. Нефедовъ, по его собственнымъ словамъ, послѣ отъѣзда Аитова и Теплова

ходитъ искать работы въ Арзамасъ, но не найдя таковой, вернулся въ Нижній, откуда вмѣстѣ со случайно встрѣченнымъ знакомымъ своимъ, нѣкіимъ Жуковымъ, отправился въ Павлово къ Александровскому. Послѣдній для ночлега привелъ Нефедова и Жукова къ крестьянину Перчанкину, по удостовѣренію котораго Нефедовъ, равно какъ и его товарищъ, въ разговорахъ доказывали плохое положеніе рабочихъ, съ которыхъ власти берутъ даже послѣднее, при чемъ внушали, что рабочимъ и крестьянамъ слѣдуетъ отказаться отъ уплаты податей и не робѣть даже предъ военною силой, такъ какъ рабочихъ и крестьянъ несравненно больше, чѣмъ солдатъ. По словамъ Перчанкина, Нефедовъ и его товарищъ посовѣтовали ему прочесть книгу „Исторію одного французскаго крестьянина“, въ которой онъ найдетъ подтвержденіе всего высказаннаго ими, и пояснили, что означенную книгу онъ можетъ получить отъ Александровскаго, который черезъ нѣсколько дней и передалъ ему таковую въ домѣ Личадѣева. Повидавшись у Перчанкина съ крестьяниномъ Коркинымъ (Лукашевичемъ), Нефедовъ отправился къ своему отцу, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ былъ арестованъ. Послѣ отъѣзда изъ Нижняго Теплова и Аитова Усачевъ и Ѳоминъ отправились въ Оренбургъ, гдѣ встрѣтили Голоушева и Аранзона. Изъ Оренбурга Ѳоминъ поѣхалъ въ Петербургъ съ Аранзономъ, но дорогою въ Нижнемъ былъ задержанъ, при чемъ у него было отобрано письмо отъ Емельянова (подписанное Евкубѣ) и сакъ-вояжъ съ съ вещами Аранзона; Усачевъ же отправился къ роднымъ и поступилъ вольноопредѣляющимся въ 21-ю артиллерійскую бригаду, но вскорѣ затѣмъ былъ арестованъ. Тепловъ призналъ себя виновнымъ въ принадлежности къ сообществу, составившемуся для противозаконныхъ цѣлей, а Нефедовъ, Аитовъ, Усачевъ и Ѳоминъ виновными себя не признали. Нижегородскій кружокъ, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, имѣлъ въ лицѣ Александровскаго своего постояннаго агента въ селѣ Павловѣ, гдѣ также поселился пріѣзжавшій изъ Москвы Александръ Осиповъ Лукашевичъ. Послѣдній, по показанію Личадѣева, поступилъ къ нему въ качествѣ рабочаго, но проработавъ нѣсколько дней перешелъ въ плотничную артель крестьянина Данилова, что подтвердилъ и Лукашевичъ, пояснившій, что въ с. Павловѣ онъ проживалъ по паспорту крестьянина Алаксандра Петрова Коркина. Какъ Александровскій, такъ и Лукашевичъ вошли въ близкія отношенія съ Личадѣевымъ, который подъ ихъ вліяніемъ и усвоилъ себѣ революціонное направленіе. Когда жандармскій офицеръ прибылъ для производства обыска въ домъ Личадѣева, братъ послѣдняго сдѣлалъ попытку вынести изъ дома книги: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ Флеровскаго, „Азбуку соціальныхъ наукъ“ и нѣсколько томовъ сочиненій Добролюбова и Писарева; Личадѣевъ же на вопросъ, есть ли у него „Исторія одного французскаго крестьянина“ отвѣтилъ отрицательно. По произведенному вслѣдъ за симъ обыску, упомянутая книга была найдена подъ подушкой въ люлькѣ ребенка Личадѣева и кромѣ того были найдены книги: „Очерки фабричной жизни“, „Пролетаріатъ во Франціи“, „Рабочіе союзы въ Англіи“, „Парижъ и революція 2-го декабря 1851 г.,“ „Политическія движенія русскаго народа“, „Дѣдушка Егоръ и Митюха“. Относительно отобраннаго по обыску письма, подписаннаго „Алексѣй Петровъ“, Личадѣевъ объяснилъ, что ему неизвѣстно, ни—кѣмъ таковое пи-

сано, ни—кто упоминаемыя въ оном лица (Павелъ и Александръ Ивановичъ), ни—кѣмъ отрѣзана верхняя половина листа означеннаго письма. Между тѣмъ изъ показанія Лукашевича оказывается, что письмо было писано имъ и что упомянутыя въ немъ лица—Александровскій и Ливановъ. Личадѣевъ ни въ чемъ себя виновнымъ не призналъ. Въ числѣ членовъ нижегородскаго кружка, посѣщавшихъ село Павлово, былъ и Биткинъ, который, какъ видно изъ показанія Перчанкина, подтвержденнаго самимъ Биткинымъ, передалъ Перчанкину рукописную „Программу международнаго общества рабочихъ"; означенную программу Биткинъ вручилъ Перчанкину, вслѣдствіе вопроса послѣдняго о томъ, какимъ образомъ могутъ рабочіе выйти изъ того дурного положенія, о которомъ разсказывалъ Биткинъ. Въ іюлѣ Лукашевичъ переселился изъ с. Павлова въ Нижній-Новгородъ, куда вскорѣ прибыли, по показанію Владиміра Серебровскаго, Александровскій и Милоглазкинъ, тоже ходившій въ народъ. Означенныя три лица, по словамъ Серебровскаго, рѣшили ѣхать въ Москву, для чего Александровскій и Лукашевичъ, при содѣйствіи его, В. Серебровскаго, составили себѣ фальшивые виды на жительство, первый—на имя Введенскаго, а второй—на имя Покровскаго. 16 августа Александровскій, Лукашевичъ и Милоглазкинъ уѣхали въ Москву, гдѣ и поселились въ Козицкомъ переулкѣ, при чемъ первые двое предъявили въ полиціи составленные ими фальшивые виды на жительство. 17-го августа въ квартирѣ Серебровскихъ былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено значительное количество книгъ по рабочему вопросу и народныхъ разсказовъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, карты разныхъ губерній, крестьянское платье, семинарское свидѣтельство Александровскаго и кошель съ ножами павловскаго издѣлія, принесенными, по словамъ Серебровскаго, изъ Павлова Тепловымъ и Аносовымъ, и съ которыми, по его же удостовѣренію, ходилъ въ народъ въ Макарьевскій уѣздъ Ливановъ. На другой день послѣ обыска въ квартирѣ Серебровскихъ, т. е. 18-го августа, въ Нижнемъ-Новгородѣ было получено на имя Владиміра Серебровскаго письмо съ петербургскимъ почтовымъ штемпелемъ, отъ 16-го числа того же мѣсяца. Означенное письмо, подписанное „твоя Раскольникова", было выдержано на огнѣ, при чемъ обнаружилось, что между строкъ письма написано другое химическими чернилами и частью зашифрованное. Послѣднее письмо, какъ уже сказано выше, несомнѣнно писанное Сидорацкою (Ободовскою), заключало въ себѣ свѣдѣнія о положеніи революціоннаго дѣла по всей Россіи и было, по всей вѣроятности, предназначено для Лукашевича, такъ это слѣдуетъ заключить изъ того, что въ письмѣ сообщался адресъ Франжоли. Вскорѣ послѣ отъѣзда въ Москву Лукашевича, Александровскаго и Милоглазкина, въ Нижній-Новгородъ къ студенту Петровской Академіи Цвѣткову, знакомому Ливанова, явился крестьянинъ Григорій Ѳедоровъ Крыловъ, имѣвшій, какъ сказано выше, сношенія съ Аносовымъ, Флоренко и др., и принесъ съ собою два письма: одно отъ Милоглазкина къ Духовскому, а другое отъ Покровскаго (Лукашевича) къ Владиміру Серебровскому. Цвѣтковъ, не зная еще объ арестѣ Серебровскаго, отправился на квартиру послѣдняго съ Крыловымъ, гдѣ они и были задержаны, при чемъ Крыловъ назвался крестьяниномъ Гурьяновымъ и предъявилъ паспортъ, выданный на имя Гурьянова, а у Цвѣткова оказался билетъ на имя кре-

стьянина Нижне-Шкафтинской волости Орѣшкина, писанный, по удо
стовѣренію Войнаральскаго, рукою Дмитрія Рогачева. Въ письмѣ Лукаше
вича, начинающемся словами: „Господа Нижегородцы“, обращаютъ на
себя вниманіе слѣдующія мѣста: „Податель этого письма беретъ на себя
сходить въ Павлово. Человѣкъ этотъ вполнѣ хорошій, которому мы довѣ
ряемъ все... Погромы происходятъ на всемъ пространствѣ матушки Россіи
но наше дѣло, въ лицѣ своихъ сторонниковъ, нисколько не падаетъ
Напротивъ, можно сказать, что всякій ударъ, отнимая у насъ извѣстное
число товарищей, приноситъ въ то же время новыхъ, если не тутъ же
то въ другомъ мѣстѣ. Насъ изрядно стѣснили въ Москвѣ, здѣсь теперь
ужасная бѣдность въ квартирахъ, большой недостатокъ въ адресахъ. Но
за то въ провинціи наши дѣла идутъ довольно утѣшительно. Вездѣ на
шихъ слушаютъ и принимаютъ съ большимъ сочувствіемъ, книги расхо
дуются съ успѣхомъ и производятъ хорошее впечатлѣніе... Но наша пар
тія все-таки страдаетъ неорганизованностью... Нужно, чтобы каждый при
обрѣлъ какое-либо ремесло или опредѣленное занятіе и затѣмъ разселить
ся всѣмъ на такомъ пространствѣ, чтобы была возможность легко схо
ситься между собою... и затѣмъ твердо укрѣпиться каждому на своемъ
мѣстѣ... Такимъ образомъ, весь этотъ районъ въ теченіе одного или двухъ
лѣтъ можно довести до значительнаго градуса революціонности и потомъ
изъ него черпать силы для другихъ мѣстностей... Я лично, вполнѣ со
чувствуя этому плану, но не имѣя пока мѣста для усовершенствованія
въ ремеслѣ, отправляюсь въ образѣ офени шляться и искать счастія
думаю съѣздить въ Питеръ и оттуда пройти всю Россію-матушку съ сѣ
вера на югъ... Не знаю, какъ въ Питерѣ, а здѣсь всѣ люди разъѣха
лись, такъ что къ вамъ послать отсюда для житья некого... Оставаться
же въ Нижнемъ, по нашему мнѣнію, вамъ не слѣдъ, особенно въ виду
возможности разоблаченій татарина (Айтова), взятаго въ Калугѣ и плѣ
тущато всякій вздоръ на основаніи новой вѣры... Денегъ теперь въ Мос
квѣ нѣтъ, но каждый день ждемъ изъ Питера и немедленно по полу
ченіи будетъ вамъ выслана сумма... Адресъ мой: Большой-Козицкій пере
улокъ, домъ Маркова... Александру Сергѣевичу Покровскому“ (послѣднія
слова въ подлинномъ письмѣ зачеркнуты и вмѣсто ихъ написано каран
дашемъ: Петру Ивановичу Введенскому). Александръ Осиповъ Лукаше
вичъ призналъ, что вышеприведенное письмо написано имъ. Въ концѣ
письма имѣется слѣдующая приписка, сдѣланная рукою Милоглазкина:
«Николаева мы не нашли, а тѣ, которые его знаютъ, уѣхали. Книги мои
взяты съ обѣщаніемъ переслать вамъ (Впередъ Т. 2)». Означенный Ни
колаевъ (Николай Судзиловскій), какъ это видно изъ показанія Серебров
скаго, былъ лѣтомъ въ его квартирѣ вмѣстѣ съ Ливановымъ и разска
зывалъ исторію своего побѣга съ Коваликомъ изъ Николаевска, Самарской
губерніи, и уѣзжая въ Москву, переодѣлся въ платье Серебровскаго, по
чему сей послѣдній и просилъ Милоглазкина разыскать Николаева и взять
у него платье. По предъявленіи В. Серебровскому фотографической кар
точки Николая Судзиловскаго, онъ призналъ въ немъ личность, называв
шуюся Николаевымъ. Вскорѣ затѣмъ на имя Серебровскаго было получено
другое письмо отъ Лукашевича, въ которомъ послѣдній извѣщалъ объ
арестѣ Милоглазкина въ Москвѣ. Одновременно съ Милоглазкинымъ былъ

арестованъ и Александровскій, послѣ задержанія котораго было получено написанное къ нему Лукашевичемъ изъ Петербурга письмо, начинающееся словами: „Друже Петръ“ и заключающее въ себѣ извѣстіе о томъ, что мѣсто для Введенскаго найдено; между строкъ сего письма химическими чернилами было написано другое письмо, большею частью шифромъ. Александровскій умеръ, а Лукашевичъ, задержанный 3-го апрѣля 1873 года въ Москвѣ съ паспортомъ крестьянина Петра Степановича Мудрова, и Милоглазкинъ виновными себя не признали, при чемъ, однако, Милоглазкинъ объяснилъ, что дѣйствительно ходилъ въ народъ и уѣхалъ изъ Нижняго въ Москву вмѣстѣ съ Александровскимъ и Лукашевичемъ, а также, что прислалъ Духовскому запрещенныя книги. По обыску въ квартирѣ, нанятой Ливановымъ 1 іюля въ слободѣ Печорахъ, было найдено 6 экземпляровъ „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, 2 экземпляра „Исторіи одного французскаго крестьянина“, «Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“, „Капиталъ и трудъ“ Лассаля и двѣ рукописи—„Что дѣлать“ и „Какое положеніе наиболѣе удобно для сближенія съ народомъ“. Ливановъ, о поступленіи котораго въ столярную мастерскую воспитанникъ Самарской семинаріи Николай Петропавловскій писалъ судебному приставу Сызранскаго съѣзда мировыхъ судей Монстрову: „нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи»,—не призналъ себя виновнымъ; равнымъ образомъ не призналъ свою виновность и Аносовъ, ѣздившій вмѣстѣ съ Ливановымъ, какъ это изложено выше, въ Самарскую губернію и задержанный въ городѣ Москвѣ, въ квартирѣ дѣвицы Батюшковой (преданной суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи), при чемъ назвалъ себя дворяниномъ Захаровымъ. При задержаніи Аносова у него были отобраны: книги—„Парижская коммуна“ и нѣсколько экземпляровъ газеты „Впередъ“. По объясненію Аносова, онъ познакомился съ Аитовымъ совершенно случайно на вокзалѣ предъ отъѣздомъ въ Нижній. Казакъ Николай Глушковъ и Дмитрій Сѣрышевъ поселились на дачѣ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ къ нимъ присоединился пріѣхавшій изъ Петербурга студентъ Технологическаго Института Иванъ Николаевъ Чернявскій. Выѣзжая изъ Москвы, Глушковъ взялъ, по его собственному показанію, у Устюжанинова „Сборникъ пѣсенъ и стиховъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“ съ цѣлью распространенія таковыхъ сочиненій въ народѣ, а Сѣрышевъ, какъ это видно изъ его показанія, получилъ отъ Устюжанинова тенденціозную книгу „Крестьянскіе выборы“. По словамъ Глушкова и Сѣрышева, какъ они, такъ и Чернявскій, постоянно доказывавшій имъ необходимость революціонной пропаганды, въ половинѣ мая приступили къ исполненію своихъ преступныхъ замысловъ; посѣщая трактиры вмѣстѣ съ рабочими, они занялись распространеніемъ между послѣдними книгъ; такъ, Чернявскій передалъ рабочимъ „Сказку о 4-хъ братьяхъ“, а Глушковъ „Исторію одного французскаго крестьянина“ и Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“; Сѣрышевъ же, хотя самъ и не раздавалъ книгъ, былъ въ трактирѣ вмѣстѣ со своими товарищами, когда послѣдніе передавали рабочимъ книги. Показанія Глушкова и Сѣрышева нашли себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей-рабочихъ, ко-

торымъ переданы были книги; при чемъ выяснилось еще, что Чернявскій посѣщалъ рабочихъ и на ихъ квартирѣ. Какъ Сѣрышевъ, задержанный у воротъ дома, въ которомъ жилъ Устюжаниновъ, и выбросившій изъ кармана при заарестованіи его книгу „Крестьянскіе выборы“, такъ и Глушковъ признали себя виновными; Чернявскій же, арестованный 18-го іюля 1874 года въ городѣ Симбирскѣ, виновнымъ себя не призналъ, хотя и подтвердилъ передачу рабочимъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и, кажется, какъ онъ выразился, „Сказки о 4-хъ братьяхъ“. При задержаніи Чернявскаго, назвавшагося студентомъ Московскаго Университета Егоромъ Ивановымъ Никитинымъ, у него были отобраны слѣдующія книги: литографированныя выдержки изъ журнала „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, 20 экз. „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Мірской учетъ“, „У перевоза“, „Крестьянскіе выборы“ и „Отщепенцы“. Дѣятельность Устюжанинова, снабжавшаго книгами Глушкова и Сѣрышева до зимы 1874—1875 гг., осталась не обнаруженною. Въ 1875 г., предъ масленицею, Устюжаниновъ вмѣстѣ съ дочерью статскаго совѣтника Вѣрою Николаевою Панютиной, при содѣйствіи дворянина Владиміра Николаева Щепкина, поселился въ деревнѣ Новинкахъ, Богородскаго уѣзда, у крестьянина Мурашева, при чемъ какъ у Устюжанинова, такъ и Панютиной были фальшивые паспорты, у перваго на имя крестьянина Николая Александрова Ковригина, а у послѣдней на имя солдатки Александры Никитиной Агаповой. Проживая въ Новинкахъ, Устюжаниновъ и Панютина занимались пропагандой. Такъ, когда одинъ крестьянинъ не пожелалъ читать пѣсенника, потому что „грѣхъ читать такія книги великимъ постомъ“, Устюжаниновъ разсердился на него и сказалъ: „вы ничего не понимаете, эти книги для васъ болѣзныя“ (т. е. о васъ соболѣзнующія); такъ, Мурашевой, когда она говѣла, Устюжаниновъ и Панютина говорили, что „генералы, богатые и баре хорошо ѣдятъ и имъ это не грѣхъ“; въ другой же разъ, когда Мурашева стала учить своего сына молиться за Царя, они смѣялись надъ нею и доказывали, что Царя слѣдовало бы лишить власти, а министровъ и генераловъ повѣсить, имѣнія же ихъ раздѣлить поровну, въ доказательство чего ссылались на Пугачева и стали читать Мурашевой и ея сыну о томъ, какъ Пугачевъ „казнилъ да вѣшалъ богатыхъ“, поясняя при этомъ, „что если бы такъ всѣ взялись, то хорошо было бы жить“. Щепкинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ поселеніи Устюжанинова и Панютиной въ деревнѣ Новинкахъ, навѣщалъ ихъ въ означенной деревнѣ и велъ съ ними переписку, при чемъ его письма, по прочтеніи ихъ, разрѣзывались на мелкіе куски; въ приложенномъ къ дѣлу письмѣ Устюжанинова, которое сей послѣдній вручилъ Мурашевой опустить въ почтовый ящикъ, Устюжаниновъ, давая Щепкину отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ объ изготовленіи лѣтняго „для насъ“ костюма, присовокупляя, что костюмъ В. Н. купитъ сама, лишь бы Щепкинъ позаботился насчетъ денегъ, конецъ же письма—слѣдующій: „будутъ ли жить послѣ 6-го апрѣля наши друзья въ Протопоповскомъ переулкѣ и если перемѣнятъ квартиру, то сообщите точный адресъ“. Въ Протопоповскомъ переулкѣ, въ домѣ Корсакъ жили Бардина, Джабадари, Чикоидзе и др., преданные суду по обвиненію въ государственномъ преступленіи. По обыску, произведенному въ помѣщеніи, которое занимали въ деревнѣ Новин-

кахъ Устюжаниновъ и Панютина, было найдено значительное количество революціонныхъ сочиненій, какъ-то: 10 экз. „Чтой-то братцы“, 9 экз. „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 6 экз. „Сказки о 4-хъ братьяхъ“, „Хитрая механика“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, а также прибавленіе А къ „Государственности и Анархія“. Кромѣ сего по обыску были найдены: паспортъ на имя Ковригина и писанная карандашемъ на клочкѣ бумаги записка слѣдующаго содержанія: „я хотѣла писать письмо, да они мѣшаютъ. Вдругъ она прочтетъ. Не пріѣхалъ ли Н. А. М.“ Панютина, признавъ, что означенная записка писана ею къ Устюжанинову, уѣхавшему на время въ Москву, объяснила, что Н. А. М.—студентъ Кіевскаго Университета Никита Андреевъ Мельниковъ, но имѣя въ виду, что адресъ Панютиной, писанный рукою Николая Александрова Морозова, найденъ въ деревнѣ Шелковой, у крестьянина Петра Союзова, есть полное основаніе признать, что Н. А. М.—членъ кружка Алексѣевой, гимназистъ Николай Александровъ Морозовъ. Найденныя при обыскѣ у Панютиной и Устюжанинова книги были, по показанію Мурашевой, привезены означенными лицами изъ Москвы въ два пріема, первый разъ—на первой недѣлѣ великаго поста, когда Устюжаниновъ и Панютина ѣздили оба въ Москву, а второй разъ—на третьей недѣлѣ, когда уѣзжалъ изъ Новинокъ одинъ Устюжаниновъ. По обыску у Щепкина найдены книги: „Стенька Разинъ“, „Парижская коммуна“, статья изъ журнала „Впередъ“, „Отщепенцы“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, 2 т. журнала „Ввпередъ“, „Объ общинномъ владѣніи землею“ Чернышевскаго, „Крестьянскіе выборы“, 17 экз. „На міру“, портретъ Лассаля съ надписью, сдѣланною рукою Щепкина: „вы камень, на которомъ созиждется церковь настоящаго“, а также разнаго рода рукописи, въ томъ числѣ и преступнаго содержанія, въ числѣ которыхъ оказался писанный Щепкинымъ и Устюжаниновымъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія: „Der moderne Socialismus и т. д.“, каковое сочиненіе, по заявленію главнаго управленія по дѣламъ печати, относится къ числу такихъ, которыя колеблютъ основы государственнаго порядка. Кромѣ сего у Щепкина была отобрана записная книжка, въ которой, между прочимъ, записанъ адресъ Лаврова въ Цюрихѣ. Устюжаниновъ умеръ, а Панютина и Щепкинъ виновными себя не признали, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Щепкинъ и Панютина была вмѣстѣ съ Устюжаниновымъ членами революціоннаго кружка и что Щепкинъ игралъ главную роль въ той пропагандѣ, веденіе которой приняли на себя Устюжаниновъ и Панютина. Вышеупомянутый Николай Морозовъ, а также Николай Саблинъ, принадлежавшіе оба къ кружку Алексѣевой, равно какъ и сія послѣдняя, въ началѣ мая 1874 года появились въ Даниловскомъ уѣздѣ, Ярославской губерніи, въ селѣ Потаповѣ, имѣніи Иванчина-Писарева. Иванчинъ-Писаревъ, какъ это выяснено слѣдствіемъ, занимался веденіемъ революціонной пропаганды въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ. Осенью 1873 года онъ устроилъ въ селѣ Потаповѣ столярную мастерскую, въ которой училъ рабочихъ пѣть революціонныя пѣсни: „Барка“, „Свобода“, „Пора собраться съ силами“ и др., и доказывалъ имъ необходимость возстанія противъ правительства; независимо отъ сего, Писаревъ занимался и распространеніемъ революціонныхъ книгъ; онъ читалъ и раздавалъ крестьянамъ: „Стеньку Разина“, „Исторію одного французскаго крестьянина“,

„Отщепенцовъ“, „Государственность и Анархія“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и устраивалъ народныя гулянья, на которыхъ пѣлись пѣсни возмутительнаго содержанія. Дѣятельными сотрудниками Иванчина-Писарева были проживавшіе въ селѣ Вятскомъ—земскій врачъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, у котораго поселился Саблинъ, и земская акушерка, бывшая цюрихская студентка Марія Платонова Потоцкая, жившая въ одной квартирѣ съ Добровольскимъ и получившая мѣсто по рекомендаціи послѣдняго. Участіе Добровольскаго и Потоцкой въ пѣніи революціонныхъ пѣсенъ и устной пропагандѣ, а также распространеніе Добровольскимъ книгъ революціоннаго содержанія, вполнѣ доказано показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, удостовѣрившихъ полную солидарность означенныхъ лицъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ. Послѣ Пасхи 1874 года въ селѣ Потаповѣ проживали нѣкоторое время и занимались пропагандою двѣ личности, назвавшіяся Василіемъ Семеновымъ Шевелевымъ и Иваномъ Кузьминымъ, которыхъ Иванчинъ-Писаревъ выдавалъ за своихъ хорошихъ знакомыхъ; между тѣмъ оказалось, по показанію Саблина, что Шевелевъ былъ Клеменсъ, а по показанію крестьянъ, Кузьминъ былъ Исаакъ Львовъ, арестованный въ мастерской Войнаральскаго на Бутыркахъ и вскорѣ затѣмъ освобожденный изъ-подъ стражи. Какъ выше сказано, въ маѣ 1874 года въ Потапово пріѣхали Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ. Алексѣева, какъ это удостовѣрено слѣдствіемъ, принимала участіе въ устраиваемыхъ Иванчинымъ-Писаревымъ народныхъ гуляньяхъ, на которыхъ пѣлись революціонныя пѣсни; Саблинъ, какъ это видно изъ показанія крестьянина Михаила Селиванова, старался занять мѣсто фельдшера въ Боровской волости, куда и ѣздилъ съ Иванчинымъ-Писаревымъ, а Морозовъ поступилъ, по его собственному показанію, въ кузницу въ деревнѣ Контевѣ для обученія кузнечному мастерству. Независимо отъ сего, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Саблинъ и Морозовъ читали рабочимъ въ мастерской Писарева революціонныя книги, разъясняли таковыя и говорили объ уничтоженіи правительства, а Саблинъ сверхъ того, въ Троицынъ день, въ трактирѣ села Боръ пѣлъ „Барку“ въ присутствіи многихъ крестьянъ. Въ концѣ мая дѣятельность Писарева стала извѣстна правительству, и Писаревъ скрылся; по обыску же въ селѣ Потаповѣ, въ нежиломъ домѣ были найдены спрятанными за карнизомъ подъ крышею въ большомъ количествѣ революціонныя книги, изъ которыхъ „Государственность и Анархія“, „Впередъ“, „Исторической развитіе интернаціонала“ и „Гражданская война во Франціи“—Добровольскій призналъ за принадлежащіе ему. Пробывъ въ Потаповѣ около мѣсяца, Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ въ то самое время, когда скрылся Иванчинъ-Писаревъ, возвратились въ Москву, гдѣ Алексѣева и поселилась въ нумерахъ Скворцова, на Моховой. Саблинъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ, по его собственному показанію, разыскивать Клеменса въ Петербургъ, откуда и отправился за границу; Алексѣева же и Морозовъ, въ виду послѣдовавшихъ около того времени въ Москвѣ арестовъ, выѣхали изъ Москвы и поселились въ Курской губерніи, въ имѣніи Софіи Леонтьевой, гдѣ и прожили до 13 августа. За день до ихъ отъѣзда пріѣхалъ къ Алексѣевой, какъ видно изъ ея показанія, Кравчинскій предупредить ее не ѣздить въ Москву. Отъ Леонтьевыхъ Алексѣева поѣхала съ Морозовымъ до Курска, откуда уже одна отправилась въ Одессу, а затѣмъ въ іюнѣ 1875 года

въ имѣніе своей матери, въ Тамбовскую губернію, гдѣ и была задержана. Разставшись съ Алексѣевою въ Курскѣ, Морозовъ вернулся, по его словамъ, въ Москву, откуда въ ноябрѣ поѣхалъ за границу, гдѣ и встрѣтился съ Саблинымъ 12-го марта 1876 года. Саблинъ и Морозовъ были задержаны въ пограничномъ селеніи Кибартахъ на обратномъ пути въ Россію, при чемъ у Морозова оказалось прусское легитимаціонное свидѣтельство на имя Карла Энгеля, а у Саблина прусская легитимаціонная карта на имя Фридриха Вейсмана. Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены сношенія Саблина съ Сидорацкою (Ободовскою), что уже изложено выше, и Морозова—со скрывшимся, но изобличеннымъ въ государственномъ преступленіи крестьяниномъ Иваномъ Союзовымъ. Въ домѣ брата послѣдняго—Петра Союзова, въ дер. Шелковой, Дмитровскаго уѣзда, было найдено нѣсколько записокъ, несомнѣнно писанныхъ Морозовымъ, въ числѣ которыхъ оказались слѣдующія: а) „поговорите съ нимъ и познакомьте съ кѣмъ-нибудь. Это братъ Ивана Осипова, про имя все знаетъ Н. М.“ и б) познакомьте съ народомъ побольше. Дѣло онъ знаетъ. Н. Воробьевъ“. На оборотѣ первой записки имѣется адресъ Вѣры Панютиной. Добровольскій, Потоцкая, Алексѣева, Саблинъ и Морозовъ виновными себя не признали. Въ Ярославской губерніи революціонная пропаганда велась еще въ Рыбинскомъ уѣздѣ и въ самомъ Ярославлѣ. Представителями революціонныхъ дѣятелей въ Рыбинскѣ были Дмитрій Бородулинъ, Павелъ Троицкій и Марія Гейшторъ, а также и Софія Лешернъ-фонъ Герцфельдъ, отправившаяся изъ Петербурга въ Саратовъ и останавливавшаяся нѣсколько дней въ Рыбинскѣ. Бородулинъ, уѣхавшій на лѣто, какъ сказано выше, изъ Петербурга въ Рыбинскъ, гдѣ онъ и поселился, объяснилъ на предварительномъ слѣдствіи, что въ началѣ іюня къ нему явился Троицкій съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Лешернъ, въ которомъ послѣдняя, между прочимъ, извѣщала, что дала разрѣшеніе Троицкому сообщить его знакомымъ адресъ Бородулина для корреспонденціи, а при дознаніи Бородулинъ удостовѣрилъ, что Троицкій и Лешернъ явились къ нему одновременно и что Лешернъ лично рекомендовала ему Троицкаго; послѣдній, по словамъ Бородулина, былъ у него раза два или три, а затѣмъ отправился въ село Коприно, гдѣ намѣренъ былъ провести лѣто, при чемъ, когда Троицкій, предъ уходомъ въ Коприно, явился къ нему въ послѣдній разъ, то вмѣстѣ съ нимъ была и Гейшторъ. Одновременное пребываніе въ Рыбинскѣ Троицкаго и Гейшторъ удостовѣряется и показаніемъ Лешернъ, изъ котораго оказывается, что она пробыла въ Рыбинскѣ дней десять и въ это время посѣщала какъ Бородулина, такъ и жившихъ вмѣстѣ на одной квартирѣ Троицкаго и Гейшторъ; изъ этого же показанія Лешернъ видно, что въ разговорахъ съ Бородулинымъ, она, быть можетъ, и говорила ему о цѣли поѣздки въ Саратовъ, состоявшей, по ея словамъ, въ томъ, чтобы ближе узнать „народъ и его политическій духъ“, что находитъ себѣ подтвержденіе и въ объясненіяхъ Бородулина о томъ, что Лешернъ, желая изучить быть волжскихъ рабочихъ, просила пріискать ей мѣсто кухарки въ артели крючниковъ, а также говорила что-то о шифрѣ для переписки, о бывшихъ съ нею какихъ-то книгахъ и о своемъ намѣреніи называться русскимъ именемъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Бородулинъ зналъ и настоящую цѣль поѣздки Лешернъ, съ которою онъ,

какъ видно изъ дѣла, былъ вполнѣ солидаренъ. Такъ, на дознаніи Бородулинъ призналъ, что Лешернъ показывала ему свой фальшивый паспортъ и передала ему шифръ для переписки съ нею. Такое показаніе Бородулина, данное при дознаніи, вполнѣ подтверждается написаннымъ Лешернъ въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ и адресованнымъ ею на имя Бородулина письмомъ, въ которомъ Лешернъ писала: „Дмитрій замѣните первыя слова, что я вамъ дала выучить, слѣдующими . . .“, послѣ чего шифромъ написаны слова изъ шифра Ковалика; означенное письмо подписано „Варя“, т. е. именемъ, значащимся въ фальшивомъ паспортѣ, съ которымъ 17-го іюня Лешернъ была задержана въ Саратовѣ; далѣе въ письмѣ Лешернъ извѣщала Бородулина и Рабиновича о своемъ арестѣ, обращаясь къ обоимъ какъ къ лицамъ, въ одинаковой степени посвященнымъ въ дѣла и самой Лешернъ, и другихъ дѣятелей революціонной пропаганды, сообщала о своемъ намѣреніи бѣжать изъ-подъ стражи и просила Бородулина съѣздить въ Петербургъ—„неравно и тамъ, что не ладно“, при чемъ совѣтовала быть осторожнымъ. Независимо отъ вышеприведеннаго письма Лешернъ, вполнѣ изобличающаго Бородулина въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, виновность Бородулина подтверждается слѣдующими обстоятельствами дѣла: а) въ своемъ показаніи Бородулинъ призналъ, что два раза навѣщалъ въ Копринѣ Троицкаго и Гейшторъ, которые впослѣдствіи и оставили у него свое крестьянское платье, б) означенное платье, мужское и женское, было найдено при обыскѣ у Бородулина, удостовѣрившаго при слѣдствіи принадлежность такового вышеупомянутымъ лицамъ; в) по тому же обыску у Бородулина было найдено нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Очерки фабричной жизни“ въ 2-хъ экземплярахъ, „Клодъ Ге“ „Степные очерки“, „Митюха“ и друг., фотографическія карточки Лассаля и Чернышевскаго и холстинная обертка съ посылки съ адресомъ Дмитрія Бородулина, по поводу которой послѣдній при слѣдствіи показалъ, что въ концѣ іюня, въ то время, когда Троицкій и Гейшторъ были въ Копринѣ, онъ получилъ изъ Петербурга отъ неизвѣстнаго лица, подъ видомъ столярныхъ издѣлій, посылку съ книгами, въ числѣ которыхъ были: „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“, изъ каковыхъ книгъ часть была отобрана у него при обыскѣ, прочія же цензурныя разошлись неизвѣстно куда, а запрещенныя были имъ сожжены; и г) послѣ задержанія Бородулина, 14-го іюля, на его имя было получено въ Рыбинскѣ никѣмъ не подписанное письмо, въ коемъ сообщали Бородулину, что „Варвару забрали въ Саратовѣ“ и совѣтовали ему быть осторожнымъ въ письмахъ; означенное письмо было написано Рабиновичемъ, что имъ и признано. Несмотря на собранныя противъ Бородулина улики, онъ не призналъ себя виновнымъ. Поселившись въ Копринѣ, Троицкій и Гейшторъ занялись пропагандою, доказательствомъ чего служитъ показаніе крестьянина деревни Льгоцевъ Тимоѳея Андреева Ермолаева, удостовѣрившаго, что за нѣсколько дней до Петрова дня онъ пустилъ къ себѣ ночевать мужчину и женщину, которые на другой день рано утромъ ушли, при чемъ женщина, въ присутствіи мужчины, дала ему книгу, сказавъ: «вотъ тебѣ за ночлегъ»; переданная ему книга была, по словамъ Ермолаева, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, что подтвердилъ и другой крестьянинъ той же деревни, которому

Ермолаевъ показывалъ оставленную ему книгу. По предъявленіи Троицкаго и Гейшторъ Ермолаеву, послѣдній призналъ въ нихъ тѣхъ именно лицъ, которыя ночевали у него предъ Петровымъ днемъ и передали ему „Сказку о 4-хъ братьяхъ“. Независимо отъ вышеизложеннаго, изъ показанія Рабиновича видно, что Троицкій, послѣ возвращенія своего изъ Рыбинска, въ концѣ іюля, разсказывалъ ему о своей пропагандѣ въ Ярославской губерніи. Павелъ Семеновъ Троицкій и Марія Эдуардовна Гейшторъ, не признавая себя виновными, отвергли даже свою ночевку въ дер. Льговецъ и объяснили: Троицкій, что онъ Рабиновича и Лешернъ вовсе не знаетъ, а Гейшторъ, что незнакома съ Лешернъ, которую не видала и въ Петербургѣ, и что Лешернъ, вѣроятно, называетъ ея именемъ другое лицо; послѣднее объясненіе Гейшторъ дала при предъявленіи ей слѣдственнаго производства. Вслѣдствіе такого заявленія Гейшторъ была предъявлена Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, которая показала, что предъявленную ей личность никогда не видала. Такое объясненіе Лешернъ, называвшей въ своемъ показаніи Гейшторъ по его имени и отчеству, въ виду несомнѣнности проживанія въ Рыбинскомъ уѣздѣ вмѣстѣ съ Троицкимъ, именно обвиняемой по настоящему дѣлу Маріи Эдуардовой Гейшторъ, что признано и сею послѣднею, а не какой-либо другой личности, доказываетъ лишь полную солидарность между собою названныхъ лицъ и объясняется тѣмъ, что во время производства предварительнаго слѣдствія какъ Лешернъ, такъ и Гейшторъ содержались подъ стражею въ домѣ предварительнаго заключенія, въ которомъ, какъ доказано слѣдствіемъ, существовали тайныя сношенія не только между арестантами одного отдѣленія, но и между арестантами мужскаго и женскаго отдѣленій; Марія Гейшторъ находилась въ числѣ лицъ, сношенія которыхъ съ другими вполнѣ доказаны записками, отобранными у Чарушина въ Петропавловской крѣпости, при переводѣ его туда изъ дома предварительнаго заключенія. Двѣ изъ означенныхъ записокъ, писанныя Исакомъ Павловскимъ, начинаются словами: первая —„Вотъ мы гдѣ съ вами, Марія Эдуардовна, побесѣдуемъ!...“, а вторая—„эту записку надо передать Марьѣ Гейшторъ“. По обыску въ квартирѣ, которую занимали въ Копринѣ Троицкій и Гейшторъ, была найдена тенденціозная книга: „Сила солому ломитъ“. Въ г. Ярославлѣ занимался пропагандой Коваликъ, прибывшій туда изъ Москвы съ Митрофаномъ Гриценковымъ. По словамъ послѣдняго, на пути въ Ярославль онъ и Коваликъ заѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру къ семинаристу Остроумову и предъявили ему рекомендательное письмо отъ знакомой Остроумова Криволуцкой на имя Македона, за котораго Гриценковъ себя и выдалъ. Въ означенномъ письмѣ Криволуцкая просила Остроумова снабдить Македона рекомендаціей къ кому-либо изъ воспитанниковъ тамбовской семинаріи, что Остроумовъ и сдѣлалъ, давъ Гриценкову письмо къ брату своему Алексѣю, каковое письмо, по словамъ Гриценкова, взялъ къ себѣ Коваликъ. По прибытіи въ Ярославль Коваликъ (подъ фамиліею Лукашевича) отправился къ профессору Ярославскаго лицея Михаилу Духовскому, съ которымъ встрѣчался прежде въ Москвѣ, въ библіотекѣ Тюменевой, и познакомилъ его съ Гриценковымъ, назвавшимся Александровымъ, а чрезъ Духовскаго и его брата Евгенія Коваликъ и Гриценковъ въ свою очередь познакомились съ нѣсколькими студентами лицея. Задавшись мыслью вести пропаганду между семинаристами, Коваликъ ста-

рался знакомиться преимущественно со студентами, воспитывавшимися въ какой-либо семинаріи, и затѣмъ, подъ разными благовидными предлогами, выпрашивалъ у нихъ рекомендательныя письма къ ихъ прежнимъ товарищамъ. Такъ, выдавая себя за лицо, желавшее открыть въ г. Костромѣ библіотеку, Коваликъ получилъ отъ студента Віолентова письма къ воспитанникамъ Костромской семинаріи Невскому и Померанцеву, а узнавъ отъ студента Знаменскаго, что въ Калужской семинаріи Скворцовъ и Громовъ слывутъ за самыхъ развитыхъ воспитанниковъ, просилъ Знаменскаго дать ему къ означеннымъ лицамъ письмо, отъ чего Знаменскій отказался. Гриценковъ, какъ видно изъ его показанія, присутствовалъ при разговорахъ Ковалика со студентами, у которыхъ Коваликъ, между прочимъ, спрашивалъ, читали ли они запрещенныя книги, какъ-то, напримѣръ, „Государственность и Анархія“, и зналъ, что у Ковалика было четыре или пять экземпляровъ означенной книги, а также книга „Историческое развитіе интернаціонала“. Проживъ нѣсколько дней въ Ярославлѣ, Гриценковъ, имѣвшій, по его словамъ, отъ студента Воронцова письмо къ земскому врачу Добровольскому, отправился къ сему послѣднему, но вслѣдствіе постигшей его дорогою болѣзни, долженъ былъ возвратиться въ Москву, откуда поѣхалъ къ роднымъ въ Орелъ, гдѣ и былъ арестованъ. Гриценковъ виновнымъ себя не призналъ. Оставшись послѣ отъѣзда Гриценкова въ Ярославлѣ, Коваликъ явился къ студенту Богданову, адресъ котораго узналъ отъ студента Оферьева, выдалъ себя за рязанскаго помѣщика, сообщилъ, что думаетъ въ скоромъ времени быть во Владимірѣ и просилъ Богданова назвать ему фамиліи нѣсколькихъ недостаточныхъ семинаристовъ, изъявляя готовность оказать имъ помощь. Уходя отъ Богданова, Коваликъ предложилъ ему прогуляться вмѣстѣ съ нимъ и во время прогулки, что было уже поздно вечеромъ, сказалъ, что у него есть хорошія книги, которыми онъ можетъ снабдить Богданова. Вслѣдствіе изъявленнаго Богдановымъ согласія, Коваликъ передалъ ему тутъ же двѣ книги, которыя вынулъ изъ бокового кармана и которыя оказались: „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“. Означенныя книги были представлены Богдановымъ директору лицея. Предъ отъѣздомъ изъ Ярославля Коваликъ зашелъ къ Михаилу Духовскому и оставилъ ему письмо для передачи такового Гриценкову, если сей послѣдній заѣдетъ опять въ Ярославль. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Коваликъ передалъ Богданову запрещенныя книги, Духовскій распечаталъ оставленное ему письмо и прочелъ таковое. Въ немъ совѣтовалось не оставаться въ Ярославлѣ, „гдѣ дѣлать нечего, а ѣхать, насколько помнитъ Духовскій, во Владиміръ—„русскій Манчестеръ“, какъ было сказано въ письмѣ; означенное письмо было Духовскимъ уничтожено. Изъ Ярославля Коваликъ направился въ Кострому, гдѣ и явился къ Невскому съ рекомендательнымъ письмомъ Віолентова. По удостовѣренію Невскаго, Коваликъ завелъ съ нимъ разговоръ о товарищескомъ общеніи между семинаристами и спросилъ, не можетъ ли онъ, Невскій, устроить кружки? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Коваликъ обратился къ Невскому съ просьбою передать имѣющему прибыть въ Кострому товарищу его, Ковалика, Александрову книги и, вслѣдствіе согласія Невскаго, передалъ ему завернутый въ бумагу и опечатанный пакетъ. Въ іюлѣ Невскій получилъ непонятное для него письмо, и недѣлю спустя явилась къ нему неизвѣстная личность,

которая пониженнымъ голосомъ спросила: „былъ у васъ Николаевъ?“ Означенный посѣтитель показался Невскому крайне подозрительнымъ, и такъ какъ въ полученномъ за недѣлю тому назадъ письмѣ упоминалась фамилія Николаева, то Невскій и заявилъ о всемъ вышеизложенномъ начальнику Костромского губернскаго жандармскаго управленія. Задержанная по указанію Невскаго неизвѣстная личность, справлявшаяся объ Николаевѣ, оказалась народнымъ учителемъ Самарской губерніи Владиміромъ Поповымъ (нынѣ умершимъ), а въ представленномъ Невскимъ пакетѣ, оставленномъ у него Коваликомъ, были найдены книги: „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе Интернаціонала“. Калужскую семинарію, о воспитанникахъ которой сообщилъ ему свѣдѣнія Знаменскій, Коваликъ лично не посѣтилъ, предоставивъ пропагандировать въ ней своему знакомому—дворянину Аркадію Головину, бывшему воспитаннику Технологическаго института. По обыску у означеннаго Головина были найдены: „Стенька Разинъ“, „О мученикѣ Николаѣ“, нѣсколько тенденціозныхъ книгъ и никѣмъ не подписанное письмо, которое Коваликъ призналъ за написанное имъ. Въ означенномъ письмѣ Коваликъ совѣтовалъ посѣтить библіотеку Шевыревыхъ, гдѣ собираются семинаристы, съ которыми Шевыревы и познакомятъ Головина, а затѣмъ сообщалъ, что лучшіе изъ семинаристовъ—Громовъ и Скворцовъ, при знакомствѣ съ которыми можно сослаться на Знаменскаго, студента Ярославскаго лицея, что и Знаменскій будетъ въ Калугѣ въ іюнѣ и что слѣдуетъ обратить вниманіе на него и на другихъ лицеистовъ, которые будутъ съ нимъ; въ заключеніе Коваликъ писалъ, что „онъ (т. е. Знаменскій) предоставитъ такую же почву для пропаганды, какъ и семинаристы“. Головинъ, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что найденныя у него при обыскѣ книги купилъ въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ и что кѣмъ писано вышеприведенное письмо не знаетъ, хотя и былъ у Знаменскаго, что подтвердилъ и сей послѣдній. Между тѣмъ изъ показанія Рабиновича оказывается, что въ Петербургѣ, въ квартирѣ брата Головина, собирались сходки членовъ разныхъ кружковъ, на которыхъ обсуждалась программа дѣятельности кружковъ, и что Головинъ изъявилъ согласіе принять къ себѣ въ имѣніе нѣсколько человѣкъ пропагандистовъ подъ видомъ рабочихъ, для доставленія имъ возможности изучить крестьянскія работы, вслѣдствіе чего при посѣщеніи, по просьбѣ Коваликa, Харьковскаго революціоннаго кружка, Рабиновичъ и далъ членамъ онаго адресъ Головина въ Калужской губерніи. Такое показаніе Рабиновича, въ связи съ письмомъ Коваликa, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ виновности Головина. Въ то же самое время революціонная пропаганда велась въ селѣ Ловати, Жиздринскаго уѣзда, земскимъ врачемъ Иваномъ Козачкомъ вмѣстѣ съ проживавшими у него студентомъ Петербургскаго университета Введенскимъ и не окончившимъ курса Орловской гимназіи Николаемъ Махаевымъ. Въ числѣ знакомыхъ Козачка, окончившаго курсъ въ Медико-Хирургической Академіи въ 1873 году, былъ студентъ той же Академіи Василій Махаевъ, который, какъ видно изъ его письма, отобраннаго у земскаго врача Вятской губерніи Пересвѣтова, принадлежалъ къ петербургскимъ кружкамъ и занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ. Въ означенномъ письмѣ Василій Махаевъ (нынѣ умершій) сообщалъ, между прочимъ, что „Иванъ и еще нѣсколько человѣкъ, под-

вязающихся среди народа въ качествѣ медиковъ, учителей и рабочихъ, согласились съѣхаться въ декабрѣ 1874 года . . ., чтобы повѣдать другъ другу свои удачи и неудачи и выработать болѣе или менѣе опредѣленный планъ дѣйствія, наконецъ, посвятить новичковъ въ будущую дѣятельность, указывая имъ вѣрные пути для достиженія цѣли, вынесенные изъ своей практики". Василій Махаевъ призналъ, что вышеприведенное письмо писано имъ и что упомянутый въ письмѣ „Иванъ"—земскій врачъ Иванъ Козачекъ. Въ началѣ лѣта 1874 года, къ Козачку, въ село Ловать, пріѣхали: братъ Василія Махаева—Николай Введенскій, а также на короткое время и самъ Василій Махаевъ. Проживая въ селѣ Ловати, Козачекъ, Николай Махаевъ и Введенскій, какъ вполнѣ доказано свидѣтельскими показаніями, вели дѣятельную пропаганду между мѣстными крестьянами. Такъ, они внушали крестьянамъ, что земля должна быть раздѣлена между всѣми поровну, что подати платятъ только бѣдные и что не слѣдуетъ допускать продажу своего имущества на пополненіе недоимокъ, пѣли на улицѣ въ Ловати и въ Ночномъ пѣсни „Свобода-свободушка", „Изъ-за матушки, изъза Волги" и читали, а также раздавали крестьянамъ тенденціозныя и революціонныя книги. Введенскій раздавалъ крестьянскимъ мальчикамъ тенденціозныя книги на улицѣ и на дому, а Козачекъ и Махаевъ читали крестьянамъ „Сказку о четырехъ братьяхъ", при чемъ разъясняли прочитанное. Независимо отъ сего, Козачекъ, какъ обнаружено слѣдствіемъ, далъ одному лицу „Исторію одного французскаго крестьянина" и въ разговорахъ съ крестьянами старался поколебать въ нихъ религіозное чувство, въ чемъ ему также содѣйствовали Махаевъ и Введенскій. По обыску, произведенному 23 сентября 1874 года въ квартирѣ Козачка, у сего послѣдняго были найдены книги: „Дѣдушка Егоръ" въ 21 экз., „Исторія одного французскаго крестьянина", „Гражданская война во Франціи", Mémoire présenté par la Fédération jurassienne" и нѣсколько другихъ тенденціозныхъ книгъ. Козачекъ, Махаевъ и Введенскій виновными себя не признали, при чемъ первые двое, не отвергая пѣнія пѣсенъ „Свобода-свободушка" и „Изъ-за матушки, изъ-за Волги", объяснили: Козачекъ, что пѣлъ означенныя пѣсни отъ нечего дѣлать, а Махаевъ, что не считалъ ихъ революціонными. Кромѣ сего изъ показанія Козачка оказывается, что у него былъ „Пѣсенникъ". Продолжая свое путешествіе, Коваликъ изъ Костромы направился въ Нижній-Новгородъ, имѣя, какъ сказано выше, записку отъ Ободовской къ артиллеристамъ. Видѣлся ли Коваликъ въ Нижнемъ съ артиллеристами, осталось не выясненнымъ, но слѣдствіемъ вполнѣ доказано, что Михаилъ Духовской пригласилъ нѣсколько человѣкъ семинаристовъ въ поле, за Петропавловскою церковью, гдѣ Коваликъ и студентъ Петровской Академіи Цвѣтковъ (нынѣ умершій) внушали семинаристамъ необходимость оказанія помощи народу, для чего слѣдуетъ бросить ученье, идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства. Коваликъ призналъ, что видѣлся въ Нижнемъ съ семинаристами, но не далъ никакихъ по сему предмету объясненій, а Духовской, вполнѣ подтвердивъ вышеизложенное, присовокупилъ, что имъ было дано Ковалику рекомендательное письмо къ Ливанову, находившемуся въ то время въ Самарѣ. Означенное письмо было впослѣдствіи найдено въ мастерской Пельконена, устроенной въ Саратовѣ Войнаральскимъ, въ шифрованныхъ запискахъ котораго оказался записан-

нымъ и адресъ Духовскаго. Изъ Нижняго-Новгорода Коваликъ поѣхалъ въ Казань, гдѣ и явился къ студенту мѣстнаго Университета Евгенію Овчинникову, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо отъ студента Петровской Академіи Бердникова. У Овчинникова, знакомаго съ Чарушинымъ и Гауэнштейномъ, проживала, какъ видно изъ его показанія, въ январѣ 1874 года неизвѣстная личность, назвавшаяся Свиридовымъ и явившаяся къ нему по рекомендаціи Чарушина; означенный Свиридовъ, у котораго Овчинниковъ видѣлъ старый видъ на жительство Голоушева, получилъ нѣсколько писемъ, адресованныхъ на имя Овчинникова, а также телеграмму изъ Городища отъ Войнаральской, содержаніе которой, по словамъ Овчинникова, было слѣдующее: „передайте Темногрудову, что мужа нѣтъ дома, деньги скоро будутъ посланы". Относительно посѣщенія Коваликъ, явившагося подъ именемъ Лукашевича, Овчинниковъ объяснилъ, что Коваликъ сообщилъ ему о движеніи въ средѣ петербургской молодежи и о появленіи запрещенныхъ сочиненій Бакунина и Лаврова, а также изъявилъ готовность познакомить его впослѣдствіи съ результатами, къ которымъ придутъ люди, ушедшіе въ народъ, при чемъ для переписки съ ними далъ шифръ. Посредствомъ означеннаго шифра Овчинниковъ разобралъ полученное отъ Коваликъ изъ Самары письмо, въ которомъ Коваликъ спрашивалъ, гдѣ онъ, Овчинниковъ; на каковое письмо Овчинниковъ послалъ тоже писанный шифромъ отвѣтъ по указанному адресу: въ Самару, Софьѣ Семеновнѣ"; полнаго адреса Овчинниковъ не помнитъ, при чемъ просилъ адресовать ему письмо въ Университетъ на имя Соболева. Адресъ Овчинникова оказался въ шифрованныхъ письмахъ Войнаральскаго на имя Шершивадзе, а по обыску у Овчинникова найдено, между прочимъ, болѣе 30 экземпляровъ „Дѣдушки Егора", „Гражданская война во Франціи", „Стенька Разинъ", Государственность и Анархія", „Историческое развитіе Интернаціонала", „Азбука соціальныхъ наукъ"; „Сказка о 4-хъ братьяхъ", „Отщепенцы", два экземпляра „Пѣсенника", пять экземпляровъ „Устава международнаго общества рабочихъ", „Политическая программа западно европейской демократіи", „Слово вѣрующаго къ народу", а также записка слѣдующаго содержанія: „Потрудитесь Овчинникова познакомить съ вашими рабочими, онъ тотъ самый, о которомъ я говорилъ съ вами. Книги мои оставьте до весны; пріѣхать обратно въ Казань мнѣ нельзя". Приведенная записка оказалась писанною Гауэнштейномъ, что призналъ и сей послѣдній, объясняя, что кому она была адресована, онъ не помнитъ и что Овчинникова лично не зналъ; по словамъ же Овчинникова, Гауэнштейнъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ и который въ концѣ 1873 года бывалъ у него нѣсколько разъ, прислалъ ему изъ Петербурга упомянутую записку по слѣдующему случаю: узнавъ изъ разговора съ Гауэнштейномъ, что въ Петербургѣ студенты знакомятся съ рабочими, и что Гауэнштейнъ знакомъ съ содержателемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Казани Шредеромъ, онъ, Овчинниковъ, пожелалъ сблизиться съ рабочими Шредера съ цѣлью чтенія имъ книгъ и сказалъ объ этомъ Гауэнштейну, который и обѣщалъ познакомить его съ Шредеромъ, но вскорѣ уѣхалъ и впослѣдствіи прислалъ ему упомянутую записку. Независимо отъ сего, изъ показанія Овчинникова видно, что онъ получилъ отъ Чарушина нѣсколько экземпляровъ „Дѣдушки Егора". Коваликъ удостовѣрилъ, что былъ въ Казани у Овчинникова,

которому и передалъ шифръ для переписки съ нимъ. Овчинниковъ виновнымъ себя не призналъ. Изъ Казани Коваликъ направился чрезъ Самарскую губернію въ городъ Саратовъ, куда и прибылъ въ концѣ мая и поселился въ мастерской Пельконена, устроенной Порфиріемъ Войнаральскимъ. Оставаясь въ Москвѣ, Войнаральскій, какъ сказано выше, занялся, по его собственному показанію, печатаніемъ запрещенныхъ и революціонныхъ сочиненій съ цѣлью распространенія ихъ въ народѣ, при чемъ ближайшимъ сотрудникомъ его явился домашній учитель, Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, стенографъ при Московскомъ окружномъ судѣ, содержавшій вмѣстѣ съ ревельскимъ гражданиномъ Вильде типографію на Тверскомъ бульварѣ. Въ началѣ мая Мышкинъ отдѣлился отъ Вильде и перенесъ свою типографію на Арбатъ, въ домъ Орлова, гдѣ и занялся почти исключительно печатаніемъ запрещенныхъ сочиненій. Наборъ, верстаніе, печатаніе и т. д. означенныхъ сочиненій производились въ особомъ отдѣленіи типографіи, носившемъ названіе женской наборной, куда никто изъ непосвященныхъ въ преступную дѣятельность Мышкина не допускался. Въ типографіи постоянно работали: дочь коллежскаго секретаря Ефрузина Супинская, дочери коллежскаго ассесора Елена и Юлія Прушакевичи, дочь майора Софья Андреева Иванова, жена штабсъ-капитана Ольга Фетисова и дочь подполковника Елизавета Ермолаева. Супинская, Прушакевичи и дочь подполковника Лариса Заруднева пріѣхали въ 1873 году въ Москву изъ Архангельска и поселились въ нумерахъ Кокорева, гдѣ жили также штабсъ-капитанъ Ѳедотъ Фетисовъ съ женою. Здѣсь онѣ познакомились съ студентомъ Петровской Академіи Иваномъ Селивановымъ, какъ это видно изъ показанія послѣдняго, а также съ Фетисовыми, что удостовѣрено показаніемъ Ольги Фетисовой, а черезъ послѣднихъ съ братьями Аркадакскими и съ Мышкинымъ, который, по показаніямъ Ермолаевой, Елены Прушакевичъ и Зарудневой, доставлялъ имъ работу въ своей типографіи. Селивановъ, имѣвшій уже въ 1873 году сношенія съ дѣятелями революціонной пропаганды, какъ видно изъ отобранной у его брата Дмитрія, при обыскѣ въ квартирѣ Вѣры Рогачевой, 12-го декабря 1873 года, записки, въ которой заключалась просьба о доставленіи чрезъ Леонида (Шишко) журнала „Впередъ“, познакомилъ прибывшихъ изъ Архангельска дѣвицъ съ Соловцовскимъ, что видно изъ показанія послѣдняго, а также, по показанію Супинской, и съ Войнаральскимъ. Ермолаева, Супинская, Прушакевичи, Фетисовы и Иванова поселились въ домѣ, въ которомъ помѣщалась типографія, равно какъ и Селивановъ и Войнаральскіе; проживаніе означенныхъ лицъ въ домѣ Орлова удостовѣряется ихъ собственными показаніями. Ермолаева, какъ видно изъ ея показанія, переписывала, по порученію Мышкина, для печатанія нѣкоторыя статьи Лассаля, а также „Исторію одного изъ многострадальныхъ“ („Исторію одного французскаго крестьянина“). Въ наборѣ „Исторіи одного французскаго крестьянина“ принимали участіе Супинская, Ермолаева, сестры Прушакевичъ и Фетисова, по ихъ собственнымъ показаніямъ, а также Иванова, какъ это оказывается изъ показанія Супинской; корректуру держала Супинская и, по ея словамъ, Елена Прушакевичъ и Соловцовскій, а также Фетисова, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, по показаніямъ которыхъ Елена Прушакевичъ и Супинская занимались верстаніемъ книгъ. Соловцовскій и Мали-

новскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтелями, часто бывали въ типографіи, принимали иногда съ машины отпечатанные листы, а Малиновскій, сверхъ того, раза три или четыре вертѣлъ колесо машины во время печатанія. Фетисовъ, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, былъ корректоромъ въ типографіи и хорошо зналъ о характерѣ набираемыхъ книгъ, доказательствомъ чего служитъ то обстоятельство, что однажды Фетисовъ силою не пустилъ наборщицу Левшину въ ту комнату, гдѣ работала его жена и Софья Иванова. Заруднева, поселившаяся въ домѣ Львова, вблизи отъ типографіи, въ квартирѣ, отысканной Константиномъ Аркадакскимъ, согласилась, по ея собственному показанію, на предложеніе Мышкина брошюровать на своей квартирѣ запрещенныя книги, печатавшіяся въ его типографіи, вслѣдствіе чего къ ней были доставлены листы „Исторіи одного французскаго крестьянина“, а также 1 и 2 томы Лассаля и иногда означенные листы она сама брала къ себѣ изъ типографіи, большею же частью таковые доставлялись ей Аркадакскимъ и Мышкинымъ. Въ типографіи работали весьма осторожно, отпечатанные листы тотчасъ уносились, равно какъ и макулатурные листы, что призналъ самъ Мышкинъ: работа шла спѣшно, иногда работали и ночью, и, наконецъ, около половины мая была отпечатана въ значительномъ количествѣ экземпляровъ „Исторія одного французскаго крестьянина“, переименованная въ „Исторію одного изъ многострадальныхъ“, и передѣланная отчасти Мышкинымъ, что видно изъ его показанія. Кромѣ означенной книги, по словамъ Мышкина, Войнаральскаго и Супинской, были напечатаны еще сочиненія Лассаля, прокламація „Чтой-то братцы“, выдержки изъ „Впередъ“ и штукъ 40—50 бланковъ для паспортовъ. Печатаніе означенныхъ книгъ и брошюръ производилось, какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, большею частью на его средства. Заниматься брошюровкой отпечатанныхъ сочиненій въ Москвѣ Войнаральскій признавалъ неудобнымъ, а потому, по его собственнымъ словамъ, и отправилъ Клеопатру Блавдзевичъ въ Пензу, къ Рогачеву, съ тремя ящиками отпечатанныхъ листовъ, снабдивъ при этомъ Блавдзевичъ, какъ это видно изъ ея показанія, фальшивымъ видомъ на имя солдатки Псковской губерніи, Островскаго уѣзда, Толковской волости, Натальи Ѳедоровой: такими фальшивыми паспортами Войнаральскій снабдилъ Ивана Блавдзевича и Лемени-Македона; первому былъ данъ видъ на имя крестьянина Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, Борисоглѣбской волости, Ивана Павлова Пѣтухова, а второму на имя крестьянина того же уѣзда и волости Александра Сѣрякова. Вышеизложенное признали какъ Войнаральскій, такъ и Иванъ Блавдзевичъ, при чемъ Войнаральскій пояснилъ, что означенные паспорты писаны его рукой и что приложенныя къ нимъ печати были вырѣзаны имъ же. Лемени-Македонъ и Иванъ Блавдзевичъ отправились въ гор. Саратовъ, куда вслѣдъ за ними поѣхали и Войнаральскій съ женою, Селивановымъ и Юліею Прушакевичъ, отправивъ туда же по желѣзной дорогѣ три ящика съ подлежавшими брошюровкѣ листами; уѣзжая изъ Москвы, Войнаральскій оставилъ, какъ видно изъ его показанія, Константину Аркадакскому деньги для раздачи таковыхъ лицамъ, отправлявшимся въ народъ. Задумавъ заняться брошюровкой и распространеніемъ отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина сочиненій изъ Москвы, Войнаральскій рѣшилъ устроить въ Саратовѣ мастерскую, которая должна была служить, съ одной

стороны, удобнымъ мѣстомъ для брошюровки, а съ другой—притономъ для лицъ, ушедшихъ въ народъ. Съ этою цѣлью Войнаральскій въ началѣ мая 1874 года отправилъ въ Саратовъ Кулябко и Пелькопена съ порученіемъ найти удобную квартиру и открыть въ ней мастерскую, при чемъ Кулябкѣ было рекомендовано познакомиться съ семинаристомъ Петромъ Андреевымъ Ломоносовымъ, къ которому Иванъ Блавдзевичъ имѣлъ, какъ видно изъ его показанія, письмо отъ его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и съ дворяниномъ Анатоліемъ Ивановымъ Фаресовымъ, знакомымъ Рогачева. Кулябко въ точности исполнилъ порученіе Войнаральскаго и къ пріѣзду послѣдняго сапожная мастерская была уже открыта Пелькопеномъ, на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной. Войнаральскій и прибывшія съ нимъ лица поселились въ означенной мастерской, состоявшей изъ трехъ комнатъ, кухни и мезонина, при чемъ Иванъ Селивановъ и Юлія Прушакевичъ помѣстились въ небольшой комнатѣ въ мезонинѣ. Вскорѣ прибыли Лемени-Македонъ и Иванъ Блавдзевичъ, принявшій названіе „Секунда“, какъ это видно изъ показанія Елены Прушакевичъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Саратовъ, Войнаральскій послалъ Кулябко на вокзалъ желѣзной дороги за ящиками съ отпечатанными въ типографіи Мышкина листами, отправленными изъ Москвы, по словамъ Войнаральскаго, подъ видомъ сельтерской воды и лимонада, а самъ вскорѣ затѣмъ отправился въ Москву, откуда вернулся, по его собственному показанію, съ Еленою Прушакевичъ, а также привезъ съ собою еще нѣсколько ящиковъ съ отпечатанными листами. Между тѣмъ мастерскую Пелькопена стали посѣщать Фаресовъ и Ломоносовъ, изъ которыхъ послѣдній особенно сдружился, по его показанію, съ Иваномъ Блавдзевичемъ и нѣсколько разъ ночевалъ въ мастерской. Фаресовъ, посѣщая мастерскую Пелькопена, вполнѣ раздѣлялъ убѣжденія ея обитателей, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей Малѣевыхъ, которымъ онъ доказывалъ необходимость пропаганды и далъ для прочтенія „Исторію одного французскаго крестьянина“. Поручивъ Юліи и Еленѣ Прушакевичъ заняться фальцованіемъ „Исторіи одного изъ многострадальныхъ“, Войнаральскій, назвавшій себя Косьмою Захаровымъ Смирновымъ, что видно изъ его показанія, отправился съ Иваномъ Селивановымъ въ Самарскую губернію, а жену свою послалъ въ Тамбовъ къ губернскому секретарю Павлу Ѳедосѣеву за полученіемъ денегъ. Въ отсутствіи Войнаральскаго въ мастерскую прибылъ изъ Пензы Рогачевъ, подъ именемъ Николая Куликова, вмѣстѣ съ Клеопатрою Блавдзевичъ, какъ удостовѣрила сія послѣдняя, а 30-го мая, по показанію той же Блавдзевичъ и ея брата, прибылъ и Коваликъ. Проживаніе всѣхъ вышепоименованныхъ лицъ въ мастерской Пелькопена подтверждается ихъ собственными показаніями, а также показаніемъ Андрея Кулябко. Какъ сказано выше, сестры Прушакевичъ занимались фальцованіемъ листовъ „Исторіи одного изъ многострадальныхъ“, въ чемъ имъ помогалъ, по словамъ Юліи Прушакевичъ, и Фаресовъ. Фальцованіе старались вести по возможности быстро изъ опасенія обыска: поэтому, по словамъ Ивана Блавдзевича, онъ и Лемени-Македонъ тоже приняли участіе въ фальцованіи; опасенія обыска были настолько велики, что Иванъ Блавдзевичъ передалъ, какъ видно изъ его показанія, книгу „Государственность и Анархія“ на сохраненіе Фаресову, которому, а также и Ломоносову, для той же цѣли было отдано и нѣсколько ящиковъ съ листами отпечатанныхъ въ Москвѣ

сочиненій; это послѣднее обстоятельство подтверждено показаніями Юліи Прушакевичъ, Фаресова и Ломоносова. Опасенія обитателей мастерской Пельконена были основательны, такъ какъ ихъ странное поведеніе и таинственность, которою они себя окружили, не могли не обратить на себя вниманіе мѣстныхъ властей. 31-го мая 1874 года, въ мастерской Пельконена, недѣли чрезъ двѣ послѣ ея открытія, былъ произведенъ обыскъ, по которому найдено, между прочимъ, слѣдующее: въ первой комнатѣ, представлявшей сапожную мастерскую—пара дамскихъ ботинокъ, единственное издѣліе мастерской, „Государственность и Анархія“ въ двухъ экземплярахъ, „Историческое развитіе интернаціонала“ въ двухъ экземплярахъ и выписки изъ сочиненій разныхъ авторовъ, въ томъ числѣ и Герцена; во второй комнатѣ—нѣсколько путеводителей и географическихъ картъ, билетъ на полученіе книгъ изъ библіотеки, выданный на имя Косьмы Захарова Смирнова, три запечатанныя рекомендательныя письма: а) отъ Воронцова на имя сельскаго учителя Камышинскаго уѣзда Герольдова, б) отъ Криволуцкой на имя студента Петровской Академіи Сокольскаго, въ Тамбовъ и в) отъ Михайла Остроумова на имя брата Алексѣя, также въ Тамбовъ, и два не запечатаныхъ письма: а) отъ Дмитрія Болохова на имя брата его Петра, въ посадъ Дубровку, Саратовской губерніи и б) отъ Воронцова на имя дворянина Сергѣя Сомова, въ городъ Саратовъ; въ третьей комнатѣ—фальшивый аттестатъ на имя Лукашевича, портмоне съ тремя записками, на оборотѣ одной изъ которыхъ написанъ сокращенно шифръ изъ неприличныхъ словъ, данный Клеопатрѣ Блавдзевичъ, какъ видно изъ ея показанія, Коваликомъ, письмо отъ Воронцова на имя Владиміра Лазарева, письмо послѣдняго на имя жены и видъ на жительство солдатки Натальи Ѳедоровой: въ кухнѣ, на полкѣ, въ темномъ углу—книга „Государственность и Анархія“, а въ сѣняхъ—поддевка байкова, въ карманѣ которой оказалось свидѣтельство С.-Петербургской введенской прогимназіи на имя бывшаго ученика III класса Николая Куликова; въ свѣтелкѣ, занимаемой Селивановымъ и Юліею Прушакевичъ—сарафанъ послѣдней, красная рубашка и синіе шерстяные порты Селиванова и, наконецъ, въ чердакѣ мастерской—брошюра „Чтой-то братцы“, а за стѣной свѣтелки, въ углу—покрытый шубою деревянный ящикъ, наполненный печатными листами. Черезъ нѣсколько дней мастерская была вновь обыскана, при чемъ на чердакѣ былъ найденъ засыпанный землею портфель Войнаральскаго, въ которомъ оказалось: а) 28 видовъ на жительство съ приложенными къ нѣкоторымъ изъ нихъ печатями Ленскаго, Толковскаго, Борисоглѣбскаго и Нижне-Шкафтинскаго волостныхъ правленій; б) два куска аспидной доски, одинъ съ вырѣзанною на немъ короною, а другой со словомъ „печать“; в) видъ на жительство солдатки Натальи Ѳедоровой, безъ печати; г) метрическое свидѣтельство Малиновскаго и два билета Фроленко, выданные ему изъ Петровской Академіи на слушаніе лекцій и на жительство въ Москвѣ; д) довѣренность, выданная Войнаральскому дворяниномъ Эдуардомъ Каменскимъ; е) клочекъ бумаги съ надписью „Анатолій Фаресовъ“ и съ адресомъ на оборотѣ „Тамбовъ“, „Фока Мокеевичъ Снѣгиревъ“ и ж) письма разныхъ лицъ къ Войнаральскому. На томъ же чердакѣ, въ темномъ углу его былъ найденъ сакъ-вояжъ, въ которомъ оказалось: 32 экземпляра „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, 26 экземпляровъ „Сказки о четырехъ брать-

яхъ", 96 литографированныхъ листовъ (изъ сочиненій Лассаля) и книга „Крестьянскіе выборы". Означенныя книги и листы Войнаральскій призналъ за принадлежащіе ему. За обшивкою дома, подъ карнизомъ, было найдено нѣсколько пачекъ „Исторія одного французскаго крестьянина", а также книги—„Историческое развитіе интернаціонала", „Рабочій вопросъ", „Степные очерки", Очерки фабричной жизни", „Отщепенцы" и „Историческія письма Миртова"; значительное количество листовъ „Исторіи одного французскаго крестьянина" было также найдено въ трубѣ и печкѣ, а въ кухнѣ, за обшивкою—свидѣтельство, выданное опочецкимъ предводителемъ дворянства дѣвицѣ Натальѣ Наперстковой, взятое Клеопатрою Блавдзевичъ, по его показанію у Наперстковой, предъ отъѣздомъ изъ Петербурга. По третьему обыску, произведенному 10-го іюня въ мастерской, найдено: метрическое свидѣтельство Юліи Прушакевичъ, два билета, выданные изъ института инженеровъ Путей Сообщенія студенту Ивану Блавдзевичу, черновая телеграмма на имя Софіи Андреевой Ивановой и письмо, адресованное въ Самару Ивану Ѳедоровичу Лукашевичу, слѣдующаго содержанія: „Гдѣ меня найти? Спросите у Л., оставьте мнѣ К. А. и И. Р. И., онѣ мнѣ нужны. Гдѣ найти Л..., узнайте въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ онъ находится до 12 часовъ. Secunda". 31 мая Войнаральскаго, его жены и Селивановa не было въ мастерской, изъ прочихъ же обитателей ея Коваликъ и Рогачевъ успѣли скрыться, остальные же были арестованы. Клеопатра Блавдзевичъ и Лемени-Македонъ, при задержаніи ихъ, назвались тѣми именами, которыя означены въ данныхъ имъ Войнаральскимъ фальшивыхъ паспортахъ, а Лемени-Македонъ, сверхъ того, во время самаго обыска написалъ подъ диктовку сестеръ Прушакевичъ, какъ это видно изъ ихъ показаній, депешу Софьѣ Ивановой слѣдующаго содержанія: „Софьѣ Андреевнѣ Ивановой, Арбатъ, домъ Орлова. Потрудитесь передать Пудикову (т. е. Мышкину), чтобы онъ приготовился къ припятію нашихъ давно ожидаемыхъ знакомыхъ, которые только что посѣтили насъ въ Саратовѣ и, вѣроятно, посѣтятъ васъ вскорѣ". Черновая означенной депеши, какъ сказано выше, была найдена въ мастерской, а полученіе таковой депеши не отрицаетъ въ своемъ показаніи и Мышкинъ. Содержась подъ стражею при 2-й полицейской части гор. Саратова, Юлія Прушакевичъ старалась склонить на свою сторону помощника пристава Артоболевскаго, рисовала ему въ самыхъ темныхъ краскахъ положеніе и бѣдствія народа и, наконецъ, обратилась къ нему съ просьбою о передачѣ записки сестрѣ ея Еленѣ. Въ означенной запискѣ Юлія Прушакевичъ учила сестру, какъ и что показывать на допросахъ, совѣтовала ей не признаваться въ брошюровкѣ и не говорить, какіе ящики увезли изъ мастерской Пельконена Ломоносовъ и Фаресовъ, объяснять поѣздку въ Саратовъ цѣлью леченія въ Самарѣ и т. д. Въ отвѣтъ на эту записку Елена Прушакевичъ запискою же отвѣтила, „что она не намѣрена сознаваться, что ни о Селивановѣ, ни о Войнаральскомъ ничего не говорила, но что о Москвѣ, кажется, все знаютъ". Юлія Прушакевичъ разорвала записку сестры и бросила ее въ печь, но клочки записки были собраны и приложены къ дѣлу. Нѣсколько дней спустя Юлія Прушакевичъ вручила Артоболевскому два письма, подлежавшія отправкѣ въ Москву: одно на имя Софіи Пластуновой, а другое на имя Ипполита Мышкина; въ конвертѣ, адресованномъ на имя Пластуно-

вой, оказался другой запечатанный конвертъ, съ надписью „Поляку Фрузу передать немедленно и лично", по вскрытіи котораго въ немъ найдено письмо, адресованное, по словамъ Юліи Прушакевичъ, Ефрузинѣ Супинской. Въ этомъ письмѣ Прушакевичъ, извѣщая о бывшемъ въ Саратовѣ обыскѣ, совѣтовала уничтожить всѣ письма, могущія компрометтировать кого-либо, просила извѣстить Косьму (т. е. Войнаральскаго), Иваночку (т. е. Селиванова), Сопю (т. е. Иванову), Михаила и Алексѣя, которые хотѣли быть въ Саратовѣ (т. е. Михаила Соловцовскаго и Алексѣя Знаменскаго) и вообще дать знать всѣмъ, чтобы были готовы, а также передать обо всемъ Пудику (т. е. Мышкину); въ этомъ же письмѣ Прушакевичъ учила показывать, что Косьма и Надежда Павловна (Войнаральскіе), а также и Иванъ (Селивановъ) у Пудика не жили и отзываться незнаніемъ о томъ, куда они поѣхали. Въ письмѣ къ Мышкину Прушакевичъ писала, между прочимъ: „хорошо бы было скрыть, что мы работали у Васъ въ типографіи; я увѣрена, что эта сволочь Уткинъ (управитель типографіи) будетъ намъ крайне опасенъ, хорошо бы его удалить. Имѣйте въ виду, что у Васъ есть всѣ шансы для того, чтобы выйти изъ этого дѣла чистымъ; безпокоитъ только Уткинъ". Вмѣстѣ съ означеннымъ письмомъ Прушакевичъ вручила Артоболевскому, предполагая, что онъ самъ поѣдетъ въ Москву, два адреса:—братьевъ Аркадакскихъ на Арбатѣ, въ нумерахъ „Гунибъ", и студента Петровской Академіи Дружинина—„Петровское-Разумовское, выселки". Уткинъ, о которомъ писала Прушакевичъ, сошелъ съ ума. Юлія Прушакевичъ, признавъ, что вышеприведенныя письма дѣйствительно писаны ею, тѣмъ не менѣе не признала себя виновною, равно какъ и сестра ея Елена; Иванъ Блавдзевичъ, удостовѣрившъ, что найденное въ мастерской письмо на имя Лукашевича, подписанное „Secunda», писано имъ къ Ковалику и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ книги „Государственность и Анархія", призналъ себя виновнымъ лишь въ знаніи о существованіи тайнаго общества, а Клеопатра Блавдзевичъ, пояснивъ, что съ найденнымъ въ мастерской письмомъ Воронцов къ Лазареву она обращалась къ послѣднему подъ именемъ солдатки Натальи Ѳедоровой съ цѣлью поступить къ нему въ работницы, виновною себя ни въ чемъ не признала. Фаресовъ и Ломоносовъ, по ихъ же показаніямъ, передали хранившіеся у нихъ, взятые ими изъ мастерской, листы приходскому учителю Александру Ильину Виддинову, что подтвердилъ и сей послѣдній, признавшій, что ему было извѣстно, что принятые имъ листы были сочиненіе Лассаля и „Исторія одного французскаго крестьянина", и что означенныя книги онъ взялъ изъ квартиры Фаресова, къ которому, какъ удостовѣрилъ Ломоносовъ, были предварительно перевезены и находившіеся у него, Ломоносова, ящикъ и чемоданъ; по словамъ Виддинова, имъ было взято два ящика, чемоданъ и черный узелъ,—послѣдній, какъ оказывается изъ показанія Фаресова, былъ доставленъ къ нему изъ мастерской въ самый день обыска, т. е. 31-го мая. Виддиновъ, по его собственному показанію, оставилъ у себя первый узелъ, въ которомъ были книги: „Исторія одного французскаго крестьянина", „Рѣчи Лассаля къ рабочимъ" и по одному экземпляру „Сборника новыхъ пѣсенъ и стиховъ" и „Сказки о 4-хъ братьяхъ". Изъ означенныхъ книгъ Виддиновъ взялъ себѣ три, а остальныя уничтожилъ, ящики же и чемо-

данъ были имъ отданы на сохраненіе одному помѣщику, послѣ отъѣзда котораго въ деревню, Виддиновъ, вмѣстѣ съ знакомымъ своимъ студентомъ Ивановымъ (Паевскимъ), свезъ книги въ село Большую-Дмитріевку, гдѣ передалъ таковыя слушателю Московскаго учительскаго института Тимоѳею Александрову Соловьеву и уѣздному учителю Александру Яковлеву Палимпсестову, что признали и сіе послѣдніе, объяснивъ, что ящики были спрятаны подъ поломъ въ квартирѣ Соловьева. Въ концѣ іюля Соловьевъ и Палимпсестовъ обратились къ своему знакомому, волостному писарю Степану Ильину Шелкунову, съ просьбою дозволить имъ перевести къ нему ящики и переплести находившіяся въ нихъ книги, на что Шелкуновъ согласился и взялъ къ себѣ одинъ ящикъ, но затѣмъ, когда содержаніе находившихся въ немъ книгъ выяснилось для Шелкунова, то онъ заявилъ о вышеизложенномъ мѣстному губернатору. По обыску въ квартирѣ Соловьева и Палимпсестова найдено: въ комодѣ—два экземпляра „Книги для чтенія рабочимъ“, подъ периною—нѣсколько экземпляровъ той же книги и неполные листы „Исторіи одного французскаго крестьянина», въ сакъ-вояжѣ—листы тѣхъ же книгъ, а въ подвалѣ — два ящика, въ одномъ изъ которыхъ лежало 10 пачекъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“, а въ другомъ 34 связки той же книги и 6 пачекъ брошюры „Для простого народа“; по обыску у Виддинова найдены: клочекъ бумаги, исписанный шифромъ, „Степька Разинъ“, „Книги для чтенія рабочимъ“ и „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“. Виддиновъ, Палимпсестовъ и Соловьевъ виновными себя не признали. Послѣ перваго обыска въ мастерской Пелконена, на имя послѣдняго были получены четыре письма. Въ первомъ находилась багажная квитанція отъ 28-го мая, за № 429, и записка: „продолженія не будетъ, или, если будетъ, то не скоро“. По вскрытіи полученнаго по означенной квитанціи ящика, въ немъ оказалось 13 пачекъ печатныхъ листовъ, начинающихся словами: „Вступленіе. Россія—страна еще не открытая“ (перепечатка изъ журнала „Впередъ“). Ящикъ оказался присланнымъ Мышкинымъ, рукою котораго писана и приложенная къ квитанціи записка, что признано самимъ Мышкинымъ, отправляла же ящикъ Супинская, какъ это видно изъ ея показанія. Второе письмо, адресованное на имя Юліи Прушакевичъ, было писано Ларисою Зарудневою и заключало въ себѣ просьбу о присылкѣ денегъ. Третье письмо, присланное на имя Пелконена съ передачею Смирнову, оказалось писаннымъ рукою Малиновскаго, какъ это видно изъ показанія сего послѣдняго: въ означенномъ письмѣ, начинающемся словомъ: „Порфирій“, встрѣчается слѣдующая фраза: „видѣлъ въ Самарѣ Ча или нѣтъ“, объяснить которую Малиновскій отказался. Четвертое письмо, начинающееся словами: „Милыя мои дѣвушки“, было подписано „Полякъ Фруза“ (Супинская) и имѣло приписку „отъ Лизки большой“, т. е. Ермолаевой. Между тѣмъ Надежда Войнаральская, ѣздившая по порученію мужа въ Тамбовскую губернію къ Осдосѣеву за деньгами, вернулась въ Саратовъ; еще предъ отъѣздомъ своимъ въ Тамбовъ Войнаральская, исполняя данное ей мужемъ порученіе, написала Знаменскому и Соловцовскому письмо, въ которомъ извѣщала ихъ о пріобрѣтеніи въ городѣ Саратовѣ, у священника Архангельскаго, пустопорожней земли и о начатой на этой землѣ постройкѣ, и приглашала ихъ

пріѣхать заняться плотничнымъ ремесломъ, каковое обстоятельство подтверждено показаніями самой Войнаральской, Знаменскаго и Соловцовскаго; изъ Тамбова же Войнаральская, какъ видно изъ ея показанія, написала мужу шифрованное письмо, адресуя таковое въ Самару до востребованія, въ каковомъ письмѣ сообщала мужу, что послѣ его отъѣзда прибыли въ мастерскую Пельконена изъ Пензы Рогачевъ и Клеоптара Бландзевичъ и что, по словамъ Рогачева, Екатерина Николаевна (Судзиловская) черезъ мѣсяцъ переселится въ Саратовъ, а также что въ Пензѣ есть два гимназиста, которые могутъ работать въ типографіи, и еще одинъ человѣкъ, который можетъ быть печатникомъ. Получивъ отъ Федосѣева деньги въ количествѣ 500 руб. с., Войнаральская, какъ сказано выше, вернулась въ Саратовъ въ то самое время, когда въ мастерской производился обыскъ. Увидѣвъ около своей квартиры полицію и узнавъ о случившемся, Войнаральская, по ея же словамъ, оставалась въ гостинницѣ, куда явился къ ней избѣжавшій ареста Рогачевъ и предложилъ ей ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Самару—отыскивать тамъ ея мужа. Изъявивъ на это согласіе, Войнаральская написала мужу письмо въ Самару, до востребованія, въ которомъ извѣщала „о холерѣ“ (арестахъ) и шифромъ присовокупила, что ѣдетъ съ Василіемъ Петровичемъ Орловымъ; далѣе, въ томъ же письмѣ Войнаральская писала: „хотя и всѣ больны, но при смерти еще нѣтъ никого; успѣла перетащить, ахъ, что я, прекратить опасную боль на верху брюха, что ли, какъ назвать-то, не знаю“. Давъ обѣщаніе ѣхать съ Войнаральскою въ Самару, Рогачевъ, однако, вечеромъ того же дня отказался отъ своего намѣренія и, какъ видно изъ показанія Войнаральской, придя къ ней вечеромъ съ Фаресовымъ, объявилъ, что вмѣсто него поѣдетъ съ Войнаральскою сей послѣдній: при этомъ Рогачевъ получилъ отъ Войнаральской, по ея словамъ, 200 р. сер.; сто рублей на надобности его, Рогачева, а остальные для передачи Войнаральскому при свиданіи. На другой день Войнаральская и Фаресовъ были задержаны на пароходной пристани, куда они явились съ намѣреніемъ ѣхать въ Самару, что видно какъ изъ показанія Войнаральской, такъ и изъ показанія Фаресова. Содержась подъ стражей, Войнаральская нашла средство послать къ знакомому своему, Эдуарду Каменьскому, въ Пензу, письмо, въ которомъ, извѣщая объ арестахъ въ Саратовѣ, умоляла сообщить „одному“ (т. е. Войнаральскому), чтобъ онъ не ѣхалъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу, а также излагала сущность первоначальныхъ своихъ показаній. Означенное письмо было получено Каменьскимъ и, какъ видно изъ его показанія, имѣло своимъ послѣдствіемъ отъѣздъ изъ Пензы Надежды Юргенсонъ, отправившейся предупредить Войнаральскаго о грозившей ему опасности. Войнаральская виновною себя не признала, а Фаресовъ призналъ себя виновнымъ въ сокрытіи книгъ революціоннаго содержанія. Остальныя арестованныя въ мастерской Пельконена лица, т. е. Лемени-Македонъ и самъ Пельконенъ умерли, прочія же лица, посѣщавшія или проживавшія въ мастерской: Рогачевъ, Коваликъ и Ломоносовъ успѣли скрыться. Рогачевъ направился въ Тамбовъ, получивъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова. Фаресовъ, признавъ сначала, что адресъ Никифорова былъ имъ дѣйствительно данъ Рогачеву, вслѣдствіе просьбы послѣдняго объ указаніи ему въ Тамбовѣ лица, у котораго онъ могъ бы остановиться дня на

два, впослѣдствіи отъ этого показанія отказался. На пути въ Тамбовъ Рогачевъ изъ Петровска послалъ въ Москву на имя Оедора Фетисова телеграмму, въ которой извѣщалъ, что «вексель поданъ ко взысканію», каковая телеграмма, подписанная фамиліей Иванова, и была получена въ типографіи Мышкина, какъ это видно изъ показаній послѣдняго, Супинской и Оедора Фетисова. Коваликъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, явился къ помѣщику Борису Малышеву въ село Вязовку, подъ предлогомъ найма дачи, и тайно отъ Малышева взялъ выданный послѣднему изъ Саратовскаго полицейскаго управленія видъ на жительство, съ которымъ впослѣдствіи, уже подъ именемъ Малышева, появился въ гор. Николаевскѣ у земскаго врача Кадьяна, къ которому явился и Ломоносовъ. Войнаральскій, какъ сказано выше, отправился съ Селивановымъ въ Самару; цѣлью его поѣздки было устройство притона на подобіе мастерской Пельконена въ Саратовѣ; въ означенномъ притонѣ, какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, должна была жить знакомая его акушерка Надежда Иванова, а также Супинская—послѣдняя спеціально для брошюровки сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи Мышкина. Планъ этотъ разстроился вслѣдствіе ареста Супинской, и Войнаральскій, пройдя вмѣстѣ съ Селивановымъ Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды и заарендовавъ, между прочимъ, у крестьянина Осокина постоялый дворъ, въ которомъ агитаторы могли бы находить себѣ пристанище, въ началѣ іюня съ тѣмъ же Селивановымъ вернулся въ Саратовъ. Мастерская Пельконена была въ то время уже закрыта; зайдя, по словамъ Войнаральскаго, въ сосѣдній съ мастерскою трактиръ, Войнаральскій и Селивановъ, прислушавшись къ толкамъ объ арестѣ проживавшихъ въ мастерской лицъ, поняли, что все открыто, а потому и рѣшили тотчасъ же отправиться въ Пензу распорядиться своимъ имуществомъ на случай ареста. Въ Пензѣ велась въ это время дѣятельная пропаганда членами революціоннаго кружка, основаннаго Войнаральскимъ и Рогачевымъ. Войнаральскій еще въ 1873 году, проживая въ Городищенскомъ уѣздѣ, познакомился въ домѣ помѣщицы Александры Селивановой со сосланнымъ за участіе въ польскомъ мятежѣ дворяниномъ Эдуардомъ Юліановымъ Каменьскимъ, а чрезъ сего послѣдняго и съ акцизнымъ надзирателемъ Николаемъ Паулиновымъ Жилинскимъ и женою послѣдняго Ольгою Ивановою. Кромѣ означенныхъ лицъ, Войнаральскій сошелся еще съ проживавшею въ Городищахъ женою прапорщика Анною Степановою Тушинскою, съ которою и вступилъ въ весьма близкія отношенія, не прекратившіяся и послѣ того, какъ Тушинская уѣхала въ Петербургъ для слушанія акушерскихъ курсовъ, а Войнаральскій, въ октябрѣ 1873 года, женился на дочери мѣстнаго судебнаго слѣдователя Надеждѣ Павловой Дорониной. Пріѣзжая въ Петербургъ изъ Пензы, Войнаральскій бывалъ у Тушинской, какъ видно изъ показаній послѣдней, познакомился чрезъ нее въ квартирѣ Лешернъ съ Евгеніею Судзиловскою и, по собственному своему показанію, давалъ Тушинской революціонныя книги заграничнаго изданія. Войдя, такимъ образомъ, въ среду петербургскихъ агитаторовъ, Войнаральскій вошелъ въ сношенія съ Коваликомъ, Клеопатрою Блавдзевичъ и др., изъ которыхъ Кравчинскій и Рогачевъ, скрываясь отъ преслѣдованія, въ декабрѣ 1873 года, явились къ нему въ Городищенскій уѣздъ. Какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, онъ передалъ Кравчинскому видъ на жительство семинариста Свиридова,

взятый у послѣдняго еще въ 1867 году, когда онъ, Войнаральскій, и Свиридовъ жили на одной квартирѣ въ гор. Вельскѣ, Вологодской губерніи, Рогачевъ же остался у него подъ видомъ письмоводителя и подъ именемъ тульскаго семинариста Василія Петрова Орлова, что призналъ и Рогачевъ. Усвоивъ себѣ, какъ уже сказано выше, революціонное направленіе, Войнаральскій въ мартѣ 1874 года переселился въ Москву, гдѣ и предался всецѣло дѣлу революціонной пропаганды, но предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы рѣшился пріобрѣсти единомышленниковъ и въ этой мѣстности. Съ этою цѣлью Войнаральскій, явившись къ Каменьскому, предложилъ сему послѣднему, какъ это видно изъ его показанія, взять къ себѣ и давать читать другимъ привезенныя Войнаральскимъ изъ Петербурга книги, на что Каменьскій и изъявилъ согласіе; означенныхъ книгъ было штукъ до 30, въ числѣ которыхъ, по словамъ Каменьскаго и перевозившаго эти книги семинариста Доброва, находились: «Исторія одного французскаго крестьянина», два или три экземпляра журнала «Впередъ», два экземпляра «Азбуки соціальныхъ наукъ», два тома сочиненій Лассаля, «Чтой-то братцы», «Стенька Разинъ» и т. п. Заручившись содѣйствіемъ Каменьскаго, Войнаральскій, прежде чѣмъ уѣхать изъ Пензы, нанялъ у вдовы коллежскаго ассесора Настасьи Филипповой Цибишевой квартиру, въ которой могъ бы останавливаться во время своихъ пріѣздовъ изъ села Нижняго-Шкафта Орловъ (Рогачевъ), котораго и выдалъ Цибишевой за своего управляющаго, а также снялъ въ селѣ Степановкѣ лавочку, имѣя въ виду предоставить въ ней мѣсто продавальщицы Судзиловской, обращавшейся къ Войнаральскому, какъ видно изъ ея показанія, съ просьбою поискать ей мѣсто, удобное для ознакомленія съ народомъ. Исполняя свое обѣщаніе, Каменьскій, послѣ отъѣзда Войнаральскаго въ Москву, сталъ распространять переданныя ему книги между своими знакомыми и учащеюся молодежью; такъ, по собственному сознанію Каменьскаго, учащаяся молодежь получала отъ него книги чрезъ посредство гимназиста Петра Васильева Кротонова, что подтвердилъ и сей послѣдній, а по удостовѣренію Николая Жилинскаго и вдовы титулярнаго совѣтника Александры Николаевой Рудницкой, Каменьскій далъ первому журналъ «Впередъ», а послѣдней «Исторію одного французскаго крестьянина». Преступная цѣль, съ которою Каменьскій раздавалъ для чтенія вышеозначенныя книги, вполнѣ выясняется какъ дальнѣйшимъ образомъ его дѣйствій, такъ и его направленіемъ, о которомъ свидѣтельствуетъ дворянка Владыкина; по словамъ послѣдней, Каменьскій говорилъ ей, что всѣхъ богатыхъ нужно уничтожить, потому что они ничего не дѣлаютъ, что правительство должно быть низвергнуто и что даже церкви не должно существовать въ Россіи. Проживая въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Рогачевъ въ свою очередь пропагандировалъ между крестьянами, въ средѣ которыхъ распространялъ и революціонныя книги, какъ-то: «Чтой-то братцы», «Стеньку Разина», «Исторію одного французскаго крестьянина» и т. д., каковой образъ дѣйствій Рогачева вполнѣ доказанъ показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей. Не ограничиваясь пропагандою въ крестьянской средѣ, Рогачевъ, сверхъ того, поставилъ себѣ задачею развращеніе учащейся молодежи въ городѣ Пензѣ. Посѣщая довольно часто означенный городъ, онъ уже съ февраля 1874 года началъ вести агитацію между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній, первое знакомство съ которыми онъ

завелъ чрезъ посредство дворянина Алексѣя Кулябко, также служившаго письмоводителемъ у Войнаральскаго. По словамъ Кулябко, онъ, по просьбѣ Рогачева, познакомилъ послѣдняго съ гимназистами Викторомъ Ивановымъ Сабелькинымъ и Петромъ Васильевымъ Кротоновымъ, а также съ семинаристомъ Иваномъ Ивановымъ Добровымъ, которые, какъ видно изъ ихъ показаній, и были увлечены Рогачевымъ на путь революціонной дѣятельности. По удостовѣренію Доброва, Рогачевъ при первомъ же съ нимъ знакомствѣ завелъ разговоръ о необходимости литературныхъ вечеровъ и предложилъ программу книгъ для чтенія на этихъ вечерахъ; въ числѣ означенныхъ книгъ были сочиненія Флеровскаго, Лассаля, Овена, Фурье, Прудона и Чернышевскаго; далѣе Рогачевъ перевелъ разговоръ на положеніе рабочаго класса въ Россіи, а также излагалъ ученіе Шульце-Делича и Лассаля; при послѣдующихъ свиданіяхъ Рогачевъ сталъ высказываться вполнѣ; онъ желчно отзывался о дворянахъ, купцахъ и т. д., говорилъ, что они несправедливо владѣютъ землей, что освобожденіе крестьянъ не принесло послѣднимъ никакой пользы, доказывалъ необходимость пропаганды въ народѣ, говорилъ о дѣятельности Бакунина, объ интернаціональномъ обществѣ рабочихъ и разбиралъ вопросъ о томъ, какой образъ правленія представляется лучшимъ, при чемъ высказывался за анархію, т. е. федерацію общинъ при автономіи послѣднихъ, а въ концѣ концовъ совѣтовалъ Доброву идти въ народъ. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ, Рогачевъ рекомендовалъ Доброву, по показанію послѣдняго, прочесть «Государственность и Анархію», а также далъ ему журналъ «Впередъ» и нѣсколько другихъ книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и первый томъ сочиненій Лассаля; журналъ «Впередъ» былъ доставленъ Доброву, по его словамъ, чрезъ Алексѣя Кулябко, который передалъ ему, что Войнаральскій рекомендуетъ прочесть статью «Наша программа», а Рогачевъ—статью «Что дѣлается на родинѣ», остальныя же книги Добровъ получилъ лично отъ Рогачева въ квартирѣ Войнаральскаго. Сабелькину, какъ видно изъ его показанія, Рогачевъ при первомъ съ нимъ свиданіи предложилъ занять мѣсто сидѣльца въ питейномъ заведеніи, на что Сабелькинъ отвѣтилъ отказомъ, послѣ чего Рогачевъ предложилъ ему составить кружокъ для литературныхъ чтеній и далъ ему программу таковыхъ и билетъ на полученіе книгъ изъ библіотеки Иванова; впослѣдствіи Рогачевъ сталъ горячо доказывать Сабелькину необходимость помочь рабочему классу, познакомилъ его съ Добровымъ и далъ ему читать „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Впередъ“, Лассаля и т. д. Кротонову, какъ оказывается изъ его показанія, Рогачевъ также совѣтовалъ читать книги по составленной имъ, Рогачевымъ, программѣ и внушалъ ему то же самое, что и Доброву и Сабелькину; сводя постоянно, по словамъ Кротонова, разговоръ на соціальные вопросы, Рогачевъ поясняялъ, что на Пугачева и Разина слѣдуетъ смотрѣть не какъ на разбойниковъ, а какъ на людей, стремившихся къ облегченію положенія народа. Подъ вліяніемъ Рогачева, Добровъ, Сабелькинъ и Кротоновъ усвоили себѣ революціонное направленіе и въ свою очередь стали пропагандировать въ средѣ своихъ товарищей—воспитанниковъ семинаріи и гимназіи. Добровъ, какъ видно изъ показанія окончившаго курсъ семинаріи Ивана Иванова Ареопагитскаго, далъ сему послѣднему книги „Отщепенцы“ и „Впередъ“, а также, по словамъ самого Доброва, „Исторію одного французскаго

крестьянина“ и ввелъ его въ свой кружокъ, послѣ чего Ареопагитскій вмѣстѣ съ Добровымъ совратили семинариста Павла Покровскаго, какъ это оказывается изъ показанія послѣдняго, а Ареопагитскій сверхъ того передалъ „Впередъ“, по его собственному показанію, товарищу своему Морозову. Независимо отъ сего, цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что Добровъ доказывалъ нѣсколькимъ лицамъ необходимость идти въ народъ и возбуждать его къ возстанію противъ правительства, поясняя, что только путемъ революціи возможно достигнуть измѣненія существующаго порядка, предлагалъ многимъ изъ своихъ товарищей вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственаго строя и распространялъ революціонныя книги, какъ-то: „Впередъ“, „Стенька Разинъ“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“ и др. Между прочимъ, и Петръ Кротоновъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ отъ Доброва „Впередъ“, „Стеньку Разина“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, а по удостовѣренію Эдуарда Каменьскаго, самъ Добровъ написалъ какую-то прокламацію, въ которой говорилось, что не слѣдуетъ учиться, а надо идти въ народъ, а затѣмъ раздавалъ ее своимъ товарищамъ. Сабелькинъ, подобно Доброву, агитировалъ въ средѣ пензенской учащейся молодежи. По удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, Сабелькинъ проводилъ мысль, что существующіе порядки неудовлетворительны, что исправить таковые возможно единственно путемъ революціи, предлагалъ нѣсколькимъ лицамъ вступить въ образовавшееся въ Пензѣ тайное революціонное общество, которое было, по его словамъ, лишь вѣтвью существующаго такого же общества за границею и распространялъ книги: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Государственность и Анархія“, „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Стеньку Разина“ и др., что видно и изъ показанія самого Сабелькина, признавшаго, что онъ послалъ въ гор. Чембары своему товарищу Плетневу нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ находились „Впередъ“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и сочиненія Лассаля. Слѣдуя примѣру Доброва и Сабелькина, Кротоновъ также агитировалъ между своими товарищами по гимназіи, проводя тѣ же мысли, что и Сабелькинъ, и также занимался распространеніемъ революціонныхъ книгъ, которыя получалъ отъ Каменьскаго и Жилинскаго. Доказательствомъ такого образа дѣйствій Кротопова служатъ показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, Каменьскаго и самого Кротонова. Такимъ образомъ, благодаря усиліямъ Войнаральскаго и Рогачева, образовался подъ ихъ руководствомъ пензенскій революціонный кружокъ, членами котораго были: Каменьскій, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Ареопагитскій и Покровскій; направленіе означеннаго кружка, какъ видно изъ всего вышензложеннаго, ничѣмъ не отличалось отъ направленія прочихъ кружковъ—пензенскій кружокъ придерживался идей Бакунина и считалъ его формулу объ уничтоженіи государства и замѣнѣ такового федераціей вольныхъ общинъ единственнымъ способомъ улучшенія народнаго быта. Пензенскій кружокъ вскорѣ увеличился: членами его сдѣлались нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей и сверхъ того въ Пензу прибыли агитаторы изъ разныхъ мѣстъ Имперіи. Въ числѣ первыхъ находились: гимназистъ Миллеръ (нынѣ умершій) и Николай Жилинскій съ женою, прибывшіе же въ Пензу агитаторы были: Клеопатра Главдзевичъ, Судзиловская,

дочь титулярнаго совѣтника Надежда Юргенсонъ и членъ Харьковскаго революціоннаго кружка Спѣсивцевъ. Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, получилъ въ февралѣ отъ Каменьскаго журналъ „Впередъ“ и „Исторію одного французскаго крестьянина“; прочитавъ означенныя книги, Жилинскій задумался, по его словамъ, надъ статьей о самарскомъ голодѣ, понялъ, что Войнаральскій и Каменьскій сочувствуютъ народу и самъ рѣшилъ примкнуть къ дѣлу, которому они служили. Вслѣдствіе сего, когда Войнаральскій, послѣ закрытія своей мастерской на Бутыркахъ, пріѣхалъ въ Пензу для полученія имущества, оставшагося послѣ смерти его отца, помѣщика Ларіонова, и обратился къ Жилинскому съ просьбой принять на сохраненіе книги, оставленныя у Каменскаго, и тюки съ революціонными сочиненіями, которые будутъ высылаемы изъ Москвы, то Жилинскій и его жена, какъ видно изъ ихъ показаній, а также показанія Каменьскаго, изъявили согласіе хранить у себя запрещенныя книги, заняться брошюровкой изданій, которыя будутъ присланы изъ Москвы и, сверхъ того, вести переписку съ членами кружка по поводу дѣлъ послѣдняго. Уѣзжая обратно въ Москву, Войнаральскій, какъ удостовѣрили Жилинскіе, оставилъ имъ шифръ для веденія переписки и адресъ въ Москвѣ на имя Мышкина или Смирнова, а также просилъ пріискать мѣсто для одной женщины, которая вскорѣ должна была пріѣхать въ Пензу; съ тою же просьбой Войнаральскій обратился, по словамъ Каменьскаго, къ нему и, сверхъ того, просилъ распоряжаться его деньгами и никогда не отказывать въ таковыхъ Орлову. Въ этотъ пріѣздъ свой Войнаральскій видѣлся съ Судзиловскою, прибывшею въ Пензу еще въ мартѣ. Приглашеніе Войнаральскаго ѣхать въ Пензу Судзиловская получила чрезъ посредство Тушинской, какъ это видно изъ показанія послѣдней, снабдившей Судзиловскую и адресомъ Цибишевой; около 15-го марта Судзиловская выѣхала изъ Петербурга и посѣтила въ Москвѣ мастерскую Войнаральскаго на Плющихѣ, гдѣ, какъ оказывается изъ показанія Судзиловской, и получила отъ Войнаральскаго нѣсколько книгъ для передачи таковыхъ Каменьскому, при чемъ Войнаральскій сообщилъ ей, что въ случаѣ надобности, она можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ Орлову. Пріѣхавъ въ Пензу подъ именемъ крестьянки Екатерины Николаевой Петровой, Судзиловская остановилась у Цибишевой, познакомилась чрезъ Орлова-Рогачева съ прочими членами кружка и, какъ видно изъ ея показанія, закупивъ, при содѣйствіи Рогачева, товаръ для лавочки, вмѣстѣ съ Рогачевымъ поѣхала въ село Степановку, гдѣ и открыла торговлю въ помѣщеніи, снятомъ Войнаральскимъ у крестьянина Романа Хромова. Проживая въ селѣ Степановкѣ, Судзиловская занималась пропагандой, но неуспѣшно, какъ это видно изъ показанія Доброва; по словамъ послѣдняго, Судзиловская разсказывала ему, что жила въ Степановкѣ съ цѣлью дѣйствовать на народъ въ извѣстномъ направленіи и что народъ относился къ ней недовѣрчиво. Вскорѣ послѣ отъѣзда Войнаральскаго въ Москву Ольга Жилинская, какъ это видно изъ ея показанія, получила отъ Войнаральскаго письмо, въ которомъ онъ еще разъ спрашивалъ, согласна ли она принять на храненіе книги; на означенное письмо, писанное шифромъ, Жилинская, по ея собственнымъ словамъ, шифрованнымъ же письмомъ увѣдомила Войнаральскаго о своемъ согласіи. Вскорѣ затѣмъ, въ первой половинѣ мая, пріѣхала въ Пензу Клеопатра Главдзе-

вичъ съ двумя или тремя тюками книгъ, отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина и выданныхъ ею Цибишевой, у которой она остановилась, за красный товаръ для лавочки Судзиловской въ Степановкѣ; Блавдзевичъ, называвшая себя солдаткой Натальею Ѳедоровою, явилась къ Каменьскому и передала ему, какъ видно изъ показанія послѣдняго, просьбу Войнаральскаго перевезти означенныя книги къ Жилинскимъ, что Каменьскимъ и было исполнено. Перевозка къ Жилинскимъ книгъ и помѣщеніе ихъ въ чуланѣ новаго, еще неостроеннаго дома, подтверждается, кромѣ показанія Каменьскаго, еще и показаніями Жилинскихъ, удостовѣрившихъ, сверхъ сего, и полученіе отъ Войнаральскаго, чрезъ контору транспортовъ, двухъ ящиковъ съ неброшюрованными листами „Исторіи одного французскаго крестьянина“ и „Чтой-то братцы“. Клеопатра Блавдзевичъ, сдавъ привезенные ею тюки съ книгами и переночевавъ одну ночь у Жилинскихъ, какъ это видно изъ показанія Жилинской, отправилась въ Степановку къ Судзиловской, у которой и пробыла нѣсколько дней, при чемъ Судзиловская, какъ оказывается изъ ея показанія, знавшая уже Блавдзевичъ въ Петербургѣ, выдавала ее за свою сестру. Почти одновременно съ Блавдзевичъ прибылъ въ Пензу и членъ харьковскаго революціоннаго кружка Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ. По словамъ послѣдняго, онъ получилъ въ Харьковѣ отъ Моисея Рабиновича два письма—одно къ Войнаральскому, а другое къ Екатеринѣ Николаевой Петровой, т. е. Судзиловской, при чемъ Рабиновичъ объяснилъ, что Петрова имѣетъ лавочку въ Степановкѣ, въ 28 верстахъ отъ Пензы, и что у нея можно узнать адресы всѣхъ мѣстныхъ пропагандистовъ. По прибытіи въ Пензу, Спѣсивцевъ остановился у Цибишевой, адресъ которой былъ ему также сообщенъ Рабиновичемъ, а затѣмъ отправился въ Степановку къ Судзиловской, у которой и засталъ Клеопатру Блавдзевичъ; вскорѣ послѣ прихода Спѣсивцева подъѣхалъ молодой человѣкъ, назвавшійся, по словамъ Спѣсивцева, семинаристомъ Василіемъ Петровымъ Орловымъ (Рогачевъ), съ которымъ Блавдзевичъ и Спѣсивцевъ тотчасъ и отправились въ Пензу, какъ это видно изъ показанія Судзиловской, при чемъ дорогой, по удостовѣренію Спѣсивцева, Рогачевъ разсказывалъ ему о своей пропагандѣ въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, а Блавдзевичъ сообщила свѣдѣнія о пропагандѣ въ Кіевѣ. По пріѣздѣ въ Пензу, Клеопатра Блавдзевичъ остановилась у Каменьскаго, а Рогачевъ и Спѣсивцевъ у Сабелькина; на другой день въ квартирѣ Цибишевой, гдѣ собрались Рогачевъ, Клеопатра Блавдзевичъ и Спѣсивцевъ, Рогачевъ разсказалъ Сабелькину, какъ удостовѣрилъ послѣдній, о дѣятельности пензенскихъ агитаторовъ и о московской типографіи и просилъ Спѣсивцева спросить въ Харьковѣ, не пожелаетъ ли кто изъ семинаристовъ работать въ типографіи, а также просилъ Спѣсивцева написать члену харьковскаго кружка Кацу, намѣревавшемуся работать лѣтомъ въ кузницѣ у своего дяди, о принятіи въ означенную кузницу его, Рогачева. По словамъ Спѣсивцева, онъ исполнилъ просьбу Рогачева, но отвѣта изъ Харькова не получилъ. Желая подготовить себя къ пропагандѣ, Спѣсивцевъ, по его показанію, при содѣйствіи Рогачева и по рекомендаціи Каменьскаго, поступилъ въ обученіе къ столяру Ѳедору Ершову, при чемъ деньги за обученіе Спѣсивцева платилъ Ершову Каменьскій. Проживая въ Пензѣ, Спѣсивцевъ познакомился съ членами кружка и принималъ участіе въ устраиваемыхъ Рогачевымъ сходкахъ гимназистовъ и семинаристовъ. Означенныя сходки

начались еще въ мартѣ и имѣли цѣлью, съ одной стороны—поддерживать въ членахъ кружка изъ учащейся молодежи внушенное имъ направленіе, а съ другой—должны были служить средствомъ для пріобрѣтенія новыхъ единомышленниковъ. Первая сходка была собрана на 6-й недѣлѣ великаго поста въ квартирѣ гимназиста Разумовскаго, у котораго проживали, по показанію Доброва, нѣкоторое время Рогачевъ и Алексѣй Кулябко. По просьбѣ Рогачева, Добровъ, какъ это видно изъ его показанія, созвалъ въ квартиру Разумовскаго нѣсколько человѣкъ, семинаристовъ и гимназистовъ, а изъ членовъ кружка присутствовали, кромѣ Рогачева и Доброва, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій. Вторая сходка состоялась, при содѣйствіи того же Доброва, въ квартирѣ гимназиста Францева, на которой изъ членовъ кружка присутствовали тѣ же лица, что и на первой сходкѣ. Третья сходка собралась, при содѣйствіи Доброва и Сабелькина, въ маѣ въ засѣкѣ; на означенной сходкѣ, кромѣ упомянутыхъ выше членовъ кружка, присутствовала Евгенія Судзиловская, прибывшая изъ Степановки, а также былъ и Андрей Кулябко, пріѣхавшій изъ Москвы съ Войнаральскимъ. Четвертая сходка, во второй половинѣ мая, была устроена въ квартирѣ семинаристовъ Алмазова и Троянова; изъ членовъ кружка въ ней присутствовали: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ и Ареопагитскій. Пятая сходка, въ томъ же маѣ, была устроена у Козицинской мельницы и въ ней изъ членовъ кружка принимали участіе, между прочимъ, Спѣсивцевъ и Покровскій. Шестая и послѣдняя сходка была собрана въ квартирѣ члена кружка Миллера; на ней были члены кружка: Рогачевъ, Добровъ, Сабелькинъ, Кротоновъ, Покровскій и Спѣсивцевъ. Всѣ вышеозначенныя сходки имѣли одинъ и тотъ же характеръ. Цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній вполнѣ доказано, что первенствующую роль на сходкахъ игралъ Рогачевъ, читавшій на многихъ изъ нихъ какую-либо статью, въ томъ числѣ и изъ журнала „Впередъ“, а затѣмъ комментировавшій прочитанное, при чемъ онъ убѣждалъ своихъ слушателей въ необходимости революціи и совѣтовалъ имъ бросить ученіе и идти въ народъ, подготовлять его къ возстанію, говоря, что не время учиться, когда страдаетъ меньшая братія; оканчивались же обыкновенно сходки пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ. На сходкѣ въ засѣкѣ Судзиловская высказывалась въ томъ же духѣ, какъ и Орловъ, и поддерживала его въ спорѣ съ однимъ изъ присутствовавшихъ. Старанія Рогачева побудить своихъ слушателей къ пропагандѣ въ народѣ не прошли вовсе безслѣдно: изъ числа членовъ кружка, Сабелькинъ и Спѣсивцевъ, какъ видно изъ ихъ показаній, отправились на пропаганду въ мѣстечко Виляевку и селеніе Ельшанку, взявъ съ собою и революціонныя книги. Въ Виляевкѣ Сабелькинъ и Спѣсивцевъ ночевали у одного крестьянина, которому Сабелькинъ говорилъ, по словамъ Спѣсивцева, что крестьяне могли бы избавиться отъ претерпѣваемыхъ ими страданій, такъ какъ крестьянъ больше, чѣмъ тѣхъ, по винѣ которыхъ они страдаютъ, и читалъ при этомъ выдержки изъ „Стеньки Разина“. На другой день Сабелькинъ и Спѣсивцевъ отправились въ Ельшанку, гдѣ Сабелькинъ, по его собственному показанію, разсказывалъ одному крестьянину про французскую революцію и прочелъ ему брошюру «Стенька Разинъ» или «Чтой-то братцы», что подтвердилъ и Спѣсивцевъ, поясняя, что читанная Сабелькинымъ брошюра была «Чтой-то братцы». Независимо отъ показаній Сабелькина и Спѣсивцева, пре-

ступная дѣятельность Сабелькина въ Ельшанкѣ удостовѣряется и показаніями свидѣтелей. Пробывъ еще нѣкоторое время въ Пензѣ, Спѣсивцевъ возвратился въ Харьковъ, при чемъ деньги на дорогу получилъ отъ членовъ пензенскаго кружка Жилинскимъ и Судзиловской, какъ видно изъ показаній Судзиловской и Сабелькина. Вскорѣ послѣ отъѣзда Спѣсивцева Жилинскій получилъ изъ гор. Вольска, Саратовской губерніи два письма, подписанныя словомъ „Пожиже". Въ первомъ письмѣ „Пожиже" просилъ передать Спѣсивцеву, что дѣла идутъ хорошо и чтобъ онъ ѣхалъ въ Саратовъ; во второмъ же письмѣ заключалась просьба увѣдомить Спѣсивцева, чтобъ онъ не пріѣзжалъ, такъ какъ дѣла идутъ плохо. Означенныя письма, полученіе которыхъ удостовѣряется показаніями Жилинскихъ, были, по ихъ словамъ, переданы Каменьскому для соотвѣтствующихъ распоряженій. Къ разъясненію приведенныхъ писемъ можетъ служить показаніе Спѣсивцева о томъ, что Рогачевъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Саратовъ, просилъ его по полученіи отвѣта изъ Харькова отъ Каца прибыть въ Саратовъ въ мастерскую Пельконена, пароль для входа въ квартиру былъ слѣдующій: „желаю быть сапожникомъ, хозяинъ изъ Бутырокъ". Выданныя Спѣсивцеву деньги на путевые расходы были, какъ сказано выше, возвращены Каменьскому черезъ посредство Баракова, одного изъ главныхъ дѣятелей харьковскаго кружка. Пріѣхавъ съ Рогачевымъ и Спѣсивцевымъ изъ Степановки въ Пензу, Клеопатра Блавдзевичъ рѣшила отправиться въ Саратовъ въ мастерскую Пельконена, куда вмѣстѣ съ нею отправился и Рогачевъ. Послѣдній, предъ своимъ отъѣздомъ, оставилъ Сабелькину свой адресъ и шифръ для переписки и просилъ Жилинскихъ помѣстить гимназиста Корнѣева въ мѣстную типографію Градковскаго, что Жилинскіе, какъ видно изъ показанія Ольги Жилинской, и обѣщали сдѣлать. Получивъ отъ Каменьскаго, по словамъ послѣдняго, деньги на дорогу, Рогачевъ и Блавдзевичъ уѣхали изъ Пензы въ послѣднихъ числахъ мая, и какъ уже изложено выше, поселились въ мастерской Пельконена въ Саратовѣ, гдѣ Блавдзевичъ и была задержана. Уѣзжая изъ Пензы, Рогачевъ запасся видомъ на жительство; онъ получилъ таковой отъ Жилинскихъ, которые передали ему выданное изъ С.-Петербургской Введенской прогимназіи свидѣтельство на имя воспитанника Жилинскихъ Николая Куликова, въ каковомъ свидѣтельствѣ лѣта Куликова были вытравлены Рогачевымъ и Клеопатрою Блавдзевичъ и замѣнены лѣтами, подходящими къ возрасту Рогачева. Передача Жилинскими Рогачеву свидѣтельства Куликова удостовѣряется показаніями Каменьскаго и Ольги Жилинской, а исправленіе лѣтъ въ свидѣтельствѣ—показаніями Спѣсивцева, Клеопатры Блавдзевичъ и Каменьскаго. О прибытіи Рогачева и Блавдзевичъ въ Саратовъ Надежда Войнаральская, какъ сказано выше, сообщила мужу письмомъ, адресованнымъ въ Самару; въ означенномъ письмѣ Войнаральская писала, между прочимъ, что Рогачева въ Пензѣ можетъ замѣнить Сабелькинъ, что есть три наборщика-семинариста и гимназистъ-печатникъ, при чемъ упоминала о типографіи Градковскаго. Гимназистъ-печатникъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, былъ Корнѣевъ, а къ числу семинаристовъ, о которыхъ писала Войнаральская, принадлежали: Покровскій, изъявившій на сходкѣ у Миллера, какъ это оказывается изъ показанія Кротонова, согласіе работать въ московской типографіи, и Морозовъ, которому, по его словамъ, Рогачевъ

предлагалъ отправиться въ Москву для изученія типографскаго дѣла; съ такимъ же предложеніемъ, какъ удостовѣрилъ Морозовъ, Рогачевъ обращался еще къ одному лицу, фамилію котораго Морозовъ не помнитъ. Въ день отъѣзда Рогачева и Клеопатры Блавдзевичъ, въ квартирѣ Цибишевой, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, появилась новая личность—слушательница женскихъ курсовъ Медико-Хирургической Академіи Надежда Александрова Юргенсонъ, прибывшая изъ Петербурга подъ именемъ крестьянки Дарьи Николаевой съ фальшивымъ паспортомъ на имя послѣдней. Юргенсонъ привезла съ собою, по словамъ Спѣсивцева, нѣсколько экземпляровъ „Сказки о 4-хъ братьяхъ“ и вскорѣ отправилась въ Степановку къ Судзиловской, къ которой, какъ видно изъ показанія послѣдней, и явилась по адресу, данному Лешернъ-фонъ-Герцфельдтъ. Вскорѣ послѣ прибытія Юргенсонъ Каменьскій получилъ отъ Надежды Войнаральской приведенное уже выше письмо, въ которомъ Войнаральская просила сообщить „одному“, чтобы онъ не ѣздилъ ни въ Саратовъ, ни въ Пензу. По удостовѣренію Каменьскаго, Жилинскій, узнавъ о содержаніи упомянутаго письма, хотѣлъ самъ ѣхать въ Самару предупредить Войнаральскаго о грозившей ему опасности, но Каменьскій, выставивъ на видъ трудность разысканія Войнаральскаго, ходившаго „въ народъ“, предложилъ прислать въ Самару Дарью Николаевну, т. е. Юргенсонъ. Юргенсонъ согласилась отправиться на поиски Войнаральскаго и уѣхала изъ Пензы, получивъ, по словамъ Каменьскаго, адресъ акушерки Надежды Ивановой въ Самарѣ и письмо отъ Каменьскаго къ Войнаральскому. Уѣзжая изъ Пензы, Юргенсонъ, какъ это видно изъ показанія Каменьскаго, оставила ему свой фальшивый паспортъ; сказавъ, что онъ, можетъ быть, кому-нибудь пригодится, каковой паспортъ Каменьскій передалъ впослѣдствіи Жилинскимъ. Не довольствуясь отправленіемъ Юргенсонъ въ Самару, Жилинскій, какъ видно изъ его показанія, послалъ акушеркѣ Ивановой телеграмму, подписанную „Лазаревъ“, въ которой просилъ увѣдомить Пароена Иванова, т. е. Войнаральскаго, чтобъ онъ не ѣздилъ ни въ Пензу, ни въ Саратовъ. Вскорѣ послѣ сего, по словамъ Ольги Жилинской, ею было получено отъ Рогачева шифрованное письмо на имя Сабелькина. Письмо это, какъ видно изъ показанія Спѣсивцева, было прислано изъ Тамбова, и въ немъ Рогачевъ сообщалъ о саратовскихъ арестахъ, о томъ, что едва самъ не былъ задержанъ и просилъ увѣдомить его о кузницѣ Каца. Вслѣдствіе означеннаго письма, полученіе котораго подтверждается показаніемъ Н. Жилинскаго и не отвергается самимъ Сабелькинымъ, послѣдній послалъ Ареопагитскаго въ Степановку узнать отъ Судзиловской, по удостовѣренію Ареопагитскаго—успѣшно ли она распространяетъ въ народѣ противоправительственныя идеи, а по показанію Судзиловской—и съ цѣлью извѣстить ее о саратовскихъ арестахъ и дать ей совѣтъ уѣхать изъ Степановки. Между тѣмъ 7-го іюня прибыли въ Пензу Войнаральскій и Иванъ Селивановъ, узнавшіе въ Саратовѣ о закрытіи мастерской Пелькопена и объ арестованіи проживавшихъ въ ней лицъ. Прибывъ въ Пензу, Войнаральскій не вошелъ въ городъ, а остановился у моста и послалъ Селиванова къ Цибишевой; Иванъ Селивановъ, по его собственному показанію, вызвалъ Цибишеву, которая, по просьбѣ Войнаральскаго, и привела къ нему Каменьскаго. Каменьскій, какъ это видно изъ его показанія, пригласилъ Войнаральскаго и Селиванова въ свою квартиру, гдѣ,

по словамъ Селиванова, ихъ навѣщали Жилинскіе. Желая, на случай своего ареста, спасти для революціоннаго дѣла пожертвованный имъ на таковое капиталъ, Войнаральскій задумалъ посредствомъ безденежныхъ векселей перевести свои деньги на другихъ лицъ. Вслѣдствіе сего Войнаральскій, какъ видно изъ показанія Каменьскаго, обратился къ нему съ просьбою съѣздить въ Городище къ мировому судьѣ Эндаурову, передать ему письмо и просить пріѣхать въ Пензу, захвативъ съ собою нотаріальную книгу и печать; таковую просьбу Войнаральскаго Каменьскій поспѣшилъ исполнить. Выѣхавъ немедленно изъ Пензы, Каменьскій заѣхалъ къ Судзиловской, которую, какъ видно изъ ея показанія, извѣстилъ о пріѣздѣ Войнаральскаго, а на другой день, т. е. 8 іюня, утромъ, по его собственнымъ словамъ, вернулся въ Пензу съ Эндауровымъ. Войнаральскій заявилъ Эндаурову, по показанію Каменьскаго, о необходимости ликвидировать свои дѣла изъ опасенія, чтобы на его капиталъ не былъ наложенъ арестъ, и высказалъ желаніе выдать на имя Каменьскаго вексель въ 20.000 р., который затѣмъ и былъ написанъ на купленной Каменьскимъ вексельной бумагѣ. Селивановъ тоже написалъ на имя Каменьскаго вексель въ суммѣ 6.000 р., а затѣмъ, по словамъ Каменьскаго, Войнаральскій самъ записалъ векселя въ книгу и сдѣлалъ на нихъ надпись, которую подписалъ Эндауровъ, возразившій на замѣчаніе Каменьскаго о томъ, что векселя пишутся заднимъ числомъ, т. е. отъ 3 іюня, что доказать это будетъ очень трудно. Покончивъ дѣло съ векселями, Войнаральскій обратился, по словамъ Каменьскаго, къ Эндаурову съ просьбой добыть ему бланкъ для подорожной, что Эндауровъ и обѣщалъ исполнить; дѣйствительно, на другой день, т. е. 9 іюня, Эндауровъ, по удостовѣренію Каменьскаго, прислалъ съ эстафетой, на имя жены Каменьскаго, бланкъ подорожной, въ который Войнаральскій и вписалъ текстъ, взявъ за образецъ подорожную Жилинскаго, доставленную симъ послѣднимъ именно для означенной цѣли. Помимо показанія Каменьскаго, выдача векселей Войнаральскимъ и Селивановымъ подтверждается и показаніями сихъ послѣднихъ, но при этомъ Селивановъ призналъ, что векселя писались въ Пензѣ и послѣ третьяго іюня, а Войнаральскій показалъ, что векселя были написаны и засвидѣтельствованы раньше, а именно того числа, которымъ они значатся выданными, и объяснилъ пріѣздъ Эндаурова лишь желаніемъ его, Войнаральскаго, исправить какую-то допущенную при составленіи векселей ошибку, состоявшую, насколько онъ помнитъ, въ томъ, что онъ забылъ росписаться въ нотаріальной книгѣ. Николай Ивановъ Эндауровъ, не признавая себя виновнымъ ни въ чемъ, объяснилъ, что векселя были написаны въ Городищахъ 3 іюня, что 7 іюня пріѣхалъ къ нему Каменьскій просить денегъ для Войнаральскаго, что вслѣдствіе этого онъ отправился въ Пензу вмѣстѣ съ Каменьскимъ, вручилъ Войнаральскому 500 р. и обѣщалъ прислать на другой день расчеты по дѣлу Войнаральскаго, которое было въ завѣдываніи его, Эндаурова, что и исполнилъ немедленно по возвращеніи въ Городище,ославъ расчеты съ эстафетою. Такое объясненіе Эндаурова, противорѣчащее какъ показаніямъ Каменьскаго и Ивана Селиванова, такъ и показанію Войнаральскаго, находитъ себѣ опроверженіе и въ слѣдующихъ обстоятельствахъ дѣла: По словамъ княгини Варвары Михайловой Кугушевой, матери Войнаральскаго, послѣд-

ній былъ въ Городищахъ у ея зятя Эндаурова одинъ и, пробывъ лишь нѣсколько часовъ, отправился въ Пензу, при чемъ Эндауровъ ему никакихъ документовъ не свидѣтельствовалъ; чрезъ нѣкоторое время, поздно вечеромъ, пріѣхалъ Каменьскій, съ которымъ Эндауровъ и поѣхалъ въ Пензу, по возвращеніи откуда, разсказалъ Кугушевой, что жена Войнаральскаго сидитъ въ острогѣ и что самого Войнаральскаго также разыскиваютъ, Эндауровъ показывалъ ей вексель сына на 20.000 руб. с. и говорилъ, что засвидѣтельствовалъ таковой въ Пензѣ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Городищенскимъ съѣздомъ мировыхъ судей, оказывается, что въ прошнурованной тетради бланковъ подорожныхъ по казенной надобности, въ іюнѣ 1874 года, безъ обозначенія числа рукою Эндаурова, записано: „выдана подорожная за № 276 мировому судьѣ 1 участка Николаю Иванову Эндаурову на разъѣзды по Городищенскому уѣзду. Подорожную получилъ мировой судья Н. Эндауровъ“. Означенная подорожная обратно представлена не была и со стороны Эндаурова заявленія объ утратѣ бланка подано не было. Вексель Селиванова былъ представленъ къ дѣлу женою Каменьскаго, а вексель Войнаральскаго былъ отобранъ при обыскѣ у Эндаурова. По удостовѣренію Каменьскаго, вексель Войнаральскаго былъ взятъ Эндауровымъ для исправленія допущенной при составленіи векселя ошибки,—пропуска въ текстѣ векселя фамиліи Каменьскаго,—при чемъ Эндауровъ сказалъ, что у него есть писецъ, умѣющій подписываться подъ руку Войнаральскаго. Въ векселѣ Войнаральскаго, отобранномъ у Эндаурова, слово „Каменьскому“ дѣйствительно оказалось вписаннымъ между строкъ. Добывъ себѣ, какъ сказано выше, подорожную, Войнаральскій озаботился и пріисканіемъ какого-либо вида для Ивана Селиванова, что и возложилъ на явившагося къ нему Сабелькина. По удостовѣренію послѣдняго, онъ обратился по сему предмету къ Ареопагитскому, котораго и привелъ въ квартиру Каменьскаго, гдѣ Войнаральскій, какъ видно изъ показанія Ареопагитскаго, узнавъ, что у него есть свидѣтельство на свободное проживаніе, выданное изъ полиціи, сталъ просить передать ему таковое, что Ареопагитскій и сдѣлалъ. Кромѣ Сабелькина и Ареопагитскаго, Войнаральскій предъ своимъ отъѣздомъ изъ Пензы видѣлся съ Кротоновымъ, Покровскимъ и Судзиловскою, прибывшею изъ Степановки, какъ это видно изъ показаній Каменьскаго и Сабелькина, при чемъ Кротоновъ, по его собственнымъ словамъ, взялъ себѣ простонародный костюмъ Войнаральскаго. Независимо отъ сего, Войнаральскій, по его собственному показанію, поручилъ Каменьскому съѣздить въ Саратовъ развѣдать объ арестахъ и помочь арестованнымъ, при чемъ настоялъ, чтобы Каменьскій взялъ себѣ въ помощь семинариста Покровскаго, а съ цѣлью скрыть свое пребываніе въ Пензѣ Войнаральскій, по удостовѣренію Каменьскаго, написалъ на его имя письмо, будто бы писанное въ Самарѣ 1 іюня, въ каковомъ письмѣ Войнаральскій просилъ Каменьскаго повидаться съ женой и отдать Юліи Прушакевичъ 150 р. с. долгу, присовокупляя, что самъ онъ ѣдетъ „на любимый сѣверъ“. Сдѣлавъ всѣ вышеизложенныя распоряженія, Войнаральскій уѣхалъ съ Селивановымъ въ Москву, при чемъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, получилъ отъ Жилинскаго для болѣе удобнаго сокрытія своей личности синія очки и форменную фуражку Жилинскаго. На другой же день послѣ отъѣзда Войнаральскаго, Каменьскій и По-

кровскій отправились въ Саратовъ, какъ это признано и ими самими; предъ отъѣздомъ Каменьскій передалъ Жилинскимъ портфель Войнаральскаго, что признано какъ Каменьскимъ, такъ и Жилинскими, при чемъ Николай Жилинскій удостовѣрилъ, что въ портфелѣ былъ, между прочимъ, фальшивый паспортъ Юргенсопъ, оставленный послѣднею, какъ сказано выше, Каменьскому. Въ Саратовѣ Каменьскій навлекъ на себя подозрѣніе и былъ допрошенъ, вслѣдствіе чего, по его просьбѣ, Покровскій послалъ Войнаральскому въ Москву, въ нумера Скворцова, на имя Трубниковой предупредительную телеграмму, каковое обстоятельство удостовѣрено показаніями Каменьскаго и Покровскаго; не ограничиваясь этимъ, Каменьскій, какъ видно изъ его показанія, отправилъ Покровскаго въ Москву для извѣщенія Войнаральскаго о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ и поручилъ Покровскому послать изъ Тамбова письмо. которое онъ, Каменьскій, написалъ къ Жилинской, адресуя таковое на имя Ольги Владыкиной. Въ означенномъ письмѣ Каменьскій сообщалъ, по его словамъ, о „болѣзни Лазаря“ и о томъ, что у него были „доктора“, совѣтовалъ не пить „квасу“ и спрятать его подальше; письмо было передано Жилинской Владыкиною, которой, по ея показанію, Жилинская и объяснила, что болѣзнь означала арестъ, квасъ—книги и т. д. По полученіи вышеозначеннаго письма портфель Войнаральскаго былъ, по словамъ Юліи Жилинской, тотчасъ же уничтоженъ. Между тѣмъ Покровскій, не заставъ, по его собственному показанію, Войнаральскаго въ Москвѣ, вернулся въ Саратовъ, а оттуда поѣхалъ въ Пензу, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибылъ и Каменьскій. Послѣ отъѣзда Войнаральскаго Жилинскіе, исполняя желаніе Рогачева, помѣстили гимназиста Корнѣева въ типографію Градковскаго, а воспитанника своего Куликова—къ переплетчику Доронину, имѣя въ виду, по показанію Николая Жилинскаго, при содѣйствіи Куликова переплести присланныя изъ Москвы и хранившіяся у нихъ революціонныя сочиненія. Около этого времени, по показанію Жилинскаго, было получено отъ Войнаральскаго письмо, въ которомъ онъ просилъ отдать присланныя изъ Москвы книги на сохраненіе какому-то крестьянину Городищенскаго уѣзда и извѣщалъ, что вскорѣ на мѣсто Рогачева пріѣдетъ другое лицо—Иванъ Николаевъ, какъ видно изъ показанія Войнаральскаго, отказавшагося объяснить, кто именно долженъ былъ явиться подъ означенной фамиліей. Вслѣдствіе такого письма Каменьскій послалъ Кротонова, по словамъ послѣдняго, въ Городищенскій уѣздъ, гдѣ Кротоновъ, по показанію фонъ-Францена, просилъ послѣдняго передать сосѣдямъ его, Селивановымъ, письмо, въ которомъ говорилось что-то о запрещенныхъ книгахъ. Цѣль такой поѣздки Кротонова, на которую Каменьскій далъ ему 10 р., заключалась, очевидно, въ разысканіи того крестьянина, которому. въ силу письма Войнаральскаго, надлежало передать на сохраненіе революціонныя книги, такъ какъ изъ показанія Каменьскаго оказывается, что Кротоновъ, по возвращеніи въ Пензу сообщилъ, что крестьянинъ отказывается принять книги. Вскорѣ затѣмъ было поручено Каменьскимъ, по его удостовѣренію, другое письмо отъ Войнаральскаго, въ которомъ онъ просилъ дать знать Судзиловской, чтобъ она не оставалась дальше въ Степановкѣ. Исполненіе такого порученія Войнаральскаго Каменьскій возложилъ на Жилинскаго, который, какъ видно изъ его показанія, и послалъ въ Степановку брата Ивана Селиванова—Дмитрія. Вслѣдствіе

сего Судзиловская закрыла свою лавочку и переселилась въ Пензу, гдѣ, переночевавъ у Жилинской, поселилась у Цибишевой. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Судзиловская явилась къ Каменьскому, какъ видно изъ его показанія, съ просьбой послать Рогачеву 200 р. с., въ чемъ Каменьскій ей отказалъ. Проживъ нѣкоторое время въ Пензѣ, Судзиловская переселилась по ея собственному показанію, въ деревню Перелогово, гдѣ жила пріѣзжавшая не задолго предъ симъ изъ Петербурга Анна Тушинская. Кромѣ сего Войнаральскій, какъ видно изъ его показанія, сообщилъ въ Пензу два адреса, по которымъ слѣдовало ему писать въ Самару—Дегтерева и Колесникова, что подтверждается и показаніемъ Каменьскаго, удостовѣрившаго, что адресъ Колесникова онъ получилъ отъ Ольги Жилинской и записалъ таковой въ своей записной книжкѣ слѣдующимъ образомъ: на одной страницѣ было написано—„Михаилу 4 р. р.“, на слѣдующей—„послать въ Трофимовку“, а затѣмъ—„послать Колесникову 50 р.“, что и означало „Михаилу Трофимову Колесникову“. Такое показаніе Каменьскаго подтверждается отобранною у него при обыскѣ записною книжкой. Между тѣмъ Жилинскіе, напуганные арестами, стали отказываться отъ агентуры и, по показанію Каменьскаго, вполнѣ подтвержденному показаніемъ Ольги Жилинской, передали Каменьскому всѣ письма, шифры и адресы лицъ, съ которыми велась переписка по дѣламъ общества. Каменьскій, съ своей стороны, не рѣшился держать агентуру и, какъ видно изъ показанія Кротонова, поручилъ сему послѣднему написать въ Москву шифрованное письмо о томъ, чтобы на имя Каменьскаго и Жилинскихъ больше писемъ присылаемо не было. Несмотря, однако, на такую мѣру, въ августѣ, какъ видно изъ показаній Жилинскихъ, Николаемъ Жилинскимъ было получено изъ Москвы адресованное на имя его жены письмо, подписанное словами: „Африкановъ“ и „Шахъ Персидскій“. Въ означенномъ письмѣ заключалась просьба передать какому-то Вышеславцеву приложенную къ письму записку, въ которой Вышеславцева вызывали въ Москву, объясняя, что тянуть дѣло—значитъ портить его. Къ разъясненію сего обстоятельства можетъ служить отчасти показаніе Константина Аркадакскаго, по словамъ котораго, въ іюнѣ, во время пребыванія Войнаральскаго въ Москвѣ, послѣ пріѣзда его изъ Пензы, онъ, Аркадакскій, и Войнаральскій изобрѣли для себя новыя прозвища, при чемъ Аркадакскій назвался Африкановымъ, но при этомъ Аркадакскій удостовѣрилъ, что подъ именемъ Африканова Жилинскому писемъ не писалъ. Оставленная Жилинскими и не принятая Каменьскимъ агентура перешла къ члену кружка Миллеру, что подтверждается: во 1) показаніями Войнаральскаго и Каменьскаго; во 2) найденными по обыску у Миллера адресами и шифрами, изъ которыхъ одинъ былъ слѣдующій: „и юи, носу, ѣли, черти, колбасу, тѣхъ, щей, пожиже, влей, егда, взыша, тучь“; въ 3) однимъ изъ писемъ Войнаральскаго, отъ 12 іюля, адресованныхъ въ Москву на имя князя Шершевадзе, въ которомъ Войнаральскій извѣщалъ о новомъ бюро въ Пензѣ у Миллера; въ 4) отобранными при обыскѣ у Софинскаго въ Саратовѣ и Рѣчицкаго-Логинова въ Николаевскѣ адресами Жилинскихъ и Миллера и въ 5) показаніемъ Судзиловской о томъ, что она послала брату въ Николаевскъ для переписки съ нею адресъ Миллера. Миллеръ въ свою очередь пользовался иногда адресомъ гимназиста Александра Ушакова, что видно

изъ показанія послѣдняго, подтвержденіемъ котораго служитъ то обстоятельство, что адресъ Ушакова, писанный шифромъ, былъ найденъ при обыскѣ у гимназиста Осташкина въ Самарѣ. Не рѣшившись принять агентуру и передавъ таковую Миллеру, Каменьскій не пожелалъ даже посылать Войнаральскому деньги отъ своего имени. Изъ показанія Каменьскаго видно, что онъ послалъ Войнаральскому въ Самару по адресу Колесникова 150 р. с., между тѣмъ изъ показанія Ушакова оказывается, что по просьбѣ Миллера онъ отправилъ Колесникову 25 р. с., а по удостовѣренію Тушинской, тотъ же Миллеръ, по порученію Каменьскаго, просилъ ее переслать въ Самару 125 р. с. Оба денежныя письма, какъ Ушакова, такъ и Тушинской были получены Колесниковымъ, который и представилъ таковыя къ дѣлу. Отказавшись отъ агентуры, Жилинскіе стали отказываться и отъ храненія революціонныхъ книгъ. По показанію Каменьскаго, Жилинскіе заявили ему, что если отъ нихъ не возьмутъ книги, то они таковыя сожгутъ, вслѣдствіе чего Миллеръ, которому онъ сообщилъ объ этомъ, отправился въ Перелогово къ Тушинской просить ее взять къ себѣ на сохраненіе находившіяся у Жилинскихъ книги, на что Тушинская, какъ передалъ Миллеръ Каменьскому, и изъявила свое согласіе; но перевозка книгъ въ Перелогово почему-то не состоялась, книги остались у Жилинскихъ и послѣ ареста Николая Жилинскаго были сожжены его женою. Посѣщеніе Тушинской Миллеромъ удостовѣряется показаніемъ ходившаго вмѣстѣ съ Миллеромъ въ Перелогово сына Цибишевой, а также показаніемъ Судзиловской и самой Тушинской, объяснившей, однако, что она отказалась принять къ себѣ книги. Вскорѣ послѣ сего Каменьскій, Тушинская и Судзиловская уѣхали изъ Пензы. Каменьскій 9 августа 1874 года былъ задержанъ въ гор. Минскѣ, при чемъ у него была отобрана, какъ сказано выше, записная книжка съ адресомъ Колесникова. Судзиловская уѣхала въ Петербургъ, откуда написала Миллеру письмо, въ которомъ сообщала свой адресъ; „3-я рота Измайловскаго полка, д. № 12, кв. № 4. Мельникову (внутри Р.)“; въ этомъ же письмѣ Судзиловская писала, между прочимъ: „. . . въ Николаевскѣ переполохъ страшный. П. И. (Порфирій Ивановъ Войнаральскій) нужны деньги, онъ даже обращается сюда, нельзя ли выслать отсюда . . . Мѣста учительницъ нужны не одно, а желательно было бы три . . .“ Вышеприведенное письмо было отобрано при обыскѣ у Миллера и признано Судзиловскою за писанное ею. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ Судзиловская была арестована, при чемъ у нея были найдены документы Кіріака Милоглазкина и неизвѣстно кѣмъ и для кого писанная записка: „эта та самая особа, о которой я Вамъ сообщалъ, что во вторникъ у Васъ будетъ“. Въ день задержанія Судзиловской было получено на ея имя никѣмъ не подписанное, но несомнѣнно рукою Тетельмана письмо, въ которомъ послѣдній сообщалъ, что „дядя Николай (Николай Судзиловскій) давно заболѣлъ и уѣхалъ лѣчиться . . . что Даша (Юргенсонъ) тоже больна. Подозрѣваютъ въ ней чахотку . . .“ Судзиловская объяснила, что кѣмъ писано это письмо—ей неизвѣстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ признала, что была знакома съ Тетельманомъ и что ей извѣстна только одна Даша—Дарья Николаевна (то есть Юргенсонъ), проживавшая одно время вмѣстѣ съ нею въ Степановкѣ. Тушинская изъ Перелогова отправилась въ Костромскую губернію, а оттуда въ гор. Усмань, Тамбовской губерніи, гдѣ и оста-

новилась у доктора Буховцева. Тушинская была задержана въ Усманскомъ уѣздѣ, въ имѣніи жены купца Богомолова, при чемъ у нея были найдены письма Войнаральскаго: „Дѣдушка Егоръ“, „Стенька Разинъ“, „Митюха“, „Очерки фабричной жизни“, „Рѣчь Лаврова Цюрихскимъ студентамъ“, сочиненія Чернышевскаго, шифръ, состоящій изъ нѣсколькихъ строкъ стихотворенія Некрасова „У парадняго подъѣзда“ и, между прочимъ, слѣдующіе адресы: а) 3 рота Измайловскаго полка, д. № 12. кв. № 4. Горелину (адресъ Рабиновича и Судзиловской); б) противъ Михаила Архангела собственный домъ (адресъ Сидорацкой (Ободовской); в) акушеркѣ Надеждѣ Алекс. Бартеневой въ Самару; г) той же Надеждѣ Александровой, по мужу Ивановой, въ Москвѣ, въ нумерахъ Скворцова, на Моховой; д) по Спиридоновкѣ, домъ Гуляковой, спросить квартиру Малиновскаго (адресъ Аркадакскихъ) и др.; въ чемоданѣ же Тушинской, оставленной въ квартирѣ Буховцева, были найдены книги: „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ въ двухъ экземплярахъ, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Впередъ“, „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и значительное количество тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Степные очерки“, „Митюха“ и т. д. Въ одномъ изъ отобранныхъ у Тушинской писемъ Войнаральскаго послѣдній поручалъ Тушинской увѣрить Ободовскую въ вѣрности Цибишевой. Вскорѣ затѣмъ были задержаны и всѣ прочіе пензенскіе революціонные дѣятели, кромѣ Войнаральскаго, Рогачева, Селивановa и Юргенсонъ; при чемъ у Доброва, Сабелькина и Покровскаго найдено: у перваго—книги: „Стенька Разинъ“ и два тома „Впередъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и сочиненія Лассаля; у второго — написанный его рукою разсказъ о томъ: „За что и какъ бунтовались Почаевскіе мужики“, а у послѣдняго—полулистъ чистой бумаги съ печатью Николаевской церкви, села Сіальской Пятины, Инсарскаго уѣзда. Сабелькинъ и Кротоновъ признали себя виновными въ принадлежности къ тайному сообществу, состоявшемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства и распространенія революціонныхъ книгъ; Жилинскій, Ареопагитскій и Покровскій — въ принадлежности къ вышеозначенному сообществу; Ольга Жилинская — въ распространеніи революціонныхъ книгъ, а Добровъ, Каменьскій, Эндауровъ, Тушинская и Судзиловская виновными себя не признали. Войнаральскій и Селивановъ, какъ сказано выше, изъ Пензы отправились въ Москву, гдѣ въ ихъ отсутствіе положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. Къ началу іюня изъ членовъ кружковъ Алексѣевой и Петровской Академіи въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, всѣ же прочіе выѣхали изъ Москвы, при чемъ дальнѣйшая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ осталась не обнаруженною; къ числу послѣднихъ относятся Кравчинскій, Клеменсъ, Фроленко, успѣвшіе вовсе скрыться отъ преслѣдованія, и Шишко, задержанный въ августѣ въ квартирѣ поручика артиллеріи Венюкова и не признавшій себя виновнымъ ни въ чемъ; остальные же, т. е. Соловцовскій, Знаменскій и Малиновскій были задержаны: первые двое—въ Тульской губ., а послѣдній—въ Вологодской губ., и въ отношеніи ихъ слѣдствіемъ обнаружено слѣдующее: Соловцовскій и Знаменскій выѣхали изъ Москвы въ началѣ мая, почти одновременно съ Войнаральскимъ, и отправились въ Чернскій уѣздъ въ село Бабурино, гдѣ проживалъ отецъ Знаменскаго: въ Тулѣ, гдѣ они остановились на нѣкото-

рое время, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, встрѣтился со своимъ товарищемъ по семинаріи, сыномъ дьячка Іосифомъ Сильвестровымъ-Кирилловымъ, которому и передалъ нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ были: „Отщепенцы“, „Стенька Разинъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и статья изъ журнала „Впередъ“, каковыя книги Знаменскій получилъ, по его собственнымъ словамъ въ мастерской Войнаральскаго, на Бутыркахъ. Поселившись въ Бабуринѣ, Соловцовскій и Знаменскій, какъ это удостовѣрено показаніями нѣсколькихъ свидѣтелей, занялись изученіемъ ремеслъ; первый—сапожнаго, а послѣдній—столярнаго, одѣвались въ крестьянское платье и старались сблизиться съ крестьянами. Въ первыхъ числахъ іюня Соловцовскій ѣздилъ изъ Бабурина въ Москву, гдѣ, по его собственному показанію, былъ у Супинской, у которой хранились его документы, и въ квартирѣ братьевъ Аркадакскихъ въ домѣ Гулякова, а по удостовѣренію свидѣтельницы Ольги Кудрявцевой, ночевалъ даже въ типографіи Мышкина, въ комнатѣ Супинской. Во время этой отлучки Соловцовскаго, Знаменскій, какъ видно изъ его показанія, получилъ отъ Войнаральской изъ Саратова письмо, подписанное „хозяйка въ Бутыркахъ“, въ которомъ она извѣщала Соловцовскаго и Знаменскаго о покупкѣ ея мужемъ участка земли и приглашала ихъ пріѣхать въ Саратовъ. Соловцовъ и Знаменскій были арестованы 25-го іюня въ Бабуринѣ, при чемъ Соловцовскій былъ найденъ зарывшимся въ солому и при задержаніи его назвался крестьяниномъ Гавриловымъ, работникомъ отца Знаменскаго. Ни Соловцовскій, ни Знаменскій виновными себя не признали. Іосифъ-Селиверстовъ-Кирилловъ получилъ отъ Знаменскаго въ Тулѣ вышеупомянутыя книги, отправился къ своему отцу въ Новосильскій уѣздъ, въ село Вышнее-Залегощь, гдѣ и сталъ распространять между крестьянами означенныя книги, что удостовѣрено свидѣтелями Харибинымъ, Постниковымъ и Поляковымъ. Не отвергая полученія книгъ отъ Знаменскаго, Кирилловъ объяснилъ, что взялъ таковыя не съ цѣлью распространенія противоправительственныхъ идей, а съ цѣлью пріученія крестьянскихъ мальчиковъ къ толковому чтенію; но удостовѣренное показаніями мѣстныхъ священника и сельскаго учителя направленіе Кириллова не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ той преступной цѣли, съ которою онъ распространялъ между крестьянами полученныя имъ отъ Знаменскаго книги. Малиновскій, по его собственному показанію, ѣздилъ въ Александровскій уѣздъ къ нѣкоему Богданову, работавшему въ плотничьей артели, личность котораго осталась неразъясненною, а затѣмъ въ Рыбинскъ съ цѣлью найти тамъ работу, но не найдя таковой, вернулся въ Москву, откуда прислалъ на имя давно умершей матери Знаменскаго писанное отчасти шифромъ письмо, въ которомъ сообщалъ, „что былъ у Богданова, что тотъ болѣе тамъ не будетъ, такъ какъ нашелъ это мѣсто для себя невыгоднымъ, главная причина та, что тамъ становой“. Отправляясь въ Александровскій уѣздъ, Малиновскій о своемъ намѣреніи поступить въ плотничью артель сообщилъ и Войнаральскому, въ Саратовъ, въ упомянутомъ уже выше письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалъ Войнаральскаго, „видѣлъ ли онъ въ Самарѣ Ча“? Изъ Москвы Малиновскій уѣхалъ въ Вологодскую губернію. гдѣ и былъ задержанъ, при чемъ у него была отобрана тетрадь, начинающаяся словами: „Послѣ рѣчей Бакунина читать“, переписка, характеризующая направленіе Малинов-

скаго, и письмо, начинающееся словомъ: „Мишка“, адресованное въ Иваново-Вознесенскъ, на фабрику Лопатина, слесарю Михаилу Николаеву, въ которомъ сообщается адресъ „С. Г. Мельникову для передачи П. А. Лемени, Измайловскій полкъ, 3 рота, домъ № 12, кв. № 4“. Означенное письмо было писано Моисеемъ Рабиновичемъ, какъ видно изъ его показанія, къ сыну генералъ-маіора Михаилу Шредеру (скрывшемуся); фамиліею „Лемени“ Рабиновичъ назывался, по его словамъ, потому что у него былъ паспортъ Лемени-Македона. Малиновскій виновнымъ себя не призналъ. Такимъ образомъ, къ іюню 1874 г. въ Москвѣ остались только братья Аркадакскіе, продолжавшіе принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ типографіи Мышкина, въ которой въ концѣ мая или началѣ іюня появились двѣ новыя личности: бывшій воспитанникъ самарской духовной семинаріи Наѳанаилъ Скворцовъ и мѣщанка Ольга Шевырева, познакомившаяся въ С.-Петербургѣ, въ концѣ 60-тыхъ годовъ, съ Наѳанаиломъ Скворцовымъ, служившимъ впослѣдствіи въ тверскомъ земствѣ, получила, какъ видно изъ ея показанія, въ концѣ 1872 года, при содѣйствіи Скворцова, мѣсто сельской учительницы въ селѣ Дмитріевскомъ, Новоторжскаго уѣзда, гдѣ и познакомилась съ Ярцевымъ и Румянцевымъ. По увольненіи отъ должности учительницы, Шевырева, по ея словамъ, проживала нѣкоторое время въ Петербургѣ, а затѣмъ въ маѣ 1874 года прибыла со Скворцовымъ въ Москву, гдѣ они и поселились въ домѣ Гулякова, на одной квартирѣ съ братьями Аркадакскими, изъ которыхъ Константинъ былъ товарищъ Скворцова по семинаріи; означенная квартира, какъ видно изъ показанія Скворцова, числилась за Малиновскимъ, видъ котораго и былъ явленъ въ полиціи для прописки, своего же вида Скворцовъ не предъявлялъ. Аркадакскіе ввели Шевыреву и Скворцова въ типографію Мышкина, гдѣ Скворцовъ, по его собственному показанію, принималъ участіе въ печатаніи сочиненій Лассаля „Трудъ и Капиталъ для чтенія рабочимъ“, корректируя отпечатанные листы означенныхъ сочиненій, при чемъ ему было извѣстно и о печатаніи „Исторіи одного французскаго крестьянина“, а Шевырева, какъ видно изъ показанія свидѣтельницы Левшиной, стала учиться набирать подъ руководствомъ Супинской, но занималась въ типографіи лишь нѣсколько дней, что подтвердила и сама Шевырева, удостовѣрившая также, что въ типографіи работали оба брата Аркадакскіе и Скворцовъ. Въ типографіи Мышкина продолжали работать такъ же спѣшно, какъ и до отъѣзда Войнаральскаго; отпечатанныя сочиненія посылались подъ видомъ какого-либо товара въ Пензу и Саратовъ, какъ уже изложено выше, а также и въ Петербургъ, какъ показалъ о томъ Мышкинъ, при чемъ упаковкою и отправкою отпечатанныхъ листовъ занимались, по словамъ Мышкина, Аркадакскій и Скворцовъ, а также Фетисовъ, какъ это признано имъ самимъ, и работавшія въ типографіи женщины, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями. Извѣстія о саратовскихъ происшествіяхъ нарушили спокойствіе работавшихъ въ типографіи лицъ; первое извѣстіе—телеграмма Юліи Прушакевичъ на имя Софьи Ивановой, объ открытіи преступной дѣятельности обитателей мастерской Пельконена—было получено въ типографіи 2-го іюня, что призналъ и Мышкинъ, который вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Рязань, успѣвъ, по его собственному показанію, предъ своимъ отъѣздомъ

отправить, при содѣйствіи Ермолаевой и Софьи Ивановой, по Николаевской желѣзной дорогѣ ящикъ съ отпечатанными листами. Послѣ отъѣзда Мышкина на имя Фетисова была получена другая телеграмма, посланная Рогачевымъ изъ Петровска, извѣщавшая, что „вексель поданъ ко взысканію“, а вслѣдъ затѣмъ, 6-го іюня, въ типографіи былъ произведенъ обыскъ. Въ день обыска приглашенныя въ полицію для дачи объясненій Софья Андреева Иванова и Супинская обратились къ Левшиной, по показанію сей послѣдней, съ просьбой показать: первая—что работавшія въ типографіи женщины занимались перепискою, а не наборомъ, а Супинская—что Мышкинъ уѣхалъ въ Смоленскъ; сверхъ сего Супинская, какъ видно изъ ея показанія, поручила Фетисовой извѣстить Мышкина телеграммою о случившемся, для чего и дала Фетисовой адресъ Мышкина въ Рязани, каковое обстоятельство признано и Фетисовою. 9-го іюня вновь былъ произведенъ обыскъ въ типографіи и всѣ проживавшія въ ней лица были арестованы. При обыскахъ въ типографіи были, между прочимъ, отобраны слѣдующіе предметы: а) рукописная тетрадь на 112 страницахъ въ $^1/_4$ долю листа, подъ заглавіемъ: „Исторія одного изъ многострадальныхъ“ (передѣлка „Исторія одного французскаго крестьянина“); въ означенной рукописи во многихъ мѣстахъ сдѣланы отмѣтки „набрано“, нѣкоторыя мѣста зачеркнуты, а на нѣкоторыхъ страницахъ сдѣлана отмѣтка „надо“, б) девять съ половиною печатныхъ сфальцованныхъ листовъ, составляющихъ экземпляръ книги, по содержанію схожей съ вышеозначенною рукописью; тѣ мѣста и выраженія, которыя въ рукописи зачеркнуты, въ составъ книги не вошли, подчеркнутыя же въ рукописи мѣста напечатаны; в) рукописная тетрадь въ $^1/_4$ долю листа на 118 страницахъ; въ ней каждый листъ разрѣзанъ; на нѣкоторыхъ листахъ написаны карандашемъ имена и фамиліи, какъ-то: Вася, Ваня, Супинской, Фетисову, Левшиной и др.; г) экземпляръ книги, начинающійся словами: „быть можетъ, читатель удивится“. . . , совершенно схожей съ рукописью, означенною подъ лит. в.; д) рукописная тетрадь въ $^1/_4$ долю листа на 55 страницахъ, подъ заглавіемъ „Книга для чтенія рабочимъ“, съ помѣтками: „Левшиной, Некрасову“ и т. д.; е) печатный экземпляръ той же книги. „Для чтенія рабочимъ“, тождественной съ содержаніемъ первыхъ 41 стр. рукописи, означенной подъ лит. д., и ж) пять печатныхъ листовъ, начинающихся словами: „Господа, увлеченіе, сопровождавшее пренія этого процесса“ и т. д. Сочиненіе, начало котораго напечатано на указанныхъ подъ лит. ж пяти листахъ, составляетъ, по заключенію московскаго цензурнаго комитета, переводъ книги Лассаля, „Ferd. Lassalischer Kriminalprozess“, запрещенной въ Россіи. Ефрузина Супинская, признавъ первоначально свое участіе въ печатаніи книгъ революціоннаго содержанія, съ цѣлью распространенія таковыхъ въ народѣ, впослѣдствіи объяснила, что работала въ типографіи единственно изъ-за денегъ; равнымъ образомъ, и Ольга Фетисова, признавъ себя виновною „въ наборѣ запрещенныхъ книгъ“, пояснила, что работала у Мышкина изъ-за денежнаго заработка. Елизавета Ермолаева, не отвергая своего участія въ наборѣ „Исторіи одного французскаго крестьянина“, виновною себя не признала; Ѳедоръ Ѳетисовъ и Софья Андреева Иванова виновными себя также не признали. Находившіеся еще въ типографіи во время обыска отпечатан-

ные листы сочиненій Лассаля, не взятые лицами, производившими обыскъ, были доставлены Скворцовымъ и Аркадакскимъ къ Зарудневой, а отъ нея, какъ видно изъ ея показанія, были тѣми же Скворцовымъ и Аркадакскимъ отправлены въ Калугу. Означенные листы, отправленные 12 іюня въ Калугу на имя Маріи Ѳедоровой Степановой, чрезъ общество страхованія и транспортированія кладей, были задержаны въ Калугѣ и оказались уложенными въ трехъ помѣщеніяхъ въ сундукѣ, ящикѣ и тюкѣ. По предъявленіи вышеупомянутыхъ помѣщеній Зарудневой, она признала ихъ за тѣ самыя, которыя были увезены изъ ея квартиры Скворцовымъ и однимъ изъ братьевъ Аркадакскихъ. Лариса Заруднева признала себя виновною въ брошюровкѣ завѣдомо „запрещенныхъ“ книгъ. Въ промежутокъ времени между первымъ и вторымъ обысками въ типографіи возвратился въ Москву Мышкинъ. Получивъ извѣщеніе о грозившей ему опасности, Мышкинъ какъ видно изъ его показанія, доѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Коломны изъ Подольска, а оттуда отправился въ Москву на лошадяхъ. Въ это же время прибыли въ Москву Войнаральскій и Селивановъ изъ Пензы и Рогачевъ изъ Тамбова. Мышкинъ видѣлся въ Марьиной рощѣ съ Аркадакскими, Скворцовымъ и Фетисовымъ, а также съ Войнаральскимъ, Селивановымъ и Рогачевымъ, какъ это удостовѣрилъ Иванъ Селивановъ. Послѣ вышеозначеннаго свиданія Мышкинъ скрылся изъ Москвы. Войнаральскій, написавъ, по его собственнымъ словамъ, Жилинской въ Пензу письмо о сохраненіи находившихся у нея книгъ, вмѣстѣ съ Рогачевымъ, которому далъ видъ Ареопагитскаго, направился въ Саратовъ; а Селивановъ поѣхалъ въ мѣстечко Смѣлы, Кіевской губерніи, къ товарищу своему Николаю Виноградову, у котораго 13-го августа 1874 года и былъ задержанъ. По обыску въ квартирѣ Виноградова были отобраны письма къ нему Селиванова, въ одномъ изъ которыхъ послѣдній просилъ Виноградова достать ему мѣсто на сахароваренномъ заводѣ, а также написанный на клочкѣ бумаги адресъ: „Тамбовъ, Семену Иванову Ареву, на Дубовой улицѣ, въ собственномъ домѣ; внутри передать Иванову“. Означенный адресъ, по словамъ Селиванова, былъ присланъ ему изъ Саратова Войнаральскимъ. Иванъ Селивановъ виновнымъ себя не призналъ. Вскорѣ послѣ обыска въ типографіи Мышкина, Шевырева уѣхала въ Калугу, куда 16-го іюня отправились также К. Аркадакскій и Наѳанаилъ Скворцовъ, поселившіеся затѣмъ въ деревнѣ Черносвитинѣ подъ ложными фамиліями Нильсена и Петрова, что удостовѣрено свидѣтельскими показаніями и не отвергается Скворцовымъ и Шевыревою, изъ которыхъ послѣдняя, по ея собственнымъ словамъ, выдала даже Скворцова и Аркадакскаго за Нильсена и Петрова жандармскому офицеру, разспрашивавшему ее о проживавшихъ въ Черносвитинѣ личностяхъ. Пробывъ въ Черносвитинѣ недѣли три, Скворцовъ и Аркадакскій вернулись въ Москву, откуда Шевырева, какъ видно изъ ея показанія, вскорѣ затѣмъ получила шифрованное письмо, въ которомъ ее просили справиться, получена ли въ квартирѣ общества „Двигатель“ посылка на имя Степановой; о томъ, кѣмъ было писано означенное письмо, Шевырева отозвалась незнаніемъ, поясняя, что шифръ былъ извѣстенъ какъ Аркадакскимъ, такъ и Скворцову и Малиновскому. Наведя справки и узнавъ, что посылка не получена, Шевырева отвѣтила шифрованнымъ же письмомъ, адресовавъ таковое въ университетъ на имя студента Ивана Соколовскаго.

За полученіемъ сего письма явился Скворцовъ, который, по распоряженію экзекутора университета Боровика, и былъ препровожденъ въ жандармское управленіе вмѣстѣ съ письмомъ на имя Соколовскаго. Въ означенномъ письмѣ, которое Шевырева признала за писанное ею, послѣдняя извѣщала, между прочимъ, что „... теперь стоитъ ужаснѣйшая гроза“ (аресты). „Отъ этой грозы“, писала она, „можно захворать, и если съ Вами это случится, придется, конечно, лечь въ больницу. Постарайтесь увѣдомить въ какую именно, а то вѣдь больныхъ надо посѣщать“. При обыскѣ, произведенномъ 3-го августа 1874 года въ квартирѣ Скворцова, былъ задержанъ Константинъ Аркадакскій, у котораго, между прочимъ, былъ найденъ адресъ Рабиновича (Лемени) и свидѣтельство Александра Малиновскаго. К. Аркадакскій, освобожденный впослѣдствіи изъ-подъ стражи и отданный подъ надзоръ полиціи, скрылся; братъ его Алексѣй также успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія. Задержаніе Скворцова повлекло за собою и арестованіе Шевыревой, у которой, между прочимъ, была найдена книга „Государственность и Анархія“. Скворцовъ и Шевырева виновными себя не признали. 29-го августа, въ то время, когда Скворцовъ содержался подъ стражей, у него были отобраны двѣ шифрованныя записки; одна изъ этихъ записокъ начинается словами: „Сынамъ революціи привѣтъ и братство“, а вторая, очевидно, предназначавшаяся для Шевыревой, слѣдующаго содержанія: „Вотъ уже три недѣли сижу я въ тюрьмѣ и только сегодня мой часовой рѣшился послать помимо жандарма эту писульку. Если еще не поздно и ты получишь ее, бѣги хоть въ преисподнюю, скрывайся. Твое письмо перехвачено, и когда я за нимъ дерзнулъ придти въ университетъ, меня забрали. На допросѣ я только и твердилъ, что я, не я, но... меня посадили, сдѣлавъ обыскъ на квартирѣ, гдѣ попался Костя. Такъ какъ я отперся отъ письма, то они, въ виду тверской исторіи, навѣрное полагаютъ, что ты писала письмо, бѣги!... Носятся слухи, что Мышкинъ арестованъ еще прежде насъ и доведенъ почти до полнаго сознанія, не знаю, не врутъ ли? Вѣрить имъ ни на грошъ нельзя. Это исчадіе ада, вѣроломнѣйшіе изо всѣхъ предателей, которые когда-либо стояли поперекъ дороги Христа. Чтобы не опоздать предупредить тебя, я послалъ Лизѣ письмо, не знаю дошло ли... Не знаю, спасусь ли отъ каторги.... Уѣзжая въ Калугу, Константинъ Аркадакскій, какъ видно изъ показанія дочери коллежскаго совѣтника Татьяны Ивановой Лебедевой, обмѣнялся съ нею адресами; по словамъ Лебедевой, она переписывалась съ Аркадакскимъ, а также получила адресованные на его имя въ университетъ письма и журналы. Татьяна Лебедева посѣщала собранія, происходившія въ квартирѣ Дмитрія Дубенскаго, и знала почти всѣхъ членовъ кружка Алексѣевой; такъ, по показанію свидѣтельницы Вѣры Лебедевой, Татьяна Лебедева была знакома съ Саблинымъ, Исаакомъ Львовымъ, Клеменсомъ, Рогачевымъ и Кравчинскимъ, изъ которыхъ послѣдній велъ даже съ нею переписку, а по словамъ самой Лебедевой, она имѣла сношенія съ Морозовымъ, Алексѣевою, Аркадакскими и др.; въ маѣ мѣсяцѣ, когда члены московскихъ кружковъ пошли въ народъ, Татьяна Лебедева, по ея собственному показанію, поселилась на Моховой, въ нумерахъ Скворцова, и приняла на сохраненіе студенческую библіотеку, членами которой, между прочимъ, были: Кравчинскій, Клеменсъ, Исаакъ Львовъ, Аркадакскіе и

Шиловъ. Кругъ знакомства Татьяны Лебедевой, ея отношенія къ Аркадакскому и принятіе ею къ себѣ на сохраненіе вышеупомянутой библіотеки, уже достаточно указываютъ на принадлежность Лебедевой къ кружку московскихъ агитаторовъ, въ чемъ окончательно убѣждаетъ дальнѣйшій образъ ея дѣйствій. Изъ показанія Войнаральскаго оказывается, что предъ отъѣздомъ своимъ изъ Пензы, въ началѣ іюня, онъ далъ Каменьскому для переписки съ нимъ адресъ Лебедевой и проживавшей вмѣстѣ съ нею въ нумерахъ Скворцова нѣкоей Срубниковой. Затѣмъ, изъ показанія Кротонова видно, что, по просьбѣ Каменьскаго, онъ написалъ шифрованное письмо въ Москву, которое, по удостовѣренію Сабелькина, было послано по адресу, оставленному ему Рогачевымъ. Означенное письмо было получено въ Москвѣ на имя Лебедевой при слѣдующей запискѣ: „Пушкино. Письмо, которое я Вамъ посылаю, я получилъ дня три тому назадъ изъ Пензы. Посылаю его, потому что самъ ничего не понимаю и, слѣдовательно, ничего не могу по немъ сдѣлать". По разборѣ шифра, которымъ было писано письмо, оно оказалось такого содержанія: „Передайте знакомымъ, чтобы никто не писалъ на имя Каменьскаго, Жилинскаго и Ланковскаго; намъ тоже немного не здоровится. На имя Каменьскаго напишите письмо или два самаго невиннѣйшаго свойства и помяните здѣсь, что адресъ свой пришлете, когда будетъ нужно; на конвертѣ сдѣлайте надпись: „весьма нужное". Независимо отъ сего. на имя Лебедевой было получено еще и другое шифрованное письмо, а адресъ ея, написанный шифромъ, былъ найденъ въ Саратовѣ, у Софинскаго. Держа, такимъ образомъ, у себя агентуру, Татьяна Лебедева, въ свою очередь, вела свою переписку чрезъ посредство другихъ лицъ; такъ, изъ показанія Вѣры Лебедевой видно, что Татьяна Лебедева сообщила ей однажды, что дала ея адресъ нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ и Аркадакскимъ. 9-го іюля, по словамъ Вѣры Лебедевой, она получила телеграмму о томъ, что на нумера Скворцова подано ко взысканію; означенную телеграмму, подписанную, насколько ей помнится, фамиліей Шахова, она показала Татьянѣ Лебедевой, которая тотчасъ же разорвала какія-то два письма. Вышеприведенная телеграмма заключала въ себѣ, очевидно, предупрежденіе о предстоящемъ обыскѣ, который дѣйствительно и былъ произведенъ у Татьяны Лебедевой на другой день послѣ полученія телеграммы, т. е. 10-го іюля. Татьяна Лебедева виновною себя не признала. Послѣ задержанія Лебедевой на ея имя было получено письмо, отправленное, судя по почтовому штемпелю, 15 іюля изъ Полангена, въ каковомъ письмѣ нѣкто, подписавшійся „Cousin", извѣщалъ Татьяну Лебедеву о благополучномъ переходѣ черезъ границу; этотъ „Cousin" оказался Мышкинымъ, какъ это видно изъ его показанія. Мышкинъ, пробывъ нѣкоторое время за границей, вернулся въ Россію и въ іюлѣ 1875 года былъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 12-го іюля 1875 года, къ и. д. вилюйскаго окружнаго исправника, сотнику Жиркову, явилась личность въ мундирѣ жандармскаго офицера, назвалась поручикомъ корпуса жандармовъ Мещериновымъ и предъявила Жиркову телеграмму генералъ-губернатора Восточной Сибири иркутскому жандармскому управленію объ оказаніи вилюйскимъ исправникомъ содѣйствія поручику Мещеринову при переводѣ государственнаго преступника Чернышевскаго изъ Вилюйска въ Благовѣщенскъ, сообщеніе иркутскаго жандармскаго управленія на имя

вилюйскаго исправника также объ оказаніи содѣйствія Мещеринову и предписаніе того же управленія на имя унтеръ-офицера корпуса жандармовъ Фомина такого же содержанія. На основаніи поименованныхъ документовъ назвавшійся поручикомъ Мещериновымъ хотѣлъ произвести обыскъ у Чернышевскаго и увезти послѣдняго въ Благовѣщенскъ, но не былъ къ этому допущенъ Жирковымъ, усомнившимся какъ въ личности Мещеринова, такъ и въ дѣйствительности возложеннаго будто бы на него порученія, а когда затѣмъ Мещериновъ изъявилъ желаніе отправиться въ Якутскъ, то Жирковъ приказалъ двумъ казакамъ, Семену Бубякину и Михаилу Маршинцеву, конвоировать Мещеринова до Якутска. На 8 станціи отъ Вилюйска къ нимъ присоединился ѣхавшій также въ Якутскъ мѣщанинъ Егоръ Чудановъ. Дорогой, когда всѣ означенныя лица ѣхали верхомъ и Бубякинъ находился впереди всѣхъ, Мещериновъ выстрѣлилъ въ него два раза изъ револьвера, при чемъ ранилъ его въ бедро, потомъ обернувшись, выстрѣлилъ въ Чуданова, у котораго пуля просвистѣла мимо лѣваго уха, и въ Маршинцева, послѣ чего бросился въ лѣсъ, въ которомъ и скрылся, но чрезъ нѣсколько дней былъ задержанъ Якутами. Выдававшій себя за поручика Мещеринова на первомъ допросѣ назвался сыномъ священника Титовымъ, воспитывавшимся въ Вологодской семинаріи, но затѣмъ, когда по наведенной справкѣ оказалось, что Титова въ Вологодской семинаріи никогда не было, призналъ, что онъ—Ипполитъ Мышкинъ и что цѣлью его поѣздки въ Вилюйскъ было освобожденіе Чернышевскаго. При задержаніи Мышкина у него были отобраны стклянки съ жидкостями, оказавшимися, по заключенію иркутской врачебной управы, хлороформомъ и уксуснокислымъ морфіемъ. Содержась подъ стражей въ Иркутскѣ, Мышкинъ написалъ на имя своего брата письмо, въ которомъ, извѣщая о своемъ арестѣ пояснилъ, что зналъ, „на что шелъ“ и что „ждетъ его впереди“. Мышкинъ призналъ себя виновнымъ въ печатаніи книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и въ распространеніи таковыхъ, а также призналъ, что имѣлъ намѣреніе освободить Чернышевскаго, что для этой цѣли имъ были составлены подложные документы, съ которыми онъ явился къ вилюйскому исправнику, и не отвергая того, что стрѣлялъ въ лицъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Якутскъ, объяснилъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ дѣйствовалъ безсознательно. Войнаральскій и Рогачевъ изъ Москвы, какъ сказано выше, отправились, по удостовѣренію Ивана Селиванова, въ Саратовъ, а изъ показанія Войнаральскаго видно, что онъ, послѣ выѣзда изъ Москвы, былъ въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и съ личностью, называвшею себя Николаемъ Ивановымъ. Рогачевъ, какъ изложено выше, послѣ закрытія мастерской Пелькопена въ Саратовѣ получилъ отъ Фаресова адресъ нѣкоего Никифорова въ Тамбовѣ. Означенный мѣщанинъ, Николай Степановъ Никифоровъ, учитель сельской школы въ селѣ Большомъ-Липовцѣ, въ показаніи, данномъ при дознаніи, объяснилъ, что онъ уже давно былъ знакомъ съ исключеннымъ изъ Тамбовской гимназіи Анатоліемъ Фаресовымъ, который въ разговорахъ съ нимъ высказывалъ неудовольствіе на существующій порядокъ вещей и отрицалъ право личной собственности, что доказывалъ и на дѣлѣ тѣмъ, что безъ стѣсненія бралъ чужое платье, и, занимая у Никифорова деньги, не признавалъ нужнымъ возвращать таковыя, а напоминанія о долгѣ находилъ странными. Въ октябрѣ 1873 года Фаресовъ посѣтилъ

его, Никифорова, въ селѣ Большомъ Липовцѣ, при чемъ расхваливалъ мѣстности около Брянска и Приволжье, куда и намѣренъ былъ отправиться съ цѣлью сближенія съ бурлаками, при чемъ, говоря о Брянскѣ, Фаресовъ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ какому-то мировому судьѣ, не называя его фамиліи; уѣзжая изъ Липовца, Фаресовъ сказалъ, что къ Никифорову явится лицо подъ фамиліей „Выпеславца изъ Тулы“, котораго и просилъ помѣстить въ оружейную мастерскую тамбовскаго мѣщанина Семена Иванова Арева и передалъ Никифорову для переписки съ нимъ адресъ: „въ гор. Брянскъ, Михаилу Михайловичу Попову, на почтѣ, до востребованія“; на внутреннемъ же конвертѣ надлежало написать: „Войнаральскій“ или буквы „П. Р.“, по каковому адресу онъ, Никифоровъ, и написалъ Фаресову письмо. На предварительномъ слѣдствіи Никифоровъ измѣнилъ свое показаніе, заявивъ, что никакого адреса Фаресовъ ему не передавалъ, и затѣмъ объяснилъ, что въ началѣ іюня 1874 года къ нему явился неизвѣстный человѣкъ, назвавшій себя Дмитріемъ Михайловымъ Вольскимъ, знакомымъ Фаресова, отъ котораго привезъ и записку. Вольскій, имѣвшій при себѣ паспортъ на имя студента Сергѣя Николаева Иванова, объяснилъ Никифорову, какъ видно изъ его показанія, что слышалъ отъ Фаресова объ устраиваемой въ Тамбовѣ артельной мастерской, чему онъ и его знакомые, располагающіе значительными средствами, очень сочувствуютъ. Но и это показаніе Никифоровъ измѣнилъ впослѣдствіи, утверждая, что съ Вольскимъ онъ познакомился безъ всякаго участія Фаресова. По словамъ Никифорова, Вольскій тоже просилъ его помѣстить Выпеславцова въ мастерскую Арева и передалъ Никифорову шифръ, по формулѣ „ли“, какъ объяснилъ Никифоровъ при дознаніи, а также нѣсколько адресовъ; эти адресы, какъ можно заключить изъ показанія Никифорова, были слѣдующіе: а) „въ Брянскъ, до востребованія“ съ буквами П. и П.; б) „Въ Московскій университетъ, студенту Плимуту“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войнаральскій“ или „Аркадакскій“, и в) „въ Москву, на Арбатъ, въ прачешную Зензинову“, на внутреннемъ конвертѣ—„Войнаральскій“, или „Аркадакскій“. Фамилія Плимута, равно какъ и фамилія князя Шершивадзе были вымышленныя и были придуманы Войнаральскимъ и Рогачевымъ для сношеній съ своими московскими единомышленниками; изъ дѣла видно, что однажды за полученіемъ письма на имя князя Шершивадзе явился въ университетъ Аркадакскій, котораго по этому случаю хотѣли задержать, но онъ успѣлъ скрыться; адресъ Зензинова былъ найденъ у Константина Аркадакскаго при задержаніи его въ квартирѣ Скворцова, вмѣстѣ съ адресомъ Лемени, т. е. Рабиновича. Изъ показаній студентовъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института, Фирсова и Прозоровскаго, а также студента Харьковскаго университета Кульчицкаго, проживавшихъ лѣтомъ 1874 года въ гор. Тамбовѣ, видно, что Никифоровъ познакомилъ съ ними Вольскаго, съ которымъ приходилъ на квартиры Кульчицкаго и Прозоровскаго, при чемъ у Кульчицкаго Вольскій разспрашивалъ Фирсова о томъ, какъ относятся харьковскіе студенты къ дѣлу „народной пропаганды“, и разсказывалъ, что молодежь оставляетъ школьныя скамьи и идетъ въ народъ пропагандировать соціально-революціонныя идеи. Никифоровъ познакомилъ Вольскаго и съ Аревымъ, у котораго Вольскій и ночевалъ. На другой день утромъ Вольскій разспрашивалъ Арева, по сло-

вамъ послѣдняго, о томъ, какъ идутъ въ Тамбовѣ артели, а когда пришелъ Никифоровъ, то Вольскій сообщалъ ему о своемъ отъѣздѣ и спросилъ, на чье имя можно присылать ему письма; получивъ отъ Никифорова отвѣтъ, что письма могутъ быть присылаемы на имя Арева, онъ записалъ адресъ послѣдняго; при этомъ, по показанію Арева, Никифоровъ просилъ его въ случаѣ, если будутъ присланы „цифирныя“, по выраженію Арева, письма, то передавать таковыя ему, а Вольскій спрашивалъ, при какихъ условіяхъ можно поступить въ мастерскую Арева, и обѣщалъ прислать какого-то человѣка. Послѣ отъѣзда Вольскаго изъ Тамбова Никифоровъ писалъ ему, по его собственнымъ словамъ, письмо въ Москву на имя Плимута, а также на имя Зензинова, какъ онъ объяснилъ при дознаніи, и просилъ о присылкѣ 15 р. сер., въ отвѣтъ на что получилъ писанное шифромъ письмо, въ которомъ Вольскій извѣщалъ, что скоро самъ пріѣдетъ въ Тамбовъ. Вскорѣ затѣмъ, по показанію Никифорова, Вольскій дѣйствительно пріѣхалъ съ какимъ-то товарищемъ, назвавшимся Ивановымъ, и привезъ съ собою книги, изъ которыхъ передалъ Никифорову: 7 экземпляровъ „Исторіи одного французскаго крестьянина“, 5 экз. „Пѣсенника“ и 5 экз. „Сказки о четырехъ братьяхъ“. У Вольскаго въ этотъ разъ, по словамъ Никифорова, былъ паспортъ какого-то семинариста. По удостовѣренію Арева, во второй половинѣ іюня Никифировъ былъ у него съ Вольскимъ, товарищемъ послѣдняго—Ивановымъ, мастеромъ изъ Тулы и еще третьимъ лицомъ, также называвшимъ себя Ивановымъ, при чемъ у Никифорова былъ узелочекъ съ книгами. Изъ сопоставленія обстоятельствъ дѣла нельзя не придти къ убѣжденію, что Вольскій-Ивановъ былъ Рогачевъ, а Ивановъ, мастеръ изъ Тулы—Войнаральскій. Такъ, пріѣздъ Вольскаго въ Тамбовъ въ началѣ іюня съ запиской отъ Фаресова совпадаетъ со временемъ отъѣзда Рогачева изъ Саратова, при чемъ, какъ сказано выше, ему былъ данъ Фаресовымъ адресъ Никифорова въ Тамбовѣ. Отъѣздъ Вольскаго изъ Тамбова въ Москву и пребываніе его въ послѣднемъ городѣ совпадаетъ со временемъ появленія въ Москвѣ Рогачева; адресы, оставленные Вольскимъ Никифорову указываютъ на сношенія Вольскаго съ Войнаральскимъ, и, наконецъ, вторичный пріѣздъ Вольскаго съ Ивановымъ въ Тамбовъ вполнѣ совпадаетъ со временемъ отъѣзда изъ Москвы Рогачева и Войнаральскаго, при чемъ въ это время у Рогачева, согласно съ показаніемъ Никифорова, былъ видъ семинариста Ареопагитскаго, переданный ему, какъ изложено выше, въ Москвѣ Войнаральскимъ. Выводъ, къ которому приводятъ вышеуказанныя обстоятельства дѣла, находитъ себѣ подтвержденіе и въ показаніи Войнаральскаго, признавшаго свое пребываніе въ Тамбовѣ съ Рогачевымъ и Николаемъ Ивановымъ. Что же касается его послѣдняго, о появленіи котораго въ Тамбовѣ свидѣтельствуетъ также Аревъ, то есть основаніе полагать, что этотъ третій Ивановъ былъ Николай Паевскій, называвшій себя Николаемъ Ивановымъ и занимавшійся пропагандой въ Саратовѣ вмѣстѣ съ Войнаральскимъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Тамбова трехъ Ивановыхъ, Аревъ, какъ видно изъ его показанія, получилъ и передалъ Никифорову два шифрованныя письма; Никифировъ же, по удостовѣренію Кульчицкаго и Прохоровскаго, передалъ первому: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ и „Исторію одного французскаго крестьянина“,

а послѣднему—тѣ же книги въ нѣсколькихъ экземплярахъ. 10-го іюля, по показанію Никифорова, къ нему явился давно ожидаемый Вышеславцевъ и просилъ его зайти вечеромъ къ Ареву, куда и самъ хотѣлъ придти, чего, однако, не исполнилъ, а на другой день Никифоровъ былъ арестованъ. Кто былъ Вышеславцевъ, осталось неразъясненнымъ. Адресъ Никифорова и Арева съ паролемъ: „Вышеславцевъ изъ Тулы“ былъ найденъ у Рѣчицкаго-Логинова, агитировавшаго въ Николаевскѣ, Самарской губерніи, а также у Войнаральскаго, Селиванова, Миллера въ Пензѣ и Софинскаго въ Саратовѣ. Никифоровъ не призналъ себя виновнымъ ни въ принадлежности къ тайному сообществу, ни въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Прозоровскій, получивъ отъ Никифорова упомянутыя выше книги, передалъ часть таковыхъ для чтенія дочери мѣщанки, Дарьѣ Ѳедоровой Воронцовой и студенту Московскаго университета Александру Иванову Спиридонову, что подтверждается показаніемъ сихъ лицъ. При обыскѣ у Прозоровскаго было отобрано: два экземпляра „Сказки о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“ и нѣсколько листковъ отъ означеннаго сборника, а также „Исторія одного французскаго крестьянина“. Прозоровскій, не признавая себя ни въ чемъ виновнымъ, объяснилъ, что передалъ книги Воронцовой и Спиридонову не для чтенія, а лишь для сохраненія таковыхъ; но такое объясненіе Прозоровскаго вполнѣ опровергается показаніями Вороновой и Спиридонова. Кромѣ Никифорова и Прозоровскаго въ Тамбовской губерніи распространеніемъ книгъ революціоннаго содержанія занимался еще и тамбовскій мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ Стопане, проживавшій въ качествѣ домашняго учителя у помѣщика Япова, въ Усманскомъ уѣздѣ. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Стопане давалъ читать «Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ», «Исторію одного французскаго крестьянина» и «Сказку о четырехъ братьяхъ» коллежскому регистратору Михаилу Логвинову и самъ читалъ таковыя книги прислугѣ Япова — лакею Ѳедору Яковлеву и горничной Дарьѣ Жиряковой. Стопане, не отвергая вышеизложеннаго, тѣмъ не менѣе не призналъ себя виновнымъ, но въ поданномъ впослѣдствіи на имя производившаго слѣдствіе члена московской судебной палаты Крахта заявленіи Стопане объяснилъ, что у него было желаніе вести революціонную пропаганду, такъ какъ онъ убѣдился въ необходимости пробужденія въ крестьянахъ сознанія ихъ силы и значенія въ государствѣ. Объяснить же, отъ кого имъ были получены книги, Стопане отказался. Изъ дѣла видно, что Стопане, не окончившій курса въ тамбовской гимназіи, былъ знакомъ съ Кульчицкимъ, Прозоровскимъ и Спиридоновымъ. Изъ Тамбова Войнаральскій, Рогачевъ и Паевскій направились въ Саратовъ, гдѣ еще ранѣе, въ концѣ мая или началѣ іюня, Паевскій и Рогачевъ, подъ фамиліею Куликова, какъ это видно изъ показанія свидѣтеля, не окончившаго курса семинаріи Третьякова, вошли въ сношенія съ воспитанниками мѣстной семинаріи, при чемъ Паевскій, какъ уже сказано, принималъ участіе въ сокрытіи находившихся въ мастерской Пелькопена революціонныхъ книгъ. Въ этотъ пріѣздъ свой Войнаральскій, по его собственнымъ словамъ, имѣлъ сношенія съ Рогачевымъ, Ивановымъ (Паевскимъ) и Коваликомъ, видѣлся съ семинаристами, съ которыми и ѣздилъ на островъ около Саратова, при чемъ былъ и Коваликъ, а съ означеннаго острова

отправился въ Покровскую слободу. Такое показаніе Войнаральскаго находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніи Третьякова; по удостовѣренію послѣдняго, въ квартиру семинариста Гераклитова, гдѣ жилъ онъ, Третьяковъ, и собирались семинаристы, нѣсколько разъ приходили Ивановъ (Паевскій), Куликовъ (Рогачевъ) и Лукашевичъ (Коваликъ), а также одинъ разъ Войнаральскій, которые постоянно проводили мысль о необходимости пропагандировать народу объ уничтоженіи правительства; на сходкѣ же, происходившей на островѣ, въ которой принимали участіе Войнаральскій и Лукашевичъ, уѣхавшіе затѣмъ въ Покровскую слободу, рѣчь шла о необходимости принести пользу народу, и пѣлись пѣсни изъ революціоннаго пѣсенника; на этой же сходкѣ Коваликъ, по словамъ Третьякова, говорилъ, что лучше убить того мальчика, который на нихъ доказывалъ. Мальчикъ, о которомъ говорилъ Коваликъ, былъ, безъ сомнѣнія, Андрей Кулябко, показанія котораго о происходившемъ въ мастерской Пельконена въ значительной степени содѣйствовали открытію преступной дѣятельности ея обитателей. Въ это же время Войнаральскій и его товарищи устроили въ Саратовѣ агентуру у состоявшаго подъ надзоромъ полиціи Григорія Алексѣева Софинскаго, а вскорѣ затѣмъ была устроена агентура и у воспитывавшагося въ Саратовской гимназіи оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, также состоящаго подъ надзоромъ полиціи, доказательствами чего служатъ: а) Шифрованное письмо Войнаральскаго на имя Шершивадзе изъ Самары, отъ 25-го іюня, въ которомъ Войнаральскій, между прочимъ, писалъ: „.... въ книгахъ недостатокъ, пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передали къ Софинскому, Большая Сергіевская улица, домъ Ржевкина, сказавъ „Вышеславцевъ-бунтъ“, отсюда возьметъ и Самара...“ б) Шифрованное письмо Паевскаго отъ 8-го іюля, на имя Николая Судзиловскаго Ковалику, въ коемъ Паевскій писалъ: „... дѣла въ Саратовѣ очень хороши .... Агенты: Мейеръ (адресъ: Константиновская улица домъ Яковлева, противъ табачной фабрики, къ Мейеру), Софинскій (на Сергѣевской улицѣ, противъ церкви св. Сергія, домъ Ржевкина)...“ в) Записная книжка Рѣчицкаго-Логинова, въ которой въ числѣ другихъ адресовъ былъ записанъ и слѣдующій: „Саратовъ, Григорій Алексѣевичъ Софинскій. Пароль: „Вышеславцевъ-бунтъ“. г) Такой же адресъ, найденный у Миллера въ Пензѣ. д) Шифрованное письмо Войнаральскаго отъ 21-го іюля, на имя Шершивадзе, въ коемъ имѣется слѣдующее указаніе: „...Въ Саратовѣ же новое бюро: Владиміръ Яковлевичъ Мейеръ, спросить о немъ у доктора Сигриста, на Константиновской улицѣ, д. Яковлевой“. е) Шифрованное письмо Рогачева на имя Шершивадзе, полученное въ Москвѣ 19-го іюля, въ которомъ Рогачевъ писалъ: „...Саратовскія дѣла идутъ хорошо... агентура у нѣкоего Мейера“. ж) Найденные у Софинскаго адресы: Нины Ивановой Сергѣевой (Артамонова), Ободовской, князя Шершивадзе, Татьяны Лебедевой, Никифорова (на Арева) и Жилинской—и з) Шифрованныя записки Войнаральскаго, въ которыхъ оказались записанными фамиліи Софинскаго и Мейера. Независимо отъ сего, свидѣтель Третьяковъ удостовѣрилъ, что послѣ отъѣзда Войнаральскаго, Паевскаго и Ковалика, Рогачевъ предложилъ ему брать у адвоката Борщова письма и приносить таковыя къ Мейеру, котораго онъ при этомъ увидѣлъ въ первый разъ. Войнаральскій,

уѣзжая въ Самару, обмѣнялся, по его собственному показанію, съ оставшимися въ Саратовѣ дѣятелями адресами для веденія переписки, пропагандируя въ Самарѣ, какъ это будетъ изложено ниже, Войнаральскій не переставалъ слѣдить за ходомъ дѣла въ Саратовѣ, гдѣ его единомышленники продолжали свою преступную дѣятельность, достаточное понятіе о которой даютъ письма Рогачева на имя Шершивадзе и Паевскаго къ Ковалику. Рогачевъ въ своемъ письмѣ извѣщалъ, что „дѣла въ Саратовѣ идутъ хорошо; семинаристы отправились на работу, заведены сношенія съ рабочими, пріобрѣтены четыре личности изъ бывшихъ сосланныхъ, съ сельскими учителями сношенія есть"; къ вышеизложенному Рогачевъ присовокуплялъ: „большое требованіе на народныя книги". Паевскій писалъ Ковалику: „Лукашевичъ, дѣла въ Саратовѣ очень хороши. Мѣстныя туземныя силы соединяются въ организацію... Семинаристы (признаться, народъ не больно серьезный), сельскіе учителя и гимназисты вошли въ одинъ кружокъ (разъѣхались) и оставили при агентурѣ своего представителя. Есть нѣсколько ночлеговъ и одинъ притонъ въ горахъ на Большегорной улицѣ, № 154, въ нижнемъ этажѣ, спросить г-жу Цвѣткову, подробные адресы у Мейера. Пароль „Бунтъ и Самозванецъ". Организація страдаетъ недостаткомъ денегъ и не имѣетъ вовсе сношеній съ городскими рабочими. О нашемъ дѣлѣ ходятъ самые разпорѣчивые слухи. Арестантовъ отправили въ Москву около половины іюня (ихъ 17 человѣкъ), конвой по два человѣка на душу (т. е. 34), съ экстреннымъ поѣздомъ. Носятся слухи: настоящія имена открыты, особенной важности дѣлу не придаютъ, говорятъ, главные виновники скрылись." Притонъ въ домѣ № 154, по Большегорной улицѣ, содержалъ сельскій учитель Павелъ Ефимовъ Князевскій, поселившійся въ квартирѣ Цвѣтковой въ концѣ іюня или началѣ іюля, и остававшійся одинъ во время поѣздки Цвѣтковой въ Ставрополь въ числившейся за нею квартирѣ. Князевскій, какъ видно изъ его собственнаго показанія, былъ знакомъ съ Мейеромъ, съ которымъ посѣщалъ мѣщанина Василія Меркулова; по удостовѣренію послѣдняго, Князевскій однажды въ разговорѣ съ нимъ о народномъ образованіи выразилъ неудовольствіе на правительственную опеку, а затѣмъ повелъ рѣчь о бѣдности мужиковъ и претерпѣваемыхъ ими обидахъ, при чемъ сказалъ, что скоро начнутъ „колобродить". На вопросъ Меркулова, что будетъ потомъ? Князевскій отвѣтилъ: „это правительство долой, установится другое", а на замѣчаніе Меркулова, что все пойдетъ опять постарому, Князевскій возразилъ: „нѣтъ! управлять будутъ ученые". Вышеприведенный разговоръ, по словамъ Меркулова, происходилъ въ присутствіи пришедшихъ къ нему вмѣстѣ съ Князевскимъ коллежскаго регистратора Прокопія Василискова Григорьева и нѣкоего Острогадецкаго, о которомъ Князевскій въ своемъ показаніи объяснилъ, что это былъ воспитанникъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ. Окончивъ упомянутый разговоръ, Князевскій какъ видно изъ показанія Меркулова, спросилъ послѣдняго, не возьмется ли онъ переплесть книги? Изъ разговора Меркуловъ понялъ, что рѣчь шла собственно о брошюровкѣ и изъявилъ согласіе исполнить предложенную работу съ платою трехъ копѣекъ за книгу, при чемъ Князевскій объяснилъ Меркулову, что книги можно продавать, но только секретно, и обѣщалъ прислать книги на дняхъ. На другой или на третій

день пришелъ Мейеръ и принесъ 10 экземпляровъ рѣчи Лассаля къ рабочимъ и при этомъ далъ Князевскому для чтенія какое-то сочиненіе Маркса, а вскорѣ затѣмъ явился Князевскій и сказалъ, что принесетъ книги съ тѣмъ, чтобъ онѣ полежали у Меркулова подъ предлогомъ переплета таковыхъ и разспрашивалъ Меркулова о томъ, что онъ скажетъ въ случаѣ, если у него найдутъ эти книги, послѣ чего и принесъ двѣ довольно большія пачки книгъ; названій означенныхъ книгъ Меркуловъ при слѣдствіи не могъ припомнить, но при дознаніи объяснилъ, что книги были слѣдующія: „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“, 6 экземпляровъ, „Анархія по Прудону“, 7 экземпляровъ, „Государственность и Анархія“, 5 экземпляровъ, „Историческое развитіе интернаціонала“, 4 экземпляра, „Исторія одного французскаго крестьянина“, 2 экземпляра, „Отщепенцы“, 1 экземпляръ. „Книга для чтенія рабочимъ“, 6 экземпляровъ, и „Гражданская война“, 1 экземпляръ. Меркуловъ, отобравъ по экземпляру переданныхъ ему книгъ, представилъ таковыя мѣстному жандармскому начальнику, остальныя же книги были у него взяты обратно Князевскимъ, который при этомъ объяснилъ, что таковыя будутъ отправлены вверхъ по Волгѣ. На основаніи вышеизложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что Софинскій, Мейеръ и Князевскій принадлежали къ тѣмъ мѣстнымъ силамъ, которыя, по выраженію Паевскаго, соединились въ организацію съ цѣлью веденія революціонной пропаганды. Григорьевъ скрылся, а Софинскій, Мейеръ и Князевскій виновными себя не признали. Саратовскія „мѣстныя силы“, подобно революціоннымъ дѣятелямъ другихъ мѣстностей, не останавливались предъ совершеніемъ преступленій, наглядным доказательствомъ чего служитъ показаніе Третьякова. уже изложенное выше, а также письмо Паевскаго къ Ковалику. Въ письмѣ своемъ Паевскій, между прочимъ, сообщалъ Ковалику слѣдующее: „Григорьевъ предлагаетъ отнять деньги у барыни, покупающей хуторъ, для этого нужно, по крайней мѣрѣ, три человѣка, вооруженные револьверами (барыня тоже вооружена). Васъ (Лукашевичъ) она знаетъ, кучеръ ея тоже, въ лицо. Прибавляю, — мѣсто для дѣйствій неудобно. Драма должна происходить около 15 сего мѣсяца. Отвѣтъ должны дать немедленно, согласны или нѣтъ. Нынѣ веду агитацію въ Покровской слободѣ и въ городѣ между народными учителями и скоро уѣзжаю на Тамбовъ, въ Москву, Кіевскую и Черниговскую губерніи, ожидаю денегъ изъ Пензы. Вышлю ихъ Войнаральскому, Рогачеву, вамъ. Здѣсь образуется общество поддѣлки ассигнацій съ революціонною цѣлью (личной цѣли для нихъ не существуетъ): 1) снабдить партію деньгами; 2) произвести финансовый кризисъ, когда надо. Я отношусь къ этому направленію вполнѣ сочувственно и самъ его поддерживаю, но высказалъ, что въ программу партіи оно входить не можетъ и должно вестись отдѣльно—связь можетъ быть только тайная. . . Рогачевъ пошелъ внизъ (по Волгѣ) бурлакомъ. просилъ быть въ Харьковѣ (я или вы) и обдѣлать тамъ дѣло въ 200.000 р. с., владѣтели ихъ устраиваютъ ассоціацію; свѣдѣнія объ этомъ можно получить у меня или въ Тамбовѣ (чрезъ Саратовъ) Н. Ив. чрезъ недѣлю, пишите въ Черниговъ“. Паевскій скрылся, а Рогачевъ, отправившійся внизъ по Волгѣ въ качествѣ бурлака, остался неразысканнымъ до 14-го августа 1876 года, когда онъ былъ задержанъ въ По-

тербургѣ, въ квартирѣ освобожденной изъ-подъ стражи Клеопатры Блавдзевичъ, при обыскѣ, произведенномъ у послѣдней по вновь возникшему дѣлу. При задержаніи Рогачева онъ назвался сыномъ театрмейстера, Иваномъ Звонниковымъ, видъ на жительство котораго и былъ у него найденъ вмѣстѣ съ подложнымъ аттестатомъ, выданнымъ будто бы Звонникову нѣкоимъ Шишко, содержащимъ въ Пензѣ складъ паровыхъ машинъ и т. п. Какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи Рогачевъ продолжалъ именоваться Звонниковымъ и лишь въ виду показаній нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ и Низовкина, удостовѣрившихъ его личность, призналъ, что онъ дѣйствительно Рогачевъ, а также призналъ себя виновнымъ въ распространеніи запрещенныхъ книгъ, но отказался дать объясненія по существу дѣла. Кромѣ Рогачева, въ квартирѣ Клеопатры Блавдзевичъ, проглотившей во время обыска какую-то бумагу, была также задержана Анна Тушинская. Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, изъ числа петербургскихъ агитаторовъ посѣтили Саратовъ Рабиновичъ и Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ. Рабиновичъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, вслѣдствіе разсказовъ вернувшейся изъ Пензы Евгеніи Судзиловской о плодотворности революціонной дѣятельности на Волгѣ, отправился въ августѣ въ Саратовъ съ цѣлью пристать къ Войнаральскому; въ Москвѣ онъ встрѣтилъ Паевскаго, который сообщилъ ему, что Войнаральскій арестованъ, но тѣмъ не менѣе далъ ему рекомендательныя письма къ Мейеру и Софинскому, сказавъ, что въ Саратовѣ можно кое-что сдѣлать; по пріѣздѣ своемъ въ Саратовъ Рабиновичъ узналъ, что Мейеръ и Софинскій арестованы, а потому, пробывъ одинъ день въ Саратовѣ, подъ фамиліей Александрова, возвратился въ Петербургъ, откуда въ началѣ сентября, вслѣдствіе арестованія Судзиловской и Артамонова, уѣхалъ за границу, а по возвращеніи своемъ былъ задержанъ въ мартѣ 1875 года на станціи желѣзной дороги въ гор. Харьковѣ, при чемъ у него былъ отобранъ паспортъ на имя Роберта Дидерихса. Рабиновичъ далъ весьма подробное показаніе, въ которомъ призналъ какъ свою принадлежность къ сообществу, такъ и распространеніе имъ книгъ революціоннаго содержанія. Еще ранѣе Рабиновича, а именно 17-го іюня, появилась въ Саратовѣ изъ Рыбинска Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, которая тотчасъ послѣ своего пріѣзда отправилась въ мастерскую Пельконена, о закрытіи которой она еще не знала, гдѣ и была задержана. При обыскѣ у Лешернъ, одѣтой въ крестьянское платье и назвавшейся крестьянкою Лешевою, было, между прочимъ, найдено: 3 экз. „Исторіи французскаго крестьянина“, 4 экземпляра „Сказки о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, фальшивый паспортъ на имя крестьянки Варвары Лешевой, выданный будто бы изъ Баскаковскаго волостного правленія, пять листовъ гербовой бумаги 70 копѣечнаго достоинства съ приложенными къ нимъ печатями Баскаковскаго волостного правленія, свидѣтельство отъ предводителя дворянства Новгородской губерніи на имя дочери генералъ-маіора Софіи Александровой Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, адресъ села Степановки, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, адресъ Воронцова у Самсоніевскаго моста, по Невкѣ, домъ № 14 (сверху написано 13), квартира Емельянова, записка: „Лукашевичъ! Съ подателемъ сей записки можете говорить. Онъ пріятель Бух.....

и можетъ быть полезнымъ чѣмъ. Н. И. Паевскій"; конвертъ съ адресомъ: „въ Самару, Дворянская улица, домъ Прагера, спросить у Елизаветы Петровой Араповой о мѣстонахожденіи Льва Сергѣевича Городецкаго, или Чернышева, или Никитина". Въ означенномъ конвертѣ оказалось письмо слѣдующаго содержанія: „Рекомендую вамъ, братцы, одну барыню, Лешернъ, это та, о которой я писалъ къ Чернышеву отъ имени Буха. Она изъ компаніи Рабиновича, человѣка, съ нами вполнѣ солидарнаго, какъ оказывается въ послѣднее время. Окажите ей всевозможное пособіе, насколько можете. Н. Поповъ. Она передастъ кому-нибудь изъ васъ небольшую записочку отъ Паевскаго, которою пусть воспользуются желающіе быть въ Николаевскѣ"; письмо въ Самару на имя Филадельфова, въ которомъ нѣкто Богдановичъ просилъ Филадельфова оказать Лешернъ всякое содѣйствіе и помощь и, наконецъ, клочокъ бумаги съ замѣткой: „въ духовную семинарію, спросить или Петра Ломоносова, или Фаресова" и т. д. Во время содержанія Лешернъ подъ стражею въ Саратовскомъ тюремномъ замкѣ, смотритель послѣдняго представилъ прокурорскому надзору отобранный имъ у арестанта Салтунова конвертъ съ адресомъ: „въ Рыбинскъ, Дмитрію Андреевичу Бородулину". По вскрытіи означеннаго конверта въ немъ оказались четыре записки, писанныя Лешернъ, слѣдующаго содержанія: а) „Митрей! Варя-то Александрова, вмѣсто свободной волюшки, да попала въ клѣтку, гдѣ только и дѣло, что ходить ровно маятникъ, а либо сидѣть какъ кукла, а думу думати. Вотъ и отписала, только поздненько, 10 руб. побереги; вѣдь, шубенка-то еще понадобится, Варя"; б) Григорій Егоровичъ! То, что не здѣсь сулила, то все разорено нонѣ, и я туда же въ ловушку подосѣла. Учись у себя и вспоминай твою спутницу Варю"; в) „Дмитр., замѣните первыя слова, что я вамъ дала выучить слѣдующими словами (читайте ихъ по шр.), но только не стѣсняйте ихъ нескромностью (далѣе слѣдуютъ написанныя шифромъ слова, при чемъ въ двухъ словахъ начальныя буквы написаны не шифромъ, а именно г и ж, слова взяты изъ непристойнаго шифра Ковалика), теперь остальныя слова тѣ же, что я вамъ дала, понимаете! Ну, теперь читайте большую записку и потомъ передайте ее Р. Если можете, съѣздите лучше сами въ П—ръ, не равно и тамъ, что не ладно, переполохъ великій. Осторожно идите на квартиру, ибо знаютъ здѣсь, что я тамъ жила. Варя"; г) (большая записка, писанная шифромъ) „Бородулинъ и Рабиновичъ, пишу изъ Саратовской тюрьмы, арестовали у квартиры Войнаральскаго. Подчуютъ каторгой и проч., если буду запираться, и свободой, если всѣхъ питерскихъ выдамъ. Я отринула и то и другое, я выбрала бѣгство, есть друзья арестанты, воры, которые здѣсь помогутъ. Меня перевезутъ въ Москву; если здѣсь не удастся, то тамъ буду надъ этимъ работать, мнѣ одинъ исходъ. Мойша, остерегайтесь, а также Бухъ, вообще Самарцы и Саратовцы, имена попались. Письмо Попова очень повредило, я его показала Пановымъ и извращу еще смыслъ письма, равно и вашу фамилію. Я здорова. Здѣсь подгадилъ Кулябко, все разсказалъ, подлецъ. Дайте вѣрный адресъ, куда писать, непремѣнно скорѣе на адресъ: Саратовъ, 4 участка, 6 квартала, Аграфенѣ Ефимовой Краснощековой, въ собственный домъ, на Ильинской улицѣ. Это жена одного изъ друзей. Войнаральскаго здорово ищутъ, гдѣ онъ? Не можете ли указать убѣжища на первое время.

Я послала Филатову старшему письмо, чтобы прислалъ пятьдесятъ рублей. Это для Македона, ему легко удрать. Тутъ вѣдь еще нѣсколько сидятъ, вы, вѣрно, знаете... адресы, что при мнѣ были, всѣ сжевала въ части, какъ только взяли... другъ Софія". Софія Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, не признавая себя ни въ чемъ виновною, показала, что отобранный у нея паспортъ на имя Варвары Лешевой былъ составленъ ею самою, назвать же лицо, снабдившее ее революціонными книгами, Лешернъ отказалась. Между тѣмъ Моисей Рабиновичъ призналъ, что паспортъ на имя Лешевой писанъ имъ, а изъ показанія Лешернъ, даннаго ею при дознаніи, оказывается, что найденныя у нея при обыскѣ революціонныя книги она взяла у Сидорацкой (Ободовской). Изъ писемъ, отобранныхъ у Лешернъ при ея задержаніи, оказывается, что Лешернъ имѣла намѣреніе вести пропаганду не только въ Саратовской губерніи, но и въ Самарской, куда вскорѣ послѣ своего послѣдняго пребыванія въ Саратовѣ перенесъ свою дѣятельность и Порфирій Войнаральскій. Въ Самарской губерніи существовали два центра революціонной дѣятельности: первый изъ нихъ находился въ гор. Николаевскѣ, гдѣ представителями революціонной пропаганды явились мѣстный земскій врачъ Александръ Александровъ Кадьянъ, членъ кіевскаго кружка Николай Константиновъ Судзиловскій и дворянинъ Иванъ Оедоровъ Рѣчицкій-Логиновъ, и куда, какъ сказано выше, прибыли Коваликъ, подъ именемъ Малышева, и Ломоносовъ, подъ именемъ Бѣлкина. Докторъ Кадьянъ въ показаніи своемъ, не отвергая знакомства съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ, а также съ Малышевымъ и Бѣлкинымъ, объяснилъ происхожденіе такового слѣдующимъ образомъ: по его словамъ Судзиловскій прибылъ въ Николаевскъ въ началѣ марта 1874 г. съ цѣлью получить мѣсто участковаго фельдшера, исполнялъ нѣкоторое время, въ видѣ испытанія, фельдшерскія обязанности при больницѣ тюремнаго замка, а въ концѣ марта, по рекомендаціи Кадьяна, былъ назначенъ земскою управой на должность фельдшера въ село Нестравку, куда, однако, отправился лишь въ началѣ мая, будучи задержанъ въ Николаевскѣ сначала распутицей, а впослѣдствіи поѣздкою въ Петербуръ Кадьяна, который, на время своего отсутствія возложилъ на него завѣдываніе больницей. При отъѣздѣ Кадьяна Судзиловскій обратился къ нему съ просьбою передать одному изъ своихъ петербургскихъ знакомыхъ письмо, что Кадьянъ и исполнилъ, при чемъ лично видѣлся съ означеннымъ знакомымъ Судзиловскаго. По возвращеніи въ Николаевскъ, въ первыхъ числахъ мая, Кадьянъ, кромѣ Судзиловскаго, засталъ въ своей квартирѣ поселившееся въ ней неизвѣстное лицо, оказавшееся пріятелемъ Судзиловскаго, дворяниномъ Рѣчицкимъ, пріѣхавшимъ въ Николаевскъ съ намѣреніемъ купить участокъ земли и желавшимъ, въ ожиданіи совершенія предположенной покупки, которая могла состояться весьма не скоро, занять должность сельскаго писаря съ цѣлью собранія свѣдѣній объ экономическомъ положеніи Николаевскаго уѣзда. Желаніе Рѣчицкаго занять мѣсто писаря показалось Кадьяну весьма естественнымъ въ виду того, что означенная должность болѣе всякой другой могла доставить ему возможность собрать тѣ свѣдѣнія, которыми онъ интересовался, а потому Кадьянъ и не затруднился рекомендовать Рѣчицкаго мировому посреднику, благодаря каковой рекомендаціи Рѣчицкій и получилъ мѣсто сельскаго писаря въ селѣ Порубежкѣ. До своего назначенія на должность

писаря, что послѣдовало около половины іюня, Рѣчицкій жилъ у Кадьяна, котораго часто навѣщалъ изъ Пестравки и Судзиловскій, весьма скоро, впрочемъ, а именно, тоже въ половинѣ іюня отказавшійся отъ должности фельдшера и проживавшій послѣ того въ Николаевскѣ. Со временемъ полученія Рѣчицкимъ мѣста сельскаго писаря совпало появленіе въ Николаевскѣ того лица, которому Кадьянъ передалъ въ Петербургѣ письмо Судзиловскаго; означенное лицо было приведено къ Кадьяну Судзиловскимъ, при чемъ Кадьянъ узналъ, что фамилія его Малышевъ. Послѣдній пробылъ въ Николаевскѣ одинъ день и уѣхалъ съ Рѣчицкимъ, отправлявшимся въ Порубежку, но вскорѣ вернулся и поселился у Кадьяна съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи вмѣстѣ съ Судзиловскимъ ѣхать въ Саратовъ. Почти одновременно съ первымъ появленіемъ Малышева прибыли въ Николаевскъ два лица—нѣкто Ивановъ и гимназистъ Бѣлкинъ; Ивановъ пробылъ въ квартирѣ Кадьяна нѣсколько часовъ, и затѣмъ Кадьянъ его болѣе не видалъ; Бѣлкинъ же и лично и чрезъ Судзиловскаго просилъ Кадьяна доставить ему, какъ больному человѣку, возможность прожить лѣто гдѣ-нибудь въ деревнѣ, вслѣдствіе чего Кадьянъ рекомендовалъ Бѣлкина сосѣдней помѣщицѣ, г-жѣ Карповой, которая по просьбѣ Кадьяна и согласилась позволить Бѣлкину жить у нея на хуторѣ. 7-го іюля, въ день обыска, произведеннаго въ квартирѣ Кадьяна у Рѣчицкаго, Бѣлкинъ пріѣхалъ изъ имѣнія Карповой на одинъ день въ Николаевскъ и остановился у Кадьяна, который послѣ обыска и арестованія Рѣчицкаго далъ Бѣлкину 10 р. с. на выѣздъ изъ Николаевска, такъ какъ производившія обыскъ власти не разрѣшили Бѣлкину оставаться въ квартирѣ Кадьяна, а послѣдній признавъ возвращеніе его къ Карповой неудобнымъ, ибо послѣ обыска у него, Кадьяна, явилось подозрѣніе, что Бѣлкинъ замѣшанъ въ одномъ дѣлѣ съ Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ. Къ такому показанію своему Кадьянъ присовокупилъ, что давалъ у себя пріютъ и оказывалъ разныя услуги всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ по просьбѣ Судзиловскаго, обществомъ котораго, какъ образованнаго человѣка, онъ весьма дорожилъ и преступной дѣятельности котораго не подозрѣвалъ. Такимъ образомъ, изъ показанія самого Кадьяна вытекаетъ, что квартира его служила сборнымъ пунктомъ для пропагандистовъ, избравшихъ Николаевскъ театромъ своихъ дѣйствій; что же касается объясненій Кадьяна о томъ, что преступная дѣятельность являвшихся къ нему лицъ не была ему извѣстна, а также о причинѣ, побуждавшей его доставлять пріютъ и оказывать всякаго рода содѣйствіе вовсе неизвѣстнымъ или мало знакомымъ ему лицамъ, то неосновательность таковыхъ, помимо признаннаго имъ самимъ образа его дѣйствій, доказывается еще и нижеслѣдующими обстоятельствами дѣла, раскрытыми дознаніемъ и слѣдствіемъ. Изъ приложенныхъ къ дѣлу писемъ Войнаральскаго на имя Шершивадзе и Ковалика на имя нѣкоей Ивлевой оказывается, что означенныя лица имѣли полное основаніе расчитывать на содѣйствіе Кадьяна при опредѣленіи своихъ единомышленницъ на должности акушерокъ, учительницъ и фельдшерицъ въ Николаевскомъ уѣздѣ. Такъ, въ шифрованномъ письмѣ, отправленномъ изъ Самары 25-го іюня, Войнаральскій писалъ: „Если кто желаетъ имѣть мѣсто учительницы и фельдшерицы въ Николаевскомъ уѣздѣ, то пусть обратится прямо къ земскому врачу Александру Кадьяну, только скорѣе...“, а Ковалик въ концѣ іюня пи-

салъ Ивлевой, въ Кирсановъ: „до 5 іюля положительно отвѣта дать нельзя. 5-го будетъ съѣздъ врачей, гдѣ подымется вопросъ объ акушеркѣ въ Балаховѣ. Есть надежда довольно сильная... Быть можетъ, вопросъ рѣшится такъ, что придется нѣкоторое время ждать... Тогда не желаете ли поселиться въ самомъ городѣ фельдшерицей, сначала безъ жалованья... Адресъ не въ управу, а земскому врачу, или лучше: Василію Ѳедоровичу Штемпелину, въ гор. Николаевскъ. Только подчеркнуть и больше ничего.“ На имя упомянутаго Штемпелина, провизора при земской аптекѣ, адресовались письма къ пропагандистамъ, проживавшимъ въ Николаевскѣ, что подтвердилъ и Рабиновичъ, удостовѣрившій, что имъ по адресу Штемпелина было послано Ковалику, въ Николаевскъ, письмо за подписью Мими, съ приложеніемъ полученной изъ Кіева шифрованной записки, при чемъ, по словамъ Рабиновича, фамилія Штемпелина на конвертѣ была имъ подчеркнута для обозначенія, что письмо подлежитъ передачѣ Ковалику или Кадьяну. По обыску у Штемпелина были найдены: 1 т. „Впередъ“, два экземпляра программы этого журнала и „Пѣсенникъ“; по объясненію Штемпелина журналъ „Впередъ“ и программа такового были имъ взяты у Кадьяна; откуда же и какимъ образомъ попалъ къ нему „Пѣсенникъ“, Штемпелинъ отозвался незнаніемъ. Не отвергая такого показанія Штемпелина, Кадьянъ объяснилъ, что журналъ „Впередъ“ былъ имъ взятъ для чтенія у Рѣчицкаго и лежалъ у него на письменномъ столѣ, откуда Штемпелинъ легко могъ его взять, программу же журнала онъ получилъ въ маѣ 1873 года въ Вѣнѣ по почтѣ и передалъ таковую Штемпелину по просьбѣ послѣдняго; на конвертѣ, въ которомъ была ему прислана программа, былъ цюрихскій почтовый штемпель, а въ Цюрихѣ, по словамъ Кадьяна, могли знать о пребываніи его въ Вѣнѣ, такъ какъ на пути изъ Италіи онъ провелъ въ Цюрихѣ нѣсколько дней. При обыскѣ у Кадьяна въ бумажникѣ его, лежавшемъ въ карманѣ сюртука, былъ найденъ лоскутокъ бумаги, исписанный на половину неизвѣстной рукою, а на половину рукою Кадьяна; по объясненію послѣдняго, данному при дознаніи, на означенномъ лоскутѣ бумаги изложена программа одного собранія, предполагавшагося въ Цюрихѣ, а по сличеніи содержанія этой программы съ программою журнала „Впередъ“, между ними оказалось большое сходство; независимо отъ сего у Кадьяна былъ найденъ чемоданъ Судзиловскаго, въ которомъ находились, между прочимъ, долото, двѣ пилы и два подпилка. Обыскъ у Кадьяна былъ вызванъ заявленіемъ содержавшагося въ Николаевскомъ тюремномъ замкѣ арестанта Лихачева, который объявилъ начальнику мѣстнаго жандармскаго управленія слѣдующее: въ майскую сессію Самарскаго окружнаго суда, въ Николаевскѣ, слушалось дѣло Лихачева и Потлова, защитниками которыхъ явились Судзиловскій Рѣчицкій-Логиновъ. Рѣчицкій въ разговорѣ съ Лихачевымъ объяснилъ послѣднему, что если его осудятъ, то ему будетъ оказана помощь для совершенія побѣга; „у насъ много такихъ, какъ вы, говорилъ Рѣчицкій, мы даемъ имъ пособія, мы этихъ людей припишемъ куда-нибудь, а приписку эту сдѣлаемъ такъ, что отправимъ, напримѣръ, тебя за границу, тамъ добудемъ иностранный паспортъ, а затѣмъ ты уже явишься не русскимъ подданнымъ“; на вопросъ же Лихачева, зачѣмъ имъ нужны арестанты, Рѣчицкій отвѣтилъ, что онъ потомъ подробно узнаетъ все,

при чемъ сказалъ: „намъ нуженъ такой народъ, который готовъ рѣшиться на все, а народу этого легче подобрать изъ васъ, ссыльныхъ, а изъ народа, на свободѣ находящагося, рѣшительныхъ людей подобрать труднѣе, тамъ народъ слабый". Далѣе Рѣчицкій объяснилъ, что имъ нужны рѣшительные люди, потому что они хотятъ „порѣшить власть Царя", и что заручившись такими людьми, они посылаютъ ихъ въ разныя мѣста раздавать книги. Въ слѣдующее свое посѣщеніе Рѣчицкій принесъ Лихачеву пять книгъ: „Исторію французскаго крестьянина", „Люди прежде и теперь", „Чтой-то братцы", „Стеньку Разина" и „Вольнаго атамана Степана Тимоѳеевича Разина", каковыя книги и читались затѣмъ арестантами и однимъ изъ нихъ, Крючковымъ, были даже переплетены. Передавъ Лихачеву означенныя книги, Рѣчицкій условился съ нимъ, что если послѣдуетъ обвинительный приговоръ, то Лихачевъ ляжетъ въ больницу, откуда и совершитъ побѣгъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ Лихачеву вырѣзанную на двухконѣечной монетѣ фальшивую печать петровскаго волостного правленія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если имъ послѣ совершенія побѣга не удастся скоро свидѣться, Лихачевъ могъ бы безъ затрудненія составить себѣ фальшивый паспортъ. Отъ Потлова Лихачевъ узналъ, что его защитникъ Судзиловскій „свой человѣкъ", въ чемъ и онъ убѣдился изъ разговоровъ съ Судзиловскимъ; какъ Рѣчицкій, такъ и Судзиловскій говорили Лихачеву, что „все равно, что они, то и докторъ Кадьянъ", поясняя при этомъ, что у нихъ „общее дѣло", а Рѣчицкій кромѣ того сказалъ Лихачеву: „ты только ухитрись попасть въ больницу, а докторъ съ нами заодно, мы его предупредимъ, не выпишетъ", и сообщилъ, что если послѣ побѣга Лихачевъ будетъ въ чемъ-либо нуждаться, то чтобъ онъ писалъ письмо въ николаевскую земскую аптеку съ передачей Логинову, и добавилъ, что если будетъ получено письмо съ такимъ адресомъ, то все равно, попадаетъ ли оно въ руки его, Рѣчицкаго, или въ руки доктора Кадьяна, или Судзиловскаго. Послѣ состоявшагося о Потловѣ и Лихачевѣ приговора суда, коимъ Потловъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ, а Лихачевъ въ Сибирь на поселеніе, означенные арестанты, получивъ отъ Судзиловскаго долото, заявили себя больными, хотя въ дѣйствительности были совершенно здоровы, вслѣдствіе чего было отправлены въ больницу, гдѣ Кадьянъ, освидѣтельствовавъ Потлова, принялъ его немедленно, такъ какъ онъ уже прежде лежалъ въ больницѣ и былъ извѣстенъ Кадьяну, и спросивъ затѣмъ у Лихачева его фамилію и услыхавъ таковую, Кадьянъ взялся за голову, какъ бы припоминая что-либо; въ это время присутствовавшій при пріемѣ арестантовъ Судзиловскій показалъ Кадьяну два пальца, послѣ чего Кадьянъ приказалъ принять и Лихачева. Лихачевъ и Потловъ, а также арестантъ Куловъ, тоже имѣвшій намѣреніе бѣжать, были помѣщены въ камеру, гдѣ лежалъ одинъ тяжко больной, ничего не знавшій о предположенномъ побѣгѣ; у окна означенной камеры были двѣ рѣшетки; наружная желѣзная и внутренняя деревянная, изъ которыхъ послѣдняя въ день поступленія Потлова и Лихачева въ больницу была снята по приказанію Кадьяна, будто бы для того, чтобы воздухъ былъ чище, а въ дѣйствительности, какъ разсказывалъ впослѣдствіи арестантамъ Судзиловскій, съ тою цѣлью, чтобы можно было передать черезъ окно, что будетъ нужно. Пролежавъ нѣсколько

дней въ больницѣ, Лихачевъ, не имѣя намѣренія бѣжать, выписался изъ больницы, и его мѣсто занялъ арестантъ Бездняевъ, отъ котораго, равно какъ и Потлова, Лихачевъ узналъ впослѣдствіи, что имъ вмѣстѣ съ Куловымъ было совершено покушеніе на побѣгъ, при чемъ конвойные солдаты были опоены какимъ-то одуряющимъ веществомъ, переданнымъ Судзиловскимъ. Представляя въ доказательство справедливости всего вышеизложеннаго три книги: „Люди прежде и теперь“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“ и „Стенька Разинъ“, Лихачевъ присовокупилъ: а) что изъ остальныхъ книгъ, переданныхъ ему Рѣчицкимъ, „Исторію одного французскаго крестьянина“ онъ далъ отправившемуся съ партіей изъ Николаевска въ Самару арестанту Крючкову, отъ котораго слышалъ, что ему также были переданы Судзиловскимъ и Рѣчицкимъ фальшивыя печати; б) что у того же Крючкова имѣется Евангеліе, на листахъ котораго Крючковъ для удержанія въ памяти фамилій лицъ, могущихъ оказать помощь въ случаѣ нужды, написалъ слова: „Аптекарь Кадьяновъ, Логиновъ“, и в) что Судзиловскій при немъ, Лихачевѣ, передалъ Потлову десять порошковъ для усыпленія конвоя, каковые порошки хранились въ тюрьмѣ у Лихачева и Крючкова, изъ которыхъ послѣдній, въ день отправленія партіи изъ Николаевска, всыпалъ восемь порошковъ въ одинъ, ради удобнѣйшаго сохраненія таковыхъ. Вслѣдствіе такого заявленія Лихачева, у арестантовъ, отправленныхъ въ Самару былъ произведенъ обыскъ, по которому было найдено: у арестанта Крючкова „Исторія французскаго крестьянина“, а внутри ея прокламація „Чтой-то братцы“ и Евангеліе на русскомъ языкѣ, въ переплетѣ котораго оказалось: четыре фальшивыя печати—одна петровскаго волостного правленія, двѣ балаковскаго волостного правленія и одна николаевскаго полицейскаго управленія; кромѣ сего на нѣкоторыхъ страницахъ Евангелія усмотрѣны слова: „Аптекарь Кадьяновъ, Логиновъ“, а на внутреннихъ сторонахъ переплета надписи: „о здравіи Василія, Василія, Маріи, Ефима, Николая, Константина, Ивана Ѳедорова, о здравіи Александрова, Александрова, Ивана Ѳедорова, Николая Константинова, Николая Александрова“; у арестанта Мордовина—Новый Завѣтъ, въ переплетѣ котораго оказались три фальшивыя печати—николаевскаго и новоузенскаго полицейскихъ управленій и балаковскаго волостного правленія, а на внутренней сторонѣ переплета надписи: „о здравіи Александра Александрова, Николая Константинова, Николая Ѳедорова, Логиновъ“; у арестанта Потлова—вшитые въ поджильникахъ три небольшіе бумажные свертка съ порошкомъ, оказавшимся по изслѣдованію смѣсью рвотнаго камня съ ипекакуановымъ корнемъ. Арестантъ Василій Крючковъ при дознаніи показалъ, что онъ слышалъ отъ Лихачева и другихъ арестантовъ, что одна изъ найденныхъ у него печатей была передана Лихачеву Рѣчицкимъ, который лично Крючкову обѣщалъ оказать содѣйствіе къ совершенію побѣга, говоря что заодно съ нимъ Кадьянъ и Судзиловскій; что „Исторія французскаго крестьянина“ и „Чтой-то братцы“ были переданы Рѣчицкимъ Лихачеву и затѣмъ имъ, Крючковымъ, были переплетены, и что, передавая означенныя книги, Рѣчицкій просилъ арестантовъ, въ томъ числѣ и Крючкова, раздавать таковыя по выходѣ на волю, при чемъ объяснилъ, что у нихъ составилось цѣлое общество въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Харьковской и др., съ цѣлью лишить Царя власти. Показанія Лихачева и Крюч-

кова, подкрѣпленныя результатами обыска у Потлова, Мордовина и Крючкова, нашли себѣ подтвержденіе и въ дальнѣйшихъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ. Такъ, свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что съ появленіемъ въ тюремномъ замкѣ Судзиловскаго и Рѣчицкаго совпало и появленіе у арестантовъ революціонныхъ книгъ, и что между арестантами былъ слухъ о томъ, что студенты, какъ называли Судзиловскаго и Рѣчицкаго, недовольны правительствомъ и хотятъ возбудить народъ къ бунту. Изъ сообщенныхъ николаевскимъ земскимъ врачемъ свѣдѣній оказывается, что Лихачевъ и Потловъ поступили въ больницу 29-го мая, при чемъ, какъ видно изъ скорбныхъ листовъ, первый былъ одержимъ воспаленіемъ мочеиспускательнаго канала, которое при употребленіи одного спринцованія совершенно прошло, послѣ чего онъ 2-го іюня былъ выписанъ изъ больницы, а второй страдалъ хроническимъ воспаленіемъ мелкихъ дыхательныхъ путей, принималъ одну микстуру и 17-го іюня выписанъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ. Протоколомъ осмотра арестантскаго отдѣленія земской больницы, а также свидѣтельскими показаніями удостовѣрено покушеніе на побѣгъ въ ночь на 14-е іюня арестанта Потлова, въ одной камерѣ съ которымъ находились: Куловъ, Бездняевъ и Муницынъ, при чемъ изъ свидѣтельскихъ показаній видно, что у арестантовъ было долото, что деревянная рѣшетка въ окнѣ камеры, поставленная по приказанію смотрителя, была снята по распоряженію Кадьяна, что въ ночь покушенія на побѣгъ конвой былъ опоенъ какимъ-то одуряющимъ веществомъ и что Куловъ, Потловъ и Бездняевъ находились въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Судзиловскимъ. По показанію Потлова, онъ по личному опыту убѣдился въ усыпляющемъ дѣйствіи найденныхъ у него порошковъ, принявъ нѣкоторую долю порошка. Наконецъ, изъ показанія свидѣтеля Монстрова видно, что революціонные дѣятели не пренебрегали для достиженія своихъ цѣлей и содѣйствіемъ преступниковъ; такъ, по словамъ Монстрова, членъ самарскаго кружка Петропавловскій сообщилъ ему, что существовавшая въ Самарѣ революціонная партія была не прочь сходиться для своихъ цѣлей даже съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ. Подтверждающееся такимъ образомъ обстоятельствами дѣла заявленіе Лихачева, въ связи съ другими уликами, собранными слѣдствіемъ и выше сего изложенными, приводитъ къ убѣжденію, что Кадьянъ дѣйствительно былъ „заодно“ съ Рѣчицкимъ и Судзиловскимъ. Независимо отъ всего вышеизложеннаго доказательствами виновности Кадьяна служатъ: а) Разнорѣчивыя его показанія о знакомствѣ съ Коваликомъ. Такъ, первоначально при дознаніи Кадьянъ показалъ, что Малышевъ его знакомый, котораго онъ зналъ въ Петербургѣ, когда Малышевъ былъ студентомъ университета, а онъ, Кадьянъ, студентомъ Медико-Хирургической Академіи, и который пріѣхалъ къ нему на нѣсколько дней проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ; впослѣдствіи при дознаніи Кадьянъ измѣнилъ свое показаніе и объяснилъ, что съ Малышевымъ познакомился лишь въ апрѣлѣ 1874 г., когда ѣздилъ въ Петербургъ, слѣдующимъ образомъ: Судзиловскій просилъ его, по пріѣздѣ въ Петербургъ, послать по городской почтѣ записку, которую ему и вручилъ; на означенной запискѣ былъ написанъ адресъ, изъ котораго въ памяти Кадьяна остались лишь слова „Петербургская Сторона“ и то, что фамилія была не Малышевъ; по пріѣздѣ въ Петер-

бургъ, онъ поступилъ согласно просьбѣ Судзиловскаго, послѣ чего къ нему явился какой-то господинъ, назвавшійся фамиліей, которую онъ не помнитъ, потому что не обратилъ на нее вниманія; этотъ самый господинъ пріѣхалъ въ Николаевскъ въ іюнѣ, гдѣ Кадьяну сказали, что его фамилія Малышевъ. Къ такому объясненію Кадьянъ присовокупилъ, что прежнее свое показаніе о томъ, что былъ знакомъ съ Малышевымъ давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ далъ съ тою цѣлью, чтобы не обращать на него вниманія и тѣмъ не усиливать падающаго на него, Кадьяна, подозрѣнія. Послѣднее свое показаніе о знакомствѣ съ Малышевымъ Кадьянъ повторилъ и при слѣдствіи. б) Письма Войнаральскаго и Ковалика. Первый въ письмѣ своемъ на имя Шершивадзе изъ Ставрополя-Самарскаго писалъ: „. . . Въ Николаевскѣ погромъ: у пересыльныхъ оттуда арестантовъ нашли книги, арестованъ докторъ Кадьянъ, прочія скрылись . . .“ Коваликъ въ запискѣ, взятой въ квартирѣ мѣщанки Кирилловой, при арестѣ Войнаральскаго, сообщалъ: „былъ погромъ въ Николаевскѣ, докторъ Кадьянъ и Рѣчицкій, а можетъ быть, и Ломоносовъ арестованы, я и Судзиловскій едва уѣхали. Послѣднее время дѣло шло хорошо. Не знаю, какъ теперь, вѣроятно, то же, что и прежде. Было обѣщано 300 р. с., намѣчены лица, дѣло будетъ продолжаться, я снова пойду туда“. в) Полученныя уже послѣ ареста Кадьяна два письма на его имя. Первое изъ означенныхъ писемъ было писано нѣкоею Должанскою, которая, ссылаясь на Судзиловскаго, просила Кадьяна предоставить ей мѣсто учительницы въ одной изъ школъ николаевскаго земства; изъ писемъ той же Должанской на имя Судзиловскаго видно, что она была знакома съ Екатериною Брешковскою и Дебагоріо-Мокріевичемъ, имѣла намѣреніе отправиться въ Петербургъ учиться фельдшерству, но не акушерству, потому что „въ послѣднемъ случаѣ имѣла бы сношенія лишь съ женщинами“, и предпочитала бы вмѣсто учительства дѣлать что-либо другое, напр., торговать въ лавкѣ, кабакѣ и т. д.; второе письмо подлежало передачѣ проживавшей у Кадьяна вдовѣ студента Медико-Хирургической Академіи Лидіи Павловнѣ Барышевой и было прислано изъ Кіева ея сестрою, писавшею, между прочимъ: „. . . о Судз. не могла справиться, отъ другихъ слышала о немъ дурно, но, повидимому, искренно преданъ общему интересу. Онъ былъ въ Цюрихѣ . . . удалось ли сойтись съ кр. или уже и надежду потеряла?“ По поводу сего письма Барышева, посѣщавшая, по ея словамъ, кое-какія лекціи и анатомическій театръ, объясняла при дознаніи, что сестра спрашивала, сошлась ли она съ крестьянами, потому что у нея, Барышевой, было желаніе „учить какъ малыхъ, такъ и взрослыхъ“. г) Пребываніе у Кадьяна неизвѣстной личности, которую свидѣтель Карповъ видѣлъ въ квартирѣ Кадьяна вмѣстѣ съ Малышевымъ; по словамъ Карпова, личность эта была брюнетъ, средняго роста, съ обритою бородою и усами. По показаніямъ же Лихачева и Крючкова, даннымъ при дознаніи, Кадьянъ приводилъ въ больницу неизвѣстную личность съ такими же примѣтами. ж) Прибытіе въ Николаевскъ Тетельмана, удостовѣренное его письмомъ къ Судзиловской. Кромѣ указанныхъ писемъ, послѣ задержанія Кадьяна были получены по адресу Штемпелина два письма, первое — отъ Рабиновича, въ которомъ онъ, между прочимъ, спрашивалъ, не больна ли „бѣлобрысая его сожительница“, т. е. Лешернъ, какъ объяснилъ Рабиновичъ при слѣдствіи; къ означенному

ишсьму было приложено полученное отъ Дробышевскаго изъ Кіева, писанное шифромъ письмо; второе письмо было писано Паевскимъ къ Ковалику и уже приведено выше, и третье письмо, по адресу Судзиловскаго, отъ сестры его Евгеніи, въ которомъ послѣдняя сообщала брату, для веденія переписки съ нею, адресъ Миллера въ Пензѣ. Кадьянъ не призналъ себя виновнымъ. Задержанный при обыскѣ у Кадьяна Рѣчицкій-Логиновъ, препровожденный въ Самару, дорогой застрѣлился; въ записной книжкѣ Рѣчицкаго оказались написанные шифромъ адресы: въ Самарѣ — Осташкина, въ квартирѣ писца губернской земской управы Дегтерева, лозунгъ: сколько будетъ 20 и 18? Пономарева — въ квартирѣ судебнаго слѣдователя Кудряшева (у котораго Пономаревъ служилъ писцомъ); въ Пензѣ— Жилинскаго — подпись „пожиже“; въ Тамбовѣ — Арева, съ передачей Никифорову, пароль „Вышеславцевъ, мастеръ изъ Тулы“; въ Саратовѣ— Софинскаго, пароль „Вышеславцевъ-бунтъ“; въ Москвѣ — Шершивадзе. Ломоносовъ, находившійся подъ именемъ гимназиста Бѣлкина въ квартирѣ Кадьяна во время обыска, получивъ отъ Кадьяна 10 р., какъ сказано выше, немедленно уѣхалъ изъ Николаевска и былъ задержанъ 15-го іюля въ гор. Хвалынскѣ, при чемъ объявилъ, что настоящая его фамилія Ломоносовъ. Ломоносовъ виновнымъ себя не призналъ. 7-го іюля, т. е. въ день обыска у Кадьяна, Ковалика и Судзиловскаго не было въ Николаевскѣ; они находились у Карповыхъ, въ селѣ Марьинѣ, и 8-го іюля, узнавъ объ арестѣ Кадьяна и Рѣчицкаго, скрылись. Судзиловскій, какъ изложено выше, появился въ Нижнемъ-Новгородѣ, отправился оттуда въ Москву и затѣмъ успѣлъ окончательно скрыться отъ преслѣдованія, Коваликъ же былъ задержанъ въ Самарѣ, вмѣстѣ съ членомъ самарскаго кружка Осташкинымъ, на постояломъ дворѣ Ѳоминскаго, при чемъ назвался фамиліею Малышева и предъявилъ видъ на имя послѣдняго. Коваликъ призналъ, что принадлежалъ къ соціально-революціонной партіи и что, съ цѣлью организовать силы этой партіи, велъ революціонную пропаганду какъ въ средѣ народа, такъ и въ средѣ интеллигенціи, подготовляя такимъ образомъ народное возстаніе. Относительно дѣятельности своей въ Николаевскѣ Коваликъ никакихъ объясненій не далъ, а старался лишь увѣрить, что Кадьянъ не принималъ никакого участія въ дѣятельности его, Ковалика, Судзиловскаго и Рѣчицкаго. Изъ показанія Ковалика оказывается, что онъ слышалъ о Кадьянѣ еще до пріѣзда послѣдняго въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1874 года, и что Судзиловскій также „откуда-то добылъ“ адресъ Кадьяна. Во время содержанія Ковалика подъ стражей въ Москвѣ у него была отобрана записка, въ которой Коваликъ излагалъ планъ побѣга и указывалъ лицъ, могущихъ быть ему полезными въ этомъ случаѣ. Къ числу таковыхъ Коваликъ относилъ Ободовскую (Сидорацкую) и Ваховскую, которыя могутъ, писалъ онъ, познакомить съ Рабиновичемъ, Паевскимъ, Гриценковымъ и другими, а также, между прочимъ, нѣкоего Богусскаго, который предлагалъ ему въ Москвѣ напечатать прокламацію къ полякамъ, но при этомъ Коваликъ присовокупляетъ, что онъ мало знаетъ московскихъ“. Другимъ центромъ революціонной дѣятельности въ Самарской губерніи былъ городъ Самара, гдѣ существовали два кружка, одинъ,— образовавшійся изъ кружка „саморазвитія“, къ которому принадлежалъ Городецкій, а другой—основанный Войнаральскимъ; между обоими круж-

ками установилась впослѣдствіи тѣсная связь. Послѣ отъѣзда изъ Самары осенью 1873 года, Городецкаго и Чернышева кружокъ „саморазвитія“ не прекратилъ своихъ занятій и число его членовъ стало постепенно увеличиваться. Осенью 1873 года вошли въ кружокъ: воспитанница Самарской женской гимназіи Вѣра Николаевна Боголюбова (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Городецкаго), писецъ уѣздной земской управы, крестьянинъ села Каменки, Иванъ Ивановъ Бѣляковъ, писецъ губернской земской управы, крестьянинъ села Кротовки, Степанъ Николаевъ Дегтеревъ и крестьянинъ села Малаго Толкая Романъ Андреевъ Бодяжинъ. Вѣра Боголюбова, какъ видно изъ ея показанія, познакомилась съ кружкомъ чрезъ Филадельфова, а Бодяжинъ чрезъ Емельянова, что признано ими обоими; Бѣляковъ еще въ первой половинѣ 1873 года познакомился съ Осташкинымъ, по его собственнымъ словамъ, въ квартирѣ Чернышева, а затѣмъ жилъ вмѣстѣ съ Филадельфовымъ, что подтвердили и Боголюбова, указавъ на Дегтерева, какъ на лицо, посѣщавшее квартиру Филадельфова. Въ началѣ января 1874 года въ составъ кружка вошелъ мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ Александровъ, лакей г-на Бородина, познакомившійся, по его словамъ, с членами кружка чрезъ Осипова, который давалъ въ домѣ Бородина уроки, а въ февралѣ того же года присоединился къ кружку товарищъ Осипова Городецкаго, Филадельфова, Осташкина, Чернышева, Буха и Милоголовкина, воспитанникъ самарской гимназіи, крестьянинъ села Грачевки Егоръ Егоровъ Лазаревъ. Пополнивъ свой составъ новыми личностями, кружокъ, какъ видно изъ показанія Вѣры Боголюбовой, продолжалъ свои занятія: сначала занимались чтеніемъ, а затѣмъ Осиповъ и Филадельфовъ стали доказывать, что нужно распространять образованіе въ народѣ, учить его быть самостоятельнымъ съ тѣмъ, чтобъ онъ впослѣдствіи могъ самъ управлять собою, и внушать народу необходимость такого самоуправленія, вслѣдствіе чего всѣ разговоры въ кружкѣ сосредоточились на темѣ „что дѣлать?“ По показанію Боголюбовой, установленіе программы дѣйствій было возложено на Осипова, который чрезъ нѣсколько времени объявилъ, что планъ дѣйствій отысканъ, и въ очень мудреныхъ фразахъ возвѣстилъ необходимость „нравственной выработки“, при чемъ старался увѣрить членовъ кружка, что всѣ они „дрянь, никуда не годные люди“; хотя нѣкоторымъ членамъ кружка, какъ, напримѣръ, Боголюбовой, и тяжело было сознать себя въ своей дрянности, тѣмъ не менѣе было рѣшено заняться нравственною выработкой путемъ чтенія и составленія рефератовъ, занятія же науками въ гимназіи были признаны безполезными, и Осиповъ сталъ внушать Боголюбовой, что она поступаетъ очень глупо, продолжая заниматься въ гимназіи, вслѣдствіе чего Боголюбова, которой сильно надоѣли нѣмецкіе переводы, стала хуже учиться и пропускать уроки. На собраніяхъ кружка, по словамъ той же Боголюбовой, читались въ это время сочиненія Овена и Лассаля, а Осиповъ взялъ себѣ для разбора книгу Чернышевскаго „Что дѣлать?“, заранѣе увѣривъ всѣхъ, что онъ напишетъ такой разборъ, который и чрезъ сотню лѣтъ будетъ современнымъ. Такое обѣщаніе Осипова разрѣшилось, однако, ничѣмъ, и исписавъ нѣсколько листовъ бумаги, Осиповъ, объявилъ, что имъ придуманъ новый планъ дѣйствій, а именно „строго-научная подготовка“, и предложилъ заниматься анатоміей. Предложеніе Осипова и на этотъ разъ было принято, и Боголюбова, Филадель

овъ и Осиповъ начали изучать анатомію, всѣ же прочіе члены кружка родолжали заниматься чтеніемъ, собираясь, по временамъ, у Филадельова. Филадельфовъ и Осиповъ не долго занимались анатоміей, какъ видно зъ показанія Филадельфова, въ скоромъ времени, вмѣстѣ съ Осташкиымъ, перешли къ изученію химіи и физики, въ каковыхъ занятіяхъ предолагалъ принять участіе и Лазаревъ; независимо отъ сего, Осташкинъ и Филадельфовъ, по словамъ послѣдняго, нѣкоторое время обучались столярному мастерству въ мастерской мѣщанина Зубкова. Въ февралѣ появились въ средѣ членовъ кружка сочиненія Бакунина, привезенныя изъ .-Петербурга Осипову, какъ видно изъ его показанія, неизвѣстнымъ лицомъ, назвавшимся студентомъ Медико-Хирургической Академіи Ивановымъ, оторый объявилъ, что книги присланы товарищами Осипова. Означенныя книги, т. е. „Государственность и Анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, были посланы Осипову Городецкимъ, какъ оказывается изъ показанія послѣдняго, чрезъ посредство нѣкоего Мордвинова. Съ появленіемъ сочиненій Бакунина кружокъ окончательно уклонился отъ первоначальной своей программы и принялъ вполнѣ революціонное направленіе. Постепенный переходъ кружка отъ цѣлей самообразованія къ цѣлямъ революціоннымъ подтверждается и показаніемъ Бодяжина; по словамъ послѣдняго, въ концѣ 1873 года въ квартирѣ Бѣлякова читались сочиненія Писарева и велись разговоры о самарскомъ голодѣ, и въ это время Бодяжинъ получалъ для чтенія отъ Филадельфова и Осипова лишь народные разсказы и статьи изъ журналовъ; въ январѣ 1874 года, на сходкахъ въ квартирѣ Филадельфова, темою для разговоровъ служили вопросы объ ассоціаціяхъ и объ улучшеніи быта рабочаго класса, при чемъ высказывалось, что народъ, находясь въ настоящее время подъ гнетомъ правительства, не понимаетъ своего бѣдственнаго положенія, которое и слѣдуетъ ему разъяснить; въ это же время Бодяжинъ получилъ отъ Емельянова книги: „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“ и журналъ „Полярная Звѣзда“, а въ мартѣ на сходкахъ читали уже сочиненія Бакунина. Такимъ образомъ, къ веснѣ 1874 г. направленіе кружка получило характеръ чисто революціонный: въ это время, по словамъ Боголюбовой, Емельяновъ уже восхищался книгою „Стенька Разинъ“ и толковалъ о необходимости измѣнить ученіе Евангелія. Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, давалъ мѣщанину Пудовкину для чтенія журналъ „Впередъ“, а Боголюбова, вышедшая изъ гимназіи и поступившая въ фельдшерскую школу, снабжала послѣднюю, по удостовѣренію фельдшера Байкова, революціонными сочиненіями. Въ апрѣлѣ прибылъ въ Самару Городецкій, который, какъ видно изъ его собственнаго показанія, въ половинѣ марта отправился изъ Петербурга въ Смоленскую губернію, въ имѣніе знакомаго ему помѣщика Органовича, гдѣ работалъ въ кузницѣ, пробовалъ заговаривать съ крестьянами объ ихъ положеніи и передалъ работавшему вмѣстѣ съ нимъ мальчику нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, какъ-то: „Дѣдушка Егоръ“ и „Митюха“; пробывъ у Органовича около мѣсяца, Городецкій направился въ Самару, черезъ Тамбовъ и Саратовъ, разыскивалъ, но безуспѣшно, въ послѣднемъ городѣ семинариста Ломоносова, къ которому имѣлъ письмо его брата, студента Медико-Хирургической Академіи, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля пріѣхалъ въ

Самару, гдѣ и остановился въ квартирѣ Осипова. По словамъ Городец-
каго, онъ привезъ въ Самару сочиненія Бакунина, журналъ „Впередъ"
„Исторію французскаго крестьянина" и „Стеньку Разина", что подтвер-
дилъ и Филадельфовъ, присовокупившій, что кромѣ вышепоименованныхъ
книгъ, Городецкимъ была привезена съ собою и прокламація „Чтой-то
братцы". Около того же времени пріѣхали — Чернышевъ, тоже привезшій
книги, и Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая вскорѣ затѣмъ замужъ за
Осипова, а также Никитинъ съ женою и Курдюмовъ, проживавшіе нѣко-
торое время у отца Никитина, пристава 2 стана Свіяжскаго уѣзда, и
прибывшіе въ Самару, по словамъ Городецкаго, съ цѣлью пропаганды
всѣ упомянутыя лица, кромѣ Клеопатры Лукашевичъ, остановились, какъ
это видно изъ показаній Осипова и Филадельфова, въ квартирѣ послѣд-
нихъ, гдѣ кромѣ Городецкаго жилъ еще и Бѣляковъ. Никитинъ и Кур-
дюмовъ, по удостовѣренію Городецкаго, также привезли революціонныя
книги, которыхъ, такимъ образомъ, накопилось въ кружкѣ значительное
количество; въ серединѣ же лѣта, какъ уже было сказано выше, Аран-
сонъ по порученію Траубенберга привезъ Городецкому еще транспортъ
книгъ, не дошедшихъ, однако, по назначенію. Кромѣ вышепоименованныхъ
лицъ, прибыли въ Самару члены кружка: Бухъ и Чернышевъ, изъ кото-
рыхъ первый скрылся, а послѣдній умеръ. Съ пріѣздомъ петербургскихъ
товарищей дѣятельность кружка оживилась и для окончательной выра-
ботки программы дѣйствій былъ устроенъ цѣлый рядъ сходокъ, изъ кото-
рыхъ первая происходила въ одномъ изъ залитыхъ разливомъ рѣки до-
мовъ пригорода. Объ этой сходкѣ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ Фи-
ладельфовъ, Бѣляковъ и Городецкій; но первые двое, не отрицая посѣ-
щенія означеннаго дома, стараются доказать, что это была лишь прогулка,
между тѣмъ какъ Городецкій, прямо называя посѣщеніе залитаго водою
дома сходкой, вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣряетъ, что на этой сходкѣ вполнѣ
выяснилось, что члены самарскаго кружка пришли къ тѣмъ же выво-
дамъ, какъ и ихъ петербургскіе товарищи, т. е. къ убѣжденію о необхо-
димости пропаганды въ народѣ; по словамъ Городецкаго, на этой сходкѣ
говорили больше всѣхъ Филадельфовъ и Лазаревъ, а изъ показаній Фи-
ладельфова и Бѣлякова слѣдуетъ заключить, что на сходкѣ присутство-
вали еще Осиповъ, Осташкинъ, Боголюбова, Емельяновъ, Никитинъ, Ни-
китина, Курдюмовъ и Александровъ. Послѣдующія сходки происходили въ
квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, въ домѣ Заикина. По сло-
вамъ обвиняемаго Романа Бодяжина, на означенныхъ сходкахъ говори-
лось, что правительство обманываетъ народъ и злоупотребляетъ его до-
вѣріемъ, что налоги слишкомъ тяжелы, и что освободиться отъ прави-
тельственнаго гнета можно только при помощи огня и меча, при чемъ
Городецкій увѣрялъ присутствовавшихъ, что въ Смоленской губерніи на-
родъ достаточно подготовленъ къ возстанію, и высказывалось также, что
прибѣгать къ бунту не будетъ предстоять надобности, такъ какъ прави-
тельственный гнетъ спадетъ самъ собою такъ же, какъ исчезло крѣпост-
ное право. Для достиженія желаемой цѣли, т. е. паденія правительства,
лица, принимавшія участіе въ сходкахъ, предполагали сблизиться съ на-
родомъ и внушать ему, что земля не должна быть ни помѣщичьею, ни
государственною, а общинною, и что обществу должны принадлежать

также и желѣзныя дороги; подобнаго рода мысли должны были проводиться всюду, гдѣ къ тому можетъ представиться удобный случай. Сверхъ сего, на сходкахъ читались революціонныя книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“ и прокламація „О мученикѣ Николаѣ, или какъ слѣдуетъ жить по закону природы и правды“, „Чтой-то братцы“; кромѣ таковыхъ книгъ, Бодяжинъ видѣлъ въ квартирѣ Осипова еще „Отщепенцевъ“ и „Счеты русскаго народа съ Домомъ Романовыхъ“. По словамъ Бодяжина, на сходкахъ бывали: Осташкинъ, Осиповъ, Филадельфовъ, Городецкій, Городецкая (Боголюбова). Чернышевъ, Бѣляковъ, Лазаревъ, Александровъ, Емельяновъ, Курдюмовъ и какая-то женщина, по имени Мароа (Никитина); Бодяжинъ прожилъ въ маѣ мѣсяцѣ въ Самарѣ только около двухъ недѣль, какъ это видно изъ его показанія, и въ этотъ же промежутокъ времени и посѣщалъ сходки въ домѣ Заикина. Показаніе Бодяжина находитъ себѣ полное подтвержденіе въ показаніяхъ свидѣтелей Байкова и Пудовкина. По удостовѣренію Байкова, все тайное самарское общество собиралось въ домѣ Заикина и устраивало здѣсь свои сходки подъ предсѣдательствомъ Городецкаго и Осипова; на собраніяхъ читали революціонныя книги и говорили о необходимости распространенія въ народѣ идей, которыми руководился кружокъ; девизъ общества былъ: „свобода, равенство и братство“, а цѣль его, какъ говорила свидѣтелю Вѣра Городецкая (Боголюбова), состояла въ томъ, чтобы путемъ революціи ниспровергнуть существующій порядокъ. Въ разговорахъ съ Байковымъ Городецкая отрицала право собственности и необходимость платить налоги и высказывала, что „надо идти въ народъ и склонять его къ возмущенію, чтобъ онъ бралъ въ руки оружіе для достиженія свободы“; изъ членовъ общества Байковъ зналъ Льва и Вѣру Городецкихъ, Владиміра и Клеопатру Осиповыхъ Филадельфова, Осташкина, Александрова, Емельянова, Лазарева, Бѣлякова и Дегтерева. По показанію Петра Пудовкина, присутствовавшаго на одной сходкѣ въ домѣ Заикина, члены кружка, въ его присутствіи, разсуждали о томъ, что нужно сдѣлать вспышку и взбунтовать народъ, при чемъ нѣкоторые доказывали, что сначала необходимо приготовить народъ къ возстанію; спорили очень долго, а затѣмъ Осиповъ, снявъ со стѣны висѣвшую на ней карточку какого-то жандармскаго офицера, положилъ ее на полъ и изрубилъ топоромъ, приговаривая, что всѣхъ жандармовъ слѣдуетъ уничтожить такимъ же точно образомъ. Изъ членовъ кружка Пудовкинъ былъ знакомъ съ Александровымъ, Осиповымъ, Клеопатрою Лукашевичъ, Львомъ и Вѣрою Городецкими, Филадельфовымъ, Осташкинымъ, Курдюмовымъ, Никитинымъ, Никитиною, Лазаревымъ, Бѣляковымъ, Бодяжинымъ, Милоголовкинымъ, Дегтеревымъ и Емельяновымъ. Байковъ и Пудовкинъ, какъ видно изъ ихъ показаній, были приглашаемы на сходки въ домѣ Заикина, первый—Вѣрою Городецкою, а послѣдній — Павломъ Александровымъ. Кромѣ Байкова и Пудовкина, члены кружка пытались склонить къ поступленію въ общество мѣщанина Михаила Бархатова, которому Емельяновъ сообщилъ о существованіи въ Самарѣ тайнаго общества, составившагося съ цѣлью ниспроверженія правительства и существующихъ порядковъ; введенный Емельяновымъ въ квартиру Осипова Бархатовъ познакомился съ Филадельфовымъ, Лазаревымъ, Никитинымъ,

Городецкимъ, Осиповымъ, Бѣляковымъ и Александровымъ, послѣ чего Осиповъ, Городецкій и Емельяновъ неоднократно уговаривали его, Бархатова, сдѣлаться членомъ ихъ общества, объясняя ему, что Царя, судовъ и чиновниковъ не нужно и что народъ управится самъ. Не довольствуясь устною пропагандою, члены кружка, для убѣжденія Байкова, Пудовкина и Бархатова въ справедливости развиваемыхъ предъ ними теорій, снабжали означенныхъ лицъ и революціонными книгами. Такъ, по показанію Байкова, Вѣра Городецкая давала ему для чтенія значительное количество книгъ и брошюръ, въ томъ числѣ и „Стеньку Разина“; Емельяновъ, по удостовѣренію Бархатова, передалъ послѣднему „Стеньку Разина“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Исторію одного французскаго крестьянина“ и др., а, по словамъ Пудовкина, имъ были получены: отъ Городецкаго — двѣ брошюры „Пѣсенникъ“ и „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“, отъ Клеопатры Лукашевичъ — сочиненія Бакунина, а отъ Осипова, Осташкина, Александрова и Филадельфова — до 30 книгъ революціоннаго содержанія, которыя затѣмъ Александровъ взялъ отъ него обратно. Павелъ Александровъ призналъ передачу Пудовкину книгъ преступнаго содержанія, въ томъ числѣ и журнала „Впередъ“. Съ наступленіемъ лѣта самарскій кружокъ приступилъ къ осуществленію своихъ замысловъ; нѣкоторые изъ его членовъ, отправляясь на пропаганду, вовсе оставили Самару, другіе же временно отлучились изъ послѣдняго города. Владиміръ Осиповъ отправился въ Ставрополь къ своей матери, затѣмъ въ Казань, послѣ чего, по его собственному показанію, путешествовалъ по Вятской губерніи съ цѣлью ознакомленія съ народнымъ бытомъ и, наконецъ, былъ задержанъ въ Петербургѣ, подъ именемъ Никольскаго. Дѣятельность Осипова, послѣ его отъѣзда изъ Самары, осталась невыясненною, но виновность Осипова какъ въ принадлежности къ преступному сообществу, составившемуся съ цѣлью возбужденія народа къ возстанію противъ правительства, такъ и распространеніи революціонныхъ книгъ, не можетъ подлежать сомнѣнію въ виду изложенныхъ выше сего обстоятельствъ дѣла. Осиновъ виновнымъ себя не призналъ. Клеопатра Лукашевичъ, вышедшая замужъ за Осипова, отправилась въ Вятскую губернію, гдѣ 30 августа 1874 г. и была задержана подъ именемъ Маріи Михайловой въ квартирѣ сельской учительницы Клавдіи Кувшинской, въ селѣ Ивановкѣ, Орловскаго уѣзда. Проживая въ селѣ Ивановкѣ, Осипова, какъ выяснено слѣдствіемъ, принимала участіе въ крестьянскихъ работахъ и читала крестьянину, въ домѣ котораго жила, какую-то маленькую книжку о томъ, какъ „три брата жили въ пустынѣ, а одинъ изъ нихъ залѣзъ на лѣсину“. По обыску въ квартирѣ Осиповой было найдено: а) письмо какого то Степана, въ которомъ послѣдній проситъ свою мать принять Марью Михайлову для обученія ея сельскимъ работамъ; б) синяя крестьянская рубашка и ситцевая юбка; в) карта Европейской Россіи; г) записка, писанная рукою Осиповой и начинающаяся словами: „Чтой-то вы, братцы, все жалуетесь на судьбу свою“, и д) книги: „Государственность и Анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Клодъ Гэ“, „Дѣдушка Егоръ“ и „Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“. Клеопатра Осипова обнаружила признаки разстройства умственныхъ способностей. Левъ Городецкій, какъ видно изъ его показанія, узнавъ отъ Никифора Емельянова,

что въ деревнѣ Смышляевкѣ есть „подходящій“ человѣкъ, содержатель питейнаго заведенія, отправился въ Смышляевку вмѣстѣ съ Владиміромъ Осиповымъ, взялъ съ собою нѣсколько книгъ, изъ которыхъ одна была не цензурная. Означенное путешествіе окончилось, однако, ничѣмъ, такъ какъ Городецкій и Осиповъ, видя, что крестьяне смотрятъ на нихъ подозрительно, вернулись въ Самару, не дойдя до Смышляевки. Вслѣдъ затѣмъ Городецкій, получивъ отъ Осташкина шифръ для переписки съ нимъ, отправился съ женой въ Николаевскій уѣздъ. По удостовѣренію Пудовкина, Городецкій убѣждалъ его снять въ упомянутомъ уѣздѣ землю и взять къ себѣ Городецкаго въ качествѣ кузнеца, а жену его поселить гдѣ-нибудь въ деревнѣ подъ видомъ простой крестьянки. Левъ и Вѣра Городецкіе были задержаны 21-го іюля 1874 года въ селѣ Троицкомъ, на пути въ Самару, при чемъ у нихъ, между прочимъ, оказались книги „Государственность и Анархія“ и „Общественное владѣніе землей“ Чернышевскаго. Павелъ Александровъ, какъ видно изъ его собственнаго показанія, ходилъ вмѣстѣ съ Чернышевымъ въ село Дубовъ-Уметъ раздавать книги, а съ Никитинымъ ѣздилъ въ Бузулукскій уѣздъ съ тою же цѣлью, осуществить которую имъ, однако, не удалось; на возвратномъ пути въ Самару Александровъ и Никитинъ зашли въ село Грачевку къ Егору Лазареву, у котораго, какъ видно изъ его показанія, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ проживала Мароа Никитина и бывалъ Бухъ. Независимо отъ сего, Павелъ Александровъ, какъ оказывается изъ показанія Бархатова, разъѣзжалъ съ Никифоромъ Емельяновымъ по окрестнымъ деревнямъ съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства и распространенія книгъ преступнаго содержанія. Павелъ Александровъ призналъ себя виновнымъ въ томъ, что велъ преступную пропаганду. Никифоръ Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Пудовкина, былъ посланъ самарскимъ кружкомъ на Сергіевскія минеральныя воды съ цѣлью веденія тамъ революціонной пропаганды, при чемъ Городецкій, Никитинъ и Бѣляковъ дали Емельянову книги, названія которыхъ Пудовкину неизвѣстны. Не отвергая свою поѣздку на Сергіевскія воды, Емельяновъ объяснилъ что при отъѣздѣ изъ Самары получилъ отъ Осипова книги: „Государственность и Анархія“, „Отщепенцы“, „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Стенька Разинъ“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“, „Чтой-то братцы“, „Пѣсенникъ“, брошюру Лассаля, письма Бакунина. Во время своего пребыванія на Сергіевскихъ водахъ, Никифоръ Емельяновъ дѣятельно занялся пропагандою; такъ, изъ показаній мѣщанина Глѣба Яковлева Терновскаго и крестьянина Адама Вшендерова оказывается, что Емельяновъ передалъ первому „Исторію французскаго крестьянина“, „Отщепенцевъ“, „Чтой-то братцы“, „Пѣсенникъ“, „Программу работниковъ Лассаля“ и „Стеньку Разина“, а послѣднему — нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ былъ и „Стенька Разинъ“, при чемъ объяснилъ, что въ Россіи скоро будетъ бунтъ, что правительство уничтожатъ и народъ будетъ управляться самъ собою. Терновскій весьма быстро усвоилъ себѣ революціонное направленіе и сталъ усердно помогать Емельянову въ его преступной дѣятельности. Свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Терновскій разсказывалъ о себѣ, что онъ состоитъ членомъ общества, стремящагося уничтожить правительство и учредить въ Россіи республику,

убѣждалъ другихъ лицъ вступить въ означенное общество, совѣтовалъ читать сочиненія Бакунина, Герцена и Лассаля, давалъ читать революціонныя книги, доказывалъ, что имущества своего ни у кого нѣтъ, что все оно краденое и что не слѣдуетъ платить податей, отрицалъ существованіе Господа Бога и осмѣливался произносить дерзкія, оскорбительныя слова противъ Государя Императора. Емельяновъ, съ своей стороны, продолжая пропагандировать, въ разговорахъ съ другими лицами высказывалъ, что баре и чиновники только тѣснятъ и разоряютъ народъ, что безъ нихъ было бы лучше и что поэтому ихъ слѣдуетъ уничтожить, а также богохульствовалъ и читалъ одному крестьянину „Стеньку Разина“ и вмѣстѣ съ Терновскимъ, въ присутствіи одного свидѣтеля, произносилъ оскорбительныя выраженія противъ Государя Императора. Исполняя столь ревностно возложенное на него самарскимъ кружкомъ порученіе, Емельяновъ, какъ видно изъ показанія Бархатова, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оставшимися въ Самарѣ революціонными дѣятелями; по словамъ Бархатова, на его имя было прислано Емельяновымъ нѣсколько писемъ для передачи другимъ лицамъ, что Бархатовымъ и было исполнено, а отъ Бѣлякова онъ, Бархатовъ, получилъ пять книгъ преступнаго содержанія для отсылки таковыхъ Емельянову, каковыя книги были Бархатовымъ уничтожены; кромѣ сего, показаніемъ того же Бархатова удостовѣрено, что Емельяновъ распространялъ революціонныя идеи и въ окружающихъ Самару мѣстностяхъ, разъѣзжая по деревнямъ съ цѣлью возбужденія народа противъ правительства. При обыскѣ у Емельянова найдены, между прочимъ: группа, состоящая изъ Никитина и его жены, Попова, Буха, Курдюмова, Городецкаго и Комова, карточки Вѣры Боголюбовой и Филадельфова, книги: „Отщепенцы“, „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Исторія французскаго крестьянина“, „Государственность и Анархія“, „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“, „Чтой-то братцы“, „Письмо Бакунина къ товарищамъ Юрской Федераціи“ и рукописное стихотвореніе „Ослушная пѣсня“. Терновскій не призналъ себя виновнымъ ни въ чемъ, а Никифоръ Емельяновъ призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія и объяснилъ, что найденная у него при обыскѣ „Ослушная пѣсня“ писана его рукой и что означенное стихотвореніе онъ читалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ. Иванъ Бѣляковъ, проживавшій въ домѣ Запкина вмѣстѣ съ Филадельфовымъ и Осиповымъ, ходилъ, по удостовѣренію Пудовкина, съ Никитинымъ, съ цѣлью возмущенія народа и раздачи книгъ, въ села: Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный-Яръ и Каменку, что подтверждается показаніемъ Бархатова, которому самъ Бѣляковъ разсказывалъ о своихъ странствованіяхъ по окружающимъ Самару деревнямъ; независимо отъ сего, какъ оказывается изъ показанія Ивана Жарехина, Бѣляковъ, пріѣдя къ нему въ село Дубовый-Уметъ, предлагалъ ему пріѣхать въ Самару, обѣщая дать книги для чтенія и познакомить съ хорошими людьми, а также приглашалъ Жарехина вступить въ тайное общество, составившееся съ цѣлью возбужденія народа къ бунту противъ правительства, а по показанію Бархатова, какъ сказано выше, Бѣляковъ передалъ ему для доставленія Емельянову пять книгъ преступнаго содержанія. Бѣляковъ былъ задержанъ на хуторѣ Чернышевыхъ, при чемъ у него за пазухой оказались брошюры: „Стенька

Разинъ", „Чтой-то братцы" и „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ", данныя ему, какъ заявилъ Бѣляковъ при обыскѣ, Никитинымъ; кромѣ сего, у Бѣлякова былъ найденъ адресъ Курдюмова и открытый листъ Свіяжской уѣздной земской управы за № 135, а въ записной книжкѣ его были усмотрѣны адресы „В. В." и „Е. Е.", т. е. Филадельфова и Лазарева, что призналъ и Бѣляковъ. Открытый листъ за № 135 былъ выданъ отцу Николая Никитина, приставу 2-го стана Свіяжскаго уѣзда, который давалъ его для разъѣздовъ сотнику, а съ послѣднимъ ѣздилъ неоднократно пріѣхавшій въ маѣ 1874 года изъ Петербурга Николай Никитинъ. Бѣляковъ не призналъ себя виновнымъ. Егоръ Лазаревъ отправился на лѣто на свою родину, въ село Грачевку, Бузулукскаго уѣзда, гдѣ, какъ видно изъ его показанія, навѣщали его Александровъ, Никитинъ и Бухъ, и гдѣ гостила у него два мѣсяца Марѳа Никитина. Проживая въ Грачевкѣ, Лазаревъ, по словамъ Пудовкина, вмѣстѣ съ Александровымъ занимался пропагандою, съ цѣлью которой ходилъ также въ села Павловку, Дубовое и Подъемъ. Независимо отъ сего, Лазаревъ, какъ оказывается изъ показанія Льва Городецкаго, далъ послѣднему рекомендательное письмо къ нѣкоему Лахтину въ Казань, въ каковомъ письмѣ проситъ Лахтина принять Городецкаго въ качествѣ рабочаго; не отвергая передачи Городецкому упомянутаго письма, Лазаревъ объяснилъ, что имѣлъ лишь намѣреніе доставить Городецкому, посредствомъ его письма, возможность изучить кузнечное ремесло, но такое объясненіе Лазарева опровергается какъ показаніемъ Городецкаго о томъ, что цѣлью предположенной его поѣздки въ Казань было „проведеніе въ жизнь установившихся у него убѣжденій", такъ и содержаніемъ письма къ Лахтину, въ которомъ Лазаревъ писалъ: „.... Будьте совершенно откровенны съ этимъ господиномъ, онъ мой товарищъ, пріятель студенту Никитину, съ которымъ вы, кажется, много говорили". Во время содержанія Лазарева подъ стражей у него была отобрана записка Романа Бодяжина, въ которой послѣдній, сообщая о бывшемъ у него обыскѣ и о данныхъ имъ показаніяхъ, просилъ научить его, что показывать на допросахъ. Егоръ Лазаревъ не призналъ себя виновнымъ. Марѳа Герасимова Никитина изъ Грачевки вернулась въ Самару, затѣмъ поѣхала въ Орелъ, а оттуда отправилась въ С.-Петербургъ, гдѣ и была арестована, при чемъ у нея было отобрано письмо къ роднымъ, въ которомъ она, между прочимъ, писала: „.... Увѣрить васъ заглазно нельзя въ томъ, что я никакихъ идей не проповѣдую". Никитина не признала себя виновною. Никитинъ, по удостовѣренію Пудовкина, ходилъ съ Бѣляковымъ для возмущенія народа и для раздачи книгъ въ села: Царицыно, Семейкино, Буянъ, Красный-Яръ и Каменку, а затѣмъ съ Курдюмовымъ и Милоголовкинымъ для той же цѣли въ Вязовку, Кандыбань Березовый Гай, Подгорье и Екатериновку. Никитинъ скрылся и до настоящаго времени не разысканъ. У отца Никитина были отобраны письма сына, который, между прочимъ, въ одномъ письмѣ сообщалъ, что окружающее его въ Самарѣ общество совершенно подходящее къ нему по характеру, по молодости и по роду занятій, гораздо для него пріятнѣе общества помѣщиковъ, „пропитавшихся всякою дрянью до мозга костей", съ которыми ему пришлось бы имѣть дѣло въ Казанской губерніи. Романъ Бодяжинъ, котораго Городецкій въ своемъ показаніи на-

зываетъ человѣкомъ, „совершенно солидарнымъ съ самарскимъ кружкомъ“, отправился въ село Малые-Толкаи, взявъ съ собою, по его собственнымъ словамъ, „Исторію французскаго крестьянина“ и „Чтой-то братцы“. Въ іюнѣ въ Малые-Толкаи явилась къ Бодяжину Надежда Юргенсонъ подъ именемъ Дарьи Трофимовой и предъявила записку Льва Городецкаго слѣдующаго содержанія: „Бодяжинъ! Помогите ей найти удобное мѣстечко. Л. Городецкій“. При обыскѣ у Бодяжина были найдены: означенная записка Городецкаго, адресы Осташкина, Дегтерева и Минаева, клочки бумаги, на которыхъ написано: „Городецкій и Надежда Александрова“, книги: „Стенька Разинъ“ (повѣсть) и „Вольный атаманъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ“, письмо съ надписью „Дарья Трофимова“ и два письма Осташкина. Въ одномъ изъ упомянутыхъ писемъ Осташкинъ писалъ: „Съ глубокою грустью прочелъ я ваше письмо. Изъ него до осязательности видно то крайне стѣсненное, бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся у насъ на Руси мыслящія личности... но неужели въ виду всего этого должно опустить руки и отказаться отъ борьбы! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!... Подобныхъ личностей у насъ становится все больше и больше, годъ отъ году сила ихъ растетъ... Наше дѣло идетъ пока порядочно. Попросите кого-нибудь изъ нашихъ надежныхъ знакомыхъ зайти хоть въ гимназію съ запискою къ кому-либо изъ насъ; мы снабдимъ васъ книгами. Почему письмо наше блѣдно, мысль не закончена, вамъ, конечно, извѣстно. Много, очень много нужно было бы сказать вамъ. Но что же дѣлать, придется отложить до вашего пріѣзда, или, по крайней мѣрѣ, до пріѣзда въ Самару хорошо вамъ извѣстнаго человѣка, съ которымъ мы могли бы писать то, что нужно“. Въ другомъ письмѣ, свидѣтельствуя почтеніе отъ Никифора Ивановича (Емельянова) и другихъ извѣстныхъ Бодяжину личностей, Осташкинъ проситъ увѣдомить, „какъ идетъ дѣло, о которомъ ранѣе не разъ бесѣдовали“, а въ письмѣ, подписанномъ „Дарья Трофимова“, изъявляется благодарность „Василію Меркуловичу“ за одолженные имъ три рубля. Во время содержанія подъ стражей Бодяжина и Лазарева у послѣдняго, какъ уже сказано выше, была отобрана записка Бодяжина, писанная синимъ карандашемъ на листѣ синей бумаги. Означенная записка отчасти стертая, оказалась слѣдующаго содержанія: „у меня нашли два письма отъ Осташкина... брошюрки, да С. Разина... Надежда Александровна... Минаевъ... котор. пок. письмо отъ Дарьи Трофимовой съ деньг. 2 р., которые заняла да у меня и зап. Серг. Городецк. подательница сего наша, найдите ей мѣсто, въ письмѣ Осташ. сказано.... о котор. мы не разъ бесѣдовали идетъ.... я показалъ въ письмѣ Осташкинъ говоритъ насчетъ школы, брошюрки далъ Васильевъ, бывая у Малышева, Разина купилъ на толчкѣ. Съ Осташк., съ Осиповымъ, Городецк. знакомъ чрезъ Никифора, Бѣлякова, Лазарева и Павл. Алекс. знаю, Боголюбову видѣлъ, книги у нихъ не бралъ, словъ революц. содержанія при мнѣ не говорили, Н. А. Юрген., Минаевъ и Дегтеревъ, не знаю, почему у меня записаны. Дарья Николаева Трофимова не Юргенс., а крестьянка, мнѣ ея показ., я не призналъ. Городецк. сказалъ, что послалъ назвавшуюся Юргенсон... не оставьте меня насчетъ ея... вообще я ставлю себя невѣждой“. Бодяжинъ, не признавая себя виновнымъ, далъ подробное показаніе, частью изложенное уже выше сего, и объяснилъ, что адресы Минаева и Дегтерева полу-

чилъ отъ Осташкина, что адресъ, написанный на оборотѣ записки Городецкаго, есть адресъ Лазарева, что съ означенною запискою къ нему явилась, подъ именемъ Дарьи Трофимовой, Надежда Юргенсонъ, которую онъ видѣлъ ранѣе сего въ селѣ Черкасахъ въ обществѣ Льва и Вѣры Городецкихъ, что найденное у него при обыскѣ письмо, подписанное „Дарья Трофимова", писано Юргенсонъ, которая при этомъ письмѣ возвратила три рубля, занятые имъ, Бодяжинымъ, для нея у Василія Меркулова и, наконецъ, что записка на синей бумагѣ писана имъ, Бодяжинымъ, и предназначалась для кого-либо изъ арестованныхъ лицъ, съ цѣлью полученія отъ нихъ указаній, какъ ему поступить, т. е. признать или не признать, что Юргенсонъ проживала у него, такъ какъ первоначально онъ на всѣ вопросы отзывался незнаніемъ. Минъ Милоголовкинъ, посѣщавшій квартиру Филадельфова, Осипова и Бѣлякова и, по удостовѣренію сихъ лицъ, присутствовавшій на происходившихъ въ означенной квартирѣ чтеніяхъ, а также знавшій, по словамъ Городецкаго, о цѣляхъ кружка, ходилъ, какъ это видно изъ показанія Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села: Вязовку, Кандыбань, Березовый-Гай, Подгорье и Екатериновку, и затѣмъ былъ задержанъ въ гор. Самарѣ. Милоголовкинъ не призналъ себя виновнымъ. Курдюмовъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ по тѣмъ же селамъ, что и Милоголовкинъ и съ тою же цѣлью; въ іюнѣ Курдюмовъ, какъ это видно изъ дѣла, отправился въ Мценскъ къ роднымъ, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ задержанъ, при чемъ назвался чужою фамиліей. Курдюмовъ не призналъ себя виновнымъ. Изъ показанія Пудовкина видно, что квартиру Никитиныхъ и Курдюмова посѣщалъ самарскій мѣщанинъ Александръ Николаевъ Яновъ, который присутствовалъ при чтеніи книгъ преступнаго содержанія и бралъ таковыя къ себѣ на домъ. Посѣщеніе Никитиныхъ и Курдюмова не прошли для Янова безслѣдно; онъ примкнулъ къ самарскому кружку и въ свою очередь совратилъ мѣщанина Ивана Григорьева Спѣсивцева, съ которымъ, какъ видно изъ показанія послѣдняго, былъ знакомъ около девяти лѣтъ. Приставъ къ кружку и получая отъ него книги, Яновъ и Спѣсивцевъ тоже занялись пропагандою, какъ это видно изъ показанія мѣщанина Максима Аношкина; по словамъ послѣдняго, лѣтомъ 1874 года Яновъ и Спѣсивцевъ пригласили его въ питейный домъ, а затѣмъ на прогулку, и дорогой завели разговоръ, въ которомъ отрицали бытіе Господа Бога, высказывались противъ Царя и правительства; говорили, что Царя, правительство и духовенство слѣдуетъ уничтожить, а Царя выбрать только на три года, что при новыхъ порядкахъ податей не будетъ, и что землю слѣдуетъ раздѣлить поровну, при чемъ предлагали Аношкину книги для чтенія. Спѣсивцевъ отвергъ вполнѣ показаніе Аношкина, а Яновъ объяснилъ, что былъ пьянъ и потому ничего не помнитъ, каковое объясненіе опровергается показаніемъ Аношкина, удостовѣрившаго, что Яновъ во время вышеприведеннаго разговора былъ совершенно трезвъ. Яновъ и Спѣсивцевъ виновными себя не признали. Филадельфовъ ходилъ, по показанію Пудовкина, для возмущенія народа и раздачи книгъ въ села Смышляевку, Черновку и Грачевку, а по словамъ Бархатова, собираясь идти въ народъ, совѣтовалъ ему, равно какъ и Емельяновъ, открыть въ деревнѣ, съ цѣлью пропаганды, питейный домъ, для чего пред-

лагалъ и деньги; при дознаніи Бархатовъ кромѣ сего объяснилъ, что Филадельфовъ, называвшійся фамиліею Витте, передалъ ему книги «Государственность и Анархія». Филадельфовъ не призналъ себя виновнымъ. Осташкинъ, какъ оказывается изъ показанія Пудовкина, ходилъ въ тѣ же села, что и Филадельфовъ, и съ тою же цѣлью. Въ подкрѣпленіе своего показанія о томъ, въ какія именно мѣстности члены кружка ходили на пропаганду, Пудовкинъ при дознаніи доставилъ записку, составленную имъ въ то время, когда онъ посѣщалъ кружокъ и изложенную со словъ членовъ такового, разсказывавшихъ при немъ, Пудовкинѣ, о своихъ похожденіяхъ. Независимо отъ вышеизложеннаго, Осташкинъ, а также Дегтеревъ, вошли въ близкія сношенія съ кружкомъ, основаннымъ Войнаральскимъ. Порфирій Войнаральскій въ первый разъ появился въ Самарской губерніи вмѣстѣ съ Иваномъ Селивановымъ въ концѣ мая, вскорѣ послѣ открытія мастерской Пелькенена въ Саратовѣ; у Войнаральскаго, какъ видно изъ его показанія, было намѣреніе устроить въ Самарѣ брошюровальню для отпечатанныхъ въ типографіи Мышкина преступныхъ сочиненій, каковая брошюровальня должна была помѣщаться въ квартирѣ знакомой Войнаральскаго—акушерки Надежды Ивановой и состоять въ завѣдываніи Ефрузины Супинской. Такое показаніе Войнаральскаго находитъ себѣ подтвержденіе, во первыхъ, въ письмѣ Супинской, сообщавшей обитателямъ мастерской Пелькенена, что ей неизвѣстно, уѣдетъ ли она оттуда, что Ар. (Аркадакскій) увѣряетъ, что тамъ ничего устроить нельзя, что съ Кузьмою (Войнаральскимъ) не перетолковали объ этомъ обстоятельно и что ей съ тою же самою цѣлью совѣтуютъ ѣхать въ Орелъ, и, во вторыхъ, показаніемъ Супинской, пояснившей, что она хотѣла ѣхать заниматься брошюровкою въ Самару или Орелъ, и что только арестъ помѣшалъ ей привести свое намѣреніе въ исполненіе. Прибывъ изъ Саратова въ Самарскую губернію, Войнаральскій и Селивановъ прошли Самарскій, Бузулукскій и Бугурусланскій уѣзды, при чемъ, Войнаральскій заарендовалъ у крестьянина села Бобровки, Ивана Осокина, постоялый дворъ съ цѣлью устройства въ немъ, какъ онъ самъ объяснилъ, притона для агитаторовъ, послѣ чего явились въ Самару для разысканія Надежды Ивановой, которую они расчитывали застать уже въ этомъ городѣ, почему Войнаральскій, какъ видно изъ его показанія, и сообщилъ въ Пензу ея адресъ. Между тѣмъ, вопреки ожиданіямъ Войнаральскаго, Надежды Ивановой въ Самарѣ не оказалось. Потерпѣвъ такимъ образомъ неудачу съ этой стороны, Войнаральскій тѣмъ не менѣе успѣлъ употребить съ пользою для задуманнаго имъ дѣла свое кратковременное пребываніе въ Самарѣ, а именно, познакомившись случайно съ воспитанниками Самарской семинаріи Иваномъ Дамаскинымъ и Александромъ Пономаревымъ и гимназистомъ Николаемъ Петропавловскимъ, онъ успѣлъ увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. По словамъ Войнаральскаго, онъ и Селивановъ познакомились съ Дамаскинымъ въ общественномъ саду, при чемъ у нихъ завязался разговоръ, въ которомъ, какъ это видно изъ показанія Дамаскина, Войнаральскій (подъ фамиліею Иванова спросилъ, нѣтъ ли въ Самарѣ между молодежью кого-либо поэнергичнѣе изъ числа лицъ, „отличающихся протестами“, какъ выразился Дамаскинъ. По приглашенію Дамаскина, Войнаральскій и Селивановъ отправились на его квартиру, гдѣ

Дамаскинъ и познакомилъ ихъ съ проживавшими вмѣстѣ съ нимъ Пономаревымъ и Петропавловскимъ; переночевавъ въ квартирѣ сихъ лицъ, Войнаральскій и Селивановъ на другой день направились въ Саратовъ, а затѣмъ, какъ это уже изложено выше, въ Пензу и Москву. Пономаревъ вовсе не призналъ своего знакомства съ Войнаральскимъ и никакихъ объясненій не далъ. Петропавловскій показалъ, что былъ знакомъ съ Войнаральскимъ и что зналъ о мастерской въ Саратовѣ и типографіи въ Москвѣ, а Дамаскинъ объяснилъ, что Войнаральскій въ первое же свое посѣщеніе сообщилъ: о существованіи революціоннаго кружка, о имѣющемъ быть съѣздѣ пропагандистовъ, о томъ, что у него есть своя типографія въ Москвѣ, и указывалъ на необходимость употребленія въ перепискѣ шифра, при чемъ самъ тутъ же написалъ шифрованное письмо. Такое объясненіе Дамаскина подтверждается вполнѣ показаніемъ, даннымъ Петропавловскимъ при дознаніи, въ каковомъ показаніи Петропавловскій удостовѣрилъ, что Войнаральскій (подъ именемъ Порфирія Иванова) доказывалъ необходимость веденія революціонной пропаганды, говорилъ, что у него была въ Москвѣ типографія для печатанія революціонныхъ сочиненій, въ Саратовѣ—мастерская, устроенная съ цѣлью распространенія революціонныхъ идей, предлагалъ принять участіе въ агитаторской дѣятельности, разсказывалъ какъ о бывшемъ, такъ и имѣющемъ быть съѣздѣ пропагандистовъ для выработки общей программы дѣйствій, сообщилъ о существовавшихъ въ каждой губерніи агентахъ, у которыхъ хранились ключи къ шифрамъ, употребляемымъ для переписки, и адресы участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, и на которыхъ лежала передача по назначенію адресованныхъ на нихъ писемъ, а также упоминалъ о Рогачевѣ, скрывавшемся, по словамъ Войнаральскаго, у техника Мейера, въ Саратовѣ. Уѣзжая изъ Самары, Войнаральскій, по словамъ Дамаскина, оставилъ въ квартирѣ послѣдняго книги, въ числѣ которыхъ были: „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, одна часть сочиненій Бакунина, „Пѣсенникъ“ и „Чтой-то братцы“. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Войнаральскій, при первомъ же своемъ знакомствѣ съ Дамаскинымъ, Пономаревымъ и Петропавловскимъ, старался увлечь означенныхъ лицъ на путь революціонной дѣятельности. Усилія Войнаральскаго увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому обстоятельству, что Дамаскинъ, Пономаревъ и Петропавловскій, или, по крайней мѣрѣ, послѣдній изъ нихъ, были уже подготовлены къ воспріятію революціонныхъ идей Клеменсомъ и Ливановымъ. Доказательствомъ знакомства Петропавловскаго съ поименованными революціонными дѣятелями, а также вліянія, которое имѣлъ на него Войнаральскій, служитъ письмо Петропавловскаго къ одному изъ его знакомыхъ, судебному приставу сызранскаго съѣзда мировыхъ судей Монстрову. Уже 12 іюня, т. е. нѣсколько лишь дней спустя послѣ перваго знакомства съ Войнаральскимъ, Петропавловскій писалъ Монстрову: „Между прочимъ, нужно тебѣ доложить, что Ливановъ поступилъ въ столярную мастерскую съ тою хорошею цѣлью, чтобы тѣснѣе слиться съ рабочими, жить ихъ жизнью, ненавидѣть ихъ ненавистью и пропагандировать принципы соціальной революціи. Въ такого человѣка просто подло кинуть грязью уже по одному тому, что онъ изъ паразита дѣлается производительнымъ работникомъ, который на себѣ испытаетъ всегнетущую, всезагребающую лапу

правительства и пріобрѣтетъ вслѣдствіе этого сильнѣйшую ненависть къ этой лапѣ, потому что презираетъ всякій официальный постъ, всякій непроизводительный трудъ, какъ вредные симптомы государственности. Я не стану тебѣ идеализировать Ливанова, Войнаральскаго, Селиванова и Клеменса (съ В. и С. я познакомился лично, послѣдняго знаю) и многихъ другихъ, я считаю ихъ за простыхъ работниковъ, индивидуальныя усилія которыхъ чрезвычайно малы и незамѣтны, но если соединить всѣ эти усилія въ одно цѣлое, то составится сила, громадная сила, результатъ которой будетъ блестящій. Да пришло время выкупаться и мнѣ въ чистой водѣ, чтобы смыть съ себя приставшую буржуазную грязь... Ты говоришь о какомъ-то мѣстѣ въ селѣ, я согласенъ, на все согласенъ... Читалъ Бакунина, книга хорошая". Почти то же самое высказывалъ Петропавловскій Монстрову при личномъ свиданіи съ нимъ въ Хвалынскѣ, лѣтомъ 1874 года; по показанію Монстрова, Петропавловскій сообщилъ ему въ разговорѣ, что въ Самарѣ есть партія, признающая необходимость пропаганды противъ существующаго порядка вещей, что означенная партія ставитъ своей задачей лишь уничтоженіе нынѣшняго строя, предоставляя самому обществу установить впослѣдствіи новый порядокъ, что къ этой партіи принадлежитъ Войнаральскій, агитировавшій въ Самарѣ между рабочими плотничьей артели и устроившій съ цѣлью пропаганды мастерскую въ Саратовѣ и типографію въ Москвѣ, что партія не прочь сходиться и съ преступниками, которые, какъ люди ожесточенные, оказываются надежнѣе другихъ, что даже народныя бѣдствія служатъ цѣлямъ партіи, усиливая недовольство и протестъ, что на Рождество 1874 г. пропагандисты предположили устроить съѣздъ въ Петербургѣ, и что изъ послѣдняго города пріѣзжалъ какой-то рабочій для сообщенія Войнаральскому объ арестѣ его жены; въ томъ же разговорѣ Петропавловскій упоминалъ о какомъ-то офицерѣ Рогачевѣ, который былъ, по его словамъ, однимъ изъ главныхъ дѣятелей партіи, бурлачилъ на Волгѣ и жилъ въ Саратовѣ у какого-то механика или техника съ нѣмецкою фамиліей. Къ вышеприведенному показанію Монстровъ при дознаніи присовокупилъ: Петропавловскій проводилъ мысль, что учиться не стоитъ и что слѣдуетъ сближаться съ народомъ и быть простымъ рабочимъ, и что даже дѣятельность учителя есть дѣятельность буржуазная; вообще изъ всего разговора съ Петропавловскимъ Монстровъ вынесъ убѣжденіе, что Петропавловскій завербованъ Войнаральскимъ и Селивановымъ въ ихъ партію, и онъ былъ агентомъ въ Самарѣ. Петропавловскій призналъ, что письмо отъ 12-го іюня 1874 г. къ Монстрову писано имъ. Между тѣмъ Войнаральскій, побывавъ въ Пензѣ, Москвѣ, Тамбовѣ и Саратовѣ, снова пріѣхалъ въ Самару, во второй половинѣ іюня; въ это время Пономаревъ занималъ должность письмоводителя у и. д. судебнаго слѣдователя Кудряшева, а Петропавловскій и Дамаскинъ жили въ домѣ Зарывалова; вмѣстѣ съ нимъ жилъ семинаристъ Алексѣй Андреевъ Александровскій, а впослѣдствіи къ нимъ переселился и семинаристъ Иванъ Ивановъ Никольскій, какъ это видно изъ показаній Дамаскина и Никольскаго. Между обитателями дома Зарывалова и кружкомъ, къ которому принадлежали Осташкинъ, Филадельфовъ и другіе, установилась тѣсная связь чрезъ Петропавловскаго, который, какъ видно изъ показанія Осташкина, въ качествѣ бывшаго воспитанника гимназіи, зналъ многихъ чле-

новъ самарскаго кружка. Такъ, Осташкинъ и Филадельфовъ посѣщали, по словамъ Никольскаго, квартиру Петропавловскаго и др. въ домѣ Зарывалова, что признано самими Осташкинымъ и Филадельфовымъ; Петропавловскій, какъ видно изъ его письма къ Монстрову, былъ знакомъ съ Никитинымъ, а по удостовѣренію Дамаскина, въ домѣ Зарывалова бывала также и Надежда Юргенсонъ. Войнаральскій, посѣщая домъ Зарывалова, познакомился со всѣми бывшими въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина лицами, и подъ его вліяніемъ составился новый кружокъ, въ составъ котораго вошли: Дамаскинъ, Петропавловскій, Пономаревъ, Александровскій и Никольскій, и къ которому примкнули члены перваго самарскаго кружка—Осташкинъ, Филадельфовъ, Дегтеревъ и Юргенсонъ. Пономареву и Дегтереву была поручена агентура, какъ это видно изъ письма Войнаральскаго на имя Шершивадзе; такъ, Войнаральскій писалъ: „..... пишите немедля писцу губернской земской управы Степ. Никол. Дегтереву .....“; въ письмѣ отъ 25-го іюня „..... если удобно переслать въ Самару (т. е. книги), то отдать тамъ Осташкину; квартиру его можно узнать у писца губернской управы Дегтерева ...“; а въ письмѣ отъ 21 іюля: „.... имена Дегтерева и Пономарева въ Самарѣ не безопасны“. Адресъ Дегтерева, записанный шифромъ, найденъ: въ Саратовѣ—у Софинскаго, въ Пензѣ—у Миллера и въ Николаевскѣ—у Рѣчицкаго-Логинова. Независимо отъ агентуры для кружка Войнаральскаго, Дегтеревъ держалъ агентуру и для самарскаго кружка, доказательствомъ чего служатъ полученныя уже послѣ ареста Дегтерева письма, адресованныя на его имя, а именно: а) письмо отъ нѣкоего Трофимова съ адресомъ на внутреннемъ конвертѣ: „Никитину или Курдюмову“, б) два письма отъ матери Надежды Юргенсонъ къ сей послѣдней и в) письмо нѣкоего Гейденрейха на имя той же Юргенсонъ. Впослѣдствіи, когда адресъ Дегтерева сталъ не безопасенъ, Осташкинъ обратился къ самарскому мѣщанину Василію Минаеву съ просьбой о дозволеніи вести переписку на его адресъ, мотивируя такую просьбу тѣмъ соображеніемъ, что онъ, Осташкинъ, часто мѣняетъ квартиры, каковое обстоятельство можетъ затруднить доставленіе адресованныхъ на его имя писемъ. Минаевъ изъявилъ согласіе исполнить просьбу Осташкина и дѣйствительно получилъ нѣсколько писемъ для передачи послѣднему. О таковой перемѣнѣ адреса Войнаральскій сообщилъ въ Москву въ письмѣ на имя Шершивадзе отъ 21-го іюля. Дегтеревъ, посѣщеніе которымъ квартиры членовъ самарскаго кружка въ домѣ Заикина подтверждено показаніемъ Вѣры Городецкой, не отвергая полученія писемъ для передачи таковыхъ Осташкину, не призналъ себя виновнымъ и объявилъ, что былъ знакомъ лишь съ Осташкинымъ и Бѣляковымъ. По обыску Дегтерева, между прочимъ, найдена книга: „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Флеровскаго, а также рукописная программа для ассоціацій. Учредивъ, такимъ образомъ, двѣ агентуры, Войнаральскій вмѣстѣ съ тѣмъ озаботился пріисканіемъ помѣщенія, въ которомъ посѣщающіе Самару революціонные дѣятели могли бы находить пріютъ: для этой цѣли онъ выбралъ постоялый дворъ мѣщанина Ивана Яковлева Фоминскаго, на Волгѣ, близъ ярмарки, о чемъ и сообщилъ въ Москву въ письмѣ на имя Шершивадзе. „....Мѣсто остановки и укрывательства здѣсь, писалъ Войнаральскій, постоялый дворъ Ивана Яковлевича Фоминскаго...“ и дѣйствительно, 12-го

іюля на означенномъ постояломъ дворѣ были задержаны Ковалинъ и Осташкинъ, о чемъ Войнаральскій 21-го іюля также поставилъ въ извѣстность московскихъ пропагандистовъ. На имя Фоминскаго получались, вѣроятно, и письма, адресованныя членамъ кружка Войнаральскаго, какъ это слѣдуетъ заключить изъ письма на имя Шершивадзе, въ коемъ упоминается, что и фамилія Фоминскаго не безопасна. Обезпечивъ сношенія кружка съ другими революціонными дѣятелями, Войнаральскій занялся пропагандой между мѣстными рабочими. Въ шифрованныхъ письмахъ на имя Шершивадзе Войнаральскій писалъ слѣдующее о своей революціонной дѣятельности среди рабочихъ въ письмѣ отъ 25-го іюня: „..... тутъ (т. е. въ Самарѣ) еще есть много годнаго для дѣла элемента—фельдшера, мѣщане, мастеровые и пришлые изъ Сим. губ. плотники. Съ послѣдними было нѣсколько чтеній. Они просятъ книгъ для отсылки по домамъ, просятъ сходить туда, даютъ письма, указываютъ лучшихъ людей и мѣста: въ книгахъ недостатокъ: пошлите въ Саратовъ кого-нибудь, чтобы передалъ Софинскому ..... „сказать Вышеславцевъ—бунтъ“, оттуда уже возьметъ и Самара, если удобно переслать въ Самару, то отдать тамъ Осташкину, квартиру его можно узнать у писца губернской управы Дегтерева. Осташ. лозунгъ: сколько будетъ двадцать и осьмнадцать?“ Въ письмѣ отъ 2-го іюля: „здѣсь дѣла идутъ великолѣпно, но книгъ страшный недостатокъ, я уже писалъ объ этомъ.... плотники посылаютъ меня на ихъ родину: Корсун. уѣз. (указали мѣста и лицъ). завтра ѣду туда, возвращусь опять сюда..... Нельзя ли кого прислать съ книгами?“ Въ письмѣ отъ 21-го: „..... обыски прошли благополучно, паники нѣтъ, дѣла идутъ хорошо (недостатокъ лишь въ деньгахъ), въ Сызранскомъ и Корсунскомъ уѣздахъ я ходилъ, настроеніе отличное, завелъ у крестьянъ два пашихъ пункта... Въ книгахъ страшный недостатокъ, а отъ крестьянъ большой на нихъ запросъ“. Какъ дознаніемъ, такъ и слѣдствіемъ вполнѣ подтвердилось все, что Войнаральскій писалъ о своей дѣятельности; цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній удостовѣрено, что во второй половинѣ іюня, познакомившись съ артелью плотниковъ купца Назарова, строившихъ въ г. Самарѣ земскую больницу, Войнаральскій и Осташкинъ стали вести между ними пропаганду; какъ Войнаральскій, такъ и Осташкинъ читали рабочимъ, между которыми было много крестьянъ Корсунскаго уѣзда, тенденціозныя и революціонныя книги и въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и разспрашивали крестьянъ объ ихъ родныхъ и знакомыхъ, вызываясь передать имъ поклоны, при чемъ записывали сообщаемые имъ адреса, найденные впослѣдствіи у Войнаральскаго при его задержаніи: въ началѣ іюля Войнаральскій былъ въ Корсунскомъ и Сызранскомъ уѣздахъ, гдѣ и посѣщалъ крестьянъ, адресы которыхъ были ему указаны въ Самарѣ плотниками артели Назарова. При дознаніи Войнаральскій и Осташкинъ были предъявлены нѣкоторымъ изъ вышеупомянутыхъ плотниковъ, которые и признали въ нихъ лицъ, посѣщавшихъ въ Самарѣ артель и читавшихъ имъ книги. Войнаральскій и Осташкинъ, не отвергая сношеній съ плотниками, не признали лишь чтенія послѣднимъ революціонныхъ книгъ, а Войнаральскій кромѣ сего объяснилъ, что во время своего путешествія по Корсунскому уѣзду знакомился съ крестьянами и бесѣдовалъ съ ними въ томъ ду-

ѣ, который находилъ „возможнымъ“, и подъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ знакомства съ міросозерцаніемъ населенія, написалъ въ Москву письмо на имя Шершивадзе (отъ 21-го іюля). Между тѣмъ, въ то самое время, когда Войнаральскій и Осташкинъ пропагандировали въ средѣ плотниковъ, всѣ прочія увлеченныя Войнаральскимъ на путь революціонной дѣятельности лица, собиравшіяся въ домѣ Зарывалова, въ квартирѣ Петропавловскаго и Дамаскина, были заняты, по словамъ Никольскаго, перепиской съ другими городами, хлопотали о займѣ денегъ и о пріисканіи другой, болѣе секретной квартиры, и въ это же время Войнаральскій (подъ фамиліею Иванова) получилъ три письма, въ которыхъ его извѣщали о томъ, гдѣ и кто арестованъ; въ разговорахъ съ Никольскимъ Войнаральскій и его товарищи порицали правительство и всѣ его распоряженія, говорили о бѣдствіяхъ и нуждахъ народа и предлагали Никольскому, какъ бывшему волостному писарю, вновь занять эту должность и снабдить пропагандистовъ паспортами. Петропавловскій, кромѣ сего, совѣтовалъ Никольскому читать и далъ ему для прочтенія книги: „Отщепенцы“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, а отъ Александровскаго Никольскій получилъ впослѣдствіи „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Узнавъ, что братъ Никольскаго состоитъ домашнимъ учителемъ на хуторѣ купца Волкова, Войнаральскій возымѣлъ намѣреніе идти туда на пропаганду, и чтобы не вызвать своимъ появленіемъ какихъ-либо подозрѣній, упросилъ Никольскаго написать брату записку, что Никольскій и исполнилъ. 12-го іюля Осташкинъ былъ задержанъ на постояломъ дворѣ Фоминскаго вмѣстѣ съ Коваликомъ, при чемъ у него была отобрана записка, писанная тремя разными шифрами съ адресомъ Ушакова въ Пензѣ; Пономаревъ былъ задержанъ 21-іюля въ Самарѣ, при чемъ въ квартирѣ, въ которой онъ проживалъ, найдены листы изъ книги „Отщепенцы“, а Петропавловскій былъ арестованъ 5-го августа въ Бузулукскомъ уѣздѣ, въ домѣ своей матери; по обыску у него были найдены книги: „Вольный атаманъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ“, „Сказка о 4-хъ братьяхъ“, „Очерки фабричной жизни“, „Крестьянскіе выборы“, „Гражданская война во Франціи“ и „Исторія одного французскаго крестьянина“. Осташкинъ, Петропавловскій и Пономаревъ не признали себя виновными. Относительно дѣятельности прочихъ членовъ кружка слѣдствіемъ выяснено слѣдующее: Дамаскинъ, передавъ своему товарищу по семинаріи Боголюбову „Сказку о четырехъ братьяхъ“, отправился въ Бузулукскій уѣздъ, гдѣ, въ селѣ Павловскѣ и деревнѣ Ивановкѣ читалъ крестьянамъ ту же сказку, а 8-го августа былъ задержанъ въ селѣ Коноваловкѣ, въ домѣ священника Петропавловскаго, при чемъ у него, между прочимъ, были найдены брошюры „Чтой-то братцы“ и „Программа работниковъ“ Лассаля. Дамаскинъ не призналъ себя виновнымъ и во время производства предварительнаго слѣдствія обнаружилъ признаки разстройства умственныхъ способностей. Иванъ Никольскій, по его собственному показанію, отправился въ Ставропольскій уѣздъ съ цѣлью пріисканія себѣ мѣста волостного писаря, но не успѣвъ въ этомъ, вернулся въ Самару, гдѣ изъ членовъ кружка засталъ только Александровскаго, находившагося въ больницѣ, котораго онъ навѣщалъ и которому, по его просьбѣ, возвратилъ полученную отъ него „Сказку о четырехъ братьяхъ“. Никольскій призналъ себя какъ виновнымъ

въ сношеніи съ лицами, принадлежавшими къ противозаконному обществу, составившемуся съ цѣлью революціонной пропаганды, такъ и въ передачѣ Александровскому „Сказки о четырехъ братьяхъ". Александровскій велъ, по показанію Никольскаго, пропаганду между крестьянами въ томъ селѣ, гдѣ братъ его служилъ священникомъ, о чемъ Никольскій слышалъ отъ самого Александровскаго; находясь же въ больницѣ въ гор. Самарѣ, Александровскій, какъ это удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, читалъ больнымъ „Сказку о 4-хъ братьяхъ". Александровскій призналъ себя виновнымъ въ чтеніи другимъ лицамъ вышеозначенной книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ, что преступный характеръ книги не былъ ему извѣстенъ. Основатель кружка, Порфирій Войнаральскій, вскорѣ послѣ возвращенія изъ своего путешествія по Корсунскому и Сызранскому уѣздамъ, вновь отправился на пропаганду въ Ставропольскій уѣздъ, при чемъ на этотъ разъ спутницей Войнаральскаго явилась Надежда Юргенсонъ. Прибывъ, какъ сказано выше, изъ Пензы въ Самару для предупрежденія Войнаральскаго о грозившей ему опасности, Надежда Юргенсонъ, тщетно разыскивавшая, какъ видно изъ ея показанія, акушерку Иванову, появилась въ квартирѣ Осипова, Филадельфова и Бѣлякова, гдѣ, по удостовѣренію Филадельфова, и прожила нѣсколько дней, при чемъ, по ея собственнымъ словамъ, особенно подружилась съ Лазаревымъ. Получивъ отъ Городецкаго записку къ Бодяжину, Юргенсонъ отправилась къ послѣднему въ село Малые-Толкаи, гдѣ, по словамъ Бодяжина, и проживала нѣкоторое время, занимаясь черною работой; изъ показанія Бодяжина оказывается, что Юргенсонъ носила крестьянское платье, называлась крестьянкою Дарьею Трофимовою, ходила дня на три въ деревню Нуштайкино, разговаривала съ крестьянами и имѣла при себѣ книгу „Стеньку Разина" въ стихахъ. По возвращеніи въ Самару, Юргенсонъ, какъ уже сказано, бывала въ квартирѣ Петропавловскаго и другихъ въ домѣ Зарывалова, встрѣтилась тамъ съ Войнаральскимъ и въ половинѣ іюля отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ Ставропольскій уѣздъ. Въ гор. Ставрополѣ у Войнаральскаго были двѣ знакомыя личности—мѣщанка Ольга Иванова Сахарова и сельская учительница Марья Степанова Иванова; съ Ивановою Войнаральскій познакомился чрезъ сельскаго учителя села Семейкина, Самарскаго уѣзда, Владиміра Попова, нынѣ умершаго, а чрезъ посредство Ивановой завелъ знакомство и съ Сахаровою. При слѣдствіи Иванова и Сахарова дали о своемъ знакомствѣ съ Войнаральскимъ объясненія не только не согласныя между собою, но и противорѣчащія показаніямъ, даннымъ ими при дознаніи. Иванова объяснила, что въ концѣ іюня или началѣ іюля, во время бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда, она познакомилась съ Владиміромъ Поповымъ, въ свою очередь познакомившимъ ее съ какимъ-то Ивановымъ, оказавшимся впослѣдствіи Войнаральскимъ, съ которымъ она видѣлась всего два раза, однажды на улицѣ, а другой разъ на пароходной пристани, когда онъ уѣзжалъ внизъ по Волгѣ. Въ этотъ послѣдній разъ съ нею были сестры Сахаровы, но она ихъ съ Войнаральскимъ не знакомила, а сказала лишь имъ кто онъ. Сахарова показала, что въ Самарѣ не была, на пароходную пристань не ходила и познакомилась съ Ивановымъ совершенно случайно въ Ставрополѣ. Между тѣмъ при дознаніи Иванова дала слѣдующее показаніе: учитель села Се-

мейкина, Владимиръ Поповъ, познакомившись съ нею въ Самарѣ, разсказалъ ей, что существуетъ много лицъ, желающихъ установить равенство между людьми, и говорилъ, что для этого нужно сдѣлать бунтъ и ходить въ народъ для подготовленія его; что необходимо отнять землю у богатыхъ и раздѣлить ее между всѣми: обѣщалъ пріѣхать въ Ставрополь для подготовленія мѣстнаго населенія и вообще выражалъ желаніе, устроивъ свои денежныя дѣла, оставить должность сельскаго учителя и идти въ народъ на пропаганду; въ это же время Поповъ познакомилъ ее съ Ивановымъ, который, зная, вѣроятно, отъ Попова, что ей уже все извѣстно, ограничился въ разговорѣ съ нею лишь указаніемъ на то, что слѣдуетъ ходить босикомъ и въ крестьянскомъ платьѣ. Поповъ, придя однажды къ ней на квартиру, спросилъ, нѣтъ ли у нея въ Ставрополѣ знакомыхъ поумнѣе; она указала на Сахаровыхъ, и Поповъ, изъявилъ желаніе повидаться съ ними, говоря, что онѣ, можетъ быть, будутъ энергичнѣе ея, Ивановой, и заставятъ ее согласиться съ его взглядами. Она не согласилась привезти Сахаровыхъ въ Самару, но Сахаровы сами пріѣхали въ этотъ городъ, и такъ какъ въ это время Ивановъ уѣзжалъ въ Корсунь, а Сахаровы изъявили желаніе познакомиться съ нимъ, то она, Иванова, и пошла съ ними на пароходную пристань, гдѣ и познакомила ихъ съ Ивановымъ. Съ своей стороны, Сахарова при дознаніи объяснила, что Иванова вернулась въ Ставрополь съ бывшаго въ Самарѣ учительскаго съѣзда очень взволнованною и сообщила, что существуютъ лица, желающія установить равенство между людьми, что у нихъ есть своя типографія, почта, что черезъ два года они произведутъ переворотъ, что ее также приглашали помочь этому дѣлу и что она объявила, что у нея есть подруги, которыхъ она привезетъ въ Самару. Вслѣдствіе такого разсказа Ивановой, Сахарова отправилась съ нею въ Самару, гдѣ тотчасъ по ихъ прибытіи явился къ нимъ Поповъ, съ которымъ Иванова ее и познакомила, и сказалъ, что Ивановъ уѣзжаетъ, вслѣдствіе чего онѣ пошли на пристань, а тамъ Иванова представила ее Иванову. Такимъ образомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Войнаральскій, отправляясь съ Юргенсонъ въ Ставрополь, былъ уже знакомъ съ Ольгою Сахаровою, каковое обстоятельство признано самимъ Войнаральскимъ, изъ показанія котораго видно, что познакомившись съ Сахаровою черезъ посредство Ивановой на пристани, въ то время, когда онъ уѣзжалъ въ Корсунь, онъ обѣщалъ Сахаровой пріѣхать къ ней въ Ставрополь послѣ своего возвращенія въ Самару. Прибывъ въ Ставрополь, Войнаральскій и Юргенсонъ остановились въ квартирѣ Ивановой, гостившей въ то время, какъ она объяснила при дознаніи, у Цвѣтковой въ Саратовѣ; Сахарова, по ея собственнымъ словамъ, подтвержденнымъ и показаніемъ Войнаральскаго, пришла на квартиру Ивановой, гдѣ познакомилась съ Юргенсонъ, выхлопотала себѣ, по удостовѣренію Войнаральскаго, вслѣдствіе его о томъ просьбы, видъ на жительство и затѣмъ вмѣстѣ съ Войнаральскимъ и Юргенсонъ отправилась къ своему знакомому народному учителю Льву Канаеву, въ село Васильевку, Вольная-Грязнуха тожъ. По показанію Канаева, Сахарова, Войнаральскій и Юргенсонъ прибыли къ нему 20-го іюля, при чемъ Сахарова отрекомендовала ему своихъ спутниковъ какъ людей съ „новыми убѣжденіями“, и при томъ Войнаральскаго—подъ фамиліей Иванова. Войнаральскій и Юргенсонъ

объяснили Канаеву, что по рекомендаціи Сахаровой они считаютъ его за человѣка не глупаго и близко стоящаго къ народу, а, слѣдовательно, знающаго его нужды, что такого рода люди имъ очень нужны, такъ какъ чрезъ ихъ посредство можно войти въ непосредственныя сношенія съ народомъ для веденія противоправительственной пропаганды, а затѣмъ Войнаральскій сталъ уговаривать Канаева поступить въ число пропагандистовъ и вести пропаганду въ окрестныхъ селахъ, при чемъ высказывалъ, что нужно дѣйствовать открыто и вербовать подходящихъ людей для открытаго возстанія противъ существующаго правительственнаго порядка. Когда къ Канаеву зашли крестьяне Иванъ Симаевъ и Иванъ Сергѣевъ (Кузьминъ), то Войнаральскій завелъ съ ними рѣчь объ урожаѣ, о повинностяхъ, о надѣлѣ землей, и тому под.; говорилъ имъ, что съ крестьянъ взыскиваютъ подати, земли же даютъ мало, что земля сотворена Богомъ и повинностей за нее брать не слѣдуетъ и что если бы не было начальства, то землю раздѣлили бы поровну и некому было бы платить повинностей. Весь вышеприведенный разговоръ Войнаральскаго съ крестьянами Канаевъ слышалъ изъ сосѣдней комнаты и дѣлалъ даже попытку остановить Войнаральскаго, но послѣдній настаивалъ на томъ, чтобы пригласить какъ можно больше крестьянъ, которые побойчѣе и поумнѣе; видя безуспѣшность своихъ убѣжденій, Канаевъ отправился кататься на лодкѣ съ Сахаровою и возвратился лишь передъ закатомъ солнца. Оставшись въ квартирѣ Канаева, Войнаральскій собралъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ и, какъ видно изъ показаній послѣднихъ, сталъ говорить имъ, что крестьяне впредь податей платить не будутъ, что они будутъ жить „по волѣ“, что землю господскую отдадутъ имъ и что Царя также не будетъ: доказывалъ, что начальство и господъ слѣдуетъ перевѣшать, а Царя лишить власти, разсказывалъ при этомъ, что такихъ людей, какъ онъ, ходитъ много,—человѣкъ 500, и внушалъ, что солдатъ можно подговорить, такъ какъ у каждаго крестьянина есть между солдатами родственники и что поэтому солдаты на крестьянъ не пойдутъ. Пока Войнаральскій пропагандировалъ въ домѣ Канаева, Надежда Юргенсонъ занималась тѣмъ же въ сосѣдней деревнѣ Куликовкѣ, гдѣ, по удостовѣренію нѣсколькихъ свидѣтелей, говорила крестьянамъ, что жить имъ трудно, что начальство ихъ притѣсняетъ, что если бы народъ взбунтовался, то было бы свободнѣе, что придетъ время, когда начальство и господъ надо будетъ „порѣшить“, и при этомъ читала какую-то книжку. Опредѣлить, какую именно книгу читала крестьянамъ Юргенсонъ, свидѣтели не могли, но при дознаніи пояснили, что читанная имъ книжка въ темножелтомъ переплетѣ была похожа на брошюру „Чтой-то братцы“, но какъ будто поменьше послѣдней, и что въ ней говорилось о какомъ-то кровопролитіи и о солдатахъ, о томъ, что волю крестьянамъ дали не настоящую, что господъ и начальства не нужно и что Царя тоже не надо. Братъ Льва Канаева—Егоръ Канаевъ—съ своей стороны, удостовѣрилъ, что у Юргенсонъ была книжка небольшого формата, безъ заглавія, каковую книгу онъ, Егоръ Канаевъ, просмотрѣлъ и убѣдился, что она противоправительственнаго содержанія. Сопоставляя показанія крестьянъ деревни Куликовки съ объясненіемъ Егора Канаева, есть полное основаніе признать, что книга, которую Юргенсонъ читала крестьянамъ, была «Сказка о четырехъ брать-

ях", переплетенная безъ заглавнаго листа. Между тѣмъ крестьяне, съ которыми разсуждалъ Войнаральскій въ домѣ Канаева, расходясь по домамъ, что было уже къ вечеру, порѣшили заявить о происходившемъ сельскому старостѣ. Староста прибылъ въ домъ Канаева, гдѣ находилась также и Юргенсонъ, вернувшаяся къ тому времени изъ деревни Куликовки, и потребовалъ у Войнаральскаго и Юргенсонъ предъявленія видовъ на жительство. Войнаральскій объявилъ, что у него паспорта нѣтъ, а Юргенсонъ предъявила свой видъ на жительство, который и былъ отнесенъ старостой къ мѣстному священнику, а затѣмъ къ дому Канаева былъ приставленъ караулъ. Находясь подъ арестомъ въ квартирѣ Канаева, Войнаральскій написалъ шифрованную записку, найденную впослѣдствіи у него при обыскѣ; по разборѣ шифра, записка оказалась слѣдующаго содержанія: „Деревня Грязнуха, Ставропольскаго уѣзда. Сейчасъ меня арестовали, убѣдительно прошу Каменьскаго и другихъ всѣ мои деньги употребить на народное дѣло и выдавать тому, кто предъявитъ этотъ шифръ. Это мое послѣднее завѣщаніе. Работайте же энергичнѣе по нашему дѣлу! Другъ Порфирій. 21 іюля 1874 г." Приставленные къ дому Канаева караульные, видя, что утромъ ихъ не смѣняютъ, разошлись, а Войнаральскій и Юргенсонъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, скрылись. О бѣгствѣ названныхъ лицъ Канаевъ узналъ отъ Сахаровой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ разсказала ему, что передала Юргенсонъ свой видъ на жительство. Сахарова, не признавая себя виновною, объяснила, что ей неизвѣстно, какимъ образомъ ея паспортъ оказался въ рукахъ Юргенсонъ. По обыску у Сахаровой найдены письма Софьи Перовской, въ которыхъ послѣдняя приглашала Сахарову пріѣхать въ Петербургъ, при чемъ упоминала о сестрахъ Корниловыхъ. Чрезъ три дня послѣ своего бѣгства изъ Грязнухи, а именно 24-го іюля, Войнаральскій и Юргенсонъ были задержаны въ г. Самарѣ, въ домѣ Дудинцова, въ квартирѣ солдатской дочери Кирилловой, знакомой Павла Чернышева и Филадельфова. Юргенсонъ, при задержаніи ея, выдала себя за Ольгу Сахарову и предъявила видъ на жительство послѣдней. При обыскѣ у Войнаральскаго въ карманѣ его пальто были найдены двѣ карты Самарской губерніи и пять листовъ шифрованныхъ записокъ, въ числѣ которыхъ находилась и написанная Войнаральскимъ въ с. Грязнухѣ; по разборѣ остальныхъ записокъ, въ нихъ оказались адресы: Софинскаго, Миллера, Рабиновича (Лемени), Пономарева, Дегтерева, Осташкина, Мейера, Мышкина (Зензинова), Грибоѣдова, Духовскаго въ Нижнемъ, Иванчина-Писарева, Блавдзевичъ, Паевскаго, Павла Григорьева, Артамонова (Нины Ивановой Сергѣевой) и крестьянъ Симбирскаго и Корсунскаго уѣздовъ, а также ключъ къ шифру: „Пустынной Волги берега темнѣютъ черныхъ юртъ рядами желѣзной финогеша Щебальскій". Юргенсонъ, отрицая свою виновность, объяснила, между прочимъ, что познакомилась съ Войнаральскимъ въ Петербургѣ, въ февралѣ 1874 г., и что ея поѣздки въ Пензу и въ Самару были вызваны желаніемъ испробовать на себѣ самой различныя условія общественной жизни и испытать положеніе работницы, учительницы и т. д., что она и не скрывала. Между тѣмъ послѣ ареста Юргенсонъ въ Самарѣ было получено письмо ея матери, въ которомъ послѣдняя писала дочери: „я узнала, что адресъ, данный тобою для переписки, былъ ложный. Письмо твое отъ 23-го мая получено.

Ты пишешь, что ты въ Москвѣ, между тѣмъ на конвертѣ стоитъ Пенза. Изъ всего этого я вижу, что ты все врешь". Порфирій Войнаральскій на предложенный ему при слѣдствіи вопросъ о томъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, отвѣчать отказался. Такимъ образомъ, большинство революціонныхъ дѣятелей, ушедшихъ въ народъ весной 1874 г., было задержано къ осени того же года, и уже въ августѣ въ письмѣ, подписанномъ „Раскольникова", Ободовская, констатируя неуспѣхъ пропаганды, писала слѣдующее: „Тяжело то, другъ, что большинство личностей, несмотря на единичные и серіозные ошибки и провалы, несмотря на множество поучительныхъ для себя фактовъ, не становятся искренними, прямыми, безпристрастными аналитиками всего происшедшаго въ этотъ годъ; никто почти не сводитъ серіозно счетовъ съ собою и съ тѣмъ общимъ цѣлымъ въ его содержаніи и формахъ, которое успѣло достаточно выразиться и характеризоваться крайне грустно, даже мрачно . . . . Не принимая сама непосредственнаго участія въ попыточной практикѣ, я тѣмъ не менѣе наблюдала и проживала цѣлое въ его частностяхъ, простыхъ и болѣе сложныхъ, которыми оно разрѣшалось отъ поры до времени; изъ нихъ я составила понятіе о тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ теперь народное дѣло, и вижу я, живого намъ дѣла теперь вовсе нѣтъ даже въ живомъ зародышѣ . . . . Наши пропагандисты пропорхнули по Руси и нигдѣ не пристроились потому лишь, что все имъ мѣстности попадались неблагодарныя; имъ приходилось отказаться отъ прежней сладкой надежды, что, ничего не дѣлая, живя на чужой счетъ, ведя праздную жизнь въ средѣ рабочаго люда, они могутъ дѣлать что-нибудь путное . . . . Вотъ и не выходили они себѣ ничего со своими особыми, несвоевременными требованіями . . . . Тысячи истратили они на свои демократо-туристкія странствованія, анархисты же, главнымъ образомъ, занялись организаціей провинціальнаго юношества для немедленнаго поднятія революціи . . . . Теперь же народъ не знаютъ и a priori рѣшаютъ: писать книжки нужно, а о чемъ, не знаютъ . . . . они думаютъ отдуваться книжками, сочиняемыми ими, которыя болѣе мечтаютъ о народѣ, чѣмъ знаютъ его. Запасшись ими, побаловавшись мастерскими одинъ, два мѣсяца, они отправятся на дѣло. Опять начнется старая пѣсня. Всѣ страшные провалы, кои были до сихъ поръ, не научили, какъ видно, ничему товарищей нашихъ... Провалъ прокламаціонистовъ, провалъ съ рабочими фабричными и заводскими, провалъ съ крестьянами въ Ярославской губерніи ничего не указали... Московскій погромъ: Войнаральскій нашелъ типографію, которая взялась печатать нецензурныя вещи, тюки съ книгами пересылались въ Саратовъ, одинъ попался, съ этого началось дѣло... въ Москвѣ арестованы двѣ Лебедевы, Дубенскіе, братъ и сестра, пять наборщицъ.... (какъ гласятъ слухи, еще арестованъ Войнаральскій и бар. и Варя, давно уже взятъ Ковальскъ въ Самарѣ . . . . въ Питерѣ пока тихо—ждемъ)". По окончаніи предварительно слѣдствія Николай Стропскій умеръ отъ паралича сердца. Неизвѣстный человѣкъ, задержанный въ Харьковѣ и называвшій себя Павломъ Александровымъ, заявилъ, что онъ крестьянинъ Московскій губерніи, дер. Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, а Юлія Семенова (Прушакевичъ), Евгеній Іогансонъ и Ааронъ Павловскій скрылись. Въ квартирѣ Павловскаго, при охраненіи

его имущества, было найдено письмо изъ Таганрога, отъ 14 сентября, подписанное буквами „Е“ и, повидимому, „З“, въ которомъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мѣста, объясняющія причину измѣненія нѣкоторыми лицами показаній, данныхъ при дознаніи: „Письмо твое мнѣ хуже ножа въ сердце. Ты себѣ и представить не можешь, какія я давалъ показанія въ тюрьмѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что тебѣ были представлены эти показанія. Въ іюнѣ же 1875 г. я далъ показанія, какія были посланы Егоръ Павловичемъ; въ достовѣрности этого можешь убѣдиться, спросивъ у своей матери, она же и отсылала ихъ даже на почту и отправила мои показанія, которыя ей предварительно прочелъ. Показанія эти были составлены мною съ помощью Вари по даннымъ, присланнымъ мнѣ изъ Питера, эти же показанія я подтвердилъ у таганрогскаго слѣдователя... Если примутся во вниманіе только мои тюремныя показанія, то, конечно, остается винить мою неопытность и болѣзненное состояніе, въ которомъ я находился въ тюрьмѣ“. Независимо отъ вышеизложеннаго, слѣдствіемъ обнаружены отдѣльные случаи распространенія книгъ революціоннаго содержанія въ Вятской и Орловской губерніяхъ и въ городѣ Москвѣ. Въ іюлѣ 1875 г., въ гор. Вяткѣ, въ квартирѣ сапожнаго мастера Гавріила Германа Прокопьева, какъ удостовѣрено нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, происходили, въ присутствіи постороннихъ лицъ, чтенія книгъ революціоннаго содержанія, въ томъ числѣ и „Исторія одного французскаго крестьянина“. Читали книги: проживавшій нѣкоторое время у Прокопьева писарь Дебесской мѣстной команды, бывшій ученикъ Вятскаго Земскаго Техническаго Училища, Арсеній Аѳанасьевъ Леонтьевъ и, по показанію малограмотнаго Прокопьева, находившійся у него въ обученіи, 15-ти лѣтній крестьянскій мальчикъ Матвѣй Хорошавинъ; кромѣ сего Прокопьевъ передалъ другому лицу для чтенія „Пѣсенникъ“. Прокопьевъ и Леонтьевъ не признали себя виновными, между тѣмъ изъ показанія самого Леонтьева видно, что имъ была привезена къ Прокопьеву тенденціозная книга—„Очерки фабричной жизни“, а свидѣтельскими показаніями удостовѣрено, что Прокопьевъ хвалилъ читавшіяся у него книги, доказывалъ пользу таковыхъ и объяснилъ, что „Царской фамиліи, начальства и чиновниковъ не будетъ, и что чрезъ три года или чрезъ десять лѣтъ будетъ въ Россіи бунтъ и явится какой-нибудь Стенька Разинъ, который и пойдетъ за насъ“. По обыску у Прокопьева найдены книги: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Дѣдушка Егоръ“, „Стенька Разинъ“, „Степные очерки“, „Очерки фабричной жизни“, „Гришка Отрепьевъ“ и „Пѣсенникъ“. По показанію Хорошавина, изъ числа найденныхъ у Прокопьева книгъ: „Исторія одного французскаго крестьянина“, „Дѣдушка Егоръ“, „Степные очерки“, „Стенька Разинъ“ и „Пѣсенникъ“ были получены имъ, Хорошавинымъ, отъ сельской учительницы села Камышинскаго, Орловскаго уѣзда, Анны Васильевой Якимовой, у которой онъ учился и которая платила за обученіе его сапожному мастерству у Прокопьева. Якимова не признала передачи Хорошавину вышепоименованныхъ книгъ, по обыску же у нея найдены: „Дѣдушка Егоръ, „Стенька Разинъ“ и „Сказка о четырехъ братьяхъ“, въ имѣніи каковыхъ книгъ Якимова и признала себя виновною, объяснивъ, что первую изъ нихъ она купила въ книжномъ магазинѣ, а двѣ послѣднія—на толку-

чемъ рынкѣ. Кромѣ сего, у Якимовой найденъ отрывокъ письма, въ которомъ упоминается о Клавдіи Кувшинской, у коей, какъ сказано выше, проживала нѣкоторое время Клеопатра Осипова (Лукашевичъ). Въ Январѣ 1875 г., въ Москвѣ, къ рабочему фабрики Гюбнера, крестьянину Николаю Скворцову явился неизвѣстный ему человѣкъ, который, ссылаясь на земляка Скворцова, крестьянина Ивана Андреева, изъявилъ желаніе получить мѣсто слесаря на фабрикѣ и пригласилъ Скворцова въ трактиръ, гдѣ предложилъ ему дать книгъ для чтенія, обѣщая придти вечеромъ въ трактиръ съ товарищемъ; дѣйствительно, вечеромъ того же дня Скворцовъ засталъ въ трактирѣ неизвѣстнаго съ товарищемъ и получилъ вновь приглашеніе явиться 18-го января въ трактиръ Эривань. Подозрѣвая въ дѣйствіяхъ неизвѣстнаго противозаконную цѣль, Скворцовъ заявилъ о вышеизложенномъ жандармскому управленію и 18-го января явился въ трактиръ Эривань съ приглашеннымъ, по совѣту квартальнаго надзирателя, лавочникомъ Степаномъ Ноздринымъ. По удостовѣренію Скворцова и Ноздрина, неизвѣстный, котораго они застали уже въ трактирѣ, угостилъ ихъ чаемъ и сталъ доказывать, что правительство притѣсняетъ народъ и тратитъ непроизводительно деньги, что правительство вовсе не нужно и что если бы народъ управлялся самъ, то жилъ бы богато, послѣ чего пригласилъ Ноздрина въ ретирадное мѣсто и передалъ ему тамъ „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и „Стеньку Разина“; задержанный находившимся въ трактирѣ полицейскимъ, неизвѣстный былъ препровожденъ въ мѣстное жандармское управленіе, при чемъ дорогой пытался бѣжать. Задержанный человѣкъ назвался первоначально Михаиломъ Оедоровымъ, но впослѣдствіи объяснилъ, что онъ сынъ заштатнаго дьячка, Михаилъ Ѳедоровъ Грачевскій, имѣвшій намѣреніе поступить въ Технологическій Институтъ въ Петербургѣ, работавшій тамъ же въ заводѣ Струбинскаго и въ ноябрѣ прибывшій въ Москву. Грачевскій призналъ себя виновнымъ въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. Изъ показанія Скворцова видно, что въ ноябрѣ 1874 г., встрѣтивъ Ивана Андреева, на котораго сослался Грачевскій и знакомаго Андреева Ивана Осипова, онъ вмѣстѣ съ ними пошелъ сначала въ трактиръ, а потомъ на фабрику, гдѣ Осиповъ читалъ „Сказку о четырехъ братьяхъ“, которую и передалъ ему вмѣстѣ съ двумя другими книгами — „Пѣсенникомъ“ и „Исторіей одного французскаго крестьянина“. При дознаніи Скворцовъ объяснилъ, что Андреевъ и Осиповъ жили на одной квартирѣ, въ Козицкомъ переулкѣ, въ домѣ Цикина, каковой адресъ найденъ у Петра Осипова Союзова, въ деревнѣ Шелковой, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Иванъ Осиповъ, передавшій Скворцову революціонныя книги, былъ Иванъ Осиповъ Союзовъ, который, какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, въ томъ же 1874 г. приходилъ два раза на родину съ товарищами, пѣлъ революціонныя пѣсни и оставилъ у своего брата преступнаго содержанія стихотворенія и книги. Въ мартѣ 1875 г., въ Ливенскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, была обнаружена агитаторская дѣятельность наставника Гатищенскаго сельскаго училища, Павла Трудковскаго, состоявшая какъ въ словесной пропагандѣ революціонныхъ идей въ средѣ мѣстнаго населенія, такъ и въ распространеніи книгъ революціоннаго содержанія. По обыску у Трудковскаго были найдены книги: „Историческое развитіе интернаціонала“, „Что дѣлается на

родинѣ", „Лѣтопись рабочаго движенія", „Прибавленіе А", „Впередъ" и нѣсколько тенденціозныхъ книгъ, а также нѣсколько рукописныхъ стихотвореній изъ „Пѣсенника" и клочекъ бумаги съ вопросами: „Есть ли въ окрестностяхъ заводы и какіе именно? Какъ велики поборы за церковныя требы? Каковы отношенія крестьянъ къ духовенству? Въ какихъ отношеніяхъ крестьяне находятся къ старшинѣ и писарю?" и т. дал. Сынъ дьякона Павелъ Никаноровъ Трудковскій далъ вполнѣ невѣроятныя объясненія о способѣ пріобрѣтенія найденныхъ у него книгъ, утверждая, что таковыя были незавѣдомо для него положены въ его вещи неизвѣстною личностью, назвавшеюся Новиковымъ, во время проѣзда по Грязе-Орловской желѣзной дорогѣ; отвергая затѣмъ злонамѣренное распространеніе книгъ и пропаганду революціонныхъ идей, Трудковскій не призналъ себя ни въ чемъ виновнымъ. Между тѣмъ изъ показаній нѣсколькихъ свидѣтелей оказывается, во 1-хъ, что Трудковскій давалъ читать и самъ читалъ другимъ лицамъ „Хитрую механику", „Сказку о четырехъ братьяхъ" и найденныя у него при обыскѣ стихотворенія, въ числѣ которыхъ были стихи „Ужъ какъ шелъ кузнецъ", и во 2-хъ, что Трудковскій въ разговорахъ съ нѣкоторыми мѣстными жителями производилъ антирелигіозныя убѣжденія и рѣзко отзывался о правительствѣ, порицалъ установленные имъ порядки и восхвалялъ чужестранные. Сверхъ сего, подсудимые Волховской, Ларіоновъ и Эндауровъ, а также отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ обвиняются въ нижеслѣдующихъ преступныхъ дѣяніяхъ. 21-го ноября 1874 г., содержавшійся подъ стражею въ Московскомъ тюремномъ замкѣ Феликсъ Волховской, возвращаясь въ замокъ изъ жандармскаго управленія, бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандарму Баранову нюхательный табакъ и пытался скрыться, но былъ задержанъ. Волховской сознался, что покушеніе на побѣгъ было имъ совершено по заранѣе обдуманному плану, для приведенія котораго въ исполненіе онъ и запасся нюхательнымъ табакомъ и просилъ вызвать его въ жандармское управленіе; при этомъ Волховской объяснилъ, что о намѣреніи его совершить побѣгъ никому не было извѣстно. Послѣднее объясненіе Волховскаго представляется несогласнымъ съ обстоятельствами дѣла, изъ которыхъ оказывается, что въ побѣгѣ Волховскаго принималъ дѣятельное участіе отставной коллежскій регистраторъ Всеволодъ Лопатинъ. По удостовѣренію жандарма Баранова, Волховской былъ отправленъ изъ жандармскаго управленія въ тюремный замокъ около двухъ часовъ пополудни; въ это же время Лопатинъ, подойдя къ биржѣ у трактира Тѣстова, обратился къ извозчикамъ съ вопросомъ, у кого изъ нихъ хорошая лошадь, и взялъ безъ ряда извозчика Парѳена Михайлова, сказавъ, что укажетъ, куда нужно ѣхать. По указаніямъ Лопатина, Михайловъ поѣхалъ по Петровкѣ, по Страстному бульвару, по Малой-Дмитровкѣ и Новой-Слободѣ; доѣхавъ до перекрестка съ Селезневской улицею, Лопатинъ велѣлъ ѣхать назадъ, и доѣхавъ до церкви Св. Николая, вновь приказалъ повернуть и ѣхать шибче. Пріѣхавъ на площадку передъ самимъ тюремнымъ замкомъ, гдѣ въ это время, по показанію Михайлова, жандармъ и городовой барахтались на землѣ съ Волоховскимъ, Лопатинъ закричалъ „стой", выскочилъ изъ саней, оттолкнулъ городового, разжалъ руки жандарму и оттащилъ его отъ Волховскаго, который, вскочивъ на ноги, бросился бѣжать, Лопатинъ же вскочилъ въ сани и крик-

нулъ „пошелъ“, но былъ задержанъ, равно какъ и Волховской. Лопатинъ, не отвергая своего знакомства съ Волховскимъ, съ которымъ нѣкоторое время жилъ даже на одной квартирѣ, объяснилъ, что ему не было даже извѣстно нахожденія Волховскаго въ Москвѣ; по словамъ Лопатина, онъ дорогой въ Петровскую Академію увидѣлъ совершенно случайно предъ тюремнымъ замкомъ, что жандармъ и городовой бьютъ кого-то, началъ ихъ отъ этого останавливать и узналъ Волховскаго только тогда, когда послѣдній, поднявшись съ земли, бросился бѣжать; ѣзду же свою взадъ и впередъ предъ тюремнымъ замкомъ Лопатинъ объяснилъ тѣмъ, что, забывъ адресъ знакомаго, съ которымъ хотѣлъ ѣхать въ Академію, хотѣлъ вернуться домой, но вспомнивъ таковой адресъ, вновь рѣшилъ ѣхать въ Академію. Такое показаніе Лопатина, неправдоподобное само по себѣ, представляется несогласнымъ съ изложенными выше обстоятельствами дѣла, не оставляющими никакого сомнѣнія въ томъ, что Лопатинъ дѣйствовалъ по предварительному соглашенію съ Волховскимъ. Лопатинъ, какъ видно изъ его показанія, былъ исключенъ въ 1869 году изъ Московскаго университета и высланъ подъ надзоръ полиціи въ городъ Ставрополь. 23 декабря 1873 г., высланный изъ Петербурга въ городъ Вельскъ, Вологодской губерніи, за неимѣніе опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, личный почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, вмѣстѣ съ лишеннымъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и сосланнымъ на житье въ Вологодскую губернію Иваномъ Львовымъ Терликовымъ, скрылись изъ города Вельска, похитивъ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяковой лошадь съ упряжью и санями. Ларіоновъ, признавая, что ѣхалъ изъ Вельска на украденной лошади, объяснилъ, что лошадь была похищена Терликовымъ по соглашенію съ нимъ, Ларіоновымъ, ожидавшимъ прибытія Перликова съ лошадью у выѣзда изъ города; вышеозначенная лошадь была впослѣдствіи продана Ларіоновымъ, какъ видно изъ показанія Терликова, въ какой-то деревнѣ за три станціи до гор. Вологды. Въ началѣ 1874 года Петръ Ларіоновъ появился въ Корчевскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, гдѣ нѣкоторое время занимался письмоводствомъ въ Горицкомъ волостномъ правленіи, въ качествѣ помощника волостного писаря. Въ концѣ января Ларіоновъ получилъ отъ крестьянъ Горицкой волости Филиппа Ѳедорова, Ефима Степанова и Василія Иванова, довѣренность на веденіе ихъ дѣла съ помѣщикомъ Новокщеновымъ о выкупѣ усадебной земли, съ правомъ полученія, откуда будетъ слѣдовать, денегъ для передачи таковыхъ крестьянамъ. Въ силу означенной довѣренности Ларіоновъ получилъ 4-го февраля 1874 года изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства 240 р., внесенныхъ крестьянами на предметъ выкупа усадебной земли, и подлежавшихъ возврату крестьянамъ, о чемъ послѣдніе были поставлены въ извѣстность Горчевскимъ полицейскимъ управленіемъ. По полученіи означенныхъ денегъ Ларіоновъ скрылся и былъ задержанъ въ Кіевской губерніи, вслѣдствіе павшаго на него обвиненія въ государственномъ преступленіи. Ларіоновъ признался себя виновнымъ въ присвоеніи вышеупомянутыхъ 240 р. и объяснилъ, что по полученіи изъ казначейства денегъ онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ истратилъ рублей 50 на покупку платья и книгъ, остальныя же деньги онъ или потерялъ въ маскарадѣ въ большомъ театрѣ, или же таковыя были у него украдены. Саратовская судебная палата 30-го іюля 1873 г. донесла Пра-

вительствующему Сенату, что у городищенскаго мирового судьи Эндаурова, по распоряженію мѣстнаго мирового съѣзда, произведена была внезапная ревизія денежныхъ суммъ, книгъ и документовъ, при чемъ оказалось, что деньги, оставшіяся послѣ покойнаго технолога Васильева, въ количествѣ 3.275 р. 97 к. и хранившіяся въ казначействѣ, получены и записаны въ книгѣ мирового судьи Эндаурова 19 сентября 1872 г.; изъ нихъ выдано того же числа Колокольцевой 1.212 р. 45 к. с., купцу Путову 703 р. 60 к., а остальные: 1.359 р. 92 к. выданы Думѣ, по отношенію ея отъ 25-го августа 1872 г. Между тѣмъ изъ доставленныхъ свѣдѣній было усмотрѣно, что мировымъ судьей было взято изъ казначейства изъ сказанныхъ 3.275 р. 97 к. до 19 сентября, а именно: 3-го іюня—200 р., 9 іюня—200 р., 24 іюня—100 р., 30 іюня—100 р. 4 іюля—200 р., 15 іюля—300 р. и 4-го августа— 300 рублей., всего 1.400 рубл., которые по книгѣ судьи на приходъ записаны не были и до 19-го сентября оставались въ рукахъ его безгласными и которые онъ, еслибъ они были на лицо, могъ выдать думѣ по означенному требованію ея 25-го августа, но деньги эти поступили запиской въ книгу судьи уже 19-го сентября, при полученіи имъ изъ казначейства послѣдней суммы 1.895 р. 62 к., въ общей суммѣ 3.275 р. 97 к., думѣ же послѣдовала выдача въ количествѣ 1.359 р. 92 к. 10-го октября 1872 г. О вышеизложенномъ Городищенскій мировой съѣздъ сообщилъ судебной палатѣ, которая, по истребованіи отъ Эндаурова объясненій, нашла, что объясненіе Эндаурова о желаніи его чрезъ заблаговременное приготовленіе денегъ удовлетворить разныхъ кредиторовъ Васильева, обратившихся къ нему со словесными ходатайствами, и обѣщавшихъ немедленно представить исполнительные листы отъ Пензенскаго окружнаго суда, не согласуется съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Эндауровъ, несмотря на повторительное требованіе судебной палаты, затруднился, повидимому, даже поименовать этихъ лицъ въ своихъ представленіяхъ, и что на самомъ дѣлѣ съ исполнительными листами являлись только два лица, и при томъ на суммы болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя были заблаговременно взяты имъ изъ казначейства, и что ссылка Эндуарова на невозможность удовлетворенія требованія думы отъ 25-го августа ранѣе 10-го октября, вслѣдствіе отъѣзда его изъ участка, не подтверждается, потому что, какъ видно изъ дѣла, Эндауровъ находился въ отъѣздѣ изъ участка только съ 8-го по 15-е сентября и съ 20-го сентября по 7-е октября, деньги же въ надлежащемъ для удовлетворенія думы количествѣ были ранѣе взяты Эндауровымъ изъ казначейства, но никому не выданы. Посему, усмотрѣвъ въ вышеизложенномъ признаки преступленій, указанныхъ въ I ч. 354 ст. и II ч. 356 ст. Улож. о Наказ., судебная палата представила о дѣйствіяхъ Эндаурова на усмотрѣніе Правительствующаго Сената, который указами отъ 21-го октября и 3-го декабря 1873 года предписалъ Пензенскому окружному суду командировать одного изъ своихъ членовъ для производства по настоящему дѣлу предварительнаго слѣдствія. Изъ собранныхъ слѣдствіемъ данныхъ оказывается: 1) что первое обвиненіе доказывается слѣдующими данными: а) сознаніемъ Эндаурова въ томъ, что онъ, истребовавъ изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, начиная съ 3-го іюня по 3-е августа 1872 года, въ семь разъ 1,400 руб., принадлежа-

щихъ Васильеву, дѣйствительно не записывалъ ихъ на приходъ въ денежную книгу до 19-го сентября 1872 года; б) приложенными къ дѣлу 7-ю отношеніями Эндаурова въ Городищенское уѣздное казначейство, изъ которыхъ усматривается, что Эндауровъ получилъ изъ казначейства въ періодъ времени съ 9-го іюня по 3-е августа 1.400 руб. изъ денегъ, хранившихся въ депозитѣ его и оставшихся послѣ смерти технолога Васильева; в) денежною книгой мирового судьи 1 участка Городищенскаго уѣзда на записку партикулярныхъ суммъ, изъ которой видно, что деньги, принадлежавшія умершему Васильеву, въ количествѣ 3.275 р. 90 к., значатся на приходъ записанными подъ ст. 13 и полученными 19-го сентября 1872 года; и 2) что по второму обвиненію оказались слѣдующія улики: а) Эндауровъ, получивъ изъ казначейства разновременно 1.400 р. изъ денегъ принадлежавшихъ Васильеву, и не записавъ ихъ на приходъ, не имѣлъ къ этому требованію никакихъ рѣшительно основаній, такъ какъ къ нему въ этотъ періодъ времени никто не обращался съ ходатайствомъ о выдачѣ денегъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ 7 разъ были имъ вытребованы изъ казначейства означенныя деньги; б) мировые судьи Городищенскаго уѣзда Араповъ, Мотовиловъ, Литвиновъ при допросѣ показали, что когда до нихъ дошелъ слухъ, незамѣтно откуда исходящій, о растратѣ Эндауровымъ ввѣренныхъ ему по службѣ денегъ, то отъ имени всѣхъ членовъ Городищенскаго съѣзда было отослано Эндаурову письмо, въ которомъ просили его оставить службу и пополнить растрату. Послѣ отправленія этого письма Литвиновъ видѣлся съ Эндауровымъ и послѣдній сознавался ему въ растратѣ; в) 25-го августа 1872 года, за № 827, Городищенская городская дума сообщила Эндаурову о высылкѣ ей 1.309 руб. 95 к. изъ денегъ, оставшихся послѣ смерти Васильева. Эндауровъ выдалъ эти деньги лишь 10-го октября; несмотря на то, что въ августѣ мѣсяцѣ у него на рукахъ изъ капитала Васильева находилось 1.400 р. с. Разсмотрѣвъ слѣдственное производство объ Эндауровѣ, Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: мирового судью 1-го участка Городищенскаго уѣзда Эндаурова предать суду Саратовской судебной палаты, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, по обвиненію въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 356 ст. и 1 ч. 354 ст. Ул. о Нак. Вслѣдствіе рапорта Саратовской судебной палаты о томъ, что Эндауровъ обвиняется въ государственномъ преступленіи, Правительствующій Сенатъ, указомъ отъ 2-го мая 1875 года, далъ знать палатѣ, что дѣло Эндаурова, по обвиненію послѣднаго въ преступленіи по должности, подлежитъ дальнѣйшему направленію въ порядкѣ указанномъ ст. 3-ю Высочайше утвержденныхъ 7-го іюня 1872 г. правилъ о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ. Дворянинъ Викторъ Костюринъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу о покушеніи на убійство Гориновича. На основаніи всего вышеизложеннаго обвиняются: I. Дворянинъ Александръ Константиновъ Артамоновъ. дворянка Елена Иванова Аверкіева, мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ Аранзонъ, дворянинъ Давыдъ Александровъ Антовъ, дворянка Олимпіада Григорьева Алексѣева, дочь губернскаго секретаря Анна Васильевна Андреева, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ Ареопагитскій, сынъ причетника Алексѣй Андреевъ Александровскій, мѣщанинъ Павелъ Эрастовъ Александровъ, дворянинъ Николай Михайловъ Аносовъ, дворяне Иванъ и

Клеопатра Павловы Блавдзевичъ. крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Бѣлой-Каменки, Иванъ Ивановъ Бѣляковъ, дворянка Екатерина Константинова Брешковская, дворянинъ Николай Михайловъ Барковъ, дворянинъ Василій Александровъ Венецкій, мѣщанинъ Дмитрій Андреевъ Бородулинъ, дворянинъ Гавріилъ Георгіевъ Божко-Божинскій, крестьянинъ Самарской губерніи, села Малаго-Толкая, Романъ Андреевъ Бодяжинъ, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Богородскаго, Николай Ѳедоровъ Биткинъ, крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшнова, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, дворянка Варвара Иванова Ваховская, сынъ священника Николай Евгеніевъ Введенскій, мѣщанинъ Порфирій Ивановъ Войнаральскій, жена его Надежда Павлова Войнаральская, дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, дворянка Марія Иванова Веревочкина, дворянинъ Александръ Александровъ Волькенштейнъ, сынъ священника Петръ Петровъ Воскресенскій, сынъ колониста Саратовской губерніи Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ Голоушевъ, дворянка Марія Эдуардова Гейшторъ, дворянинъ Юрій Николаевъ Говоруха Отрокъ, дворяне Левъ Сергѣевъ и Вѣра Николаева Городецкіе, дворянинъ Митрофанъ Александровъ Гриценковъ, забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ, сынъ причетника Николай Алексѣевъ Граціановъ, почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Гориновичъ, дворянинъ Аркадій Алексѣевъ Головинъ, дворянинъ Леонидъ Ивановъ Голиковъ, мѣщанинъ Иванъ Іоновъ Глушковъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, сынъ священника Иванъ Ивановъ Добровъ, дворянинъ Леонидъ Аполлоновъ Дическуло, дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ Дробышъ-Дробышевскій, дворянинъ Викторъ Александровъ Даниловъ, сынъ священника Михаилъ Александровъ Духовской, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, села Кротовки, Степанъ Николаевъ Дегтеревъ, отставной штабсъ-капитанъ Егоръ Егоровъ Емельяновъ, крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Ѳедоровки, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ, дворянка Елизавета Ѳедорова Ермолаева, дворяне Николай Паулиновъ и Ольга Иванова Войминъ-Мурдасъ-Жилинскіе, дворяне Сергѣй и Владиміръ Александровы Жебуневы, крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, деревни Сухмановки, Андрей Ивановъ Желябовъ, дочь подполковника Ларисса Тимоѳеева Заруднева, сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ Знаменскій, дворянка Евгенія Флоріанова Завадская, дочь майора Софья Андреева Иванова, почетная гражданка Александра Иванова Корнилова, дочь священника Анна Дмитріева Кувшинская, дворянинъ Михаилъ Васильевъ Купріяновъ, дворянинъ Иванъ Ивановъ Козачекъ, дворянинъ Сергѣй Филиповъ Коваликъ сынъ священника Павелъ Ефимовъ Князевскій, дворянинъ Александръ Александровъ Кадьянъ, мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ Кацъ, сынъ губернскаго секретаря Петръ Васильевъ Кротоновъ, сынъ лѣкарскаго помощника Семенъ Ивановъ Корабельниковъ, писарь Шуйской уѣздной команды Алексѣй Ивановъ Комовъ, дворянинъ Эдуардъ Юліановъ Каменьскій, дворянинъ Петръ Васильевъ Курдюмовъ, дворянинъ Викторъ Ѳедоровъ Костюринъ, дворянинъ Тимоѳей Александровъ Квятковскій, крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубовской волости, деревни Мишино, Ѳеофанъ Никандровъ Лермонтовъ, австрійскій поддапный Александръ Осиповъ

Лукашевичъ, сынъ священника Петръ Андреевъ Ломоносовъ; дворянка Софья Александрова Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, крестьянинъ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, села Грачевки, Егоръ Егоровъ Лазаревъ, сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ, прусскій подданный Вильгельмъ Мартинъ Лангансъ, почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, дворянинъ Николай Абрамовъ Литошенко, дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Иванова Лебедева, крестьянинъ Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, села Павлова, Николай Алексѣевъ Личадѣевъ, дворянинъ Ѳедоръ Михайловъ Любавскій, дворянинъ Степанъ Васильевъ Макіевскій-Зубокъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ Муравскій, сынъ цѣхового мастера Куріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ Махаевъ, мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ, сынъ священника Александръ Андреевъ Малиновскій, оберъ-офицерскій сынъ Владиміръ Яковлевъ Мейеръ, дворянинъ Петръ Маркеловъ Макаревичъ, сынъ коллежскаго ассесора Павелъ Дмитріевъ Максимовъ, мѣщанинъ Минъ Никитинъ Милоголовкинъ, домашній учитель изъ солдатскихъ дѣтей Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, дворянинъ Александръ Васильевъ Низовкинъ, дворянинъ Петръ Ивановъ Неволинъ, мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, дворянинъ Михаилъ Дмитріевъ Нефедовъ, сынъ дьякона Иванъ Ивановъ Никольскій, дворянка Марѳа Герасимова Никитина, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тупиковской волости, деревни Екатини, Михаилъ Андреевъ Орловъ, сынъ чиновника Павелъ Александровъ Орловъ, дворянинъ Владиміръ Алексѣевъ Осиповъ, дворянинъ Викторъ Александровъ Осташкинъ, сынъ священника Евгеній Михайловъ Овчинниковъ, оберъ-офицерскій сынъ Леонидъ Владиміровъ Поповъ, дочь коллежскаго совѣтника Марія Платонова Потоцкая, дворянка Вѣра Николаева Панютина, мѣщанка Эйдель Владимірова Пумпянская, сынъ священника Николай Элпидифоровъ Петропавловскій, сынъ дьякона Александръ Андреевъ Пономаревъ, сынъ купца Исаакъ Яковлевъ Павловскій, дворянка Софья Львова Перовская, сынъ священника Николай Поповъ, сынъ священника Павелъ Ивановъ Покровскій, дворянинъ Андрей Андреевъ Пыпинъ, дочь коллежскаго регистратора Идалія Осипова Польгеймъ, сынъ купца Иннокентій Павлиновъ Пьянковъ, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, Татаровской волости, села Несторова, Леонидъ Давыдовъ Румянцевъ, дворяне Дмитрій Михайловъ и Вѣра Павлова Рогачевы, мѣщанинъ Моисей Абрамовъ Рабиновичъ, дворянка Александра Яковлева Сидорацкая, дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, дворянка Евгенія Константинова Судзиловская, дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ, дворянинъ Иванъ Ѳедоровъ Селивановъ, сынъ дьякона Михаилъ Гавриловъ Соловцовскій, дворянка Ефрузина Викентьева Супинская, сынъ священника Наѳанаилъ Іоновъ Скворцовъ, крестьянинъ Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, села Сосновки, Викторъ Ивановъ Сабелькинъ, дворянка Софья Александрова Субботина, дворянинъ Михаилъ Михайловъ Серебряковъ, сынъ купца Дмитрій Николаевъ Сѣрышевъ, сынъ священника Владиміръ Петровъ Серебровскій, мѣщанка Ольга Иванова Сахарова, сынъ священника Григорій Алексѣевъ Софинскій, крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шел-

ковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, мѣщанинъ Иванъ Григорьевъ Спѣсивцевъ, сынъ дьякона Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ, сынъ купца Михаилъ Петровъ Сажинъ, дворянинъ Левъ Александровъ Тихомировъ, сынъ статскаго совѣтника Леонидъ Рейнгольдовъ Траубенбергъ, дворянинъ Николай Никитинъ Тепловъ, жена прапорщика Анна Степанова Тушинская, сынъ священника Павелъ Семеновъ Троицкій, мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ Терновскій, купеческій сынъ Лейзеръ Абовъ Тетельманъ, сынъ священника Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, дворянинъ, Владиміръ Андреевъ Усачевъ, дворянинъ Дмитрій Васильевъ Ѳедоровичъ, дворянинъ Анатолій Ивановъ Фаресовъ, почетный гражданинъ Василій Васильевъ Филадельфовъ, австрійскій подданный Андрей Аѳанасьевъ Франжоли, мекленбургъ-шверинскій подданный, дворянинъ Василій Ѳедоровъ Фишеръ, сынъ статскаго совѣтника Ѳедоръ Васильевъ Ѳоминъ, штабсъ-капитанъ Ѳедоръ Антоновъ Фетисовъ, жена его Ольга Павлова Фетисова, дворянинъ Николай Аполлоновъ Чарушинъ, сынъ коллежскаго совѣтника Иванъ Николаевъ Чернявскій, сынъ купца Соломонъ Лейзеровъ Чудновскій, дворянинъ Анатолій Андреевъ Чарыковъ, дворянка Марія Александрова Шавердова, дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, дворянка Вѣра Андреева Шатилова, мѣщанка Ольга Дмитріева Шевырева, дворянинъ Леонидъ Михайловъ Щегловъ, кандидатъ Московскаго университета Владиміръ Николаевъ Щепкинъ, дочь титулярнаго совѣтника Надежда Александрова Юргенсонъ, купеческій сынъ Феликсъ Іосифовъ Юркевичъ, дворянинъ Александръ Викторовъ Ярцевъ и мѣщанинъ Александръ Николаевъ Яновъ,—въ томъ, что составили и принимали участіе въ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ отд. 2 ст. 259 Улож. о Нак. II. Войнаральскій и Мышкинъ — въ томъ, что составляли, печатали и разсылали въ разныя мѣстности возбуждавшія къ бунту или явному неповиновенію власти верховной сочиненія съ цѣлью распространенія ихъ, чего не успѣли совершить по обстоятельствамъ, отъ ихъ воли независѣвшимъ, а Ермолаева, Аверкіева, Супинская, Иванова, Заруднева, Соловцовскій, Малиновскій, Селивановъ, Скворцовъ, Фетисовъ и Фетисова—въ томъ, что завѣдомо участвовали въ такомъ преступленіи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 114 и 251 ст. Улож. о Наказ. III. Артамоновъ, Аранзонъ, Антовъ, Андреева, Ареопагитскій, Александровскій, Александровъ, Аносовъ, Бѣляковъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Биткинъ, Виноградовъ, Ваховскій, Введенскій, Войнаральскій, Волховской, Гауэнштейнъ, Голоушевъ, Гейшторъ, Говоруха-Отрокъ, Городецкій, Городецкая, Николай Глушковъ, Добровольскій, Даниловъ, Добровъ, Духовскій, Егоръ Егоровъ Емельяновъ, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ, Жилинскій, Жилинская, Сергѣй Жебуневъ, Знаменскій, Кувшинская, Купріяновъ, Козачекъ, Коваликъ, Князевскій, Кадьянъ, Кацъ, Кротоновъ, Корабельниковъ, Каменьскій, Квятковскій, Ливановъ, Ларіоновъ, Литошенко, Любавскій, Лермонтовъ, Муравскій, Милоглазкинъ, Махаевъ, Морозовъ, Мейеръ, Макаревичъ, Максимовъ, Низовкинъ, Нефедовъ, Никифоровъ, Никольскій, Михаилъ Орловъ, Павелъ Орловъ, Осташкинъ, Потоцкая, Панютина, Петропавловскій, Исаакъ Павловскій, Пьянковъ, Ро-

Грачевъ, Рабиновичъ, Румянцевъ, Сидорацкая, Синегубъ, Стаховскій, Соколовъ, Саблинъ, Сабелькинъ, Серебряковъ, Сѣрышевъ, Союзовъ, Михаилъ Θеоктистовъ, Спѣсивцевъ, Сажинъ, Тихомировъ, Траубенбергъ, Тепловъ, Троицкій, Терновскій, Θедоровичъ, Фаресовъ, Филадельфовъ, Чарушинъ, Чернявскій, Шишко, Шавердова, Шатилова, Щепкинъ, Щиголевъ, Юргенсонъ, Юркевичъ, Ярцевъ и кромѣ сего мѣщанинъ Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ, сынъ дьякона Михаилъ Θедоровъ Грачевскій, крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ Зарубаевъ, сынъ дьякона Іосифъ Селивестровъ Кириловъ, писарь Дебесской мѣстной команды Арсеній Аѳанасьевъ Леонтьевъ, мѣщанинъ Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, сынъ титулярнаго совѣтника Аполлонъ Ивановъ Прозоровскій, мѣщанинъ Гавріилъ Германовъ Прокопьевъ, мѣщанинъ Сергѣй Антоновъ Стопане, крестьянинъ Тверской губерніи, Старицкаго уѣзда, села Кознакова, Θедоръ Семеновъ, сынъ дьякона Павелъ Никифоровъ Трудковскій, крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни Чуфарихи, Григорій Алексѣевъ Щиголевъ и дочь священника Анна Васильева Якимова,—въ томъ, что распространяли сочиненія, имѣвшія цѣлью возбудить къ бунту или явному неповиновенію власти верховной, а Иванъ и Клеопатра Блавдзевичъ, Брешковская, Гориновичъ, Дробышъ-Дробышевскій и Чудновскій—въ томъ, что покушались на распространеніе такихъ же сочиненій, при чемъ ихъ преступное намѣреніе не могло быть приведено въ исполненіе по обстоятельствамъ, отъ ихъ воли не зависѣвшимъ, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ для первыхъ—251 ст. Улож. о наказ., а для послѣднихъ въ стт. 114 и 251 Улож. о наказ. IV. Мѣщанинъ Мовша Вульфовъ Эдельштейнъ—въ томъ, что, не принимая прямого участія въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, изъ корыстныхъ видовъ согласился помогать лицамъ, распространявшимъ такія сочиненія, съ каковою цѣлью и ввозилъ означенныя сочиненія изъ-за границы въ предѣлы Имперіи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 13, 121 и 251 Улож. о наказ. V. Сынъ причетника Александръ Ильинъ Виддиновъ, уѣздный учитель Александръ Яковлевъ Палимпсестовъ и дворянинъ Тимоѳей Александровъ Соловьевъ—въ томъ, что, не участвуя въ распространеніи возбуждающихъ къ бунту сочиненій, завѣдомо приняли къ себѣ таковыя съ цѣлью сокрытія ихъ отъ должностныхъ лицъ, производившихъ обыски, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 14, 124 и 251 Улож. о наказ. VI. Субботина, Никифоръ Ивановъ Емельяновъ и Терновскій — въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ Государя Императора, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ въ 246 ст. Улож. о наказ. VII. Никифоръ Ивановъ Емельяновъ и Щегловъ въ богохуленіи, первый при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру, а послѣдній — въ болѣе или менѣе многолюдномъ собраніи, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ: для Емельянова—въ ст. 177, а для Щеглова — въ ст. 176 Улож. о наказ. VIII. Мышкинъ—въ томъ, что во время слѣдованія изъ гор. Вилюйска въ гор. Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубякина и Маршинцева, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но по не зависѣвшимъ отъ его воли обстоятельствамъ не убилъ ихъ, а только

ранилъ Бубякина, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 111 и 1.455 Улож. о накак. IX. Волховской въ томъ, что во время слѣдованія изъ Московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ съ цѣлью совершить побѣгъ бросилъ въ глаза сопровождавшему его жандармскому унтеръ-офицеру горсть нюхательнаго табаку и хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 114 и 312 Улож. о наказ. X. Дворянинъ Всеволодъ Александровъ Лопатинъ—въ томъ, что обязавшись по предварительному соглашенію съ Волховскимъ содѣйствовать побѣгу послѣдняго, съ тою цѣлью старался освободить Волховскаго отъ поймавшихъ его жандарма и городового, разжимая руки первому и отталкивая послѣдняго, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ стт. 13, 124, 114 и 313 Улож. о наказ. XI. Дворянинъ Николай Ивановъ Эндауровъ—во 1-хъ, въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу и не принимая участія въ преступной дѣятельности Войнаральскаго, изъ личныхъ видовъ, завѣдомо помогъ Войнаральскому: а) перевести на чужое имя пожертвованный на дѣла сообщества капиталъ и б) скрыться отъ преслѣдованія, для чего и передалъ ему бланкъ подорожной, съ которою Войнаральскій и уѣхалъ изъ Пензы, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 14, 124, 250 и 251 стт. Улож. о нак.; во 2-хъ, въ томъ, что, состоя въ должности мирового судьи 1 уч. Городищенскаго уѣзда, несвоевременно и безъ законнаго къ тому основанія записывалъ на приходъ поступавшія къ нему суммы, а также несвоевременно отсылалъ ихъ по принадлежности, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣнномъ ст. 356 Улож. о наказ., и въ 3-хъ, въ томъ, что, имѣя на своихъ рукахъ ввѣренныя ему по службѣ, какъ мировому судьѣ, денежныя суммы, часть таковыхъ, въ количествѣ 1.400 р. с., обратилъ на свои надобности, при чемъ, однако, возвратилъ означенныя деньги до обнаруженія его злоупотребленія, т. е. въ преступномъ дѣяніи, предусмотрѣн. 1 ч. 354 ст. Улож. о наказ. XII. Петръ Ларіоновъ—во 1-хъ, въ томъ, что вмѣстѣ съ другимъ лицомъ тайно похитилъ въ г. Вельскѣ принадлежавшую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью и санями, всего на сумму менѣе 300 р., и во 2-хъ, въ томъ, что, получивъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства по довѣренности трехъ крестьянъ Горицкой волости 240 р. с., не передалъ означенныя деньги по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ 1.656 и 1.682 стт. Улож. о наказ. Вслѣдствіе сего всѣ вышепоименованные обвиняемые, согласно § 2 закона 7-го іюня 1872 года, предаются суду особаго присутствія Правительствующаго Сената, учрежденнаго для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ.

23-го Октября засѣданія не было по случаю воскреснаго дня.

Засѣданія 24-го Октября. Первопр. прочелъ состоявшееся 11 Октября постановленіе распорядительнаго засѣданія сената по поводу словеснаго заявленія его, первопр., о необходимости произвести судебное слѣдствіе о настоящемъ дѣлѣ по группамъ и закрыть двери на время разсмотрѣнія нѣкоторыхъ частей дѣла. Постановленіе 11 Октября гласитъ слѣдующее: „Выслушавъ заключенія товарища оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ находитъ, что, несмотря на тѣсную связь всѣхъ частей

дѣла между собою, не представляется физической возможности, въ виду недостаточности помѣщенія, произвести судебное слѣдствіе во всемъ его объемѣ въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ; что по обстоятельствамъ дѣла обвиняемые могутъ быть раздѣлены на 17 группъ; что производство судебнаго слѣдствія въ отношеніи къ каждой изъ вышеназванныхъ группъ въ отдѣльности не можетъ нанести никакого ущерба интересамъ сторонъ, такъ какъ всѣ лица, имѣющія, по обстоятельствамъ дѣла, какое-либо отношеніе къ извѣстной группѣ, будутъ присутствовать при разсмотрѣніи всѣхъ относящихся до группы обстоятельствъ; что при такомъ производствѣ судебнаго слѣдствія и при судебныхъ преніяхъ, общихъ для всѣхъ 17 группъ, въ присутствіи всѣхъ обвиняемыхъ, вполнѣ можетъ быть достигнуто поясненіе какъ общаго характера дѣла, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, относящихся до каждаго обвиняемаго въ отдѣльности; что на основаніи 620 ст. представляется необходимымъ, во избѣжаніе могущаго произойти соблазна, закрыть двери на время разсмотрѣнія обвиненій, предъявленныхъ крестьянамъ Емельянову и Щеглову по 176 и 177 ст. Улож. о наказ., и что такое же закрытіе дверей присутствія должно имѣть мѣсто, на основаніи ст. 27 закона 7-го іюля 1872 г., при разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла по обвиненію Субботиной, крестьянина Емельянова и Терновскаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ въ ст. 246 Улож. о наказ., Правительствующій сенатъ, руководствуясь 547, 620, 621 ст. Уст. угол. судопроизводства и ст. 27 закона 7 іюня 1872 г. опредѣлилъ: 1) произвести судебное слѣдствіе по дѣлу революціонной пропаганды въ Имперіи отдѣльно въ отношеніи каждой изъ 17 группъ, на которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могутъ быть раздѣлены подсудимые; 2) предоставить первоприсутствующему на его усмотрѣніе, соображаясь съ ходомъ судебнаго слѣдствія, присоединять къ каждой группѣ тѣхъ изъ не отнесенныхъ къ ней лицъ, присутствіе которыхъ можетъ, по обстоятельствамъ дѣла, оказаться необходимымъ; 3) Судебное слѣдствіе по обвиненію Субботиной, Емельянова и Терновскаго въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 246 ст. Улож. о наказ. и Емельянова и Щеглова въ преступныхъ дѣяніяхъ, указанныхъ 176 и 177 ст Ул. о наказ., произвести при закрытыхъ дверяхъ". Раздробленіе на 17 группъ, необходимое, по мнѣнію сената, какъ для подсудимыхъ, такъ и для защитниковъ, вызвало ропотъ неудовольствія среди первыхъ. Необходимость выслушать до конца заставила всѣхъ умолкнуть на время, и первоприс. дочиталъ списокъ группъ среди полной тишины. По прочтеніи списка прис. пов. Герардъ обратился къ суду съ вопросомъ: „окончательное ли это рѣшеніе?" Первоприс. отвѣчалъ, что „окончательное" и никакимъ измѣненіямъ не подлежитъ. Подс. Мышкинъ поднялся съ заявленіемъ, но первоприс., не слушая, просилъ его сѣсть, такъ какъ никакихъ заявленій по этому поводу онъ не приметъ. Подс. Мышкинъ. Я хочу сказать не о раздѣленіи на группы. Въ засѣданіи 20-го октября вы изволили объяснить намъ, что хотя публика и не присутствуетъ здѣсь, но публичность настоящаго процесса достигается тѣмъ, что здѣсь находится стенографъ и о всемъ происходящемъ будетъ напечатанъ полный отчетъ. Но мы видимъ, что въ „Прав. Вѣст." помѣщается отчетъ въ крайне искаженномъ видѣ, и все наиболѣе важное и существенное для

насъ не имѣетъ мѣста въ этомъ офиціальномъ органѣ; напр., въ отчетѣ о засѣданіи 20-го октября мы, подсудимые, представлены въ очень непривлекательномъ видѣ, какъ будто мы выслушали въ благоговѣйномъ молчаніи ваше нравоученіе, какъ будто въ нашей средѣ не нашлось ни одного голоса, который рѣшился бы возразить на это нравоученіе!!.. Первоп. Полный стенографическій отчетъ будетъ печататься впослѣдствіи. Подс. Мышк. Когда мы будемъ сидѣть въ центральной тюрьмѣ и потому не будемъ имѣть возможности возразить на тѣ искаженія, которыхъ мы имѣемъ полное основаніе ожидать. Первоп. Я говорю, что будетъ печататься полный стенографическій отчетъ; а, слѣдовательно, никакихъ искаженій не будетъ. Подсуд. Мышкинъ хочетъ сказать еще что-то, но прис. пов. Утинъ поднялся съ вопросомъ, не можетъ ли онъ, Утинъ, представить особому присутствію нѣкоторыя сообщенія касательно раздѣленія подсудимыхъ на группы. Первопр. Это постановленіе окончательное и никакихъ заявленій о немъ не можетъ быть дѣлаемо. Прис. пов. Утинъ. Я просилъ бы занести это въ протоколъ. Первопр. не слушаетъ и объявляетъ засѣданіе закрытымъ. Все это время въ рядахъ подсудимыхъ слышался глухой шумъ и ропотъ недовольства. Одновременно съ заявленіями подс. и прис. пов. Утина раздавались отдѣльныя выраженія протеста, которыя въ концѣ стали очень громки и рѣшительны. Строй казаковъ вошелъ на мѣсто, отведенное защитникамъ и оттиснулъ ихъ отъ подсудимыхъ. Первопр., объявляя среди шума засѣданіе закрытымъ, приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ очистить залу, что и было исполнено.

Засѣданіе 25 Октября. При открытіи засѣданія подсудимые не были въ залѣ, но ихъ вводили послѣ въ одиночку (въ группѣ 27 человѣкъ) и только спустя полчаса всѣ подсудимые 1-ой группы были введены. Къ первой группѣ отнесены: Волховской, Ободовская, Перовская, Синегубъ, Шишко, Корнилова, Тихомировъ, Стаховскій, Рогачевъ, Зубокъ, Куприяновъ, Чарушинъ, Кувшинская, Гауэнштейнъ, Ярцевъ, Гриценковъ, Франжоли, Зарубаевъ, Рабиновичъ, Лукашевичъ, Любавскій, Низовкинъ, Румянцевъ, Орловъ, Щегловъ, Виноградовъ, Городецкій. По открытіи засѣданія прис. пов. Турчаниновъ заявилъ отъ имени всей защиты, что для нихъ было неожиданно постановленіе особаго присутствія правительствующаго сената отъ 11-го октября о дѣленіи на группы, что на основаніи 613 ст. Устава защита имѣетъ право представлять свое мнѣніе по поводу порядка производства дѣла и, на основаніи этого, проситъ особое присутствіе выслушать заявленіе. Прис. пов. Кейкуатовъ, присоединяясь къ мнѣнію Турчанинова, выяснилъ, что подлежитъ, собственно, разсмотрѣнію распорядительнаго собранія особаго присутствія, а именно: распорядительное засѣданіе постановляетъ только, будетъ ли судебное разбирательство происходить при открытыхъ или закрытыхъ дверяхъ. Послѣ возраженія Желеховскаго на мнѣніе защиты особое присутствіе удалилось для совѣщанія; вернувшись, оно объявило свое рѣшеніе: ходатайство защиты отклонить. Тогда всталъ прис. пов. Александровъ и прочелъ отъ имени всей защиты слѣдующее ходатайство: „Не будучи въ правѣ оспаривать и опровергать здѣсь правильность рѣшеній особаго присутствія о разсмотрѣніи настоящаго дѣла по группамъ въ отсутствіе подсудимыхъ, не принадлежащихъ къ

разсматриваемой группѣ, и въ силу этого, оставаясь подъ дѣйствіемъ объявленнаго намъ постановленія, мы вызваны этимъ самымъ распоряженіемъ, послѣдовавшимъ безъ выслушанія заявленія защиты, представить вниманію особаго присутствія прав. сената слѣдующее наше ходатайство: Въ виду того, что подсудимые по настоящему дѣлу обвиняются, по точному выраженію обвинительнаго акта, въ составленіи и принятіи участія не въ нѣсколькихъ, а въ одномъ противозаконномъ сообществѣ, имѣвшемъ цѣлью ниспроверженіе государственнаго устройства; въ виду того, что единство и общность дѣйствія лицъ, обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, вызвали необходимость соединить предварительное изслѣдованіе о всѣхъ этихъ лицахъ въ одномъ дѣлѣ и обвиненіе въ одномъ обвинительномъ актѣ, озаглавленномъ — „о революціонной пропагандѣ въ Имперіи“; въ виду того, что многія изъ доказательствъ по настоящему дѣлу, подлежащихъ разсмотрѣнію и провѣркѣ особаго присутствія прав. сената, не могутъ быть отнесены къ той или другой группѣ, а по существу своему относятся ко всему дѣлу и ко всѣмъ подсудимымъ; въ виду того, что самимъ особымъ присутствіемъ сената признается единство и общность настоящаго дѣла предположеніемъ допустить общія по всему дѣлу пренія сторонъ по окончаніи судебнаго слѣдствія; въ виду того, что по 613 ст. Угол. судопр. первопр., распоряжаясь, чтобы судебное слѣдствіе производилось сначала по отношенію къ одному, а потомъ по отношенію къ другому изъ обвиняемыхъ въ совмѣстномъ совершеніи преступленія, не въ правѣ устранить никого изъ нихъ отъ предъявленія замѣчаній, какъ по существу всего дѣла вообще, такъ и относительно способа его производства на судѣ, мы ходатайствуемъ: 1) Чтобы были приняты теперь же особыя, по усмотрѣнію г-на первопр., мѣры къ обезпеченію возможно точнаго выполненія 729 ст. Уст. Угол. судопр., по которой отсутствующему изъ присутствія подсудимому, по возвращеніи его въ залу засѣданія, предсѣдатель долженъ сообщить все, что происходило въ его отсутствіе. Ходатайство наше о принятіи особыхъ по настоящему предмету мѣръ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что удаленіе изъ залы засѣданія большинства подсудимыхъ, при разсмотрѣніи настоящаго дѣла по группамъ, будетъ не случайнымъ и кратковременнымъ исключеніемъ, а общимъ правиломъ въ продолженіе долгаго времени; 2) чтобы разсмотрѣніе и повѣрка доказательствъ, которыя по первоначальному ихъ обозрѣнію должны быть признаны относящимися къ общему обвиненію и касающимися всѣхъ подсудимыхъ и всего дѣла вообще, были выдѣлены изъ разсмотрѣнія дѣла по особымъ группамъ и выполнены въ то время, которое будетъ признано гос. первопр. удобнымъ, въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу. Такими доказательствами мы считаемъ всѣ тѣ, которыя разъясняютъ существо, цѣли, размѣръ и общность дѣла революціонной пропаганды въ Россіи. 3) Чтобы опросъ свидѣтелей и чтеніе актовъ и бумагъ предварительнаго слѣдствія, выполненные въ группахъ предшествующихъ, были повторены сполна каждой изъ группъ, послѣдующихъ и наоборотъ. Необходимость этого нашего ходатайства вызывается тѣмъ соображеніемъ, что нельзя заранѣе предусмотрѣть и опредѣлить съ несомнѣнностью того, что показаніе извѣстнаго свидѣтеля или содержаніе прочитаннаго акта, относящихся, повидимому, къ частнымъ обстоятельствамъ той или другой отдѣльной группы, не дастъ полезныхъ извлеченій, не вызоветъ необходи-

мыхъ разъясненій для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ группамъ. Присутствіе защитниковъ и предоставленіе имъ во все время судебнаго слѣдствія права разспрашивать свидѣтелей и давать необходимыя разъясненія не можетъ въ этомъ отношеніи восполнить отсутствія самихъ подсудимыхъ, такъ какъ наши предварительныя объясненія съ подсудимыми не могли исчерпать всѣхъ тѣхъ подробностей, которыя неожиданно могутъ представиться, и непремѣнно представятся, по дѣлу и могутъ быть разъяснены только самими подсудимыми, которыхъ они будутъ касаться. Представляя наше ходатайство мы, по долгу нашего званія и совѣсти, считаемъ себя обязанными заявить, что только полное его удостовѣреніе дастъ намъ возможность, каждому, по мѣрѣ силъ, исполнить возложенную на насъ тяжелую обязанность въ той полнотѣ и съ той законной свободой, которыя такъ необходимы для правильнаго отправленія правосудія: въ противномъ случаѣ, считая безчестнымъ покинуть нашъ постъ, пока есть какая-либо возможность держаться на немъ, мы искренно заявляемъ, что исполнимъ изъ нашей задачи только то, что предоставитъ намъ исполнить усмотрѣніе особаго присутствія". По прочтеніи этого ходатайства всталъ Желеховскій и объявилъ, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ выслушалъ заявленіе защиты, такъ какъ въ немъ видѣнъ предварительный сговоръ, потому что оно даже письменное и такъ какъ въ немъ видно желаніе какъ бы сдѣлать упрекъ особому присутствію и вообще взвести нареканія на него и желаніе затруднить и затянуть судебное слѣдствіе. На это возразилъ Герардъ, протестуя противъ такого искаженія Желеховскимъ смысла словъ защиты; онъ сказалъ, что защита дѣйствуетъ въ законныхъ предѣлахъ и потому вполнѣ справедливо отстаиваетъ и будетъ отстаивать свои права. Прис. пов. Потѣхинъ просилъ особое присутствіе занести слова Желеховскаго въ протоколъ, какъ оскорбительныя для защиты, такъ какъ онъ намѣренъ возбудить по поводу ихъ особое дѣло противъ Желеховскаго. Онъ просилъ первопр. запретить прокурору такъ своевольно искажать слова защиты. Остальные защитники объявили, что присоединяются къ заявленію прис. пов. Потѣхина. Особое присутствіе опять удалилось для совѣщанія и послѣ довольно продолжительнаго времени вынесло рѣшеніе: оставить ходатайство защиты безъ послѣдствій; въ словахъ Желеховскаго оно не признало ничего оскорбительнаго для защиты, а слова Потѣхина, какъ оскорбительныя для обвинительной власти, постановило занести въ протоколъ. Затѣмъ было приступлено къ допросу подсудимаго Низовкина. Онъ подтвердилъ всѣ свои показанія, данныя при слѣдствіи. Затѣмъ была спрошена подсудимая Перовская, признаетъ ли она себя виновной? Подсудимая отказалась давать какіе-либо отвѣты и участвовать въ судѣ.—Послѣ перерыва засѣданія введенъ былъ подсудимый Рабиновичъ. Взойдя на скамью подсудимыхъ, онъ сказалъ: „Я явился сюда только съ тою цѣлью, чтобы объявить, что всѣ данныя мною показанія—ложь, чистая ложь. Далъ я ихъ въ надеждѣ, что меня освободятъ. Я дѣйствительно занимался пропагандой и распространеніемъ запрещенныхъ книгъ, но я не признаю себя виновнымъ, такъ какъ это вовсе не есть вина. Я не желаю признавать такой судъ. Мои прежнія показанія оттого и были таковы, что мы всѣ были разъединены. Теперь насъ опять хотятъ разъединить, съ нами обращаются, какъ съ стадомъ барановъ... Пер-

вопр. Подс., не забывайтесь! Вы не имѣете права оскорблять судъ. Раб. Я не желаю никого оскорблять. Я хочу только сказать, что не признаю такого суда и отказываюсь отъ защиты и отъ защитника.—Вводятъ подсудимую Корнилову. Она прямо сказала: „Я явилась сюда, только уступая насилію. Такъ какъ наши законныя требованія съ самаго начала не удовлетворяются, то это не даетъ намъ гарантій, чтобы и впредь наши законныя требованія были удовлетворяемы... Первопр. (перебивая). Здѣсь неумѣстно объ этомъ говорить. Отвѣчайте на вопросъ о виновности. Корнилова. Я объявляю, что не признаю такого суда, отказываюсь давать какіе-либо отвѣты и вообще отъ всякаго участія въ немъ и прошу меня увести отсюда. Вводятъ подсудимаго Гауэнштейна, который заявляетъ: „я приведенъ сюда насильно и отказываюсь отъ участія въ такомъ судѣ, отказываюсь отъ показаній и защиты и прошу меня увести отсюда". Первопр. Судъ имѣетъ право употребить всѣ средства для привода подсудимаго. Вводятъ подс. Рогачева, который заявляетъ: „я долженъ заявить особому присутствію, что приведенъ сюда насильно. Первопр. Съ вами поступлено по закону, такъ какъ подсудимые подлежатъ приводу въ судъ. Рог. Я заявляю, что приведенъ насильно. Иначе я бы сюда не явился. Я не признаю такого суда и не хочу принимать въ немъ никакого участія. Прошу меня вывести отсюда. Подсудимая Кувшинская заявила тоже, что приведена насильно, не желаетъ признавать судъ, не желаетъ принимать въ немъ участія и проситъ увести ее. Вводятъ подсудимаго Синегуба. Первопр. Ваша фамилія? Подсудимый Синегубъ. — Синегубъ. Я долженъ кое-что заявить. Вчера первопр. заявилъ намъ о постановленіи особаго присутствія, состоявшемся 11 октяб. и по которому мы раздѣлены на 17 группъ. При рѣшеніи этого вопроса ни мы сами, ни наши защитники не были спрошены... Первопр. Объ этомъ уже было заявлено. Син. Я заявляю какъ лично отъ себя, такъ и отъ товарищей, уполномочившихъ меня.... Первопр. (перебивая). Васъ никто не имѣлъ права уполномочивать!... Син. Насъ никто не можетъ увѣрить, что у васъ нѣтъ и другихъ заранѣе составленныхъ рѣшеній—какъ относительно хода судопроизводства по нашему дѣлу, такъ и относительно самихъ приговоровъ. На основаніи этого факта, мы не довѣряемъ суду, не признаемъ его и требуемъ оставить насъ въ нашихъ камерахъ, гдѣ мы по 3 и 4 года ждали съ такимъ нетерпѣніемъ хоть сколько-нибудь приличнаго суда.... Первопр. Если вы будете употреблять такія выраженія, то будете удалены изъ залы засѣданія. Выведите подсудимаго! Син. (не слушая его) И не дождались!... Его выводятъ, но на дорогѣ первопр. остановилъ его. Первопр. Желаете ли вы отвѣчать на вопросъ о виновности? Син. Не желаю. Подс. уводятъ. Подс. Рогачевъ и Рабиновичъ поднимаются и заявляютъ, что присоединяются къ словамъ Синегуба. Ихъ также уводятъ. Введенъ подс. Тихомировъ. Первопр. Ваша фамилія? Тихомировъ. Я долженъ заявить суду, что пришелъ сюда не по своей волѣ, а приведенъ силою. Самъ же я, вслѣдствіе постановленія 11 октября, нарушающаго, по моему мнѣнію, справедливость и права нашей защиты, не желаю принимать въ судѣ никакого участія и не стану отвѣчать ни на какіе вопросы. Подс. Чарушинъ и Шишко

заявили то же самое. Введенъ подс. Франжоли, который заявилъ: я приведенъ сюда насильно. Меня держатъ въ одиночномъ заключеніи четвертый годъ—за то, что причисляютъ къ какому-то громадному тайному сообществу. Я надѣялся, по крайней мѣрѣ, здѣсь на судѣ ознакомиться съ этимъ сообществомъ, а между тѣмъ меня хотятъ опять судить одиночно. Изъ-за чего же я сижу 4-й годъ въ предварительномъ одиночномъ заключеніи? При такомъ условіи я отказываюсь отъ суда и желаю быть уведеннымъ отсюда. Вводятъ подсудимаго Волховскаго. Войдя въ залу, онъ прежде всего обратился къ первопр. съ просьбой—вызвать его къ судейскому столу, по причинѣ его глухоты. „Прошу сдѣлать это прежде какихъ-либо вопросовъ“ прибавилъ онъ. Когда предсѣдатель уважилъ эту просьбу, Волховской обратился къ суду съ рѣчью, въ которой выяснилъ, что онъ не станетъ касаться въ частности тѣхъ или другихъ дѣйствій особаго присутствія; но цѣлый ensemble ихъ таковъ, что отнимаетъ всякую возможность защищаться. „Я не хочу—замѣтилъ онъ, между прочимъ—играть роль платка, который въ рукахъ фокусника перелетаетъ съ мѣста на мѣсто“. Далѣе Волховской сказалъ, что онъ, хотя всегда смотрѣлъ на особое присутствіе не какъ на судъ, а какъ на административную комиссію, но все-таки ожидалъ, что съ нимъ можно будетъ имѣть дѣло. Онъ ошибся, однако. Достаточно вспомнить—замѣтилъ онъ,—что вчера я видѣлъ это мѣсто, мѣсто, отведенное защитникамъ, наводненнымъ вооруженными казаками. Я смотрю на это, какъ на оскорбленіе, нанесенное всей защитѣ и прошу моего уважаемаго защитника (прис. пов. Бардовскаго) простить, что я былъ невольной причиной нанесеннаго ему оскорбленія... Первопр. нѣсколько разъ прерывалъ рѣчь подсудимаго. Вол. заявилъ, что онъ отказывается принимать какое бы то ни было участіе въ судѣ, отказывается отъ защиты и защитника и проситъ удалить его изъ залы засѣданія. Первопр. Подс., просьба ваша не будетъ исполнена. Садитесь на мѣсто. Судебный приставъ, попросите подсудимаго сѣсть на мѣсто. Подс. Волх. садится. Подсудимые: Зубовъ, Стаховскій, Куприяновъ, Зарубаевъ (рабочій), Ярцевъ, Гриценковъ и Лукашевичъ—всѣ заявили поочередно, что приведены насильно, не признаютъ суда и не желаютъ принимать въ немъ никакого участія. Остальные семь подсудимыхъ: Михаилъ Орловъ (рабочій), Сидорацкая, Ободовская, Румянцевъ, Любавскій, Городецкій, Виноградовъ (рабочій) и Щегловъ (рабочій)—не заявили никакого протеста; виновными себя они не признали По окончаніи опроса подсудимыхъ начался допросъ свидѣтелей. Свидѣтель Митрофановъ, отказавшись отъ большей части показаній, данныхъ на дознаніи и слѣдствіи, объяснилъ, что далъ ихъ для того, чтобы выйти на свободу. Слѣдователи сказали ему, что имъ извѣстны такіе-то факты, извѣстно, что онъ знаетъ объ нихъ и потому, если онъ ихъ не подтвердитъ, то это будетъ яснымъ доказательствомъ его солидарности съ врагами правительства, почему онъ и будетъ находиться подъ арестомъ. Это-то и вынудило его, свидѣтеля, дать показаніе, которое онъ теперь признаетъ и объявляетъ ложнымъ. На слѣдствіи же ему дали подписать показанія только спустя два дня послѣ допроса. Когда ихъ ему прочли, то онъ говорилъ, что не такъ показывалъ; но на это ему объявили, что для него не станутъ переписы-

вать вновь показаній,—такъ что онъ долженъ былъ подписаться. Послѣ этого были прочитаны показанія появившихся свидѣтелей: Василія Тимофеева и Семена Волкова. Прис. пов. Кедринъ проситъ первоприс. зачислить въ первую группу подс. Артамонова, причисленнаго къ 3-й группѣ, каковое желаніе защиты и было исполнено. Засѣданіе закрылось въ 5 часовъ.

Засѣданіе 26-го Октября. При входѣ суда всѣ протестанты остались сидящими на своихъ мѣстахъ. Подсудимый же Волховской поднялся и громко заявилъ, обращаясь къ первоприс., слѣдующее: „Г. первоприсутствующій, прежде всего я долженъ извиниться въ той невѣжливости, съ которою начинаю свою рѣчь, не ожидая, пока будетъ мнѣ предложено слово вашимъ превосходительствомъ; но причины, о которыхъ я скажу ниже [1]), заставляютъ меня поступить такъ, а не иначе. Вчерашняго дня я имѣлъ честь заявить вашему превосходительству просьбу объ удаленіи меня изъ залы засѣданія на все время процесса, объяснивши тѣ побудительныя причины, которыя заставили меня этого желать. Вашему превосходительству не угодно было уважить мою просьбу. Я никогда не стоялъ близко къ какому-либо учрежденію, аналогичному съ особымъ присутствіемъ. Поэтому не беру на себя смѣлости рѣшать, какіе мотивы руководили вашимъ превосходительствомъ при неисполненіи моей просьбы. Но, перебирая тѣ мотивы, которые доступны моему простому разумѣнію, я останавливаюсь, какъ на единственно возможномъ, на предположеніи, что ваше превосходительство имѣло въ виду тѣ практическія неудобства, которыя должны произойти отъ удаленія подсудимыхъ изъ залы засѣданій, если имѣется въ виду соблюсти ст. 729, въ которой изображено: „Если подсудимый, вслѣдствіе произведеннаго имъ шума или безпорядка, или по соображенію предсѣдателя будетъ удаленъ изъ залы засѣданій, то по возвращеніи подсудимаго въ залу ему должно быть въ точности передано все происшедшее въ засѣданіи во время его отсутствія". Дѣйствительно, если всѣхъ насъ, не желающихъ здѣсь присутствовать, сперва удалять, а потомъ намъ всѣмъ пересказывать то, что здѣсь безъ насъ совершится, то судебное слѣдствіе затянется въ безконечность. Но вѣдь въ Уст. угол. суд. существуетъ еще п. 29-й новой редакціи статей 1030 — 1061, по которому даже существеннѣйшія нарушенія порядка и обрядовъ судопроизводства не могутъ служить поводомъ кассаціи рѣшенія особаго присутствія. Всѣ мы (указываетъ на товарищей), хотя присутствовали еще на очень немногихъ засѣданіяхъ, имѣли, однако, уже достаточно случаевъ убѣдиться, что цитированное мною законоположеніе, т. е. 29-й пунктъ новой редакціи, совершенно усвоено особымъ присутствіемъ и если 18 октября оказалось возможнымъ нарушить совокупный смыслъ статей 620, 621, 622 и устроить публичность засѣданій безъ публики, — если въ постановленіи о раздѣленіи на группы можно было нарушить ст. 613, устранивъ подсудимыхъ и защиту отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ относительно способовъ производства слѣдствія на судѣ и 11 октября въ распорядительномъ засѣданіи еще до судебнаго разбирательства предрѣшить

---

[1]) Причины эти остались невыясненными, такъ какъ рѣчь Волховскаго была прервана, и онъ былъ удаленъ раньше, чѣмъ успѣлъ сдѣлать это.

вопросъ о существованіи между подсудимыми „тѣсной связи“, если, говорю, все это возможно, то я совершенно недоумѣваю, почему слѣдуетъ соблюдать ст. 729? Вѣдь нарушеніе этой статьи повлечетъ за собой кассаціи?!. Первопр. перебиваетъ Волховскаго и объясняетъ, что онъ не удалилъ его вчера въ его же интересахъ, имѣя въ виду, что Волх. „человѣкъ уже не молодой, больной“, и желая предоставить ему „всѣ средства защиты“. По окончаніи рѣчи первопр. Волховской сказалъ: „Я въ высшей степени благодаренъ за ту заботливость, съ которою ваше превосходительство отнеслось къ моей личности, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣю повторить то, что уже объяснилъ вчерашній день. Если бы я даже не былъ въ такомъ положеніи, въ какомъ нахожусь, если бы у меня не отняли на всегда здоровье, силы, поприще дѣятельности, свободу, жену, ребенка, если бы я не проводилъ 6-й годъ въ одиночномъ заключеніи, если бы, говорю, я даже не былъ въ подобномъ положеніи, и тогда самое важное для меня заключалось бы, какъ заключается и теперь, въ томъ, чтобы явиться въ каждомъ дѣйствіи тѣмъ, что я есть, а не быть пѣшкой, передвигаемой на шашечной доскѣ рукою, къ которой я чувствую все, что угодно, только не уваженіе... Первопр. (кричитъ) Довольно, подсудимый, довольно! Удалить подсудимаго, позволившаго себѣ такія выраженія! — Тогда поднялись съ мѣста остальные 15 протестантовъ 1-й группы и, заявивъ свою солидарность съ рѣчью Волховскаго, просили удалить и ихъ. Подсудимый Зубокъ прибавилъ: „Г. предсѣдатель говоритъ, что хочетъ предоставить намъ всѣ средства къ защитѣ. Но мы еще вчера заявили, что не желаемъ защищаться; намъ не въ чемъ оправдываться, и мы повторяемъ нашу просьбу—удалить насъ отсюда“. Первопр. распорядился удалить всѣхъ протестующихъ съ занесеніемъ всего происшедшаго въ протоколъ, что и было сдѣлано. Волховской, Чарушинъ, Зубокъ, Кувшинская, Корнилова. Перовская, Куприяновъ, Стаховскій, Ярцевъ, Лукашевичъ, Тихомировъ, Гриценковъ, Зарубаевъ, Гауэнштейнъ были выведены изъ залы засѣданія. Подс. Артамоновъ, на вопросъ первопр. о виновности, отвѣчалъ: „Дѣленіе насъ на группы безъ участія защиты я считаю стѣсненіемъ ея правъ. Поэтому я отказываюсь отъ всякаго участія въ этомъ процессѣ и прошу особое присутствіе освободить меня отъ присутствія въ залѣ засѣданія на все время суда. Я думаю, что я отъ этого ничего не потеряю, я еще не имѣю понятія о политическихъ процессахъ, но слышалъ, что приговоры особаго присутствія составляются въ III Отдѣленіи и что по этой причинѣ особое присутствіе скрывается отъ лица всего міра, т. е. не пускаетъ въ залу засѣданія публики, а рѣчи защиты печатаетъ въ подложномъ видѣ“. За эти слова Артамоновъ немедленно былъ выведенъ изъ залы засѣданія. Послѣ этого „очищенія“ залы начался допросъ свидѣтелей. Всего было спрошено 27 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько неявившихся, показанія которыхъ, данныя на слѣдствіи, были теперь прочитаны. — Фамиліи свидѣтелей: Ванчесовъ, Графовъ (не явился, показанія прочитаны), Козловъ, Бѣляновъ, Бабикъ (жандармъ), Карлъ Эвансъ, Городничій, Зоозерскій (умеръ, показанія прочитаны), Гримихъ, (Ефимъ). Носовъ, Григорій Алексѣевъ, Артамонъ Моисеевъ, Пѣтушковъ, Иванъ Моисеевъ, Бубаревъ, Иванъ Терентьевъ, Лихачевъ, Ефимъ

Семеновъ, Борисевичъ, Богдановъ и др. Заслуживаютъ вниманія показанія Борисевича. На дознаніи онъ показывалъ противъ подсудимыхъ: Синегуба, Тихомірова и Стаховскаго. Теперь же объяснилъ, что всѣ его показанія ложны, что онъ сначала ничего противъ означенныхъ подсудимыхъ не говорилъ, или ничего не знаетъ; но когда его стали держать въ одиночномъ заключеніи, то онъ для освобожденія отъ этой пытки рѣшился сказать все, что хотѣли слѣдователи.

Засѣданіе 27-го октября. Засѣданіе открылось заявленіемъ Рабиновича, что онъ, протестуя противъ суда и не желая защищаться, хочетъ, однако, не ограничиваясь общимъ отрицаніемъ своихъ, данныхъ на дознаніи, показаній, отвергнуть ихъ по пунктамъ. Когда впослѣдствіи одинъ изъ свидѣтелей заговорилъ о князѣ Кропоткинѣ, первопр. предложилъ Рабиновичу, не имѣетъ ли онъ чего-нибудь заявить по этому поводу. Рабиновичъ объяснилъ, что показанія изложены и даны имъ на основаніи вопросовъ жандармовъ. Товарищъ прокурора Желеховскій обратилъ вниманіе суда на то, что показанія Рабиновича, однако, даны добровольно и ничѣмъ не вынуждены. Тогда прис. пов. Герардъ сказалъ, что это не совсѣмъ вѣрно; „достаточно,—сказалъ онъ,—вспомнить исторію исповѣди Рабиновича. Рабиновичъ послѣ нѣкотораго времени тюремнаго заключенія написалъ прокурору прошеніе объ освобожденіи, гдѣ не только обѣщалъ все разсказать, но даже предлагалъ себя въ шпіоны, лишь бы его выпустили; тогда къ нему въ тюрьму явился прокуроръ и началъ его допрашивать, и едва ли такія показанія можно назвать добровольными". Рабиновичъ при этомъ, однако, замѣтилъ, что онъ признаетъ свои показанія добровольно данными, но давалъ ихъ, сообразуясь съ вопросами жандармовъ: раньше ему называли много фамилій, и онъ ихъ всѣхъ причислилъ къ кружку Чайковцевъ, такъ какъ думалъ, что слѣдователи ихъ уже считаютъ принадлежащими къ кружку. Точно также навели его на отвѣтъ о томъ, что Чайковцы распространяли книги и пр. Всего было спрошено свидѣтелей и прочтено свидѣтельскихъ показаній двадцать одно. Общій характеръ показаній былъ довольно типичный. Картина выходила такая: выходитъ свидѣтель: выраженіе лица его ясно обнаруживаетъ полнѣйшее непониманіе происходящаго. Первопр. напоминаетъ свидѣтелю о святости присяги и т. д. и затѣмъ говоритъ: „Разскажите намъ, что вамъ извѣстно о дѣлѣ". Свид. молча глядитъ на него. Первопр. „О комъ вы показываете?" Свид. (оглядываясь нѣсколько) „О г. Ярцевѣ". Первопр. „Говорите о Ярцевѣ" Свид. молчитъ. Первопр. начинаетъ разспрашивать, о чемъ говорилось въ книжкахъ, данныхъ Ярцевымъ? и пр., и пр., но свидѣтель ничего не помнитъ. Эта исторія продолжается до тѣхъ поръ, пока Желеховскій не начинаетъ наводить свидѣтеля на отвѣты. Жел. Говорилъ ли вамъ Ярцевъ, что податей не слѣдуетъ платить? Свид. „Говорилъ". Желех. „Пѣлъ ли онъ пѣсни?" Свид. „Пѣлъ". Желех. „Какія"? „Свид. не знаетъ. Желех. Не эту ли: „Ой, ребята, плохо дѣло, наша барка на мель сѣла"? Свид. Да, эту самую.—Тутъ поднимается защитникъ подс. Ярцева, г. Соколовскій и начинаетъ спрашивать въ свою очередь свидѣтеля. Сокол.—Чему училъ васъ Ярцевъ въ школѣ? Свид. Грамотѣ, ариѳметикѣ. Сокол. Говорилъ ли онъ, что земля кругла? Свид. Говорилъ. Сокол. Не говорилъ ли онъ, что податей не нужно

платить? Свид. Не говорилъ. Сокол. Не говорилъ ли, что царя не нужно? Свид. Не говорилъ. Сокол. А пѣсенъ не пѣлъ? Свид. Не пѣлъ.—Были, однако, показанія болѣе интересныя. Такъ, Дмитровскій староста показывалъ о Ярцевѣ, что этотъ давалъ ему книжки. Когда свидѣтель спросилъ, хороши ли эти книжки? Ярцевъ сказалъ: „хороша“; а когда свидѣтель показалъ бывшія у него божественныя книги, то Ярцевъ сказалъ на это: „ерунда“. Затѣмъ будто Ярцевъ говорилъ ему, что подати съ мужиковъ растрачиваются по пусту. Такъ, напр., въ Петербургѣ выстроили памятникъ, царь устраивалъ недавно охоту въ Новгородѣ и на это истратилъ много денегъ... Рѣчь перешла на охоту, и Ярцевъ разсказалъ ему, свидѣтелю, что царь разъ, промахнувшись, убилъ вмѣсто медвѣдя одного генерала. „Что же, спрашиваю,—продолжаетъ свидѣтель,—хоть онъ и царь, а, чай, ему за это хорошаго не будетъ?“—„У него всѣ подкуплены“, говорилъ онъ (т. е. Ярцевъ). Это показаніе, данное съ величайшей простотой, разсмѣшило всѣхъ. Между тѣмъ изъ него же обнаружилось, что слухъ, будто бы Ярцевъ собирался убить царя, возникъ именно изъ этого разсказа о царской охотѣ и убитомъ генералѣ. Глупая сплетня едва не была раздута слѣдователями. Свидѣтель Пономаренко показалъ, что онъ старался „спасти отечество“ отъ умысловъ Ярцева. Довольно сильныя показанія были противъ обвиняемаго Зарубаева. Главнымъ его обвинителемъ былъ свидѣтель Петръ Мироновъ, который изобличилъ Зарубаева въ распространеніи книгъ. Затѣмъ какой-то мальчикъ (свидѣтель) также сказалъ, что получилъ отъ Зарубаева „Митюху“ и „Дѣдушку Егора“, но заявилъ, что „Сказокъ о четырехъ братьяхъ“ не получалъ. Подсудимый Любавскій далъ объясненіе своихъ прежнихъ показаній, отвергнувши ихъ и разъяснивши, что показалъ противъ Волховскаго, Тихомірова и другихъ единственно изъ желанія вырваться изъ Пугачевской башни, что слѣдователи эксплуатировали его молодость (17 л.) и болѣзненное состояніе и наводили на отвѣты. Свидѣтель Богдановъ (бывшій студентъ Московскаго Университета) также почти отказался отъ своихъ показаній противъ Тихомірова, объяснивши, что онъ только повторялъ въ нихъ слышанное отъ Любавскаго; хотя все это онъ и слыхалъ отъ него, но вовсе не вѣрилъ этому, потому что ему казалось, что 17-лѣтній мальчикъ, Любавскій, просто хвастаетъ и хочетъ представить изъ себя человѣка, водящаго знакомство съ такими революціонерами. Богданову всегда казалось, что Любавскій въ сущности сочиняетъ и разсказываетъ ему собственныя фантазіи. Почти въ концѣ засѣданія произошло слѣдующее: свидѣтель Константинъ Лаврентьевъ ровно ничего не могъ припомнить цѣлые полчаса. Одинъ изъ защитниковъ потребовалъ, чтобы были прочитаны показанія, данныя свидѣтелемъ на слѣдствіи и дознаніи. Этою безтактностью защитника воспользовался Желеховскій, который сейчасъ же заявилъ, что онъ противъ желанія защитника ничего не имѣетъ, но и для себя требуетъ права читать документы дознанія и слѣдствія. Но Бардовскій напомнилъ суду законъ, не допускающій этого, и судъ постановилъ, что только показанія не явившихся свидѣтелей могутъ быть прочитаны. Въ засѣданіи 28 октября ничего существеннаго не произошло. Оно было посвящено допросу свидѣтелей, которые ничего существенно-важнаго для дѣла не показали.

Засѣданіе 29-го октября. Въ этомъ засѣданіи судъ продолжалъ заниматься разсмотрѣніемъ вещественныхъ доказательствъ, начатымъ еще наканунѣ. Послѣ этого прис. пов. Герардъ сдѣлалъ представленіе суду о томъ, что подс. Тихоміровъ, дѣло, котораго, въ силу высочайшаго постановленія отъ 28-го августа 1875 г., было прекращено, незаконно держался подъ стражей до 17-го декабря 1875 года. Тов. об. прок. Изъ высочайшаго повелѣнія видно, что противъ Тихомірова должна была быть принята административная мѣра, избраніе коей отложено до разрѣшенія дѣла Синегуба. Такимъ образомъ, въ силу упомянутаго высочайшаго повелѣнія Тихоміровъ не могъ быть освобожденъ изъ-подъ стражи, такъ какъ подлежалъ административной мѣрѣ. Гер. Я позволю себѣ замѣтить, что въ настоящее время впервые слышу о томъ, что административныя мѣры, которыя принимаются относительно кого-нибудь, должны сопровождаться предварительнымъ его арестомъ. Первопр. Особое прис., по поводу заявленій защиты относительно правильнаго содержанія подс. Тихомірова подъ стражей въ теченіе извѣстнаго срока, опредѣлило: въ виду того, что Тихоміровъ своевременно не обжаловалъ этого неправильнаго противъ него дѣйствія и въ виду того, что въ настоящее время Тихоміровъ обвиняется въ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку, особ. прис. не можетъ входить въ разсмотрѣніе этого обстоятельства и заявленіе защиты оставляетъ безъ послѣдствій. Затѣмъ я объявляю суд. слѣдствіе по первой группѣ оконченнымъ. Засѣданіе было прервано на часъ. Послѣ перерыва началось слѣдствіе по второй группѣ. Ко второй группѣ отнесено 20 человѣкъ: Лермонтовъ, Рабиновичъ, Судзиловская, Ваховская, Софья Лешернъ, Милоглазкинъ, Сажинъ, Эдельштейнъ, Троицкій, Гейшторъ, Бородулинъ, Любавскій, Сидорацкая, Чарушинъ, Ив. и Кл. Блавдзевичъ, Рогачева, Тушинская, Коваликъ и Войнаральскій. Изъ нихъ 12 отказались идти въ судъ добровольно, почему и были приведены силою, Чарушина почему-то оставили въ покоѣ; а остальные 7: Гейшторъ, Судзиловская, Сидорацкая, Эдельштейнъ, Бородулинъ, Любавскій и Ив. Блавдзевичъ явились въ судъ добровольно. Подсудимые имѣли съ судомъ слѣдующія объясненія: Лермонтовъ на вопросъ о виновности: Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ заявить, что приведенъ сюда силою; самъ лично я не желалъ идти въ судъ, чтобы не служить здѣсь живой декораціей этого зрѣлища, устроеннаго для препровожденія времени высокихъ сановниковъ. Почему я считаю свое участіе и даже присутствіе въ судебной процедурѣ этого необыкновеннаго или, какъ говорятъ, особаго присутствія совершенно излишнимъ,—я объяснять не буду, потому что мотивы эти уже были высказаны большинствомъ моихъ товарищей. Я совершенно солидаренъ съ тѣми заявленіями, которыя уже сдѣланы были раньше; а лично отъ себя я просилъ бы особое прис. вмѣсто всего другого, лучше прочитать мнѣ сегодня же окончательный приговоръ, который, вѣроятно, уже давно заготовленъ у суда такъ же точно, какъ заготовляются разныя постановленія въ родѣ того, каковое было прочтено намъ нѣсколько дней тому назадъ, сдѣланное за недѣлю до открытія суда. Первопр. Вы повторяете то же самое, что уже высказывалось

вашими товарищами, и такъ какъ настоящимъ заявленіемъ вы оказали неуваженіе суду, то будете удалены изъ залы засѣданія. Удалите подс. Лермонтова! Ковалик ъ (на вопросъ о виновности). Мы, какъ члены русской соціально-революціонной партіи, собственно не должны бы принимать никакого участія въ настоящемъ процессѣ. Но, имѣя въ виду, что наше устраненіе отъ суда можетъ повести къ обвиненію невиннаго, противъ котораго нѣтъ причинъ, мы рѣшились принять участіе и разъяснить тѣ обстоятельства, которыя сочтемъ нужнымъ. Теперь же, когда состоялось постановленіе особ. прис. отъ 11 октября, которое нарушило всѣ наши законныя гарантіи, присутствіе наше на судѣ было бы несогласно съ нашими убѣжденіями и взглядами и не принесло бы никакой пользы нашимъ товарищамъ. Поэтому я требую, чтобы меня вывели отсюда. Ковалик ъ немедленно удаленъ. Войнаральскій (на вопросъ о виновности). Хотя я, какъ членъ соціально-революціонной партіи, къ которой имѣю честь принадлежать, не могъ бы, ни въ какомъ случаѣ, признать компетентность суда, представляющаго собою только органъ господствующей силы, враждебной соціально-революціонной партіи, — тѣмъ не менѣе я все еще думалъ принять участіе въ процессѣ, имѣя въ виду представить дѣло въ настоящемъ свѣтѣ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ оградить интересы многихъ невинно-заключенныхъ. Но послѣ постановленія 11-го октября, показавшаго, какъ особ. прис. относится къ правамъ защиты, я не могу смотрѣть на особое прис., какъ на судъ, заявляю, что теперь пришелъ сюда, только уступая физической силѣ, и требую, чтобы меня увели отсюда. (Войнаральскій былъ немедленно удаленъ). Судзиловская виновной себя не признала. Ваховская (на вопросъ о виновности). Отвѣчать я не желаю и прошу удалить меня изъ залы засѣданія; присутствіе мое здѣсь излишне. Лешернъ (на вопросъ о виновности). Я не желаю отвѣчать суду, основанному на произволѣ и насиліи, а поэтому прошу меня удалить. (Ваховскій и Лешернъ были удалены). Милоглазкинъ (на вопросъ о виновности). Я бы просилъ позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что, хотя я изъ значущихся въ обвинительномъ актѣ зналъ не болѣе 3—5 человѣкъ и хотя между мною и другими подсудимыми существуетъ значительное различіе во взглядахъ, но коль скоро обвинительная власть связала насъ однимъ обвиненіемъ, то на каждомъ изъ насъ лежитъ нравственная обязанность разъяснить всѣ недоразумѣнія и противорѣчія, которыя встрѣчаются въ обвинительномъ актѣ; и поэтому я желалъ присутствовать на судѣ. Но въ виду послѣдняго неправильнаго поступка съ нами я присоединяюсь къ заявленію моихъ товарищей и не желаю оставаться въ залѣ засѣданія. Прошу меня удалить. (Милоглазкина удаляютъ). Сажинъ (на вопросъ о виновности). Я отвѣчать не желаю и прошу удалить меня изъ залы засѣданія. (Сажина выводятъ). Подс. Эдельштейнъ далъ очень подробныя объясненія и призналъ себя виновнымъ „въ контрабандѣ“, хотя замѣтилъ, что онъ „даже никогда не могъ себѣ представить, что книги могутъ быть такія преступныя“, Троицкій (на вопросъ о виновности). Г. предсѣдатель! Я не желаю принимать никакого участія въ судѣ по тѣмъ же мотивамъ, которые были выражены здѣсь Синегубомъ и другими моими товарищами по первой группѣ. Я заявляю, что даже отказываюсь совер-

шенно отъ защиты и защитника. Приведена подс. Гейшторъ. Первопр. Подсудимая, вы согласны отвѣчать? Обв. Да. Перв. признаете ли себя виновной? Гейшт. Нѣтъ, не признаю. Я должна заявить, что настоящій строй въ Россіи мнѣ ненавистенъ, потому что въ немъ всѣмъ живется очень гадко, не исключая и васъ, гг. судьи..... Первопр. Удалить подсудимую за оказанное неуваженіе къ суду! (Гейшторъ уводятъ). Прис. пов. Герардъ. Подсудимая вовсе не желала оскорблять судъ; напротивъ, она желала давать свои объясненія суду. Первопр. Она оскорбила судъ. Гер. Вы, вѣроятно, не изволили разслышать ея объясненіе: она только сказала, что при такомъ порядкѣ вещей живется въ Россіи очень скверно, не исключая и васъ, гг. судьи. Вотъ были ея слова. Первопр. Я не разслышалъ. Возвратите подсудимую (Гейшторъ привели). Подсудимая, я не вслушался хорошо, что вы сказали; если не желаете оскорблять судъ, то продолжайте ваше объясненіе. Гейшт. Я говорю, что нашъ строй мнѣ непріятенъ, такъ какъ въ немъ живется всѣмъ очень гадко, не исключая и васъ, гг. судьи; развѣ кто-нибудь изъ васъ можетъ сказать, что онъ доволенъ своимъ положеніемъ, не говоря уже о бѣдномъ народѣ, который массами ходитъ голодный, бѣдствуетъ... Первопр. Подс., замолчите; то, что вы говорите, совершенно не идетъ къ дѣлу. Я васъ только спрашиваю, признаете ли вы себя виновной? Отв. Я уже сказала, что я себя ни въ чемъ не признаю виновной. Затѣмъ приведены по очереди Бородулинъ и Ив. Блавдзевичъ, оба они виновными себя не признали. Кл. Блавдзевичъ (на вопросъ о виновности). Я прежде всего отказываюсь отъ всякаго участія въ процессѣ. Первопр. Почему? Блавд. Потому, что особ. прис. не хотѣло выслушать нашего заявленія по поводу раздѣленія насъ на группы, и поэтому прошу удалить меня изъ залы засѣданія. Рогачевъ (на вопросъ о виновности). Я отказываюсь отъ всякаго участія на судѣ и прошу удалить меня изъ засѣданія въ силу мотивовъ, высказанныхъ моими товарищами. Насколько справедливо обвиненіе противъ меня, это выяснитъ судебное слѣдствіе. Тушинская (на вопросъ о виновности). Насколько обвиненіе противъ меня справедливо, это покажетъ судебное слѣдствіе. Теперь я приведена сюда силой и отказываюсь отъ всякаго участія на судѣ. Всѣ эти три подсудимые были удалены. Послѣ опроса подсудимыхъ было приступлено къ допросу свидѣтелей по этой группѣ. Прежде всего были допрошены двое свидѣтелей по дѣлу Ваховской: одинъ изъ нихъ—Михаилъ Платоновъ, имѣвшій въ 1874 году 14 лѣтъ и другой—Илья Егоровъ—его дядя. Оба они все перезабыли. Ихъ спрашивали, не говорила ли Ваховская, что правительства и чиновниковъ не нужно, что не нужно платить податей и пр. Свидѣтели этого не помнятъ. Затѣмъ были допрошены по дѣлу Лешернъ становой Боровичскаго уѣзда—Малиновскій и нѣсколько крестьянъ изъ деревни, гдѣ жила Лешернъ. Становой показалъ, что Лешернъ, будучи учительницей въ школѣ, „по ночамъ собирала народъ“; въ одну изъ такихъ ночей онъ ее арестовалъ. Въ доказательство подозрительности ея личности онъ привелъ тотъ фактъ, что она изъ устроенной имъ для крестьянъ ссудо-сберегательной кассы не выдавала денегъ на уплату податей, хотя охотно выдавала на поправленіе крестьянскаго хозяйства. Свид. Бондаревъ. (мальчикъ 17 лѣтъ въ 1874 г.) объяснилъ, что Ле-

шернъ говорила, что „господъ всѣхъ нужно перевѣшать, бунтъ сдѣлать, чтобы всѣ равные были, чтобы повинностей не платить никому; ставила въ примѣръ Стеньку Разина". Приглашенъ свидѣтель Морозовъ, вызванный защитой. Прис. пов. Бардовскій: Лешернъ пригласила меня, чтобы только посовѣтоваться со мною; теперь же она заявила, чтобы я не только не защищалъ ее, но чтобы отъ ея имени не принималъ никакого участія въ суд. слѣдствіи. Несмотря на это, Морозова стали допрашивать, но онъ на всѣ вопросы первопр. далъ отрицательный отвѣтъ. Слѣдующій свидѣтель противъ Лешернъ, Семенъ Ѳедотовъ, ничего не объяснилъ. Два свидѣтеля противъ Троицкаго и Гейшторъ—крест. Ермолаевъ и подрядчикъ Евдокимовъ—дали показанія, также ничего не объясняющія; а свид. Тимофеевъ, трактирщикъ, деревни Льговицы, Рыб. уѣзда, разсказалъ, что Троицкій, проходя съ женщиной черезъ ихъ деревню, былъ у него въ трактирѣ и оставилъ книжку „О четырехъ братьяхъ", которая показалась ему, трактирщику, „вредной", почему онъ ее и представилъ начальству. Показанія слѣдующихъ свидѣтелей Лазаревича, Васюкова и Зотова особеннаго интереса не представляютъ: по объясненіямъ Лазаревича оказалось, что квартира, въ которой жили въ Петербургѣ Коваликъ, Пв. Блавдзевичъ и др., никакимъ коммунистическимъ характеромъ не отличалась; Васюковъ характеризировалъ Лермонтова, какъ человѣка трудолюбиваго, по большей части занимавшагося дома литературою; Зотовъ познакомился съ Лермонтовымъ случайно и очень мало знаетъ его. Перерывъ на 10 минутъ. Послѣ перерыва Рабиновичъ попросилъ слова и далъ слѣдующія объясненія: Рабин. Я показалъ про Лермонтова, что онъ былъ основателемъ кружка и что онъ же былъ та личность, которая предложила мнѣ заняться перевозкой книгъ изъ-за границы; что я поѣхалъ туда черезъ сѣверную границу, а онъ черезъ южную. По этому поводу онъ привлеченъ къ настоящему дѣлу. Я говорю теперь, что это показаніе вполнѣ ложно. Я далъ его, руководствуясь слѣдующимъ: я не могъ показать въ то время на дѣйствительную личность, которая предложила мнѣ заняться этимъ дѣломъ. Этотъ человѣка—Павловскій: тогда онъ былъ на свободѣ, онъ тоже назвалъ себя Ивановымъ. На дознаніи я показалъ, что личность эта—Ивановъ; потомъ, когда было слѣдствіе, я рѣшился во что бы то ни стало, освободиться и назвалъ Лермонтова. Назвать прямо Павловскаго я боялся: онъ былъ человѣкъ энергичный, былъ на свободѣ и могъ мнѣ отомстить. Мнѣ казалось, что если бы нашли показаніе правдоподобнымъ, то освободили бы меня. Въ виду этого я долженъ былъ указать на другую личность. Выбралъ я Лермонтова на основаніи вотъ какихъ соображеній: Лермонтовъ былъ арестованъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ и затѣмъ я его мало уважалъ, какъ человѣка, державшагося въ сторонѣ соціалистическихъ предпріятій. Но этого было недостаточно. Я вспомнилъ, что онъ былъ арестованъ въ квартирѣ Судзиловской; въ виду этого необходимо было показать не только на него, но и на всѣхъ лицъ, жившихъ въ квартирѣ,— вотъ почему я и написалъ, что существовалъ кружокъ изъ такихъ-то и такихъ-то лицъ. Изъ дѣла видно, что личность, которая пересылала книги изъ за границы, былъ Сажинъ. Я зналъ, что онъ эмигрантъ, но его настоящаго имени я тогда не зналъ. Когда я писалъ на слѣдствіи, я не зналъ, что мнѣ сдѣлать, чтобы показаніе было вѣроятно, и, зная, что

Сажинъ эмигрантъ, а эмигранты не имѣютъ привычки возвращаться въ Россію, я, въ полной увѣренности, что ему за это ничего не будетъ, написалъ, что книги присылалъ Сажинъ. Между тѣмъ Сажинъ былъ арестованъ. Я его никогда не видалъ до того времени. Несмотря на мои показанія, меня все-таки не выпускали; въ продолженіе 6 мѣсяцевъ я прождалъ напрасно, что меня выпустятъ. Въ виду того, что меня не выпускаютъ, я рѣшился сдѣлать оговоръ Сажина, который со мною въ одной тюрьмѣ. Дня за два или за три до очной ставки, я, идя въ ванну, встрѣтился съ какою-то личностью, я спросилъ, кто эта личность, мнѣ сказали—Сажинъ; я приглядѣлся къ нему и, когда мнѣ предложили описать его наружность, я описалъ всѣ его примѣты и затѣмъ призналъ его на очной ставкѣ. Тов. об. прок. По поводу того, что подс. ссылается на актъ, гдѣ онъ писалъ примѣты Сажина, я прошу удостовѣрить, что тамъ изложено даже, что онъ пишетъ крупнымъ почеркомъ. Раб. При дѣлѣ имѣется письмо Буддо, писанное крупнымъ почеркомъ, а потому я не могъ показать, что онъ пишетъ мелко. Почерка Сажина я не зналъ; показалъ, что онъ пишетъ крупно, и совершенно случайно оказалось, что у Сажина такой же почеркъ. Прис. пов. Коршъ. Я желалъ бы предложить подс. Рабиновичу вопросъ: чѣмъ объясняются тѣ перемѣны въ его показаніяхъ, которыя мы находимъ, и какіе мотивы заставили его все расширять и расширять свои показанія? Раб. Я давалъ показанія, расчитывая получить свободу; думалъ: вотъ покажу на Сажина, тогда меня выпустятъ, но и тутъ обманулся—не выпустили. Затѣмъ былъ прочтенъ протоколъ обыска у Лермонтова и разсматривались вещественныя доказательства противъ подсудимыхъ: Лермонтова, Бородулина и Софьи Лешернъ. Въ числѣ вещественныхъ доказательствъ больше фигурируютъ разнаго рода письма и записки, какъ простыя, такъ и шифрованныя. Этимъ и заключилось засѣданіе 29-го Октября, въ 5 час. по-полудни.

Засѣданіе 2-го Ноября [1]). Была приведена 5-ая группа. Изъ общаго ея числа (14 человѣкъ) было одиннадцать протестантовъ, изъ которыхъ пятеро, какъ заявившіе уже протестъ, въ судъ приводимы не были (Голоушевъ, Щеголевъ, Аранзонъ, Антовъ—исключая Рабиновича, который всегда приходитъ исключительно для опроверженія своихъ прежнихъ показаній и оговоровъ). Непротестующіе—Гейшторъ, Воскресенскій, Городецкій, — участвовали въ разбирательствѣ; новые же протестанты—Федоровичъ, Веревочкина, Траубенбергъ, Павелъ Орловъ, Муравскій и Юргенсонъ—были приведены въ судъ силой и дали слѣдующія объясненія: Иванъ Орловъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что отказывается отвѣчать на вопросы. Первопр. Садитесь. Орловъ. Нѣтъ, я долженъ заявить, что отказываюсь отъ участія въ судѣ, отъ защиты и защитника и прошу удалить меня отсюда. Первопр. Удалить подсудимаго. Орл. Я отказываюсь также отъ вызванныхъ мною свидѣтелей (называетъ фамиліи). Подсудимаго уводятъ. Подс. Муравскій на вопросъ о виновности отвѣчалъ: „На подобный вопросъ мнѣ нечего отвѣчать; я сообразовался въ своей дѣятельности не съ уложеніемъ о на-

[1]) Отчетовъ о засѣданіяхъ 30 октября и 1 ноября въ „Общинѣ“ напечатано не было. Ред. Сбор.

казаніяхъ, а съ правами и воззрѣніями той среды, гдѣ велъ революціонную пропаганду. Впрочемъ, я и вообще не стану отвѣчать на вопросы, такъ какъ не желаю принимать участія въ судѣ, отказываюсь отъ защиты и защитника и прошу меня удалить отсюда. Подсудимаго уводятъ. Подс. Юргенсонъ заявила, что въ виду нарушенія 613 ст. Уст. Уг. суд., въ виду неисполненія законныхъ требованій защиты, въ виду того, что при такихъ условіяхъ подсудимые не гарантированы отъ заранѣе составленныхъ постановленій, и находя, что подобное отношеніе къ защитѣ и къ подсудимымъ со стороны суда крайне оскорбительно—она, подсудимая, не желаетъ подвергать подобнымъ оскорбленіямъ ни себя, ни своего защитника, а потому отказывается отъ всякаго участія въ судѣ, отъ защиты и защитника и проситъ удалить ее изъ залы засѣданія. Первопр. Довольно! Терпѣніе суда истощилось, и такъ какъ подсудимые не останавливаются передъ оскорбленіемъ суда въ случаѣ, если ихъ не уводятъ—я буду удалять всѣхъ заявляющихъ протестъ противъ суда. (Подсудимую уводятъ). Подс. Траубенбергъ заявилъ, что отказывается отъ суда, защиты и защитника. Первопр. (дѣлаетъ жестъ рукой и подсудимаго уводятъ). Подс. Федоровичъ и подсудимая Веревочкина отвѣчали также точно. Предсѣдатель точно также, безъ всякихъ препирательствъ дѣлаетъ тотъ же жестъ рукой, и подсудимыхъ удалили. Затѣмъ были спрошены свидѣтели. Гимназистъ Малышевичъ показалъ, что Голоушевъ привозилъ съ собой книги, которыя и далъ ему, Малышевичу, но не для чтенія или распространенія, а только на сохраненіе. Часть же этихъ книгъ была отдана на храненіе же Павлу Орлову, но свидѣтель не знаетъ, оказывалъ ли Орловъ такія услуги, кромѣ этого случая. У Орлова свидѣтель видѣлъ Муравскаго, но никакихъ особенныхъ разговоровъ не слыхалъ. По поводу словъ свидѣтеля о комъ-то, что этотъ нѣкто велъ пропаганду, защита предложила свидѣтелю вопросъ: что онъ собственно понимаетъ подъ пропагандой? Свидѣтель пояснилъ, что это было собственно выраженіемъ мнѣній, а не какая-либо „преднамѣренная пропаганда“. Потомъ были прочитаны показанія Решко. Затѣмъ спрошенъ свидѣтель Царнородцевъ по дѣлу Аранзона. Прочитаны показанія Марсова и Невзорова (за неявкою свидѣтелей). Затѣмъ спрошены по дѣлу Воскресенскаго три свидѣтеля—Бауэръ, Петровъ и Громельщиковъ. Воскресенскаго обвиняли въ томъ, что онъ имѣлъ сношенія съ заключенными въ тюрьмѣ политическими арестантами. Это доказывалось письмами яко бы отъ этихъ арестантовъ къ Воскресенскому, переданными въ Жандармское Управленіе тѣми арестантами, которые взялись доставить письма по адресу. Судебное разбирательство выяснило, что личности свидѣтелей чрезвычайно темныя; Громельщиковъ имѣетъ въ Казани домъ, гдѣ нанималъ квартиру Бауэръ, содержатель публичнаго дома, Петровъ же служилъ у Бауэра и содержался въ тюрьмѣ за кражу часовъ у одного изъ посѣтителей публичнаго дома. Далѣе было выяснено, что эти личности имѣли какія-то сношенія съ Жанд. Управ. и что письма, выдаваемыя за письма политическихъ арестованныхъ къ Воскресенскому, писалъ нѣкто Садовскій, гражданскій арестантъ того же острога. Затѣмъ спрошены четыре свидѣтеля по дѣлу Муравскаго: Молчановъ, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ какую-то книжку, что-то насчетъ крестьянскихъ дѣлъ, и показывалъ планъ, „какъ ходитъ желѣзная дорога“. →

Эрастовъ, содержатель постоялаго двора, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ книжку „О четырехъ братьяхъ“ въ присутствіи нѣсколькихъ мальчиковъ, присматривавшихъ за скотиной, и нѣсколькихъ учениковъ. Цыгановъ, крестьянинъ, показалъ, что Муравскій читалъ какую-то „запятную“ книжку при свидѣтелѣ Веделѣевѣ. Онъ, Цыгановъ, просилъ эту книжку у Муравскаго, но тотъ не далъ, говоря, что ему самому нужна, а вмѣсто того далъ другую съ тѣмъ, чтобы взять назадъ на обратномъ пути. Это была „Исторія французскаго крестьянина“. Веделѣевъ показалъ что сказка, читанная Муравскимъ, была „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Затѣмъ допрошенъ свидѣтель Бѣльскій. Такъ какъ онъ вызванъ подсудимымъ Щеголевымъ, отказавшимся теперь отъ участія въ судѣ, то возникло сомнѣніе, спрашивать ли Бѣльскаго. Щеголевъ объяснилъ мотивы, побуждавшіе его вызвать этого свидѣтеля и было признано возможнымъ допросить свидѣтеля о томъ, о чемъ упоминалъ въ своемъ прошеніи Щеголевъ. Бѣльскій объяснилъ, что тюкъ книгъ, присылку котораго обвиненіе приписывало Щеголеву, былъ присланъ отъ Воронцова какому-то Никифорову или Никитину, а Щеголевъ тутъ не при чемъ. Затѣмъ прочитаны показанія Анны Щеголевой и разсмотрѣны вещественныя доказательства. Этимъ закончилось слѣдствіе по 5-ой группѣ и была вызвана 6-я. Изъ двѣнадцати человѣкъ 6-й группы—шесть человѣкъ протестантовъ, но изъ нихъ пятеро не были на судѣ, какъ уже раньше заявившіе протестъ и одинъ только Колювъ заявилъ протестъ и былъ удаленъ изъ суда. Остальные: Курдюмовъ, Городецкій, Н. Поповъ, Воскресенскій, Чарыковъ, Никитинъ участвовали въ разбирательствѣ дѣла. Выслушаны были два свидѣтеля противъ Комова. Рабиновичъ далъ разъясненія относительно своихъ показаній о кружкѣ Самарцевъ. Городецкій далъ разъясненія своихъ прежнихъ показаній и въ этомъ разъясненіи сказалъ, что антиправительственное направленіе и революціонныя тенденціи, въ которыхъ оно уличало многихъ лицъ, были истолкованы обвиненіемъ неправильно; что онъ, Городецкій, не придавалъ этимъ словамъ бунтовскаго смысла. Засѣданіе закончилось эпизодомъ, разсмѣшившимъ присутствующихъ и измѣнившимъ на секунду вялый, скучный и угрюмый характеръ разбирательства. Защитникъ подсудимаго Чарыкова обратился къ Городецкому съ вопросомъ, какъ должно понимать выраженіе Городецкаго (въ прежнихъ показаніяхъ), что Чарыковъ занимался развиваніемъ калинкинскихъ акушерокъ? Городецкій объяснилъ, что въ то время Чарыковъ ровно ничего, насколько ему извѣстно, не дѣлалъ, почему онъ, Городецкій, и выразился о немъ иронически вышеизложенной фразой. Чарыковъ съ обиженнымъ видомъ встаетъ и заявляетъ, что онъ совсѣмъ и не знаетъ калинкинскихъ акушерокъ, за исключеніемъ одной почтенной матери семейства и что, впрочемъ, если бы даже онъ и занимался этимъ, то развиваніе калинкинскихъ акушерокъ не имѣетъ ничего общаго съ преступленіями, предусмотрѣнными 250 ст. и 251 ст. Улож. о наказ. Нужно замѣтить, что означенная фраза Городецкаго послужила поводомъ къ привлеченію Чарыкова къ дѣлу.

Засѣданіе 3-го ноября. Вызвана 7-я группа. Изъ двѣнадцати человѣкъ—семь протестуютъ. Изъ нихъ Пумпянская не явилась по болѣзни. Сажинъ и Рабиновичъ протестовали раньше. Союзовъ,

Семеновъ, Корабельниковъ, Павловскій заявили протестъ и отказались отъ участія въ судѣ, отъ защитниковъ и проч. Первоприсутствующій ни въ какія препирательства съ подсудимыми не входилъ и удалялъ ихъ сейчасъ же по заявленіи протеста. Одинъ Корабельниковъ имѣлъ нѣкоторое объясненіе. Первопр. Признаете ли себя виновнымъ? Кораб. Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я желалъ бы объяснить предсѣдателю причины, побуждающія меня дѣйствовать такъ, а не иначе. Первопр. замѣтилъ, что подсудимый ничего новаго не скажетъ, что судъ уже слышалъ множество объясненій. Кораб. отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, что говорилось раньше и, можетъ быть, его объясненіе и содержитъ что-либо новое. Первопр. разрѣшилъ говорить. Кораб. сказалъ, что еще 18-го октября защитники ходатайствовали передъ судомъ о перенесеніи засѣданій въ болѣе просторную залу, гдѣ было бы мѣсто не только для высокопоставленныхъ особъ въ звѣздахъ, но и для простыхъ смертныхъ. Первопр. замѣчаетъ, что это не идетъ къ дѣлу. Кораб. думаетъ, что, если предсѣдатель выслушаетъ его, то найдетъ, что это идетъ къ дѣлу. Первопр. предлагаетъ категорическій вопросъ: будетъ ли подсудимый отвѣчать на вопросъ суда? Кораб. Нѣтъ. Первопр. приказываетъ вывести подсудимаго. Кораб. сказалъ, что онъ не желаетъ, чтобы въ „Прав. Вѣст." печатали, что его вывели за безпорядокъ или вслѣдствіе неуваженія къ суду. Первопр. Вы своимъ поведеніемъ уже достаточно показали ваше неуваженіе къ суду. Кораб. этого не думаетъ. Первопр. еще разъ спросилъ, будетъ ли отвѣчать подсудимый? Кораб. Нѣтъ. Первопр. снова распорядился объ удаленіи подсудимаго. Кораб. Я отказываюсь также и отъ защиты и беру назадъ полномочія моего бывшаго защитника, уважаемаго мною г. Макалинскаго. Подсудимыхъ: Корабельникова, Союзова, Семенова, Павловскаго уводятъ.

Засѣданіе 4-го Ноября. Вызвана восьмая группа. Изъ одиннадцати человѣкъ — семь протестантовъ. Изъ нихъ Коваликъ и Рабиновичъ раньше заявили протестъ, а Говоруха, Максимовъ, Серебряковъ, Иванъ Глушковъ и Головинъ протестовали только въ настоящее засѣданіе. Михаилъ Спѣсивцевъ, Барковъ, Шавердова и Даниловъ суду подчинились. Протестанты имѣли слѣдующія объясненія: Говоруха-Отрокъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что ему, прежде чѣмъ отвѣчать на предложенный вопросъ, необходимо сдѣлать замѣчаніе по поводу одной неточности въ обвинительномъ актѣ. Первопр. отвѣчалъ, что подсудимый можетъ это сдѣлать во время судебнаго слѣдствія, Говоруха объяснилъ, что онъ этого не можетъ сдѣлать, ибо не будетъ присутствовать на судебномъ слѣдствіи и вообще не будетъ въ немъ участвовать. Первопр. разрѣшилъ Говорухѣ говорить. Говор. разсказалъ, что въ актѣ сказано, будто бы, по словамъ его, Говорухи, Литошенко снабжалъ Харьковъ революціонными книгами, это неправда. Онъ, Говоруха, ничего подобнаго не показывалъ. Кромѣ того въ актѣ еще много искаженій его показаній, но онъ не станетъ останавливаться на нихъ, потому что другія искаженія вредятъ только ему лично, а не товарищамъ. Однако же, чтобы обвиненіе не могло, пользуясь его отсутствіемъ, приводить, якобы, его подлинныя, а на самомъ дѣлѣ искаженныя его показанія, — онъ отказывается отъ всѣхъ

своихъ показаній, данныхъ при дознаніи и слѣдствіи. Въ настоящемъ же судѣ онъ присутствовать не желаетъ и проситъ удалить его изъ залы засѣданія. Первопр. Вы рѣшительно настаиваете на вашемъ удаленіи? Гов. Да, я прошу удалить меня. Подсудимаго уводятъ. Подс. Головинъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ, что, прежде чѣмъ отвѣчать на предложенный вопросъ, онъ требуетъ, на основаніи 613 и 625 ст. Уст. Уг. Суд., чтобы ему было подробно передано все, происходившее на судѣ до него. Первопр. отвѣчалъ, что до сихъ поръ было разобрано семь группъ, и въ теченіе этого разбирательства имя его, Головина, упоминалось только однажды въ объясненіяхъ подсудимаго Городецкаго. Головинъ возразилъ, что этого ему недостаточно, такъ какъ обвиненіе собрало всѣхъ 200 человѣкъ подсудимыхъ въ одно сообщество, къ которому „прикомандировало“ и его, Головина; поэтому онъ требуетъ, чтобы ему подробно изложили все, происходившее на судѣ. Можетъ быть, были такія обстоятельства, которыя предсѣдатель нашелъ не относящимися до него, подсудимаго, но онъ самъ, какъ „прикомандированный“ членъ сообщества, можетъ быть, найдетъ ихъ очень важными. Первопр. отвѣчалъ, что желаніе подсудимаго не можетъ быть уважено, ибо тогда пришлось бы читать ему стенографическій отчетъ. Головинъ. Въ такомъ случаѣ, въ виду того, что судъ нарушаетъ самыя существенныя права, данныя закономъ защитѣ, въ виду того, что при такихъ условіяхъ защита дѣлается фикціей, лишается всякаго дѣйствительнаго значенія, въ виду того, что мы лишены даже возможности слѣдить за ходомъ дѣла и являемся исключительно какой-то жалкой декораціей, придающей реальность фиктивному суду..... Первопр. прерывая, кричитъ: „Вывести подсудимаго!“ Подсудимаго уводятъ. Подс. Серебряковъ на вопросъ о виновности отвѣчалъ: „Я отказываюсь отъ всякаго участія въ судѣ“. Первопр. Вы настаиваете на удаленіи? Серебр. Да. — Подсудимаго уводятъ. — Подс. Максимовъ на вопросъ о виновности сказалъ: „Я отказываюсь отъ всякаго участія въ судѣ и отъ защиты; вопросъ же о виновности считаю совершенно неумѣстнымъ, во первыхъ, потому... Первопр. машетъ рукой; жандармы отворяютъ дверь: „пожалуйтесь!“ — Подсудимаго уводятъ. Подс. Иванъ Глушковъ отвѣчалъ: „Считаю излишнимъ отвѣчать на вопросъ о виновности и пришелъ сюда только для того, чтобы присоединиться къ протесту, заявленному моими товарищами“. Первопр. машетъ рукой: жандармы приближаются. Глушковъ. Я отказываюсь также и отъ защиты. Первопр. Кто вашъ защитникъ? Глуш. называетъ фамилію. — Подсудимаго уводятъ. Послѣ заявленія протеста со стороны части подсудимыхъ были спрошены непротестующіе. Даниловъ вообще себя виновнымъ не призналъ и объявилъ, что виновенъ лишь въ томъ, что, находясь подъ стражею, написалъ письмо, которое и послужило причиной его привлеченія къ дѣлу. Шавердова виновной себя не признала. Барковъ виновнымъ себя не призналъ, заявивши, что хотя онъ и былъ въ харьковскомъ кружкѣ, но кружокъ не былъ революціоннымъ сообществомъ. Снѣсивцевъ виновнымъ себя не призналъ. Затѣмъ спрошены свидѣтели. Прочитаны показанія бывшаго студента Харьковскаго Университета, Гродецкаго, не явившагося на судъ. Въ нихъ, между прочимъ, говорится, что подсудимый Даниловъ отрицатель-

но относился къ существующему порядку вещей и, отправляясь къ молоканамъ, будто бы потому, что ихъ идеи соотвѣтствуютъ его собственнымъ, поѣхалъ туда на средства харьковскаго революціоннаго кружка. Въ то время, когда Даниловъ высказывалъ отрицаніе существующаго порядка, присутствовали Барковъ, Говоруха и другіе и относились къ этому сочувственно. Подсудимый Барковъ возразилъ, что Даниловъ, хотя и находилъ недостатки въ существующемъ строѣ, не можетъ, однако, быть названъ не только коммунистомъ, но даже соціалистомъ. Поѣхалъ Даниловъ на Кавказъ просто для изученія народнаго быта; тамъ онъ остался безъ денегъ и просилъ знакомыхъ помочь ему, почему Борисовъ и др. и устроили лотереи и вырученныя деньги послали Данилову. Подс. Даниловъ обратилъ вниманіе суда на то, что показаніе Гродецкаго дано имъ въ тюрьмѣ, когда онъ былъ въ качествѣ обвиняемаго, и что непосредственно послѣ дачи такого показанія явилось отношеніе генерала Слезкина (жанд.), чтобы Гродецкій былъ освобожденъ. Бывшій семинаристъ Александръ Цоповъ показалъ, что у нихъ пронесся слухъ, будто у студентовъ есть какія-то запрещенныя книги, но какія именно — этого не знали; говорили даже, что названіе какой-то запрещенной книги „Монархія“. Однажды приходитъ въ семинарію Говоруха-Отрокъ и предлагаетъ семинаристамъ идти на сходку, пояснивъ, что прибылъ изъ Питера одинъ человѣкъ, котораго нужно послушать. Послѣ объяснилось, что этотъ человѣкъ Лукашевичъ, т. е. Коваликъ. Потомъ была сходка, по поводу которой они, семинаристы, собрались сперва въ паркѣ, а потомъ за ними пришли и привели ихъ на сходку, гдѣ говорилъ больше всего Говоруха. Результатомъ этихъ преній было рѣшеніе идти въ народъ. На вопросъ Желеховскаго свидѣтель говоритъ, что идти въ народъ нужно для возбужденія возстанія, на вопросъ же защиты свидѣтель сказалъ, что возстанія вовсе не хотѣли возбуждать и не считали это возможнымъ. На вопросъ, кто давалъ имъ книги и кто игралъ главную роль на сходкахъ, свидѣтель отвѣчалъ, что книги давалъ Говоруха; относительно же главной роли онъ, свидѣтель, ничего не знаетъ; впрочемъ, собственно къ „говоренью“ Говоруха-Отрокъ былъ способнѣе всѣхъ. Прочитаны показанія Петра Арсеньева, студента харьковскаго университета. Въ нихъ говорится, что бывали сходки, что Говоруха, Лукашевичъ (Коваликъ) и др. проповѣдывали революцію и пр. О поголовномъ истребленіи царской фамиліи хотя и не говорили, но это подразумѣвалось само собой, потому что предполагалось уничтожить всѣхъ правителей и правительственныхъ лицъ. Допрошенъ свидѣтель Клементьевъ. На дознаніи и слѣдствіи онъ показывалъ очень много противъ различныхъ подсудимыхъ. Между прочимъ, назвалъ Баркова главою харьковскаго кружка. Въ настоящее же время, на судебномъ слѣдствіи, онъ ничего подобнаго не подтвердилъ и сказалъ, что писалъ тогда по принужденію. Ему тогда было 17 лѣтъ, и онъ привлекался къ дѣлу, какъ обвиняемый; сперва онъ показаній написалъ только одинъ листъ, но прокуроръ сказалъ, что это никуда не годится и самъ написалъ 4 листа, а потомъ, угрожая тюрьмой, заставилъ его, Клементьева, переписать и подписать. Во время такого показанія Желеховскій и Петерсъ старались сбивать свидѣтеля и даже кричали на него, но онъ упорно стоялъ на томъ, что это происходило именно такимъ образомъ, какъ онъ

объяснилъ. Допрошенъ семинаристъ Бѣляевъ. Онъ показалъ, что Лукашевичъ убѣждалъ ихъ откликнуться на зовъ времени и идти въ народъ. Впрочемъ, возбуждать возстанія не предлагалось, и это была лишь пропаганда ученія. Сходки никѣмъ не скрывались и никакихъ мѣръ для скрытія не принималось. Самая формула „идти въ народъ“ была не какимъ-либо приказомъ, а только совѣтомъ. Допрошенъ бывшій семинаристъ Николай Поповъ. Показалъ, что „никакой революціи не было“, а сходки дѣйствительно бывали. Барковъ же даже совѣтовалъ не ходить въ народъ. Желеховскій, заподозривши, что подобное показаніе внушено свидѣтелю Барковымъ, спросилъ свидѣтеля — видѣлись ли они между собою со времени ареста. Свидѣтель отвѣчалъ отрицательно. Затѣмъ онъ объяснилъ, что на дознаніи давалъ показанія по принужденію, подъ угрозой тюрьмы. На слѣдствіи же ему позволили измѣнить то, что касалось его самого, но измѣнить относящееся до другихъ не дозволили, а потому и давалъ онъ показанія, какія требовали отъ него. Желеховскій и Петерсъ и этого свидѣтеля старались сбить, но безуспѣшно. Допрошенъ бывшій семинаристъ — нынѣ студентъ харьковскаго университета — Дюковъ. Онъ далъ на дознаніи и слѣдствіи множество показаній противъ разныхъ лицъ, теперь же ничего особеннаго не показалъ, а относительно фактовъ, о которыхъ говорилъ прежде, или отзывался, что не помнитъ ихъ, или отрицалъ ихъ. Подс. Барковъ обратилъ вниманіе суда на противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтеля, данныхъ теперь и данныхъ на слѣдствіи. Барковъ думалъ этимъ заявленіемъ указать на нетвердость обвиненія, но Желеховскій, воспользовавшись этимъ заявленіемъ, потребовалъ у суда, чтобы были прочитаны показанія Дюкова, данныя на слѣдствіи. Защита протестовала, указывая на постановленіе самого особаго присутствія; тѣмъ не менѣе судъ рѣшилъ прочесть эти показанія, что и было исполнено. По прочтеніи его показанія Дюковъ объяснилъ, что очень многое въ этихъ показаніяхъ ложно и что его принудили дать ихъ; что онъ, Дюковъ, самъ былъ обвиняемый и, подъ угрозой тюремнаго заключенія, написалъ подъ диктовку товарища прокурора Харьковскаго суда Завадовскаго всѣ прочитанныя показанія, которыя теперь объявляетъ ложными Защита обратила вниманіе суда на характеръ допросовъ, вынудившихъ прочитанныя показанія, и на то обстоятельство, что всѣ свидѣтели были обвиняемыми въ то время, когда давали показанія. Прис. повѣрен. Утинъ замѣтилъ, что показанія Дюкова достаточно объясняютъ характеръ какъ показаній свидѣтелей, такъ и дѣйствій члена прокурорскаго надзора, „къ счастію, нынѣ уже не занимающаго такого поста“. Допрошенъ свидѣтель Перцевъ, бывшій семинаристъ, показалъ вообще очень немного; объяснилъ, что во время дознанія съ нимъ обращались не какъ съ свидѣтелемъ: на допросъ его водилъ городовой, не отпускавшій его ни на шагъ. Потомъ его отвели въ тюремную политическую камеру и уже оттуда повели въ жандармское управленіе; тамъ ему подали уже готовую бумагу, въ которой было написано, что онъ признаетъ себя виновнымъ въ знаніи о революціонномъ сообществѣ и недонесеніи. Семейныя сцены по поводу его препровожденія съ городовыми вынудили его подписать эту бумагу.

Засѣданіе 7-го ноября. [1]) Разсматривалось дѣло IX группы, къ которой причислено 18 человѣкъ: Гориновичъ, Ларіоновъ, Польгеймъ, Фишеръ, Брешковская, Бенецкій, Божко-Божинскій, Кацъ, Трезвинскій, Волькенштейнъ, Тетельманъ, Рогачева, Дробышъ-Дробышевскій, Коваликъ, Рабиновичъ, Ваховская, Лермонтовъ и Артамоновъ. (Такъ называемая „Кіевская Коммуна"). Изъ нихъ послѣдніе 7 уже встрѣчались въ первыхъ четырехъ группахъ и тамъ своевременно давали свои объясненія. Подсудимыхъ приводятъ въ залу засѣданія по одному. Вводятъ подс. Гориновича. Первопр. Вы обвиняетесь въ принадлежности къ противозаконному сообществу, имѣющему цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка; признаете ли себя виновнымъ? Гориновичъ. Да, признаю. Первопр. Гдѣ находилось это сообщество? Гориновичъ. Въ Кіевѣ. Нѣкто Ларіоновъ ввелъ меня въ это сообщество. Первопр. Въ чемъ заключались цѣли этого сообщества? Гориновичъ. Возбудить народъ. Первопр. Какія для этого были средства? Гориновичъ. Для этого отправлялись въ видѣ рабочихъ въ народъ, распространяли книги, читали ихъ рабочимъ. Первопр. Составъ этого сообщества былъ большой, многочисленный? Гориновичъ. Насколько я знаю, членовъ было очень немного. Перв. Вы можете назвать нѣкоторыхъ членовъ этого сообщества? Гориновичъ. Да, могу. Тамъ были: Ларіоновъ, Дебагоріо-Мокріевичъ, Стефановичъ, Стронскій, Стронская, Щукинъ, Фростъ, Брешковская, Рогачева, Ходько.... Перв. Что это сообщество имѣло опредѣленное мѣстожительство? Гориновичъ. Да, въ Кіевѣ была квартира, куда приходили всѣ названныя мною лица. Гориновичъ признался себя также виновнымъ въ „покушеніи на распространеніе книгъ преступнаго содержанія съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной". Покушеніе это состояло въ томъ, что Гориновичъ два раза „отправился въ народъ" (его собственное выраженіе), имѣя при себѣ запрещенныя книги,—одинъ разъ съ Ларіоновымъ, другой разъ съ Дробышевскимъ; но въ оба раза онъ не передалъ ни одной книги. Подс. Ларіоновъ признался себя виновнымъ по 4 пунктамъ: 1) въ принадлежности къ противозаконному сообществу, 2) въ распространеніи книгъ преступнаго содержанія (онъ только не признался этого распространенія злоумышленнымъ), 3) въ похищеніи крестьянской лошади съ упряжью въ г. Вельскѣ, Вологодской губ. и 4) въ кражѣ 240 р., полученныхъ имъ по довѣренности крестьянъ изъ Корчевскаго уѣзднаго казначейства. Ларіоновъ признался также свое „хожденіе въ народъ" вмѣстѣ съ Гориновичемъ. На вопросъ перв. Ларіоновъ такъ характеризовалъ то сообщество, къ которому онъ принадлежалъ: Составляло ли это сообщество дѣйствительное сообщество въ смыслѣ обвиненія, предъявленнаго г. Желеховскимъ, я не могу сказать положительно, потому что зналъ только человѣкъ 20, можетъ быть, даже и менѣе, и отношенія мои къ нимъ не были отношеніями серіезными. Самое это сообщество не имѣло никакой организаціи и представляло собою собраніе лицъ, соединившихся въ силу извѣстныхъ

---

[1]) О засѣданіяхъ 5-го и 6-го ноября въ „Общинѣ" отчетовъ не было. Ред. Сбор.

симпатій и радѣнія о народномъ благѣ; но могу сказать, что убѣжденія этихъ лицъ были совершенно различны: нѣкоторыя лица раздѣляли убѣжденія болѣе крайнія, другія—умѣренныя. Я самъ принадлежалъ къ числу лицъ, раздѣлявшихъ убѣжденія менѣе крайнія, но съ тѣмъ оттѣнкомъ, что не остановился бы ни передъ чѣмъ ради извѣстной цѣли. Общество это развивало въ народѣ тѣ идеи, что извѣстныя сословія стѣсняютъ народъ, что противъ этихъ притѣсненій можно противодѣйствовать—самимъ сплотиться въ извѣстную группу; но въ дѣйствительности, чтобы возбуждать народъ къ возстанію и говорить о рѣзнѣ — этимъ сообщество не задавалось. Если и были нѣкоторыя головы, которыя, можетъ быть, хотѣли сами по себѣ индивидуально имѣть эти цѣли, то они высказывали это не всѣмъ намъ.... Въ томъ же, чтобы кіевская коммуна отрицала всякую государственность и семейственный союзъ — это было неправда. Въ моихъ показаніяхъ на предварительномъ слѣдствіи вовсе этого сказано не было: тамъ было сказано, что кружокъ состоялъ изъ разношерстныхъ элементовъ. Первопр. Но для достиженія той цѣли, о которой вы говорили, какія употреблялись средства? Ларіоновъ. Средства для этого были, какъ называли технически, хожденіе въ народъ, сближеніе съ народомъ въ какой бы то ни было формѣ, въ формѣ рабочаго, волостного писаря, фельдшера и т. п., словомъ, такія профессіи, которыя по своему положенію стоятъ ближе всего къ народу. Перв. Вы говорите, что подобныя профессіи представляли наиболѣе удобствъ, чтобы дойти до своей цѣли; но собственно въ чемъ должна была заключаться пропаганда? Ларіоновъ. Въ разговорѣ съ лицами изъ народа съ указаніемъ на тѣ неудобства, которыя они испытываютъ; на недостаточность земельнаго надѣла, на неравномѣрность податныхъ раскладокъ; при разговорѣ указывалось, что практика въ иностранныхъ государствахъ выработала формы, при которыхъ и самая раскладка податей производится иначе, и земельный надѣлъ больше. Перв. Для дѣла весьма важно знать, когда именно возникло это сообщество въ Кіевѣ, въ какое время и по какому поводу различныя лица сплотились въ это сообщество. Ларіоновъ. О началѣ этого сообщества я ничего не знаю. Я пристадъ къ этому сообществу въ концѣ апрѣля и оставался въ немъ до 21 мая 1874 г. Перв. У этого сообщества бывали опредѣленныя сходки, опредѣленныя собранія? Ларіоновъ. Въ теченіе тѣхъ 15 дней, которые я прожилъ на общей квартирѣ, въ домѣ Леминскаго, сходокъ ни разу не было; при разговорахъ я также не слыхалъ о сходкахъ. Сходками я не могу назвать, если къ кому-нибудь приходили 2—3 человѣка. Перв. Находился ли Фишеръ въ числѣ членовъ сообщества? Ларіоновъ. Я не знаю. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ Дебагоріо, поэтому я думаю, что онъ былъ въ числѣ членовъ; но при мнѣ онъ ни разу не приходилъ и во все время при мнѣ онъ ни разу не говорилъ. Я видѣлъ его только одинъ разъ въ селеніи Вертемяшка, но ничего не могу сказать, такъ какъ ограничился 2—3 словами. да и то больше говорилъ Дебагоріо. Перв. Считали ли вы Дробышевскаго членомъ сообщества? Лар. Нѣтъ, не считалъ. Перв. А Волькенштейна? Лар. Я слышалъ о немъ, что онъ студентъ-баричъ, не принадлежащій ни къ какой партіи. На вопросъ перв., не зналъ ли Лар. Тетельмана, Трезвинскаго,

Каца, Рабиновича, Ковалика, онъ отвѣчалъ отрицательно. Перв. А Бенецкаго вы знали? Лар. Зналъ. Я познакомился съ нимъ черезъ Монтвикъ-Монквиша. Монтвикъ сказалъ обо мнѣ Бенецкому заочно, что есть лицо, которое желаетъ познакомиться съ людьми, раздѣляющими извѣстныя политическія убѣжденія—не крайнія, а умѣренныя, потому что я раздѣлялъ убѣжденія умѣренныя. Но я не имѣлъ въ виду этой цѣли, я имѣлъ въ виду цѣль поступленія въуниверситетъ, а не имѣлъ ни законныхъ документовъ, ни средствъ. Я видѣлъ единственное средство для достиженія этой цѣли—примкнуть къ ассоціаціи студентовъ и наверстать. такимъ образомъ, какъ свое образованіе, такъ и имѣть матеріальную поддержку. Знакомыхъ у меня никого не было, кромѣ проф. Сущинскаго и Монтвикъ-Монквиша. Я и просилъ его познакомить меня съ людьми, раздѣляющими извѣстныя политическія убѣжденія. Чтобы имѣть какія-нибудь документы, я, когда бѣжалъ изъ ссылки, приготовилъ документъ, что я прощенный ссыльный. Имѣя такой документъ, я долженъ былъ говорить о причинахъ ссылки. Причину ссылки я выставилъ политическую—я выдалъ себя за участвовавшаго въ Нечаевскомъ дѣлѣ; коль скоро выдалъ себя за нечаевца, необходимо имѣть извѣстныя политическія убѣждеція, потому что надо было чѣмъ-нибудь себя выказать; и въ разговорѣ съ Монтвикомъ и высказалъ, что имѣлъ извѣстныя убѣжденія, желалъ знакомства людей, раздѣляющихъ мои взгляды на положеніе народа и желающихъ поднять его развитіе. Такъ вотъ, зная это, Монтвикъ, увидѣвъ Бенецкаго, передалъ ему обо мнѣ, потому что зналъ его изъ числа лицъ, раздѣляющихъ такія идеи. Въ это время Дебагоріо и Фишеръ отправлялись изъ Кіева; Бенецкій и сказалъ имъ, чтобы они зашли ко мнѣ. Они и зашли... Дебагоріо сказалъ мнѣ, что они пришли изъ Кіева и что если я дѣйствительно раздѣляю убѣжденіе, что народъ притѣсняютъ и что развитіемъ народа можно поднять его, то у него есть извѣстное число людей, раздѣляющихъ также подобнаго рода убѣжденія и что, если я хочу примкнуть къ нимъ, то могу обратиться къ Бенецкому. Далѣе изъ разсказовъ Ларіонова слѣдуетъ, что онъ, по ихъ приглашенію поѣхалъ въ Кіевъ и поселился у нихъ на квартирѣ въ домѣ Леминскаго. Между прочимъ, Ларіоновъ указалъ на одну неточность обв. акта (относительно Волькенштейна), основанную на его показаніяхъ, данныхъ при дознаніи. Неточность эта вкралась на 4-й день допроса, когда Ларіоновъ былъ настолько утомленъ, что подтверждалъ почти все, о чемъ его спрашивали: допросъ Ларіонову производился каждый день съ 8 час. утра до полуночи безъ отдыха, такъ что онъ „былъ совсѣмъ боленъ вслѣдствіе этихъ допросовъ и получилъ нервную лихорадку“ (соб. слова Ларіонова). Подс. Фишеръ (на вопросъ о виновности): Я не могу признать себя виновнымъ въ участіи въ такомъ сообществѣ, котораго не существовало, не могу признать себя виновнымъ въ солидарности съ людьми, которыхъ не зналъ, какъ, напр., съ Ларіоновымъ, котораго я видѣлъ всего 15 минутъ. Все это я могъ бы доказать, если бы постановленіе особ. прис. отъ 11 октября не лишило меня правъ, предоставленныхъ мнѣ закономъ. Теперь я прошу позволить мнѣ удалиться. Перв. Вы настаиваете на удаленіи? Въ противномъ случаѣ я не имѣю права васъ удалять. Фиш. Да, я прошу меня удалить. Перв. Въ такомъ случаѣ вы можете удалиться. Подс. Брешковская (на вопросъ о виновности). Такъ какъ я

имѣю честь принадлежать къ соціально-революціонной партіи, то никакихъ отношеній къ данному суду у меня нѣтъ и быть не можетъ. Если я и хотѣла принять участіе въ настоящемъ дѣлѣ, то единственно имѣя въ виду интересы тѣхъ, которые не основательно привлечены къ дѣлу: но такъ какъ въ настоящее время всякая надежда, хотя бы на тѣнь безпристрастія къ подсудимымъ, совершенно тщетна, то я отказываюсь принимать въ дѣлѣ какое-либо участіе. Что же касается той наглой клеветы, которою наполненъ обвинительный актъ, то я заявляю, что она вполнѣ достойна представителей подобнаго суда, и на нее я отвѣчаю полнѣйшимъ презрѣніемъ!... Когда Брешк. кончила эту фразу, первопр. закричалъ: „Уведите подсудимую за оказанное неуваженіе къ суду!“ такъ что послѣднія слова она произнесла уже у самаго выхода, сопровождаемая подъ руку жандармомъ. Подс. Бенецкій (на вопросъ о виновности). Я покорнѣйше прошу пояснить, о какомъ тайномъ сообществѣ говорится: принадлежатъ ли къ нему всѣ лица, перечисленныя въ обв. актѣ, или только тѣ, которыя отнесены къ 9-й группѣ? Первоп. Къ тѣмъ, которыя отнесены къ 9-й группѣ. Бен. Я не могу признать себя виновнымъ въ принадлежности къ такому сообществу, котораго не существовало. Первоп. Затѣмъ я долженъ объявить вамъ, что одинъ изъ подсудимыхъ по этому дѣлу—Ларіоновъ—на мой вопросъ о томъ, были ли вы съ нимъ знакомы, сказалъ, что онъ съ вами былъ знакомъ. Такъ это? Бен. Да, онъ былъ со мной знакомъ. Я считаю долгомъ заявить особ. прис., что желаю принять участіе въ судебномъ слѣдствіи для того, чтобы доказать, что такъ называемая „Кіевская коммуна“ въ дѣйствительности не существовала и появленіемъ своимъ на страницахъ обв. акта обязана лишь большой снисходительности обв. власти къ показаніямъ такихъ господъ, какъ Гориновичъ и Ларіоновъ. Имѣла ли обвинительная власть достаточно основаній, чтобы такъ марать и порицать лицъ, причисленныхъ къ 9-й группѣ... Перв. Это весьма неумѣстное выраженіе, которое вы позволили себѣ употребить, такъ какъ оно касается личности. Вы можете защищаться—въ этомъ никто не будетъ вамъ препятствовать, но вы должны соблюдать уваженіе къ суду и, во-вторыхъ, приличіе... Бен. Я хотѣлъ только высказать то впечатлѣніе, которое получилъ при чтеніи обвинительнаго акта и которое, вѣроятно, получилъ каждый, кто имѣлъ возможность прочитать его... — Далѣе Бенецкій объяснилъ, что онъ былъ очень мало знакомъ съ Ларіоновымъ—видѣлся всего нѣсколько разъ—и что этого знакомства искалъ самъ Ларіоновъ, такъ какъ хотѣлъ, чтобы студенты помогли ему поступить въ университетъ. „Что же касается до той причины ихъ знакомства, на которую указываетъ Ларіоновъ, что будто бы Монтвикъ познакомилъ его со мною какъ съ человѣкомъ, держащимся крайнихъ идей—это чистѣйшая выдумка“. На это Ларіоновъ заявилъ, что онъ совершенно согласенъ съ послѣднимъ объясненіемъ Бенецкаго и что въ обв. актѣ вообще есть нѣкоторыя противорѣчія съ его показаніями; напр., въ обв. актѣ сказано, что будто бы, по его показаніямъ, коммуна отрицаетъ всякую государственную форму, между тѣмъ, какъ онъ, Ларіоновъ, никогда ничего подобнаго не говорилъ. Желех. Противорѣчія никакого нѣтъ, и если суду угодно провѣрить, то это можетъ быть сдѣлано сейчасъ же: можно будетъ прочесть показанія подс. Ларіонова. Лар. Я не даю согласія

на прочтеніе данныхъ мною показаній, такъ какъ законъ прямо говоритъ, что показанія подсудимаго не могутъ читаться на суд. слѣдствіи. Подс. Божко-Божинскій виновнымъ себя не призналъ, а Кацъ и Трезвинскій, ссылаясь на постановленіе 11-го Октября, въ которомъ они видятъ нарушеніе своихъ правъ, отказались отъ всякаго участія въ судебномъ слѣдствіи и были удалены. Подс. Волькенштейнъ на вопросъ о виновности отвѣчаетъ, что онъ не имѣетъ понятія о томъ сообществѣ, къ которому его причисляютъ, такъ какъ онъ „не только никого изъ членовъ этого сообщества не зналъ, но даже и не видалъ“ и потому, что половина дѣла уже разобрана, онъ не можетъ съ „пользою участвовать въ дѣлѣ“ и проситъ удалить его. Подс. Польгеймъ виновной себя не признала и просила позволенія удалиться на сегодняшній день, такъ какъ чувствовала себя нездоровой. Подс. Тетельманъ (Тет. вскорѣ, 25 ноября, умеръ, выпущенный на свободу за нѣсколько дней до смерти) также виновнымъ себя не призналъ.—Затѣмъ судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Свидѣтельницы: Филиппъ, сестра Брешковской, и ея прислуга, дѣвица Нат. Чернова, на большую часть вопросовъ перв. и прокурора отвѣчали запамятованіемъ, почему послѣдній настоялъ на прочтеніи ихъ прежнихъ показаній; на вопросы же защиты онѣ отвѣчали, видимо, охотнѣе, такъ что Желеховскій, продолжая допрашивать Филиппъ послѣ защиты, не преминулъ сыронизировать насчетъ ея памяти слѣдующимъ вопросомъ: „память такъ возвратилась къ вамъ послѣ вопросовъ защиты, что не вспомните ли вы что-нибудь на мои вопросы?“ Филиппъ отвѣчала, что ничего не помнитъ; тогда были прочитаны ея прежнія показанія. Относительно своихъ прежнихъ показаній Филиппъ объяснила, что она давала ихъ совершенно больная, когда ее перевозили для допросовъ изъ острога въ острогъ (она была подъ арестомъ болѣе 3 мѣс.); поэтому она просила не придавать имъ особеннаго значенія. Тѣ показанія, которыя удалось отъ этихъ свидѣтельницъ выудить на судѣ, приблизительно можно свести къ слѣдующему: У Филиппъ было имѣніе въ с. Горянахъ, Витеб. губ., принадлежавшее одинаково какъ ей, такъ и Брешковской. Въ 74 году Бреш. одно время жила въ этомъ имѣніи; къ ней пріѣзжали и уѣзжали ея знакомые, которые жили иногда по нѣсколько недѣль: Фишеръ, Каблицъ, Цвинева, Рогачева, Тетельманъ. Жили они, какъ всѣ люди живутъ, хотя одѣвались просто: женщины ходили въ сарафанахъ, а мужчины просто въ русскихъ рубахахъ и сами на себя работали; въ отношеніяхъ ихъ обѣ свидѣтельницы ничего особенно бросающагося въ глаза, никакого „цинизма“ не замѣчали (объ этомъ цинизмѣ Желеховскій говоритъ въ обв. актѣ, и выводъ такой Желеховскій основываетъ на томъ, что будто бы мужчины не стѣснялись ходить при женщинахъ въ одномъ бѣльѣ). Относительно нѣкоторыхъ Филиппъ дала характеристику такого рода: Брешковскую она всегда считала женщиной совершенно честной, тѣмъ болѣе, что „она все свое отдала для другихъ“. Фишера она также никогда не считала нечестнымъ человѣкомъ и не замѣчала въ немъ желанія „присвоить себѣ ея вещи или деньги“, какъ-то возводитъ на него обвинительная власть; если Фишеръ и заложилъ ея шубу въ ея отсутствіе, то въ этомъ она не видитъ ничего особеннаго, тѣмъ болѣе, что шуба эта была выкуплена Каблицемъ до ея пріѣзда. Каблицу она настолько довѣряла, что, когда уѣзжала

въ Кіевъ, то выдала ему довѣренность на управленіе ея дѣлами по имѣнію, и когда вернулась, Каблицъ передалъ ей въ исправности всѣ дѣла и всѣ относящіяся до имѣнія бумаги; въ ея отсутствіе всѣ расходы велись на счетъ Каблица. Когда Филиппъ была у Брешк., въ Кіевѣ, въ домѣ Леминскаго, она никакой „коммуны“ не видѣла; „каждый жилъ на свои деньги и считался хозяиномъ своихъ вещей“. Что же касается „цинизма и разврата“, которымъ будто бы, по рекомендаціи г. Желеховскаго, отличались во взаимныхъ отношеніяхъ всѣ жившіе въ домѣ Леминскаго,—это, по разсказамъ Филиппъ, сущій вздоръ и клевета.—Допросомъ этихъ свидѣтелей и закончилось засѣданіе.

На этомъ и прерываются, помѣщенныя въ журналѣ „Община“, отчеты о процессѣ 193-хъ. Приводимъ поэтому еще лишь рѣчь Ипполита Никитина Мышкина, помѣщенную въ той же „Общинѣ“ и много разъ перепечатывавшуюся уже въ различныхъ революціонныхъ изданіяхъ. Вотъ эта рѣчь: Первоп. Подс. Мышкинъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что принимали участіе въ противозаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Признаете ли вы себя виновнымъ? Мышкинъ. Я признаю себя членомъ не сообщества, а соціально-революціонной партіи и прошу позволенія объяснить, въ чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ. П. Объясните. М. Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ, не представляемъ нѣчто обособленно-цѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организацій. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной въ настоящее время на Руси соціально-революціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій,—одинаковыхъ, конечно, только вообще, а не въ частностяхъ,—лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако, связь достаточно реальная, обусловливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразіемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача соціально-революціонной партіи—установить на развалинахъ теперешняго государственно-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущи народному сознанію,—составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ—земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленъ онъ можетъ быть только путемъ соціальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ соотвѣт-

ственно народнымъ потребностямъ, когда народъ не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта—этого единственнаго органа народной гласности. Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи. П. Вы признали себя членомъ извѣстной партіи. Вы объяснили, въ чемъ заключается ваше стремленіе; затѣмъ препятствія, о которыхъ вы говорите, не входятъ въ кругъ обсужденія суда; поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите. М. Весьма важно выяснить, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія. П. То, что относится къ вопросу о вашей виновности, вы уже достаточно выяснили; остальное вы можете сказать впослѣдствіи. М. Я полагаю, что для суда весьма важно знать, какъ мы относимся къ революціи, т. е., предполагаемъ ли мы, что наша партія должна, во чтобы то ни стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ. П. Объ этомъ вы можете говорить. М. Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать революцію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣшный исходъ ея, потому что не нужно быть пророкомъ, чтобы при нынѣшнемъ отчаянно-бѣдственномъ положеніи народа, предвидѣть, какъ неизбѣжный результатъ этого положенія,—всеобщее народное возстаніе. Въ виду неизбѣжности этого возстанія, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно болѣе продуктивно для народа и, главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, которыми западно-европейская буржуазія обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекла для себя выгоды изъ народной крови, пролитой на баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая дѣятельность должна состоять въ сплоченія, въ объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціонныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и проявившаго уже порядочную силу—въ средѣ интеллигенціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубокаго, никогда не изсякавшаго потока—народно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи революціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго сформированія соціально-революціонной партіи и заключалась вся задача движенія 74—75 гг. Задача эта если не вполнѣ, то въ значительной степени выполнена, и знамя соціальной революціи водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю къ этому, что въ только что сказанныхъ мною словахъ я указалъ лишь на центръ нашей дѣятельности и что въ массѣ участвовавшихъ въ послѣднемъ движеніи были лица, стоящія на различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, начиная съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки организаціи силъ нашей партіи. При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами: настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда поже-

ластъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: „Мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и—да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ". Вѣдь въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значитъ, мы не ошибаемся, расчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ. Объяснивъ въ краткихъ словахъ цѣль и средства соціально-революціонной партіи, я перехожу къ слѣдующему, не менѣе важному вопросу о причинахъ возникновенія и развитія этой партіи вообще и движенія 1874 г. въ частности. Въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были-де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову: „Да будетъ революціонное движеніе на Руси"! —создалось таковое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ существовать до скончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что движеніе, подобное нынѣшнему, было вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь понимающій причины соціальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго соціальнаго явленія должны быть крупныя соціальныя причины. Нужно особенное недомысліе или особенная недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ средѣ интеллигенціи... П. Прошу не употреблять подобныхъ выраженій. М. Я говорю только, что движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы прежде всего замѣчаемъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ движенія въ интеллигенціи соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніямъ въ народѣ и даже являются простыми отголосками послѣднихъ; такъ что движенія народа и интеллигенціи представляютъ какъ бы два параллельныхъ потока, стремящихся слиться въ общее русло, уничтоживъ раздѣляющую ихъ вѣковую плотину; плотина эта—рознь между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣдствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи въ началѣ 60-хъ годовъ было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы, вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворялся этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ соціально-революціонной партіи. Затѣмъ,

ко времени исполненія 10-лѣтія крестьянской реформы въ народѣ стали ходить настойчивые слухи объ уменьшеніи и даже объ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все-таки поддерживали волненіе въ народѣ, и отголоскомъ на это волненіе явилось движеніе интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ Нечаевскимъ процессомъ. Наконецъ, въ наши дни обѣднѣніе народа, истощаемаго непомѣрными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать громкаго ропота народа. Этотъ ропотъ и вызвалъ движеніе 73-75 гг., которое было послѣднимъ фазисомъ развитія соціально-революціонной партіи. Это только что указанная, несомнѣнно существующая связь между революціонными движеніями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользать отъ вниманія общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной, практикуемой въ Россіи системѣ гласности, до свѣдѣнія нашего общества доводится преимущественно только о разныхъ мелочахъ; о болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается или не менѣе систематически извращается. Напримѣръ, о крестьянскихъ бунтахъ, бывшихъ въ 60-хъ годахъ, общество наше знаетъ только по слухамъ. П. Особое присутствіе вовсе не нуждается въ примѣрахъ. М. Если высказанный мною взглядъ о системѣ русской гласности представляется для особаго присутствія несомнѣнной истиной, не нуждающейся въ доказательствахъ, то я охотно готовъ воздержаться отъ приведенія примѣровъ, которые подтвердили бы мою мысль. П. Для суда это не составляетъ истины. Судъ сумѣетъ самъ различить, что истина; отъ него зависитъ придать мнѣнію подсудимаго то или другое значеніе. М. Я это очень хорошо знаю и желаю только полнѣе выяснить тотъ весьма важный вопросъ, что движенія интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненій. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенія въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться, что это движеніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другія, болѣе рѣзкія проявленія революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленіяхъ въ 73—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волненіяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ очень скудныя свѣдѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренія народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольники на уральскихъ заводахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Кіевской... П. Вы опять приводите примѣры, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, не нуждается особое присутствіе; да они и не могутъ быть подтверждены на слѣдствіи. М. Иначе мои заявленія будутъ голословны П. Вы входили въ вашей рѣчи въ очень подробный разборъ. Я вамъ сдѣлалъ вопросъ о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ принадлежности къ противозаконному обществу, указанному въ обвинительномъ актѣ; вы себя признали принадлежащимъ къ другому незаконному обществу, какому—вы сказали. Затѣмъ я не вижу, что можетъ еще остаться для выслушанія суду по этому вопросу. М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ только выяснить, что причи-

на-нашего преступленія есть народныя движенія, которыя были въ послѣднее время, что эти движенія существуютъ и что наше движеніе есть не болѣе, какъ отголосокъ этихъ движеній. П. Ваши мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для суда доказательствомъ или такимъ фактомъ, который онъ долженъ былъ бы принять за несомнѣнный выводъ изъ того, что вы говорите. Если желаете говорить, то говорите такъ, чтобы ваша рѣчь въ настоящее время не имѣла защитительнаго характера, потому что до этого еще не дошло дѣло. Говорите такъ, чтобы судъ могъ себѣ уяснить, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ обвиняетесь, и что васъ побудило къ этому преступленію; но не касайтесь такихъ фактовъ, которые не могутъ подлежать обсужденію суда. М. Если я говорю, что меня побудило къ этому невыносимое положеніе народа, то я долженъ же привести примѣры?! П. Это совершенно излишне. Вы сослались на тяжелое положеніе народа и продолжайте дальше. М. Я думаю, я имѣю право доказывать правильность моихъ выводовъ. Разумѣется, судъ можетъ относиться къ моимъ мнѣніямъ, какъ ему угодно, но для чего же не дать мнѣ высказать причины, побуждавшія меня, для чего зажимать мнѣ ротъ?... П. Вамъ никто не зажимаетъ ротъ. На основаніи закона я обязанъ допускать пренія и доказательства только противъ того, что предъявлено въ обвиненіи; поэтому я не могу дозволить вамъ говорить о томъ, что не подлежитъ нашему обсужденію. Я вамъ не препятствую продолжать рѣчь, но прошу ограничиваться только выводами, которые вы признаете нужными сказать суду. М. Г. Первоприсутствующій! Я хотѣлъ привести эти примѣры только для того, чтобы выяснить слѣдующее: мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей—дѣвушка, намѣревающаяся читать крестьянамъ лекціи по соціальнымъ вопросамъ,—юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику,—нѣсколько чедовѣкъ, разсуждавшихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо бы, пожалуй, народное возстаніе:—всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмутившіеся противъ государственной власти и усмиренныя только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ. Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ нѣчто болѣе полновѣсное, болѣе непріятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ послѣднее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ, напримѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: источникъ этой власти именуется антихристомъ, а представители этой власти—слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ спеціальной цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т. е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборовъ... П. Эти объясненія не относятся къ вопросу о виновности, который я предложилъ вамъ. Я позволилъ вамъ

ворить, потому что вы признали себя виновнымъ въ принадлежности,
тя и не къ тому сообществу, въ которомъ обвиняетъ прокуратура, но
другому, или къ партіи... М. Я не сказалъ, что признаю себя винов-
мъ, и не могъ сказать этого, потому что, напротивъ, считалъ и считаю
всею обязанностью, долгомъ чести стоять въ рядахъ соціально-
волюціонной партіи. П. Ну да, вы признали себя членомъ партіи и до-
таточно уже разъяснили свое преступленіе. Все остальное, что вы же-
ли бы сказать, вы можете изложить впослѣдствіи. М. Но для суда не-
ходимо еще знать причины, вызвавшія данное политическое преступле-
е. Объ этихъ-то причинахъ я и желалъ бы сказать еще нѣсколько словъ.
зникновеніе соціально-революціонной партіи относится къ началу 60-хъ
довъ. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и на-
дныя волненія, при участіи извѣстной фракціи русской интеллигенціи,
агодаря, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во первыхъ, вліянію на
теллигенцію передовой западно-европейской соціалистической мысли
крупнѣйшаго практическаго примѣненія этой мысли—образованія Между-
роднаго общества рабочихъ; во вторыхъ, уничтоженію крѣпостного пра-
, потому что послѣ крестьянской реформы въ средѣ неподатныхъ клас-
въ образовалась цѣлая фракція, испытавшая на самой себѣ всю силу
ета государственнаго экономическаго строя, готовая откликнуться на
въ народа и послужившая ядромъ соціально-революціонной партіи. Фрак-
я эта—умственный пролетаріатъ. Кромѣ того, крестьянская реформа
азала три важныя услуги соціально-революціонному дѣлу: 1) съ 19
враля 1861 г. начинается развитіе капиталистическаго производства съ
о неизбѣжнымъ спутникомъ—борьбою между капиталомъ и трудомъ;
крестьянская реформа, вмѣстѣ съ другими реформами, послужила для
съ наглядным доказательствомъ истины, которая прежде была намъ
звѣстна только изъ книгъ и по чужому опыту, доказательствомъ полной
состоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ коренного улучшенія
роднаго быта. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ ликованіемъ привѣт-
вовало русское либеральное общество такъ называемыя великія реформы
нѣшняго царствованія!—и что же мы видимъ въ результатѣ? Народъ
веденъ до отчаянно-бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроничес-
ихъ голодовокъ, и не нужно особеннаго политическаго радикализма,
обы усомниться въ благодѣтельности всѣхъ этихъ реформъ для народной
ссы; 3) крестьянинъ, освобожденный отъ помѣщика, сталъ лицомъ къ
цу съ представителями губернской власти, увидѣлъ, что ему нечего на-
яться на эту власть, нечего ждать отъ нея, увидѣлъ, что онъ жестоко
манывался, вѣря въ царскую правду, ища въ ней опору противъ своихъ
аговъ... П. Вы достаточно уже выяснили свою мысль... М. Я хочу только
азать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая,
епрославленная крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу
лѣе 20-ти милліоновъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичь-
ь холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чинов-
ьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣ-
ика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ казну. Какъ прежде по-
щикъ былъ полнымъ властелиномъ жизни и собственности крестьянина,
къ теперь чиновникъ... П. Вы говорите о томъ, какъ крестьяне отно-

сятся къ реформамъ и къ правительству; вы не можете говорить объ этом
здѣсь за крестьянъ... М. Мнѣ необходимо выяснить эту сторону вопрос
въ особенности потому, что только тогда судъ пойметъ, почему я — сын
крѣпостной крестьянки и солдата—видѣвшій собственными глазами унич
тоженіе крѣпостного права, — не только не благословляю правительств
совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ ег
Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами,
такими клочками земли, на которыхъ немыслимо веденіе хозяйства, сколь
нибудь обезпечивающаго бытъ земледѣльца, а между тѣмъ за эти клоч
наложили громаднѣйшіе платежи, превышающіе въ нѣсколько разъ дохо
ность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что это новое нарушеніе пра
народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утве
жденія верховной власти; что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той стать
присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять н
родные интересы и скрыта будто бы духовенствомъ и помѣщиками; ког
они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться, — что имъ не на ко
болѣе надѣяться, какъ на свои собственныя силы. Рядомъ съ этимъ крест
яне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поня
всю прелесть такъ называемаго свободнаго договора между голодны
труженикомъ и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталис
угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельнос
послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капитал
стомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго,—
поняли это и не могли не отнестись съ еще большею ненавистью къ угн
тающей ихъ государственной власти... П. Я не могу дозволить вамъ н
рицать правительство. М. Человѣкъ, совершающій политическое преступл
ніе, самимъ этимъ фактомъ порицаетъ уже правительство. Я не могу вов
разъяснить моего преступленія, и въ особенности, причинъ его, не касая
такихъ сторонъ государственной жизни, которыя съ моей точки зрѣнія з
служиваютъ порицанія. Если мое мнѣніе ошибочно, то оно повредитъ толь
мнѣ. А если въ немъ есть правда, то тѣмъ менѣе основаній зажимать м
ротъ. П. Я не зажимаю вамъ ротъ, я говорю только, что не могу доп
стить порицать правительство. М. Мнѣ необходимо указать тѣ элементы
изъ которыхъ соціально-революціонная партія почерпаетъ свои силы.
сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ земледѣльцевъ и фабричныхъ раб
чихъ умственный пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положен
такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта н
шего и другихъ народовъ, не могъ не стать въ ряды враговъ государ
ственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ классовъ общ
ства личности, которыя по самой натурѣ своей способны дѣйствовать толь
во имя извѣстнаго, выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ эгоист
ческихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сих
поръ почерпаетъ свои силы соціально-революціонная партія. Прочнымъ ц
ментомъ, скрѣплявшимъ всѣ революціонные элементы, служитъ край
бѣдственное положеніе народа и совершенное безправіе россійскихъ гра
данъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи... П.
объ этомъ уже говорили, и нельзя возвращаться опять... М. Я не могу
говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ рев

люціонныхъ движеній—чрезвычайныя страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали, главнымъ образомъ, на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которымъ я подвергался со стороны г. первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполнѣ послѣдовательно, систематично. Повторяю, я считаю этотъ вопросъ самымъ существеннымъ, и потому мнѣ необходимо сказать о немъ еще нѣсколько словъ... П. Вы извольте теперь вести вашу рѣчь къ тому, признаете ли вы себя виновнымъ или нѣтъ. М. Я уже сказалъ, что признаю себя членомъ соціально-революціонной партіи. Въ моей рѣчи я хотѣлъ выяснить тѣ причины, которыя повлекли за собою созданіе этой партіи. П. Вы уже сказали о причинахъ; намъ больше нечего знать. М. Въ такомъ случаѣ я не могу окончить того, что я хотѣлъ еще сказать по главному вопросу. Перехожу къ другимъ, болѣе частнымъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, сообщество, въ принадлежности къ которому я обвиняюсь, поставило цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ религіи, собственности, семьи и науки, возводило лѣность и невѣжество на степень идеала и сулило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Если бы дѣйствительно подтвердилось, что другіе подсудимые задавались подобными цѣлями, то я руками и ногами окрестился бы отъ солидарности съ ними, и чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій, я выскажу свой взглядъ на задачу соц.-револ. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мною вопросамъ. Начну съ религіи. Въ идеалѣ общественнаго строя, стремиться къ осуществленію котораго я поставилъ цѣлью своей дѣятельности, нѣтъ мѣста уголовнымъ наказаніямъ за распространеніе какихъ бы то ни было зловредныхъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ идей, за совращеніе въ ереси, за исполненіе или неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ такою-то церковью, и т. п. Словомъ, нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью человѣка; каждый можетъ вѣрить или не вѣрить, во что ему угодно; каждая община, если только пожелаетъ, будетъ имѣть право строить у себя на свой собственный счетъ сколько угодно церквей и содержать сколько угодно поповъ. Никто помѣшать этому не можетъ, ибо община вполнѣ самостоятельная, вполнѣ независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждала бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемѣрить... П. Васъ и теперь никто не принуждаетъ лгать, лицемѣрить. Прошу воздержаться отъ подобныхъ инсинуацій. М. По нашимъ законамъ я, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемѣрить. П. Вы не можете порицать законовъ, и вообще, каковы бы ни были законы, они не подлежатъ нашему обсужденію. М. Я констатирую только извѣстный фактъ. Я говорю, что въ желанномъ намъ строѣ не должно быть такой силы, которая заставляла бы людей насильно, подъ конвоемъ жандармовъ, шествовать въ христіанскій или иной рай. П. (возвысивъ голосъ). Я не могу дозволить такихъ выраженій! М. Словомъ, по отношенію къ религіи я же-

лаю одного—полнѣйшей вѣротерпимости, и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ соединеніи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непремѣнно приведутъ къ торжеству истины, т. е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда... П. Намъ нѣтъ дѣла до Вашихъ убѣжденій. М. А за что же я сижу, какъ не за убѣжденія? П. Не за убѣжденія, а за дѣйствія. М. За дѣйствія, которыя служатъ только выраженіемъ моихъ убѣжденій. Перехожу къ другому обвиненію, взводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно считать ревнителемъ невѣжества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя, печатаетъ и распространяетъ хоть бы такія книги, какъ сочиненія Лассаля, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги? П. Вы произносите защитительную рѣчь, для которой теперь не время. М. Я хочу только возразить на тѣ обвиненія, которыя возведены прокуроромъ на всѣхъ подсудимыхъ огуломъ, а въ томъ числѣ и на меня. П. Это вы успѣете сдѣлать въ свое время, а не теперь. М. Я прошу указать мнѣ моментъ, когда я буду имѣть право говорить объ этомъ. П. Я не обязанъ указывать: это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія суда. Затѣмъ первопр. обращается къ Мышкину съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что составлялъ, печаталъ и разсылалъ въ разныя мѣстности сочиненія, возбуждающія къ бунту или другому неповиновенію власти верховной, съ цѣлью распространенія ихъ. М. Я признаю, что, въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею о б я з а н н о с т ь ю, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ и прошу позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печать находится въ безотрадно-жалкомъ положеніи, вовсе не соотвѣтствующемъ потребностямъ, какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный разсказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣйствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскомъ государственномъ и общественномъ организмѣ,—все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сожигается... П. Вы произносите защитительную рѣчь. М. Могу ли я говорить о причинахъ преступленій? П. Объ этомъ вы можете говорить послѣ... Затѣмъ... (смотритъ въ обвинительный актъ). Вы обвиняетесь еще въ томъ... М. Я не буду отвѣчать ни на какіе ваши вопросы, прежде чѣмъ успѣю дать необходимыя разъясненія по первымъ двумъ обвиненіямъ. П. Такъ садитесь. Мышкинъ сѣлъ. Затѣмъ былъ допрошенъ свидѣтель Гольдманъ. Мыш. Хотя я на основаніи 729 ст. Уст. угол. суд. имѣю право требовать, чтобы мнѣ было сообщено обо всемъ, бывшемъ на судѣ по первымъ 11 группамъ, но такъ какъ я увѣренъ, что подобное требованіе, несмотря на всю его законность, не будетъ уважено, то я считаю излишнимъ обращаться съ нимъ къ суду. Но я прошу, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ о тѣхъ наиболѣе важныхъ

частяхъ суд. слѣдствія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе ко мнѣ, какъ къ одному изъ членовъ предполагаемаго сообщества. Напримѣръ, всѣ подсудимые, слѣдовательно, въ томъ числѣ и я, обвиняются въ готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ. Я желаю знать, подтвердило ли судебное слѣдствіе тѣ факты, на основаніи которыхъ прокуроръ создалъ это обвиненіе. Такъ, подтвердило ли слѣдствіе, что нѣкоторые подсудимые „предлагали Идаліи Польгеймъ сдѣлаться любовницей какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобы обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка". Если я получу отвѣтъ на этотъ вопросъ, то затѣмъ укажу еще нѣсколько подобныхъ же мѣстъ обвинительнаго акта, относительно которыхъ мнѣ необходимо знать, подтверждены ли они суд. слѣдствіемъ. Пер. Во время всего слѣдствія по первымъ 11-ти группамъ ваше имя ни разу не упоминалось; слѣдовательно, оно вовсе не относится до васъ. М. До меня относятся всѣ тѣ факты, на которыхъ построены общіе прокурорскіе выводы: напр., я уже указалъ на обвиненіе въ готовности совершить преступленіе ради денегъ. Такъ какъ въ обвинительномъ актѣ не сказано, что оно относится только до такихъ-то лицъ, а возводится вообще на всѣхъ, то, очевидно, что сдѣлано это только вслѣдствіе предположенія солидарности между всѣми нами; поэтому каждый изъ насъ имѣетъ право знать всѣ тѣ части слѣдствія, которыя относятся до подобныхъ общихъ обвиненій. На требованія объясненія, подтвердило ли судебное слѣдствіе, какъ упомянутый мною фактъ, такъ и другіе подобные же факты, я настаиваю потому, что, какъ извѣстно частнымъ образомъ, уже доказана судебнымъ слѣдствіемъ лживость ихъ, а слѣдовательно, и лживость прокурорскихъ выводовъ. П. (возвысивъ голосъ). Прошу не употреблять подобныхъ оскорбительныхъ выраженій. М. Для выясненія вопроса о правѣ моемъ на полученіе требуемыхъ мною свѣдѣній я желаю, чтобы прокуроръ объяснилъ, относится ли обвиненіе въ готовности на всякія преступленія въ числѣ прочихъ подсудимыхъ и ко мнѣ или нѣтъ? П. Подобнаго объясненія прокуроръ теперь не можетъ дать. Когда вы услышите обвинительную рѣчь, тогда и представите свои соображенія. М. Но не располагая данными всего слѣдствія, я лишенъ буду возможности опровергнуть общіе прокурорскіе выводы, хотя бы они были совершенно неосновательны. П. Вы будете слышать слѣдствіе по этой группѣ и узнаете все, что относится до васъ. М. Но я не узнаю ничего, относящагося до тѣхъ обвиненій, о которыхъ я упомянулъ и которыя возводятся вообще на всѣхъ подсудимыхъ. П. Вы еще не знаете, что будетъ выяснено здѣсь на судебномъ слѣдствіи. М. Обвиненіе меня въ принадлежности къ сообществу основано не на какой-либо опредѣленной группѣ свидѣтельскихъ показаній, въ обвинительномъ актѣ вовсе не указаны даже улики, изобличающія меня въ этомъ преступленіи; значитъ, обвиненіе это основано исключительно на предположеніи нравственной связи между всѣми подсудимыми,—предположеніи, извлеченномъ, вѣроятно, прокуроромъ изъ всего слѣдственнаго производства. Поэтому и я, какъ сторона, равноправная по закону съ прокуроромъ, имѣю право на ознакомленіе со всѣми данными, подтверждающими, по мнѣнію прокурора, связь между нами, и въ особенности съ тѣми данными, на которыхъ, повторяю, основано обвиненіе всѣхъ насъ огуломъ въ различныхъ

преступленіяхъ. П. Еще разъ говорю, что, находя слѣдствіе по предыдущимъ группамъ не относящимся до васъ, я не считаю нужнымъ сообщить вамъ о немъ. М. Въ такомъ случаѣ я желаю теперь возразить на нѣкоторыя изъ прокурорскихъ обвиненій. Такъ, между прочимъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что мы смотримъ на науку, какъ на средство эксплуатировать народъ, и склоняемъ учащуюся молодежь покидать школы. Я открыто признаюсь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые не видятъ для революціонера необходимости оканчивать курсъ въ государственныхъ школахъ. Такъ какъ этотъ взглядъ навлекъ на насъ уже не мало нареканій со стороны извѣстной части общества, то я считаю необходимымъ объяснить, путемъ какихъ соображеній я пришелъ къ этому взгляду. Я предположилъ: что, если бы Россія въ настоящее время находилась подъ татарскимъ игомъ, и во всѣхъ большихъ городахъ па деньги, собранныя въ видѣ дани съ русскаго народа, существовали бы школы подъ вѣдѣніемъ татарскихъ баскаковъ, въ этихъ школахъ читались бы лекціи о великихъ добродѣтеляхъ татарскихъ хановъ, объ ихъ блестящихъ военныхъ подвигахъ, объ историческомъ правѣ татаръ господствовать надъ русскимъ народомъ и собирать съ него дань... П. Этотъ примѣръ не идетъ къ дѣлу. М. Г. первоприсутствующій! Я обладаю такимъ складомъ ума, что могу усваивать извѣстное положеніе и доказывать справедливость его преимущественно только путемъ аналогій, сравненій. Поэтому прошу позволить мнѣ окончить начатое сравненіе, какъ вполнѣ уясняющее мою мысль. Итакъ, если бы въ предположенныхъ мною школахъ исторія излагалась такимъ образомъ, чтобы доказать неспособность русскаго народа къ самостоятельной жизни, и все обученіе было бы направлено лишь къ тому, чтобы создать изъ русскихъ юношей вѣрныхъ, покорныхъ слугъ татарскихъ хановъ, то спрашивается — была ли бы необходимость оканчивать курсъ въ подобныхъ школахъ для той части русской молодежи, которая желала бы посвятить всѣ свои силы дѣлу воодушевленія русскаго народа къ дружной, единодушной борьбѣ противъ отъявленныхъ враговъ его?—Конечно—нѣтъ. Точно также я думаю, что и въ настоящее время нѣтъ надобности для революціонера въ окончаніи круса въ существующихъ государственныхъ школахъ, потому что... — удерживаюсь отъ окончанія этой фразы изъ опасенія быть остановленнымъ г. первоприсутствующимъ. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что сущность революціоннаго ученія заключается въ томъ, что „лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, есть формула осуществленія, если не всеобщаго, то нашего личнаго (пропагандистовъ) блага на землѣ“. Я, признаюсь, не знакомъ съ такимъ революціоннымъ ученіемъ. Ученіе, котораго я придерживаюсь, гласитъ, напротивъ, что обезпеченіе трудящемуся человѣку права полнаго пользованія продуктомъ его труда и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, безусловно необходимы для осуществленія на землѣ блага трудящихся классовъ. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присвоиваетъ себѣ право налагать на народъ какую угодно контрибуцію, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военныхъ командъ, отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у крестьянина. Первоприсутствующій пре-

рываетъ Мышкина и между ними завязывается споръ, подобный приведенному выше: Первоприсутствующій кричитъ, что не можетъ допустить порицанія правительства, а Мышкинъ доказываетъ право политическаго преступника на выраженіе такого порицанія, потому что иначе причина преступленія не можетъ быть выяснена. Только недовольство правительствомъ, говоритъ онъ, и вообще существующимъ строемъ создаетъ революціонеровъ. Кончается тѣмъ, что Мышкинъ принужденъ былъ отказаться отъ разбора наиболѣе существенныхъ общихъ прокурорскихъ выводовъ, изложенныхъ на первыхъ страницахъ обвинительнаго акта. „Значитъ“,— прибавилъ Мышкинъ, — „прокуроръ можетъ говорить и писать, что ему угодно, а мы всѣ должны молчать“, затѣмъ онъ продолжалъ:—„Перехожу къ другому предмету. Прошу заявить о тѣхъ незаконныхъ, насильственныхъ мѣрахъ, которыя были приняты противъ меня во время предварительнаго ареста. Послѣ перваго же допроса я, за нежеланіе отвѣчать на нѣкоторые изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ, былъ закованъ сначала въ ножные кандалы, а спустя нѣкоторое время еще въ наручники. Одновременно съ этимъ я былъ лишенъ права пользоваться не только чаемъ, но даже просто кипяченою водою“. П. Ваше заявленіе совершенно голословно. М. О заковкѣ въ кандалы имѣется протоколъ въ дѣлѣ. До какой мелочности доходитъ мстительность властей по отношенію къ политическому преступнику, въ которомъ они видятъ своего личнаго врага, лучше всего доказываетъ слѣдующій, правда, мелкій, но очень характерный фактъ. Когда я унизился до ничтожной просьбы о дозволеніи носить подъ кандалами чулки, потому что на ногахъ образовались язвы отъ кандаловъ, то даже на эту ничтожную просьбу я получилъ отказъ. Затѣмъ во все время содержанія меня подъ стражею мнѣ ни разу не позволили повидаться съ матерью. П. Судъ не можетъ провѣрить ваши показанія, какъ совершенно голословныя. М. Я обращался въ особое присутствіе съ просьбою объ истребованіи, откуда слѣдуетъ, справокъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заковку меня въ кандалы, но особое присутствіе не нашло мою просьбу заслуживающей уваженія. Что же касается до запрещенія мнѣ видѣться съ матерью, то провѣрить эти слова очень легко,—стоитъ только спросить у Желеховскаго мое прошеніе по этому предмету и его отвѣтъ. П. Дѣйствія прокураторы не подлежатъ разсмотрѣнію суда: она имѣетъ свое начальство. Особое присутствіе не можетъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ обстоятельствъ. М. Насильственныя мѣры, подобныя указаннымъ мною, не могутъ не оказать вліянія на характеръ объясненій подсудимаго, а слѣдовательно, и на то представленіе, которое составляютъ о немъ предварительно судьи; поэтому... П. Вы не можете знать, какое мнѣніе мы имѣемъ о васъ. М. Но я думаю, что это представленіе основывается, главнымъ образомъ, на документахъ предварительнаго слѣдствія, и потому для судей не лишнее знать, какія пытки пускаются въ ходъ съ цѣлью вымучиванія отъ подсудимыхъ желаемыхъ для властей показаній, хотя нерѣдко безуспѣшно. П. Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаніи; особому присутствію не подежитъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры. М. Итакъ, насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды— конечно, я не настолько наивенъ, чтобы ожидать правды отъ суда и различныхъ властей, но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣ-

дѣнія общества, что на Руси обращаются съ политическими преступниками хуже, чѣмъ турки съ христіанами. П. О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы? М. Да, я смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ откровенно говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагавшихся моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты. П. Ваше заявленіе опять-таки голословное. М. Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконіе, но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ—это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумасшествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не дождавшись суда. П. Теперь не время и незачѣмъ заявлять объ этомъ. М. Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ физическихъ и нравственныхъ,—которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ. П. Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли. М. Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу. П. Нѣтъ, теперь этого не могу дозволить. М. Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ откровенномъ словѣ зажимаютъ ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а простая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное... При словахъ „пустая комедія“ Петерсъ закричалъ:—„уведите его!“ Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но подсудимый Рабиновичъ, загородивъ собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на „голгофу“ [1]), не пускалъ офицера; послѣдній послѣ нѣсколькихъ усилій оттолкнулъ Рабиновича и другого подсудимаго, Стопане, старавшагося также остановить его, и обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою сталъ зажимать ему ротъ.—Послѣднее однакожъ не удалось: Мышкинъ продолжалъ все громче и громче начатую имъ фразу... „болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чи-

[1]) „На голгофу“ отдѣлены пять подсудимыхъ: Коваликъ, Войнаральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Костюринъ, которыхъ вообще содержатъ подъ стражей на особомъ положеніи, подъ присмотромъ особо приставленныхъ къ нимъ жандармовъ.

Прим. ред. „Общины“.

новъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества". Когда Мышкинъ говорилъ это, на помощь офицеру бросилось еще нѣсколько жандармовъ, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшаго имъ дорогу, схватили Мышкина и вытащили его изъ залы. Подсудимый Стопане приблизился къ рѣшеткѣ, отдѣляющей его отъ судей, и громко закричалъ: „Это не судъ! Мерзавцы! Я васъ презираю, негодяи, холопы!" — Жандармъ схватилъ его за грудь, потомъ толкнулъ въ шею, другіе подхватили и потащили. Тоже послѣдовало и съ Рабиновичемъ. Эта сцена безобразнаго насилія вызвала громкіе крики негодованія со стороны подсудимыхъ и публики. Публика инстиктивно вскочила со своихъ мѣстъ. Страшный шумъ заглушилъ конецъ фразы Мышкина. Вообще во время этой баши-бузукской расправы съ подсудимыми въ залѣ господствовало величайшее смятеніе. Нѣсколько женщинъ изъ числа подсудимыхъ и публики упало въ обморокъ, съ одной случился истерическій припадокъ. Раздавались стоны, истерическій хохотъ, крики: „Боже мой, что это дѣлаютъ". Варвары! бьютъ, колютъ подсудимыхъ! Палачи, живодеры проклятые!" Защитники, пристава, публика, жандармы — все это задвигалось, заволновалось. Такъ какъ публика не обнаружила особой готовности очистить залу, то явилось множество полицейскихъ и подъ ихъ напоромъ публика была выпровождена изъ залы суда. Часть защитниковъ старалась привести въ чувство женщинъ, упавшихъ въ обморокъ. Разсказываютъ, что туда же сунулся жандармскій офицеръ.—„Что вамъ нужно?" — спрашиваетъ его одинъ изъ защитниковъ. — „Можетъ быть, понадобятся мои услуги?"— „Уйдите, пожалуйста, развѣ вы не видите, что одинъ вашъ видъ приводитъ людей въ бѣшенство?" — отвѣтилъ адвокатъ; — офицеръ махнулъ рукой и ушелъ, послѣдовавъ умному совѣту. Во время расправы первоприсутствующаго съ товарищами, прокуроръ и секретарь вскочили съ своихъ мѣстъ и, видимо, смущенные, оставались все время на ногахъ. Первоприсутствующій ушелъ и, растерявшись, позабылъ объявить засѣданіе закрытымъ. Приставъ отъ его имени объявилъ засѣданіе закрытымъ. Говорятъ, будто защитники возразили, что имъ нужно слышать это изъ устъ самого предсѣдателя. Поэтому они были приглашены въ особую комнату, гдѣ первоприсутствующій объявилъ имъ о закрытіи засѣданія. Защитники требовали составленія протокола о кулачной расправѣ, но первоприсутствующій не счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ просьбу и даже упрекнулъ адвокатовъ въ подстрекательствѣ. Желеховскій воскликнулъ по этому поводу:—„Это чистая революція!"

Приговоръ по дѣлу о революціонной пропагандѣ въ Имперіи (изъ „Правительственнаго Вѣстника").

187⁷/₈ года Октября 18-го/Января 23-го дня.

По указу Его Императорскаго Величества правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, въ слѣдующемъ составѣ: Г. первоприсутствующій К. К. Ренненкампфъ, Гг. сенаторы: М. Н. Похвисневъ, баронъ М. Н. Медемъ, Н. О. Тизенгаузенъ, Б. Н. Хвостовъ, предводители дворянства: черниговской гу-

берніи Н. И. Неплюевъ, вышневолоцкій уѣздный П. И. Спазинъ-Тормасовъ, новгородскій городской голова Я. И. Журавлевъ и стародеревенскій волостной старшина П. С. Лукьяновъ. При оберъ-секретарѣ В. В. Поповѣ. Въ присутствіи товарища оберъ-прокурора В. А. Желеховскаго и прокурора екатеринбургскаго окружнаго суда Н. И. Шубина. Слушалъ дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи. Выслушавъ дѣло и пренія сторонъ, правительствующій сенатъ находитъ, что въ 1872 году, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ революціонныхъ ученій, нѣсколько лицъ, по предварительному между собою соглашенію, составили въ Россіи противозаконное общество, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства въ Россійской Имперіи въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Сообщество это, въ составъ коего вступили, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, много лицъ разнаго званія и возраста, для достиженія указанной выше цѣли, предприняло распространеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имперіи соотвѣтствующаго той цѣли ученія среди крестьянскаго населенія, рабочихъ людей и учащагося юношества, какъ путемъ устнаго наставленія, такъ и путемъ ввоза изъ заграницы и печатанія въ Россіи направленныхъ къ осуществленію той же цѣли сочиненій. Устныя наставленія производились частью на собираемыхъ для сего сходкахъ, частью въ устраиваемыхъ отдѣльными лицами мастерскихъ и учреждаемыхъ, для обученія народа, частныхъ школахъ. Ввозъ книгъ изъ-заграницы производился какъ членами сообщества, такъ и посторонними лицами по порученію означенныхъ членовъ и при ихъ содѣйствіи. Наконецъ, печатаніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержанія производилось въ устроенной для сего въ Москвѣ типографіи, откуда отпечатанныя книги и неброшюрованные листы разосланы были въ разныя мѣстности Россіи, гдѣ и были задержаны въ 1874 году. Независимо отъ вышеизложенной дѣятельности сообщества, нѣкоторые изъ членовъ онаго, а также лица, въ составъ сообщества не вступавшія, распространяли въ народѣ и среди учащагося юношества, съ цѣлью возбужденія ихъ къ явному неповиновенію власти верховной, сочиненія, по содержанію своему той цѣли соотвѣтствующія. Разсмотрѣвъ во всей подробности всѣ данныя, добытыя какъ предварительнымъ, такъ и судебнымъ слѣдствіемъ, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи, нашелъ: в о п е р в ы х ъ, что виновными въ составленіи вышеупомянутаго противозаконнаго сообщества представляются слѣдующія, привлеченныя къ сему дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, лица: 1) солдатскій сынъ Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, нынѣ 30-ти лѣтъ; 2) мѣщанинъ Порфирій Ивановъ Войнаральскій, 33-хъ лѣтъ; 3) дворянинъ Сергѣй Филипповъ Коваликъ, 31-го года, и 4) дворянинъ Дмитрій Михайловъ Рогачевъ, 26-ти лѣтъ. В о в т о р ы х ъ, что виновными въ томъ, что вступили въ упомянутое общество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, оказываются: 1) дворянинъ Сергѣй Силовъ Синегубъ, нынѣ 26-ти лѣтъ; 2) сынъ священника Василій Аполлоновъ Стаховскій, 26-ти лѣтъ; 3) мѣщанинъ Моисей Абрамовъ Рабиновичъ, 20-ти лѣтъ; 4) крестьянинъ Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зубковской волости, деревни Мишино, Ѳеофанъ Никандровъ Лермонтовъ, 29-ти лѣтъ; 5) дворянинъ Феликсъ Вадимовъ Волховской, 32-хъ лѣтъ, 6) дворянинъ Сергѣй Александровъ Жебуневъ, 28-ми лѣтъ; 7) дворянинъ Викторъ Ѳе-

доровъ Костюринъ, 21-хъ лѣтъ; 8) почетный гражданинъ Петръ Ѳедоровъ Ларіоновъ, 25-ти лѣтъ; 9) дворянка Софья Александровна Лешернъ фонъ-Герцфельдъ, 37-ми лѣтъ; 10) оберъ-офицерскій сынъ Владиміръ Яковлевъ Мейеръ, 26-ти лѣтъ; 11) дворянинъ Иванъ Ивановъ Добровольскій, 27-ми лѣтъ; 12) дворянинъ Тимоѳей Александровъ Квятковскій, 25-ти лѣтъ; 13) дворянинъ Викторъ Александровъ Осташкинъ, 23-хъ лѣтъ; 14) дворянинъ Николай Аполлоновъ Чарушинъ, 25-ти лѣтъ; 15) дворянинъ Леонидъ Эммануиловъ Шишко, 25-ти лѣтъ; 16) дворянинъ Петръ Маркеловъ Макаревичъ 25-ти лѣтъ; 17) дворянинъ Михаилъ Васильевъ Купріяновъ, 24-хъ лѣтъ; 18) дворянинъ Александръ Васильевъ Низовкинъ, 27-ми лѣтъ; 19) дворянка Елена Иванова Аверкіева, 27-ми лѣтъ; 20) дворянка Екатерина Константиновна Брешковская, 33-хъ лѣтъ; 21) дворянка Ефрузина Викентьевна Супинская, 25-ти лѣтъ; 22) сынъ священника Александръ Ивановъ Ливановъ, 27-ми лѣтъ; 23) сынъ священника Наѳанаилъ Іоновъ Скворцовъ, 26-ти лѣтъ; 24) австрійскій подданный Александръ Осиповъ Лукашевичъ, 22-хъ лѣтъ; 25) дочь майора Софья Андреевна Иванова, 21 года; 26) почетный гражданинъ Николай Елисѣевъ Гориновичъ, 22-хъ лѣтъ; 27) дворянинъ Александръ Константиновъ Артамоновъ, 24-хъ лѣтъ; 28) дворянинъ Николай Михайловъ Барковъ, 24 лѣтъ; 29) дворянинъ Гавріилъ Георгіевъ Божко-Божинскій, 24-хъ лѣтъ; 30) крестьянинъ Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, Копринской волости, деревни Люшново, Сергѣй Ивановъ Виноградовъ, 23-хъ лѣтъ; 31) дворянинъ Юрій Николаевъ Говоруха-Отрокъ, 26-ти лѣтъ; 32) дворянинъ Левъ Сергѣевъ Городецкій, 24-хъ лѣтъ; 33) дворянинъ Викторъ Александровъ Даниловъ, 26-ти лѣтъ; 34) мѣщанинъ Михаилъ Никитинъ Кацъ, 25-ти лѣтъ; 35) крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Тупиковской волости, деревни Екатини, Михаилъ Андреевъ Орловъ, 26-ти лѣтъ; 36) дворянинъ Иванъ Павловъ Блавдзевичъ, 24-хъ лѣтъ; 37) дворянка Клеопатра Павлова Блавдзевичъ, 26-ти лѣтъ; 38) дворянка Варвара Иванова Ваховская, 22-хъ лѣтъ; 39) сынъ колониста Иванъ Ивановъ Гауэнштейнъ, 30-ти лѣтъ; 40) дворянинъ Аркадій Алексѣевъ Головинъ, 25-ти лѣтъ; 41) дворянинъ Митрофанъ Александровъ Гриценковъ, 21 года 42) дворянинъ Алексѣй Алексѣевъ Дробышъ-Дробышевскій, 21-го года; 43) мѣщанинъ Соломонъ Лейбовъ Аранзонъ, 24-хъ лѣтъ; 44) сынъ дьякона Алексѣй Егоровъ Знаменскій, 24-хъ лѣтъ; 45) почетная гражданка Александра Иванова Корнилова, 24-хъ лѣтъ; 46) дочь священника Анна Дмитріева Кувшинская, 26-ти лѣтъ; 47) дочь коллежскаго совѣтника Татьяна Ивановна Лебедева, 26-ти лѣтъ; 48) сынъ священника Петръ Андреевъ Ломоносовъ, 21-го года; 49) мѣщанинъ Киріакъ Родіоновъ Милоглазкинъ, 27-ми лѣтъ; 50) дворянинъ Степанъ Васильевъ Мокіевскій-Зубокъ, 25-ти лѣтъ; 51) мѣщанинъ Николай Александровъ Морозовъ, 29-ти лѣтъ; 52) дворянинъ Владиміръ Алексѣевъ Осиповъ, 23-хъ лѣтъ; 53) дворянинъ Николай Алексѣевъ Саблинъ, 28-ми лѣтъ; 54) сынъ дьякона Михаилъ Ѳеоктистовъ Спѣсивцевъ, 24-хъ лѣтъ; 55) дворянинъ Левъ Александровъ Тихоміровъ, 26-ти лѣтъ; 56) сынъ священника Иванъ Дмитріевъ Трезвинскій, 24-хъ лѣтъ; 57) дворянинъ Анатолій Ивановъ Фаресовъ, 24-хъ лѣтъ; 58) дворянинъ Василій Ѳедоровъ Фишеръ, 30-ти лѣтъ, 59) австрійскій подданный Андрей Аѳанасьевъ Франжоли, 28-ми лѣтъ'

60) дочь титулярнаго совѣтника Надежда Александровна Юргенсонъ, 22-хъ лѣтъ и 61) дворянинъ Александръ Викторовъ Ярцевъ, 2-мя лѣтъ. Въ третьихъ, что подсудимыя: дворянка Елизавета Ѳедорова Ермолаева, 26-ти лѣтъ, и жена штабсъ-капитана Ольга Павлова Фетисова, 29-ти лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу, но зная о дѣятельности онаго и имѣя возможность довести о томъ до свѣдѣнія начальства, не исполнили сей обязанности. Въ четвертыхъ, что изъ числа вышеуказанныхъ въ 1-мъ и во 2-мъ пунктахъ подсудимыхъ, составлявшихъ противозаконное сообщество и вступившихъ въ оное, нижепоименованные оказываются, сверхъ того, виновными въ томъ, что съ цѣлію возбудить рабочее населеніе и учащееся юношество къ явному неповиновенію власти верховной, распространяли въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи сочиненія, по содержанію своему той цѣли соотвѣтствующія, а именно: а) Порфирій Войнаральскій, въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, согласивъ другое лицо, къ составу сообщества не принадлежавшее, распространять сочиненія, возбуждающія къ неповиновенію власти верховной, передалъ этому лицу 30 экземпляровъ книгъ упомянутаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Стеньку Разина“ и прокламацію „Чтой-то братцы“, и въ томъ же году, въ Самарѣ, читалъ рабочимъ плотничной артели „Исторію одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“; б) Дмитрій Рогачевъ, въ 1873 году, въ селѣ Нижнемъ-Шкафтѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, распространялъ между крестьянами этого селенія книги подъ заглавіемъ: „Стенька Разинъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и прокламацію „Чтой-то братцы“ и въ 1874 году, въ городѣ Пензѣ, распространялъ между учениками мѣстныхъ учебныхъ заведеній сочиненія: „Государственность и анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“ и журналъ „Впередъ“; в) Сергѣй Коваликъ, въ 1874 году, въ городѣ Ярославлѣ передалъ студенту ярославскаго лицея Богданову книги: „Государственность и анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“ и въ томъ же году, въ городѣ Харьковѣ, согласилъ нѣсколько лицъ распространять между воспитанниками разныхъ учебныхъ заведеній съ упомянутою выше цѣлью сочиненія, той цѣли соотвѣтствующія, и для приведенія сего въ исполненіе, передалъ тѣмъ лицамъ книги подъ заглавіемъ: „Государственность и анархія“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Стенька Разинъ“, и затѣмъ, по отъѣздѣ изъ Харькова, доставилъ имъ другія книги такого же преступнаго содержанія; г) Сергѣй Синегубъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ читалъ фабричнымъ рабочимъ сказку „Объ Ильѣ Муромцѣ“, „Стеньку Разина“, стихотвореніе „Барка“, а собиравшимся у него на квартирѣ лицамъ—журналъ „Впередъ“; независимо отъ сего, онъ передалъ для распространенія крестьянину Зарубаеву, въ количествѣ 40 экземпляровъ, слѣдующія книги: „Сказку о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“, пѣсенникъ, прокламацію „Чтой-то братцы“ и др.; д) Василій Стаховскій, въ 1873 году, въ Петербургѣ, въ своей квартирѣ, читалъ фабричнымъ рабочимъ книги: „Стенька Разинъ“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“; е) Моисей Рабиновичъ, въ 1874 году, привезъ въ городъ Харьковъ книги подъ заглавіемъ: „Государственность и анархія“, „Историческое развитіе интернаціонала“, „Сказку о четырехъ

братьяхъ" и передалъ нѣсколькимъ лицамъ тѣ сочиненія, совѣтуя распространять оныя съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной; ж) Иванъ Добровольскій, въ концѣ 1873 и въ началѣ 1874 года, въ селѣ Потаповѣ, Даниловскаго уѣзда, Ярославской губерніи, въ устроенной другимъ лицомъ мастерской неоднократно читалъ рабочимъ этой мастерской и раздавалъ крестьянамъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Стенька Разинъ" и „Государственность и анархія", при чемъ чтеніе этихъ книгъ сопровождалъ объясненіями, направленными къ достиженію вышеупомянутой преступной цѣли; з) Тимоѳей Квятковскій, лѣтомъ 1874 года, въ селѣ Колтушахъ, Тульской губерніи, Тульскаго уѣзда, въ слесарной мастерской читалъ рабочимъ этой мастерской сочиненія вышеуказаннаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ: „Сказку о четырехъ братьяхъ"; и) Николай Чарушинъ; і) Леонидъ Шишко и к) Михаилъ Куприяновъ, въ 1873 году, въ Петербургѣ читали фабричнымъ рабочимъ въ особомъ, нанятомъ для нихъ помѣщеніи, сочиненія подъ заглавіемъ: „Исторія одного французскаго крестьянина", „Сказка о четырехъ братьяхъ", „Стенька Разинъ", а также давали рабочимъ означенныя сочиненія для чтенія; л) Александръ Низовкинъ, въ началѣ 1874 года, въ Петербургѣ, передалъ въ библіотеку фабричныхъ рабочихъ значительное количество экземпляровъ сочиненій подъ заглавіями: „Исторія одного французскаго крестьянина", „Гражданская война во Франціи" и „Стенька Разинъ", каковыя сочиненія поступили въ составъ той библіотеки и были выдаваемы рабочимъ для чтенія; м) Александръ Ливановъ, въ концѣ 1873 года, въ городѣ Нижнемъ-Новгородѣ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и ученикамъ семинаріи, книги подъ заглавіями: „Стенька Разинъ", „Исторія одного французскаго крестьянина", „Слово вѣрующаго къ народу" и „Гражданская война во Франціи"; н) Викторъ Осташкинъ, въ іюлѣ 1874 года, въ городѣ Самарѣ, читалъ рабочимъ артели плотниковъ „Сказку о четырехъ братьяхъ" и „Исторію одного французскаго крестьянина". Сверхъ того, слѣдующіе подсудимые, неизобличенные въ принадлежности къ противозаконному сообществу, виновны также въ распространеніи книгъ вышеизложеннаго преступнаго содержанія съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной, а именно: лишенный всѣхъ правъ состоянія Митрофанъ Даниловъ Муравскій, нынѣ 40 лѣтъ, въ 1874 году въ городѣ Оренбургѣ и затѣмъ, странствуя по Белебеевскому и Челябинскому уѣздамъ, читалъ и раздавалъ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и крестьянамъ, книги подъ заглавіями: „Сказка о четырехъ братьяхъ", „Исторія одного французскаго крестьянина" и журналъ „Впередъ"; крестьянинъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степанъ Петровъ Зарубаевъ, 30-ти лѣтъ, получивъ въ 1874 году, въ Петербургѣ значительное количество книгъ, въ томъ числѣ „Исторію одного французскаго крестьянина", „Пѣсенникъ", „Сказку о четырехъ братьяхъ" и прокламацію „Чтой-то братцы", по прибытіи на родину въ Тверскую губернію, раздалъ часть этихъ книгъ нѣсколькимъ крестьянамъ; крестьянинъ Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Иванъ Осиповъ Союзовъ, 29-ти лѣтъ, въ 1875 году, въ городѣ Харьковѣ, подъ именемъ Павла Александрова, передалъ рабочему, крестьянину Осдору Семенову, саквояжъ съ книгами, въ томъ числѣ

прокламацію „Чтой-то братцы“, совѣтуя читать тѣ книги и, въ случаѣ отхода отъ мѣста, передать другому рабочему; онъ же, Союзовъ, въ 1875 году, въ городѣ Харьковѣ, работая въ вагонной мастерской, раздавалъ нѣсколькимъ рабочимъ этой мастерской книги подъ заглавіями: „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Стенька Разинъ“ и прокламацію „Чтой-то братцы“; мѣщанинъ Сергѣй Антоновичъ Стопане, 20-ти лѣтъ, въ 1874 году, состоя домашнимъ учителемъ у помѣщика Усманскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Янова, читалъ прислугѣ этого помѣщика и давалъ читать коллежскому регистратору Логвинову книги подъ заглавіями: „Сборникъ новыхъ пѣсенъ и стиховъ“, „Исторія одного французскаго крестьянина“ и „Сказку о четырехъ братьяхъ“ и сынъ коллежскаго совѣтника Иванъ Николаевъ Чернявскій, 27-ми лѣтъ, въ 1874 году, въ Москвѣ, въ трактирѣ передалъ рабочимъ Дмитрію Григорьеву и Нефеду Комарову книгу подъ заглавіемъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“. Въ пятыхъ—что подсудимые Порфирій Войнаральскій и Ипполитъ Мышкинъ оказываются также виновными въ томъ, что съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной они, въ 1874 году, въ городѣ Москвѣ составили направленное по содержанію своему, къ возбужденію такого неповиновенія сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія одного изъ многострадальныхъ“. Въ шестыхъ, что нижепоименованные подсудимые оказываются виновными: одни—въ покушеніи на распространеніе книгъ вышеуказаннаго преступнаго содержанія съ цѣлью возбужденія явнаго неповиновенія власти верховной, а другіе—въ участіи въ семъ покушеніи. Это покушеніе и это участіе выразились въ печатаніи и разсылкѣ книгъ преступнаго содержанія и ввозѣ такихъ же книгъ изъ-заграницы, каковыя книги не получили дальнѣйшаго распространенія потому, что были во-время задержаны. Такъ, подсудимые Войнаральскій и Мышкинъ въ типографіи, устроенной въ Москвѣ, печатали, упаковывали и разсылали въ разныя мѣстности имперіи, для распространенія, книги подъ заглавіями: „Исторія одного изъ многострадальныхъ“, выдержки изъ журнала „Впередъ“, прокламацію „Чтой-то братцы“; подсудимые, Елена Аверкіева, Ефрузина Супинская, Софья Иванова и Нафанаилъ Скворцовъ, изъявивъ согласіе помогать Мышкину и Войнаральскому въ печатаніи и разсылкѣ сочиненій вышеуказаннаго преступнаго содержанія, набирали для печати означенныя сочиненія, и сверхъ того, Супинская и Скворцовъ занимались корректурою отпечатаннаго и вмѣстѣ съ Ивановою участвовали въ отправкѣ отпечатанныхъ листовъ по назначенію; а Аверкіева работала надъ фальцованіемъ означенныхъ листовъ, и затѣмъ, по доставленіи въ Саратовъ транспорта съ книгами и отпечатанными листами, продолжала заниматься тамъ сею послѣднею работою. Въ участіи во ввозѣ изъ заграницы, съ цѣлью распространенія книгъ, по содержанію своему направленныхъ къ возбужденію неповиновенія власти верховной, оказываются виновными подсудимые: сынъ купца Соломонъ Лейзеровъ Чудновскій, 27-ми лѣтъ, поименованный выше во 2-мъ пунктѣ Петръ Макаревичъ и сынъ купца Михаилъ Петровъ Сажинъ, 29 лѣтъ. Преступная дѣятельность сихъ лицъ выразилась въ слѣдующемъ: Чудновскій, находясь заграницею, пріобрѣлъ значительное количество сочиненій вышеуказаннаго преступнаго содержанія, въ томъ числѣ книги подъ заглавіемъ: „Исторія одного французскаго крестьянина“,

„О мученикѣ Николаѣ“, журналъ „Впередъ“, и затѣмъ, узнавъ, что тюки съ означенными книгами ввезены въ предѣлы государства, и прибывъ въ Одессу 27-го января 1874 года, поѣхалъ за полученіемъ ихъ по указанному ему адресу, но книгъ не получилъ, потому что былъ задержанъ; Петръ Макаревичъ, узнавъ о доставкѣ въ Одессу изъ-заграницы вышеозначенныхъ книгъ, отправился, 27-го января 1874 года, за полученіемъ тюковъ съ книгами, но не могъ привести своего намѣренія въ исполненіе, потому что не разыскалъ дома, гдѣ должна была произойти передача тѣхъ тюковъ; подсудимый Сажинъ, согласившись помогать, съ указанною уже выше преступною цѣлью, ввозу изъ-заграницы для распространенія въ Россіи сочиненій, той цѣли соотвѣтствующихъ, въ пограничномъ съ Россіей мѣстечкѣ отыскалъ лицо (Эдельштейна), принявши на себя перевозку тѣхъ сочиненій черезъ границу, условился съ симъ лицомъ относительно этой перевозки и затѣмъ доставлялъ означенныя сочиненія, въ томъ числѣ книги: „Государственность и анархія“ и „Историческое развитіе интернаціонала“, въ то мѣсто, изъ котораго, согласно условію, надлежало перевезти ихъ чрезъ границу, что затѣмъ и было исполнено. Кромѣ означенныхъ лицъ, привлеченныхъ къ настоящему дѣлу, въ качествѣ обвиняемаго, мѣщанинъ Мовша Вульфовъ Эдельштейнъ, 37-ми лѣтъ, оказывается виновнымъ въ томъ, что, не принимая прямого участія въ распространеніи сочиненій, побуждающихъ къ явному неповиновенію власти верховной, изъ корыстныхъ видовъ согласился помогать ввозу тѣхъ сочиненій въ предѣлы Россіи, для достиженія чего принималъ тѣ сочиненія, зная, что они упомянутаго преступнаго содержанія, въ пограничномъ съ Россіей мѣстечкѣ, перевозилъ тюки съ книгами черезъ границу и затѣмъ пересылалъ оныя въ заранѣе условленные города. Наконецъ, въ покушеніи на преступное распространеніе сочиненій вышеупомянутаго содержанія оказывается виновною поименованная уже во второмъ пунктѣ подсудимая, дворянка Екатерина Брешковская: она, съ цѣлью возбудить крестьянъ къ бунту, отправилась, въ сентябрѣ 1874 года, подъ именемъ крестьянки Ѳеклы Косой, въ Подольскую губернію для распространенія между ними экземпляровъ имѣвшейся у нея прокламаціи, по содержанію своему цѣли той соотвѣтствующей, но не успѣла привести своего намѣренія въ исполненіе, потому что была задержана около мѣстечка Тульчина. Въ седьмыхъ — что подсудимые: сынъ купца Исаакъ Абрамовъ Павловскій, 24 лѣтъ, сынъ купца Иннокентій Павловъ Пьянковъ, 22-хъ лѣтъ, и сынъ священника Дмитрій Петровъ Соколовъ, 24-хъ лѣтъ, оказываются виновными въ томъ, что, зная о распространеніи означеннаго выше преступнаго содержанія книгъ, съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной и имѣя возможность довести о семъ до свѣдѣнія правительства, не исполнили сей обязанности. Въ восьмыхъ — что нижепоименованные подсудимые оказываются виновными въ томъ, что безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства имѣли у себя книги, по содержанію своему направленныя къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: а) указанные выше во 2-мъ пунктѣ Александръ Артамоновъ, Николай Барковъ, Гавріилъ Божко-Божинскій, Сергѣй Виноградовъ, Юрій Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Викторъ Даниловъ, Михаилъ Кацъ, Михаилъ Орловъ и Иванъ Главдзевичъ и

б) подсудимые, выше сего непоименованные: дворянинъ Давидъ Александровъ Антовъ, 23-хъ лѣтъ; дворянинъ Николай Михайловъ Аносовъ, 27-ми лѣтъ; забайкальскій казакъ Николай Ивановъ Глушковъ, 22-хъ лѣтъ; сынъ дьякона Михаилъ Оедоровъ Грачевскій, 27-ми лѣтъ; мѣщ. Михаилъ Григорьевъ Гвоздевъ 27-ми лѣтъ; дворянинъ Сергѣй Сергѣевъ Голоушевъ, 23-хъ лѣтъ; сынъ священника Иванъ Ивановъ Добровъ, 24-хъ лѣтъ; дворянинъ Эдуардъ Юліановъ Каменьскій 35-ти лѣтъ; дворянинъ Ѳедоръ Михайловъ Любавскій, 22-хъ лѣтъ; мѣщанинъ Иванъ Ильинъ Медвѣдевъ, 37-ми лѣтъ; мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, 27-ми лѣтъ; крестьянинъ Костромской губерніи, Кологривскаго уѣзда, деревни Чуфарини Григорій Алексѣевъ Щегловъ, 33-хъ лѣтъ; дворянинъ Владиміръ Николаевъ Щепкинъ, 27-ми лѣтъ; дворянинъ Леонидъ Михайловъ Щеголевъ, 23-хъ лѣтъ; дворянинъ Иванъ Ивановъ Козачекъ, 29-ти лѣтъ, и оберъ-офицерскій сынъ Николай Матвѣевъ Махаевъ, 27-ми лѣтъ. Въ д е в я т ы х ъ — что изъ подсудимыхъ, выше сего поименованныхъ, оказываются виновными: Ипполитъ Мышкинъ въ томъ, что, въ іюнѣ 1875 года, во время слѣдованія, подъ именемъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова и въ одеждѣ, присвоенной офицерамъ сего корпуса, изъ города Вилюйска въ городъ Якутскъ, съ цѣлью лишить жизни сопровождавшихъ его казаковъ Бубякина и Маршинцова и присоединившагося къ нимъ на дорогѣ мѣщанина Чудинова, сдѣлалъ по нимъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но не попалъ въ двухъ послѣднихъ, а только ранилъ Бубякина въ бедро, послѣ чего, соскочивъ съ лошади, на которой ѣхалъ верхомъ, скрылся въ лѣсу; подсудимый Петръ Ларіоновъ — во-первыхъ, въ томъ, что 23-го декабря 1873 года, въ городѣ Вельскѣ, Вологодской губерніи, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, тайно похитилъ стоявшую на улицѣ принадлежащую крестьянкѣ Дьяконовой лошадь съ упряжью, цѣною ниже 300 р.; во-вторыхъ, въ томъ, что, получивъ, въ началѣ 1874 года, изъ корчевскаго уѣзднаго казначейства, по довѣренности трехъ крестьянъ Горецкой волости, 240 р., не передалъ означенныхъ денегъ по принадлежности крестьянамъ, а обратилъ таковыя на свои надобности; подсудимый Феликсъ Волховской — въ томъ, что, 24-го ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ, во время слѣдованія изъ московскаго жандармскаго управленія въ тюремный замокъ, съ цѣлью совершить побѣгъ, бросилъ въ глаза сопровождавшаго его жандармскаго унтеръ-офицера горсть нюхательнаго табака и, выскочивъ изъ саней, хотѣлъ бѣжать, но былъ задержанъ; привлеченный къ настоящему дѣлу, по обвиненію въ участіи въ означенномъ выше преступномъ дѣяніи, дворянинъ Всеволодъ Александровъ Лопатинъ, 26-ти лѣтъ, виновенъ въ томъ, что обязавшись, по предварительному соглашенію съ подсудимымъ Волховскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго съ этою цѣлью, 24-го ноября 1874 года, въ городѣ Москвѣ пытался освободить Волховскаго, выскочившаго изъ саней и побѣжавшаго по улицѣ, отъ поймавшихъ его жандарма и городового, разжимая руки первому и отталкивая послѣдняго. Въ д е с я т ы х ъ — что изъ остальныхъ за симъ привлеченныхъ къ настоящему дѣлу лицъ оказываются виновными: 1) крестьянинъ Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Ѳедоровки, Никифоръ Емельяновъ, 25-ти лѣтъ—въ томъ: а) что въ 1874 году, на сергіевскихъ минераль-

ныхъ водахъ, при свидѣтеляхъ, съ намѣреніемъ поколебать вѣру, произнесъ хулу на славимаго въ единосущной Троицѣ Бога и б) въ томъ, что въ указанное выше время, при одномъ свидѣтелѣ, съ умысломъ осмѣлился произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 2) дворянка Софья Александрова Субботина, 45-ти лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 году, въ имѣніи своемъ, въ селѣ Бѣломѣстномъ, въ Курской губерніи, въ присутствіи нѣсколькихъ крестьянъ осмѣлилась, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора; 3) мѣщанинъ Глѣбъ Яковлевъ Терновскій, 20-ти лѣтъ—въ томъ, что въ 1874 году, на сергіевскихъ минеральныхъ водахъ, при одномъ свидѣтелѣ осмѣлился, безъ преднамѣреннаго умысла, произнести дерзкія, оскорбительныя выраженія противъ священной особы Государя Императора и, наконецъ, 4) дворянинъ Николай Ивановъ Эндауровъ, 39-ти лѣтъ—въ томъ, что, въ бытность свою мировымъ судьею Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, истребовалъ въ 1872 году изъ мѣстнаго казначейства въ разное время, а именно: 3-го іюня—200 р., 9-го іюня—200 руб., 24-го іюня—100 руб., 30-го іюня—100 р., 4-го іюля—200 р., 15-го іюля—300 р. и 4-го августа—300 р. (всего 1.400 руб.), принадлежавшихъ технологу Васильеву, и не записывалъ на приходъ въ денежную книгу до 19-го сентября того же года. И въ одиннадцатыхъ—что нижепоименованные подсудимые, привлеченные въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, оказываются невиновными по настоящему дѣлу, а именно: Павелъ Александровъ, Алексѣй Александровскій, Олимпіада Алексѣева, Анна Андреева, Иванъ Ареопагитскій, Василій Бенецкій, Николай Биткинъ, Романъ Бодяжинъ, Дмитрій Бородулинъ, Николай Введенскій, Марья Веревочкина, Александръ Виддиновъ, Надежда Войнаральская, Александръ Волькенштейнъ, Петръ Воскресенскій, Марья Гейшторъ, Иванъ Глушковъ, Леонидъ Голиковъ, Вѣра Городецкая, Николай Граціановъ, Степанъ Дегтеревъ, Леонидъ Дическуло, Михаилъ Духовскій, Егоръ Емельяновъ, Владиміръ Жебуневъ, Андрей Желябовъ, Ольга Жилинская, Евгенія Завадская, Лариса Заруднева, Александръ Кадьянъ, Павелъ Князевскій, Алексѣй Комовъ, Семенъ Корабельниковъ, Петръ Курдюмовъ, Егоръ Лазаревъ, Вильгельмъ Лангансъ, Арсеній Леонтьевъ, Николай Литошенко, Николай Личадѣевъ, Павелъ Максимовъ, Александръ Малиновскій, Минъ Милоголовкинъ, Петръ Неволинъ, Михаилъ Нефедовъ, Марѳа Никитина, Иванъ Никольскій, Александра Сидорацкая, Евгеній Овчинниковъ, Павелъ Орловъ, Александръ Палимпсестовъ, Вѣра Панютина, Софья Перовская, Николай Петропавловскій, Идалія Польгеймъ, Александръ Пономаревъ, Николай Поповъ, Марья Потоцкая, Аполлонъ Прозоровскій, Гавріилъ Прокопьевъ, Эйдели Пумпянская, Павелъ Покровскій, Андрей Цыпинъ, Вѣра Рогачева, Леонидъ Румянцевъ, Ольга Сахарова, Ѳедоръ Семеновъ, Владиміръ Серебровскій, Михаилъ Серебряковъ, Михаилъ Соловцовскій, Тимофей Соловьевъ, Григорій Софинскій, Иванъ Спѣсивцевъ, Евгенія Судзиловская, Дмитрій Сѣрышевъ, Николай Тепловъ, Леонидъ Траубенбергъ, Павелъ Троицкій, Анна Тушинская, Владиміръ Усачевъ, Дмитрій Ѳедоровичъ, Ѳедоръ Фетисовъ, Василій Филадельфовъ, Ѳедоръ Фоминъ, Анатолій Чарыковъ, Марья Шавердова, Вѣра Шатилова, Ольга Шевырева, Феликсъ Юркевичъ, Анна Якимова и Александръ Яновъ. Опре-

дѣливъ степень виновности подсудимыхъ по настоящему дѣлу и обращаясь за симъ къ мѣрѣ возмездія, слѣдующаго имъ по закону за совершенныя ими преступныя дѣянія, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что виновные въ составленіи сообщества, съ цѣлью ниспроверженія правительства и установленнаго закономъ государственнаго устройства, хотя бы даже и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а также и вступившіе въ сіе общество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго, подвергаются наказаніямъ по 250-й ст. улож. о наказ. (замѣченной и дополненной высочайше утвержденнымъ, 4-го іюня 1874 года, мнѣніемъ государственнаго совѣта), смотря по мѣрѣ участія въ сообществѣ и другимъ обстоятельствамъ дѣла, въ слѣдующей постепенности: или къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ четырехъ до шести лѣтъ (по 7-й степ. 19-й ст.), или ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ тѣхъ же правъ состоянія, или лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по одной изъ степеней 31-й ст. сего уложенія, или же лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ, какъ составители сообщества и принимавшіе самое дѣятельное въ оному участіе должны подлежать строжайшему изъ опредѣленныхъ выше наказаній — по 7-й ст. 19-й ст. улож. въ средней онаго мѣрѣ — по неискренности ихъ показаній; изъ подсудимыхъ, изобличенныхъ во вступленіи въ сообщество, съ знаніемъ о цѣляхъ онаго: Спегубъ, Стаховскій, Лермонтовъ и Рабиновичъ, какъ болѣе виновные, подлежатъ наказанію по 1 ст. 20-й ст. улож.; наказаніе это не можетъ быть по закону смягчено въ отношеніи Рабиновича, какъ за силою 139-й ст. улож., такъ и потому, что онъ хотя и имѣлъ при вступленіи въ сообщество менѣе 17-ти лѣтъ, но изъ обстоятельствъ дѣла видно, что онъ дѣйствовалъ съ полнымъ разумѣніемъ и не былъ вовлеченъ въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами. Засимъ, по степени участія въ дѣятельности сообщества и другимъ обстоятельствамъ дѣла, слѣдуетъ назначить наказаніе по 3-й ст. 31-й ст. уложенія слѣдующимъ подсудимымъ, вступившимъ въ сообщество съ знаніемъ о цѣляхъ онаго: Волховскому, Сергѣю Жебуневу, Костюрину, Ларіонову, Добровольскому, Квятковскому, Софьѣ Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеру, Ливанову, Низовкину, Чарушину, Шишко, Аверкіевой, Брешковской, Макаревичу, Скворцову, Супинской, Говорухѣ-Отроку, Данилову, Кацу, Михаилу Орлову, Клеопатрѣ Лавдзевичъ, Гауэнштейну, Аркадію Головину, Кувшинской, Лебедевой, Милоглазкину, Мокіевскому-Зубку, Морозову, Саблину, Тихомирову, Фишеру, Франжоли и Ярцеву: при этомъ, изъ числа означенныхъ подсудимыхъ Костюрину, какъ недостигшему при вступленіи въ сообщество 21 года отъ роду, означенное наказаніе слѣдуетъ уменьшить на двѣ степени и, опредѣливъ оное по 5-й ст. 31-й ст. улож., освободить его, Костюрина, отъ лишенія правъ состоянія; что же касается до прочихъ, то, не усматривая въ ихъ дѣйствіяхъ той злоумышленности и той обдуманности, коими отличаются поступки другихъ, болѣе виновныхъ по настоящему дѣлу подсудимыхъ, правительствующій сенатъ признаетъ возможнымъ,

на основаніи 774-й ст. уст. угол. суд., слѣдующее имъ указанное наказаніе смягчить также на двѣ степени, назначивъ оное по 5-й ст. 31-й ст. въ средней мѣрѣ. Этому же наказанію и на тѣхъ же основаніяхъ подлежатъ и слѣдующіе подсудимые, виновные во вступленіи въ сообщество: Куприяновъ, Гориновичъ, Иванова, Артамоновъ, Гриценковъ, Виноградовъ, Левъ Городецкій, Иванъ Блавдзевичъ, Ваховская, Дробышъ-Дробышевскій, Аранзонъ, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Спѣсивцевъ, Фаресовъ. Юргенсонъ, Осташкинъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Трезвинскій и Лукашевичъ; но такъ какъ всѣ они при вступленіи въ сообщество имѣли менѣе 21 года, то означенное выше наказаніе (по 5-й ст. 31-й ст.), на основаніи 140-й ст. улож., можетъ быть уменьшено на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 33-й ст., безъ лишенія ихъ правъ и преимуществъ. При этомъ, въ виду того, что всѣ упомянутые несовершеннолѣтніе подсудимые, за исключеніемъ Осташкина, Баркова, Божко-Божинскаго, Трезвинскаго и Лукашевича, были вовлечены въ преступную дѣятельность другими совершеннолѣтними лицами, представляется справедливымъ, согласно 143-й ст. улож., уменьшить указанное выше наказаніе еще на двѣ степени, т. е. назначить оное по 4-й ст. 33-й ст., безъ лишенія правъ и преимуществъ. Подсудимыя: Елизавета Ермолаева и Ольга Ѳетисова, признанныя виновными лишь въ томъ, что, не принадлежа къ противозаконному сообществу, знали о дѣятельности онаго и не донесли о томъ начальству, подлежатъ одному изъ наказаній, указанныхъ въ 126-й ст. улож.; въ виду того, что означенныя подсудимыя дѣйствовали по легкомыслію (ст. 134-я улож.), слѣдуетъ назначить имъ среднее изъ опредѣленныхъ въ 126-й ст. наказаній, а именно — заключеніе въ тюрьмѣ по 2-й ст. 38-й ст, въ средней же мѣрѣ, т. е. на шесть мѣсяцевъ, 2) Виновные въ составленіи и распространеніи сочиненій, съ цѣлью возбудить къ явному неповиновенію власти верховной, на основаніи 251-й ст. улож., приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на время отъ восьми до десяти лѣтъ; тому же наказанію подвергаются изобличенные въ злоумышленномъ распространеніи такихъ сочиненій; виновные же въ составленіи означенныхъ сочиненій, но неизобличенные въ злоумышленномъ распространеніи оныхъ, подлежатъ заключенію въ крѣпости на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ. Изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу Мышкинъ признанъ виновнымъ въ составленіи сочиненія, по содержанію своему направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, но онъ не обвиняется и не изобличается въ злоумышленномъ распространеніи этого и другихъ подобныхъ сочиненій, такъ какъ онъ хотя и печаталъ ихъ въ устроенной въ Москвѣ типографіи и занимался разсылкою ихъ, съ цѣлью распространенія, но не успѣлъ совершить сего распространенія, потому что отпечатанныя книги и отдѣльные листы были задержаны. Преступное дѣяніе это, заключающее въ себѣ признаки покушенія на распространеніе, остановленнаго не собственною волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, предусмотрѣно 114-ю ст. улож. и должно, въ данномъ случаѣ, подвергнуть Мышкина наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й части 251-й ст. улож., т. е. по 7-й ст. 19-й ст.; за составленіе же сочиненія означеннаго выше

преступнаго содержанія Мышкинъ подлежитъ наказанію по 3-й ч. 251-й ст. Подсудимые: Аверкіева, Супинская, Иванова и Скворцовъ, принимавшіе дѣятельное участіе какъ въ работахъ типографіи Мышкина и по печатанію противозаконныхъ сочиненій, такъ и въ отсылкѣ отпечатанныхъ листовъ по назначенію, подлежатъ за сіе, какъ покушеніе на преступленіе, согласно съ указанными выше основаніями и 114-ю ст. улож. о наказ., наказанію также по 7-й ст. 19-й ст. улож.; но въ виду того, что всѣ эти подсудимые дѣйствовали подъ вліяніемъ людей, имѣвшихъ надъ ними, безспорно, сильную власть (6-й п. 134-й ст.), означенное наказаніе можетъ быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ; при этомъ срокъ каторжныхъ работъ для Ивановой, имѣвшей во время совершенія преступленія менѣе 21 года, долженъ быть сокращенъ на одну треть (139-я ст.). Но какъ изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что она была вовлечена въ преступную дѣятельность совершеннолѣтними лицами, то и это наказаніе можетъ быть уменьшено, согласно 143-й ст. улож., еще на двѣ степени и опредѣлено по 2-й ст. 20-й ст. улож. Подсудимый Войнаральскій, виновный въ составленіи сочиненія, направленнаго къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, въ злоумышленномъ распространеніи какъ сего, такъ и другихъ, такую же цѣль имѣющихъ сочиненій и, наконецъ, участвовавшій въ указанной выше дѣятельности упомянутой типографіи, долженъ подлежать, на основаніи 1-й ч. 251-й ст. улож., наказанію по 5-й ст. 19-й ст. Наказанію, по 2-й ч. 251-й ст. улож. опредѣленному, подлежатъ и всѣ остальные подсудимые, виновные въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій, по содержанію своему направленныхъ къ возбужденію явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: Ковалик, Рогачевъ, Синегубъ, Стаховскій, Рабиновичъ, Добровольскій, Квятковскій, Купріяновъ, Ливановъ, Низовкинъ, Осташкинъ, Чарушинъ, Шишко, Муравскій, Зарубаевъ, Союзовъ, Стопане и Черняевскій. Мѣра этого наказанія должна быть опредѣлена по степени преступной дѣятельности каждаго изъ означенныхъ подсудимыхъ въ слѣдующей постепенности: въ высшей мѣрѣ— Ковалику и Рогачеву, по обдуманности ихъ дѣйствій; за симъ остальнымъ 15-ти, за исключеніемъ Низовкина, можетъ быть назначена средняя мѣра сего наказанія, такъ какъ преступная дѣятельность ихъ представляется, по обстоятельствамъ дѣла, менѣе важною въ сравненіи съ двумя предыдущими подсудимыми; Низовкину же это наказаніе должно быть опредѣлено въ низшей мѣрѣ во вниманіе къ его чистосердечному сознанію. Но изъ означенныхъ выше подсудимыхъ Рабиновичъ, Стопане, Осташкинъ и Купріяновъ, какъ имѣвшіе при совершеніи преступленія менѣе 21-го года, имѣютъ право на смягченіе наказанія по 139-й ст. улож., сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ одною третью, а для Купріянова, какъ вовлеченнаго въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, опредѣленное выше наказаніе можетъ быть понижено еще двумя степенями (по 143-й ст.) и назначено по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ (по его неискренности), также съ сокращеніемъ срока каторжныхъ работъ на одну треть. Прочіе за симъ подсудимые, изобличенные въ покушеніи на злоумышленное распространеніе книгъ, съ цѣлью возбужденія явнаго неповиновенія власти верховной, а именно: Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Брешковская, подлежатъ наказанію согласно 114-й и 2-й ч. 251-й ст. улож., а именно—

по 7-й ст. 19-й ст. въ средней мѣрѣ, по неискренности ихъ показаній, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ. Что же касается до привлеченнаго къ настоящему дѣлу мѣщанина Мовши Эдельштейна, оказавшагося виновнымъ въ пособничествѣ, изъ корыстныхъ цѣлей, ввозу вышеозначенныхъ запрещенныхъ книгъ, для ихъ распространенія въ Россіи, съ знаніемъ о преступномъ содержаніи сихъ книгъ, то мѣра отвѣтственности его передъ закономъ должна быть опредѣлена на основаніи 13-й, 114-й, 121-й и 2-й ч. 251-й ст., и онъ подежитъ наказанію, которое опредѣлено выше для участвовавшихъ во ввозѣ книгъ изъ-заграницы, но лишь одною степенью ниже, т. е. по 1-й ст. 20-й ст. улож., такъ какъ содѣйствіе его въ данномъ случаѣ нельзя признать необходимымъ для совершенія преступленія; но и это наказаніе можетъ быть уменьшено еще на двѣ степени, согласно 774-й ст. уст. угол. суд., такъ какъ изъ обстоятельствъ дѣла видно, что Эдельштейнъ, по своему крайнему невѣжеству и легкомыслію, не понималъ всей важности преступнаго своего дѣйствія во ввозѣ запрещенныхъ книгъ изъ-заграницы; на семъ основаніи мѣщанинъ Эдельштейнъ подлежитъ наказанію по 1-й ст. 31 ст. улож. въ низшей мѣрѣ, въ виду его сознанія, а именно: лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три съ половиною года. За симъ изъ остальныхъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ злоумышленномъ распространеніи сочиненій съ цѣлью возбужденія къ явному неповиновенію власти верховной: Пьянковъ, Соколовъ и Павловскій, какъ признанные виновными лишь въ знаніи и недонесеніи о такомъ распространеніи, должны быть подвергнуты одному изъ наказаній, въ 126-й ст. улож. указанныхъ. Въ виду легкомыслія, свойственнаго ихъ молодымъ лѣтамъ, имъ могло бы быть назначено среднее по строгости наказаніе, именно—заключеніе въ тюрьмѣ по 1-й ст. 38 ст., но и это наказаніе слѣдуетъ уменьшить на одну степень, согласно 4-го п. 140 ст., во вниманіе къ ихъ несовершеннолѣтію, и еще на одну степень потому, что изъ обстоятельствъ дѣла видно, что они въ противозаконный поступокъ свой вовлечены были другими совершеннолѣтними лицами (143-я ст. улож.), т. е. опредѣлить по 3-й ст. 38-й ст. въ средней мѣрѣ, по ихъ неискренности, именно: заключеніе въ тюрьмѣ на три мѣсяца. Подсудимые же Артамоновъ, Барковъ, Божко-Божинскій, Виноградовъ, Говоруха-Отрокъ, Левъ Городецкій, Даниловъ, Кацъ, Михаилъ Орловъ, Иванъ Блавдзевичъ, Антовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Голоушевъ, Добровъ, Каменьскій, Любавскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Щиголевъ, Казачекъ и Махаевъ, признанные виновными въ имѣніи у себя сочиненій вышеупомянутаго преступнаго содержанія, безъ разрѣшенія надлежащаго высшаго начальства, должны подлежать наказанію по 4-й ч. 251-й ст. улож., т. е. аресту отъ семи дней до трехъ мѣсяцевъ (по 1-й и 2-й ст. 39-й ст. улож.); по обстоятельствамъ дѣла представляется справедливымъ назначить всѣмъ симъ подсудимымъ высшую мѣру означеннаго наказанія, т. е. арестъ на три мѣсяца, но это наказаніе должно быть уменьшено, согласно 140-й ст., на одну степень для подсудимыхъ, имѣвшихъ во время совершенія преступленія менѣе 21-года, а именно: Баркова, Божко-Божинскаго, а слѣдующимъ несовершеннолѣтнимъ подсудимымъ, вовлеченнымъ

въ преступленіе другими совершеннолѣтними лицами, на двѣ степени (140-я и 143-я ст.), а именно: Артамонову, Виноградову, Льву Городецкому, Ивану Блавдзевичу, Антову, Николаю Глушкову, Кириллову, Голоушеву, Доброву, Любавскому и Щиголеву, съ назначеніемъ и тѣмъ и другимъ сего наказанія въ средней мѣрѣ; на семъ основаніи первые двое, т. е. Барковъ и Божко-Божинскій подлежатъ аресту на двѣ недѣли, а послѣдніе 11—на пять дней. 3) Подсудимый Мышкинъ, за покушеніе на убійство сопровождавшихъ его казаковъ и ѣхавшаго съ ними спутника, остановленное не собственною волею подсудимаго, а обстоятельствами, отъ него независѣвшими, подлежитъ, на основаніи 114-й и 1,455-й ст. улож. (по продолженію 1872 года) и по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это преступленіе, наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго въ означенной 1,455-й ст., а именно, по 5-й ст. 19-й ст. улож. 4) Подсудимый Феликсъ Волховской за покушеніе на освобожденіе изъ-подъ стражи съ насиліемъ противъ сопровождавшаго его жандарма, каковое покушеніе остановлено не собственною волею подсудимаго, а другими независѣвшими отъ него обстоятельствами, подлежитъ, на основаніи 114-й ст. улож., наказанію двумя степенями ниже противъ опредѣленнаго во 2-й ч. 312-й ст. того же улож., а именно, по 2-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ, по искренности показаній подсудимаго Такому же наказанію, но лишь одною степенью ниже, т. е, по 3-й ст. 33-й ст. въ средней мѣрѣ, подлежитъ на основаніи 13-й, 121-й, 114-й и 312-й ст. улож., и подсудимый Всеволодъ Лопатинъ, обязавшійся, по предварительному соглашенію съ Волховскимъ, содѣйствовать побѣгу послѣдняго и пытавшійся освободить его отъ поймавшей его стражи, каковое содѣйствіе не было необходимымъ для совершенія преступленія. 5) Подсудимый крестьянинъ Никифоръ Емельяновъ за богохуленіе при свидѣтеляхъ съ намѣреніемъ поколебать ихъ вѣру подлежитъ, на основаніи 177-й ст. улож., лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, а за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ священной особы Государя Императора, по силѣ 246-й ст. улож., долженъ быть подвергнутъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 6-ти до 8-ми лѣтъ; это наказаніе могло бы быть назначено ему въ низшей мѣрѣ, въ виду легкомыслія и крайняго невѣжества подсудимаго (4-й п. 134-й ст.), но должно быть опредѣлено въ мѣрѣ высшей, на основаніи правилъ о совокупности преступленій (152-й ст. улож.). 6) Подсудимая Софья Субботина и Глѣбъ Терновскій, за произнесеніе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ священной особы Государя Императора, безъ предумышленнаго умысла, подлежатъ наказанію по 2-й ч. 246-й ст. улож., т. е. заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ 4-хъ до 8-ми мѣсяцевъ; наказаніе это слѣдуетъ назначить Субботиной въ высшей мѣрѣ, въ виду ея званія и степени образованности (2-й п. 129-й ст.); что же касается до Терновскаго, то во вниманіе къ тому, что во время совершенія преступленія ему было менѣе 17-ти лѣтъ отъ роду, и хотя онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, но былъ вовлеченъ въ преступленіе примѣромъ другого совершеннолѣтняго лица, означенное наказаніе можетъ быть понижено на четыре степени, на основаніи 140-й и 143-й ст. улож., и опредѣлено по 3-й степ. 38-й ст., но въ высшей онаго мѣрѣ, по гнус-

ности его поступка (7-й п. 129-й ст.). 7) Подсудимый почетный гражданинъ Ларіоновъ за кражу лошади цѣною не выше 300 р. подлежитъ, согласно 1,656-й ст. улож. и 169-й ст. уст. о нак., нал. мир. судьями, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; наказаніе это, въ виду его чистосердечнаго сознанія въ совершеніи сего преступленія, можетъ быть назначено въ низшей мѣрѣ. Тому же наказанію и въ той же мѣрѣ подлежитъ Ларіоновъ и за присвоеніе чужихъ денегъ на сумму не свыше 300 рублей по силѣ 1-й ч. 1,682-й ст. уложенія. Наконецъ, 8) подсудимый дворянинъ Николай Эндауровъ, за промедленіе въ запискѣ на приходъ ввѣренныхъ ему по службѣ денежныхъ суммъ (всего 1,440 рублей), на основаніи 356-й ст. улож. долженъ быть признанъ отрѣшеннымъ отъ должности по суду и съ него слѣдуетъ взыскать вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была въ его рукахъ за все время передержанія имъ оныхъ. Принявъ въ соображеніе все вышеизложенное и переходя къ окончательному заключенію о мѣрѣ наказанія, къ которому должны быть приговорены подсудимые по настоящему дѣлу, на основаніи приведенныхъ узаконеній, а въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и по правиламъ совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. указаннымъ, правительствующій сенатъ находитъ: 1) что слѣдующіе подсудимые подлежатъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы: Мышкинъ, Войнаральскій, Коваликъ и Рогачевъ—въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; Синегубъ, Стаховскій, Добровольскій, Квятковскій, Ливановъ, Чарушинъ, Шишко, Зарубаевъ, Союзовъ и Чернявскій,—тоже въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ; Низовкинъ—въ крѣпостяхъ на восемь лѣтъ; Рабиновичъ, Стопане и Осташкинъ—въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ; Никифоръ Емельяновъ—на заводахъ на восемь лѣтъ; Макаревичъ, Сажинъ, Чудновскій и Брешковская—на заводахъ на пять лѣтъ; Скворцовъ, Аверкіева и Супинская на заводахъ на четыре года и Куприяновъ—на заводахъ на три года и четыре мѣсяца; лишенный уже всѣхъ правъ состоянія Муравскій—ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; 2) что подсудимый Лермонтовъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 3) что подсудимый Эдельштейнъ долженъ быть подвергнутъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на три съ половиною года; 4) что подсудимые Волховской, Сергѣй Жебуневъ, Ларіоновъ, Софья Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, Мейеръ, Говоруха-Отрокъ, Даниловъ, Клеопатра Блавдзевичъ, Головинъ, Кувшинская, Лебедева, Мокіевскій-Зубокъ, Саблинъ, Тихоміровъ, Фишеръ, Франжоли, Ярцевъ и Костюринъ подлежатъ ссылкѣ на житье въ Тобольскую губернію: первые семнадцать—съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а послѣдній (Костюринъ) безъ сего лишенія; 5) что подсудимые Кацъ, Михаилъ Орловъ, Гауэнштейнъ, Милоглазкинъ и Морозовъ подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на одинъ годъ и три мѣсяца; 6) Барковъ, Божко-Божинскій и Трезвинскій подлежатъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ихъ жительства, въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ

(по 2-й ст. 33-й ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 7) что Гориновичъ, Артамоновъ, Левъ Городецкій, Иванъ Блавдзевичъ, Ваховская, Гриценковъ, Дробышъ-Дробышевскій, Знаменскій, Корнилова, Ломоносовъ, Осиповъ, Михаилъ Спѣсивцевъ, Фаресовъ и Юргенсонъ подлежатъ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ (по 4-й степ. 33 ст.), безъ лишенія правъ и преимуществъ; 8) что подсудимый Лопатинъ подвергается лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для его жительства, въ продолженіе одного года и шести мѣсяцевъ; 9) что подсудимые Виноградовъ и Аранзонъ подлежатъ заключенію въ рабочемъ домѣ на три мѣсяца безъ лишенія правъ и преимуществъ; 10) что подсудимая Субботина должна быть подвергнута заключенію въ смирительномъ домѣ на восемь мѣсяцевъ; 11) что Ермолаева и Ольга Фетисова подлежатъ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ; 12) что Терновскій подлежитъ заключенію въ тюрьмѣ на четыре мѣсяца; 13) что Пьянкову, Соколову и Павловскому слѣдуетъ такое же заключеніе на три мѣсяца; 14) что нижепоименованные подсудимые подлежатъ аресту въ порядкѣ, указанномъ въ 56-й ст. улож.. на слѣдующіе сроки: Аносовъ, Грачевскій, Гвоздевъ, Каменьскій, Медвѣдевъ, Никифоровъ, Щегловъ, Щепкинъ, Козачекъ и Махаевъ — на три мѣсяца, а Антовъ, Николай Глушковъ, Кирилловъ, Голоушевъ, Добровъ, Любавскій и Щиголевъ—на пять дней; 15) что подсудимый Эндуаровъ долженъ быть признанъ отрѣшеннымъ отъ должности по суду со взысканіемъ съ него вдвое казенныхъ процентовъ съ передержанной имъ суммы; 16) что касается до подсудимыхъ Софьи Ивановой и Лукашевича, то первая изъ нихъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ мѣста Сибири, не столь отдаленныя, а Лукашевичъ ссылкѣ въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства въ теченіе двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, безъ лишенія правъ и преимуществъ; но какъ оба сіи подсудимые были привлекаемы къ суду, въ качествѣ обвиняемыхъ: Иванова — за участіе въ бывшихъ 6-го декабря 1876 года безпорядкахъ на Казанской площади, а Лукашевичъ— по дѣлу о 50-ти лицахъ, преданныхъ суду за распространеніе книгъ преступнаго содержанія, и опредѣленіями особаго присутствія, отъ 18-го— 25-го января и 21-го февраля—14-го марта 1877 года, оба они приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ на поселеніе: Лукашевичъ — въ отдаленныя мѣста Сибири, а Иванова въ мѣста Сибири, менѣе отдаленныя, то, въ силу правилъ о совокупности преступленій, въ 152-й ст. улож. изложенныхъ, они и должны подлежать этому послѣднему наказанію. Опредѣливъ, такимъ образомъ, то наказаніе, которому, подлежитъ по закону каждый изъ подсудимыхъ по настоящему дѣлу— правительствующій сенатъ въ особомъ присутствіи не могъ не принять въ особое вниманіе: 1) долговременное содержаніе большей части подсудимыхъ въ одиночномъ заключеніи во время предварительнаго ареста ихъ, долговременность коего являлась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ продолжительности производства по настоящему дѣлу изслѣдованія, которое, какъ по сложности дѣла, большому числу обвиняемыхъ, такъ и по обширности той мѣстности, на пространствѣ коей оно должно было происходить, не могло

быть окончено въ краткое время; 2) что въ такомъ предварительномъ арестѣ многіе изъ подсудимыхъ провели время, превышающее тѣ сроки заключенія, въ предѣлѣ которыхъ они, по закону, могутъ подлежать лишенію свободы соотвѣтственно мѣрѣ, признанной нынѣ судомъ виновности ихъ; 3) что нѣкоторые изъ тѣхъ же подсудимыхъ заслуживаютъ особаго снисхожденія, какъ въ виду молодости ихъ, вовлеченія ихъ въ преступленіе лицами совершеннолѣтними, такъ и чистосердечности объясненій на предварительномъ и судебномъ слѣдствіяхъ, и 4) что подсудимые, признанные виновными въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ и подлежащіе, по закону, строгому уголовному наказанію, въ виду вышеуказаннаго долговременнаго одиночнаго заключенія, коимъ они отчасти искупили вину свою, заслуживаютъ также монаршаго къ нимъ снисхожденія. По симъ основаніямъ, уменьшивъ строгость наказанія тѣмъ изъ виновныхъ, относительно коихъ сіе зависитъ отъ власти суда, правительствующій сенатъ, руководствуясь 775-й ст. уст. угол. судопр., признаетъ справедливымъ повергнуть на монаршее милосердіе участь другихъ, относительно коихъ предназначаемое смягченіе выходитъ изъ предѣловъ власти суда. По всѣмъ симъ соображеніямъ и, не усматривая основанія къ облегченію наказанія тому подсудимому, который вину свою по главному предмету обвиненія въ настоящемъ дѣлѣ отягчилъ покушеніемъ на смертоубійство, правительствующій сенатъ, въ особомъ присутствіи, опредѣляетъ: 1) солдатскаго сына Ипполита Никитина Мышкина, 30-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ, съ послѣдствіями, въ 25-й ст. улож. о наказ. опредѣленными; 2) дворянъ Феликса Вадимова Волховскаго, 32-хъ лѣтъ, Сергѣя Александрова Жебунева, 28-ми лѣтъ, почетнаго гражданина Петра Ѳедорова Ларіонова, 25-ти лѣтъ, и дворянина Виктора Ѳедорова Костюрина, 24-хъ лѣтъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію: первыхъ трехъ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, а Костюрина—безъ сего лишенія; 3) дворянина Николая Иванова Эндаурова, 39-ти лѣтъ, считать отрѣшеннымъ отъ должности по суду и взыскать съ него вдвое казенные проценты съ той суммы денегъ, которая была у него на рукахъ и не была своевременно записана на приходъ, а именно проценты въ количествѣ тридцати пяти рублей пятидесяти копеекъ; 4) участь нижепоименованныхъ подсудимыхъ, во вниманіе къ указаннымъ выше обстоятельствамъ, повергнуть на монаршее милосердіе съ ходатайствомъ о смягченіи слѣдующаго имъ по закону наказанія и съ представленіемъ: не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству всемилостивѣйше повелѣть: а) мѣщанина Порфирія Иванова Войнаральскаго, 33-хъ лѣтъ, дворянъ Сергѣя Филиппова Ковалика, 31-го года, и Дмитрія Михайлова Рогачева, 26-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; б) лишеннаго уже всѣхъ правъ состоянія Митрофана Данилова Муравскаго, 40-ка лѣтъ, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; в) дворянина Сергѣя Силова Синегуба, 26-ти лѣтъ, и сына священника Василія Аполлонова Стаховскаго, 26-ти лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ мѣстахъ Сибири, не столь отдаленныхъ; г) мѣщанина Моисея Абрамова Рабиновича, 20-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особен-

ныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ Иркутскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ назначеннаго ему мѣста жительства въ продолженіе двухъ лѣтъ и выѣзда потомъ въ другія губерніи или области Сибири въ теченіе восьми лѣтъ; д) дворянъ: Ивана Иванова Добровольскаго, 27-ми лѣтъ, Тимоѳея Александрова Квятковскаго, 25-ти лѣтъ, Виктора Александрова Осташкина, 23-хъ лѣтъ, Николая Аполлонова Чарушина, 25-ти лѣтъ, Леонида Эммануилова Шишко, 25-ти лѣтъ, Петра Маркелова Макаревича, 25-ти лѣтъ, дворянокъ: Елену Иванову Аверкіеву, 27-ми лѣтъ, и Екатерину Константинову Брешковскую, 33-хъ лѣтъ, сыновей священниковъ: Александра Иванова Ливанова, 27-ми лѣтъ, и Наѳанаила Іонова Скворцова, 26-ти лѣтъ, сына коллежскаго совѣтника Ивана Николаева Чернявскаго, 27-ми лѣтъ, сына купца Соломона Лейзерова Чудновскаго, 27-ми лѣтъ, мѣщанина Сергѣя Антонова Стопане, 21-го года, крестьянъ: Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, Дмитровской волости, села Стружина, Степана Петрова Зарубаева, 30-ти лѣтъ, Московской губерніи, Дмитровскаго уѣзда, Морозовской волости, деревни Шелковой, Ивана Осипова Союзова, 29-ти лѣтъ, и Самарской губерніи и уѣзда, Алексѣевской волости, деревни Федоровки, Никифора Иванова Емельянова, 25-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житіе въ Тобольскую губернію; е) дворянина Михаила Васильева Купріянова. 24-хъ лѣтъ, дворянку Ефрузину Викентьеву Супинскую, 24-хъ лѣтъ, дворянку Софью Александрову Лешернъ - фонъ-Герцфельдъ, 37-ми лѣтъ, оберъ-офицерскаго сына Владиміра Яковлева Мейера, 26-ти лѣтъ, сына купца Михаила Петрова Сажина, 29-ти лѣтъ, и крестьянина Вологодской губерніи, Кадниковскаго уѣзда, Зуковской волости, деревни Мышино, Ѳеофана Никандрова Лермонтова, 29-ти лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; ж) приговоренныхъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената, по обвиненію въ государственныхъ преступленіяхъ, по другимъ дѣламъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь: австрійскаго подданнаго Александра Осипова Лукашевича, 22-хъ лѣтъ, и дочь майора Софью Андреевну Иванову, 21-го года, взамѣнъ означеннаго наказанія, слѣдующаго имъ по совокупности обвиненій, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и сослать на житье Лукашевича—въ Тобольскую, а Иванову—въ означенныя губерніи, кромѣ сибирскихъ; з) вмѣнить взамѣнъ въ наказаніе предварительный арестъ слѣдующимъ подсудимымъ: Давиду Аитову, Николаю Аносову, Соломону Аранзону, Александру Артамонову, Николаю Баркову. Ивану Блавдзевичу, Клеопатрѣ Блавдзевичъ, Гавріилу Божко-Божинскому. Варварѣ Ваховской, Сергѣю Виноградову, Ивану Гауэнштейну, Михаилу Гвоздеву, Николаю Глушкову, Аркадію Головину, Сергѣю Голоушеву, Юрію Говорухѣ-Отроку, Льву Городецкому, Михаилу Грачевскому, Михаилу Гриценкову, Виктору Данилову, Ивану Доброву. Алексѣю Дробышъ-Дробышевскому, Елизаветѣ Ермолаевой, Алексѣю Знаменскому, Эдуарду Каменьскому, Михаилу Кацу, Іосифу Кириллову, Ивану Козачку, Александрѣ Корниловой, Аннѣ Кувшинской, Татьянѣ Лебедевой, Петру

Ломоносову, Всеволоду Лопатину, Оедору Любавскому, Николаю Махаеву, Ивану Медвѣдеву, Кириаку Милоглазкину, Степану Мокіевскому-Зубку, Николаю Морозову, Николаю Никифорову, Михаилу Орлову, Владиміру Осипову, Исаакѣ Павловскому, Иннокентію Пьянкову, Николаю Саблину, Дмитрію Соколову, Михаилу Спѣсивцеву, Софьѣ Субботиной, Глѣбу Терновскому, Льву Тихомірову, Ивану Трезвинскому, Анатолію Фаресову, Ольгѣ Фетисовой, Василію Фишеру, Андрею Франжоли, Григорію Щеглову, Владиміру Щепкину, Леониду Щеголеву, Мовшѣ Эдельштейну, Надеждѣ Юргенсонъ и Александру Ярцеву; и) подсудимыхъ: дворянина Александра Васильева Низовкина, 27-ми лѣтъ, и почетнаго гражданина Николая Елисѣева Гориновича, 22-хъ лѣтъ, во вниманіе къ ихъ полному, съ раскаяніемъ, чистосердечному сознанію и указанію на многихъ изъ сообщниковъ въ настоящемъ дѣлѣ, а въ отношеніи Гориновича и въ силу того обстоятельства, что онъ за это именно раскаяніе и указаніе подвергся жестокому истязанію отъ руки злоумышленниковъ, отъ всякаго наказанія освободить; 5) оправдать нижепоименованныхъ подсудимыхъ: Павла Александрова, Алексѣя Александровскаго, Олимпіаду Алексѣеву, Анну Андрееву, Ивана Ареопагитскаго, Василія Бенецкаго, Николая Биткина, Романа Бодяжина, Дмитрія Бородулина, Николая Введенскаго, Марію Веревочкину, Александра Виддинова, Надежду Войнаральскую, Александра Волькенштейна, Петра Воскресенскаго, Марію Гейшторъ, Ивана Глушкова, Леонида Голикова, Вѣру Городецкую, Николая Граціанова, Степана Дегтерева, Леонида Дическуло, Михаила Духовскаго, Егора Емельянова, Владиміра Жебунева, Андрея Желябова, Ольгу Жилинскую, Евгенію Завадскую, Ларису Зарудневу, Александра Кадьяна, Павла Князевскаго, Алексѣя Комова, Семена Корабельникова, Петра Курдюмова, Егора Лазарева, Вильгельма Ланганса, Арсенія Леонтьева, Николая Литошенко, Николая Личадѣева, Павла Максимова, Александра Малиновскаго, Мина Милоголовкина, Петра Неволина, Михаила Нефедова, Марфу Никитину, Ивана Никольскаго, Александру Сидорацкую, Евгенія Овчинникова, Павла Орлова, Александра Палимпсестова, Вѣру Панютину, Софью Перовскую, Николая Петропавловскаго, Идалію Польгеймъ, Александра Пономарева, Николая Попова, Марію Потоцкую, Аполлона Прозоровскаго Гавріила Прокопьева, Эйдели Пумпянскую, Павла Покровскаго, Андрея Пыпина, Вѣру Рогачеву, Леонида Румянцева, Ольгу Сахарову, Федора Семенова, Владиміра Серебровскаго, Михаила Серебрякова, Михаила Соловцовскаго, Тимооея Соловьева, Григорія Софинскаго, Ивана Спѣсивцева, Евгенію Судзиловскую, Дмитрія Сѣрышева, Николая Теплова, Леонида Траубенберга, Павла Троицкаго, Анну Тушинскую, Владиміра Усачева, Дмитрія Федоровича, Ѳедора Фетисова, Василія Филадельфова, Ѳедора Фомина, Анатолія Чарыкова, Марію Шавердову, Вѣру Шатилову, Ольгу Шевыреву, Феликса Юркевича, Анну Якимову и Александра Янова; б) настоящій приговоръ, прежде исполненія въ отношеніи подсудимыхъ, дворянъ Волховского и Жебунева, на основаніи 945-й ст. уст. угол. суд., представить чрезъ министра юстиціи на высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе; 7) возмѣщеніе судебныхъ по настоящему дѣлу издержекъ, по приведеніи ихъ въ надлежащую извѣстность, на основаніи 990-й, 991-й, 992-й и 993-й ст. уст. угол. суд., обратить на главныхъ виновныхъ, а

именно: на тѣхъ, кои признаны виновными въ составленіи сообщества и во вступленіи въ оное съ круговою ихъ другъ за друга отвѣтственностью; въ случаѣ же несостоятельности, принять, согласно 999-й ст. того же устава, на счетъ казны и 8) съ вещественными доказательствами по сему дѣлу поступить на основаніи 777-й ст. уст. угол. суд. — Подлинный за подписаніемъ гг. сенаторовъ и сословныхъ представителей и скрѣпою оберъ-секретаря.

Этотъ приговоръ былъ утвержденъ, но, какъ говорятъ, по настоянію шефа жандармовъ Мезенцова, ходатайство суда о смягченіи подсудимымъ наказаній императоромъ Александромъ II было отвергнуто! Благодаря этому, въ каторгу пошли многія лица, карать которыхъ этимъ наказаніемъ не желалъ и самъ судъ. Сверхъ того, изъ 90 лицъ, оправданныхъ судомъ, около 80 было вслѣдъ затѣмъ сосланы административнымъ порядкомъ въ разныя мѣста Россіи.

Процессъ 193-хъ имѣлъ въ исторіи русскаго революціоннаго движенія огромное значеніе. Долговременное заключеніе обвинявшихся по этому процессу до суда, жестокій приговоръ, отклоненіе царемъ ходатайства суда о смягченіи приговора, а затѣмъ административная расправа съ лицами, оправданными по суду, заставило многихъ и многихъ изъ революціонеровъ того времени взглянуть болѣе реалистически, чѣмъ прежде, на значеніе политической свободы и самой по себѣ, и какъ необходимой предпосылки для борьбы за соціалистическіе идеалы. Многіе, получившіе вскорѣ громкую извѣстность, революціонеры-народовольцы (Желябовъ, Перовская, Якимова, Грачевскій, Саблинъ и др.) были участниками процесса 193-хъ. Всего годъ съ небольшимъ отдѣлялъ моментъ выхода ихъ изъ тюрьмы отъ знаменитаго липецкаго съѣзда 1879 года и возникновенія партіи „Народной Воли“.

Тотъ же процессъ 193-хъ показалъ міру лицъ, отличавшихся великою моральною силою. Вскорѣ послѣ окончанія процесса въ заграничномъ журналѣ „Община“ (№ 6—7) появилось слѣдующее „завѣщаніе осужденныхъ по процессу 193-хъ“:

Въ редакцію „Общины“.

„Прилагаемое наше заявленіе должно быть напечатано непремѣнно (курсивъ подлинника). Органъ партіи, къ которой мы принадлежимъ, не можетъ отказать намъ въ этомъ, какъ членамъ партіи. Срокъ (время) появленія въ печати заявленія отдается на волю редакціи, но мы обязываемъ ее руководиться при этомъ исключительно (курсивъ подлинника) политическими мотивами, интересами партіи, а не соображеніями объ участи того или иного изъ насъ.

Ф. Волховской. В. Костюринъ. А. Лукашевичъ. М. Муравскій. Т. Квятковскій. С. Чудновскій. Д. Рогачевъ. А. Ливановъ. И. Чарушинъ. Ковальскій и Союзовъ. М. Саусинъ. Л. Шишко. В. Стаховскій. П. Макаревичъ. Зарубаевъ. Ф. Лермонтовъ. С. Жебуневъ. В. Стопане.

Товарищи по убѣжденіямъ!

Процессъ русской народно-революціонной (соціально-революціонной) партіи официально законченъ: такъ называемый „приговоръ въ окончательной формѣ“ подписанъ, и официальной власти остается только отправить насъ,— осужденныхъ на каторгу и въ ссылку, — по назначенію. Уходя съ поля битвы плѣнными, но честно исполнившими свой долгъ, по крайнему нашему разумѣнію, уходя, быть можетъ, навсегда, подобно Купріянову [1]), мы считаемъ нашимъ правомъ и нашею обязанностію обратиться къ вамъ, товарищи, съ нѣсколькими словами. Не придавая себѣ значенія болѣе того, какое мы имѣемъ, мы будемъ говорить лишь въ предѣлахъ той роли, какая наложена на насъ извнѣ. Официальная власть нашла для себя полезнымъ сдѣлать насъ наглядным примѣромъ устрашенія для людей одинаковаго съ нами направленія и,—путемъ лицемѣрнаго различія въ „мѣрѣ наказанія“,—быть можетъ, средствомъ развращенія людей слабыхъ, готовыхъ руководиться въ своемъ поведеніи не однимъ голосомъ совѣсти, но и соображеніями о личномъ благополучіи. Въ силу этой невольной роли мы чувствуемъ себя обязанными заявить, что никакія „кары“ и „снисхожденія“ не въ состояніи измѣнить ни на іоту нашей приверженности къ русской народно-революціонной партіи. Мы по прежнему остаемся врагами дѣйствующей въ Россіи системы, составляющей несчастье и позоръ нашей родины, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи она эксплуатируетъ трудовое начало въ пользу хищнаго тунеядства и разврата, а въ политическомъ—отдаетъ трудъ, имущество, свободу, жизнь и честь каждаго гражданина на произволъ „личнаго усмотрѣнія“. Мы завѣщаемъ нашимъ товарищамъ по убѣжденіямъ идти съ прежней энергіей и удвоенною бодростью къ той святой цѣли, изъ-за которой мы подверглись преслѣдованіямъ и ради которой готовы бороться и страдать до послѣдняго вздоха.

Н. В. — Это заявленіе посылается нами за подлинными нашими подписями въ редакцію „Общины“ съ просьбой опубликовать его; оригиналъ же сохранить, какъ доказательство вѣрности и подлинности документа.

Петропавловская крѣпость.
25 мая 1878 года.

Войнаральскій.—Ф. Волховской.—С. Жебуневъ, Зарубаевъ. — Т. Квятковскій — Коваликъ. — В. Костюринъ.— В. Ливановъ.—Ф. Лермонтовъ.—А. Лукашевичъ. — Макаревичъ Петръ. — М. Муравскій. — В. Осташкинъ. — Д. Рогачевъ. — М. Сажинъ. — Синегубъ Сергѣй. — И. Союзовъ. — В. Стаховскій.—Сергѣй Степане.—Н. Чарушинъ.—И. Чернявскій.—С. Чудновскій.—Л. Шишко. — Е. Брешковская.[2])

---

[1]) Купріянъ умеръ въ 1877 году въ Петропавловской крѣпости.

[2]) Относительно Брешковской въ примѣчаніи сказано: „прибавлено по личной просьбѣ за невозможностью доставить ей лично. Сергѣй Кравчинскій“.

Ред. Сборн.

Въ 1877 году въ сенатѣ разбиралось еще нѣсколько политическихъ дѣлъ: Бредихина (оправданъ), Лебедева (приговоренъ къ тюремному заключенію), Калашникова (оправданъ), Іонова и Павлова (первый приговоренъ въ каторжныя работы, второй — на поселеніе) и Быдарина (приговоренъ въ каторжныя работы), но отчетовъ объ этихъ процессахъ нигдѣ не было [1]).

---

[1]) Просимъ доставить намъ отчеты объ этихъ процессахъ.

Ред. Сбор.